

1123

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

РУССКОГО БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ГРАНАТ.

У 555
3

СЕДЬМОЕ ИЗДАНИЕ

ДО 33-ГО ТОМА ПОД РЕДАКЦИЕЙ

проф. Ю. С. Гамбарова, проф. В. Я. Железнова, проф. М. М. Ковалевского, проф. С. А. Муромцева и проф. Н. А. Тимирязева.

Том сорок шестой.

Четырехлетняя война и ее эпоха.

Lexicographis secundus post Herculem labor.
(Скализгер).

Отпечатано в тип. Госиздата
„Красный пролетарий“,
Москва, Пименовская, 16,
в количестве 2.800 экз.
Главлит № 87753

2007044821

Статьи, помещенные в XLVI томе.

Столб.

I. Общий обзор сухопутных операций—проф. А. А. Свечина	1
<i>Содержание статьи:</i>	
1914 год. Западный фронт	15
" Русский фронт	31
1915 год	55
1916 год	81
1917 год	108
1918 год	122
II. Развитие тактики в мировой войне—проф. А. И. Верховского	142
III. Техника в мировой войне—проф. Е. К. Смысловского	160
IV. Роль крепостей в связи с операциями полевых армий—проф. Н. И. Величко	208
<i>Содержание статьи:</i>	
1. Состояние крепостей ко времени начала войны:	
а) Сухопутные театры войны	208
б) Морские военные порты и побережья	231
2. Роль крепостей:	
а) Западный фронт:	
Бельгийские крепости	235
Крепости Франции	250
б) Восточный фронт:	
Крепости Австрии	262
Крепости России	267
V. Борьба на морях—проф. Б. И. Долво-Добровольского	280
VI. Воздушный флот—С. Н. Покровского	305
<i>Содержание статьи:</i>	
1. Тактика. Обслуживание армии	308
Борьба с земным противником	314
Борьба с воздушным противником	318
Воздушный флот в морской войне	322
2. Техника	323
3. Организация	329
VII. Реорганизация армий и современное их устройство (к началу 1924 г.)—проф. Е. И. Мартынова	335
<i>Содержание статьи:</i>	
Французская армия	338
Английская армия	350
Итальянская армия	358
Армия Северо-Америк. Соединенных Штатов	365
Японская армия	370
Германская армия	373
Красная армия	375
VIII. Химическая война—проф. Е. К. Смысловского	383
IX. Финансирование войны—проф. А. А. Мануилова	409
<i>Содержание статьи:</i>	
Источники финансирования войны	412
Англия	416
Франция	428
Германия	436
Соединенные Штаты	451
X. Рабочее движение во время войны—проф. В. Я. Яроцкого	456
<i>Содержание статьи:</i>	
Отношение к войне: политический и экономический сдвиг	456
Эпоха социального „перемирия“	474
Новое обострение классовой борьбы	508
XI. Аграрный вопрос на Западе в эпоху войны—проф. Л. Н. Литошенко	531
<i>Содержание статьи:</i>	
Сельское хозяйство накануне войны	531
Сельское хозяйство в эпоху войны и в послевоенный период	538
Аграрный вопрос накануне войны	551
Аграрное законодательство послевоенного периода	556
Результаты аграрного законодательства	592
Приложение: Военные деятели эпохи мировой войны—проф. Е. И. Мартынова	383

ЧЕТЫРЕХЛЕТНЯЯ ВОЙНА 1914 — 1918 г. и ЕЕ ЭПОХА.

ЧЕТЫРЕХЛЕТНЯЯ ВОЙНА 1914 — 1918 г. I. ОБЩИЙ ОБЗОР СУХОПУТНЫХ ОПЕРАЦИЙ.

1. Объявление войны. 28-го июля Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Русское правительство уже в день предъявления Сербии ультиматума объявило, что австро-сербское столкновение глубоко затрагивает русские интересы и не может оставить Россию равнодушной. Мобилизация австрийской армии, оначала частичная, вызвала 29-го июля у нас мобилизацию Киевского, Одесского, Московского и Казанского военных округов. 30-го июля был подписан указ об общей мобилизации, первым днем которой явилось 31 июля. Одновременно Германия была объявлена в «состоянии, находящемся под угрозой войны»; 1 августа общая мобилизация была объявлена в Германии и Франции. 2 августа Германия объявила войну России, 3 августа — Франции; 4-го августа Англия предъявила Германии ультимативное требование — уважать нейтралитет Бельгии, но германские войска успели уже перейти границу Бельгии, и 5 августа последовало объявление войны Англией и Бельгией Германии. Хронологические даты дальнейших объявлений войны: **1914 г.** 6 августа — Австро-Венгрия — России, Сербия — Германии; 7 августа — Черногория — Австро-Венгрии; 11 августа — Франция — Австро-Венгрии; 12 августа — Англия — Австро-Венгрии; 23 августа — Япония — Германии; 25 августа — Австро-Венгрия — Японии; 27 августа — Австро-Венгрия — Бельгии; 28 сентября — Турция закрыла Дарданеллы; 5 октября — Англия объявила войну Турции; в конце октября «Гебен» и «Бреслау»

под турецким флагом обстреляли русские берега, что явилось фактическим началом военных действий; 5 ноября — Франция объявила войну Турции, а 14 ноября в Турции была провозглашена «священная война».

1915 г. 4 мая Италия объявила о своем выходе из Тройственного союза, а 23 мая объявила войну Австро-Венгрии; 21 августа Италия объявила войну Турции; 14 октября Болгария объявила войну Сербии; а в течение следующих 6-ти дней Англия, Франция, Италия и Россия объявили войну Болгарии.

1916 г. 16 января Черногория — первое из государств, участвовавших в войне, капитулировало; 9 марта Германия объявила войну Португалии; 26 августа Италия объявляет войну Германии; 27 августа Румыния объявляет войну Австро-Венгрии; 28 августа Германия объявляет войну Румынии; 31 августа Турция объявляет войну Румынии; 1 сентября — Болгария — Румынии.

1917 г. Последовавшее 31 января объявление Германией неограниченной подводной войны вызвало 3 февраля переерыв Соединенными Штатами дипломатических сношений с Германией и объявление ей войны: Соединенными Штатами — 5 апреля, 11 апреля — Бразилией, 14 апреля — Боливией, 5 июня — Сан-Доминго, а 7 июня Гаити прервали сношения с Германией; 14 августа Китай объявил войну Германии; 7 декабря — Соединенные Штаты объявили войну Австро-Венгрии.

1918 г. 3 марта Россия подписала мирный договор в Брест-Литовске; 4 июля Румыния подписала мир в Бухаресте; 26 сентября Болгария обратилась с просьбой о перемирии; 31 октя-

бры капитулировала Турция; 3 ноября Австро-Венгрия заключила перемирие; 7 ноября—начало переговоров Антанты с Германней о перемирии.

2. Предшествовавшие вооружения. Мировая война являлась неизбежной. Боснийский кризис 1909 г., Мароккский кризис 1911 г., Балканский — 1912 г. являлись этапами приближения к мировой войне. Если с создавшимся в 1914 г. кризисом европейской дипломатии справиться не удалось, то в значительной степени это объясняется тем, что после неудач России в войне с Японией в 1904—5 г.г. и последовавшего революционного движения политическая и военная сила России начала в Германии и особенно в Австро-Венгрии недооцениваться; уступки со стороны России Австрии в Боснийском вопросе давали основание австро-венгерским дипломатам, искавшим скорейшей развязки, рассчитывать, что в 1914 г. Россия в последнюю минуту отступит, принеся в жертву Сербию.

Такая низкая оценка боееспособности русской армии к моменту мировой войны была глубоко ошибочна. Благодаря обширным кредитам, полученным военным ведомством, не только были восстановлены все неприкосновенные запасы, израсходованные во время русско-японской войны, но нормы их были значительно расширены—в отношении снарядов в три раза. Выполнение спешных заказов по военному снабжению значительно развило русскую военную промышленность. В мобилизационном отношении были также сделаны большие успехи—кадры усилены, производство учебных и поверочных сборов позволило проконтролировать технику мобилизационного аппарата, железные дороги были вполне подготовлены к предстоявшей им ответственной задаче. Можно утверждать, что, благодаря всестороннему исчислению русской военной системы в русско-японскую войну, в отношении снабжения и организации русской армия к моменту мировой войны повысила свою боееспособность за последние 10 лет, по крайней мере, на 300%. Не меньший прогресс надо отметить и в отношении тактической подготовки войск и в повышении квалификации среднего и

низшего командного состава. Наша артиллерия сохранила неудовлетворительную организацию в 8-ми орудийных батареях, тяжела артиллерия находилась еще в процессе создания; однако в техническом отношении наши батареи ушли далеко вперед от того жалкого уровня, на котором находились в русско-японскую войну, и смело могли выдержать состязание с лучшей в мире артиллерией.

Сознание наступающего кризиса вызвало общее стремление к усилению вооружений. Осенью 1912 г., по инициативе начальника оперативного отделения большого генерального штаба, полковника Людендорфа, был внесен законопроект об усилении германской армии. Однако начальник генерального штаба, Мольтке, исключил из него требования сформирования заново трех новых армейских корпусов, и закон, принятый 2 июля 1913 г., увеличивал мирный состав армии лишь на 29 тыс. человек, создавая два новых армейских корпуса, преимущественно из излишествовавших против нормальной организации частей других корпусов. Центр тяжести этого «миллиардного закона» лежал в усилении мобилизационных запасов германской армии. Общее внимание привлекала форма покрытия этого чрезвычайного расхода—не посредством займа, а посредством единовременного преимущественного налога, распространявшегося исключительно на состоятельные классы и достигавшего половины годового дохода. На такие жертвы господствующие классы Германии могли идти только под непосредственной угрозой войны.

Ответом на германские вооружения явился французский закон 7 августа 1913 г., который вводил во Франции трехлетний срок действительной военной службы вместо двухлетнего. Переход был выполнен в форме призыва на военную службу осенью 1913 г. не одного контингента новобранцев, а двух—21-летних и 20-летних сразу, и, таким образом, был связан с понижением призывного возраста на 1 год. Вместо нормальных 250 тыс. новобранцев французская армия получила в 1913 г. 450 тыс. новобранцев, и, таким образом, кадры к 1914 г. значительно

усилились. Несомненно, такое военное напряжение могло продолжаться во Франции самое короткое время, и принятие этого закона являлось предтечей грозных событий.

Русская армия сосредоточила в период, последовавший за русско-японской войной, все свое внимание на повышении качества, сохраняя прежнюю численность — около 1.225 тыс. человек. Но к осени 1913 г. была разработана «большая» военная программа, призыв новобранцев был повышен на 30%. Впрочем, программа была рассчитана на несколько лет, в отличие от быстрых, краткосрочных мероприятий по усилению армии, вводимых во Франции и Германии, и могла существенно сказаться на усилении русской армии лишь в 1916 г.

3. Сила сторон. Мирный состав армий в 1914 году равнялся:

Германия	788.000.
Австро-Венгрия	410.000.
Турция	300.000.
	<hr/>
	1.498.000.
Россия	1.360.000 ¹⁾ .
Франция	735.000.
" чернок	76.000.
Англия	132.000.
Сербия	32.000.
Бельгия	43.000.
	<hr/>
	2.378.000.

Впрочем, по этому двойному превосходству мирного состава армий Соглашения опасно было бы сделать какие-либо выводы, так как сила армий заключается не только в ее кадрах, но и в подготовленных для мобилизации резервистах. С этой точки зрения более основательные данные мы получим, если будем сравнивать нормальные контингенты новобранцев, призываемые и подготовляемые ежегодно на военной службе:

Германия	350.000.
Австро-Венгрия	207.000.
Турция	70.000.
	<hr/>
	620.000.
Россия	435.000.
Франция	250.000.
Сербия	30.000.

1) В том числе 45 т. неспособных к строев. службе.

Англия	20.000.
Бельгия	30.000.
	<hr/>
	765.000.

Мобилизованные армии достигли в первые месяцы войны следующих размеров:

Германия	2.061.000.
Австро-Венгрия	1.250.000.
Турция	600.000.
	<hr/>
	3.911.000.
Россия	2.712.000.
Франция	1.856.000.
Сербия	350.000.
Англия	320.000.
Бельгия	151.000.

5.389.000.

При оценке выставленных с обеих сторон масс надо иметь в виду, что русские азиатские корпуса могли собраться полностью только через два месяца войны; Германия в течение этого срока смогла сформировать заново 5 армейских корпусов и сплотить многочисленные лавдерные части. Кроме того, в связи с особенностями русской жизни и менее экономным отношением к человеческому материалу, процент нестроевых в русской армии был значительно выше, и для сопоставления верных цифр бойцов численность русских войск подлежит сокращению, по крайней мере, на 30%. Надо также не терять из виду и превосходство германских войск, как в отношении подготовки высшего командного состава и обучения войск, так и по силе артиллерии. Тогда как в России на 32 бтл., входивших в состав армейского корпуса, приходилось только 96 пол. пушек и 8 гаубиц, в Германии на 24 бтл. имелось 108 пол. пуш., 36 легких и 16 тяж. гаубиц; таким образом, русский батальон был обеспечен огнем 3 настильных и 0,25 навесного орудия, а германский — 4,5 настильных и 2,17 навесных орудий. Полуторное превосходство в настильном огне и почти девятикратное в навесном не только позволяло германской пехоте гораздо легче разрешать боевые, особенно наступательные, задачи, но существенно влияло на несравненно более экономное расходование кадров пехоты; русская пехота, оплачивая лишними

жертвами боевую работу против превосходной артиллерии, должна была несравненно скорее раствориться в массе пополнений, приобрести миллионный характер, чем германская, и превосходство последней, заметное и в начале войны, должно было вскоре приобрести подчеркнутый характер. Отношения русской пехоты к австрийской, вследствие значительного превосходства русской артиллерии, складывались в обратном отношении, и австрийская пехота, неуступавшая русской в первых боях, вскоре, вследствие громадных потерь австрийцев, значительно разложилась и потеряла боеспособность. Французы не уступали германцам в количестве легкой артиллерии, но имели в 5 раз слабейшую тяжелую артиллерию, и потому в начале войны могли успешно разрешать только оборонительные задачи.

4. Военная конвенция. Австро-Венгрия и Германия, связанные тесным политическим союзом, не были связаны, однако, военной конвенцией. Прусский и австрийский генеральные штабы избегали связывать себя какими-либо военными обязательствами. Австрийцам германцы обещали, в неопределенных выражениях, помощь против русских: в случае вторжения австрийцев в русскую Польшу, переход в наступление из пределов Восточной Пруссии на р. Нарев; но германцы стремились сохранить свободу для направления подавляющей массы своих войск против Франции. Австро-Венгрия имела свои цели войны — прежде всего разгром Сербии — и стремилась не связывать себе руки военной конвенцией, чтобы иметь возможность с самого начала войны двинуть 40% своих войск против сербов, в расчете на медленность русской мобилизации и сосредоточения и на возможность в несколько дней нанести решительный удар Сербии и своевременно перебросить освободившиеся части в Галицию. Кроме того, австро-венгерское командование очень ревниво относилось к охранению своей полной самостоятельности, а чем теснее было бы военное соглашение с Германией, тем более оно являлось бы подчинением австро-венгерского верховного командования

германскому. Таким образом, до осени 1916 г., когда австро-венгерская армия почти совершенно утратила боеспособность, перед Союзником не было объединенного противника, а были отдельные вооруженные силы Германии и Австро-Венгрии, не объединенные командованием, преследующие каждая свои цели, иногда согласующие свои операции друг с другом, а иногда и преподносящие их союзнику, как сюприз (весна 1916 г. — атака Вердена германцами и наступление австрийцев из Тироля).

Франция и Россия, разделенные расстоянием, до войны совершенно не испытывали той угрозы, которую могло бы вызвать для самостоятельности командования более тесное военное соглашение, установленное между этими странами. Военная конвенция имела тем большее значение, что она была установлена за 7 лет до установления формального франко-русского союза. Военная конвенция представляла для России то значение, что она открывала широкую возможность размещения на французском рынке русских государственных займов для обеспечения планомерной подготовки к войне, главным образом, для усиления русской железнодорожной сети с целью ускорения русского развертывания на германской границе. Франция же видела в военной конвенции обеспечение перехода русскими войсками германской границы до момента решительного кризиса на французском фронте. Франция была обязана выставить против Германии от 1.200.000 до 1.300.000 в течение 14 дней (в 1913 г. количество французских войск было обещано довести до 1.500.000). Россия брала на себя обязательство выставить против Германии от 700 до 800 тыс. в течение 28 дней. Французам были заинтересованы не в дальнейшем увеличении русского контингента, а в ускорении перехода русских в наступление. В соответствии с ожидаемым началом генерального сражения на французской границе к 14 дню мобилизации и с наступлением решительного момента не позже 18 дня мобилизации, французам были чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы наступление русских в пределы Восточной Пруссии началось не дожде

15 для мобилизации. Россия в 1911 г. взяла на себя обязательство перейти границу не позже 20 дня мобилизации, а в 1913 году—закончить сосредоточение, в существенных чертах, на 15-й день мобилизации, и на 16-й день перейти в наступление. Принимая, однако, во внимание, что фронт развертывания русских армий отстоял от германской границы в 3—4 переходах, действительного выигрыша здесь не было, дело ограничивалось скорее игрой слов. В конце 1914 г., с введением в действие нового мобилизационного расписания, мы получили бы действительный выигрыш в сосредоточении в два дня. В общем, надо признать, что Франция достигла цели, которую она ставила, заключая военную конвенцию и открывая России кредиты: 1 августа было первым днем германской мобилизации, а 17 августа армия Рейненкампа перешла с боем у Сталпене на границу, 19—20 августа вступила в большое сражение у Гумбинена; в этот момент и армия Самсонова уже вторглась с юга в Восточную Пруссию. Таким образом, русское наступление последовало до начала большого пограничного сражения на западном фронте (20—27 августа) и вызвало переброску двух корпусов и 1 кав. дивизии на усиление германской армии на русском фронте, присутствие которых безусловно бы позволило немцам преодолеть кризис в сражении на Марне (5—9 сентября).

Но нельзя не отметить, что русское верховное командование, пропитанное духом военной конвенции, во всех случаях выдвигало на первый план интересы коалиции, а не интересы России и русской армии. Этим оно позволило, в окончательном счете, англо-французам разгромить Германию, но вызвало крушение русской армии, что вызвало кризис, упрощавший катастрофой и для Франции. С переносом главных усилий германцев на русский фронт (в 1915 г.) русское верховное командование постепенно утрачивает свою самостоятельность, и русская армия постепенно оказывается в подчиненном положении по отношению к западным союзникам.

Пораздо туманнее было военное соглашение, связывавшее Францию с

Англией. Коваретную форму оно приняло только в отношении согласования морских сил. В виду усиления германского флота, английское адмиралтейство вынуждено было сосредоточить свои силы в Северном море. В помощи французского флота для действий против германских эскадр англичане не нуждались, а отсутствие французской эскадры на берегах Атлантического океана упрощало задачи англичан. Поэтому Франция обязалась сосредоточить все свои морские силы в Средиземном море, а Англия гарантировала Франции защиту ее берегов и морской торговли в Атлантическом океане. В ноябре 1912 г. между сэром Эдуардом Греем и французским послом Полем Камбоном состоялся обмен письмом, имевший характер морального обязательства Англия поддержать Францию в случае войны с Германией. В апреле 1914 г., во время посещения Парижа английским королем в сопровождении Эдуарда Грея, вопрос о формальном присоединении Англии к франко-русскому союзу, поднятый по почину Извольского, вылился в решение начать непосредственные переговоры между английским адмиралтейством и русским морским агентом в Англии о заключении между Англией и Россией также морской конвенции. Вопрос о формальном присоединении Англии к союзу, о переходе от «согласия» (Антанта) к союзу отклонялся английскими государственными людьми; в виду популярности в Англии политики свободных рук заключение союза усилило бы в Англии позицию сторонников мира и германофилов.

На основании существовавшей между Англией и Францией морской конвенции, 2 августа, в день предъявления германского ультиматума Франции, сэр Эдуард Грей вручил французскому послу в Лондоне ноту: «я уполномочен подтвердить, что, в случае вторжения немецкого флота или проявления им враждебных действий со стороны Северного моря, угрожающих сев. побережью Франции или ее судоходству, английский флот выступит на защиту против подобных нападений со всеми имеющимися в его распоряжении средствами».

5. Планы войны. Инициатива находи-

лась в руках Германии, которая занимала центральное положение и имела возможность сосредоточить центр тяжести своих усилий или на французском, или русском фронте, в зависимости от чего находились действия французов и русских.

Старый Мольтке не считал возможным покончить коротким ударом, наполеоновски, ни с Францией, ни с Россией и, в общем, комбинировал будущую войну в том же стиле, как Фридрих Великий — Семилетнюю: наступление германцев должно было преследовать не решительные, а ограниченные цели. Если перед гигантскими трудностями задачи решительного вторжения в Россию, с целью захвата ее жизненных центров, после катастрофы, постигшей французов в 1812 году, отступала полководческая мысль в течение всего XIX и XX века, то задача нанести серьезный удар, отрезать «Царство Польское» с находившимися в нем крепостями и войсками до окончания русского сосредоточения, представлялась чрезвычайно благодарной и легко осуществимой, при совместном наступлении германцев из Восточной Пруссии и австрийцев — из Галиции. На достижении этого серьезного и верного, хотя и ограниченного, успеха и базировался план Мольтке в промежутке между Берлинским конгрессом и заключением военной конвенции между Францией и Россией (1879—1893 г.).

Только половина германских сил должна была оставаться против Франции и, опираясь на сильную фортификационную подготовку в Лотарингии (Мец), Эльзасе (Страсбург) и на Рейне, задерживать французов.

Начальник прусского генерального штаба, граф Шлиффен (1891—1905 г.г.), через три года после своего вступления в должность в корне изменил план войны Германии. Он боялся затяжной войны и видел главный шанс победы Германии в том случае, если ей удастся сразу достигнуть решительного результата, по крайней мере, на одном из своих фронтов. Главным противником Германии Шлиффену рисовалась не Россия, а Франция с ее неутолимой жаждой реванша и лихора-

дочной погоней за усилением армии. Развитие промышленности Германии (Рурский и Саарский бассейны) также заставляло уделять западному фронту Германии доминирующее значение. Граф Шлиффен пришел к решению — собрать возможно большие силы в начале войны против Франции, нанести ей решительный удар, а против России ограничиться выделением ничтожного заслона, который после демонстративных действий должен отойти за Вислу. Восточную Пруссию граф Шлиффен приносил в жертву русскому вторжению даже в эпоху русско-японской войны и русской революции, когда силы русской армии были настолько ослаблены, что задачи обороны Восточной Пруссии были легко разрешимы весьма скромными силами.

На французском фронте мысль Шлиффена сосредоточилась на обходе через Бельгию линии французских крепостей, возведенных на Эльзас-Лотарингской границе. Примерно до 1901 года граф Шлиффен ограничивал обходное движение через Бельгию районом Бельгийского Люксембурга; правый фланг немецких армий должен был проследовать только через небольшую выступ бельгийской территории между Люксембургом и Францией в общем направлении на Седан. Этот план был хорошо известен в Бельгии и Франции, и в соответствии с ним было сообразно стратегическое развертывание их армий. Между тем, граф Шлиффен, углубляя свою мысль, пришел к сознанию, что такой обход будет недостаточно глубокий и связан с опасностью, что неприятель с фронта Мобеж-Шарлеруа-Намюр-Льеж ударит во фланг и тыл обходящих немецких армий. Поэтому уже свыше чем за 10 лет до начала мировой войны германский генеральный штаб принял твердое решение — расширить район своего обходного движения на 175 километров к западу, направляя правый фланг уже не на Седан, а на Лилль. Почти все германские силы должны были двинуться в Бельгию. Мец являлся почти левым флангом германского развертывания. Против французской границы должна была оставаться только одна слабая армия. Этот окончательный план

Шлиффена, включавший в район германского обхода Брюссель и почти всю территорию Бельгии, уже, разумеется, существенно задевал интересы Бельгии, но, при известных меркантильных склонностях бельгийского короля Леопольда II, граф Шлиффен не терял надежды путем угроз, с одной стороны, и щедрых подачек, с другой—добиться того, что Бельгия ограничится платоническим протестом против нарушения ее нейтралитета и не окажет вооруженного сопротивления германским войскам.

План, который престарелый племянник великого Мольтке, Мольтке младший, проводил в жизнь в 1914 году, и к которому приложил свою руку Людендорф, отличался от плана графа Шлиффена своей половинчатостью. Шлиффен, становясь на точку зрения наполеоновской стратегии, все приносил в жертву для того, чтобы сосредоточить на обходящем правом фланге немцев решительный перевес сил. Чтобы сокрушить Францию одним ударом, в район обходящего движения немцев должен был попасть и Париж. Чтобы добиться этой грандиозной цели, нужно было отказаться от всех других задач. Уголь Саарского бассейна, богатые области Эльзаса и Лотарингии, территория Восточной Пруссии, имеющая столь важное значение для прокормления Германии во время войны,—все это было чрезвычайно важно с точки зрения стратегии измора, борьбы на выдержку, и все это было ничтожно, если бы удалось в 40 дней раздавить Францию и принудить ее к миру. Шлиффен отказывался от защиты этих интересов, а Мольтке младший и Людендорф стремились и осуществить план Шлиффена и уберечь каждую пядь германской земли от неприятельского вторжения. Они являлись в одно и то же время представителями идеи стратегии сокрушения и стратегии измора, несовместимых по самой природе своей; чтобы обеспечить Лотарингию от французского вторжения, в ней пришлось оставить три лишних корпуса, и два корпуса пришлось перебросить в Восточную Пруссию из числа вступивших уже в Бельгию войск. Правое крыло

немцев, от силы которого зависел весь успех наступления, было ослаблено на 5 корпусов. Наличие их, без сомнения, изменила бы ход мировой истории—есть основания предполагать, что мир мог быть заключен французами уже в сентябре 1914 года.

Французы сгруппировали почти все свои силы на тесном пространстве (145 километров) между бельгийской границей и Вогезами. Из 5 армий—4 находились в первой линии, а одна—в резерве за центром, между р. р. Маасом и Марной. Для действий в Эльзасе было предназначено правое крыло 1-ой армии, в составе 9 дивизий, которые, однако, вскоре растаяли, когда наступил кризис на Бельгийском и Лотарингском участках фронта. Развертывание французских армий с трудом может выдержать даже снисходительную критику. Фронт был очень тесен, особенно принимая во внимание нагромождение на нем с обеих сторон долговременных укреплений; резерв был расположен не за угрожаемым крылом, а в районе, откуда переброска его по различным направлениям представляла большие трудности. Очевидно, французы находились под влиянием представлений о протяжении фронта в бою и длительности боевых столкновений, отвечающих масштабу 1870 года, но решительно устаревших в XX веке, и имели в виду переход в наступление половиной своих сил на 80-километровом фронте между крепостями Мец и Вогезами. Последний маневр не обещал никакого успеха; оба фланга французского наступления подставлялись под удары немцев, и чем далее углублялась эта часть французских армий в Лотарингию, тем сомнительнее становилось их положение, и тем труднее было бы за их счет выделить поддержку на север против обходного движения немцев через Бельгию. Стратегическая мысль, легшая в основу французского развертывания, отстала от требований времени, по крайней мере, на полстолетия. Борьба с германским обходным движением через Бельгию намечалась посредством прорыва французского левого крыла в Люксембург, что грозило перерезать сообщения обходящих армий с Германией.

Основная задача, рисовавшаяся французскому командованию, заключалась в том, чтобы выдержать первый натиск главной массы германских войск, имея в виду, что в течение ближайших же недель должен был сказаться натиск русских войск на восточный фронт Германии, в связи с которым Германия должна была ослабить свои силы на французском театре переброской их на восток.

Перед Россией стратегическая обстановка ставила трудную проблему. Главную массу живой силы неприятеля на русском фронте образовывали австрийцы, и русский удар, чтобы не быть направленным впустую, должен был нацеливаться преимущественно на австрийский фронт. Но так как Германия, конечно, являлась менее восприимчивой к тяжелому поражению армий своего союзника, чем к вторжению русских войск непосредственно в ее пределы, то для разгрузки французского фронта, русские, согласно военной конвенции, обязаны были, одновременно с наступлением против Австрии, наступать и на германском фронте. В связи с возможностью направления главного удара Германии не на французский фронт, а на русский, план войны русского генерального штаба предусматривал два варианта: **Г**, в случае обнаружения сосредоточения крупных сил германцев в Восточной Пруссии, и **А**, когда главным врагом являлась Австрия. По плану **Г** против Германии направлялось 672 бтл, а против Австрии—552 бтл; по плану **А**—против Германии—480 бтл, против Австрии—744 бтл. Принят был к выполнению план **А**, так как нарушение нейтралитета Бельгии ясно обнаружило направление главных сил Германии на французский фронт.

1914 год. Западный фронт.

6. Участие в войне Бельгии. Бельгийскому правительству был известен первый вариант плана графа Шлиффена—обхода французского укрепленного фронта в общем направлении движения крайнего правого фланга немцев на Седан. Политика бельгийского правительства сводилась к тому, чтобы ограничиться дипломатическим протестом против нарушения нейтралитета

этого угла Валлонии. Во избежание каких-либо недоразумений, все бельгийские войска были расквартированы на левом берегу Мааса; один батальон, расположенный на правом берегу, должен был при первых осложнениях отойти к Намюру; на территории предполагаемого пути наступления германцев не должно было производиться формирования хотя бы слабых отрядов из состава пограничной и лесной стражи. Однако, в ультиматуме, предъявленном 2 августа, германское правительство давало понять Бельгии, что оно нуждается в более обширной полосе бельгийской территории для совершения своего обхода, так как предложено немцы избрали предполагаемое сосредоточение французов в районе Живе-Намюр. Бельгия ответила на этот ультиматум отказом, однако, надежда остаться в стороне от вихря войны не была еще окончательно утрачена в Бельгии. Французский посол немедленно предложил направить для защиты бельгийской территории 5 французских корпусов; это позволило бы очень солидно занять линию р. Мааса и защитить от вторжения важнейшую часть бельгийской территории, но, с другой стороны, определенно бросало Бельгию в лагерь Антанты и обращало ее территорию в главный театр вооруженной борьбы. Поэтому бельгийское правительство отказалось от французской помощи. Стремясь пропустить германцев мимо себя, не втягивая в бой бельгийские войска, Бельгия решила не разворачивать бельгийской армии на сильной и заблаговременно подготовленной позиции на р. Маас, а отвести сосредоточение армии назад, на полпути от Мааса к столице Бельгии—Брюсселю. Даже, когда 5 августа германцы с незначительными силами (6 немобилизованных бригад) предприняли атаку крепости Льежа, бельгийское правительство приказало 3-й дивизии, оборонявшей крепость, отступить. Это позволило ген. Людендорфу, во главе горсти войск, захватить 7 августа город Льеж; форты же крепости, в которых оставались гарнизонные части, были последовательно взяты немцами в течение следующих 10 дней.

14 августа немцы закончили развер-

тывание своих армий и перешли в наступление. 18 августа передовые части 1-й германской армии Клука вступили в соприкосновение с бельгийской армией. Последняя не стала ввязываться в серьезный бой и вечером 18 августа форсированным маршем начала отходить к Антверпену и 20 укрылась под защиту его фортов. Таким образом, бельгийцы ни на один день не задержали наступления немцев. Последние, захватив Брюссель, изменили направление своего движения на юго-запад, прикрывшись против Антверпена всего одним (III резервным) корпусом. Несмотря на слабые силы этого заслона, бельгийцы в Антверпене оставались спокойными зрителями кровавых боев на французском фронте до тех пор, пока успех французов на Марне не позволил им окончательно определить линию своего поведения: 9 сентября бельгийская армия произвела первую крупную вылазку против германских тыловых путей, пролежавших через Бельгию.

7. Пограничное сражение. Одновременно с немцами и французы к 14 августа закончили в главных чертах свое сосредоточение. В сообщении французской ставки от 16 августа указывалось на предстоящее большое сражение на фронте от Маастрихта до Базеля (от голландской до швейцарской границы), в котором будут совместно действовать французская, английская и бельгийская армии. Однако, предпосылками для этого сражения Маастрихт-Базель должны были явиться — упорная оборона Льежа и реки Мааса бельгийцами, медленное вторжение германцев в Бельгию, своевременная готовность английской армии и быстрое движение левого крыла французов. Французы, перейдя в наступление 14 августа, повидимому, имели в виду все эти предпосылки; 16 августа, однако, пал последний форт Льежа; 18 августа, уклонившись в Антверпен, бельгийская армия скрылась из района операций; английская армия собралась только к вечеру 20 августа у Ландресси, всего в составе 4 пехотных дивизий и одной кавалерийской, выдвинутой к Мобежу. Слабость сил англичан, уклонение бельгийцев, постепенно обнаружившиеся огромные

силы, с которыми немцы вторглись в Бельгию, потребовали от французов усиления их левофланговых армий; для этого было назначено последовательно 3 корпуса (XVIII, IX, XIX) из состава правого крыла (1-й армии); эта перегруппировка также задерживала наступление французов. Это опоздание левого фланга Антанты привело к тому, что, вместо фронта Маастрихт-Базель, первое столкновение разыгралось на фронте Монс—гора Донон, т. е. вдоль северо-восточной границы Франции. Крайние точки этого боевого фронта находятся на удалении в 340 километров. Два интервала — укрепленный район Намси-Спринкур и участок по Маасу от устья р. Семуа до кр. Намюр (по 60 килом. каждый), разделяют это столкновение на 3 отдельных поля сражения.

1-я и 2-я французские армии должны были наступать в Лотарингии, чтобы обойти с юга крепость Мец и нанести удар вдоль левого фланга германского развертывания. Против 27 французских пехотных дивизий здесь в 6 и 7 германских армиях было только 16 дивизий. Далее к северу находился пассивный участок, занятый с одной стороны укрепленным фронтом Туль-Верден, с другой — Мец-Тювенильским (Диденгофен) укрепленным районом. Севернее укрепленных районов, на р. Семуа, столкнулись 3 и 4 французские армии, силой в 20 пех. дивизий, имевшие задачу произвести нажим на тылы вторгшихся в Бельгию немецких армий, с 4 и 5 германскими армиями, равной силы. Наконец, на север оторвалась группа из 5-й французской и английской армий, имевшая задачей собраться на левом берегу Самбры для подачи помощи бельгийской армии. Здесь против 17½ англо-французских пехотных дивизий германцы располагали 32 дивизиями (1, 2 и 3-я армии).

Наступлению в Лотарингию должна была предшествовать демонстрация в Эльзасе; начатая еще 7 августа, она повлекла 9 августа поражение 20 тыс. французов ген. Болю немцами (части XIV и XV корпусов). Второе наступление в Эльзас, предпринятое французскими крупными силами (8 пех., 1 кав. див.) одновременно с началом наступления в Лотарингии, имело еще

более жалкий результат: в Эльзасе оказались лишь слабые части германского ландвера, которые уклонились от удара, а так как у французов начал назревать кризис в Лотарингии и на бельгийской границе, то им пришлось самим оттянуть наступавшие части и перебросить их в другие районы. Никаких германских войск французы не связали.

В лотарингском наступлении, началом 14 августа, должно было принять участие до 27 французских пех. дивизий. Однако, кризис на бельгийской границе заставил уже 16 августа одна из предназначенных к наступлению корпусов (XVIII) перебросить в состав 5-й армии, а 18 августа за ним предназначен был следовать другой (IX) корпус. Вместе с тем, другие дивизии, предназначенные для наступления, опаздывали. Большие силы приходилось уделять для прикрытия обоих флангов наступления: левого — со стороны крепости Мец, правого — вдоль гребня Вогезов. В результате, когда 20 августа германские 6 и 7 армии, всего до 16 дивизий, перешли в яростную контр-атаку, французские силы оказались разбросанными; французы не противопоставили немцам сплошного фронта, корпуса друг друга не поддерживали и были опрокинуты. 21 августа французы находились уже в полном отступлении; к 27 августа французы с трудом уцепились за укрепления, прикрывавшие фронт Нанси—Эпиналь.

Таким образом, эта попытка французов нанести удар по левому флангу общего германского фронта окончилась полной неудачей.

Встречное сражение на р. Семуа обнаружало в еще большей степени плохую подготовку французов к ведению боя против подвижного, энергичного противника. 22 и 23 августа большая часть корпусов 3-й и особенно 4-й французск. армий потерпели крупную неудачу и должны были отойти к р. Маасу.

Операции в долине р. Самбры северной группы армий Антанты могли легко принять катастрофический характер. Действительно, фронт союзников был обращен к северу и был атакован от Намюра до Шарлеруа уже 21 августа частями армии Бюлова. На Монс,

против англичан, направлялись тройные силы армии Клука. Правый фланг 5-й армии прикрывался течением р. Маас и крепостью Намюром. Атака Намюра была начата германцами (VII корп.) уже 21 августа; в течение двух следующих дней пали важнейшие форты, и 24-го крепость была занята немцами. Что же касается до р. Мааса, то бои на Самбре заставили 5-ю французскую армию притянуть на фронт, оставленный для занятия переправ на Маасе, IV корпус. Таким образом, только одна слабая дивизия занимала эту реку на участке Диван-Живе, на который направилась вся 3-я германская армия. Катастрофы французам удалось избежать только потому, что совместная атака Мааса и Самбры силами 2 и 3 германских армий была назначена на 23 августа; между тем, два германских корпуса 2-й армии (IV и XI), желая обеспечить себе заблаговременные переправы на Самбре, уже 21, переправившись с боем через реку, выдвинулись на высоты ее правого берега и успешно отбили контр-атаки, в которых принимала участие половина 5-й французской армии. Таким образом, французы понесли очень серьезное поражение еще накануне решительной атаки немцев, и генерал Ларензак, командующий французской 5-й армией, оказался вынужденным начать отступление еще до начала общей германской атаки. При этом, так как во французской армии оказалось много еще свежих, даже вовсе не участвовавших в бою частей, то 23 и 24 августа явилась возможность прикрыть отход весьма искусными действиями арьергардов. Французы, совершенно неопытные в наступательном бою, особенно если он имел встречный характер, обнаружили высокую подготовку, когда вопрос заключался в организации обороны, особенно в маневренных условиях арьергардного боя.

Английская армия была атакована ген. Клуком 23 августа, причем правое крыло ее было сильно потеснено. Командующий английской армией в ночь на 24 августа начал отход. Вместе с ним начали отход и французские ополченские дивизии ген. д'Амад, собравшиеся в районе Лилия.

Таким образом на всем 340 км. фронт пограничного сражения было проиграно союзниками, и проиграно с необыкновенной легкостью. Германцам эта победа стоила сравнительно мало жертв, но да и относительно немного трофеев—пленных и пушек.

Французы из горького опыта пограничного сражения пришли к выводу о необходимости еще большего напряжения всех средств и сил страны и, в частности, к необходимости пересмотреть пригодность ответственных начальников к занимаемым ими должностям; много генералов было отчислено в резерв и отправлено в г. Лимож. (см. схему № 1.)

Что касается немцев, то они переоценили так легко одержанные ими успехи. От их внимания ускользнула легкость, с которой современные армии ускользают от преследования, быстрота, с которой массовые армии, располагающие железнодорожной сетью и всеми средствами страны, пополняют после неудачных боев свои потери, и оперативные выгоды, которые дает обороняющемуся использование железных дорог для удара во фланг вторгающемуся врагу. Поэтому ген. Мольтке принял два опрометчивых решения. Во-первых, так как во встречах боях французы необычайно легко отбрасывались назад, и так как неприятельские крепости легко до сих пор на глазах неприятельских армий захватывались германскими войсками, то Мольтке решил, вместо систематического усиления правого крыла вторгающихся во Францию армий, что было связано с затруднениями на пролегавших через Бельгию коммуникационных линиях, развить успех, одержанный в Лотарингии и прорвать французский крепостной фронт между Верденом и Эпиналем. При успехе получался выигрыш кратчайших сообщений с Германией и двусторонний охват главных сил французов, группировавшихся к западу от Вердена. Не менее чревато последствиями было и другое решение: французская армия, казалось, уже получила смертельный удар и была дезорганизована; чтобы добить ее, не требовалось всей массы наличных сил, а из Восточной Пруссии к моменту пограничной

победы на западе пришли донесения об отступлении немецких войск перед Ренненкампом после сражения под Гумбиненом (20/VIII), о вторжении армии Самсонова с юга в Восточную Пруссию, о необходимости отвести германскую армию за Вислу. В этих условиях Мольтке решил перебросить в Восточную Пруссию с запада 3 корпуса и 2 кав. дивизии (в действительности успели отправиться только 2 корпуса и 1 кав. дивизия). Эти войска были взяты за счет армий правого крыла (1-й и 2-й армий). Таким образом Шлиффеновский план, вследствие переоценки начальных успехов, был искажен в корне: левое крыло, вместо пассивной задачи, получало активную, правое крыло не только не усилилось за счет левого, но выделило заслон против Антверпена, корпус для атаки Мобежа, войска для занятия захваченной территории и резервы на восток. Этими распоряжениями сам Мольтке подготовил будущий кризис германского правого крыла на Марне, явившийся переломным пунктом германского вторжения во Францию.

8. Сражение на Марне. Генерал Жоффр стремился, после неудачи в пограничном сражении, возможно скорее приостановить отступление своих армий. Чтобы парировать перевес сил немцев на их западном, заходящем фланге и воспользоваться самому выгодами охвата, генерал Жоффр 25 августа приступил к организации группы Манури (впоследствии 6-я армия) в районе Амьена. Повидимому, новое сражение намечалось на фронте верхней Уазы и верхней Соммы—Гирсон, С.-Кантен, Перонн, Амьен и далее на Верден, отстоящем всего на 2—3 перехода от фронта пограничного сражения, и должно было состояться через одну неделю после начала отступления (29—30 августа). Однако эти расчеты генерала Жоффра совершенно не оправдались. Во-первых, армия Манури не успела закончить свое сосредоточение, во-вторых, английская армия была атакована германцами еще прежде, чем она отошла на указанный рубеж. 25 и 26 августа, между Шельдой и Самброй, на фронте Камбре—Ландресси, англичане оказались втянутыми в бой,

повесли решительное поражение и были спасены от уничтожения только поддержкой французских войск с обоих флангов (частей 5-й армии и группы Манури). Но английская армия потеряла боеспособность и была обречена на безостановочное отступление. Эти обстоятельства заставили Жоффра стремиться оттянуть в возможно большей степени момент для решительного отпора германским армиям: 1 сентября французским армиям была указана предельная линия отступления— фронт Ножан на Сене—Бар-ле-Дюк. Далее отходить было нельзя, так как пришлось бы уступить немцам важные железно-дорожные магистрали и рвалась бы связь с Маасской укрепленной позицией; после открытия ее тыла французская долговременная позиция по Маасу и Мозелю не могла бы держаться, и французы теряли бы все стратегические выгоды. Пожертвовать связью с Верденом, обречь его на быстрое падение Жоффр все же решил. Верден был спасен по инициативе команд. 3-й армией, генерала Сарайль, который крепко держался за него своим правым крылом. Можно было ожидать, что отход на этот фронт, находившийся в удалении от пограничного сражения на 140 километров, закончится не ранее 8 сентября, и, следовательно, для усиления левого крыла на Сене выдвигалось лишних 10 дней с момента прохождения им верхнего течения Соммы и Уазы. 6-я армия Манури для прикрытия Парижа отошла в ближайшие его окрестности и расположилась северо-восточнее города, между Уазой и Марной. Для усиления центра из 4-й армии было выделено ядро, которое, усиленное перебросками с востока, образовало 9-ю армию Фоша. Здесь, в центре, по мысли Жоффра, намечался главный удар для прорыва германского фронта.

Однако так далеко—за среднюю Сену—французам отступить не пришлось. Наибольшую угрозу для Франции представлял удар по Парижу—столице, централизованной политической и экономической жизни своей страны в неизвестных за пределами Франции размерах. После быстрого падения современных долговременных укреплений

на границе, трудно было рассчитывать на упорную оборону сильно устаревших фортов Парижа. 2 сентября французское правительство покинуло столицу и переехало в Бордо. Во Франции начало складывалось сильное течение в пользу заключения сепаратного мира с Германией. Но уже на следующий день появились признаки, что непосредственная опасность Парижу не угрожает. Если первоначально правое крыло немцев двигалось в направлении на юго-запад по правому берегу р. Уазы, то, пройдя Компьен, оно начало резко заходить в юго-восточном направлении; Париж, который раньше, казалось, лежит в районе германского охвата, оказался вне его; немецкие армии устремились в промежуток между Парижем и Верденом. Еще до Марнского сражения у французского правительства и командования, у всего населения Парижа скатился камень с сердца: столице опасность не грозила, а французская армия из положения схватываемой переходила в положение охватывающей. Генерал Жоффр приказал 5 сентября остановить отступление, а 6 сентября перейти в контр-наступление, нанося удар 6-й армией вдоль Марны во фланг и тыл правого германского крыла, переправившегося на южный берег Марны, и сосредоточивая главные усилия на прорыве центра.

Отказ германцев от атаки Парижа являлся логическим следствием отправки подкреплений в Восточную Пруссию и решения прорвать со стороны Лотарингии французские укрепленные пограничные позиции. При этом генерал Мольтке еще до начала сражения на Марне пришел к правильным выводам о допущенных им после пограничного сражения ошибках, которые позволили французам выскочить из района германского охвата и делали недостижимой поставленную первоначально цель—прижать всю французскую армию к швейцарской границе.

Германские летчики установили энергичную перевозку французских войск с Эльзас-Лотарингского фронта в западном направлении и сосредоточение в районе Парижа некоторой группы. Поэтому уже 4 сентября генерал Мольтке принял решение—затяться

более скромной целью: 1 и 2 армии (Клук и Бюлов) должны были развернуться фронтом к Парижу, между Уазой и Сенной, и образовать здесь оборонительный загиб фланга. Центр — 3-я армия — должен был продвигаться на юг, между верхними течениями Сены и Марны; центр тяжести активных усилий немцев ложился на 4 и 5 армии, которые должны были наступать в юго-восточном направлении, между Марной и Маасом, отбоя с запада Вердец, и открыть ударом с тыла 6 и 7 армиям проход через линию Маас-Мозельских укрепленных позиций французов.

Однако престарелый начальник прусского генерального штаба находился в Люксембурге, слишком далеко от района решительных боев, связь со штабами армий функционировала плохо, авторитет высшего командования был недостаточен, и события приняли оборот, несоответствовавший указаниям этой директивы.

Общее направление маневру германских армий давал ген. Крук, командовавший 1-й германской армией на входящем фланге. Крук, после сражения Камбрэ-Ландресси, увлекся преследованием англичан, которые отходили перед ним в сильном расстройстве, и, уже перейдя верхнюю Сомму, начал сворачивать свою армию влево, сначала в направлении на юг, а затем на юго-восток; первоначально инициатива Клука была одобрена высшим командованием, так как смыкание влево давало большую сомкнутость германскому фронту. Клеку, однако, совершенно не улыбалось бездействие, связанное с наблюдением за Парижем в тот момент, когда на востоке будет рваться участь битвы. Поэтому, вместо остановки между Марной и Уазой, еще до получения приказа высшего командования, Крук оставил здесь всего один IV резервный корпус, а с остальными 4 корпусами своей армии перешел Марну, отжимая влево соседнюю 2-ю армию Бюлова.

Таково было положение, когда авангард Манури, вечером 5 августа, накануне дня, назначенного Жоффром для общего перехода в наступление, завязал близ р. Урка бой с оставшимся

ся в тылу 1-й армии IV резервным корпусом. Этот бой сразу раскрыл перед Клуком обстановку и подчеркнул ему опасность, которая сложилась для всего фронта, вследствие его перехода через Марну. Генерал Крук принял энергичное решение — в ночь на 6-е августа отвести за Марну II корпус, а затем и остальные 3 корпуса, оставив против английской армии и левого фланга 5-й французской армии только кавалерийский корпус Марвица.

Начавшееся 5 сентября сражение на р. Урка протекало 6, 7 и 8 сентября при последовательном усилении обеих сторон. 9-го сентября Клеку удалось охватить армию Манури с севера и нанести ей поражение; но к этому моменту общая обстановка сложилась для немцев неблагоприятно. 40-верстный промежуток между армиями Клука и Бюлова заперся только 2 кав. корпусами, которые 6 сентября задержали с трудом переходившую от отступления в атаку английскую армию, и 7 и 8 сентября удерживались впереди и по Марне, но 9-го сентября должны были уступить переправы на Марне от Ла-Ферте до Шаго-Твери англо-французам. Правый фланг армии Бюлова, атакованный и охваченный двойными силами 5-й французской армии Франше-д'Эспере, должен был загнуться назад и привлечь к себе резервы со всего фронта армии, что заставило прекратить развитие успехов на левом крыле 2-й армии и в 3-й армии. 4 и 5 германские армии одержали умеренные успехи, прорыв Маас-Мозельского французского фронта не удался. В этих условиях уже 8 сентября высшее германское командование отказалось от продолжения атаки 6 и 7 армией на лотарингском фронте. Эти армии должны были быть сведены в одну и перейти к обороне, а за счет выделения из них сил сформирована новая 7-я армия за угрожаемым правым крылом немцев. Это решение следовало принять еще 2 недели тому назад — теперь сосредоточение этой резервной армии опаздывало к решительному моменту сражения на Марне 1-я и 2-я французские армии, занятые до того боем на лотарингской границе, теперь освобождались и могли

быстро усилить французский фронт между Верденом и Парижем.

Генерал Бюлов, обсудив положение с уполномоченным Мольтке, ген. штаба полковником Хенцем, 9 сентября принял несколько паническое решение — оборвать сражение на р. Марне и отойти на р. Эн, чтобы восстановить вновь сплошной фронт и связь с армией Клука. 10 и 11 сентября высшее командование распространило решение об отходе на 3, 4 и 5 армии. 12 и 13 сентября, не теснимые французами, немцы устроились на фронте от Нуайона до позиции севернее Вердена, где и оставались в течение почти всей войны (ср. сх. 12. ст. IV «Роль крепостей»).

Основными причинами неудачи немцев в битве на Марне явилось преувеличение немцами их победы в пограничном сражении, ослабление их правого крыла и решение произвести попытку прорыва лотарингского фронта. В самом ведении сражения можно отметить несогласованность в работе отдельных армий и черезчур энергичное реагирование на захваченную в начале сражения французами инициативу. Генерал Крук мог попытаться остановить армию Мангури, вначале насчитывавшую только 2½ корпуса (к концу сражения—4) не всей своей армией, а только большей половиной ее—3 корпусами. Если бы Крук оставил 2 корпуса к югу от Марны, 2 и 3 армии сохранили бы возможность продолжать успешное наступление и могли бы разбить французский центр. Идея Жоффра о нанесении здесь немцам главного удара практических результатов не дала. Наконец, Клеку на северном берегу Марны выгоднее было бы наступать на запад от р. Урк, а скорее отойти к востоку, чтобы, таким образом, закрыть промежуток между 1 и 2 армиями. Наконец, если решение отходить 1 и 2 армиями к Эну было принято, то распространение этого отступления на 4 и 5 армии было мерой чисто панического характера. Если бы немцы сохранили достигнутые ими позиции между Марной и Маасом на фронте Витри-Вобекур, то длительное удержание французами Вердена явилось бы невозможным, и

дальнейшие наступательные действия против Франции значительно бы облегчились.

9. Переход к позиционной войне на западном фронте. После неуспеха на р. Марне вместо ген. Мольтке на должность начальника генерального штаба и, следовательно, и ответственного руководителя военными действиями, назначается военный министр, молодой по службе, генерал Фалькенгайн.

Отход на р. Эн не явился для немцев окончательным отказом от стремления искать немедленного решения на западном фронте. Но так как дух армий Антанты, вследствие Марнского успеха, значительно поднялся, то для решительных действий нужно было обождать новых подкреплений. Внутри Германии было приступлено к формированию, с началом войны, 5 новых корпусов, укомплектованных, в значительной их части, добровольцами, преимущественно юношами.

Полевая армия для этих корпусов не выделила кадров, командный их состав, преимущественно из отставных офицеров, уступал энергичной воодушевленной молодежи, наполнявшей солдатские ряды. Готовность корпусов намечалась к половине октября, следовательно, около месяца после отхода на р. Эн немцы были обречены на оборону.

Французы двинулись вслед за отступавшими германскими войсками и уже 13 сентября ввязались в бой на р. Эн. В сражении 13—21 сентября, при помощи подоспевших частей 7-й немецкой армии, англо-французы были отражены, и здесь установилось равновесие, которое вызывает обоюдный отказ воюющих от активных действий, от использования инициативы, и дает войне позиционный характер.

Не успев в прорыве немецкого фронта на р. Эн, французы сосредоточили свои усилия на охвате их открытого фланга; так как, вследствие относительного затишья, устанавливавшегося на занятом уже фронте, и усиленного его укрепления, он мог быть занят не столь плотно, у союзников появилась возможность освобождать с него силы и вводить их в бой на новых участках, в охват немецкого флан-

га. Но эти же приемы освобождали войска и на немецком фронте. В промежутке от 21 сентября до 15 октября происходил, так называемый, бег к морю — выливающиеся в продолжение фронта стремление к взаимному охвату.

Основной целью Антанты было подержать атакованную немцами 29 сентября крепость Антверпен, чтобы прикнуть свой фланг к голландской границе. Англичане в особенности были заинтересованы в том, чтобы не допустить эту крепость до падения, что открывало немцам выход на морское побережье. Энергичные поиски, предприятия германской конницей в начале октября в районе Лилля, Газебрука и Ланса, задержали внимание французов. 9 октября Антверпен пал, а 12 октября немцы прочно утвердились в районе Лилля. Начали поступать от тайной разведки сведения о новой массовой перевозке германских войск через Германию в Бельгию. Это были 4 вновь сформированных корпуса (XXV рез. корпус, — пятый вновь сформированный, был направлен на защиту Восточной Пруссии), но у англичан и французов возникло опасение — не становятся ли русские войска, после своих успехов на Висле на востерквартиры, и не везут ли немцы в Бельгию часть своих сил, действовавших на русском фронте? Китченер, через английского военного агента в ставке, обратился к русскому верховному командованию с просьбой — не останавливать наступательные операции против Германии, — и получил, перед Лодзинской операцией, удовлетворительный с нашей стороны ответ.

К 17 октября немцы из части армии, взявшей Антверпен и достигавшей силы в 5½ дивизий, и 4 новых корпусов, образовали новую, 4-ю армию и закончили ее развертывание на фронте Остенде — Куртре. Задача этой армии заключалась в нанесении удара вдоль морского побережья и захвате Кале: при удаче весь англо-французский фронт, обращенный против участка Лиль-Нуайон был бы смят этим фланговым ударом. 4-й армии содействовала, занимавшая район Лилля, 6 армия.

20 октября началось фландрское

сражение, вызвавшее колоссальные потери с обеих сторон, но не давшее положительных результатов. Бельгийская армия, успешная отойти из Антверпена, разрушивши плось, затопила долину Изера, так что участок между Диксмуде и морем стал непроходимым. Все действия сконцентрировались около Ипра, который защищала переброшенная сюда с р. Эн английская армия. Эта переброска ставила постепенно нарастающую английскую армию в независимое положение от французского командования и позволяла англичанам сражаться непосредственно за свои интересы, не допуская выхода немцев к каналу (Ламаншу). Вследствие больших французских подкреплений и упорства командовавшего ими генерала Фоша, а главное — тактической неумелости сражавшихся с большим воодушевлением германских волонтеров, Антанте удалось удержать за собой район Ипра. После ограниченного успеха атак, достигших высшего уровня 30 октября, можно уже было предвидеть, что немцам решительного успеха добиться не удастся. 10 ноября германцы предприняли новый натиск, после чего и здесь борьба приняла позиционный характер. Гибель под Ипром сотни тысяч германских волонтеров, гимназистов и студентов, собранных в плохо обученные и сколоченные части, получившая в Германии оценку, как «избиение детей», навсегда лишила Фалькенгайна, умного и дальновидного генерала, популярности в Германии, что создало ему большие трудности в управлении, в связи с возроставшим авторитетом Гинденбургга и Людендорфа, исполнявших на Востоке выигранный партию.

С самого начала войны, оставляя слабые силы против России, Германия могла рассчитывать выиграть только небольшой промежуток времени для нанесения Франции решительного удара. Мирные соображения исходили из расчета 40-дневного срока, после истечения которого Австрия была обещана помощь крупными силами против русских. Этот срок истек к 10 сентября. Спустя два месяца, несмотря на искусство Людендорфа, положение на русском фронте обострилось в сильной

степени. Германское командование приняло чреватое крупными последствиями решение — обратиться на западном фронте к обороне и перенести центр тяжести активных действий на русский фронт. Только через 15 месяцев после конца фландрского сражения немцы предприняли на западном фронте операцию, выходящую за рамки местных предприятий — атаку Вердена. За это время Франция имела возможность значительно усилить свои армии техническими средствами, а Англия — сильно подвинуть осуществление Китченеровского широкого плана создания сильной сухопутной армии. Германское решение давало победу в руки Англии и Франции, обрекало Россию на ряд тягостных неудач, но, с другой стороны, каждая минута, потерянная Германией на восточном фронте, делала более безнадежным ее положение при окончательном расчете за войну.

Русский фронт.

10. Вторжение в Восточную Пруссию.

По нашему плану войны для вторжения в Восточную Пруссию намечалась масса в 30 пехотных и 9½ кав. дивизий, разделенных почти поровну на 1-ю и 2-ю армии. Однако эти силы требовали для своего сосредоточения значительного времени, и, если ждать их сбора полностью, пришлось бы начинать вторжение не ранее 28 дня мобилизации — примерно — 27 августа. Чтобы оказать действительную помощь французам, надо было ускорить вторжение по крайней мере на 10 дней; но при переходе границы 17 августа мы могли располагать только 21 пехотной и 8½ кав. дивизиями, вследствие неготовности второчередных дивизий.

Но так как, по имевшимся сведениям, германцы бросили все свои силы против Франции, оставив против нас не более 6—8 дивизий, можно было рассчитывать на успешное наступление в Восточную Пруссию и с этими силами. Однако наш удар в Восточную Пруссию мог и не отразиться на положении наших союзников. Восточная Пруссия представляет стратегический тупик, отделенный от остальной Германии барьером Вислы, усиленным многими крепостями и тяжелыми батареями и

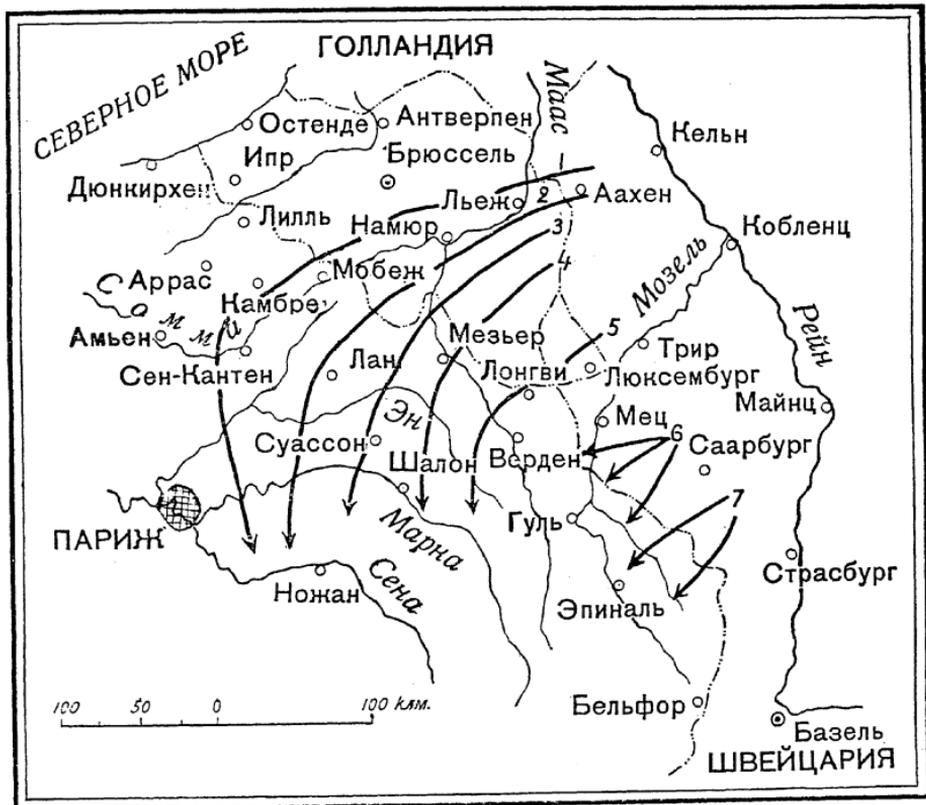
почти неприступным с фронта. Германцы могли спокойно пожертвовать Западнпрусской Пруссией, разгромить французов, а затем обратиться всеми силами против России. Поэтому, чтобы оказать союзникам помощь, вторжение русских армий в В. Пруссию должно было сопровождаться накоплением к западу от Варшавы, на левом берегу Вислы, армии, которая, наступая вниз по Висле, ударом с тыла заставила бы немцев очистить Вислянский барьер. В такой комбинации русское вторжение грозило самым жизненным интересам Германии и должно было быстро привести к облегчению положения французов.

Но для приступа к накоплению новой армии в Варшаве пришлось еще ослабить на 4 дивизии силы, предназначенные для вторжения в Восточную Пруссию. В результате, 1-я армия Ренненкампа перешла границу 17 августа, имея 6½ пех. дивизий вместо намеченных планом 15½ дивизий, а 2-я армия, которой от Нарева предстоял длинный путь походным порядком, 20—21 августа, имела 11 неполных дивизий вместо 14½.

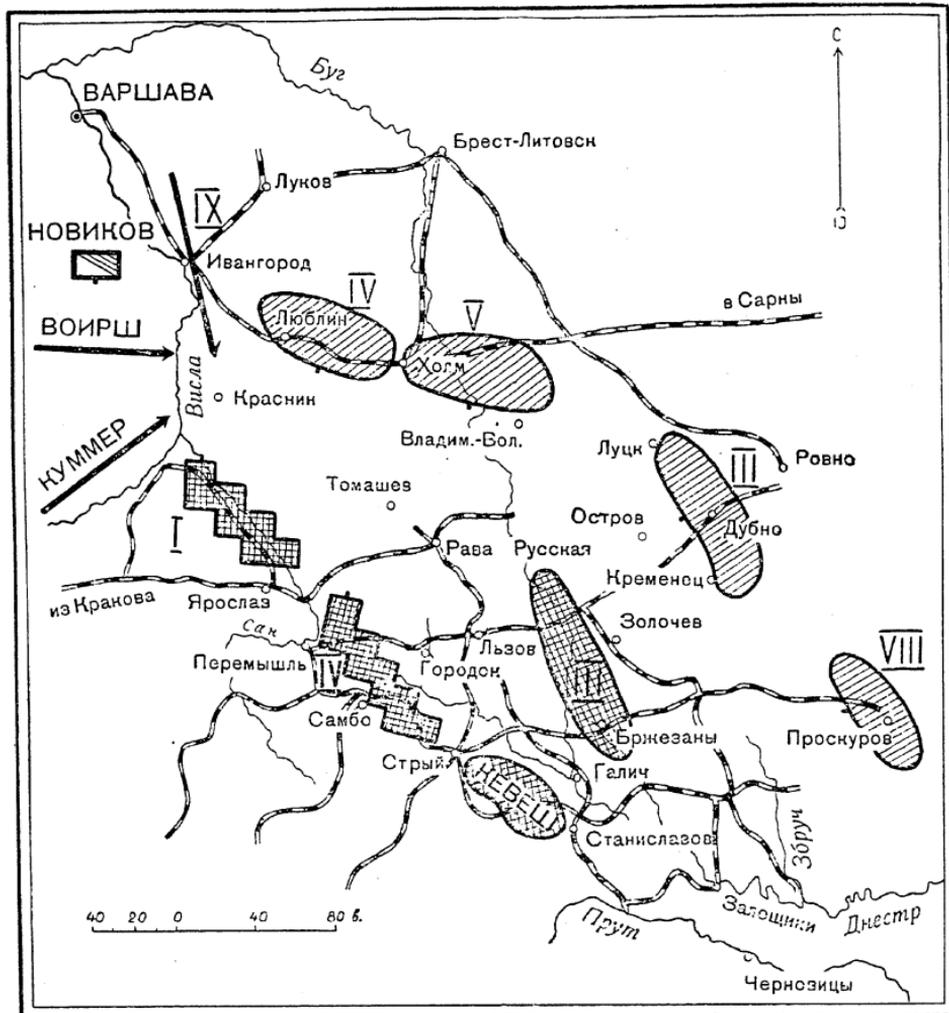
Против наших 17½ дивизий немцы располагали в Восточной Пруссии 9 первоочередными дивизиями (1 арм., 1 резервн., XVII, XX арм. корпуса, 3-я резервная дивизия) и 6 второчередными дивизиями (Бродрика, фон дер Гольца, Мюльмана + 3 ландверных бригады); сверх того, значительное количество ландштурма, большое количество крепостей, при обилии добровольцев, облегчало быстрое формирование новых частей и пополнение убитых в войсках. Сверх того, в виду действительности произведенного нами давления на Германию, ген. Мольтке 22 августа отдал распоряжение о перевозке на восток с французского фронта 6 пех. дивиз. (3 перволинейных корпуса) и 2 кав. див.; хотя эти дивизии еще не высадились 28—29 августа, к моменту решительного кризиса на фронте армии Самсонова, однако, нахождение резерва, в составе 4 свежих дивизий, в вагонах на рельсах, в пути к фронту, значительно облегчало положение германского командования. И в сражении под Гумбиненом 20 августа

Наступление германских арм. в авг. 1914 г.

Схема № 1.

Энциклопедич. Словарь Русск. Библиогр. Инст. Гранат.

Энциклопедич. Словарь Русск. Библиогр. Инст. Гранат.

против Ренненкампа, и под Тапенбергом против Самсонова 26—27 августа, германцы имели перевес в силах над нами. Кавалерией русские были сильнее, но в артиллерии подавляющий перевес имелся у немцев. В виду крайне враждебного отношения населения, недостаточности подготовки для современной войны и очень плохих кавалерийских вышших начальников, русская кавалерия не сыграла заметной роли. Германцы извлекли огромные выгоды из железнодорожной и телефонной сети, покрывавших Восточную Пруссию. Вследствие преступной небрежности русских штабов, распоряжения русским войскам передавались по радио в незашифрованном виде, и группировки и задачи русских были совершенно ясны нашему противнику.

Генерал фон Притвиц, командующий 8-й германской армией, решил сначала нанести удар 1-й русской армии, наступавшей от среднего Немана в обход Мазурских озер с севера. В сражении под Гумбинином 20 авг. при равной численности армий—около 110 тыс.—против 380 русских пушек действовало 500 германских. Сражение имело перенятельный результат: правое русское крыло было смято, но в немецком центре—XVII корпусе—наш огонь вызвал панику. Немцам нужна была решительная победа, так как, в случае, если действия против армии Ренненкампа затянулись бы, русская 2-я армия ген. Самсонова нанесла бы поражение оставленному против нее заслону—XX корпусу—и перерезала бы путь отступления немцев. Генерал Притвиц принял решение—отойти за Вислу. Это было наиболее мудрое решение, отвечавшее предположениям русского генерального штаба. Но германское верховное командование слишком чутко относилось ко всякой утрате территории; на место Притвица был поставлен Гинденбург, отставной генерал, долженствовавший шапронировать героя Льежа, генерала Людендорфа, который был послан начальником штаба на восточный фронт; ему была обещана немедленная отправка больших подкреплений с западного фронта. Людендорф принял решение—оставив одну кавалерийскую дивизию и гарнизон Кенигсберга против армии

Ренненкампа, еще не оправившейся от Гумбиненского сражения и медленно наступавшей с определенным тяготением к крепости Кенигсбергу, со всеми остальными силами обрушиться на армию Самсонова. Мы боролись с завязанными глазами с противником, которому радио-телеграф открывал все наши секреты.

26—30 августа армия Самсонова, ослабленная еще на 1 корпус (II, переданный Ренненкампу после Гумбинена), потерпела решительное поражение: отдельные корпуса ее попали по частям под удары противника, так как армия разбросалась: левый ее фланг—1 армейский корпус—был привязан к Сольдау, центр наступал в северо-западном направлении, правое крыло, во исполнение предписания командующего фронтом, ген. Жилинского, оторвалось в северном направлении. Разбит двойными силами VI правофланговый русский корпус и прорвавшись между левым крылом—I корпусом—и центром Самсонова, сбивавшим XX германский корпус, немцы сумели окружить и уничтожить 5 дивизий русского центра (XIII, XV и часть XXIII корпусов). Поздно предпринятая попытка обоих крыльев выручить центр (30 августа) не удалась. Самсонов, со своими 125 батальонами, сам зашел в мешок, дерзко наступая в предположении, что против него только 75 германских батальонов, когда их было свыше 150 при вдвое превосходившей его артиллерии. Его указания на необходимость приостановиться армии не были приняты во внимание. Французский посол настаивал на скорейших и энергичных действиях; принимая во внимание шатание умов во Франции до начала сражения на Марне, энергичное выполнение взятых на себя по военной конвенции обязательств было для России, может быть, не только делом чести.

Ренненкампа не успел оказать Самсонову помощи, так как внимание его было привлечено Кенигсбергом; два высланных корпуса приблизились, когда уже со 2-й армией было покончено, и должны были быстро отойти назад.

В этот момент у австрийцев в Галицийской битве назревал решительный кризис. Помощь, оказанная австрийцам

—наступлением ли через Нарев, оставшийся почти без защиты, или переброской войск в Галицию (проще всего было свернуть в Галицию 2 корпуса, перевозившиеся из Франции)—могла бы спасти австрийцев от первого разгрома, который для австрийской армии оказался роковым. Но германцы решили сначала обеспечить свои интересы и отбросить армию Ренненкампа из Восточной Пруссии.

Силы 8-й германской армии возросли до 13 первоочередных и 6 второочередных дивизий. У Ренненкампа силы возросли до 13½ дивизий, но в том числе только 8½ из них были перволинейными. Правда, южнее, на фронте Осовец-Августов, русское командование начало собирать новую 10 армию, и 2 корпуса последней (XXII—Финляндский и III—Сибирский) уже заканчивали подготовку; однако неготовая 10 армия не сумела оказать помощи 1-й армии, которая была обойдена с левого фланга и спаслась лишь поспешным отступлением. Тактическому поражению подверглись только авангард XXII корпуса (из 10 армии) и левофланговый II корпус 1-й армии; бои на фронте протекали довольно удачно, но второочередные неслученные дивизии при отступлении бросили часть своей артиллерии и потеряли много разбежавшимися, попавшими в плен. К пяти дивизиям, потерянным во 2-й армии, пришлось присоединить потерю в три дивизии, которые в армии Ренненкампа, собиравшейся на Немане, были расформированы на пополнение убыли в других дивизиях.

13 сентября операция немцев против Ренненкампа была закончена. Германские войска получили возможность теперь, обеспечив пределы своей территории, помочь австрийцам. Но последние уже к 11 сентября потеряли возможность держаться под русским натиском и находились в полном отступлении; трудность задачи помочь австрийцам усугубилась во много раз.

Причинами неудачи, постигшей русское вторжение в Восточную Пруссию, является, прежде всего, дерзкий замысел—начать вторжение с вдвое меньшими, против плана, силами и размахнуть угрозу немцам и по левому

берегу Вислы. Немецкая печать упорно утверждала, что Ренненкампа начал вторжение в Восточную Пруссию с 24 дивизиями, и объясняла возможность сосредоточения такой массы только тем, что русские начали мобилизацию задолго до ее официального начала; это утверждение встречается даже в таких трудах, как «Воспоминания» Людендорфа, хотя германские штабы, как это выясняется по архивным документам, были очень хорошо осведомлены о действительных силах русских. Эта дерзость русского генерального штаба—начать наступление со слабыми силами и при том по двум различным операционным направлениям—находит себе, однако, полное оправдание в необходимости разгрузить французский фронт к моменту решительного кризиса и в необходимости всемерно форсировать наступательные действия на германском фронте, ввиду существовавших в мирное время расчетов на переброску больших сил германцев с запада на 40-день с начала мобилизации.

Идея вторжения с двух сторон оправдала себя: успех Ренненкампа под Гумбиненом объясняется, прежде всего, давлением армии Самсонова на сообщения германцев; нужно было лишь, чтобы в момент кризиса у Самсонова, такое же, но непосредственное, давление на тылы немцев произвела и армия Ренненкампа. Однако ген. Жилинский сделал ту же ошибку, что и Мольтке после пограничного сражения; он переоценил достигнутый успех, забыл о необходимости сосредоточения сил на поле сражения и думал только о преследовании. Известное дилетанство русского командования—сев.-западным фронтом и 1 армией—сказывается в отвлечении внимания в самые важные моменты на крепость Кенигсберг, которая никому не мешала и могла быть взята, когда окажутся свободное время и войска.

Главная наша ошибка—переоценка легкости вторжения в Восточную Пруссию, недостаточный учет многочисленных второлинейных германских формирований, прекрасно дрававшихся при защите германской земли. И теперь историки войны еще находятяся под впечатлением этой легкости задачи.

и победа немцев, вполне естественная при сложившихся условиях, рисуется как бы чудом искусства.

Немецкое командование, проиграв битву на Марне, чтобы изгнать слабые русские силы из Восточной Пруссии, совершило несомненно гораздо более грубую ошибку, чем все наши ошибки, вместе взятые.

Наши неудачи в Восточной Пруссии, помимо материального ослабления русской армии (примерно, на 8%), оказались очень невыгодны для нас в том отношении, что германские войска и начальники приобрели значительный моральный перевес над русскими войсками и начальниками; немцы стали дерзкими, а мы — робкими. Галицийская битва обусловила противоположное соотношение между австрийскими и русскими войсками.

Язвой русской армии был радио-телеграф. В начале войны, в армии Самсонова важнейшие оперативные распоряжения отдавались по радио даже в незашифрованном виде, по небрежности штабов. Затем мы начали шифровать депеши, но каждый шифр, если государство может позволить себе роскошь содержания института с 80 специалистами, может быть в 24 часа разобран. В течение всего 1914 и начала 1915 года германское командование, не тратя сил на разведку, в точности знало не только расположение наших войск, но и пункты, которых они должны достичь на следующий день, намерения нашего командования и даже пререкания между отдельными начальниками. В этих условиях германскому командованию немудрено было проявить себя гениальным. Наш радио-телеграф создал репутацию Гинденбурга и Людендорфа. Только к лету 1915 г. русскому верховному командованию удалось обуздать радио-телеграф, и сейчас же успешность германских маневров существенно понизилась.

11. Галицийская битва. Мы имели в виду нанести с самого начала войны решительный удар австро-венгерской армии, для чего сосредоточить против нее подавляющие силы и, пользуясь охватывающим положением, которое имела наша государственная граница по отношению к Галиции, охватить с

обоих флангов австрийские армии, которые, по известным нам предположениям австрийского генерального штаба 1912 года, главной массой должны были сосредоточиться к востоку от Сана (см. схему № 2).

Чтобы удержать инициативу в своих руках и использовать период, когда главные силы германцев были отвлечены на французский фронт, нам приходилось торопиться. В пределах Киевского военного округа 8-я армия (южная) должна была начать наступление 18 августа, чтобы 21 августа совместно с 3-й армией перейти границу. Общее наступление намечалось на 19 день, когда наше сосредоточение далеко не было закончено. Для операции в Галиции мы предназначали 47½ пех. дивизий и 18½ кав. дивизий, но из этого числа к 27 августа, когда бои разгорелись уже по всему фронту, мы могли иметь только ¼ назначенных сил. Легче и быстрее всего собирались войска на фронте Киевского округа и дольше всего сосредоточенно задерживалось в пределах Варшавского военного округа, особенно в 4-й армии в районе Люблина, из 12 дивизий которой 5 прибывали лишь после 27 августа. В общем, в начале Галицийской битвы мы имели 40 дивизий против 36 австрийских, в конце — 51½ против 42 австро-германских.

По австрийскому плану мобилизации 10 корпусов были привязаны к русскому фронту, а 3 корпуса (5-я и 6-я армии) — к сербскому. Они входили в первую очередь перевозок по сосредоточению (лит. А.). 4 корпуса (2-я армия) образовывали вторую очередь — (лит. В.), которая могла быть направлена на тот или другой фронт.

Так как русская мобилизация началась в момент, когда Австрия расчитывала быстро расправиться с Сербией, то она застала Австрию в период, когда на Сербский фронт началась уже перевозка и 2-й армии, составленной из 4 корпусов, которые намечались к перевозке в Галицию во вторую очередь. Специалисты по железнодорожным перевозкам высказали мнение, что немедленно свернуть большую часть из 2.000 поездов, катившихся к Дунаю, в Галицию и перебить ими

перевозку ближайших к Галиции корпусов,—невозможно, так как это вызовет большую сумятицу. Пришлось довести 2-ю армию до Дуная, высадить ее там, вернуть на железнодорожные линии, ведущие к русскому фронту, подвижной состав, перевести 1, 3 и 4 армии и затем, с 18 августа, в последнюю очередь, начать перевозку с Дуная в Галицию второй армии. Она попала только ко второй половине Галицийской битвы. Чтобы устранить затруднения, связанные с изменением развертывания, пришлось потерять много времени; только 4 августа было назначено первым днем общей австрийской мобилизации, и только в ночь на 6 августа началась массовая перевозка австрийских войск в Галицию. По крайней мере, 4 дня были выиграны русскими из-за австрийской частной мобилизации.

Надеждам ставки на охват с обонх флангов австрийского развертывания не суждено было осуществиться. Весной 1914 года начальник австрийского генерального штаба Конрад фон Гетцендорф принял более осторожный план; считаясь с превосходством сил русских и со слабым содействием, которое в первый месяц войны могла оказать германская армия, Конрад отодвинул все развертывание австрийских армий к западу так, что главная масса австрийских войск—1-я армия Данкля и 4-я армия Ауфенберга—собирались между Вислой и Перемышлем и направлялись на участок от Вислы до Холма. Кроме того, на левом берегу Вислы наступал 1 австрийский и 1 германский корпус. Здесь, в общем, не менее 24 австрийских дивизий направлялись против 18 русских дивизий, при чем с запада охватывали не мы, а австрийцы. Против наших 3-й и 8-й армий, наступавших с востока массой в 22 пех. дивизии, Конрад оставил заслон—3-ю армию Брудермана и группу Кевепа—силой не более 12 пех. дивизий.

Австрийцы постарались захватить инициативу наступления, несмотря на то, что они опаздывали на 4 дня в сосредоточении, сравнительно с мирными предположениями, и на вероятное превосходство русских сил. Русская победа под Гумбином вызвала не

только переброску из Бельгии германских корпусов, но и обращение императора Вильгельма II к австро-венгерскому верховному командованию с просьбой о скорейшем переходе в наступление, дабы помочь германцам отстоять Восточную Пруссию. 20 августа паника XVII германского корпуса подарила Ренненкампу победу, а уже 22 августа 1 и 4 австрийские армии начали свое движение на север. Как русские армии шли на поражение в пределы Германии в конце августа и в ноябре 1914 года для сомнительных выгод англо-французов, так и Конрад поспешил, чтобы угодить Германии, с наступлением австрийцев, вначале успешным, но приведшим в результате их к поражению. Австро-венгерские кавалерийские дивизии были брошены вперед уже 15 августа, но самостоятельная работа конницы не имела успеха; кавалерия повсюду была с потерями отражена нашими передовыми частями (первый бой под Красником).

Группировка сил определяла ход событий. 23—27 августа наша 4-я армия ген. Эверта в борьбе с превосходными силами австрийцев испытала ряд неудач и была вынуждена отойти на ближайшие позиции, к югу от Люблина. Наше стратегическое развертывание, допустившее такую слабость 4-й армии, было явно ошибочным. Но современная обстановка, вопреки известной мысли Мольтке, допускает исправлять и ошибки в первоначальном развертывании: с 25 по 30 сентября полился непрерывный поток подкреплений, перебрасываемый по железной дороге к 4-й армии и на оба ее фланга, увеличивший здесь наши силы с 7 до 17 дивизий. Кроме 3 второочередных дивизий, опоздавших к началу боев на фронте 4 армии, сюда были перебросены находившиеся в пути с Кавказа III Кавказский корпус и XVIII и Гвардейский корпуса, являвшиеся частью собиравшейся у Варшавы 9-й армии. Группа войск, собиравшаяся на правом фланге 4-й армии, была объединена в составе 9-й армии. Уже 27 августа австрийцы почувствовали возросшую силу русского сопротивления; для усиления армии Данкля в ночь

на 29 августа был переправлен у Юзефова австрийский корпус Куммера, а в ночь на 5 сентября—германский ландверный корпус Вейрша. Тем не менее, наше положение к югу от Люблина становилось все устойчивее, инициатива переходила к нам, а очищение левого берега Вислы австро-германцами открыло простор действиям нашей кавалерии ген. Новикова, который глубоко продвинулся вверх по левому берегу Вислы.

Моментом решительного перелома надо считать 1 сентября, когда австрийский X корпус, желая использовать промежуток между 4-й и 5-й русскими армиями для охвата левого крыла 4-ой армии, захватил станцию Травники на жел. дороге Люблин — Холм. Уже 2-го сентября спешно собранные нами 30 батальонов, из состава 3 корпусов, под командой ген. Мрозовского, нанесли у сел. Суходолы сильное поражение X австрийскому корпусу. С этого момента неприятелю приходилось думать только об обороне.

Так как армия Ауфенберга следовала уступами назад по отношению к армии Данкля, то и столкновение ее с 5-й русской армией ген. Плева имело место на 3 дня позже. Большая часть 5-й армии—XIX, V и XVII корпусов—7 пехотных дивизий, в течение 26—30 августа вступили во встречный бой с 10 австрийскими дивизиями армии Ауфенберга, в районе к северу-востоку от г. Томашова. Значительные промежутки отделяли это поле сражения от соседних — 4-й и 3-й армий. Эта Томашовская операция представляет большой интерес, вследствие чрезвычайно сложных положений, получившихся в результате желания обеих сторон — нанести противнику фланговые удары, и обилия превратностей судьбы боевых столкновений. В один и тот же день, 28 августа, русский центральный V корпус уничтожил 15-ю гонведную дивизию, глубоко охватившую наш XIX корпус, а XIV австрийский корпус смял фланговым ударом большую часть нашего XVII корпуса. К концу сражения австрийцам удалось нас широко охватить, однако наше положение являлось вполне удовлетворительным.

Австрийцы сильно выдохлись, для фронтального натиска у них не имелось энергии, непрерывная паника уничтожала плоды их успехов — кавалерийские дивизии исчезали, все левое их крыло, вышедшее нам почти в тыл, под натиском конницы Абрама Драгомирова в панике откатилось в последний день назад, на линию своего фронта. Однако, под влиянием сведений о катастрофе, постигшей армию Самсонова, командующий армией ген. Плева, чрезвычайно энергично руководивший до того операцией, не выдержал и вечером 30 августа дал своей армии приказ отступить.

Австрийцы получили передышку, в которой чрезвычайно нуждались. С 13 августа наша 3-я армия, а затем в 8-й начали наносить сильные удары оставленному против них заслону 3-й австрийской армии и группе Кевеша. При почти двойном превосходстве наших сил и при введении в бой австрийских сил по частям, эти бои — на р. Золотой Липе, а затем на р. Гнилой Липе — привели к вечеру 17 августа к полному разгрому австрийского заслона. 2-го сентября нами был занят Галич, а 3-го сентября—без боя—покинутый в панике австрийцами — Львов.

Поражение заслона, прикрывавшего с востока наступление австрийцев на север между Вислой и Зап. Бугом, заставило Кошрада отказаться от первоначального плана и попробовать, действуя по внутренним операционным линиям, бросить главную массу австрийских войск против наступающих с востока русских армий. В промежуток 31 августа — 5 сентября, пользуясь свободой, предоставленной им отходом Плева, австрийцы оставили против него только 4 дивизии, а основную массу своей 4-й армии, приведенную в порядок 3-ю армию и закончившую, наконец, сосредоточение с сербского фронта 2-ю армию бросили в наступление против наших 3-й армии ген. Рузского и 8-й армии ген. Брусилова.

Наши 3-я и 8-я армии к западу от Львова, на линии Рава-Руская — р. Верещица, в упорных боях 4—10 сентября выдержали этот австрийский натиск. Но австрийский заслон, должен-

ПЛЕВА

ствовавший прикрывать этот удар — теперь уже с севера — был сметен русским наступлением.

Успехи 4-й армии справа и взятие Львова 3-й армией слева — позволили уже вечером 3 сентября остановить отступление русской 5-й армии, на которую никто не наседали, и поворотить ее обратно. Уже 5 сентября армия Плева отбросила ничтожные силы австрийцев, находившиеся против нее и, действуя в прорыве между 1-й и 4-й австрийскими армиями, разделилась, направив по два корпуса во фланг и тыл противнику — на запад, против 1-й армии Данкля и на юг, против 4-й армии Ауфенберга.

С 4-го сентября наши 4 и 9 армий уже вели наступление против Данкля, 9 сентября последний был окончательно сбит и начал уходить за Сан. 10 сентября генерал Конрад, несмотря на свое упорство, пришел к убеждению в безнадежности дальнейшего сопротивления. 11 сентября австрийцы находились в полном отступлении. В наиболее угрожаемом положении находилась 4-я армия Ауфенберга, в тыл которой выходили большие силы нашей 5-й армии. Приказав бросить обозы, чтобы не загромождать дорог, генерал Ауфенберг сумел проскользнуть с пехотой и артиллерией перед фронтом несколько замедлившейся кавалерии 5-й русской армии.

Мы хотели австрийцев в Галиции окружить и истребить; вместо этого мы просто вытолкали их из Восточной Галиции. Половинчатость нашего успеха объясняется постоянным опасением М. В. Алексеева, руководившего этой операцией в должности нач. штаба юго-западного фронта, за наш центр — 5 армию ген. Плева, а также опасением его выдвигать вперед наши крылья, чтобы не подставить их под удар с фланга или тыла неприятелю.

Большое значение также имел временный выход Плева из боя на 31 августа—4 сентября, что вызвало трудности для 3-й армии бои у р. Равы-Русской и настолько поглотило силы 3 и 8 армий, что они не заметили начала отступления неприятеля и не в силах были его преследовать.

Критикуя эти достижения, не надо, однако, забывать, что в течение ближайших дней, следовавших за 29 августа, тыл всей Галицийской операции, после поражения армии Самсонова, не был ничем прикрыт со стороны Восточной Пруссии. Направление в этот момент подкреплений, необходимых, чтобы преодолеть кризис в районе Люблина и продолжать наступление в Галиции, вместо того, чтобы заслониться на Нареве от германцев, представляет большой плюс русского верховного командования. При всей их неполноте, успехи русских в Галиции в течение первых шести недель войны оказались достаточными, чтобы нанести австро-венгерским армиям такие удары, которые оказались смертельными для всего государственного организма двуединой монархии. Австрийские войска, шедшие в первые бои с большим подъемом, в течение остальной войны представляли уже второсортный материал.

12. Ивангород—Варшавская операция. Успех Гинденбурга-Людендорфа в Восточной Пруссии и поражение Конрада в Галиции выдвигали теперь перед германским командованием задачу — помочь австрийцам. Прорыв Нарева, представлявший для русской армии большую угрозу в первые числа сентября, представлял теперь чрезвычайный риск, так как поставил бы небольшую германскую армию лицом к лицу со всеми русскими силами. Австро-венгерские войска главной своей массой устремились в узкий коридор между Вислой и Карпатами; нужно было, прежде всего, вернуть им боеспособность, остановить их, вновь повернуть против русских, а для этого требовалась непосредственная поддержка. Немецкое командование приняло решение — оставить для защиты в Восточной Пруссии 8-ю армию в составе 5 первоочередных пехотных и 1 кав. дивизии, а также второлинейных формирований, а из остальных сил — 9 перволинейн. пех. и 1 кав. дивизий — сформировать новую 9-ю армию, которую перебросить в Силезию. К 27 сентября эти части развернулись от Кракова до Ченстохова; ландверные части (дивизи-

зия графа Бредова) продолжали левое крыло 9-й армии до Калиша. Еще далее, до Торна, фронт продолжался ландштурмом, собранным в 3 корпусных округах; на правое крыло 9-й армии был притянут корпус Войрша. Кроме того, для действий на левом берегу Вислы была предназначена 1 австрийская армия Данкля.

Уже на следующий день началось наступление 21 германско-австрийских дивизий, направлявшихся к северу от верхней Вислы; они нацеливались для широкого охвата фронта русских армий, одержавших победу в Галиции.

Русские войска, преследуя австрийцев, были задержаны командованием на р. Вислоке; в виду поступивших сведений о появлении германских войск в Силезии, русскому верховному командованию удалось заблаговременно начать контр-маневр; к осуществлению его мы успели приступить за 4 дня до начала германского наступления; под прикрытием Вислы 5, 4, 9 армии от р. Сана были оттянуты на север и развернулись вдоль Вислы, по обе стороны Ивангорода, а 2-я армия, пополненная тремя Сибирскими корпусами с р. Нарева, сосредоточилась к Варшаве. В Галиции оставались только 3 и 8 армии, которые отошли за р. Сан.

Германская армия, находившаяся уступом за северным крылом австрийцев, ожидала, что, преследуя австрийцев, мы втянемся в узкое пространство между Вислой и Карпатами или двинемся через Карпаты в Венгрию, чтобы броситься на наш открытый фланг и тыл. Но русское командование не повело свои армии в заготовленную западню. Тогда германцы сами перешли в наступление, являвшееся несвоевременным ни по численному составу германской армии, ни по состоянию австрийских войск, еще не оправившихся от Галицийского поражения. (см. схему № 3).

Конница — 5 кав. дивизий ген. Новикова — отходила на левом берегу Вислы перед германской армией, прикрывая эту сложную перемену операционных линий русских армий. Крупной шероховатостью русского маневра яви-

лось выделение на левый берег Вислы слабых пехотных частей: 4 октября у Опатова беспечно подверглась полному разгрому гвардейская стрелковая бригада, с которой столкнулись далеко превосходные части 9-й германской и 1-й австрийской армий.

Благодаря мощной поддержке германской армии, 2, 3 и 4-я австрийские армии — масса в 30 дивизий — полувившие пополнение, смогли 4 октября также перейти в наступление. Их задача заключалась в том, чтобы перейти через р. Сан и наступлением между Вислой и Зап. Бугом в северном направлении заставить русских отказаться от обороны р. Вислы. Однако, русские планомерно отошли за р. Сан и крепость Перемышль и далее не позволили австрийцам продвинуться ни на один шаг. Вследствие этого, центр тяжести австро-германской операции, намечавшийся по плану на правом берегу Вислы, оказался перенесенным на левый берег.

Германцам, рассчитывавшим охватить с севера русский фланг в Галиции, вследствие русского контр-маневра, стал грозить с севера от Варшавы русский охват. Раз немцам не удалось заставить русских врасплох — им надо было стремиться создать выгодные условия себе для обороны, а для этого надо было успеть занять левый берег р. Вислы прежде, чем русские успеют переправиться через реку в значительных силах. Германские корпуса еще двигались вперед, но в основе их маневра выдвинулась оборонительная задача. Первоначально германское наступление нацеливалось левым флангом на Ивангород — теперь приходилось свернуть его в северо-восточном направлении, чтобы протянуть левое крыло до Варшавы включительно.

Русские опоздали устроиться своевременно в достаточных силах на левом берегу Вислы; с 5 по 12 октября германцам, покрывшим в 8—15 дней расстояние в 180—300 километров, с боем против русской конницы удалось занять весь левый берег до Варшавы. Русские успели задержать только в предместных укреплениях Ивангорода и Варшавы; кроме того, в

болотах левого берега Вислы у Козенице засели части III Кавказского корпуса, которых немцам, несмотря на все их усилия, не удалось отбросить за реку.

В руки немцев уже 9 октября попала директива по 2-й русской армии, штаб которой вообще не обращал внимания на охрану тайны оперативных распоряжений. Немцы почувствовали еще сильнее нависшую над их левым флангом угрозу. Левое крыло 9-й армии, два корпуса под командой Макензена, 18—17 октября находилось в бою под Варшавой. На 20 октября был назначен нами решительный переход в наступление, но уже в ночь на 18 октября, уклоняясь от разгрома двойными силами русских, Макензен отвел свои войска на 3 перехода на запад от Варшавы, к северу от р. Пилицы, на фронт Лович — Рава — Ново-Място, где Макензен был усилен до $3\frac{1}{2}$ корпусов. Слева, на Взуре, его прикрывал ландштурм, несколько задержавший попытку нашей конницы обойти его с севера.

Людендорф рассчитывал, что Макензену удастся задержаться на этом фронте, а он с остальными 3 корпусами (XI, XX, Гв. резерв.), предоставив оборону Вислы, вызванным на смену германцев австрийским корпусам, нанесет удар во фланг русским, наступающим от Варшавы, переправившись на северный берег Пилицы у Бялобжеги и Ново-Място. Мелкалая мысль — отрезать от Вислы действовавшие севернее Пилицы русские 2-ю и 5-ю (переправилась 21 октября у Гура-Кальвария) армии и уничтожить их полностью.

Этот маневр, однако, совершенно не удался. Макензен с 25 сентября был очень сильно атакован, левое его крыло должно было загнуться назад, правое было сбито за р. Пилицу. Но главнейшая опасность возникла со стороны Ивангорода.

Германцы обороняли р. Вислу, непосредственно занимая ее берег и мешая своим огнем наводить русским мосты. Сменившие их австрийцы оставили на реке только сторожевые части и сосредоточили сильные резервы позади;

Конрад хотел дать возможность русским начать переправу через реку, чтобы затем атаковать и сбросить в реку часть их сил, пока другая будет еще на том берегу Вислы. Этот тонкий маневр оказался не под силу австрийским войскам. С 21—25 октября в непрерывных боях 4-я русская армия продвигалась от Козенице и Ивангорода на левом берегу Вислы в направлении на Радом; 26 октября немцам пришлось поддерживать австрийцев резервами, двигавшимися к Пилице; тем не менее 1-я армия Данкля была разбита на голову, отошла назад и открыла широкий промежуток между ней и главной массой австрийцев, куда устремились русские войска (9-я армия); германцам и австрийцам угрожал полный разгром.

27 октября Людендорф отдал приказ об отступлении армии в Познань и Силезию. Отступление это, заблаговременно подготовленное, удалось немцам полностью; при своем отходе они самым капитальным образом разрушили не только железные дороги, но и шоссе; на последних не только мосты, но даже полотно — иногда на протяжении нескольких верст — было изрыто взрывами. Разрушение путей несколько задержало русское преследование.

Задержка германцев на Висле, встречный маневр 5, 4, 9 и 2 армий, переход 21 октября в наступление через Вислу — представляют высшее достижение русской стратегии в мировую войну. Натиск 12 германских и 40 австрийских дивизий, предводимых высокоталантливыми полководцами, был отбит, и неприятелю было нанесено крупное поражение.

13. Лодзинская операция. Стратегический и тактический успех, одержанный русскими в боях Ивангород-Варшавской операции, подвергся той же участи, как и остальные успехи в мировую войну: победитель переоценил его и, желая довершить окончательный разгром неприятеля энергичным преследованием, пошел по ложной дороге и совершил крупные ошибки.

Генерал Жоффр уже в половине сентября, через французского посланни-

ка, настаивал на энергичном наступлении русских армий. Отступление германцев от Вислы совпало с развитием германского натиска под Ипром и с поступлением запоздалых донесений шпионов о массовой перевозке войск в Бельгию (вновь сформированные корпуса 4-й германской армии). В критические минуты для английской армии Китченеру представлялось особенно страшным, как-бы Россия не удовлетворилась достигнутыми успехами — очищением своей территории и занятием Галиции и, ввиду наступившей зимы, не прекратила бы активные действия. Через английского военного агента Китченер обратился с настоятельной просьбой — не прерывать русского наступления, так как англо-французский фронт еще держится и, в случае переброски сил из состава отступившей от Варшавы германской армии, неминуемо будет прорван. Русское верховное командование смогло ответить самым успокоительным образом: вместо постановки русским армиям ограниченной задачи — занятия Восточной Пруссии до Вислы и использования зимнего периода для приведения в порядок сильно расстроенных русских войск — наша Ставка выдвинула задачу, которая была особенно любезна сердцу французского и английского командований: вторжение в Силезию и Познань. Несомненно, угроза Силезскому угольному бассейну должна была сразу разгрузить французский фронт и вызвать переброску германских войск против России.

Такие жертвы со стороны русской армии являлись бы оправданными, если бы на Западе стояли на карте жизненные интересы войны, или если бы франко-английские войска были бы готовы, пользуясь отливом в Польшу германских войск, перейти в решительное наступление. На самом деле, вопрос на западе шел только о том позиционном рубеже, на котором обе стороны готовы были застыть на многие месяцы, и отлив в Польшу германских резервов был важен для англичан и французов потому, что давал им возможность скорее дать своим войскам зимний отдых, приступить к их попол-

нению и к накоплению запасов вооружения и снарядов. Но во всем этом русская армия, понесшая огромные потери в течение первых трех месяцев войны, нуждалась еще больше наших союзников.

Русское верховное командование переоценивая свои успехи и принимая к сердцу интересы союзников ближе чем интересы русской армии, стало на роковой путь, решив (директива 2 ноября) вторгнуться внутрь Германии. Эта активность в ведении войны не отвечала ни ресурсам России, ни общему характеру войны. Русская империя имела внутри Германии партийных врагов — католический центр, который тянул Германию к тесному союзу с Австро-Венгрией и к освобождению Польши от русской власти, а также социал-демократов. Спокойствие, постепенно установившееся на западе, и угроза русского вторжения позволили этим германским партиям постепенно дать войне восточную ориентацию — на разгром России. Верховное германское командование постепенно уступало этой ориентации, что и было одной из причин торжества англо-французов и разгрома России и Германии.

Преследование русских войск было задержано в пяти переходах от Варшавы и Ивангорода необходимостью выждать восстановления в тылу железнодорожного движения; русские армии находились на правом берегу Варты; 14 ноября должно было начаться русское наступление. 4 русских армии (2, 5, 4 и 9) стояли лицом в Силезию и Познань 3 и 8 армии, развернутые против австрийцев к югу от верхней Вислы, прикрывали фланг вторжения. Правый фланг обеспечивался уступным положением правофланговой 2-й армии и расположением в районе Влоцлавск—Плоцк 1-й армии на обоих берегах Вислы. 10-я армия постепенно теснила слабую 8-ю прусскую от Немана и Бобра к р. Ангерапп и Мазурским озерам.

Уже 50 лет тому назад старый Мольте, анализируя возможные стратегические контр-маневры на такое русское наступление на Познань—Бреславль, выдвинул решение — сосредоточение на

участке Торн — Врешен германских войск, для действия с этой фланговой стратегической позиции.

Людендорф, теперь начальник штаба главнокомандующего на востоке германских войсками, обратился к этому решению. К 10 ноября 5 германских корпусов (+2 кавал. корпуса, +IX германская армия ген. Макензена) были из района Ченстохов-Калиш перевезены на север по железной дороге и готовы для удара по правому флангу русских между Варгой и Вислой.

Быстрота германского маневра заслуживает удивления: 27 октября окончилась неудачно для германцев операция на Висле, 5 ноября германская армия отступила перед русским центром за границу Силезии; 11 ноября она наносит нам фланговый удар справа.

Группа Войрша (4 дивизии) в районе Ченстохова представляла главную опору против русского фронта; правее ее находилась 1-я австрийская армия, на левый ее фланг перевысилась австрийская конница и 2-я австрийская армия. Тогда как Макензен должен был захватить русский фланг с севера, Войрш и австрийская армия должны были связать русский фронт, прорвать его и содействовать полному окружению 2 и 5 русских армий. Связью между Войршем и Макензеном должны были служить Бреславльский и Познанский корпусы, представлявшие почти ополченские части.

За три дня до перехода русских в наступление инициативу захватили германцы. Так как австрийские армии не закончили своего сосредоточения, и при том как австро-венгерские войска, так и дивизии Войрша и ополченские корпуса значительно уступали русским войскам, то нашим на русский фронт был только обозначен, и русские могли уделить все внимание фланговому удару 2-й германской армии, который получил очень сильное развитие (см. схему № 4).

Резервные дивизии армии Ренненкампа и небольшие подошедшие к ним подкрепления из состава 2-й армии были опрокинуты; против частей Ренненкампа на правом берегу Вислы демонстрировали 2 ландверных германских корпуса. Очень скоро германские

войска проникли до фронта Лодзь-Лович. 2-я русская армия стремилась спастись отступлением в юго-восточном направлении, но категорическим приказом верховного командования была задержана у Лодзи, где и остановилась 3 германских корпуса. Но в промежутке между Лодзью и Ловичем русских сил еще не было. Немцы, оставив 1-й резервный корпус против Ловича, где собирались русские подкрепления, перебрасываемые через Варшаву, бросили группу Шеффер-Бояделя (3 пехотн., 2 кав. дивизии) в охват Лодзи с востока и юга.

22 ноября германское наступление достигло высшей точки развития—2-я армия была окружена под Лодзью с запада, севера, востока и юга, и только небольшой перешеек в юго-западном направлении оставался свободным. Но расчет немцев, что русское управление потеряет голову, оказался ошибочным. Сил у немцев, чтобы сомкнуть кольцо окружения, оказалось недостаточно; подхлывшие с юга части 5-й армии отбросили наседавшие с запада ополченские части и сами надвинулись на группу Шеффер-Бояделя. От Лодзи 2-я армия рванула на север и попытка основную массу 9-й германской армии, которая, отходя, утратила связь с Шеффер-Бояделем. Импровизированный из всевозможных частей Ловичский отряд, с неоднократно менявшимся начальством, продвинулся к второй армии и прервал сообщения Шеффер-Бояделя. 23—24 ноября последний находился уже в кольце русских войск, которое, однако, недостаточно энергично сжималось, что позволило германцам в ночь на 25 ноября через Брезины пробиться из окружения. Огромный успех—расплата за Самсоновскую катастрофу—казался уже в наших руках, но вследствие неудовлетворительности некоторых начальников осуществить его нам не удалось.

От Лодзи до Вислы установился непрерывный фронт. Попытка наша перейти в наступление против истощенной операцией 9-й германской армии была остановлена переброской назначавших прибывать в конце ноября и начале декабря 7 германских корпусов и германских кавалерийских дивизий

с западного фронта. Переброска этой массы в один район и дружное ее вступление в бой легко могло сокрушить сильно распатанный русский фронт; но мы повсюду действовали так активно, что Людендорфу пришлось вводить прибывавшие подкрепления по частям на различных участках фронта.

В виду усиления вдов германских сил, мы отказались от наступления и, по настоянию главнокомандующего сев.-западным фронтом ген. Руцкого, оставили 6 декабря Лодзь и отошли на укрепленные позиции за Бзуру, Равку и Ниду, где отбивали в течение зимы неоднократные атаки германцев.

В Восточной Пруссии наше наступление остановилось перед укрепленными позициями в районе Мазурских озер. В Западной Галиции, в начале декабря, австрийцам, при помощи одной германской дивизии, удалось 3 декабря охватить наш левый фланг со стороны Карпат, но наш контр-удар во второй половине декабря отбросил австрийцев в Карпаты.

Лодзинская операция расценивается в Германии, как высокое проявление стратегического искусства Людендорфа, спасшее Германию от русского нашествия. На самом же деле спасло немцев от русского нашествия решение прекратить бесплодную бойню у Ипра, перейти на французском фронте к обороне и удвоить количество войск на русском фронте. Критическое положение, в которое попали под Лодзью германские войска, было неизбежно при данном соотношении сил, и дерзость Макензена не была наказана лишь по счастливой для немцев случайности. Нельзя не обратить внимания на крайне неудачный момент, избранный Людендорфом для начала этой операции, которая могла решить войну. Если бы подкрепления — 7 корпусов — подошли на неделю раньше, вероятно, последовало бы полное уничтожение двух русских армий. Но если бы операция была начата на неделю позже, успехи германцев были бы еще больше. Чем более удалялась бы русская армия от Вислы, тем уязвимее становился бы ее фланг и тыл, и тем шире могла распространить-

ся катастрофа на большую часть русского фронта. Ясно, что, предпринимая решительный удар, Людендорф должен был сговориться с Фалькенгайном о моменте прибытия подкреплений. Трения в германском высшем командовании, невозможность высшего командованию сговориться с главнокомандующим на востоке свели на нет большую энергию и изворотливость частных германских начальников и маневренную способность их войск.

14. Сербский фронт. 5-я и 6-я австро-венгерские армии ген. Поттиорекка, выставленные против Сербии, насчитывали 13 дивизий—140 тыс. полевых войск и 85 тыс. ландштурма. Силы сербов состояли из 11 сильных дивизий—180 тыс. и около 100 тыс. ополчения. Организация сербской армии, имевшей характер хорошей милиции, не соответствовала требованиям наступления в пределы Австрии, как это показал их переход через Саву в начале сентября или вторжение в Боснию в октябре. Эти наступления, связанные с крупными неудачами, были предприняты отчасти из-за давления, неосновательно оказанного русским верховным командованием. Сербия была истощена двумя предшествовавшими балканскими войнами, не имела необходимых для наступления крепких кадров, ни нужного снаряжения; но, защищая родную землю, сербские солдаты дрались прекрасно.

У австрийцев не было необходимого перевеса сил, чтобы раздавить Сербию. Часть австрийских войск состояла из прекрасных горных бригад XV и XVI корпусов, но другую часть образовывали преимущественно ненадежные чешские батальоны, которых совершенно невозможно было двинуть против русских, и словацкие части; чехи и словаки в трудную минуту готовы были перейти на сербскую сторону. В таких условиях совершенно разумно было бы для австрийцев, пока не решится кризис на русском фронте, ограничиться обороной.

Однако увлекаемые повиннистическими чувствами, австрийцы трикратно повторяют ошибку наступления: первое—12-го августа, второе—8—24 сентября, третье—5 ноября—15 декабря.

Эти наступления каждый раз велись от угла, образуемого владением Дрипы в Саву; третье наступление дало возможность австрийцам занимать в течение 2-х недель Белград. Но каждый раз они приводили к тому, что силы наступавших австрийских войск истощались, и контр-атака сербов отбрасывала их с тяжелыми потерями за границу. Во время второго наступления потери только двух австрийских корпусов—XV и XVI—превышали 25 тыс. человек. Третье наступление стоило австрийцам не меньше 120 тыс. убитыми, ранеными, пленными и обмороженными. Этих жертв безусловно можно было избежать. Борьба частью сил на измор с Сербией являлась ошибочной стратегией. После отражения третьего наступления, истощение обеих сторон заставило перейти к малой войне на границе. Все излишнее для обороны войска (XIII корпус) Австрия перекинула на Карпатский фронт.

Черногория, располагавшая около 40 тыс. мобилизованных, с самого начала оказалась неспособной к каким-либо операциям, выходящим из рамок малой войны, а австрийцы оказались настолько благоразумны, что не двинулись в пределы диких черногорских ущелий.

1915 год.

15. Общая обстановка. Если русскому командованию удавалось преодолеть кризисы, создававшиеся в Восточной Пруссии, в Галицийской битве и в Ивангород-Варшавской операции, то этим оно было в значительной степени обязано притоку новых свежих сил—6 сибирских, 2 туркестанских, 2 кавказских корпусов. Эти постепенно подходившие корпуса играли роль стратегического резерва, необходимость которого до войны отрицалась близорукими теоретиками, и который получил решающую роль в мировую войну. Борьба на измор, в плоскости которой сложилась мировая война, заключается в преследовании ограниченных целей для истощения, как общих ресурсов враждебного государства, так и его стратегических резервов; только когда фронт оказывается предоставленным своим силам и перестает получать с тыла

свежую кровь, становится возможным решительный нажим для достижения цели войны.

В 1915 году русское командование должно было считаться с гораздо меньшей поддержкой с тыла. Железные дороги в 1914 году сумели уже исчерпать живые силы и материальные средства, подготовленные в мирное время. Новые формирования развивались в ничтожном масштабе, так как подготовленных людей и материальных средств не хватало и на пополнение больших потерь в действующих на фронте частях. В тылу, на замену погибших с Самсоновым XIII и XV армейских корпусов, формировались двановых корпуса под теми же номерами, готовность коих ожидалась в концемарта. Русская промышленность переставалась в соответствии с требованиями войны гораздо медленнее, чем в государствах, находившихся на высшей ступени капиталистического развития. Особенно остро вызывало состояние наших запасов снарядов и винтовок. Мы начали войну, имея максимальное число, по сравнению с другими государствами, заготовленных в мирное время снарядов на орудия—1300; наш главный противник, Австро-Венгрия, имела запас в два с половиной раза меньший—600, что ставило наши армии в чрезвычайно невыгодное положение в октябре-декабре 1914 года. Уже с сентября 1914 года и во Франции и в Германии чувствовался недостаток снарядов. Но тогда как и наши враги и наши союзники сумели сделать из этого надлежащий вывод, мы продолжали роскошествовать, принимая наступательные операции, подготавливая огнем атаки укрепленных позиций, хотя имели точное расписание того количества снарядов, которое могли получить в течение ближайшего полугодия; при отсутствии оперативной дисциплины, не ставя себе задач в соответствии с нашими материальными средствами, мы неуклонно шли к снарядному кризису, разразившемуся в мае и продолжавшемуся до августа—в течение 4 самых тяжелых для русской армии месяцев.

Наша превосходная полевая артил-

лерия принимала решительное участие в наших успехах 1914 года; теперь она отходила на второй план. Пехота потеряла свой кадровый состав офицеров и солдат; в 1915 году на ее плечи легла вся тяжесть боев; между тем, дело с ее вооружением обострилось очень печально. К началу войны запас винтовок русской армии достигал всего 4.652 тыс. Это наличие удовлетворяло мобилизационным потребностям; мы даже подарили Сербии в начале войны 120 тыс. винтовок. Но для пополнения потерь в действующей армии за первые месяцы войны было призвано почти 3 миллиона новобранцев и 2½ миллиона ратников ополчения, в вооружении коих и создался кризис. Наши оружейные заводы, вместо мобилизационного задания в 60 тыс. винтовок в месяц, вырабатывали в начале войны только 10 тыс. и лишь к концу 1916 года сумели подняться до 130 тыс. винтовок в месяц. Это была капля в море сравнительно с потребностью. Вследствие недостаточной дисциплины, утрата в бою винтовок достигала больших размеров; терялись не только винтовки солдат, попадавших в плен, но и большая часть винтовок убитых и раненых солдат. Пришлось последовательно отобрать винтовки у тыловых частей и у флота; в запасных частях новобранцы имели на роту всего несколько винтовок. И все же, укомплектования на фронт приходилось посылать вооруженными в все меньшем проценте. В полках образовались безоружные команды, представлявшие своего рода хвост солдат, ожидавших смерти или ранения бойцов, чтобы поднять выпавшее из их рук оружие. В августе число таких безоружных в армиях достигало 30%; затем кризис был изжит, как за счет приобретения винтовок в Японии и Соединенных Штатах, так и за счет планомерного использования многих сотен тысяч доставшихся нам австрийских ружей.

Такой же острый кризис, как и мы, в снарядах и винтовках переживала Австро-Венгрия. Вместе с миллионами пленных она потеряла и миллионы винтовок; в запасных частях в Австрии

обученные обращению с оружием повстанцев производилось также преимущественно в приглядку.

Даже в Германии, не терявшей большого количества пленных, создался острый кризис; на рубеже 1914 и 1915 г. приходилось посылать на фронт безоружные пополнения, и вооружить тыловые части русскими винтовками; но уже в 1915 г. производительность германской промышленности, путем раздачи фабрикации отдельных частей ружья на 150 частных заводов, удалось довести до 200 тысяч винтовок в месяц, и кризис был изжит. Путем жестокой экономии на фронте немцы преодолели в первую зиму и жестокий снарядный кризис.

Покупки на заграничных рынках встречали препятствия, вследствие конкуренции союзников, особенно Англии, нуждавшейся в них для создания за ново «Китченеровской» армии — новых 35 дивизий, которые лишь в 1917 году, смогли приобрести достаточную боеготовность. Само формирование Китченеровской армии являлось грозным предзнаменованием для активной стратегии, которой держался русский главнокомандующий Николай Николаевич вместо немедленной помощи снарядами и винтовками русской армии, западные союзники начали накапливать у себя запасы, формировать свою силу, которая должна была сыграть решающую роль через 2—3 года, а от русской армии требовали немедленных решительных действий.

Очень скоро Китченер, под предлогом необходимости уничтожить конкуренцию заказчиков, взял в свои руки монополию русских заказов в Англии и Соединенных Штатах; эта монополия внешней торговли, наоборот, явилась могущественным средством подчинения себе воли союзника. Впоследствии, когда производство боевых припасов в России уже налажилось, мы получили 5 миллионов снарядов, которых мы не заказывали, но от которых не сумели отделаться.

Что касается до наших союзников, то переброска в ноябре 1914 года всей германской кавалерии и 7 корпусов с запада на русский фронт создала на

западе вполне устойчивое положение. Новым плюсом для наших союзников явилось отправление Германией 4 плапомерно вновь сформированных и обученных корпусов, вполне готовых к февралю 1915 г., на русский фронт. Новый выигрыш времени и энергии для усовершенствования своей техники и пополнения своих армий союзники получили вследствие переброски 12 германских дивизий с запада на восток в течение весны и лета 1915 г. Этот год войны, столь тяжелый для России и приведший к полному уничтожению Сербии, явился годом передышки для наших союзников. Если французский фронт и удерживал еще большую часть германских сил (на русском фронте число германских дивизий дошло до 67, при числе австро-венгерских дивизий, превышающем 50), то эти германские дивизии во Франции отдыхали, тогда как в России широкой рекой текла русская и немецкая кровь.

В ответ на указания русского командования на появление на русском фронте все новых масс германских войск, перебрасываемых из Франции, французы предпринимали в мае вялые атаки у Арраса, несколько раньше — микроскопические операции в Шампани и Бсвре. Наступление французов велось на чрезвычайно узком фронте — до 6 верст, и сводилось преимущественно к энергичной бомбардировке небольшого участка германских окопов, совершенно недостаточного для прорыва. Результатом этих французских демонстраций было продвижение на несколько десятков метров небольших частей фронта. Когда в июне 1915 г. ясно обнаружилось, что Россия предоставлена своим силам, то Жоффр предложил собрать в Шантильи междусоюзническую конференцию, для принятия координированного плана действий. Эта конференция, состоявшаяся в июле 1915 года, наметила производство небольшой атаки к северу от Арраса и «большого» — на фронте в 25 километров — наступления в Шампани.

С подготовкой этого «большого» наступления французы затянули до 25 сентября, когда операции на русском

фронте были уже закончены, и германцы могли отправлять назад освобожденные корпуса.

Разумеется, у немцев оказалось достаточно сил на западном фронте, чтобы прикрыть те 14 километров, которые французам удалось прорвать. Чтобы действительно помочь России, французские армии должны были перейти в наступление на три месяца раньше и развить его на 3—4 участках, каждый на фронте не меньшем, чем в Шампани. Французской стратегии выжидания и переложения боевой работы на плечи России пришла на помощь принятая ими в этот период тактика: к артиллерийской подготовке атаки были предъявлены требования не временной нейтрализации сил обороны, а полного ее уничтожения; считалось недостаточным загнать в убежища обороняющегося из окопов, но надо было все эти убежища и разрушить. Такая тактика требовала бесконечных артиллерийских сил и средств, отсутствием коих можно было очень удобно объяснить отказ от поддержки союзника. С теми 1.750 тяжелых и 2.770 легких орудий, которые французы и англичане сосредоточили к пунктам атаки, вместо прорыва на фронте в 20 верст можно было, безусловно, вести атаку на общем фронте в 50—60 верст. Жоффр, благодаря своей тактике, сумел отбыть очередной номер: обменялся с немцами потерями в 150 тыс. человек, захватил первую неприступную укрепленную полосу на фронте в 14 километров и остановился перед второй линией укреплений — вследствие якобы больших потерь и израсходования снарядов. Потери же на русском фронте исчислялись миллионами. При всех допущенных в его организации ошибках, французское наступление в Шампани было очень близко к полному успеху, что доказывает, что германские окопы и в 1915 году отнюдь не являлись недоступными, и что Франция, при более внимательном отношении к положению союзника, еще летом 1915 года могла бы помешать германцам захватить Польшу и Литву.

Англичане вели операцию в Дарданеллах, чтобы парализовать угрозу со-

стороны турок для Египта и Индии, а также для того, чтобы открыть сообщение с Черноморскими портами России, и полагали, что они рассчитаются с Россией за ее самопожертвование призраком Константинополя.

16. Турецкий фронт в 1915 году. Турция вступила в войну официально в конце октября. 27 октября укрывавшийся в Турции «Гебен» — большой современный крейсер, и скоростной малый крейсер «Бреслау» под турецким флагом начали военные действия в Черном море и теперь провоцировали начало войны. Но уже в конце сентября была начата мобилизация и прекращено сообщение с Россией через Дарданеллы, где было выставлено минное заграждение.

На суше военные действия были начаты турками вторжением мелких отрядов к северу от Карса. Слабые силы нашей Кавказской армии, высланной в Польшу свои лучшие корпуса, ответили наступлением от Карса по дороге к Эрзеруму, встретили 3 турецких корпуса у Кепприкея и здесь остановились на зиму. Энвер-паша с начальником штаба, германским генералом Бронзартром, полным новичком в турецких условиях, решил вступить в командование стоявшей здесь турецкой армией, усиленной до 90 тыс. солдат, и одержать над русскими решительную победу. Один корпус должен был остаться перед русским фронтом, а два корпуса — по занесенным снегом, обледенелым горным тропам обойти правый русский фланг с севера и выйти в тыл к Сарыкамышу. В жестокой январьской вьюге турки двинулись; переход турками был совершен, но половина солдат на марше замерзла, а другая половина двух корпусов в полузамерзшем состоянии прибыла в Сарыкамыш и сдалась, с просьбой накормить и обогреть, нашим этапным частям. Из 90 тыс. армии, после авантюры Энвера, осталось 12 тыс.; вследствие тифа и дезертирства, в дальнейшем туркам не удалось выставить на Кавказском фронте больше 30 тыс. солдат, несмотря на посылавшиеся туда многочисленные пополнения.

В начале февраля турки предприняли поход на Египет, собрав для этого 16 тыс. солдат. С такими силами мечтать о завоевании Египта было трудно. Получился только набег на Суэзский канал, и быстрое отступление. Этот набег, однако, вывел англичан из состояния равновесия и заставил ответить на него рядом непродуманных действий, имевших целью захват проливов и Константинополя.

Вместо того, чтобы собрать надлежащие морские силы и десант, высажить войска, захватить врасплох турецкие батареи на берегах Дарданельского пролива и ввести флот в Мраморное море, англичане многократно обстреливали в феврале турецкие укрепления у входа в Дарданеллы, затем с 1 марта начали попытки проникновения в Дарданеллы, а 18 марта произвели большую попытку прорыва флота через Дарданеллы. К этому времени турки подтянули все свободные артиллерийские средства и полевые тяжелые батареи.

После неуспеха морских сил англо-французов, потерявших 6 линейных судов, турки собрали для защиты Дарданелл 5-ю армию под командой германского генерала Лимана фон Сандерса (начальник германской военной миссии в Константинополе), из лучших сил, имевшихся в Турции. Эта армия, образованная 24 марта, получила от англичан в подарок рюкзак месяц, чтобы устроиться в Дарданеллах; 24 апреля начинается операция, которую англо-французы предпринимали слабыми, качественно и количественно, силами (около 80 тыс. ген. Гамильтона), преимущественно из контингентов тех милиций, которые выставили английские колонии. С этими силами удалось только зацепиться за южную оконечность Дарданельского полуострова. Теперь, когда турки собрали до 22 дивизий для защиты полуострова, англичане решили выставить большие силы, и 6 августа начинают операцию, которая, предпринятая с самого начала, дала бы легкий успех. Теперь же бои затянулись надолго. Так как Сербия и Румыния не допускали в Турцию подвоза из Германии военного снаряже-

тия, то турецкая артиллерия почти вовсе не имела снарядов и иногда стреляла холостыми выстрелами, чтобы подбодрить свою пехоту, упорно защищавшую свои окопы под руководством германских офицеров. Когда поздней осенью 1915 г. сопротивление сербов было сломлено, и снаряды двинулись в Турцию, то англичанам нельзя было оставаться сидеть на побережье полуострова под высотами, занятыми турками. В ночь на 20 декабря 1915 года и на 8 января 1916 г. десантная армия покинула Дарданеллы, оставив туркам всю свою материальную часть. Войска Антанты получили преимущественно назначение в Салоники. Эта возмутительная по своим ошибкам операция англичан, подорвавшая политическую репутацию поддерживавшего ее Чемберлена, обошлась туркам в 218 тыс. человек, в том числе 66 тыс. убитых и 110 тыс. инвалидов, и вызвала еще большие потери со стороны англичан (австралийцы, ново-зеландцы и т. д.).

17. Выступление Италии. Италия занимала все более недружелюбное положение по отношению к Австро-Венгрии. Против 36 дивизий итальянской армии Австрия заблаговременно начала формировать на итальянской границе 5 ополченских дивизий. В апреле русскому командованию было уже известно о предстоящем вскоре вступлении Италии в войну, это была одна из существенных причин, почему Ставка не остановила инициативу, захваченную юго-западным фронтом, который втянулся в форсирование Карпат. Вероятность скорого появления русских сил в венгерской равнине придавала смелость итальянскому правительству. 4 мая, в самом начале прорыва русского фронта на Дунайце, Италия заявила об аннулировании договора, связывавшего ее в Тройственный союз с Германией и Австрией, и связалась соглашением с Антантой. Несмотря на колебания, вызванные усилиями германской дипломатии и отходом русских от Дунайца на Сан, 23 мая Италия объявила войну. Положение на русском фронте было столь напряженное, что австрийское командование могло снять с

русского фронта только 2½ дивизии в сильно потрепанном состоянии. Австро-венгерский фронт создавался, главным образом, за счет 50 батальонов XV и XVI корпусов, переброшенных с сербского фронта. Сербия была страшно обессилена зимой 1915 года эпидемиями; сербы были чрезвычайно разочарованы большими обещаниями, которых не послушалась Антанта дать Италии, относительно восточного побережья Адриатики, на которое сербы чувствовали себя законными претендентами; наконец, в ближайший район к Сербии германцы перенесли формирование трех новых дивизий, чтобы призраком германских войск держать сербов в пределах осторожности. Все эти меры позволили австрийцам снять с сербского фронта все боеспособные части, включая и ополчение, и двинуть их против Италии, а сербы не обнаружили ни признака жизни.

На Изонцо вначале австрийцы располагали только 23 ополченскими батальонами; все ожидали, что имевшая возможность исподволь подготовиться Италия немедленно обрушится на них и прорвется через горы. Фалькенгайн строил планы герmano-австрийского сосредоточения для внезапного удара на спускающиеся из Тироля и Каринтии итальянские корпуса. Однако, прошел целый месяц, прежде чем итальянские войска смогли начать натиск на Изонцо. Кадорна, начальник итальянского генерального штаба, боялся удара во фланг и тыл из Тироля, выслал для прикрытия наступления на границу Тироля крупные заслоны и пропустил удобный момент овладеть горами к востоку от Изонцо. Итальянские перволинейные войска показали себя много слабее австрийского ополчения: на переправе через Изонцо у Пьерис, например, 1 батальон австрийского ландштурма вынудил развернуться целый VII итальянский корпус с 2 кавалерийскими дивизиями и нехотя, после длительного боя, отошел. Осторожность итальянцев и опасения со стороны Тироля во многом объясняются тем, что Германия, не объявившая войны Италии, перенесла на Тирольскую границу Италии формирование своего

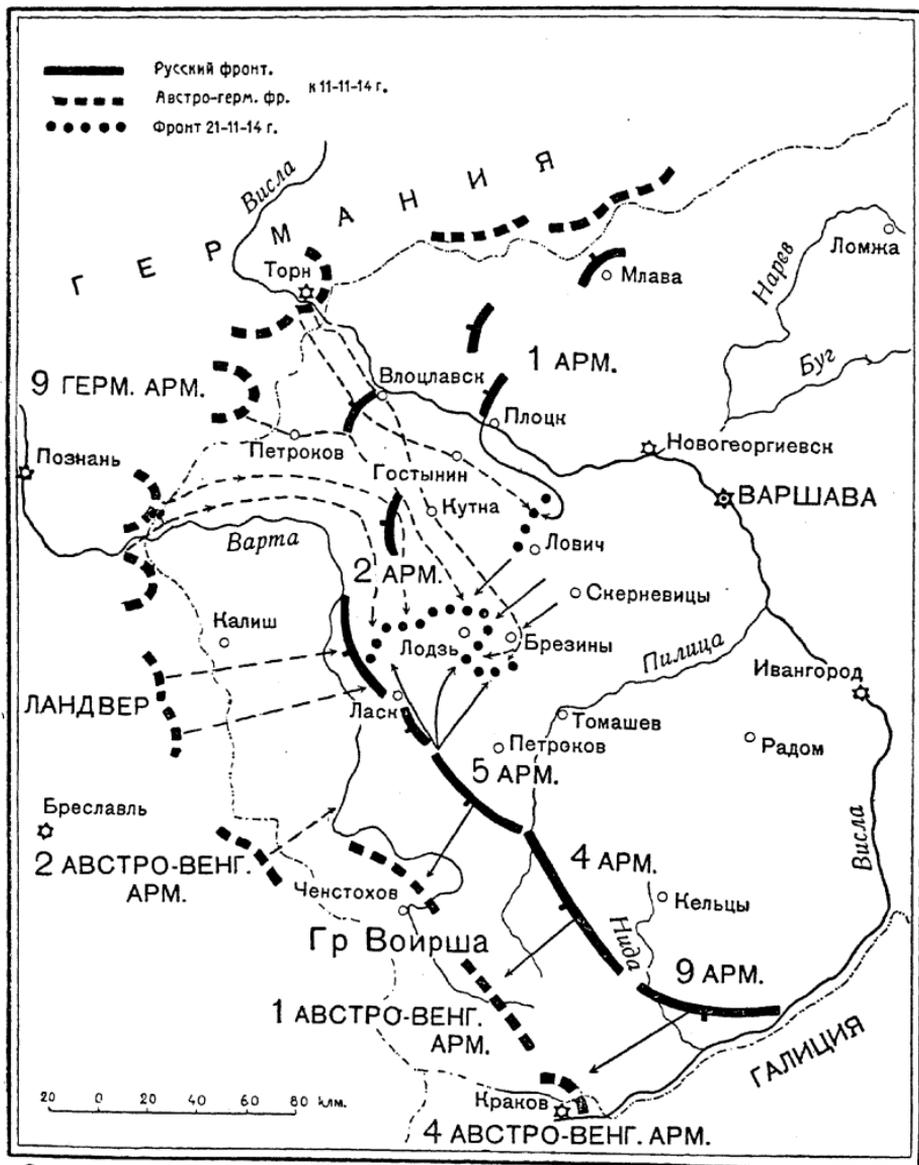
Ивангород-Варшавская операция 1914 г.

Схема № 3

Энциклопедич. Словарь Русск. Библиогр. Инст. Гранат.

«Альпийского» корпуса, и Кадорна боялся удара германской армии из Тироля. Где у германцев не было войск, там они работали привидениями.

Только 23 июня итальянцы начали первое сражение на Изонцо. К этому времени австрийцы сумели перебросить с русского фронта еще 1½ дивизии.

Несмотря на свои 560 тыс. солдат и 1.260 орудий, Италия, как помощница России в борьбе с Австрией, не сумела заменить для России даже энергии, которую развивала в 1914 году Сербия. Первое сражение на Изонцо тянулось от 23 июня до 7 июля; итальянцы ввели в бой всего около 100 тыс.; второе сражение на Изонцо—17—25 июля, в котором принимало участие 250 тыс. итальянцев против 78 тыс. австрийцев, окончилось с самыми ничтожными результатами. Третье сражение на Изонцо—18 октября—2 ноября и четвертое сражение—9 ноября—11 декабря тоже кончились в ничью. Несомненно, австрийские войска в этих отбитых ими наступлениях несли под огнем многочисленной итальянской артиллерии значительные потери; однако, если итальянцы безусловно не оказались на высоте задачи нанесения решительного удара, едва ли они принесли значительную пользу в борьбе на измор, на разложение Австро-Венгрии, так как потери здесь австрийцев в значительной степени компенсировались подвигами австрийского оружия, победами, в которых австрийская государственность очень нуждалась, после ряда тяжелых погромов на русском фронте.

18. Борьба на русском фронте в 1915 году. Только во второй половине 1915 года английские войска на западном фронте получили значительное усиление за счет первых формирований Китченеровской армии; одновременно и французская промышленность, перестроившись в соответствии с требованиями войны, начала подавать снаряжение и снаряды в большом количестве. Германия в первой половине года имела значительное преимущество—и в скорости новых формирований, и в скорости приспособления промышленности к требованиям войны. В начале

1915 года немцы могли бы добиться на западном фронте успехов во много раз легче и скорее, чем в 1916 или в 1918 годах. Атака на Верден имела большие шансы захватить весь крепостной район в течение одной недели. Это был последний год, когда немцы могли победой сокрушить Францию и поставить ее на колени. Эти мысли ясно рисовались Фалькенгайну, и все же он дал увлечь себя на восточный фронт. Он понимал, что каждая потерянная на русском фронте минута является минусом для общего хода войны, растратой сил, средств и энергии германского народа, и поэтому он каждый раз ввязывался в него, строго подчеркивая ограниченную цель и стремясь поскорее перенести внимание с русского фронта на запад. И все же больше года было потеряно для операций во Франции—взята верх восточная ориентация и, шедшее в ущерб правильной военной политике, тяготение Людендорфа к большим делам в своем околоске. Первые четыре корпуса нового формирования были даны Людендорфу, чтобы последний очисти́л Восточную Пруссию от русских войск; очищение нескольких разоренных уездов Восточной Пруссии едва ли играло роль среди событий, долженствовавших решить мировую войну, но местные интересы иногда дают на командование сильнее мировых. Но окончательное решение сделать Польшу театром главных операций было вызвано слишком сильным нажимом, который в исходе зимы 1915 года сделал юго-западный фронт на Австрию в Карпатах, и который, в связи с предстоявшим выступлением Италии, прозил развалить Австро-Венгрию. После успешного начала этой операции Фалькенгайн стремился всемерно ограничить ее, но независимо от него австрийское командование и пользовавшиеся большим влиянием Гинденбург—Людендорф все расширяли рамки и затянули наступление против русских на 5 месяцев (см. **схему № 5**).

События приняли следующее развитие.

К началу 1915 года главные силы русских концентрировались фронтом на запад на реках Взуре, Равка, Нида,

Дунаец. Здесь находились 1, 2, 5, 4, 9, 3 армии. Фланги прикрывались в Восточной Пруссии 10-й армией, в Карпатах—8-й армией. В общем резерве имелось два корпуса. Слабая 11-я армия (60 тыс. второчередн. частей и ополчения) осаждала Перемышль, имевший вдвое более сильный гарнизон. Наиболее напряженная боевая деятельность была на Равке и Бзуре, где после Лодзинской операции сосредоточилась главная масса германских дивизий. Неустойчивость флангов была ясна. Русское командование решило собрать новую 12-ю армию на р. Нарев и вначале ограничиться активными действиями в Восточной Пруссии, без овладения которой вторжение в Германию, очевидно, представлялось невозможным. В то же время юго-западный фронт, по своей инициативе, начал сосредоточивать войска в Карпатах, с целью перехода в наступление.

Эта перегруппировка русских войск от центра к обоим флангам оказалась весьма разумной, так как австро-германцы решили произвести одновременный нажим на оба русские фланга. В Восточную Пруссию на усиление 8 армии прибывает новая 10-я армия (3 новых корпуса и на замену четвертого—XXI эльзасский корпус, который, в виду его укомплектования не надежными в борьбе с французами эльзасцами, надо было перевести на другой фронт) и группа Гальвица—два новых корпуса. Австрийцы усиливают свой Карпатский фронт 2-й армией, увезенной из западной Польши, южной германской армией, ядро которой образуют три германские дивизии, и 7-й армией Пфланцер-Балтина, ядро которой составили перевезенные с Сербского фронта, в виду установившегося там затишья, части.

23 января неприятель перешел в наступление на Карпатском фронте, имевшее ближайшей целью освобождение Перемышля. Наступление вышло далеко не дружным, так как активность русских вызывала необходимость вводить в бой прибывающие войска по частям, а слабые венгерские железные дороги затягивали перевозку. Пфланцер-Балтину удалось вторгнуться в

Буковину и удержаться в ней, хотя он был сильно потеснен сосредоточенной против него 9-й русской армией. 3-я, 2-я и южно-германская армии имели умеренные успехи, но с 10 марта были энергично отброшены русским контр-наступлением; выручка Перемышля не удалась, и 22 марта крепость пала. Главкомандующий юго-западным фронтом продолжал в марте и апреле наступление в Карпатах; значительная опасность грозила 2-й австрийской армии, но усиление ее дивизиями с левого берега Вислы, а главное германским «Вескидским» корпусом, остановило здесь успех русских. Верховное русское командование не имело достаточной решимости пресечь это наступление, хорошо влиявшее на ход переговоров с Италией, но истощавшее наши силы и запасы и самым успехом своим дававшее последний козырь той группе наших врагов, которая настаивала на переносе центра тяжести германских действий на восток. Эта Карпатская авантюра заставляла постепенно обнажать от войск линию реки Дунайца, прикрывавшую Карпатскую операцию с правого фланга: вместо двух армий здесь остались только 2 корпуса, составленные преимущественно из ополченских частей.

Одновременно развивалась операция в Восточной Пруссии. 4 корпуса русской X-й армии, растянутые в тонкую линию, без резервов, стояли вплотную перед 8-й германской армией, занимавшей укрепленную линию Мазурских озер и р. Ангерапп 5 дивизиями (преимущественно ландверными), усиленными ландштурмом. Наша армия представляла прекрасный объект для нападения. При помощи преимущественно новых формирований, Людендорф скрытно собрал уступом за северным флангом 8-й армии 6½ сильных пехотных дивизий (10 армия), а за южным—3 пехотных дивизии ген. Литцмана, и 7—8 февраля бросил их в наступление.

Сильная вьюга занесла снегом все пути в нашем тылу и препятствовала вывозу многочисленной позиционной материальной части. Русский фронт при создавшейся обстановке медленно отходил назад. III Сибирский корпус, на-

левом фланге 10 армии, остановил у Лыка до 14 февраля натиск группы Литцмана. Но кавалерия, составлявшая русское правое крыло, панически скрылась за Неманом; пехота правого русского крыла также раскисла и не оказала 10 армии никакого сопротивления; 3-й армейский корпус частью рассеялся; второочередные части, воспичанные для боя лишь в хорошую погоду, в Вержболове сдались без боя. Обходя наш правый фланг, к 14 февраля 10 германская армия достигла фронта Сувалки-Сейны. Попытка 15 и 16 февраля войти в Августовский лес, с целью непосредственно перерезать путь русского отступления, не удалась — авангард XXI германского корпуса был разгромлен и взят в плен нашей 27-й пехотной дивизией. Тогда X-я германская армия распространилась вдоль опушки Августовского леса к востоку и югу до г. Липска. III Сибирский корпус сумел пробиться через Бобр, но XX корпус и части 27 и 53 дивизий оказались окруженными в Августовском лесу и вели энергичный бой в течение недели, до 22 февраля, отбиваясь на 4 стороны и стремясь прорваться в направлении на Гродно. 2 корпуса, брошенные русским верховным командованием в Гродно (в том числе сформированный XV), тщетно старались подать извне помощь — германское кольцо не удалось разорвать, хотя две германские дивизии, сражавшиеся на два фронта, между Августовским лесом и Гродной, понесли огромные потери. В Гродно, как и под Брезинами в Лодзинской операции, русской вырубкой руководили начальники, не оказавшиеся на надлежащей высоте.

Если мы сравним гибель центра 10 русской армии в Августовских лесах с гибелью центра армии Самсонова, то увидим, что здесь дисциплина и порядок сохранялись в войсках несравненно дольше, и командование русских войск, а также солдатская масса, выполнили, находясь в отчаянных условиях, свой долг до конца. При более энергичных действиях из Гродно разгрому легко могли подвергнуться немцы, а не русские. Если бы корпуса Самсо-

нова сопротивлялись так же доблестно, как и XX корпус, то они были бы выручены.

План Людендорфа заключался не только в нанесении поражения русской 10-й армии, но и в захвате линии Бобра и всего участка Осовец-Гродно. Но для этого операция должна была развиваться молниеносно; две недели, потерянные немцами в боях у Лыка и в Августовских лесах, обессилили германские армии, которые понесли очень большие потери, и позволили русским собрать достаточные резервы. Германские начальники стали доносить о неприступных бетонных укреплениях вдоль линии Бобра, которых никогда не существовало. Напряжение похоти, отсутствие подвоза и расположение в болотах вызвали у немцев повальные заболевания, и в начале марта им пришлось начать отход на позиции между границей и Неманом.

С 21 февраля по конец марта разгрывается ряд упорнейших боев впереди нижнего Бобра и Нарева, от Осовца до Млавы. Русские собирались здесь к 23 февраля закончить сосредоточение 12 и 1-й армий и перейти в наступление; инициатива на 16 дней раньше была захвачена германцами. Встречные бои здесь отличались громадной напряженностью и велись с переменным успехом. Два раза нам удалось нанести германцам (группа Гальвица и часть 8-й армии, свыше 13-ти пех. дивизий) чувствительное поражение: под Праснышем 27 февраля был разбит и частью взят в плен 1 германский резервный корпус, и под Еднорожцем, 18 марта, германцы были опрокинуты русским фланговым ударом через считавшееся непроходимым болото. Бои затянулись до конца марта.

19. Прорыв на Дунайце. Генерал Фалькенгайн, решив помочь австрийцам выйти из трудного положения перреброской войск с западного фронта, направил удар на русский фронт по коридору между Вислой и Карпатами; сосредоточение сюда по магистральным железным дорогам германских корпусов и тяжелой артиллерии встречало наименьшие затруднения, и удар на Дунайце, занятом преимущественно

русским ополчением, являлся успехом, одерживаемым по линии наименьшего сопротивления. Можно было предугадывать в этом коридоре спокойное развитие операции, так как Висла и Карпаты надежно обеспечивали флаги прорывающихся войск. С другой стороны, этот удар едва ли мог отрезать значительные силы, так как он направлялся на выдающуюся часть фронта. Под влиянием натиска немцев, русские при отступлении могли занимать все более и более короткий фронт. Для прорыва предназначалась 11-я армия Макензена, в состав которой, кроме австрийских войск, входило 8 германских дивизий, взятых с западного фронта.

Гинденбург на своем фронте должен был занимать демонстрациями внимание русских. Людендорф, которого тянуло к широкому обходу правого фланга—удару на Вильну-Минск, организовал демонстрацию в виде вторжения группы ген. Лауэнштейна (3 кавал. и 3 пехотн. дивизии) в Курляндию. Эта операция, начатая 27 апреля, являлась занятием исходного положения для подготовки большого охвата и потребовала усиления здесь германских войск вдвое; группа обратилась в Неманскую армию. Правда, и русские вынуждены были стянуть сюда значительные силы. Однако, эта демонстрация далеко выходила из рамок предположений германского верховного командования и затянула на 5 месяцев короткий удар, намеченный Фалькенгаймом.

Русские за две недели имели сведения о начавшемся сосредоточении германцев к Дунайцу; но так как принятие мер для отпора шло в разрез с нашими активными замыслами в Карпатах и Буковине, то оно все откладывалось, и лишь за 3—4 дня начали приниматься полумеры. 1-го мая наш фронт на Дунайце был легко продавлен, и началось затянувшееся до осени отступление русских армий.

В создавшемся положении русское командование, застигнутое врасплох, могло держаться двух систем обороны: или отводить после каждой неудачи войска крупными скачками в несколько переходов на удобный рубеж и со-

средоточивать на нем большие силы, чтобы дать решительный характер боевым действиям; или же цепляться за всякий клочок местности и всюду и всегда стремиться к активным действиям. Первая система, связанная с крупными одновременными потерями занятого пространства, лучше сохраняла войска, требовала менее материальных средств и позволяла добиться перелома в ходе кампании. Вторая система, на которой остановилось русское управление, сводилась к борьбе на измор в безнадежных условиях неприятельского превосходства; она очень скоро должна была вызвать кризис в снарядах и винтовках, так как непрерывные отступательные бои были связаны с громадными потерями в людях и материальных средствах. Миллионы русских пленных, естественно, должны были получиться в результате такой стратегии.

Если русская армия была истощена до крайности летним отступлением 1915 года — потери в течение 4-х месяцев достигали 1½ миллиона солдат — то было бы ошибочно думать, что германские и австрийские войска при их атаках на наши позиции с почти молчаливыми батареями одерживали легкие и бескровные успехи. Прусский гвардейский корпус, только за лето 1915 года, понес на русском фронте потери в 175% своего состава; столь же значительны были и потери других германских корпусов. Потери убитыми и ранеными австрийцев, получавших от своей артиллерии гораздо слабейшую поддержку, были на одну треть выше; сверх того, десятки тысяч, а в сумме сотни тысяч пленных являлись результатом наших контрударов. Наступление в Россию глубоко истощило Германию и Австрию. Германская пехота оценивала с каждой неделей русские позиции, как все более трудные для атаки, требовала более продолжительного обстрела артиллерией, а подвоз снарядов становился все труднее. В результате, когда русская армия в конце августа была приведена в полное расстройство, и наступательная сила наших врагов упала до минимума.

Главнейшие этапы летнего наступ-

пления в Россию были следующие: через две недели (14 мая) русские отошли за Саян и к Перемышлю. Макензен вынужден был на 10 дней прервать наступление для устройства тыла и переброски на Саян тяжелой артиллерии. В боях 24 мая—2 июня германцы овладели Перемышлем и средним Саном; на нижнем Сане русские 27 мая одержали крупный успех. 7—15 июня австрийцы, пытавшиеся через Днестр выйти в тыл Львову, были отброшены к Стрию с огромными потерями; но 12—14 июня Макензену удалось сбросить русских с позиции Мосциска—Любачев, что открыло прямую дорогу на Львов, который был потерян русскими 22 июня. К 26 июня Макензен со своими 12½ австро-германскими корпусами перегруппировывается для удара в северном направлении. 26 и 27 июня русские отбивают атаки на сильной позиции р. Танев—Рава-Русская и затем добровольно отходят несколько к северу. В первой половине июля наступление Макензена в сильной степени затормозилось, русские контр-атаки начали иметь значительный успех. Макензен приостановил свое наступление до 15 июля и подтянул 3 германских дивизии из состава «южной» армии. С 5 июля у русского командования уже сложилось убеждение в невозможности удержаться в Польше, и эвакуация Ивангорода и Варшавы начала развиваться полным ходом. 13 июля, для содействия Макензену, с севера, из Восточной Пруссии, в направлении на Нареv, начала наступление 12-я армия генерала Гальвица, усиленная до 12 дивизий. Если бы удар был бы произведен здесь фронтом Людендорфа двойными силами и протягивался дальше к востоку, то отступление русских сложилось бы в трудных условиях; но Людендорф все силы, вопреки указаний Фалькенгайна, направил в Неманскую армию, чтобы дать ей возможность удержаться в Курляндии. Только к 23 июля — 4 августа переправы через Нарев на фронте Пултук — Рожаны—Остроленка перешли в руки Гальвица, бессильного продвинуться дальше. Конец июля русские армии дрались лицом на север против Гальвица, ли-

цом на юг против Макензена, чтобы сохранить возможность планомерного отхода по коридору между ними с Вислы. В ночь на 5 августа нами был окончательно покинут левый берег Вислы, оставлена Варшава, и взорваны мосты. Генерал Макензен не мог помешать русскому отходу, так как атаки стоили ему очень дорого, уставшая пехота неохотно шла в атаку, и перед каждым новым русским фронтом приходилось делать значительную паузу для подготовки к атаке. В боях 16—18 июля ему удалось оттеснить нас от Красностава, но для того, чтобы атаковать русский фронт, прикрывавший жел. дорогу Люблин—Хюмм, Макензену пришлось в самое горячее для преследования время, 22—29 июля, сделать паузу. Только 30 июля эта железная дорога перешла в руки Макензена. 4 августа русские очистили Ивангород и Владимир-Вольнский, 22 августа — Осовец, к 26 августа очистили Брест-Литовск и Олиту, 2 сентября — Гродно.

Совершенно правильная система — эвакуировать при отступлении неспособные к сопротивлению крепости — была нарушена русским командованием по отношению к Новогеоргиевску, наилучше оборудованной и снабженной русской крепости. 9 августа Новогеоргиевск был обложен, 15 — открыт огонь тяжелой артиллерии, 19 августа крепость сдалась. Доверие, проявленное здесь, правда, в очень слабой степени, к крепостям обошлось русской армии в 80 тыс. пленных, не считая громадных материальных потерь.

Поскольку отход русских армий из передового польского театра при сложившейся обстановке являлся неизбежным и целесообразным, постольку сомнительным являлось отступление с фронта Неман — верхний Буг. 23 августа произошла смена русского верховного командования. Великий князь Николай Николаевич получил назначение на Кавказ, во главе командования стал царь; ген. Алексеев, в роли его начальника штаба, взял в свои руки руководство операциями вместо генерал-квартирмейстера Ю. Н. Данилова, фактически ими руководившего до сих пор, при больших трениях, вызывав-

шихся недостаточной его авторитетностью, слабой поддержкой, получаемой от Николая Николаевича, и мелкоколонных, сепаратистских тенденциях фронтов. Генерал М. В. Алексеев был достаточно опытен в оперативной технике, но не имел характера, необходимо-го для полководца.

С захватом в начале августа Варшавы и линии реки Вислы для германского командования наступил последний срок, чтобы оборвать затянувшуюся операцию на русском фронте. Тем не менее, наступление продолжалось и приняло новый оборот. Область, в которой крупные землевладельцы — бароны — принадлежали к немецкой национальности — Курляндия — тянула к себе Людендорфа. Несмотря на приказ — сосредоточить силы на Нареве, в армии Гальвица, Людендорфу удается собрать слабые силы и против крепости Ковно. 8 августа был начат обстрел крепости. Дело обороны Ковны было совершенно испорчено командантом крепости генералом Григорьевым, имевшим младенческие представления о технике и представлявшим равное ничтожество и в моральном отношении. 16 августа гарнизон с командантом в панике оставил крепость; на следующий день генералу Литцману, руководившему атакой, удалось утвердиться и на правом берегу Немана. Началось развертывание немцев на правом берегу Немана, представлявшее угрозу для Гродны с тыла, что и явилось предлогом для нового русского верховного командования, чтобы оставить линию Гродна—Брест—верхнее течение Зап. Буга.

Со взятием Ковны Людендорфу удается победить сопротивление Фалькенгайна против глубокого охвата правого русского крыла на направлении Свенцян — Молодечно. 9 сентября подготовка этого маневра была закончена. Неманская армия, долженствовавшая прикрывать операцию, двинулась в направлении на участок Зап. Двины — Двинск — Якобштадт. 10-я армия наступала с севера на Вильну. Между внутренними крыльями этих армий масса германской конницы бросилась в открытый промежуток в направлении на Сморгонь — Молодечно.

Германским раз'ездам удалось даже достигнуть окрестностей гор. Борисова и слегка повредить Александровскую железную дорогу. Крупных результатов этот маневр, однако, не дал. Германская пехота уже не была почти вовсе способна к атакам и ограничивалась обстрелом наших позиций. Наши резервы обрушились на германскую конницу прежде, чем к ней успела подойти германская пехота. 19 сентября в Сморгони была нами почти полностью уничтожена 1-я германская кав. дивизия. На Двине 5-я русская армия оказала успешное ожесточенное сопротивление Неманской армии. Эта операция явилась бы положительным выигрышем для русских армий, если бы недостаточно упорный ген. Алексеев, под впечатлением бурного начала прорыва, не приказал оставить Вильну и не осадил весь фронт к северу от Полесья на несколько лишних переходов назад.

Утомление германских войск, а также начавшиеся с весны демонстрации германских армий, привлекшие внимание русского командования к северному крылу, обусловили малый успех большого маневра Людендорфа. В конце сентября действия к северу от Полесья начали застывать на непрерывном фронте и переходить в позиционную борьбу.

Значительно хуже сложились для наших противников бои к югу от Полесья. Несмотря на предложение Фалькенгайна, сделанное австрийцам — закончить наступление и перейти к обороне, Конрад поставил себе целью — окончательно очистить Галицию от русских войск и захватить важный железнодорожный узел Ровно, чтобы магистраль Барановичи — Ровно перешла бы целиком в руки австрийцев. В первой половине сентября он произвел попытку охватить правый фланг русских. 14—22 сентября, в районе Луцка, русская 8-я армия Брусилова произвела крайне удачную контр-атаку. 4-я австрийская армия бездарного эрцгерцога Иосифа-Фердинанда была разбита наголову. Австрийцы не только не смогли отправить на сербский фронт VI и XVII корпусов, как у них было условлено с гер-

манским командованием, но были вынуждены обратиться с просьбой о германской помощи. Группе Герока, двинутой во фланг русским из Полесья и составленной, главным образом, из XXIV германского резервного корпуса, удалось морально воздействовать и остановить наступление Брусилова. Она здесь застряла до 23 октября. Наша контр-атака дала нам до 70 тыс. пленных.

Эти успешные для русских конечные операции к северу и югу от Полесья свидетельствуют, что германское командование своих целей не достигло. Австрийцы после легкой кампании 1915 года нуждались не в меньшей, а в большей поддержке германских дивизий, чем до нее. Средства опустошенной территории, занятой немцами, едва ли окупали расходы по ее оккупации, по постройке новых железных дорог, по ремонту всего разрушенного русскими при отступлении. Концы подвоза до германского фронта стали много длиннее, чем раньше, железнодорожная сеть слабее, и возможность таких маневров на железнодорожных рельсах, как раньше, исключалась. Зимой 1915—1916 г. Германия пережила жесточайший угольный и транспортный кризис — отчасти оттого, что своим углем и подвижным составом Германия приходилось теперь обслуживать Польшу, Литву и Белоруссию. Вынужден, таким образом, был довольно сомнительный, потерю же в 1915 году времени и сотен тысяч германских солдат на русских полях впоследствии на западном фронте наверстать не удалось.

20. Оккупация Сербии и Черногории. Отступление русских армий из Галиции и Польши неблагоприятно отозвалось на Балканском полуострове. Румыния, собиравшаяся летом, вслед за Италией, примкнуть к державам Антанты, теперь заняла строго нейтральную позицию. Самым чувствительным барометром являлось поведение Болгарии. Уже поражение армии Самсонова в Восточной Пруссии заставило ее приступить к обсуждению совместных с Австрией действий против Сербии, но неудача германских армий на Марне и австрий-

ских в Галиции уже в сентябре 1914 года, когда Турция приняла определенное решение, заставила Болгарию остаться нейтральной. Прорыв Гальвицем линии Нарева снова дал болгарам основание рассчитывать, что на союзе с Германией можно будет кое-что заработать. 6-го сентября 1915 года между Германией, Австрией и Болгарией была окончательно заключена военная конвенция.

Уже в конце июня, немедленно после падения Львова, Фалькенгайн выдвинул на очередь задачу уничтожения сербской армии и оккупации Сербии; в августе, достигнув Бута, он вновь хотел приостановить наступление в Россию; но потребовалось почти четыре месяца, прежде чем удалось освободить необходимые средства с русского театра. Операция против сербской армии обуславливалась необходимостью установить непрерывное железнодорожное сообщение с Турцией для доставки последней военного снаряжения; Турция выполняла важную для Германии задачу, отрезывая пути к черноморским портам России; но в том случае, если бы она осталась представленной своим силам, можно было опасаться, что союзникам удастся захватить проливы.

В конце сентября и начале октября против Сербии, под общей командой Макензена, развернулись 10 германских, 8 австрийских и 11 болгарских дивизий; сербы могли противопоставить только 11½ слабых дивизий. Главный удар направлялся через Дунай и Саву на Белград и по обе его стороны. 5 октября начался артиллерийский бой; с 6 по 10 октября в упорном бою австро-германцам удалось преодолеть пограничные реки, но наступление их встречало сильное сопротивление. 13 октября Болгария объявила войну Сербии, и две армии двинулись в тыл сербам, отрезывая сообщения с Салониками. Англичане и французы не сумели вовремя помочь Сербии, направив удар в помощь сербам со стороны Салоник. Этим судьба сербской армии была решена. В течение двух месяцев она жестоко отбивалась, стягиваясь, после неудачной по-

пытки пробиться в Салоники, к албанской границе. 7-го декабря сербам пришлось покинуть родную почву и, бросив всю артиллерию, без колесных дорог двинуться через Албанию к Адриатическому морю. Остатки сербской армии (35.000) были перевезены Антантой на остров Корфу, в течение 1916 года пополнены славянскими десертирами из состава австрийской армии и затем приняли энергичное участие в действиях на Македонском фронте.

Поход, намечавшийся на начало осени, пришлось осуществлять частью в распутицу, частью зимой. Половина конского состава пала. Среди войск стали свирепствовать болезни; потери были очень высоки; результат получился половинчатый, так как ядро сербской армии, хранительницы велико-сербских замыслов, ускользнуло. С другой стороны, на Балканском полуострове не было достигнуто и окончательной победы, так как к северу от Салоник удержался генерал Сарайль с 150 тыс. англо-французских войск, что позволило затем Антанте произвести сильный нажим на дружественно расположенную к Германии Грецию. Причины, по которым Макензен не атаковал англо-французов и не заставил отплыть их с берегов Балканского полуострова, заключаются формально в том, что разрушенные в Сербии железные дороги затрудняли снабжение германских войск при операции против Салоник: по существу же, Германия только что вовлекла в войну нового союзника—11 дивизий болгарской армии, которые ни в коем случае не соглашались сражаться где-либо вне пределов Балканского полуострова; таким образом, если бы армия Сарайля исчезла с Балканского полуострова, то союз с Болгарией утрачивал представляемые им для Германии непосредственные выгоды. Поэтому операция была остановлена, австрийские и германские войска начали исчезать из Македонии где лицом к лицу против армии Сарайля остались болгарские войска с рядом германских военных советчиков и германскими техническими частями.

Для операции против Черногории были двинуты части австрийского опол-

чения. 8 января началось наступление австрийцев из бухты Каттаро; 10 января были взяты высоты Ловчена, 13 января занято Цетинье, после чего Черногория капитулировала. Щедро трагившиеся в Черногории русские деньги не дали никаких выходов, а черногорский князь Никола сумел во время капитуляции обнаружить предательство как по отношению к австрийцам, так и по отношению к Антанте.

21. Общая оценка 1915 года. 1915 год принес кажущийся выигрыш Германии. Но, конечно, к началу 1916 года ее положение стало гораздо слабее, чем за год перед тем, так как год бездействия на западном фронте позволил Франции и Англии в сильной степени увеличить свою вооруженную мощь. Эти государства уже в 1915 году приблизились к той победной позиции, которую они заняли по Версальскому миру. Вступление Италии в войну явилось нарушением принципов политико-стратегического тейлоризма. Если бы итальянская промышленность работала на русскую армию, и итальянцы, вместо того, чтобы самим пользоваться своими ружьями и снарядами, продавали бы их в Россию, то в выигрыше оказалась бы Антанта, а в особенности и Италия, и Россия.

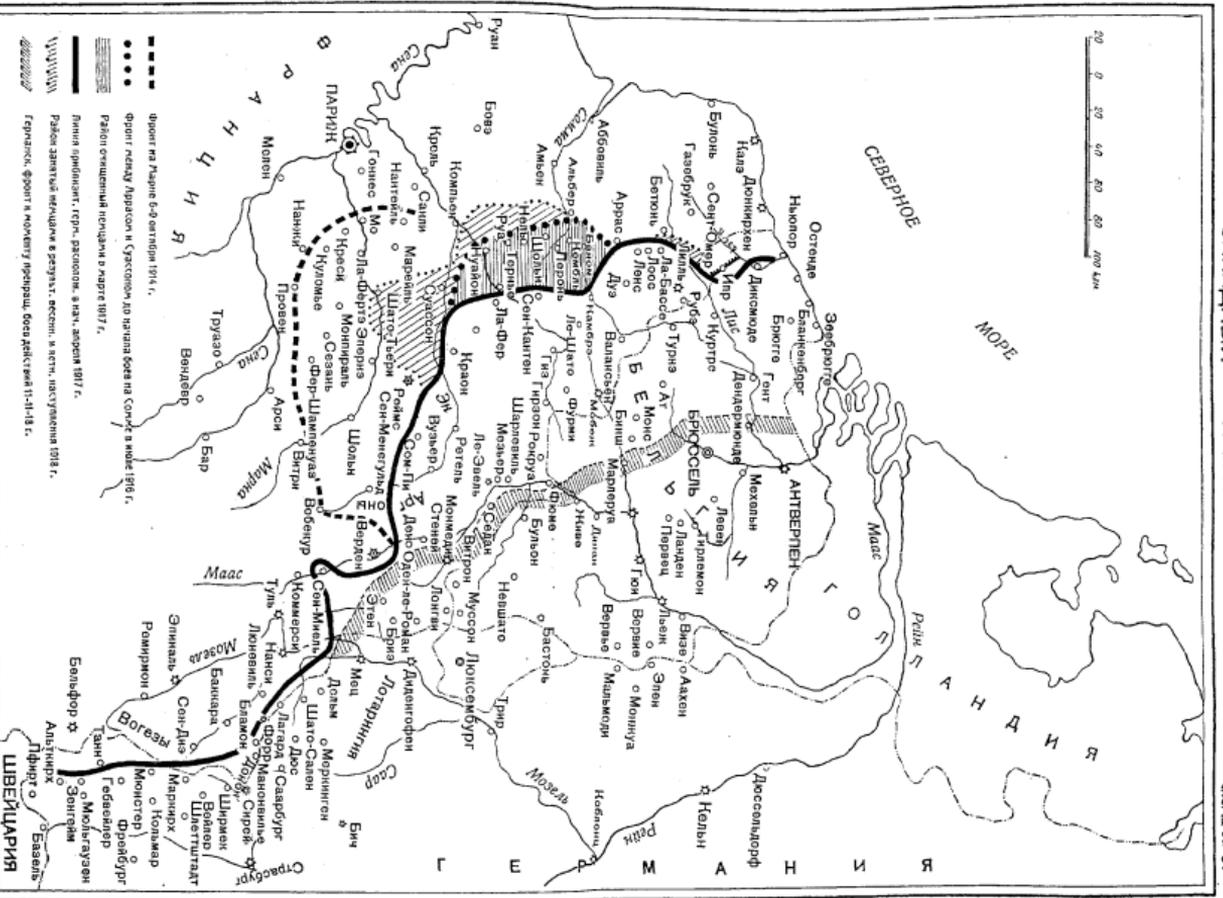
Сербия пала жертвой эгоистической стратегии Франции и Англии, накопивавших свои силы к финишу. Россия имела перед собой одну жизненную задачу—открыть плавание через проливы; но роковая судьба заставила ее силы, собираемые на побережья Черного моря (например, V Кавказский корпус) для экспедиции к Босфору, перебрасывать в Польшу и расходовать на ослабление Германии. Большое самопожертвование России в 1914—1915 г.г. повело к ослаблению ее сил, и западные союзники все менее и менее готовы были в ней признавать равноправного члена союза. У французских политических дельцов, вроде Думмера, возник даже проект использования не только африканских негров, но и русских крестьян, как материала для комплектования французской вооруженной силы. М. В. Алексееву удалось победить мысль о направлении русских

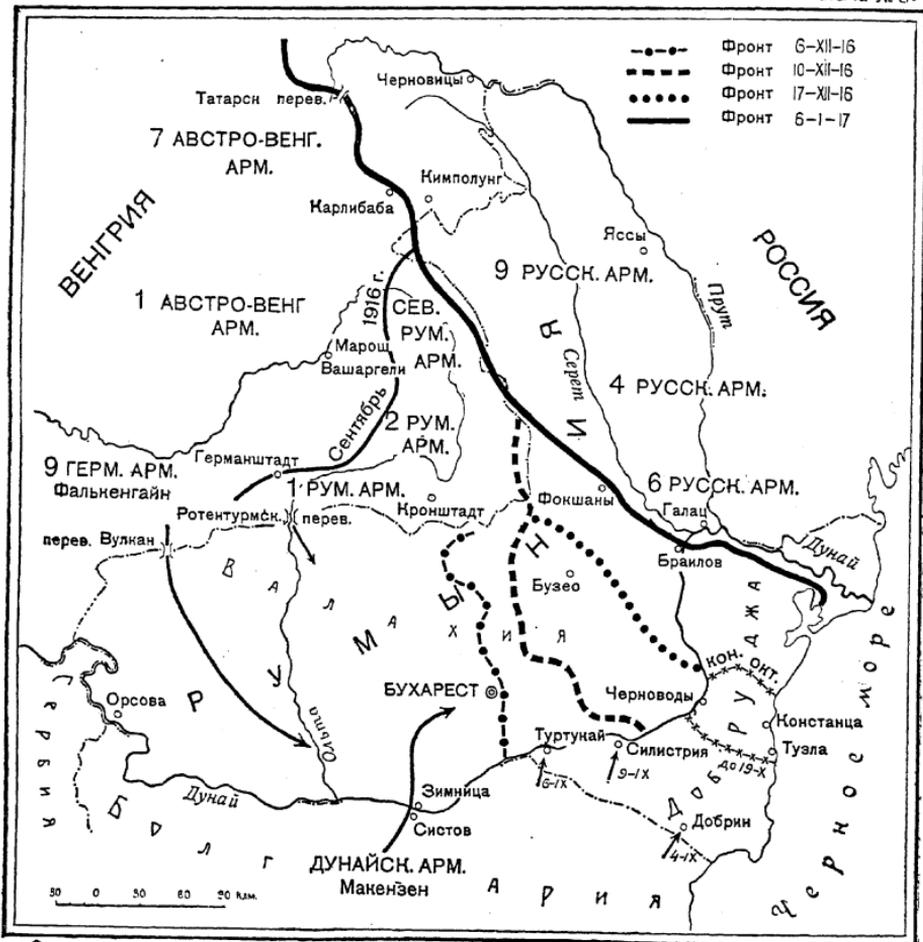
Наступление Юго-Зап. фронта летом 1916 г.

Схема № 7.

Энциклопедич. Словарь Русск. Библиогр. Инст. Гранат.

солдат на комплектование французских частей, но пришлось согласиться на посылку во Францию и Македонию 7 русских бригад.

1916 год.

22. Верденская операция. 1915 год, потерянный Германией для наступления против французской и английской армий, был годом немецких успехов на русском и второстепенных фронтах. Тяжелый кризис, который пришлось пережить Германии в 1916 году, показывает, что эти успехи не только не приблизили Германию к окончательному торжеству, но явились существенными этапами в процессе проигрыша ею войны.

В 1916 году для Фалькенгайна не емелось больше предлогов оттягивать активные действия на англо-французском фронте. Однако, анализ имевшихся в его распоряжении свободных сил и средств показывал, что большой прорыв французского фронта, с целью захвата Парижа и решения непрерывным натиском войны, не под силу Германии. Для германского наступления на западе надо было поставить ограниченную цель. Такой целью, после некоторого колебания в сторону Вельфора, был избран захват правого берега р. Мааса в районе крепости Верден, что сократило бы и усилило линию германского фронта и позволило бы улучшить и обеспечить сообщения германских армий с родиной, отняло бы у французов исходные позиции для опаснейшего прорыва германского фронта — от Вердена вниз по Маасу, нанесло бы французам тяжелый моральный удар. Можно было рассчитывать, что французы будут спешно сосредоточивать все свои силы на защиту Вердена, в сражение втянутся большие силы, инициатива останется у немцев, которые предупредят здесь французов в разворачивании артиллерии и технических средств; французы израсходуют под Верденом имеющиеся у них людские и материальные резервы, и сражение под Верденом явится громом отводом для других частей германского западного фронта, так как противник будет бессилён предпринять на них крупный прорыв (см. *схему № 6*).

Операция должна была привести к лобовой атаке сильнейшего участка сильнейшей в мире Верденской крепости. Если в основе решения германского верховного командования — избрать поле сражения для длительной борьбы с французами в районе нахождения лучших неприятельских долговременных укреплений — лежало скептическое отношение к значению долговременной фортификации, то, с другой стороны, германское верховное командование все же недооценило силу современного артиллерийского огня и постаралось с'узить до пределов возможного фронт наступления; пехота должна была атаковать на минимальном фронте, чтобы получить максимальную поддержку от артиллерии. Не считая вспомогательной атаки, направлявшейся с запада, от Этьена, по равнине Вевра, район главной атаки был ограничен 8—10 километровым фронтом, от р. Мааса примерно до дороги Азан-Орн-Данлу. Примерно вдоль этой дороги круто обрывались высоты правого берега Мааса (Côtes Lorraines); западнее начиналась равнина Вевра.

В основу выбора столь узкого фронта атаки Фалькенгайном лежал пессимистический взгляд на успех наступления и ожидание ожесточенного отпора со стороны французов на сильнейшем и важнейшем участке их фронта. Имелся и противоположный взгляд (Бауэра), который основывался на быстрых успехах, которые до сего времени всегда германцы достигали в районе неприятельских крепостей; если удавалось пробивать на более широком фронте русские войска и достигать быстрых результатов против русских укреплений, то следовало применить те же методы и по отношению к Вердену, и сразу же организовать атаку так, чтобы можно было в течение одной—двух недель захватить эту крепость. С этой целью удар с севера нужно было не ограничивать правым берегом Мааса, а развивать его одновременно на фронте 22 километров обоими берегами Мааса. Эти соображения не одержали сразу верха, что и определило течение событий.

Совершенно неожиданно как для

германского, так и для французского командования, германская атака начала развиваться бешеным темпом. После полудня 21 февраля начался обстрел французских позиций, оказавшийся столь действительным, что на следующий день германская пехота стала продвигаться вперед. К 25 февраля немцы не только преодолели полосу глубиной 8 километров, на которой французы возводили в течение 18 месяцев войны укрепления перед фортовым поясом, но и овладели важнейшим и сильнейшим северным фортом Вердена—Дуоммон. Укрепленные деревни держались дольше фортов: деревня Дуоммон взята только 2 мая, а деревня Во — 6 мая.

Замедление в наступлении германцев объясняется, главным образом, тем, что французы развернули на левом берегу р. Мааса очень сильную артиллерию, и жестоко обстреливали с фланга и тыла район немецкого наступления. Узость фронта атаки дала себя знать — быстро продвинувшиеся немцы оказались охваченными.

Чтобы иметь возможность продолжать операцию, немцам пришлось распротранить атаку и на левый берег Мааса, теперь сильно занятый французской пехотой и артиллерией. На эту вспомогательную операцию пришлось затратить 5 недель времени (6 марта—9 апреля), чтобы продвнуться на 6 километров до сел. Авокур-высота Морт-ом-сел. Кюмьер и обезопасить главную атаку от фланкирования.

Этого времени оказалось достаточным для французов, чтобы сосредоточить необходимые силы и средства. Задержка германского наступления обесценила его. Германская пехота при своем продвижении оказалась в поле воронок, нарытых германскими и французскими снарядами; войска на фронте сообщались с тылом по тянувшимся на многие километры ходам сообщения. В апреле и мае французы повели свежими силами энергичные контр-атаки. Выдохшееся наступление немцев дало им в июне еще некоторые успехи (захват форта Во и части деревни Флери), но на этом успехи германцев и остановились. Русский фронт, а затем

и битва на Сомме оттянули на себя свободные силы и средства. Тем не менее, с недостаточными силами немцы продолжали под Верденом топтаться на месте до объявления войны Румынией (27 августа 1916 г.), когда от Фалькенгайна оперативное руководство перешло в руки Людендорфа; последний немедленно прекратил наступление и приказал постепенно оттянуть германскую пехоту с наиболее выдвинутых и трудно обороняемых позиций. Последнее производилось недостаточно последовательно, что позволило французам, перешедшим в контр-атаку, добиться ряда частных успехов. 24 октября французы вновь отобрали остатки форта Дуоммон. 1 ноября немцы сами оставили форт Во. 15 декабря французы общей атакой нанесли сильное поражение немцам, которые отошли на фронт высот севернее Лувемон—Безонво.

Таким образом, борьба за Верден, обошедшаяся обоим сторонам по четверти миллиона солдат и поглотившая большие материальные средства, началась большим успехом немцев, кончилась большим моральным подъемом французов и не дала никаких осязательных результатов. Ход ее показывает, что в 1915 году немцы без труда могли бы захватить этот устойчивый французской обороны. Эта задача являлась посильной и в 1916 году, но слишком осторожный и пессимистический подход к ее решению свел на-нет репутительное превосходство немцев в первые недели борьбы за Верден.

23. Битва на Сомме. По мысли Жоффра, оборона Вердена должна была вестись исключительно силами французов. Силы английских войск, усиленных одной французской армией генерала Фоша, должны были планомерно приводить в исполнение план большого прорыва германского фронта на обоих берегах реки Соммы, представлявший ту долю активных действий англо-французов, которая была обещана России на 1916 год.

Обстоятельства в высшей степени благоприятствовали Антанте. Уже за месяц до начала наступления германские штабы ясно определили фронт

предстоящего наступления, и тем не менее никакой поддержки находившиеся здесь германские армии не получили. Фалькенгайн невысоко расценивал английские войска и не опасался их, а для того, чтобы обессилить французские, он направлял все свое внимание на то, чтобы борьба на измор, начатая под Верденом, втянула бы возможно большую часть французских сил и средств. Кроме того, наступление русского юго-западного фронта—прорыв русских у Луцка и южнее Днестра—разрасталось в грозную опасность и требовало посылки германских дивизий и артиллерии с западного фронта на Ковельское направление.

22 июня 1916 года начался обстрел намеченного на 45 километром фронте участка прорыва и продолжался в течение 10 дней. На десятый день, 1 июля, начался штурм. Главную роль должны были играть английские войска, атаковавшие по обоим берегам р. Анкр; но атака англичан совершенно не удалась, и лишь на своем правом крыле, по соседству с французами, англичане захватили несколько передовых окопов. Но французам удалось по обоим берегам р. Соммы, главным образом по южному берегу, прорваться на фронте в 10 километров и продвинуться на 2—3 километра. На следующий день французам удалось углубить на южном берегу Соммы свой прорыв до 6—8 километров. Фланкирующий огонь французов с южного берега Соммы заставил немцев 5 июля отойти перед французами и на северном берегу на фронт Морепа-Клери. Постепенно и примыкающий к французскому фронту фланг англичан стал поддаваться вперед.

Операция на Сомме, задуманная сначала, как решительный удар, быстро начала вырождаться в постепенное раз'едание германского фронта. Борьба на измор здесь складывалась в особенно выгодных для Антанты условиях. Двойное превосходство в артиллерии, превосходство в воздушных силах, превосходство в быстрой смене утомленной пехоты свежими частями—все это позволяло причинять немцам большие потери и продвигать линию фронта вперед.

Вся тяжесть борьбы падала на плечи германской пехоты, которая цепко защищала каждую пядь земли. Попытки прорыва больших масс англо-французов немцам удавалось отражать, но при превосходстве техники последних германская пехота была бессильна задерживать их постепенное продвижение. Местечко Комбль оборонялось немцами свыше месяца, причем 13 дней немцы держались, когда неприятельское кольцо вокруг Комбля почти совершенно замкнулось; 24 часа подряд французы душили Комбль газовыми снарядами. 25 сентября, наконец, развалины этого селения были взяты. Еще больше времени пришлось затратить англичанам на овладение группой окопов Тиепваль. Англичане, менее стесненные, чем французы, пополнением потерь, продолжали энергично нажимать и осенью. Однако, после прекращения атаки Вердена, к октябрю германцы смогли значительно усилить свою артиллерию. Кризис, сложившийся на Румынском фронте, заставил Антанту затянуть борьбу на Сомме до половины ноября, хотя в последние полтора месяца англо-французы уже заметно истощились.

В общем, борьба на Сомме поглотила с каждой из сторон около полумиллиона солдат; осязательные результаты были довольно скромны — германский фронт на участке в 50 километров был осажен на 5—15 километров. Битва затянулась на 4½ месяца, но уже через полтора месяца (18 августа) англо-французы вовсе отказались от широких замыслов и перешли от идеи прорыва к долблению в большом масштабе. Идея закончить войну разгромом немцев в 1916 году, лежавшая в основе этой операции не удалась; однако, неудачная оборонительная тактика немцев, выражавшаяся в отстаивании каждой пяди земли, не считаясь с потерями, и несвоевременное сосредоточение достаточных сил на атакованный участок доставили Антанте известный моральный успех и значительные трофеи.

24. Борьба на русском фронте. Расчеты немецкого командования, что после неудач 1915 года русская армия окажется в 1916 году обреченной на

бездействие, не оправдались. Помощь союзников в отношении боевого снабжения, опоздавшая к кампании 1915 года, начала сказываться в 1916 году, хотя и в относительно скромных размерах. Гораздо большее значение для подѐма армии имели усилия русской промышленности, которой через полтора года от начала войны удалось начать перестраиваться в соответствии с требованиями войны. При этом, однако, общие интересы народного хозяйства были в жестокой степени нарушены. Равновесие между городом и деревней было утрачено; деревни опустошались непрерывными мобилизациями и уходом мужчин в города, где работа на военную промышленность освобождала от призыва. Население больших городских центров выросло на 50—100%, сельское же хозяйство осталось без рабочих рук. Несколько смягчали кризис миллионы австрийских пленных.

Генерал Алексеев, вступив в должность начальника штаба царя и взяв в свои руки управление, стремился к возможно скорейшему переходу в наступление. Уже в сентябре 1915 года в различных частях фронта были произведены бесцельные, слабые удары еще не оправившимися от отступления войсками. С 27 декабря 1915 года по 7 января 1916 г. русский юго-западный фронт ген. Иванова вел крупные атаки на фронте 7-й армии ген. Щербачева и 9-й армии ген. Лечицкого. Этот удар был задуман для помощи сербам в то время, когда на сербском фронте кризис еще не разрешился, а приводился в исполнение через три недели после окончательного завоевания Сербии. Бесцельности этих атак вполне отвечала и их полная безрезультатность. Потери русских исчислялись в 45 т. убитыми и ранеными; целые корпуса, находившиеся зимой две недели в открытом поле против австрийских укреплений, жестоко пострадали. Лишения русских войск были вознаграждены увольнением ген. Иванова и назначением на его место главнокомандующим юго-западным фронтом ген. Брусилова. Наступление было подготовлено самым безобразным

образом; так, 11-й армии первоначально были предоставлены для прорыва укрепленного фронта даже не тысячи, а только сотни тяжелых снарядов, причем ген. Иванов руководствовался масштабом расхода снарядов при нашем летнем отступлении 1915 г., во время снарядного голода; к пунктам атаки войска были подведены уже в истощенном состоянии; атака велась с удаления в несколько верст, причем солдаты брели тихим шагом, проваливаясь по колено в размокшую черноземную пахоть.

В основе этого бессмысленного наступления лежало стремление поддержать наш престиж, подорванный событиями 1915 года на русском и сербском фронтах. Результатом получились обратный, к большой для нас выгоде: блестяще отбив наше наступление, австрийское высшее командование получило иллюзию неуязвимости австрийского фронта для русской армии и перебросило лучшие части пехоты и многие тяжелые батареи с русского фронта в Тироль, где подготавливалось наступление против итальянцев. Таким образом, последние неудачи русских явились лучшей подготовкой для летних прорывов под Луцком и в Буковине — так называемого Брусилевского наступления.

Более пагубным оказалось наступление, предпринятое западным и северо-западными фронтами в марте 1916 г. На совещании представителей союзных держав в Шантильи, под председательством Жоффра, было постановлено начать общее наступление не позже марта. Однако, англо-французы, вынужденные расходовать силы на оборону Вердена, получили предлог отложить свой переход в наступл. на 3 месяца, до 1 июля. Итальянцы обозначили свою верность соглашению слабыми безрезультатными атаками 13—19 марта (пятое сражение на р. Изонцо). Серьезно к выполнению общесоюзнического плана, принятого вопреки мнению русского командования (ген. Алексеев стремился перенести центр тяжести активных действий англо-французов на Балканы), отнеслись лишь русские, хотя в виду больших испытаний, выпавших на рус-

ские войска в 1915 году, и более позднего наступления весной, раннее открытие кампании на русском фронте являлось для нас невыгодным. Бездействие англичан и французов, из-за наступления немцев на Верден, не только не заставило русское командование отказаться от наступления, но, наоборот, подтолкнуло его на скорейший приступ к нему, чтобы помочь французам, дела коих под Верденом в начале марта шли очень плохо. Чтобы не быть задержанными распутицей, мы пытались начать атаки еще до окончания зимы.

Опасения за столицы заставляли русское командование группировать резервы по преимуществу (13 корпусов из 16) севернее Полесья, на путях в Петроград и в Москву. На северном и западном фронтах русские войска расположены были наиболее густо. Естественно, на них и выпала задача перехода в наступление. Северный фронт решил нанести удар из Якобштадтского укрепленного района, где мы владели обширной предместной позицией на левом берегу Двины, в направлении на Понеже. Однако, ген. Куропаткин, главнокомандующий фронтом, малоспособный к энергичным активным действиям, не развил наступления за пределы сильной демонстрации. Западный фронт, вместо того, чтобы избрать наиболее выгодный для удара район, во имя взаимодействия с северным фронтом, решил наступать своим правым крылом, граничившим с северным фронтом, от района озера Нарочь на Вилькомир. Но так как стык между фронтами лежал в бездорожной болотистой местности, то это направление крайне затрудняло успешное развитие активных действий. Атаковавшая здесь группа ген. Балубева (V арм., II Сиб. и XXXVI арм. корпуса) в промежуток 18—23 марта имела небольшие успехи: на фронте около 6 километров неприятель был потеснен на 2—3 километра назад. Атака велась, по французскому образцу, на узком фронте, значительными массами; германцы легко брали под перекрестный огонь наступавшие части и подходившими подкреплениями без

затруднения питали короткий атакованный участок. Началась оттепель и распутица, реки вскрылись, поля и дороги обратились в сплошное болото, и наступление захлебнулось в грязи. Через две недели германцы контратакой отбросили нас в исходное положение.

Потери, достигавшие в некоторых частях 50%, сами по себе не представляли грозного явления. Хуже было то, что германцы, одержав в предыдущем году ряд успехов в наступательных операциях, теперь на своем сравнительно слабом западном фронте отбили начисто несерьезно подготовленную, не во время начатую, но крупную наступательную операцию русских войск. В распатанных уже моралью войсках позиции, занятые германской пехотой, начали расцениваться, как неприступные. Отдых, обучение, соответственная подготовка могут преодолеть такой предрасудок среди солдат и младшего командного состава. Но такой же боязливостью и почтением к противнику проникся и высший командный состав, во главе с ген. Эвертом, главнокомандующим западным фронтом. В этих условиях весенняя задача 1916 года обрекла на бессилие в течение всего года главную массу русских войск. К северу от Полесья мы располагали двойным превосходством в силах—1.220 тыс. против 620 тыс., а к югу от Полесья незначительным—512 т. против 441 тыс. (по данным к 1 февраля 1916 г.), и при этих группировках сил активные действия—и весьма энергичные, были развиты нами только южнее Полесья, а северный и западный фронт сыграли только роль резервуара, откуда черпались силы для подкрепления юго-западного фронта. Западный фронт произвел лишь две попытки прорыва, обе в районе к северу от Александровской жел. дороги, на фронт, занятый германо-австрийскими войсками Войрша. Первая атака, удачно начатая 13 июня внезапным ударом греналерского корпуса, обошлась ему в 8.000 чел., а вторая, в которой приняла участие вся 4 армия, и которая затянулась на 7 дней, 2—8 июля, вызвала потери в 80 тыс. че-

ловек. Неприятель ввел в бой все силы до последнего человека; несколько большая дружность и энергия с нашей стороны—и вместо тягостной неудачи возможен был большой успех. Это наступление совпало по времени с началом битвы на Сомме и должно было подтвердить солидарность между союзниками. Последствием его было прекращение контр-атаки германцев под Лудцом, так как пришлось из Ковеля часть резервов направить на подперлку слабевших частей фронта Бойрша, к северу от Барановичей (Скрэбово).

Если такова была скромная участь, постигшая замыслы нашего главного командования в главном ударе, то совершенно неожиданный успех выпал на сторону второстепенного юго-западного фронта, долженствовавшего продемонстрировать южнее Полесья. Начало демонстрации Брусилова было ускорено кризисом, который был вызван наступлением австрийцев из Тироля во фланг и тыл итальянским главным силам на р. Изонцо. Наступление австрийцев началось 15 мая и сопровождалось крупными успехами (40 тыс. пленных, 300 орудий в первые три недели). Итальянское правительство обратилось к русскому с самыми настойчивыми просьбами о помощи. 5 июня началось наступление русских, и уже на четвертый день наступления австрийцы были вынуждены начать переброску дивизий из Тироля в Галицию. 17 июня австрийское командование, в виду грозного оборота, который приняли события на русском фронте, вынуждено было ликвидировать столь опасное для итальянцев наступление. Постепенно все лучшие австрийские части перекочевали обратно с итальянского фронта на русский, что позволило даже итальянцам «в шестом» сражении на Изонцо (6—12 августа), одержать некоторый успех — захватить предместное укрепление у Герца; этот успех, вплоть до развала австро-венгерской армии, представляет почти единственную, хотя и скромную, «победу» итальянцев.

Русский юго-западный фронт имел против себя почти равные силы противника; но так как во время сербского

похода между австрийским и германским командованием произошли крупные недоразумения,* то германское командование оттянуло с австрийского фронта находившиеся там германские войска; к моменту русской атаки оставалось среди австрийцев только две германские дивизии. Так как инициатива была захвачена русскими, то к пунктам атаки они могли сосредоточить более крупные силы. Ген. Брусилов решил организовать наступление на участках всех четырех армий своего фронта; но тогда как центральные армии — 11-я (Сахарова), 7-я (Щербачева) вели атаку каждая только одним корпусом, левофланговая—9-я армия Лечицкого—вела атаку двумя корпусами, а правофланговая—8-я армия Каледина, получившая наибольшие подкрепления, атаковала 4 корпусами. Здесь же, на правом крыле атаки, был собран кавалерийский корпус Гилленшмидта для набега в тыл противника.

4-го июня началась артиллерийская подготовка, которую пришлось вести в очень скромных размерах. 8-я армия, наносившая главный удар и обеспеченная лучше других, имела всего 596 полевых орудий и 74 тяжелых. Весь юго-западный фронт имел всего 155 тяж. орудий, т.-е. в 12 раз меньше, чем англо-французы во время их наступления осенью 1915 года в Артуа и Шампани, при двойном протяжении атакуемых участков неприятельских укреплений. Австрийский фронт был укреплен весьма основательно. 5-го июня началась атака. После упорных боев, атаки 7-й и 11-й армий, равно как и Гилленшмидта, были отражены. Но

*) О напряженности отношений между австрийским и германским командованием в начале 1916 года можно судить по тому, что решение атаковать Верден было сообщено австрийцам лишь непосредственно перед открытием огня. Равно и австрийцы, зная, что Германия отнесется весьма неодобрительно к ослаблению фронта, обращенного против России, и к авантюре в Тироле, подготавливало Тирольскую операцию в полном секрете от германского командования.

в 8-й и 9-й армии русские успехи получили совершенно неожиданное для обеих сторон развитие (см. **схему № 7**).

Район Луцка защищала 4-я австрийская армия под начальством бездарного эрц-герцога Иосифа-Фердинанда. Прорывавшая на широком фронте, армия в течение первого дня потеряла полностью все дивизии, находившиеся на атакованном фронте, а в течение 6 и 7 июня эрц-герцог Иосиф-Фердинанд дал целиком разгромить и имевшиеся у него резервы. Луцк был прикрыт сильными укреплениями, но туда сбежались в полном расстройстве остатки всей армии; установить какой либо порядок среди них не удалось. Вечером 7-го июня русские взяли Луцк. Перед нашей 8-й армией противника не было—4-я австрийская армия была истреблена и рассеяна.

Исчезновение 200 тыс. армян (по Фалькенгайну—300 тыс.) являлось для немецкого командования тяжелой внезапностью. Между австрийским и германским фронтом появилась зияющая дыра. Если бы ген. Брусилов направил бы теперь свои усилия на развитие успеха по линии наименьшего сопротивления—энергично охватывая с севера остальные австрийские армии, то, весьма вероятно, в течение ближайших двух недель все австрийские войска в Галиции были бы истреблены. Выставив заслон на Ковельском направлении, надо было устремиться на Львов и южнее. Однако, ген. Брусилов, несмотря на свой неслыханный успех, стремился остаться на втором плане по сравнению с западным фронтом, который, по первоначальной мысли Ставки, должен был вести главный удар. Ген. Брусилов не только не просил подкреплений, которые теперь к нему направлялись со всех сторон, но отказывался от них; его основным стремлением явилось заставить атаковать морально неспособный к крупному наступлению западный фронт, и вместо того, чтобы концентрировать свое внимание налево, на разгроме австрийцев, он направил все усилия направо, на Ковельское направление. В случае успеха на последнем Брусилов грозил бы флангу и тылу германцев, стоявших

против западного фронта, и заставил бы их отступить; но, несомненно, у Брусилова господствовала мысль, что теперь, за свою победу над австрийцами, как и осенью 1915 года, ему придется расплачиваться, имея дело с германскими резервами, которые подойдут со стороны Ковеля, и он изготовлялся встретить их удар.

Перенос наших усилий на Ковельское направление явился спасением для неприятеля. Болотисто-лесистая южная окраина Полесья не представляла удобного района для развития активных действий русских войск; Стырь и Стоход образовывали удобные рубежи, на которых немцы могли собирать спешно подвозимые из Франции и Литвы резервы. Река Припять довольно надежно прикрывала германский фронт от развития русского прорыва.

Все германские усилия были направлены на то, чтобы возможно скорее организовать контр-атаку против нашей 8-й армии. С 16-го июня по 5-е июля образованный здесь фронт ген. Линзингена, из сосредоточенных здесь армейских групп Марвица, Фалькенгайна, Бернгарди, пытался опрокинуть 8-ю русскую армию концентрической атакой с юго-запада, северо-запада и севера. Но русские выдержали этот натиск в упорных боях и перешли в энергичные контр-атаки. Отчаянное положение фронта Войрша, атакованного к северу от Барановичей 4-й русской армией (зап. фронт) вынудило Линзингена послать ему на помощь бригаду X корпуса. 3-я русская армия прорвала германский фронт южнее Полесья, на нижней Стыре, и в боях 4—9 июня заставила германцев отойти с большими потерями за Стоход.

Германские силы, весьма значительные, должны были Линзингеном вводиться одновременно в бой, и, несмотря на крайние усилия, не смогли добиться успеха; с 5-го июня Линзинген думал только об обороне, что ему в дальнейшем и удалось, благодаря все новому притоку сил.

Пока события развивались так на правом крыле Брусилова, приковывая к себе внимание и подкрепления обоях

сторон, 9-я русская армия систематически развивала свои успехи. Противостоявшая Лечицкому австрийская армия Пфланцер-Балтина имела свой правый фланг примкнутым к северо-западному выступу румынской территории. Первоначальные успехи Лечицкого были скромны — ему удалось захватить три линии окопов на некоторых участках неприятельского фронта, где в течение двух дней он отбивал австрийские контр-атаки; только на пятый день боя (10 июня) удалось значительный прорыв по правому берегу Днестра. Австрийская армия оторвалась от румынской границы, и фланг австрийского фронта повис в воздухе. Для нашей 9-й армии открывались блестящие перспективы — в упорном бою противник был разгромлен, и так как борьба под Луцком на долгое время притягивала все перебрасываемые неприятелем подкрепления, то перед 9-й армией открывалось свободное поле действия. Впоследствии указывали, что если бы наша 9-я армия сосредоточенно двинулась в северо-западном направлении между Днестром и Прутом, в обход с юга уцелевшей части австрийского фронта, то можно было бы добиться огромных результатов. Но центробежные силы брали верх в юго-западном фронте: вместо того, чтобы охватить в свои объятия — справа 8-й, слева 9-й армиями весь австрийский фронт, Брусилов двинул 8-ю армию в расходящемся направлении на Ковель, а 9-й армии позволил растечься по всему пространству между румынской границей, Карпатами и Днестром. Захват больших городов (Черновицы) и пространства, огромные трофеи, сотни тысяч пленных явились в результате такого использования успеха 9-й армии; но крупная операция — на уничтожение всего австрийского фронта, не состоялась. Переправа через Прут XI и XII корпусов и взятие Черновиц 18 июня дали массу трофеев; в стратегическом отношении успехи были гораздо меньше, чем могли бы быть.

В связи с успехами фланговых армий юго-западного фронта, шаг за шагом начали поддаваться, постепенно подравниваясь с ними, и центральные

армии фронта. Между 10 и 24 июля происходит некоторый перерыв в развитии активных действий: германо-австрийцы решительно перешли к обороне, а русские сильно израсходовали свои силы и выжидали подхода подкреплений. За первые 35 дней энергичных победоносных боев потери юго-западного фронта достигали рекордной цифры полумиллиона солдат; в этот подсчет не вошли крупные потери в июле на западном (только 7 дней боя севернее Барановичей — 80 тыс.) и северном (3—9 июля под Ригой — 15 тыс.) фронтах. Принося такие жертвы, командование фронтом все же стремилось достигать не решительных, а второстепенных задач. Утешением нам являлось то обстоятельство, что потери противника, благодаря сотням тысяч пленных, еще превышали наши.

15 июля было уже известно решение Румынии вступить в войну. Представлялось для нас чрезвычайно выгодным — обождать с нашим наступлением, чтобы в августе одновременно с румынскими армиями произвести сокрушительный натиск на Австрию. Несомненно, мы могли добиться уже в 1916 году общего развала Австрии, который, вероятно, быстро отразился бы и на боеспособности Германии. Однако, умение поставить во время точки после одержанного успеха требует высокого искусства. Ген. Алексеев решил вести наступление на русском фронте независимо от действий румын. 25 июля началось новое наступление юго-западного фронта, отмеченное несравненно меньшими успехами. 28 июля сражение шло по всему фронту юго-западного фронта: 1—5 августа вследствие несогласованности и неподготовленности наступления, пришлось сделать перерыв. 8—10 августа была с огромными потерями отбита на Ковельском направлении атака 3 и 8 армий и гвардии; переправа через Стоход решительно не удалась. Теперь наступил новый перерыв; русская армия, истекши кровью, решила обожждать вступление в войну Румынии. 27 августа последняя начала официально мобилизацию, а 31 августа юго-западный фронт сделал новое, уже сильно шед-

шее на убыль, усилие: в центре и на правом крыле оно оказалось абсолютно бесплодным; с большими потерями несколько удалось продвинуться только наиболее южным армиям—7-й и 9-й. К 3 сентября юго-западный фронт окончательно выдохся. Попытка возобновить наступление 30-го сентября—2 октября привела к нескольким разрозненным атакам и должна была быть ликвидирована, вследствие дружного сопротивления дальнейшему развитию активных действий со стороны начальников и войск. А начиная с октября, пришлось широко черпать из всех русских фронтов резервы на помощь Румынии.

25. Вступление в войну Румынии.

Если бы летняя кампания 1915 года не сложилась бы столь тяжело для русской армии, вероятно, Румыния вступила бы в войну вскоре после Италии. В момент окончания кампании германо-австро-болгар против сербов, в конце ноября 1915 года, весьма легко могло случиться, что Германия предъявит Румынии ультимативное требование—присоединиться к центральному державам, под угрозой оккупации. Однако, к этому моменту русские собрали в тылу Румынии значительные резервы (7 армия); нарушение Германией нейтралитета Румынии еще сильнее обострило бы мировое возбуждение, вызванное нарушением нейтралитета Бельгии; между Австро-Венгрией и Германским командованием происходили крупные трения. Поэтому центральные державы решили использовать временное наличие на Балканах больших сил лишь для производства сильного дипломатического нажима на Румынию, в целях возобновления экспорта румынского хлеба и нефти в центральные государства. Румыны пошли на уступки; но это давление сильно усилило позицию дружественного Антанте министерства Братияну, у которого явилось лишнее доказательство в пользу невозможности сохранить нейтралитет. Уже 22 января 1916 года Братияну, на случай угрозы Германии, спешил обеспечить себе русскую помощь и обратился к ген. Алексееву с вопросом—на какую помощь с русской стороны в та-

ком случае он может рассчитывать, на что он получил ответ, что русские готовы продолжить свой фронт и на северную Молдавию. Переброска германских и австрийских войск с Балканского полуострова во Францию и Тироль успокоили Братияну.

Непосредственный интерес к вовлечению в войну Румынии проявила Франция. В течение последней недели февраля обрушившиеся на Верден германские атаки грозили получить катастрофическое развитие, и мысль ген. Жоффра сразу сосредоточилась на том, чтобы вновь отвлечь внимание германского командования на восток. На вероятность прорыва германского фронта русскими армиями ген. Жоффр не мог твердо рассчитывать. Но, несомненно, в случае удлинения русского фронта на 600 километров румынской границы и выступления 250 тыс. румынской армии, дела могли принять совершенно другой оборот. Начиная с 28 февраля, на русскую Ставку сыплются предложения—взять на себя обеспечение Румынии с тыла, для чего выставить в Добрудже 200 тыс. армию; на таких условиях Румыния, вовсе не желающая воевать с Болгарией, согласна начать вторжение в Трансильванию. Ген. Алексеев, считавший себя обязанным держать центр тяжести русских сил к северу от Полесья, решительно отказался от этой комбинации. В выступлении Румынии, которой придется помогать нашими военными запасами и подкреплять все время нашими войсками, он видел для ведения войны Россией скорее минус, чем плюс, и отказался купить помощи Румынии ценой выделения таких крупных сил на второстепенный театр Добруджи.

Успехи, достигнутые под Луцком и в Буковине, выставившие в большом блеске мощь русских войск, развал Австро-Венгрии и ослабление Германии значительно облегчали для Румынии принятие решения о вступлении в войну. В то же время, вследствие того, что события помимо воли Алексеева перенесли центр тяжести русского наступления к югу от Полесья, выступление Румынии приобретало для

нас значительно большую ценность, так как приводило к глубокому охвату атакованного нами австрийского фронта. Жоффр, накануне начала наступления на Сомме, так же стремился теперь дать событиям самый решительный оборот и 28 июня вновь обратился к Алексееву с просьбой договориться с Румынией. Румыны надеялись теперь, что грозное для центральных держав положение заставит Болгарию сохранить нейтралитет, и решили удовлетвориться со стороны Добруджи страховкой в размере 2 пех. и 1 казачьей русских дивизий. Эти силы, плюс 150 тыс. румынских плохо организованных третьюлинейных частей на Дунае, должны были охранять тыл Румынии. Генерал Алексеев гораздо осторожнее подходил к вопросу о Болгарии; сначала он соглашался на проектированное Жоффром совместное наступление Салоникской армии Сарайля и румын в Болгарию, затем, когда румыны решительно отказались от активных действий против Болгарии, а усиление армий Сарайля подвигалось очень медленно, Алексеев хотел завязать с Болгарией сепаратные переговоры, но по настоянию Жоффра, от 5 августа, должен был и от них отказаться.

Переговоры с Румынией продолжались; Братяну, видимо, хотел оттянуть вступление в войну до уборки урожая, но, по категорическому требованию Англии, должен был согласиться выступить не позже 27 августа. 17 августа в Бухаресте была подписана военная конвенция. 27 августа последовало объявление войны и мобилизации, которая имела лишь дополнительный характер, так как румынская армия была в течение войны мобилизована исподволь. На следующий же день после объявления войны, застигнувшей врасплох центральные державы, румынская армия вторглась в Трансильванию (см. *схему № 8*).

Генерал Алексеев, тщательно отклонявший от себя всякую инициативу вовлечения в войну Румынии, видел в румынском выступлении невозможность решительного охвата всего австро-германского фронта, а удлинение на 600 верст фронта неприятельских

позиций, что должно было существенно разгрузить русский фронт и позволить на нем придать действиям более решительный характер. В этой оценке он глубоко ошибся: порыв юго-западного фронта был уже истощен, нужно было начинать новую операцию, а не надирать свои силы попыткой ожидать уже конечное наступление; русский фронт не только не был обеспечен Румынией, но был ослаблен необходимостью растянуться до Дуная на протяжении лишних 400 километров; потребовалось выделение, в общей сложности, 16 армейских и трех кавалерийских корпусов на помощь Румынии. Если бы хоть третья часть этих сил была бы вовремя направлена в Румынию, выступление последней могло бы получить самое решительное значение; но русские войска приняли серьезное участие только в ликвидации катастрофы.

Германцам необходим был месяц, чтобы сосредоточить в Трансильвании армию для отпора румынскому вторжению. Но в Северной Болгарии уже через неделю у них была собрана из болгарских, турецких и небольших германских сил армия Макензена, которая и перешла в наступление. Демонстрация на Татар-Базарджик (Добрик) привлекла к нему внимание составленного из очень слабых частей 47-го русского корпуса Зайончковского, а главные силы Макензена 6 сентября атаковали предместные укрепления у Туртукая, 9-го сентября у Силистрии, 13 сентября—вынудили боем отход корпуса Зайончковского. Румыны стояли тылом против болгар; лучшие части их наступали в Трансильванию, а на Дунае находились войска ополченского достоинства, плохо снабженные; в предместных позициях на Дунае сдались целые дивизии. Эта неудача заставила румын оттянуть из состава армий, наступавших в Трансильванию, 4 дивизии на Дунайский фронт. Алексеев, со своей стороны, считал возможным усилить Зайончковского только одной (115-й) третьестепенной дивизией.

В промежуток между 26 сентября и 10 октября 9-я германская армия Фалькенгайна, которого на посту начальника

генерального штаба сменили Гинденбург—Людендорф, ликвидировала все успехи румын в Трансильвании; румыны на всем фронте были отброшены на Карпатские перевалы. 9-я русская армия продолжала медленное наступление на своем фронте; русское командование отнюдь не использовало открывавшиеся для него возможности обхода занятой австрийцами части Карпатского гребня через Молдавию.

За этими неудачами последовал прогром в Добрудже Дунайской армии Зайончковского, образованной из русского 47-го корпуса и слабых румынских дивизий. 19 октября, получив в подкрепление одну германскую дивизию, Макензен перешел в наступление; к 28 октября Макензен захватил линию Черноводы-Констанца и начал укрепляться севернее ее. Дунайская русско-румынская армия собиралась в северной Добрудже.

Эти несчастливые события, продолжающееся сосредоточение германских и австрийских сил, просьбы Жоффра, настояния румын, наконец, неудачная попытка последних переправиться через Дунай в тылу у Макензена, чтобы облегчить давление последнего в Добрудже, все это заставило, наконец, направить в Добруджу на поддержку находившихся там 3 пех. и 1 кав. дивизий, еще 5 пех. и 1 кав. дивизию. Но прибытие этих подкреплений могло состояться только в конце ноября. Незначительны они для Добруджи. В то же время, чтобы позволить румынам более надежно прикрыть наиболее опасное направление германского удара—Кронштадт—Браилов, 9-й армии указано было протянуться влево и 2 корпусами взять на себя защиту северной Молдавии; 10 октября даны были указания, только 3 ноября началось прибытие русских войск.

Соглашаясь на эти жертвы, ген. Алексеев предъявил в октябре союзникам и энергичное встречное требование значительно усилить армию Сарайлы и перейти к активным действиям на Балканах. 20 октября французы согласились направить в Салоники еще полторы дивизии. Начальник итальянского генерального штаба генерал

Кадорна сперва 9 ноября сдался на энергичные увещания союзников, но через неделю решительно отказался увеличить расход на Балканах сил итальянской армии. В этих условиях ген. Сарайло с армией в 140 тыс. штыков удалось, благодаря энергии сербских частей, нанести значительное поражение болгарам и 18 ноября занять Монастырь; однако, затруднения, представляемые зимой македонским театром, скудость путей сообщения и недостаток сил не позволили союзникам развить этот успех.

Таким образом, уже в октябре все опасности, вытекавшие для Австро-Венгрии из вступления в войну Румынии, были ликвидированы успехами Фалькенгайна и Макензена. Однако, постепенное затишье, установившееся на других фронтах, видимая неохота, с которой русские посылали подкрепления в Румынию и явное истощение румынских войск выдвинули перед Людендорфом положительную задачу—нанесения Румынии решительного удара и захвата ее территории для использования ее богатых средств. В начале ноября, благодаря энергичному напряжению, были собраны достаточные для вторжения в Румынию силы.

С потерей большей части Добруджи, Валахия представляла длинный язык, вторгающийся между Венгрией и Болгарией, условно обеспеченный с севера Карпатами, с юга Дунаем. Ген. Алексеев особенно опасался, что германцы срежут этот язык у основания; наша Дунайская армия (ген. Сахарова) и отчасти левое крыло 9-й армии могли противодействовать такой операции, которая грозила полным окружением всех румынских войск. Но Людендорф наметил операцию, которая не обещала столь блестящих результатов, но зато направлялась по линии наименьшего сопротивления. Удар был намерен против наиболее выдвинутой, западной оконечности Валахии, где румынам всего труднее было собрать для отпора надлежащие силы. 11 ноября началось вторжение через перевал Вулкан частей армии Фалькенгайна, скоро распространившееся на весь западный участок Карпат от Орсовы до Ротен-

турма. Румынам в течение недели (21—27 ноября) удалось задержать немцев на реке Ольте. Но навстречу Фалькенгайну начал развиваться удар Макензена. Последний, оставив 3-ю болгарскую армию в Добрудже, собрал новую «Дунайскую» армию на Дунае у Систова, в 220 километрах к западу, и 23 ноября, переправившись на левый берег, начал наступление на Бухарест, 1—3 декабря русско-румынские войска произвели энергичную контр-атаку. Дунайской армии грозило полное поражение. Подошедшая турецкая дивизия позволила Макензену удержаться до момента подхода левого крыла Фалькенгайна. 4 декабря наступление германцев возобновилось, и в ночь на 6 декабря был занят Бухарест. Столица Румынии была обеспечена совершенно устарелыми и слабыми долговременными укреплениями; в виду полного расстройтва румынской армии, она была оставлена без боя.

В середине ноября, под давлением союзников, крайне недовольных ген. Алексеевым, последний отправился для поправления действительно расстроенного здоровья в Крым, передав временно исполнение своей должности ген. Гурко. В конце ноября последовали крайне настоятельные представления Пуанкаре об оказании непосредственной помощи Румынии. С 23 ноября, когда неминуемость катастрофы на Румынском фронте уже выяснилась, началась лихорадочная отправка подкреплений, и в первую очередь, конницы, так как румынские железные дороги работали отвратительно, и движение походным порядком давало скорейшие результаты.

30 ноября было решено сосредоточить на Румынском фронте новую 4-ю армию ген. Рагозы из 3 арм. и 1 кав. корпусов. 7 декабря, после потери Бухареста, был сформирован новый южный фронт, которым управлял, под номинальным главенством румынского короля, ген. Сахаров. Русские подкрепления начали собираться только во второй половине декабря. Между тем, к 16 декабря румынская армия уменьшилась до 70 тыс. человек; из 23 румынских дивизий, совершенно потеряв-

ших боеспособность, оказалось возможным оставить на фронте только 6, остальные были отправлены в тыл для переформирования.

Русские войска, находившиеся в периоде сбора, отстаивали румынскую территорию шаг за шагом. 13 декабря отряд Деникина был выбит из Бузео; чтобы продвинуться вперед на 30 километров и овладеть Фокшанами (8 января), германцам пришлось затратить 25 дней и привлечь на помощь и 3-ю болгарскую армию из Добруджи. Русская «Дунайская» (переименованная в 6-ю) армия еще раньше была оттянута из Добруджи для защиты р. Серета. В начале января русские армии твердо стояли на Серете; германское наступление остановилось, Молдавия была спасена, Валахия с ее нефтяными промыслами, капитально разрушенными англичанами, была оккупирована германцами.

26. Действия в Турции. В 1915 году, когда требовалось крайнее напряжение сил для преодоления сил на главных театрах, англичане попытались взять Месопотамию и Иран, стремясь захватить в свои руки Моссульскую нефть. Английский генерал Таунсенд, наступавший вверх по Тигру, водный путь которого являлся единственной артерией его снабжения, 23 ноября 1915 года подошел к Багдаду, но здесь потерпел чувствительную неудачу и отошел к своим ближайшим складам на Тигре у Куз-Эль-Амары, где был обложен турками, под руководством известного германского генерала (автора труда «Вооруженный народ»), старика фон-дер-Гольца.

Для отвлечения сил турок от англичан, наша кавказская армия перешла в наступление. В декабре 1915 года турки были вытеснены из пограничных уездов Кавказа. 16 февраля 1916 г. была взята штурмом устаревшая турецкая крепость Эрзерум, в начале марта—Муш и Битлис, в апреле—Трапезунд и Эрзинджан. Генерал Баратов, с казачьими отрядами, в январе очистил значительную часть территории Персии от турецких войск и приблизился на 130 километров к Моссулу и Багдаду.

Однако, английская вспомогательная армия ген. Эмлера сумела подойти на 10 километров к осажженным в Кут-Эль-Амаре, но не сумела здесь преодолеть сопротивление турок. Отбивший наступление английской вырочки фон-дер-Гольц умер от сыпного тифа за несколько дней до 26 апреля, когда 10 тыс. англичан в Кут-Эль-Амаре сдались туркам. Этот крупный успех над англичанами позволил туркам перетерпеть удар, нанес. русскими в Армении.

27. Общая оценка 1916 года. 1916-й год представляет последнюю блестящую вспышку энергии и мощи старой Петровской русской армии, час исторической смерти которой близился. По замыслу верховного германского командования, центр тяжести действий в 1916 году должен был лежать на западе; однако, прорыв юго-западного фронта в начале июня нарушил все расчеты Фалькенгайна и Конрада, заставил их вновь перебросить резервы на восток, разохотил Румынию вступить в войну, заставил германцев вновь на 20 месяцев отказаться от активных действий на западе. Верден, в окончательном результате, был спасен русскими усилиями, заставившими германцев перейти под Верденом к обороне; русские усилия позволили англо-французам в очень выгодных условиях начать наступление на Соме против лишнего резервов германского фронта, страдавшего от недостаточного количества тяжелой артиллерии и снарядов. Такое тягучее наступление, в форме борьбы на измор, при громадном превосходстве технических средств англо-французов, представляло для них много выгод. Нельзя сказать того же о нашем юго-западном фронте. Важнейшая ошибка нашего командования заключалась в том, что оно не сумело обратить его сразу в общее поражение четырех австрийских армий, а затем не сумело в июле прервать его. Наше командование, смущенное началом сражения на Соме, загнало войска в атаку на позиции против сильнейшей артиллерии до того момента, пока войска, подбодренные весенними успехами, продолжали слушаться приказаний.

В начале апреля 1916 года 70% русских сил находилось к северу от Полесья, 30% к югу. В конце декабря мы имели севернее Полесья только 57% общего числа штыков, а несмотря на громадную убыль юго-западного фронта и в Румынии, число штыков к югу от Полесья равнялась 43%. Этот громадный сдвиг русских сил к югу, к сожалению, был выполнен не плавно, а под влиянием событий. Массы русских войск частью бездействовали, частью запаздывали. Стратегическая проблема была решена неудовлетворительно.

Выступление Румынии позволило Германии добиться в самом конце кампании, при общем истощении и жажде отдыха, крупного успеха. Энергию Людендорфа, предпринявшего зимний поход в Валахию, можно сравнивать с энергией Фридриха Великого, который в 1757 г. обрушился на алстрийцев, устроившихся на зимовку в Силезии, и в декабре разбил их под Лейтеном. Средства Румынии нужны были Людендорфу для дальнейшего ведения войны, как Фридриху Великому нужны были средства Силезии для продолжения Семилетней войны.

Со стороны союзников выступление в войну Румынии было обставлено самым безобразным образом. Генерал Алексеев понимал, что Румыния не облегчит русский фронт, а явится для него огромной обузой, увеличит долю общих усилий коалиции, выпадающую на русскую армию. Поэтому, совершенно законной является его позиция в первой половине 1916 года, когда он противился вовлечению Румынии в войну. Но нельзя оправдать его действий во второй половине, когда он поддался соблазну взять на себя эту обузу, и вместо того, чтобы обставить выступление Румынии в войну самым выигрышным для общего успеха союзников образом, начал наводить строжайшую экономию в расходе войск на этот «второстепенный», по его мнению, театр войны. Румынский театр войны мог быть или решающим для союзников, или катастрофическим. В оправдание ген. Алексееву может только служить стратегия крайнего

эгоизма, которую проводили остальные государства Антанты, требовавшие от России больших жертв на Балканском полуострове, а сами считавшие его слишком мало важным, чтобы расходовать на него силы своих армий. В нездоровой атмосфере интриг французской военной миссии в Румынии и взглядов союзников на русскую армию, как на подчиненное им орудие, должествующее истечь кровью, подготавливая их окончательный успех, при общем несогласованном направлении держав в вопросах Балканской политики, едва ли представлялось возможным правильное решение стратегической проблемы, поставленной вступлением в войну Румынии. Единственный раз за всю войну русское управление попыталось провести в общем направлении войны точку зрения, которая представляла бы интересы не коалиции, а интересы России. Но политика эгоизма удалась нам еще в меньшей степени, чем политика самопожертвования. Как раз в данном случае экономия русских сил на чуждый нам румынский фронт была неуместна и тяжело отозвалась на дальнейшем ходе войны, и, прежде всего, на русской армии и русском государстве.

Царская Россия сумела преодолеть тяжелые испытания, выпавшие на нее в 1915 году. Первоначальный июньский успех 1916 года, возбуждавший такие надежды, ликование плохо разбиравшегося в стратегии и политике общества, вызванное вступлением в войну Румынии, и последовавшее горькое разочарование, вследствие кажущейся бесплодности громадных потерь, наступивших экономических лишений и румынской катастрофы, нанесли старой русской государственности последний удар.

Что касается центральных держав, то, по видимости, они справились с большими усилиями, которые были произведены Антантой, чтобы сломить в 1916 г. их сопротивление. Но германские победы 1916 года отличаются от побед 1914 и 1915 годов тем, что это были успехи, одержанные из последних сил, Пирровы победы, после которых не хватает ни средств, ни энергии

воспользоваться их плодами. Людендорф не обманывался: Германия встречала 1917 год более слабой и истощенной, чем когда-либо, и наступающий 1917 год открывал перед немцами самые мрачные перспективы.

1917-й год.

28. Общая обстановка и русский фронт. Эффектный конец боевых действий в 1916 г., успех напряжения последних сил под занавес, перед зимним антрактом, Германия попыталась использовать для того, чтобы предложить Антанте вступить в мирные переговоры. Посредничество Вильсона, однако, дало отрицательный результат. Блеск внешних успехов не скрывал от Антанты внутреннего ослабления Германии. Германские войска вымотались, крупных резервов не было, период зимнего отдыха был сокращен до минимума. В 1917 году на всех сухопутных фронтах центральным державам приходилось думать только об обороне. Находясь в отчаянном положении на суше, Германия решила перейти в наступление на море и начать подводную блокаду Англии в виде объявления запретных зон, где подводные лодки будут топить все суда, не считаясь с их национальностью и грузом. По расчетам германского генерального штаба, в течение 6 месяцев Англии, вследствие перерыва подвоза и голода, должна была сдаться; по расчету вышло, что, если подводные лодки будут топить около полумиллиона тонн пароходов в месяц, то наступит общий кризис мирового тоннажа. Решаясь на это мероприятие, Германия сознательно шла на разрыв с Америкой. Последняя уже обратилась в огромную фабрику, поставлявшую Антанте военное сырье и снаряжение, и, конечно, перерыв сообщений с Англией и Францией противоречил интересам влиятельных кругов. Но в 1917 году американцы были бессильны выступить в Европе со своими войсками; таким образом, в ближайшем будущем Америка не являлась грозным противником. В дальнейшем же, если бы удалось вызвать кризис мирового тоннажа, то перевозка американских войск на европейский континент дол-

жна была вызвать непреодолимые затруднения.

Расчет на подводную войну оказался ошибочным. Соединенные Штаты, а за ними многие американские и азиатские государства, объявили войну Германии. Реквизиция германских судов, находившихся в их гаванях, уступка нейтральными государствами своего тоннажа Англии, усиленное судостроение в Америке, переход Англии на распределение продуктов среди населения по карточкам, значительное увеличение посевной площади в Англии помогли преодолеть создавшийся кризис. Правда, Англия была на волосок от гибели. Начав свою деятельность в феврале, за 11 месяцев 1917 года германцы утопили 9.125.000 тонн, за 9 месяцев 1918 года они утопили 5.198.000 тонн. Максимальный успех был достигнут в июне 1917 года, когда было пущено ко дну за месяц свыше миллиона тонн. Однако, понемногу англичанам удалось организовать борьбу с подводными лодками; число гибнущих с каждым рейсом германских подводных лодок все увеличивалось; новые подводные лодки не увеличивали общее их число, а только позволяли пополнять потери. В 1918 году потери в тоннаже Антанты постепенно уменьшались с 689.000 тонн в месяц до 420.000.

В 1917 году в Германии начал действовать закон о трудовой повинности (от 2 декабря 1916 г.) «о вспомогательной службе на родине». Людендорф, взяв в свои руки верховное командование, провел «программу Гинденбурга» — базировавшийся на «воинском социализме» проект планомерного использования всех материальных ресурсов и рабочей силы Германии для усиления снабжения армии. В действительности Людендорфу не удалось преодолеть ни стремление предпринимателей к увеличению прибыли, ни мобилизовать все трудовые силы Германии; развилась спекуляция, появились мародеры тыла, замена бюрократическим усмотрением хозяйственного расчета обошла Германию увеличением месячных военных расходов с 2 миллиардов (1915 г. и весна и лето 1916 года) до 4 миллиардов марок

(с осени 1917 г.). Это увеличение военных расходов скоро сказалось на обнищании широких масс и на росте дороговизны. Повидимому, экономические мероприятия Людендорфа, стремившиеся к более широкому использованию в целях войны всех средств Германии, подорвали хозяйственный организм Германии и обусловили скорейшее наступление развала.

В сильной степени положении центральных держав было облегчено революцией, начавшейся в марте 1917 года в России и обусловившей длительную бездеятельность и ускорение процесса разложения русской армии, пережившей летом 1916 года свой последний подъем. Несмотря на видимое ослабление боеспособности русской армии, Людендорф не пытался повернуться в 1917 году тылом к русской армии для энергичного перехода в наступление на западе, а решил продолжать обороняться на западе, с тем, чтобы добиться во что бы то стало конечной развязки войны на востоке. Откладывая еще на год решительное наступление на западе, теперь, когда Америка, с ее огромными материальными, финансовыми и людскими ресурсами собиралась на помощь Франции, Людендорф делал успех его еще сомнительнее.

Германское правительство находило неосторожным подрывать атакой русских позиций те мирные тенденции, развитие коих так ярко проявлялось в русском народе, в русской армии и в Петроградском Совете. Тем не менее Людендорф не удержался, чтобы не пожать дешевые лавры при атаке в апреле нашего передового укрепления на Стоходе.

Состояние русской армии ясно требовало отказа от каких-либо широких наступательных планов. Однако, Керенский, стоявший во главе правительства и Брусиллов, ставший верховным главнокомандующим, не отдавали себе в этом отчета. Они стремились поднять значение России в глазах Антанты успешным наступлением. Дипломатические представители Антанты оказывали соответственное давление; напрасно некоторые более опыт-

ные французские военные представители предупреждали об опасности перетягивать струну.

«Наступление Керенского» началось 1 июля, в момент, когда большое французское наступление было уже стбито, и Франция не была способна к наступательным действиям. Серьезной цели оно не преследовало и не могло достичь. В рядах русской армии, с момента наступления, шла гражданская война. Наступление намечалось по обе стороны Днестра, на юго-западном фронте.

Только полной негодностью австрийских войск можно объяснить, что на некоторых участках атаки имели частный успех. Особенный успех выпадал на долю 8-й армии ген. Корнилова, которая в период 6—15 июня овладела значительным районом к югу от Днестра и захватила г. Калущ. Этот успех едва не сорвал намеченного Людендорфом контр-удара на Тарнополь, на участок непосредственно к северу от русской ударной группы. 3 пехотных и 1 кавал. дивизии германцев, из числа перебрасываемых с запада, пришлось направить к Калущу. Если бы не обнаружилось явные признаки разложения и в армии Корнилова, германский контр-удар был бы отменен вовсе. Но, в виду декоративного характера русского наступления, германцам все же, с опозданием на неделю, удалось собрать, при помощи резервов с западного фронта, группу в 9 пех. дивизий с 600 орудиями и 180 минометами и 19 июня прорвать без труда 11-ю русскую армию. Весь юго-западный фронт, от Брод до Карпат, дрогнул. Преследование продолжалось до 4 августа. Русские очистили Букшину и занятый участок Галиции и отошли за пограничную реку Збруч. Пленных, несмотря на разложение русской армии, было взято немного. Постепенно русское сопротивление, вследствие сознания нависшей над всем югом катастрофы, нарастало; энергичные меры против беглецов, принятые Корниловым, стали сказываться.

При отступлении русские взрывали железные дороги; австрийцы и при преследовании сумели потерпеть не-

сколько неудач. Все эти соображения заставили Людендорфа приостановить наступление, которое ему хотелось развить в виде большой операции — вторжения в Молдавию с севера, с одновременным прорывом фронта на нижнем Серете Макензеном со стороны Валахии. Пришлось отказаться от того, чтобы немедленно вывести Румынию из войны. На этот отказ повлияла и значительная боеспособность, которую проявила румынская армия, сама перешедшая 24 июня в наступление в направлении на Валахию. Находившиеся в Румынии русские войска также лучше сохранились; Макензену контр-атаками удалось лишь сохранить равновесие на своем фронте.

Русские атаки в районе Крево (западный фронт) и Двинска, после первоначального скромного успеха, закончились возвращением русских войск в свои окопы.

Довольно сомнительными операциями, имевшими целью вызвать беспокойство за Петроград, явилась атака Риги, с переправой 2 сентября через Двину у Иксколя; поскольку германцы стремились отрезать русские войска, занимавшие левобережные позиции, эту операцию, тщательно подготовленную и предпринимающую с большими средствами, следует признать неудавшейся. Для проведения ее была сосредоточена значительная артиллерия и резервы из Тарнополя. 21 сентября германцы атаковали и овладели Якобштадской предместной позицией, а 12—18 октября германская эскадра, при помощи десанта, в составе одной дивизии, овладела островами Эзель, Моон и Даго. Надо очень внимательно изучить весь ход русской революции в 1917 году, чтобы высказать суждение о том, ускорили или затормозили окончательный развал старого русского государства эти активные действия Людендорфа. Нам представляется, что германцы в значительной степени тратили даром время и средства на русском фронте, а наносимые ими удары только усиливали позицию военной партии. Без контр-удара в Галиции и атаки Риги немислимо было

бы выступление Корнилова против Керенского; правда, оно не имело под собой никакой почвы, но если бы Людендорф развил бы еще большую деятельность на русском фронте, положение Корнилова на внутреннем фронте стало бы сильнее.

26 ноября 1917 года новый русский верховный главнокомандующий, Крыленко, запросил германское командование, согласно ли оно на переговоры об установлении перемирия. Местные перемирия начали заключаться со 2 декабря, хотя уже за много месяцев до этого на многих участках фронтов установилось «братание». 15 декабря в Брест-Литовске подписан был договор о перемирии. 22 декабря начались мирные переговоры в Брест-Литовске.

29. Итальянский фронт. 18 августа началось 11-е сражение на Изонцо. В течение свыше месяца итальянская армия вела атаки на 70-верстном фронте; свыше 1500 американских и английских орудий прибыли на усиление итальянской артиллерии. Сражение дало несущественное продвижение итальянской армии, но настолько истощило австрийскую армию, что австрийское командование признало себя неспособным отразить своими силами новый напор итальянцев. 7 возвращающихся с русского фронта германских дивизий, заимствованных с запада для тарнопольского прорыва и взятия Риги, были направлены на Изонцо, где они развернулись у Тольмино, севернее пункта, где оканчивалась ударная группа итальянских войск. 24 октября, после короткой артиллерийской подготовки, германцы перешли в наступление. Сражение при Капоретто кончилось бедственно для Капоретто. Через семнадцать дней остатки итальянской армии, уступив большую часть Венецианской области, при поддержке 140 тыс. англо-французов (6 дивизий под начальством Фоша), собрались в 150 километрах позади, на р. Пиаве. Месячная гастроль 7 немецких дивизий обошлась итальянцам в 10 тыс. убитых, 30 тыс. раненых, 294 тыс. пленных; австро-германцы захватили 3152 пушки, 1732 миномета, 3000 пулеметов.

Взятыми запасами австрийская армия питалась 3 месяца. Рекорд трофеев в мировую войну был достигнут в бою с итальянцами. Однако, австрийские войска и здесь не смогли развить из Тироля достаточно энергичного наступления, что позволило англо-французам поспеть для обороны р. Пиавы. Несмотря на весь блеск этого удара, он не вывел немцев на простор Ломбардской равнины, что могло бы вынудить Италию стать на путь мирных переговоров. Несколько сот тысяч разбежавшихся по всей Италии солдат вскоре были вновь собраны, и итальянцы в дальнейшем стали ответственными партнерами для окончательно выдохшихся австрийцев.

30. Боевые действия на Западе. Англо-французы в начале 1917 года явно вели подготовительные работы, чтобы ранней весной 1917 года приступить на Сомме к продолжению наступления. Германское командование, в результате истощения, явившегося следствием усилий, сделанных в предшествовавшем году, было вынуждено в 1917 году продолжать на западе строго оборонительный образ действия. Чрезвычайно важно было для усталой германской армии продолжить по возможности срок зимнего перерыва военных действий. С этой целью Людендорф использовал то обстоятельство, что германский фронт на Сомме все еще образовывал выступ на общем протяжении германского фронта. Людендорф заблаговременно распорядился об укреплении тыловой позиции, названной позицией Зигфрида, которая составляла между г. Аррас и р. Эн хорду этого выступа. Этим немцы достигали сокращения своего фронта во Франции; позиция Зигфрида имела протяжение всего в 125 километров вместо 170 километров по выступному фронту. Главная сила позиции Зигфрида заключалась в том, что вся полоса между ней и старым германским фронтом, глубиной до 40 километров, подверглась систематической обработке, чтобы сделать ее негодной для жизни, транспорта и боевых действий: были уничтожены все селения, дороги, мосты, вырублены деревья, испорчены

колотцы, все население было эвакуировано. Эти работы по подготовке общего отступления велись в глубокой тайне и получили условное название «Альберих». По составленному заранее календарному плану, на них требовалось пять недель. 9 февраля было первым днем работ Альберих, а 16 марта начался отход немцев на всем фронте Соммы. Оборона германского фронта теперь стала много легче, так как растянутый и наиболее угрожаемый участок фронта стал теперь коротким и безопасным. Невыгоды для германцев заключались в том, что на полосу Альберих наступление являлось теперь затруднительным и для них. Это они уже почувствовали в марте 1917 года, когда им пришлось отказаться от мысли нанести преследующим французам контр-удар, вследствие препятствий, которые создавали работы Альбериха для массового употребления здесь войск. Но окончательно опустошение этой территории отомстило за себя немцам через год, когда большое наступление Людендорфа в марте 1918 года потребовало прохождения германских масс через эту полосу; длительное пребывание здесь германских войск обессилило и разложило их.

Уже осенью 1916 г. французское правительство, через своих представителей, убедилось, что силы царской России быстро идут на убыль, и что летом 1917 г. можно ожидать полного выхода России из войны. В этих условиях время, казалось, начинало работать больше в пользу германцев, чем Франции; рассчитанная на выдержку стратегия Жоффра, с ослаблением России, на которую зваливалась главная работа, теряла смысл. Поэтому, во французском командовании были произведены перемены: Жоффр и глава школы ведения позиционных боев на измор, Фощ, руководивший сражением на Сомме, были смены. Главнокомандующим был назначен генерал Нивель, герой стремительных контр-атак под Верденом, полагавший возможным одним броском прорвать всю глубину германских позиций и перейти к маневренной войне. Таким образом, ослабление России заставило Францию

перейти от измора к стратегии сокрушения.

Новая обстановка, создавшаяся на фронте, несколько задержала наступательные действия англо-французов. Вновь атаки были нацелены на те участки старого фронта, которые с обеих флангов примыкали к неуязвимой позиции Зигфрида. Первыми выступили англичане, которые должны были оттянуть внимание немцев к северу. У Арраса, 9 апреля, по обоим берегам р. Скарпы, на фронте в 30 километров, англичане, после короткого энергичного обстрела, провели чрезвычайно удачную атаку, которая смяла фронт 6-й германской армии. Германские резервы находились на значительном удалении; однако, недостаточная тактическая подготовка не позволила англичанам быстро использовать выгодные мгновения, когда фронт перед ними остался без обороны. На следующий день начали подходить германские резервы, и борьба затянулась до 11 мая. На атакованном участке англичане сумели продвинуться только на 8 километров в глубину.

Неделю спустя после начала английского наступления, 16 апреля, французский главнокомандующий Нивель бросил большие массы французов в наступление в районе р. Эн, на фронте около 70 км. Первым ударом удалось отбросить немцев на гребень водораздела между р.р. Эн и Элет, носящий название Шмен-де-Дам; в некоторых местах французам удалось зацепиться за этот гребень, но попытки перевалить через него потерпели решительную неудачу. Одновременно французы повели и вспомогательную атаку по другую сторону Реймса, в Шампани, но здесь успехи их были еще скромнее. Свыше месяца, вплоть до 20 мая, Нивель упорствовал, требуя, несмотря на их безрезультатность, все новых атак. Этим он вызвал очень опасное и широко распространившееся во французской армии бунтарское движение: многие полки хотели повернуть фронт против Парижа, надежных частей почти не оставалось. Нивель, получивший прозвание кровопийцы и занявший должность Жоффра с целью заменить его стратегию выжидания

стратегией рошительных действий, был сменен генералом Петеном; Фоп был призван на должность начальника генерального штаба; благодаря устойчивости государственного организма Франции, осторожному Петену удалось продержаться в критические моменты. Летом революционное настроение французской армии пошло на убыль, но к дружным ударам в течение всего 1917 года она уже не была способна. Это состояние смуты, в котором находилась французская армия в июле, и новый поворот французской стратегии в сторону измора (теперь надежды на русских заменились упованиями на американцев, которые обещали привести к июню 1918 года миллион солдат во Францию), объясняют, почему немцам удалось собрать с западного фронта войска для контр-удара против наступления Керенского, и отменяет всю беспечность последнего.

Французам до конца года удалось провести лишь две атаки — под Верденом 20—27 августа, на фронте в 25 километров; атака имела скорее характер демонстрации, чем прорыва; более серьезное наступление было предпринято на месте главной весенней атаки, на Шмен-де-Дам. 22 октября оправившимся французам удалось уже завладеть западной оконечностью этого гребня, так называемым углом Лафо, что вынудило 2 ноября немцев очистить весь гребень Шмен-де-Дам и отойти на 3 километра к северу, за р. Элет.

Англичане, как всегда сохранявшие в первую половину кампании свои силы, во вторую половину года начали развивать сильный натиск, хотя в 1917 году им приходилось действовать почти без поддержки союзников. Если германцы желали обороняться, выжидая результатов деятельности подводных лодок, то англичане, потерявшие в июне 1917 года до миллиона тонн судов, стремились наступлением на суше создать менее выгодные условия для деятельности германских подводных лодок; чтобы достигнуть этой цели, надо было отеснить немцев от бельгийского побережья, где германские подводные лодки имели две ближайших

к берегам Англии базы в портах Остенде и Зеебрюге.

С этой целью англичане наметили прорвать германский фронт во Фландрии, наступая от Ипра в северо-восточном направлении. Но так как Мессинские высоты к югу от Ипра (около селения Витшате) представляли часть германского фронта, вдающуюся в английский фронт, и мешали развертыванию английских резервов у Ипра, то сначала англичане направили на них вспомогательный удар. 7 июня англичане взорвали на 6-километровой дуге высоту 20 мнн, заложенных на большой глубине; впечатление, произведенное на защитников высот этими взрывами, было очень сильное, и англичанам удалось овладеть всем выступом. После этого началась подготовка англичан к Фландрскому сражению. Последнее охватило в общем сравнительно узкий 29-километровый фронт; англичане начали атаки 31 июля и кончили наступление 10 ноября. В течение этого времени англичанам удалось продвинуться всего на глубину в 8 километров — по полкилометра, в среднем, на 16 нанесенных ими за три с половиной месяца ударов. Таким образом, первоначальная цель Фландрского сражения — отеснение шмевцев от побережья — оказалась недостигнутой. Все сражение получило характер грандиозной борьбы на измор. Потери англичан в этом сражении достигли 400.000.

Однако, при колоссальной развернутой англичанами артиллерии, они понесли соответственные потери и немцам. Последние, благодаря Людендорфу, резко изменили свою тактику: в 1916 году, на Сомме, они густо занимали передовые окопы, цеплялись за каждый аршин местности, прятали войска во время бомбардировки в глубокие лисьи норы и блиндажи. В отдаленных им указаниях Людендорф предписал организовать оборону подвижным образом; передовые окопы занимались только редким сторожевым охранением; вместо сплошных линий, оборона основывалась на отдельных пулеметных гнездах и на контр-атаках отборных дивизий, собранных по-

вади, вне района, сильно бомбардируемого неприятелем. Эта подвижная оборона значительно уменьшила потери немцев от артиллерийского огня, а также пленными, которые раньше не успевали во-время выскочить из глубоких лисых нор и блиндажей и доставались, как трофеи, наступающему, захватившему поверхность земли. Подвижная оборона доставляла союзникам много хлопот, пока в германской армии дух войск был удовлетворителен.

Союзники в 1917 году широко использовали новое оружие — танки. Пользуясь тем, что внимание немцев было отвлечено во Фландрию, англичане сосредоточили против северной оконечности слабо занятой позиции Зигфрида, между дорогами, ведущими из Бапема и Перонны в Камбре, значительные силы, в том числе свыше 300 танков. 20 ноября английские танки в утреннем тумане прошли через проволочные сети и распозлились по немецким позициям. За ними следовали пехотные и кавалерийские части. Артиллерия открыла огонь лишь почти в момент начала танковой атаки. Успех англичан был очень велик, но у англичан опять не хватило искусства немедленно организовать широкое вторжение в открывшуюся в германском фронте брешь. В дальнейшие дни англичанам не удалось пробиться среди собиравшихся германских резервов. 27 ноября наступление англичан было окончательно приостановлено, а ударом во фланг прорвавшимся англичанам 30 ноября немцы выиграли две трети проигранного пространства.

31. Турецкий театр. В 1916 году германскому командованию удалось убедить Энвер-бея, что участь Турции будет решена не на турецких фронтах, а исходом борьбы Антанты с Германией. Так как союзники не угрожали непосредственно Дарданеллам, турецкие войска были широко использованы Людендорфом для действий против Румынии; один турецкий корпус очень недурно держался на австрийском фронте в Галиции против атак юго-западного фронта. Чтобы не уда-

рить в грязь лицом перед Европой, Энвер-бей посылал в дивизии, двинутые на русский фронт, лучшее, что имелось в турецкой армии. Даже в 1917 году наши июльские атаки в Галиции встречали отпор со стороны находившихся там турецких дивизий. Такое напряжение сил в пользу чужих интересов не могло пройти даром для рыхлого организма Турецкой империи. Турки оказались не в силах защищать свои собственные пределы. На Кавказском театре русская революция вызвала затишье, но англичане решили занять удобные позиции, чтобы впоследствии выступить последними территориями Турецкой империи. В феврале 1917 года, в самое удобное время года для операций в Месопотамии, они возобновили натиск вдоль р. Тигра, чтобы отомстить за Кут-Эль-Амарскую капитуляцию и приблизиться к моссульской нефти. 11 марта англичане прочно заняли Багдад. Этот удар произвел в Турции сильное впечатление. Турецкое командование предполагало ответить организацией широкого встречного мусульманского напора в Месопотамию (Ильдерим).

Германия давала для руководства наступлением штаб фронта, во главе с бывшим нач. ген. штаба Фалькенгайном, и приступила к организации особого азиатского корпуса. Но при турецкой разлуке, недостатке сообщений и легкомыслии Энвер-бея, который скоро вместо Ильдерима стал увлекаться идеей завоевания Кавказа, этот контр-удар оказался бумом. Фалькенгайн и германские части нашли себе применение не под Багдадом, а в Палестине, куда летом 1917 года англичане перенесли центр тяжести действий; 200-тысячная армия ген. Аленби наступала вдоль побережья Средиземного моря, прокладывая за собой из Египта железную дорогу. 7 ноября турки потеряли Газу, 17 ноября — Яффу, 9 декабря англичане заняли Иерусалим. Турецкий государственный организм едва ли мог долго выдержать выпавшие на него испытания; Турция ясно начинала потружаться на дно.

32. Общие заключения о 1917 году.

Еще в 1916 году английская армия на Сомме являлась бесконечно слабее при наступлении, чем французская. В 1917 году английские войска сложились уже в грозную наступательную силу, и если им не хватало еще маневренной спешности, чтобы быстро использовать выгодные минуты, то в позиционной войне они являлись уже серьезным врагом. Борьба с англичанами, вероятно, вывела из строя в 1917 году не менее полумиллиона лучших германских солдат. Впрочем, потери, до которых английский главнокомандующий, ген. Хэг, довел свои армии во время фландрских атак, были очень значительны, подорвали физические и моральные силы англичан, которые в последующую зиму не успели от них оправиться, и потому не смогли весной 1918 г. оказать достаточного сопротивления первым наступлениям Людендорфа. С ноября 1914 г. германское командование, перейдя к обороне против англо-французов и повернувшись лицом к России, давало время окрепнуть англо-французскому фронту. Англичане усилили свои армии в течение 1917 года 60 тыс. португальских войск. В декабре 1917 года три американские дивизии высадились на территории Франции. Союзники Германии — Австрия, Болгария, Турция — слабели, и капитуляции их можно было ждать ежеминутно.

По существу, каждый день, который Германия теряла для активных действий на западном фронте, тянул ее на дно. Несмотря на крушение русской мощи, несмотря на видимость побед, положение Германии, по существу, становилось все хуже. Отразив русское наступление в Галиции, Людендорф мог бы в августе ограничиться оставлением ничтожных заслонов на русском фронте и перейти к активной борьбе на французском фронте. Каждый дальнейший месяц продолжения обороны на западе отзывался весьма существенно на понижении духа германской пехоты. Однако, Людендорф опасался, что недорубленный лес подрастет, и поэтому стремился к окончательной победе над Россией, прежде чем он перейдет в наступление на за-

падном фронте. В Брест-Литовске германское командование стремилось разговаривать с русскими представителями языком победителей с побежденными. Это была глубокая ошибка Людендорфа, который строил себе фантастические картины о возможности нового морального подъема изголодавшихся народных масс Германии и переоценил свои силы. Попытка нажиться за счет военного ослабления России, последовавшего за революцией, привела к тому, что Людендорф не использовал крупного выигрыша, который ему послала судьба в 1917 году, развязав ему русской революцией руки для наступления на западном фронте.

800 тысяч итальянских пленных, блестящий контр-удар под Камбрэ, начало Брест-Литовских переговоров — эти картины германских побед конца 1917 года являлись, по существу, лишь «Потемкинской деревней», лишь декорацией, за которой зрела катастрофа Германии. Но в Германии не было нилицо Бисмарка, который не позволил бы себя ввести в обман низкими декорациями и сразу бы отбросил бредни германских генералов об аннексии Бельгии, Литвы, Курляндии, Польши, Украины, Кавказа. Людендорф протягивал свои руки даже к Баку, когда Германия уже лежала на смертном одре.

1918 год.

33. Русско-Румынский фронт. Большая часть австрийских войск и около 35% всех германских войск были задержаны в течение года после начала русской революции на русском фронте; эти жертвы германское командование приносило с целью добиться на востоке определенно «победного» мира, и во имя его же германские силы продолжали расходоваться и в 1918 году. После заключения Германией 9 февраля мира с фальсифицированными представителями Украины, 10-го февраля глава русской делегации в Брест-Литовске, Л. Д. Троцкий, прервал переговоры, заявив, что между Германией и Россией остается состояние ни мира, ни войны; демобилизация русской армии продолжалась. 18-го февраля гер-

манцы перешли в наступление, не встретившее серьезного отпора. 3-го марта Советское правительство вынуждено было подписать прелиминарный мир в Брест-Литовске, на условиях, продиктованных немцами. Для Советского правительства этот мир являлся ключком бумажки, который в ближайшее время потеряет всякую силу. В Украине большевистские отряды продолжали оказывать неорганизованное, но отчаянное сопротивление оккупационным немецким войскам, вскоре вылившееся в форму уворных партизанских действий. Это наступление в Украину, начавшееся 18-го февраля и в начале марта привлекшее немцев уже на левый берег Днепра, должно было дать центральным державам сырье и продовольствие. Реквизиции немцев и создали основу для широкого развития партизанских действий. Потребовались большие силы для оккупирования огромной занятой территории и восстановления старого порядка на всем протяжении границы Советской России. Германские войска были переброшены даже на Кавказ, чтобы занять Тифлис и Закавказскую дорогу. Целью являлась Бакинская нефть и стремление раз'единить формировавшуюся Алексеевым на Северном Кавказе Добровольческую армию от английских войск в Персии. Точно также, высадившийся в начале апреля в Финляндии отряд генерала гр. фон-дер-Гольц оказал решительное содействие белым войскам генерала барона Манергейма. Здесь, по словам Людендорфа, также имелась в виду операция против Мурманской дороги, чтобы не допустить десант Антанты до оккупации Петрограда, но за эту задачу энергично взялось само Советское правительство.

Таким образом, летом в пределах бывшей Российской империи действовали не две, а три взаимно враждующие стороны: советская власть, Антанта и Германия; в политическом отношении такая обстановка являлась явно фальшивой. По существу, германское командование защищало не национальные интересы, а проводило классовую политику и всеми силами добивалось того, чтобы большевистское правитель-

ство примкнуло к союзу с Антантой. Если бы не близорукость дипломатических представителей Антанты, также обитых с правильного политич. пути классовыми интересами, еще в 1918 г. на востоке могли бы вновь возникнуть для Германии сильные осложнения.

Так же неудачны были действия Германии по отношению к Румынии. 5-го марта был заключен предварительный мир в Буфтеа, и только 7 мая подписан Бухарестский мир. Румыния, пельзуясь тем, что германские войска были частью расплынены по опромному пространству России, а частью крепко увязли на западном фронте, выговорила право оставить себе часть своей армии в Молдавии и Бессарабии не демобилизованной, якобы, для защиты от большевистской опасности. В Валахии немцам пришлось оставить 4 дивизии. Они не рискнули поставить вопроса об отречении румынского короля и о высылке из Румынии дипломатических представителей Антанты и должны были ожидать здесь серьезных осложнений, в случае кризиса на главном театре.

Беспользныи расход сил и энергии Германии на востоке имел крайне отрицательное влияние на внутригерманские политические отношения. Классовая точка зрения германского командования по отношению к Советской власти, естественно, веда- и к обострению классовой борьбы внутри Германии.

34. Второстепенные театры. Война на истощение в 1918 году должна была привести к капитуляции центральных держав. Уже в 1917 году наиболее политически слабые из них—Австро-Венгрия и Болгария—переживали серьезный кризис. Граф Чернин, стоявший во главе австро-венгерского правительства, настойчиво останавливался на мысли о сепаратном мире, и только ощущение полной беспомощности и зависимости от Германии останавливало его. В первой половине 1918 года только призрачная надежда на тот «штурм мира» который представляли атаки германской армии во Франции, поддерживали моральные силы союзников Германии на второстепенных те-

атрах. Когда же, во второй половине июля, ясно обозначился неуспех германских армий, кризис на второстепенных театрах получил быстрое разрешение в пользу Антанты.

Второстепенным театром, прикрывавшим с фланга германский фронт во Франции, было все пространство от Швейцарии исключительно до Палестины включительно. Здесь имелось три фронта—итальянский на р. Пиаве, балканский в центре, палестинский на востоке. Прежде всего Антанте удалось на Балканах прорвать центр и отделить Австро-Венгрию от Турции.

Болгарская армия несла на себе почти всю тяжесть борьбы на Балканах. Болгарский народ, по расчету, примкнул к союзу с Германией; этот союз оставался устойчивым только до того момента, пока Германия продолжала оставаться в выигрышном положении и побеждать. В Болгарии не было никакого желания упорствовать, раз партия становилась проигрышной, и в 1918 году агитация и золото Соединенных Штатов нашли здесь благодарную почву. 15 сентября французский генерал Франше д'Эспере, командовавший силами Антанты на Балканах, перешел в решительное наступление. 7 француско-сербских дивизий на правом берегу Вардара и в долине р. Черной почти не встретили сопротивления. Болгарские дивизии открыли фронт и двинулись на родину. Германское командование, три германские дивизии и технические части оказались бессильными остановить быстрое наступление союзников. Новый фронт Германия и Австро-Венгрия, без помощи болгарской армии, могли создать не ранее начала ноября, ценой очищения выдвинутых позиций в Украине, на Кавказе и в Турции. Уже 2-го октября новый болгарский кабинет Малинова, сменивший германофильский кабинет Радославова после летних неудач Германии, заключил перемирие с Антантой. Царь Фердинанд отрекся от престола в пользу своего сына Бориса.

На палестинском фронте генерал Алленби перешел в решительное наступление на 3 дня позже, чем последовала атака на Балканах. Начальник

германской военной миссии в Турции, генерал Лиман фон-Сандерс, удержавший в 1915 году Дарданеллы, командовал теперь, вместо Фалькенгайна, палестинским фронтом, на котором были развернуты германский азиатский корпус и 4, 7 и 8-я турецкие армии. Положение их было самое плачевное, так как последние силы и средства Турции Эввер-бей направлял не на усиление их, а на завоевание Армении, Закавказья, Северной Персии. В конце сентября, одновременно с болгарскими, рассыпались и разбежались и турецкие армии. В начале октября англичане, почти не встречая сопротивления, быстро продвигались и заняли Дамаск и Бейрут. 26 октября был занят Алеппо, а десант захватил Александрию.

Турция, угрожаемая теперь со стороны болгарской границы войсками Франше д'Эспере, а с юга Алленби, истощившая все силы и средства, 31 октября капитулировала перед Антантой и заключила перемирие. Вслед за прорывом на Балканах кольцо вокруг центральных держав стянулось значительно туже.

В связи с попыткой Людендорфа придать наступлению во Франции решительный характер, Австро-Венгрия произвела попытку опрокинуть итальянский фронт на р. Пиаве. 15-го июня началась чрезвычайно недружеская атака австрийских войск. За 6 дней наступления австрийцы насчитали 40 тыс. плененных итальянцев, что показывает, что итальянская армия недалеко ушла от уровня слабой энергии австрийцев. На 8-й день австрийцы отошли в исходное положение, понеся, с своей стороны, значительные потери пленными. Неспособность австрийской армии отвлечь внимание союзников от главного театра войны заставило Людендорфа попробовать непосредственно использовать австрийские подкрепления для борьбы во Франции. 4 лучших австрийских дивизии отравились отстаивать чужую границу и чужие завоевания, что не мало способствовало дальнейшему развалу Австрии. Центробежные стремления брали верх над прозрачными остатками австрийской

государственности. 17-го октября император Карл издал манифест о том, что Австрия обращается в федеративный союз отдельных государств, в котором домогательства отдельных национальностей получат удовлетворение. Но час судьбы австрийской империи уже пробил: 23-го октября англо-итальянские армии перешли в решительную атаку на Пиаве. Быть может, еще существовала некоторая возможность затян timer сопротивления, отойдя без боя к пограничным горам. Но австрийское командование затянуло сопротивление до 29 октября, и когда, наконец, отдало приказ об отступлении, последние связи в австрийской армии были уже порваны; создалось положение, аналогичное тому, которое имело место месяц тому назад в Болгарии—солдаты уходили в свои провинции, к своим колокольням и их интересам—общей австрийской государственности больше не существовало. Итальянцам без всяких усилий досталось 7.000 орудий и 450 тыс. пленников.

4-го ноября было заключено перемирие. Территория Австро-Венгрии находилась почти в полной неприкосновенности, так как Дунай и Сава еще не были форсированы генералом Франше д'Эспера, а итальянцы проникли только в Тироль, Каринтию и на побережье; но вся мировая война, эта необычайно обостренная борьба на измор, нашла свое решение не путем территориальных захватов, а в плоскости разрушения неприязнательской государственности.

35. Борьба во Франции. Несмотря на то, что после заключения Брест-Литовского мира значительные части германских войск продолжали распыляться в виде масляного пятна по обширной территории Финляндии, Эстляндии, Латвии, Белоруссии, Украины и Кавказа, что германские войска продолжали оккупировать Литву, Польшу, Валахию — Людендорфу удалось добиться к марту 1918 года на французском фронте небольшого перевеса в силах. Однако, Антанта значительно превосходила Германию в количестве имевшихся пополнений, и первые же потери должны были сравнять силы обеих сторон. Сверх того, в течение

1918 г. до полутора миллионов американских солдат должны были высадиться во Франции. Антанта имела превосходство в запасах продовольствия и, главным образом, в средствах местного транспорта; в германской армии лошадей было мало, и вследствие недостаточного корма они не могли дать удовлетворительной работы; грузовые автомобили без резиновых шин быстро приводили в негодность даже лучшие шоссе, бензина было недостаточно.

В первой половине ноября 1918 года германские войска отказались от мысли нескать наступлением решения войны во Франции. Участие в войне России заставило Германию отложить решительный переход в наступление на три с половиною года. За это время английская армия успела сложиться в крупную силу, Соединенные Штаты подготовили большие подкрепления; в тактическом отношении Антанта многому научилась, ее жалкая техника успела превзойти германскую, а Германия потеряла миллионы своих лучших солдат и офицеров, государственные органы ее был крайне истощен, напряжение внутренней политической борьбы нарастало, в армии налицо имелись несомненные признаки разложения. В 1917 году задача возобновления на западе наступления могла быть решена гораздо легче, чем в 1918 г., а в 1915 году—еще много легче, чем в 1917 году. Но время было безвозвратно потеряно на «успехах» Людендорфа и Гоффмана в России до Брест-Литовского мира включительно. Усталая победами на русском фронте дорога вела Германию к гибели.

Теперь на французском фронте стояли последние силы Германии. Ее союзники находились на той грани, за которой должно было последовать их отпадение. В этих условиях расходование последней энергии Германии было допустимо лишь для достижения таких целей, которые могли значительно улучшить ее положение.

Таковой целью могло быть лишь нанесение полного поражения английской армии и захват северного побережья Франции. Подводная война, на

которую Германия сделала решительную ставку в 1917 году, на которую она пошла ценой вовлечения Соединенных Штатов в число своих врагов, шла на убыль. Захват немцами Дюнкиркена, Кале, Булоня — побережья Ламанша, открыл бы перед германскими подводными лодками новые возможности. Здесь, между морем и верхним течением реки Лис, на направлении Лиль-Булонь, надо было бросить вперед германские армии.

Однако здесь находились главные силы английских армий. Англичане показали себя в конце 1917 года такими упорными и стойкими противниками, нанесли такие потери германцам, что Людендорф не решился сразу же обратиться к достижению важнейшей цели. Все его победы достигались до сих пор в направлении ударов по линии наименьшего сопротивления; в разгадывании слабого места у противника, в сосредоточении на нем усилий и в достижении эффектного успеха Людендорф не имеет себе равных. Поэтому и во Франции, весной 1918 года, он остановился на мысли нанести первый удар по линии наименьшего сопротивления, с позиции Зигфрида, перед которой был наиболее слабо укрепленный и слабо занятый участок неприступного фронта. Центр тяжести наступления должен был находиться севернее реки Соммы. Отсюда Людендорф надеялся свернуть фронт наступления на северо-восток, на Булонь. 21 марта 50 лучших германских дивизий—4 армии (17, 2, 18, 7-я) обрушились на 80-километровом фронте на 28 английских дивизий—2 армии (3-я и 5-я)—правое, более слабое и растянутое крыло английского фронта. В резерве следовало еще 20 германских дивизий. На менее важном южном участке поля сражения германцы имели полный успех, на северном—меньший. В окрестностях Арраса и Альбера очень скоро появились свежие английские резервы. Людендорф не удержался на своем намерении добиваться здесь решения, а покатылся по линии наименьшего сопротивления вдоль Соммы и южнее ее. В общем, германцам удалось здесь проникнуть на 65 километров вглубь расположения

не остановил французскими резервами наступления. Единственным важным объектом на этом направлении мог быть Антанты, пока Фоз, вступивший здесь в командование для объединения сил английских и французских войск, Амьен—железнодорожный узел, с потерей коего Антанга теряла лучшие пути сообщения для связи между английскими и французскими армиями; Амьена взять немцам не удалось. Была захвачена обширная, но опустошенная год тому назад немцами территория (работы Альбериха). Было захвачено много пленных и трофеев, но лучший порыв германцев был истрачен; германские армии занимали слабый, охватываемый с двух сторон, неукрепленный фронт, вместо сильных и вдвое более коротких позиций Зигфрида; пути сообщения в тылу у немецких войск отсутствовали; войска терпели большие лишения. Правда, удалось нанести поражение двум английским армиям. Следовало удовлетвориться этим результатом, не позже 30 марта прервать атаки, вывести трофеи и отойти в исходное положение. Людендорф не нашел в себе мужества на такое решение. Бои, бесплодные для немцев, затянулись до 4 апреля, и немецкие войска застыли на невыгодном фронте, случайно создавшемся во время наступления.

Теперь у Людендорфа не было больше причин отказываться от нанесения главного удара на участке Ипр—р. Лис. Долина р. Лис в достаточной степени подохла. Эта важнейшая атака была начата 9 апреля, вдвое меньшими силами; в состав атакующих германских дивизий были включены многие дивизии, отнюдь не имевшие ударного характера. В этих условиях немцам в период 9—25 апреля удалось достигнуть лишь успехов второстепенного характера; они продвинулись только на 20 километров. Важный узел Хазебрук остался в полупереходе перед их фронтом. Людендорф, имея в виду добиться на этом участке окончательного успеха над англичанами, продолжал здесь подготовку атаки, но предварительно хотел оттянуть с этого участка английские и французские резервы. С

этой целью через месяц, когда германская армия несколько восстановила свои силы, он решил произвести демонстративный удар к западу от Реймса, в ближайшем к Парижу районе. 27 мая началась великолепно подготовленная атака через Шмен-де-Дам. К 30 мая германцы продвинулись на 55 километров и достигли Марны близ Шато-Тьерри. Одновременно новое чудо техники—пушки, стреляющие на дистанции свыше 100 километров—начали обстрел Парижа.

За эти три наступления немцы захватили 200 т. пленных и 2.500 пушек. Силы Антанты были сильно напряжены; весь тоннаж был направлен на скорейшую перевозку американской армии. Так как число пароходов было очень ограничено, то американцы не везли с собой ни лошадей, ни обоза; у прибывавших американских войск было только носимое на солдатах снаряжение; остальное снаряжение они должны были получить уже в Европе из французских и английских запасов. Этот способ переброски американской полуторамиллионной армии, с нагрузкой солдат на пароходы в три раза теснее против принятых для расчета норм, жестоко разочаровал германский генеральный штаб, предполагавший, что операция потребует много больше времени. Правда, если бы война затянулась, то необходимость для американской армии жить и драться за счет французских материальных средств сказала бы на общем понижении уровня насыщенности снабжения техническими средствами; однако, события скоро приняли решительный оборот.

Людендорф и после майской угрозы Парижу находил, что англичане держат еще слишком сильные резервы севернее реки Лис, и поэтому решил, дав полуторамесячный отдых германской армии, нанести еще сильный удар по обе стороны Реймса и затем немедленно перебросить тяжелую артиллерию и резервы в район западнее Лиля и обрушиться на англичан, пробиваясь к Ламаншу.

Этому главному удару так и не суждено было состояться. Атака по обе

стороны Реймса, имевшая место 15 июля, не удалась. В Шампани французы своевременно ушли на вторую укрепленную полосу, и немцы израсходовались на атаку почти пустой первой линии. На Марне немцы переправились с боем через реку, но застряли перед второй французской линией в 5 километрах к югу от реки. Людендорф на третий день прервал наступление и приказал в ночь на 22 июля отойти на северный берег Марны. Однако, французы не дали германскому командованию времени отгнать назад движущиеся сюда резервы. Уже 18 июля на германский фронт обрушился первый удар франко-американцев, на участке Суассон-Шато-Тьерри. В атаке участвовало большое количество танков, собранных в лесу Виллер-Котере. Некоторые германские дивизии оказали очень слабый отпор. С трудом истощенным германским армиям удалось справиться с этим прорывом. Пришлось собирать резервы отовсюду—инициатива перешла к Фошу. Людендорфу теперь пришлось вовсе отказаться от мысли нанести решительный удар английской армии. Так как выдвинутые на Марне позиции германских войск бесцельно растягивали фронт и являлись опасными, то на 2 августа было назначено первое сокращение германского фронта—отход с Марны на реку Вель, к северу от линии Суассон-Реймс.

Надо было ожидать продолжения атак Фоша. Самое разумное было бы для немцев — сосредоточить свои силы на обороне самого сильного рубежа на западном фронте, каким являлся фронт Антверпен—Намюр и далее по реке Маасу. Нужно было всеми силами укреплять его, эвакуировать из расположенной перед ним полосы наиболее ценные запасы, а необходимый для этих работ месяц времени выгадать на обороне лучшей германской позиции во Франции — того фронта, с которого 21 марта 1918 года началось германское наступление. Людендорф, потерявший к этому моменту равновесие, остановился на том, чтобы оборонять занятую часть французской территории шаг за шагом он сделал ту же ошибку, что и русское командо-

вание летом 1915 года. Однако, русское командование имело больше сил для производства частных контр-атак; оно своевременно распорядилось об устройстве целого ряда тыловых позиций, оно опиралось на несравненно менее разложенную, чем германская, армию и, в результате, ценой больших потерь справилось со своей задачей в 1915 году успешнее, чем Людендорф со своей — в 1918 году. При этом надо помнить, что, несмотря на двойные силы Антанты, германские армии на западном фронте все еще насчитывали около 3 миллионов солдат, т.е. были вдвое сильнее русской армии летом 1915 года, и с этими силами приходилось держать фронт, несколько превышавший 500 километров, т.е. вдвое меньший, чем русский; и сами французские и английские войска отнюдь не отличались свежестью и предпочитали много стрелять, а не энергично штурмовать; что же касается американских войск, то в них еще было много задора, но в тактическом отношении ни начальники, ни солдаты не выжидали даже на уровень посредственности. Хотя, в общем, ни русский фронт в 1915 году, ни германский фронт в 1918 году не удалось противнику разорвать на части, но германский фронт был приведен атаками Антанты в положение, столь близкое к катастрофическому, что с середины августа Людендорф поставил правительство в известность о том, что нет никаких шансов принудить Антанту к заключению мира чисто военными методами. Моральные силы германского народа и армии разлагались тем скорее, что не оставалось никаких надежд на возможность изменить ход событий. Силы германской государственности начали быстро слабеть под влиянием развернувшейся беспросветной перспективы будущего.

8-го августа англо-французы нанесли жестокий удар к югу от Альбера на слабо укрепленный и занятый ненадежными дивизиями 25-километровый участок германского фронта. 7 германских дивизий были наголову разбиты; в первый же день наступающим удалось продвинуться на 14 ки-

лометров вперед. К 10 августа фронт атаки расширился на весь участок от Соммы до Уазы. За первые два дня было взято 24 т. пленных и 300 пушек. Германское командование расходовало последние резервы, чтобы сдержать отход. С 20 августа последовали новые атаки, расширившиеся на фронт до реки Эн. Только 9-го сентября германские войска были отведены на позиции Зигфрида, что следовало сделать на 5 недель раньше. 3-го сентября германцы принуждены были начать отход и на участке реки Лис. Таким образом, в первой половине сентября, приблизительно, было занято исходное положение, с которого германцы начали кампанию 1918 года. Но духовные силы германских войск были настолько истощены, что уже 11 сентября Людендорф возбудил перед правительством настоятельное требование скорейшего заключения перемирия.

В трудных обстоятельствах командовать много труднее, чем когда ежедневно с радио-телеграфа получают копии всех неприятельских оперативных распоряжений. Только в начале сентября германское командование приступило к осуществлению эвакуации в широком масштабе. Только 8-го сентября началось очищение выступа у С. Миель (к югу от Вердена); сокращение здесь 70-километрового участка фронта на 40-километровую позицию (позиция Михеля) представляло большой вынгрыш; работы по эвакуации еще были в полном разгаре, когда 12 сентября выступ, с ослабленным вооружением, был атакован, с одной стороны, американцами, с другой — французами, в результате чего немцы безцельно потеряли сотни орудий и десятки тысяч пленных.

26 сентября началось общее наступление армий Антанты; через три дня англичанам удалось прорвать позицию Зигфрида. В начале октября франко-американцы произвели сильный натиск в районе Вердена и между Маасом и Эном, а также в Шампани. Фош стремился прорваться вдоль Мааса в северном направлении, что привело бы к окружению в Бельгии большей части германских войск. Эта задача ему

безусловно не удалась. До середины октября, за 35 дней, истекших со времени отхода немцев на их исходное положение, и за три недели последнего решительного наступления, Антанте удалось оттеснить германский фронт на 25—40 километров. Во многих местах германской пехоты на полях сражений уже не было видно, по пулеметным частям, с большим процентом офицеров и унтер-офицеров, успешно останавливали наступление выдохшихся союзников; часто бой велся лишь между шебольшими кучками людей с обеих сторон. Вследствие опасности немецкому отступлению, угрожавшей от сосредоточенных в районе Вердена больших масс Антанты, германское командование, с уходом Людендорфа в отставку, последовавшим 26 октября, ускорило отход армий на фронт Антверпен-Шарлеруа—р. Маас; этот рубеж был достигнут германскими армиями к 4 ноября, за день до начала германской революции; к 11 ноября, когда было заключено перемирие, германские войска продолжали его занимать, а Фох собирал силы для перехода в наступление на Лотарингском фронте, чтобы вновь попытаться отрезать находившиеся в Бельгии германские армии от Рейна.

Только 5-го октября германское правительство обратилось к президенту Соед. Штатов Вильсону с просьбой о содействии заключению перемирия. Вильсон, провозгласивший 8-го января 1918 года знаменитые 14 пунктов будущего, основанного на праве, мира, в своих ответах на германские ноты от 8, 14 и 23 октября все далее и далее уклонялся от выставляемого им идеала и в конце потребовал от Германии заключения перемирия на таких условиях, которые бы не допускали возможности возобновления военных действий, т. е. обезоружения германского государства.

В связи с германской революцией, нанесшей окончательный удар старому порядку в армии, Германии были предъявлены необычайно жестокие условия перемирия: очищение левого берега Рейна в течение 30 дней, выдача 5.000 тяжелых орудий, 30.000 пулеметов,

5.000 локомотивов и 150.000 вагонов (последнее нанесло жестокий удар транспорту), интернирование военного флота и т. д.

Это перемирие, утвержденное 11 ноября 1918 года, являлось достойным прологом к Версальскому миру, подписанному 28 июня 1919 года. Франция, оттягивавшая приступ к мирным переговорам, затянула и ратификацию его до 10 января 1920 года.

36. Мировая война изучена пока лишь по внешности. Нам известны лишь хронологическая последовательность, геометрическая проекция наступлений и отходов на географическую карту, отчасти—мотивы, которыми руководились ответственные начальники и, очень неполно, статистические данные. Мы наблюдаем резкое изменение стратегических и тактических форм боевых действий в течение войны, но делаем еще только первые шаги, чтобы осмыслить гигантские уроки войны. Мы должны подчеркнуть, что в основе планов почти всех полководцев мировой войны лежала Наполеоновская идеология — сокрушить врага помощью одного решительного толчка, в который вкладываются все усилия—и нигде эта стратегия не имела успеха. Не удивительно-ли, что даже Сербия, стертая с карты Европы к началу зимы 1915 года, продолжала оставаться опасным врагом Австро-Венгрии, комплектуя остатки своей армии за счет австрийских пленных, и в сентябре 1918 года, прорывом болгарского фронта сербскими дивизиями открыла решительную брешь в расположении центральных держав?

Мировая война являлась, прежде всего, испытанием государственной прочности—ни германская, ни австро-венгерская, ни болгарская, ни турецкая армии не получили смертельного удара в лицо, а закончили свое существование разложением, пришедшим с тыла. Это была первая большая упорная война, в которой у всех противников армии комплектовались по общей воинской повинности. (В Англии—с 17 апр. 1916 г., в Соедин. Штатах—с 29 апр. 1917 г.). Воинская повинность позволяла быстро пополнять немислимые раньше

потери в боях, но установила самую тесную зависимость боеспособности войск от настроения тыла. Отсюда, значение тыла во время войны возросло в сильнейшей степени. Потребленное армиями во время войны снабжение приблизилось к половине общей ценности всего национального капитала; разумеется, эти огромные запасы снабжения не могли быть заготовлены в мирное время — оружие для войны ныне преимущественно изготавливается во время самой войны. Тылом армии становится все государство, средствами ведения войны является все национальное богатство, заключающееся в материальных ценностях, в крови мужчин, в рабочей силе женщин, подростков, стариков.

Отсюда, неприятелем во время мировой войны являются не только комбатанты, которых выставляет враждебное государство, как это утверждал три века назад Гуго Гроций, а весь враждебный народ в целом. Голодная блокада Германии, которую установила Англия, оружие, направленное против женщин и детей, явилась существенным методом борьбы. Захват нефтяных и угольных бассейнов, промышленных районов, хлеботородных провинций, подрывающий экономические возможности неприятеля, выдвигается, как одна из важнейших целей войны.

Борьба шла на срок — кто дольше выдержит. Жоффр отчасти разгадал этот секрет, дав Франции после Марны почти двухлетний отдых. Китченер еще яснее и раньше усмотрел характер затяжной войны. Но Жоффр поостерегся поделиться с нами своим секретом. События на французском фронте освещались обманчивым светом. О схватках за лачугу паромщика (maison du raiseur) французские официальные сообщения разглаживали, как о больших сражениях. Только русское правительство, только русское командование не вело борьбы на выдержку, а в угоду представителям Антанты выжидало последние силы из русской армии.

Важнейшая задача руководящего политика и полководца в начале войны — разгадать характер будущей войны и

соответственно сообразовать программу внешней и внутренней политики и стратегии. Лозунги «в Берлин» или «в Вену», относительно которых спорили русские генералы, оба шли в разрез с реальными условиями мировой войны. Оккупация Восточной Пруссии и Галиции — методы пограничной войны XVIII века — были бы много уместнее.

Сосредоточение в начале главных сил Германии на французском фронте возложило на Россию задачу наступления в Германию. Трудности этой задачи ускользают от поверхностного историка войны. Успешное стратегическое наступление является результатом лишь здоровой наступательной политики, предпосылкой же здоровья последней является общее историческое наступление — нации, капитала, класса, революции. Россия уже свыше столетия перешла к исторической обороне на своей западной границе. Относительно, мы являлись политически подготовленными к наступлению против умиравшей Австро-Венгрии. И ни идейно, ни материально мы не были подготовлены к нанесению решительного удара Германии. Наша дорожная сеть, наша дислокация, наша артиллерия, не приспособленная к атаке крепостей, наша инженерная подготовка — все было основано на идее обороны и все это дало себя чувствовать в катастрофе, постигшей армию Самсонова.

Исторически к наступлению на Германию была подготовлена лишь Англия: она ей создала враждебную для Германии группировку держав, а в 1914 году смогла организовать и переход от политического к военному наступлению.

Германия поставила себе задачу сокрушения одним ударом Франции, но не сумела ни сформировать достаточной для этого вооруженной силы, ни осуществить с Наполеоновской энергией план Шлиффена. В течение войны она не сумела вернуться к нему до 1918 года. Фалькенгайн переходил к стратегии замора, Людендорф еще в 1918 году носился с идеей сокрушения не стоявшей ему на пути России.

Змеиная мудрость французской стратегии и Англии, «мыслящей мате- риками», при русской доверчивости,

позволили Франции и Англии выйти победителями. Но Версальский мир — только момент длительного исторического процесса.

Литература: Русские оригинальные исследования концентрируются в трудах Военно-Исторической комиссии: „военно-исторические сборники“ № 1—4 (1919—1921 г.г.); „стратегический очерк войны 1914—1918“ в 7 частях и добавочная часть по Румынскому фронту (1920—1924 г.г.); отдельные монографии — „Луцкий прорыв“, 1924 г., „Потеря нами Галиции в 1915 г.“ (ч. I—1921 г.), Н. Жданова, „Русские военнопленные в мировую войну“, А. Маниковский, „Боевое снабжение русской армии в 1914—18 г.г.“ (3 части, 1920—1923 г.г.). В работе комиссии по 1921 г. принимали участие: А. Свечин, Цихович, Незнамов, Клембовский, Бонч-Бруевич, Черкасов, Владиславский, С. Котляревский (Австро-Венгрия в годы мировой войны). На русском языке заслуживают внимания след. переводные труды: Людендорф, „Мои воспоминания“, 2 т. 1923 г.; Фалкенгайн, „Верховное командование 1914—1916 в его важнейших решениях“, 1923 г.; Мозер, „Краткий стратегический обзор мировой войны“; Дюпон, „Высшее германское командование“; Лодзинское сражение (перев. монография, составляющей часть агитационного издания, предпринятого во время войны Людендорфом). Кроме того, имеется целый ряд переводов исторических трудов, охватывающих лишь отдельные отрасли техники: Брухмюллер, „Германская артиллерия в мировую войну“; Гаскуэн, „Эволюция артиллерии в мировую войну“; Ле-Энаф и Борнек, „Франц. железные дороги и война“; Фрайс и Вест, „Химическая война“; Фуллер, „Танки“. M. Schwarte, „D. Grosse Krieg 1914—1918“, Leipzig (Капитальный труд в 10 томах; события войны рассматриваются с германской и австро-венгерской точки зрения. т. I, 1921 г., доводит изложение до весны 1915 г.; т. II, 1923 г., — события 1915—1916 г.; т. IV, 1922 г. — действия на морях и в колониях; т. V, 1922 г. — участие в войне Австро-Венгрии; VIII т., 1921 г., IX, 1922, X, 1923 г. — охватывают организацию, вопросы и работу тыла во время войны; в 1924 г. должны выйти т. III—1917 и 1918 г. на германских фронтах, т. VI — пролог войны, т. VII — политическая история войны); Général Palat. (Pierre Lehautcourt), „La Grande Guerre s. l. Front Occidental“, Paris, Chapelot. (в течение 1917—1922 г.г. вышли первые 9 томов, охватывающие события войны до 1915 г. включительно; работа принадлежит перу известного французского военного исто-

рика и продолжается дальше); Arthur Conan Doyle, „The British Campaign in France and Flandre“, London (в промежутки времени 1916—1919 г. Конан Дойль, по поручению военного ведомства, выпускал отдельными томами историю каждого похода, пользуясь официальными материалами. Центр тяжести заключается в описании отдельных боевых эпизодов, а не в критическом исследовании всей кампании); Constantin Hierl, „D. Weltkrieg in Umrissen“, Berlin. I. Teil, 1922; II T. 1923, (за смертью талантливого автора очерки закончились на 1915 г.); Herman Stegmanns, „Geschichte d. Krieger“, Stuttgart 1917—1921 (сольдидное 4 т. издание швейцарского историка, писавшего во время самой войны, при известном содействии прусского генер. штаба, очень широко распространенное, не лишнее достоинств, но ныне устарелое); „D. Schlachten u. Gefechte d. Grossen Krieges 1914—1918“. Quellenwerk V. Grossen Generalstab, Berlin 1919 (первоисточник, указывающий, какие немецкие части и в какие дни участвовали в сражениях). Вопросы работы прусского военного министерства во время войны освещены в трудах: Ernst v. Wrisberg, „Wehr u. Waffen 1914—1918 г.“ Leipzig, 1922 г., того же автора „Heer u. Heimat“, 1914—1918, 1921 г. и „Der Weg z. Revolution“, 1921 г.

Труды, охватывающие отдельные операции или вопросы войны: Von François, „Marneschlacht u. Tannenberg“, Berlin, 1920 г. (труд ценный, но описание подвигов I прусского корпуса под командой автора составлено с крупными преувеличениями; цифры пленных преувеличены, например, вдове); Herman v. Giehrli, „Tannenberg“, Berlin, 1923 (лучшее описание действий немцев во время Самсоновской катастрофы); Major-General Montgomery, „The Story of the hundred days, August 8th. to November 11th. 1918 г.“ 1920, London (подробное и систематическое описание последних 100 дней на фронте IV английской армии); V. Zuehl, „D. Schlachten im Sommer 1918 an d. Westfront“, Berlin, 1921; Wilhelm Müller-Loebnitz, „D. Wendepunkt d. Weltkrieges“, Berlin, 1921 (марское сражение, как поворотный пункт мировой войны); Henri Galli, „L'offensive française de 1917“, Paris; Paul Painlevé, „Comment j'ai nommé Foch et Pétain“ (в этом труде французский министр — президент вскрывает внутренние трения в руководстве войной в 1917, давая отповедь генералу Манжену); Général Dupont, „Le Haut Commandement Allemand en 1914“, Paris, 1922 (очень искусная и интересная критика германского высшего командования в первый период операций); Général Mangin, „Comment finit

Ja guerre", Paris, 1920 (талантливый труд; много передержек в статист. цифрах, нападки фашистского генерала на недостаточность правых политических деятелей); Edmonds, „Military Operations, France and Belgium, 1914“, London, 1922 (действие англичан в августе—октябре 1914 г.).

Труды, имеющие характер мемуаров или отчетов: Field-marshal Conrad, „Aus meiner Dienstzeit 1906—1918“, Wien (весьма ценные мемуары бывшего начальника австрийского генер. штаба Конрада в первых 3 томах, выш. к 1922 г., охватывают подготовку Австрии к войне; изд. продолжается); Generaloberst Hellmuth von Moltke, „Erinnerungen, Briefe, Dokumente (1877—1916)“, Stuttgart, 1922 (издания вдовой Мольтке—младшего, руковод. подготовкой и началом войны, рисуют весьма отрицательно Вильгельма II и открывают картину интриг в германском генералитете, а также трагической беспомощности Вильгельма в день объявления войны); „Field-marshal Viscount French of Ipses“, II изд., 1919, Лондон; Auffenberg—Kotarow, „Aus Österreich—Ungarns Teilnahmte am Weltkrieg“, Berlin 1920 (очень любопытный труд бывш. австрийск. военного министра, победителя под Томашовым, которого обрели в жертву за Галицийское поражение); Général Sarrail, „Mon commandement en Orient (1916—1918)“, Paris, 1920; V. Sanders, „Fünf Jahre in Türkei“, 1923 (воспоминания Лимана Ф. Сандерса, начальн. немецкой военной миссии в Турции, очень ценны для оценки Турции и для истории попытки англичан овладеть Дарданеллами); Alfred v. Tirpitz, „Erinnerungen“, Leipzig, 1920 г. (очень широкие взгляды виднейшего морского мин. Германии делают его воспоминания очень ценными); Field—Marshal Sir William Robertson, „From Private to Field—Marshal“, Лондон, 1921 (Робертсон начал службу рядовым; Китченер выдвинул его в декабре 1915 г. на должность начальника имперского генер. штаба; в 1918 г. из за столкновения с Ллойд—Джорджем он покинул этот пост); „Mémoires du général Gallieni“, Paris (очень резкое изложение растерянности французского правительства и командования в период, предшеств. Марне, и вопросы защиты Парижа).

Работы по отдельным вопросам: Schwarte, „D. Technik im Weltkrieg“, Berlin, 1920; Georg Paul Neumann, „D. deutschen Luftstreitkräfte im Weltkrieg“, Berlin, 1920; W. Nicolai, „Nachrichtendienst, Presse u. Volkstimmung im Weltkrieg“, Berlin, 1920; Boucherie, „Historique du corps de cavalerie Sordet“, 1923, Paris; M. v. Poseck, „D. deutsche Kavallerie im Belgien

u. Frankreich 1914“, Berlin, 1922; Elsa Brändström, „Unter Kriegsgefangenen in Russland u. Sibirien 1914—1920“, Berlin, 1923 (едва ли объективное исследование, скорее обвинительный акт царскому правительству за содержание германских военнопленных); Langzas, „Le Plan de campagne français“, Paris, 1919 (жестокая и заслуженная критика Жоффра).

Тесно связанные с ходом военных действий экономически-политические вопросы освещаются в трудах: Helferich, „D. Weltkrieg“, Berlin, 1919 (солидный 3 томн. труд мин. и пресемика Мирбаха на дипломат. посту в Москве); Arthur Dix, „Wirtschaftskrieg u. Kriegswirtschaft“, Berlin, 1920 (лучшая работа по военной экономике); Consett, „The Triumph of unarmed Forces 1914—1918“, London, 1923 (вопросы блокады Германии здесь получают освещение со стороны адмирала, во время войны игравшего в Скандинавии роль английского Аргуса в Норвегии и наблюдавшего попытки торговых прорывов в Германию). *А. Свечин.*

II. РАЗВИТИЕ ТАКТИКИ В МИРОВОЙ ВОЙНЕ. Тактика, т.-е. способ действия войск при разрешении боевых задач зависит от двух данных: технических средств—как-то: оружия, которым вооружены войска, средств транспортных, средств связи и т. п.—и свойств бойца, его дисциплинированности, искусства, знаний, самоотвержения, пронстекающих от политической обстановки, психо-физиологических предпосылок, характеризующих сражающихся, и организованности общества, выдвинувшего армию. Наконец, тактика зависит также и от количества бойцов, выдвинутых армией для достижения цели войны. Так. обр., тактика, в конечном итоге, является прямой производной от состояния технического прогресса и промышленности в стране, с другой-же стороны, от политического состояния страны, наличия или отсутствия в ней гражд. мира и т. п.

Влияние развития техники на тактику в мировой войне. Если стать на эту точку зрения, то нам станет совершенно ясно причина такого резкого изменения тактики в мировой войне, что некоторые исследователи считают тактику 1914 г. более похожей на тактику 1870 г. (последней перед мировой войной борьбы Германии и Франции), чем на тактику 1918 г., т.-е., что за че-

тыре года мировой войны тактика пошла вперед больше, чем за 45 лет, в течении которых были войны русско-турецкая, англо-бурская, балканские, русско-японская и ряд колониальных. Это быстрое изменение тактики объясняется, прежде всего, гигантским развитием технических средств, как: а) расширение влияния машинного оружия; б) увеличение количества и качества артиллерии; в) использование для борьбы двигателя внутреннего сгорания — танки, авиация, автомобили; г) использование химических средств борьбы.

Машинное оружие. К началу мировой войны пехота и кавалерия были вооружены скорострельной винтовкой с дальностью до 3.200 шагов (около 2 т. метров) и скоростью стрельбы около 10 выстрелов в минуту. Кроме того, полки имели некоторое количество (6—8) пулеметов, стрелявших на ту-же дистанцию, что и винтовка, со скоростью 500—600 пуль в минуту (пулемет Максима был наиболее распространен). На 16-ротный полк, по 230—250 бойцов в роте, таких пулеметов имелось 6—8. С началом войны и жесточайшими потерями, до 90% боевого состава, полков пехоты, появилось стремление заманить живую силу механическими средствами поражения. Отсюда — спрос на увеличение числа автоматического оружия в рядах пехоты, которое достигло к концу войны на полк 24—32 пулеметов, стрелявших со скоростью 500—600 пуль в минуту). Кроме того, в ротах было введено от 6 до 12-ти пулеметов более легких, 20—30 фунт., стрелявших с руки или сошки со скоростью 250—300 пуль в минуту, и автоматических ружей 15—20 на роту, весом до 15 фунтов, и выпускавших до 150 пуль. Эта механизация пехоты позволила значительно сократить живую силу; число бойцов в роте было уменьшено с 250 до 150—180, число рот в полку с 12—16-ти до 9-ти. Так обр., состав полка с 4 т. бойцов опустился до 1.000—1.500 чел., но огневая сила, считая по числу выпускаемых в минуту пуль, поднялась в 1½—2 раза (старый полк. — около 45 тыс. пуль в минуту; полк 1918 г. — до 80 тыс.). Такое

усиление огневой мощи пехоты позволило перейти к новым построениям в бою. В 1914 г. для использования возможно большего числа стрелков главным боевым построением была стрелковая цепь, в которой стрелки располагались в 2—5 шагах один от другого. В наиболее важных точках их подкрепляли пулеметы. К 1918 г. боевое построение стало слагаться из боевых групп, вооруженных каждая пулеметом и располагавшихся на значительных интервалах (100—300 шагов) одна от другой. Огневая сила построения от этого не уменьшалась, но цели, которые пехота представляла артиллерии врага, а, значит, и потери в бою, значительно понизились.

Введение на вооружение большого количества автоматического оружия вызвало к жизни потребность в легком, но мощном оружии, которое могло бы, двигаясь вместе с пехотой сбивать неприятельские пулеметы и открывать дорогу наступлению. Поэтому к концу войны мы видим на вооружении пехоты легкие (10—15 фундов) пушки Маклена и Розенберга с дальностью 2—2½ версты, бомбометы и минометы, которые своим огнем успешно вели борьбу с пулеметами врага. Кроме того, пехоту пришлось вооружить ручной гранатой, а в последнее время гранатой с приспособлением для бросания ее газами, развиваемыми ружейным выстрелом — ружейными гранатами, бомбометами и даже минометами, стрелявшими минами до 2-х пудов весом на расстоянии до 2 килом. Сила машинного огня, с которым приходится считаться на полях сражений, вынудила обратиться к укрытию бойцов в земле — к созданию окопов. Достать укрывшихся за земляное укрытие бойцов врага при помощи пулемета или винтовки нет никакой возможности. Но, перебросив (перекидной огонь) через насыпь окопа гранату, бомбу или мину, можно либо перебить защитников окопа, либо заставить их покинуть его. Т. обр., пехота, которая к началу войны была однообразно вооружена и одинаково действовала, к концу войны сделалась собранием самого разного вооружения, начиная с небольшой

пушки и миномета, кончая гранатой и револьвером, но не отказываясь от винтовки, значение которой в бою на близких дистанциях до 400 шагов не только не уменьшилось, но возросло.

Вооружение пехоты можно разделить на 2 части. Легкое, т. е. то, которое составляет вооружение рядового бойца и несетя им на себе, как-то: винтовка, граната, автомат и ручной пулемет, и—тяжелое оружие, которое нуждается в обслуживании нескольких человек и ведет бой с особых станков или лафетов—это станковый пулемет, пехотная пушка, бомбомет и миномет. Все искусство боя пехоты заключается в умелом сочетании того и другого оружия. Мощное тяжелое оружие пехоты ведет борьбу с огневыми машинами пехоты врага. Оно заставляет их замолчать, перебивая стрелков, разрушая самое оружие. Бойцы с легким оружием продвигаются, пользуясь этим, вперед, до тех пор, пока тяжелое оружие поддерживает их, и враг молчит. Но как только враг оживает, движение приостанавливается, бойцы зацепляются за местность, закапываются и подтягивают на вновь завоеванное пространство тяжелое оружие, которое вновь уже при содействии легкого оружия, обрушивается на врага и заставляет его замолчать. Это движение напоминает движение гусеницы, которая вытягивает вперед свое туловище, зацепляет передние лапки и тогда подтягивает туловище и задние лапки вперед. Одновременно, наткнувшись на сопротивление, пехота, как поток воды, встретивший преграду, стремится просочиться в щели препятствия обтечь его по сторонам, и, навалившись со всех сторон на преграду, смести ее со своего пути. В этом использовании огня и маневра заключается современная тактика пехоты, развившаяся во время мировой войны под влиянием все осложнявшегося и совершенствовавшегося вооружения ее.

Рост артиллерии. Армии всех европейских стран к началу мировой войны располагали на армейский корпус в 25—30 тыс. пехоты, примерно, 100—120 легкими 3-дюймов. скорострельными орудиями с дальностью в 6 верст,

бросавшими 10—15 гранат или шрапнелей в минуту, весом в 10—12 фунтов, и дававших (шрапнель) 200—300 пуль на площадь 10 саж. в ширину и 100 саж. в глубину. Граната бросала свои осколки на площади 10 × 10 саженой. Кроме легкой пушки на вооружении корпуса были легкие 4-дюйм. гаубицы с той-же дальностью, стрелявшие навесным огнем, и тяжелая полевая артиллерия—4-дюйм. пушки и 6-дюйм. гаубицы, стрелявшие до 8—12 верст и располагавшие снарядам (гаубица) до 25 фунтов весом. Эта артиллерия очень мощная и действительная в полевом бою, наносившая громадные потери открыто действовавшим войскам, оказалась бессильной, когда пехота прибегла к применению фортификации и закопалась в землю. Артиллерийские средства всех враждующих стран стали быстро расти. Так, в 1914 г. в северной группе армий на французском фронте на 1 миллион пехотинцев было 400 тыс. артиллеристов. В 1918 г. на 800 тыс. пехотинцев было 600.000 артиллеристов, т. е. в начале войны был 1 артиллерист на 4 пехотинцев, в конце — почти один на одного. Относительное количество артиллеристов увеличилось вчетверо. Усиление артиллерии шло преимущественно за счет создания тяжелых батарей 6" и 8" калибров, особенно 6", оказавшихся с первых-же боев наиболее сильным средством полевой войны. Если в начале войны на решающих точках поля сражения, на фронте в 5—6 верст, развертывалась артиллерия корпуса, 100—150 орудий, преимущественно легкой, то в 1918 г. такое же количество орудий ставилось на каждой версте, причем уже со времени сражений под Верденом (весна 1916 г.) количество тяжелой артиллерии превышало легкую. Развитие артиллерии в мировую войну прошло следующие стадии. К началу войны считалось, что артиллерия должна прекратить огонь артиллерии и пехоты тем, что вынудит бойцов противника скрыться за возвышенности местности, в окопы, и тем потерять возможность вести огонь. Но опыт войны показал, что пехота, спрятавшись от огня но-

приятеля, в последнюю минуту, когда, из опасения поразить своих, артиллерия переносит огонь вперед, поднимается над окопами и встречает атакующих пулеметным огнем в упор. Мало того, большое число бойцов стало скрываться в глубоких убежищах под солидными закрытиями и выходить из них невредимыми с тем, чтобы спокойно уничтожить атакующую пехоту врага.

Тогда, в конце 1915 г., артиллерии была поставлена задача полного уничтожения живой силы врага. Для этого количество орудий стало увеличиваться до такой степени, чтобы иметь по 1 тяжелому орудью на 10 саженей фронта атаки, а число снарядов до 10—6'' снарядов на каждую сажень фронта. Так как пехота обратилась к содействию фортификации с требованием создать препятствия по пути атакующим, и проволочные сети заплели все поля сражения, то самое решительное требование было выдвинуто к артиллерии—проложить дорогу через препятствия. Это также потребовало громадного запаса снарядов, рассчитываемого по 250—300 снарядов на каждый требуемый проход в проволоке. Эти требования дошли до своего максимума в 1916 г., а особенно— в 1917, когда сражения на Сомме и под Верденом начинались 5—10-дневной артиллерийской подготовкой, во время которой выбрасывались сотни тысяч тонн металла и взрывчатого вещества на расположение врага, с целью уничтожить все живое и все преграды. Однако, даже такая подготовка не давала нужных результатов и не была в состоянии сломить сопротивление врага. Часть бойцов, несмотря на 10-дневную подготовку, все-же оставалась на позиции; но, главное, за время этой длительной подготовки противник имел время сосредоточить резервы, встречный удар которых останавливал всякое наступление, уничтожая весь эффект артиллерийского огня.

Это положение вещей было учтено, и весной 1918 г. артиллерия прибегает к новому способу действий, рассчитанному: а) на внезапность, б) на нейтра-

лизацию неприятельского огня на время атаки, но не на уничтожение всего живого и в) тесное сотрудничество артиллерии с наступающей пехотой, при движении вперед продвигающейся вперед колесами, а не только перенося вперед свой огонь. Этим достигалось быстрое поражение всех целей, которые препятствовали наступлению. Для достижения такого эффекта артиллерия стала пользоваться точными с'емками расположений врага, дополненными фотографическими с'емками с аэропланов, и расчетов влияния плотности воздуха, сырости, температуры на табличные данные стрельбы, с тем чтобы по всем этим данным сразу определять прицел и утломер орудий, и вести стрельбу на поражение без предварительной пристрелки, которая обнаруживала подготовку атаки. Для корректировки стрельбы широкое применение получило наблюдение с воздушных шаров и самолетов.

Нейтрализация огня врага достигалась сравнительно коротким, но очень мощным обстрелом, с применением большого количества газовых снарядов. Наконец, тесное сотрудничество с пехотой достигалось, во-первых, тем, что батареи, закончив разрушение позиции врага, стали, по мере движений пехоты вперед, продвигать перед ней разрывы своих снарядов с тем, чтобы образовать подвижной барьер из огня и стали, который уничтожил бы всякое сопротивление на ее пути. Кроме того, взаимодействие достигалось путем передачи батареи и даже орудий в прямое подчинение пехоты для уничтожения отдельных пулеметов, танков и т. п., которые уцелели-бы от подвижного заградительного огня.

В развитии артиллерии надо отметить появление на поле сражений артиллерии большой мощности 10'', 12'' и 16'' калибров, позволявших обстреливать тылы, высадочные станции штабы, склады, подходящие резервы, города на дальностях 12—15, 25 и даже в 1918 г. до 100 верст позади фронта врага.

Возросшая сила артиллерийского огня имела следствием значительно повысившийся % потерь от артилле-

рийских снарядов. По данным франц. журн. «Revue d'artillerie» потери на 50—60% причинены артиллерией в то время, как во время Японской войны потери от артиллерии достигали 16,4%, от ружейного огня—82% и 1,6% от холодного оружия.

Двигатель внутреннего сгорания.

Двигатель внутреннего сгорания внес на вооружение армии 3 крупных новых фактора: а) самолет, б) бронесилы—танки и бронев автомобили, в) автомобильный транспорт.

Самолеты. К началу мировой войны каждая из враждебных армий обладала воздушным флотом силой 200—300 аппаратов, снабженных достаточным обслуживающим персоналом и перевозочными средствами для своих запасов, мастерских и горючего, чтобы следовать за войсками в полевой войне. Аппараты эпохи 1914 г. обладали скоростью 90—110 верст в час, подъемной силой до 5 пудов, несли на себе запас горючего на 2—3-часовой полет и могли подниматься на 1—2.000 метров. Аппараты были безоружны и могли нести только службу разведывания. За время войны мощность аппаратов значительно возросла. Скорость превзошла 200 кил., подъемная сила 25—30 пудов, высота подъема до 8 тыс. метров. Аппараты стали вооружаться пулеметами, сбрасывать бомбы до 1—3 пуд. Сверх этого, самолеты стали снабжаться радиотелеграфом, что дало новые возможности в быстроте доставки долесений, и, с другой стороны, возможность с воздуха руководить огнем артиллерии. Наконец, снабжение самолетов фотоаппаратами, позволившими крайне уточнить разведку—все это сделало авиацию мощным средством современной тактики.

Кроме разведки, самолеты, сведенные в отряды по 10—12 аппаратов, и эскадрильи по 3—5 отрядов получали задачи атаки земных целей в решающие минуты боя. Такое употребление авиации, впервые широко примененное в боях 1916 г. на Сомме, развернулось к 1918 г. настолько, что самолеты успешно решали задачи по задержанию подходящих к полю сражения колонн, подавлению огня артиллерии, уничто-

жению конницы, подготавливавшейся к прорыву; особенно страдали тыловые станции, склады, органы управления, города, подвергавшиеся как дневным, так и ночным налетам воздушных сил врага. Содействие авиации сказалось мощно в деле управления артиллерийским огнем, поддержания связи с быстро наступающими боевыми частями, иногда даже в снабжении передовых частей патронами и консервами. Количество авиационных сил в связи с этим чрезвычайно возросло. Так, германский воздушный флот с 4.000 чел. вырос до 66 тыс., составлявших более 300 отрядов; из них свыше 100 истребительных, 150 разведывательных, 60 бомбардировочных. Число самолетов, построенных за время войны, достигло до 45 тыс. штук.

Такое мощное влияние авиации на ход боя уже в 1916 г. повело к созданию специальных аппаратов, взявших на себя борьбу за господство в воздухе и соединившихся в эскадры истребительной авиации.

Использование авиации в борьбе потребовало от командования самого тщательного расчета сил и согласования действий земных и воздушных сил. Наравне с планом земной операции производилась разработка действий воздушных сил, выделяя самолеты для всех видов деятельности и в то же время сохраняя воздушные силы в резерве старшего командования на случай особо выгодных атак по сомкнутым частям врага, для задержки наступления врага, пока не подойдут резервы на земле. Мало того, каждая земная операция требовала использования авиации, как для обеспечения земных войск от воздушных атак врага, так и для содействия войскам на земле со стороны авиации.

Опасность с воздуха вызвала потребность в противовоздушной защите не только истребительной авиацией, но и артиллерией на земле, поставленной на специальные установки, частью на автомобили. Число противосамолетной артиллерии было доведено в германской армии до 2 тыс. орудий, причем стрельба по воздушным аппаратам делалась год от года успешнее. Так, во

всех армиях зарегистрировано в 1914 г. 51 аэроплан и 2 управляемых воздушных шара, а в 1918—798 самолетов, сбивших с земли артилл. стрельбой.

Бронесилы. Другим мощным средством, которое тактика получила в связи с появлением и развитием двигателя внутреннего сгорания, были бронесилы. В начале войны их значение было очень ограничено; появлялись в ограниченном количестве броневые автомобили, но они двигались только по шоссе и на вымощенных дорогах и были малочисленны. Влияние их было ничтожно. Но со временем приспособления для движения гусеничного хода вместо колес, броневая машина получила возможность двигаться без дорог, и значение ее стало возрастать изо дня в день. Первое применение их в 1916 г. было неудачно. Механизмы были несовершенны и действовали они в небольшом числе. Но с 1918 г., когда французы и англичане стали употреблять их группами в несколько сот штук, значение их сделалось громадным. Они придали пехотной атаке способность бросаться на врага внезапно, без артиллерийской подготовки, проходить все искусственные препятствия, проникать насквозь боевой порядок противника. Атаки французов 18 июля у леса Коттере и англичан 8 августа впереди Амьена, в числе 200—300, привели к полному крушению боевого фронта, который можно было восстановить лишь подвodom новых дивизий из резерва.

В борьбе с танками применялись артиллерия, пушечные танки и бронемашины, препятствия в виде фугасов, волчьих ям, метание гранат. Особенно сильно было воздействие танков на ход боя, если удавалось применить их под прикрытием тумана или искусственной дымовой полосы.

Грузовые автомобили. Применение автомобилей для перевозки войск применялось с первых дней войны, когда целые дивизии были перебросены из Парижа против фланга обходивших на Марне немцев. Чем далее длилась мировая война, тем шире применялись грузовые машины. Достаточно на-

звать массовые переброски войск к Вердену из Франции на помощь Италии в 1917 г. К 1918 г. армейские и фронтовые резервы имели при себе автомобильные транспорты для быстрой подачи первых частей на атакованные участки. Можно с уверенностью сказать, кроме того, что те массы артиллерийских, инженерных, авиационных и продовольственных грузов, которые нужны современным армиям, не могли быть во время поданы к войскам без наличия грузовых машин, а следовательно, и самое ведение боев должно было принять иной характер. Применение двигателя внутреннего сгорания в этих трех областях имело такое значение, что справедливо выражение будто победа союзников была одержана на волнах нефти. Немцы не располагали такими запасами нефти, как государства Антанты, они были стеснены в ее расходовании, и германская тактика от этого значительно уступала, особенно в 1918 г., тактике их врагов.

Химические средства борьбы. Следующим фактором, оказавшим такое же важное влияние на изменение тактики, было использование химических средств борьбы. Впервые во время мировой войны, в апреле 1915 г., немцами около Ипра волны газов были выпущены из баллонов и при посредстве попутного ветра перенесены в окопы врага. Не имея никаких средств защиты, англичане жестоко пострадали от этой первой атаки. Однако, вскоре были изобретены противогазы, и с этого дня началось соревнование между новыми и новыми средствами химической борьбы и противогазами. Кроме удушающих газов, были применены ядовитые думы и туманы, вызывающие лишь раздражение слизистых оболочек, но твердые частицы которых проникали через обычные противогазы. Чихание или боль в глазах вынуждали срывать маски, а новая волна ядовитого газа убивала противника, оставшегося без защиты. Наиболее сильным газом был — горчичный, поражавший не только дыхание, но и кожу, вызывая ожоги, с трудом поддававшиеся лечению. В 1918 г. влияние химических

средств, бросаемых в неприятеля не только из баллонов, но в артиллерийских снарядах, из минометов и газометов, получило такое значение, что 27% потерь американской армии были причинены химическими средствами. Ныне химическая сторона борьбы приобрела совершенно такое же значение, как роль пулеметов или авиации, и при всякой операции использование своих химических средств и борьба с таковыми у противника приобретала часто решающее значение.

Кроме газов, поражающих врага, из химических средств борьбы необходимо отметить дымовые завесы, помогающие скрывать свои действия, огнеметы для поражения врага за закрытиями, в убежищах, и фосфорные бомбы, развивающие, как сильный дым, так и пламя, сжигающее все, что окажется близко от разрыва этой бомбы. Ведение химической войны давало Германии крупные преимущества, ибо она располагала блестяще развитой химической промышленностью, которую использовала для целей войны.

Таковы, в общих чертах, важнейшие средства техники, оказавшие революционизирующее влияние на развитие тактики.

Не менее существенное значение имел другой фактор — выход на театр войны народных масс, измерившихся миллионами. В армиях союзников, включая всех военных служащих в тылах, ко времени перемирия с немцами, в ноябре 1918 г., находилось 25 миллионов людей. В России было мобилизовано свыше 18 милл. людей. Эта масса людей, придя в армию с теми настроениями и политическими убеждениями, в которых она жила до войны, под влиянием тягот войны стала эволюционировать. Если в начале войны смысл и цели ее не возбуждали сомнений в массах, то непрерывная смертельная опасность и лишения на фронте, а особенно лишения тылового населения, поставили во весь рост вопрос: «За что идет война?». Для того, чтобы поддержать дисциплину перед лицом смерти, понадобилась энергичная политическая кампания в рядах войск. Методы политической борьбы

сплелись с приемами тактической подготовки, и с 1917 г. во всех армиях уделялось большое внимание тому, чтобы не образовалось трещины в понимании целей войны, веры в победу и готовности идти в бой. Русская и германская армии в той же мере пострадали от поражений в сражениях, как и под влиянием политического разложения, охватившего войска. И войска воткнули штыки в землю, с лозунгом: «Лучше страшный конец, чем страх без конца». Во французской армии, после неудачного наступления весной 1917 г., свыше 100 частей потеряли боеспособность, арестовали офицеров и, если бы немцы знали об этом, то, конечно, более благоприятной обстановки для наступления трудно было бы найти.

С другой стороны, увеличение численности сражающихся привело к целому ряду чисто технических особенностей в тактике мировой войны. Число бойцов было настолько велико, что поля сражений растянулись на весь фронт границ между государствами, от моря и до моря или до нейтральной страны, каковыми были Швейцария, а до 1916 г. Румыния. Войска постепенно заполнили все промежутки и стали друг против друга сплошным, непрерывающимся сотни верст, фронтом. Это, прежде всего, изменило основную форму боя, которая в предшествующую эпоху была преимущественно обходом фланга и выходом на сообщения, в мировой же войне стала — прорывом. Эта же особенность крайне стеснила работу конницы, которая начала всюду встречать сплошной фронт пулеметов и орудий и оказалась стесненной в маневре.

Изменение форм боя. Постепенный рост численности и силы вооружения и развития техники повел к резкому изменению тактических форм, которые можно разделить на три резко различающихся периода: маневренный период 1914 года позиционная война 1914—17 гг. и новый выход к маневренной войне в 1917 г. на восточном фронте и в 1918 г. — на западном театре войны. Первый период характеризуется громадными маневренными

боями на обоих театрах войны, пока постепенно весь фронт, истощенный, как в живой силе, так и расходом снарядов, не замер на долгие годы. Позиционный период войны характеризуется целым рядом грандиозных наступательных операций, веденных то одной, то другой стороной. В этой борьбе, в которой материальная мощь противников все время возрастала, психология войск год от года падала. Воля к победе, готовность к самопожертвованию падала до тех пор, пока войска России в 1917 г., а Германии—в 1918 г. перестали оказывать прежнее сопротивление*), и наступающий получил возможность выбить оборону из ее застывшего в оборонительной системе положения.

Попробуем в кратких чертах проследить эволюцию форм главнейших видов боя в эти три периода.

Оборона строила свою силу в 1914 г. на огне стрелковой цепи, расположенных за ней батарей; если противнику удавалось прорвать линию огня, то положение стремились восстановить контр-атакой резервов. При этой системе оборона имела резко очерченную первую линию, которая должна была сломить огнем атаку врага. Эта линия с небольшими промежутками тянулась непрерывно по всему фронту обороны.

По мере усиления артиллерийских средств атакующего, к лету 1915 года на западном фронте и к зиме этого года в России, оборона приобрела иные формы. В борьбе с артиллерийской атакой обороняющийся использовал фортификацию, создавая, прежде всего, прочные убежища, непробиваемые огнем врага, и создание проволочных сетей, которые должны были задерживать атакующего непосредственно перед стрелковой линией и дать время обороняющемуся расстрелять атаку. Кроме этого, оборона, не надеясь на способность первой линии отразить врага,

стала создавать 2-ю и 3-ю линии на расстоянии пушечного выстрела (4—6 кил.) одна от другой, соединяя их поперечными линиями с тем, чтобы при прорыве врага на одном участке можно было бы остановить его развигтание в стороны на хорошо подготовленных линиях. На такой системе обороны придерживались в сражениях 1915 и 1916 г.г. под Верденом и на Сомме; такова оборона австро-германцев против наступления Брусилова.

Опыт этих боев принес сознание необходимости не только развивать оборону в глубину, но и маскировать ее от наземного и воздушного наблюдения врага, которое, привлекая на помощь фотографию, стало во всех деталях обследовать тыл обороны, расположение артиллерии, резервов, тыловых позиций и т. п. В виду этого особое внимание стали уделять, во-первых, маскировке, а, во-вторых, устройству т. наз. передового поля. Передовым полем в боях 1917 и 1918 г.г. называлась полоса местности впереди той линии, на которой было решено оказать сопротивление, так называемой главной линии сопротивления, занятой небольшими частями пехоты, которая должна была сдерживать наступление врага, если оно шло без подготовки арт. огнем, оповещать защитников 1-й линии о начале серьезной атаки и замедлять наступление врага.

1918 г. дал наступающему новые средства—танковую атаку, уменьше атаковать без длительной подготовки, мощное развитие химической войны и массовое употребление авиации, как средство нападения с воздуха на земные цели. Эти новые средства атаки, позволявшие наступающему продвигаться через укрепление врага со скоростью 8—10 кил. в день, сламывая сопротивление укреплений, пулеметов, артиллерии (химическими снарядами), вынудили оборону к еще большему эшелонированию в глубину. Если некоторая часть артиллерии стояла в 1—2 верстах от пехоты, то другие артиллерийские группы отодвигали на 5—6 кил., чтобы успеть подготовиться к отпору в то время, когда 1-я линия под неожиданным ударом врага будет сло-

*) Анализ причин этого явления, целиком лежащий в области стратегии и политики, здесь не дается. Указываются лишь последствия их в области тактики. Понять же их можно лишь при внимательнейшем изучении экономических и политических факторов, влиявших решающим образом на психологию масс.

мана. Против химического нападения стали создавать убежища, непроницаемые для газов, в борьбе с танками стали применять стрельбу орудий прямой наводкой, ловушки для танков, фугасы и т. п.

Очень сильным приемом обороны явился выход из под удара атаки ее начала на заранее подготовленные позиции на 4—6 кил. назад, оставив на старой позиции лишь боевое охранение. Таковы отход немцев в 1917 г. на позиции Зигфрида, армии Гуро под Реймсом в июле 1917 г. и т. п.

По мере усиления пехоты пулеметами, станковыми и ручными, пехота получила возможность еще совершеннее маскировать свое оборонительное положение. Вместо длинных цепей можно было получить ту же силу огня 2—3 пулеметами, занимавшими небольшую площадь и легко маскируемыми. Оборона линейная стала оборонной групповой. Мало того, наличие большого числа пулеметов позволило отнести часть их в глубину, образовав не линию, но полосу обороны в 2—3 кил. глубиной, преодолеть которую без больших средств не было возможности.

Наконец, сильнейшими средствами обороны остались контр-атаки резервов в крупных силах, перебрасываемых к месту атаки по жел. дороге, на автомобилях и пешком. Резервы эти, усиленные мощными группами резервной артиллерии (частью на механической тяге), сламывали самое сильное наступление и под Верденом, и на Сомме, и в 1918 г. после того, как сила наступающего расходовалась на борьбу с оборонительной линией.

Т. обр., несмотря на усиление средств атаки, оборона во все время войны сохраняла свое значение. Но не пассивная оборона, рассчитывающая на стрельбу и фортификацию, а маневренная оборона, отвечающая на удар ударом и применяющая широко обман и внезапность для своих действий.

Эволюция наступления. В связи с расширяющейся мощью технических средств на вооружении армии происходила эволюция наступления. Маневренный период 1914 г. характерен применением мощного средства наступле-

ния — тяжелой полевой артиллерии, которая в тесном взаимодействии с легкой артиллерией, забрасывая расположение обороны своими мощными снарядами, уничтожала обороняющихся, заставляла их ослабить огонь и позволяла пехоте, наступающей цепями, своим огнем окончательно сломить сопротивление врага и ворваться в его расположение. Усиление оборонительных средств фортификацией в период длительного стояния на месте позиционного периода войны надолго обессилило наступление. Наступающий стремился увеличением числа орудий и количеством снарядов, выброшенных в неприятеля, уничтожить его сопротивление. В 1915 г. атаки на западном фронте, в Шампани и Артуа, были остановлены потому, что атака развертывалась на узких фронтах 4—6 верст, что позволяло обороне, оставив наступающих с фронта на 2-й оборонительной линии, взять их в перекрестный артиллерийский огонь и отбросить ударом резервов. В 1916 г., когда артиллерийские средства атаки усилились и стало возможным атаковать фронт до 25 кил., артиллерийская подготовка потребовала нескольких дней. За эти дни, когда уже было ясно место атаки, оборона сосредоточила нужные резервы, особенно артиллерию, и остановила атаку на всем фронте. Применение газовых нападений не дало атаке крупных преимуществ, ибо избрание противогаса ослабило действие химических средств нападения. Правда, работа в противогасах стесняла артиллерию и пулеметчиков, но все же они могли действовать, хотя и с пониженной точностью.

Мощное влияние на ход наступления оказали воздушные силы, которые в сражении 1916 г. на Сомме выступали, как боевая сила против земных целей, а не только как разведчик и артиллерийский наблюдатель. Нападение воздушных сил на колонны, степныше к полю сражения на выгрузочные станции, где подходили резервы, вынудило все маневры по сосредоточению производить под покровом темноты, а все, что могло подвергнуться бомбардировке с воздуха — артиллерию, штабы, скла-

ды и т. п.—маскировать. Тем не менее, весь 1916 и 1917 г. наступление, опиравшееся на уничтожение обороны количеством выброшенных «материалов»—«Materialschacht», требовало для подготовки дней, а за это время оборона успевала подвести резервы и их встречным ударом остановить атаку.

Коренной переворот в методах атаки был произведен в 1918 г. введением 1) **внезапной артиллерийской подготовки**, имевшей целью лишь нейтрализовать, заглушить пехоту и артиллерию обороны, пока пехота атаки не уничтожит их, подойдя вплотную; 2) **возросшей самостоятельностью пехоты**, научившейся при помощи своих пулеметов, приданных ей легких орудий, ручных гранат и средств химической борьбы (фосфорные бомбы) сламывать огонь неприятельской пехоты; 3) **усовершенствованием взаимодействия** пехоты, артиллерии и авиации в борьбе с врагом; 4) **массовым употреблением танков**; 5) **массовым применением химических средств** и 6) **применением авиации** в крупных силах.

Все эти средства позволили начинать атакую внезапно и сразу достигать крупных результатов, парализовать силы врага химическими средствами и останавливать подход подкрепления врага к атакованному участку. Совокупность всех этих средств, в связи с упавшей силой сопротивления войск к концу мировой войны, сделала то, что позиционная война вновь перешла в маневренную. В мартовские бои 1918 года наступление шло по 8—10 кил. в сутки. Таковы же были бои на Эн и Марне в мае, встречные удары 18 июля и 8 августа. Как и в обороне, понадобилось гибкое сочетание искусства и техники для того, чтобы дать решительные результаты.

С меньшей силой мировая война разбила течение, существовавшее еще с шестидесятых годов XIX века, что человека можно заменить машиной. Сила человека безмерно возрастает от применения машин, но машина—ничто без умного и мужественного бойца, готового жертвовать собой. Мировая война еще раз с полной силой подтвердила старую сербскую пословицу: «Бой ве-

дет не оружие, а сердце героя». Современная война иначе понимает «сердце героя». Герой современной тактики не только вождь, но и каждый боец, каждый начальник. Победа в современном сражении—это победа самоотвержения масс. *А. Верховский.*

III. ТЕХНИКА В МИРОВОЙ ВОЙНЕ.

Небывалая, по размерам принявших в ней участие человеческих масс и по напряжению, мировая война представляет собою исключительную картину и в отношении применения техники.

В первую очередь, наибольший интерес представляют собою те технические средства, которые имеют назначением непосредственное применение их для самой борьбы на суше, на море, в воздухе; однако, этими «военными» техническими достижениями далеко не исчерпываются все стороны техники, без использования каких-либо современной война была бы немислима. Всякого рода вспомогательные средства борьбы, пути и средства сообщения, предметы продовольствия, одежды, снаряжения, технические возможности их заготовления и использования — все это, при том размере, который приняла мировая война, получило столь большое значение, что имело решающее влияние не только на ход, но даже на самую возможность выполнения боевых операций. Наряду с этим, мировая война с неопровержимой очевидностью показала, что современные боевые столкновения враждующих сторон перестали быть столкновением, в котором принимает участие только часть населения, в виде борющихся армий. Возможность военного окружения целых государств в виде блокады, или, по крайней мере, нарушение свободных сношений их с внешним миром, ставившее их населения в условия существования в осажденной крепости; необходимость возмещения отвлеченных для непосредственной борьбы лучших работников другими элементами населения; наконец, напряженнейшая деятельность всех видов промышленности, как для снабжения армий средствами борьбы, так и для поддержания существования насе-

лания внутри государства — все это привело к тому, что в современной войне, помимо армий, принимает участие все население страны в целом.

При наличии указанных условий, естественно, что мировая война представляет собой большой интерес и в отношении тех применений техники, каковые служат для снабжения армии всем необходимым, поддержания жизни гражданского населения и наибольшего развития тех отраслей промышленных сил государства, которыми обеспечиваются все подобного рода потребности.

Указанное значение техники было настолько очевидно, что уже после первых недель от начала войны, когда ясно обнаружилась невозможность ее окончания в тот короткий срок, какой намечался для нее лучшими военными и экономическими авторитетами, когда быстро иссякли те запасы боевых средств, которые были заготовлены в мирное время, и армии враждующих сторон начали устанавливаться друг против друга в виде двух несоединяемых укрепленных линий — для всех стало ясно, что победителем окажется тот, кто окажется сильнее не только в отношении численности своих войск, но и в средствах и силах своей техники. Недавняя задача всякой войны — разбить вооруженную силу противника — вылилась в новую форму борьбы на истощение, под которым разумелось не только истощение армий, но и всего населения страны, всех ее запасов, как военного, так и гражданского назначения, и всех ее технических средств и возможностей.

Результаты войны в достаточной мере подтвердили правильность подобного значения техники. В особенности резко сказывались отдельные ее достижения, появлявшиеся во время самой войны у одной из борющихся сторон в то время, как другая ими не располагала. К таковым можно, например, отнести всем известное первоначальное применение ядовитых газов, выступившее в последние годы войны танков. Эти факты склоняют даже многих к заключению о столь всеильном значении техники, что, по их мнению,

самая личность человека в вооруженной борьбе начинает отходить на второй план. К сказанному положению немалой поддержкой служит основное свойство всякого технического средства усиливать обладающего им человека, замещая его и даже превосходя по результатам своего действия. Так, три механических трактора с двенадцатью рабочими в 36 часов могут вспахать столько земли, сколько с трудом могли бы взрыть лопатой 560 человек в течение целого сезона; один пулемет по силе огня, не говоря уже о большей точности и надежности такого, равносильен, по меньшей мере, взводу пехоты. При крайнем увлечении высказанными положениями некоторые даже мечтают о войне будущего, как о войне чисто механической, в которой вся борьба должна будет свестись к борьбе машин и к истощению средств для их поддержания. Более умеренные взгляды, отдавая должное человеку, все-таки видят преимущественное значение в технических средствах, считая, что роль человека сводится, главным образом, к управлению ими и к их обслуживанию.

Та же мировая война дает наглядное опровержение подобным увлечениям. Известно, что ко времени заключения мира Германия располагала еще половиною всех тех запасов, необходимых для ведения войны, которые были ею заготовлены перед началом ее, и потому, казалось бы, могла продолжать борьбу еще столько же времени, сколько длилась мировая война; известно также, что, в сущности говоря, ее армия до самого конца не была ни разбита, ни побеждена в военном отношении. Тем не менее, Германия не могла больше продолжать борьбу, и в этом первоенствующую роль сыграло ее население, личный состав ее армии. Позже аналогичное подтверждение дала наша гражданская война, в которой полуодетая, полуголодная и весьма скудно снабженная боевыми средствами Красная Армия оказалась победительницей против белых войск, располагавших в широких размерах всеми силами современной техники.

Значение техники в массовой вооруженной борьбе огромно. Ее нельзя себе представить сколько-нибудь успешной без использования всевозможных ее современных достижений. Однако, роль человека, как борца, осталась столь же неизбывной и непоколебленной, как и в первобытные времена.

Мировая война дает этому убедительное подтверждение. Несмотря на колоссальнейшее развитие средств дальней борьбы, никогда еще столь значительные по численности армии не сходились на такие близкие расстояния, какие имели место повсюду во время длительного периода позиционной борьбы; число и размах ударов открытой живой силой были ничуть не меньше, чем в прежние времена, и каждый раз, когда почему-либо подобные удары отсутствовали или выполнялись не с должным напряжением, не было и решения боевой задачи; целые месяцы длительной и напряженнейшей работы техническими средствами не давали никакого результата; несмотря на богатейшее снабжение всеми силами и средствами техники, ни одна из сторон не отказалась, да и никогда и не откажется в будущем, от рукопашного оружия, пригодного только для борьбы при непосредственной встрече открытой физической силой. Разница только в том, что рукопашное оружие, определяемое неизменной физической природой человека, давно уже достигло предельной степени своего усовершенствования и потому остается неизменяемым в то время, как всевозможные технические средства, опирающиеся на все развивающиеся познания человечества, непрестанно прогрессируют и будут прогрессировать в будущем.

В частности, относительно технических средств, назначаемых непосредственно для самой борьбы, из них, в первую очередь, предметов вооружения и боевого снабжения и всевозможных вспомогательных средств, мировая война дает широкую область для исследования. Естественно, что устройство и изготовление подобного рода средств основывается, прежде всего, на общем развитии человеческих по-

знаний и культуры, в особенности же на технических силах промышленности, и потому неизбежно должно постоянно прогрессировать. В течение промежутков мирного времени между войнами, как бы длительны они ни были, всякое государство не может уклониться от подобного усовершенствования своего вооружения и средств борьбы, так как иначе рискует быть отставшим, в случае ее возникновения, по сравнению со своими возможными противниками. С этой точки зрения, мирные промежутки времени, в сущности, обращаются в периоды подготовки к будущей войне, в течение которой не раз приходится отмечать, что то или иное государство, не имея вовсе в виду ближайшего будущего столкновения, тем не менее, бывает принуждено тратить огромные материальные средства для перевооружения своей армии новым типом оружия, восполнения необходимых боевых запасов и других средств. Как ни велик опыт минувших войн, на основании которого выполняются все подобного рода нововведения, как ни мощны применяемые с той же целью научные познания, только непосредственный опыт войны может дать им справедливую и исчерпывающую оценку, тем более, что подвергшийся нападению, уже в силу одного только чувства самосохранения, неизбежно выдвигает против каждого из средств нападения соответствующие средства или методы защиты и противодействия, предусмотреть которые так же невозможно, как невозможно предусмотреть и самое развитие средств нападения. С другой стороны, полное напряжение всех сил во время самой войны не только в армии всякого государства, но и в ее населении, не исключая и области науки и техники, выдвигает на очередь новые проблемы всевозможных достижений в области средств борьбы и в гораздо большей степени, чем в мирное время, способствует скорейшему их осуществлению. Весь опыт войны и современное состояние науки и техники, в совокупности, ставят начертания на будущее время.

В виду этого, анализируя опыт миро-

вой войны, можно отдать себе отчет, насколько оказались оправдывающими ожидания, возлагавшиеся на достижения военной техники, предусмотренные в мирное время, оценить их развитие в течение военного времени и наметить дальнейшие их пути на будущее.

Наряду с предметами чисто военного назначения не меньшей интерес представляют собою предметы и материалы общей потребности, необходимые для поддержания существования населения взамен нормальных, которых та или иная из воюющих стран была лишена в большей или меньшей мере по военным условиям. Хотя история прошлых времен и дает нам в этом отношении некоторые указания, относящиеся к осадам крепостей, однако, только во время мировой войны подобного рода задачи обеспечения населения целого государства на протяжении нескольких лет всем необходимым проявились в столь широком размахе. И в этом отношении во время мировой войны технике пришлось совершить весьма большую работу.

Наконец, не лишним будет отметить, что еще перед самым началом мировой войны никто не верил в возможность столь большой ее продолжительности, и потому все готовившиеся к ней государства предполагали выполнить ее на те запасы вооружения и всего необходимого, какие были заготовлены в течение длительного промежутка мирного времени. Действительность опрокинула все ожидания, как в отношении чрезвычайного расхода всех запасов, так и в отношении длительности времени, в течение которого в них ощущалась все возрастающая необходимость. Вместо умеренного расходования, запасенного заблаговременно, пришлось встретиться с вопиющей потребностью во многом, от отсутствия чего пришлось приостанавливать и изменять самую сущность предполагаемых боевых операций. Вместе с тем, пришлось разрешать труднейшую задачу об организации производства всего необходимого для борьбы за-ново, в размерах, превосходивших всякие предварительные расчеты, и при том

силами и средствами преимущественно своей страны; большинство государств сами испытывали нужду, так как приняли участие в столкновении, или же заготовление извне не всегда могло быть доставлено вследствие блокады. Вместо войны на запасы мирного времени пришлось воевать на производительность государства во время самой войны. При разрешении этой новой задачи технике пришлось проявить высшее напряжение.

В частности, относительно различных предметов и средств, для ведения войны на суше и на море, и различных предметов и материалов, для их изготовления и для поддержания существования населения, можно отметить следующее.

Перед мировой войной главным родом войск считалась пехота, и основным ее вооружением — винтовка, с примкнутым постоянно штыком, как это было принято у нас, или со штыком, носимым отдельно в ножнах и примыкавшимся только в предвидении штыкового удара. Во всех государствах на вооружении состояли винтовки различных образцов и разного калибра (см. ручное оружие), от 6,5 до 8 миллим., введенные преимущественно в течение 90-х годов минувшего столетия. Несмотря на указанное разнообразие, все эти образцы винтовок, в общем, обладали вполне пригодными для боя качествами, а именно: дальностью стрельбы до 2.000 метров, магазинным зарядником, обыкновенным прицелом с целиком и мушкой. Все довоенные усовершенствования сводились исключительно к тому, чтобы при том же образце, путем принятия пули более совершенной формы и соответствующего веса, достигнуть улучшения баллистических качеств винтовки, преимущественно на ближних дистанциях. Этим достигалось драгоценное качество винтовки — возможность стрельбы на ближние дистанции (до 300 метров) без изменения прицела. Наряду с этим велись опыты по созданию нового типа автоматической винтовки, самозаряжающейся после каждого выстрела. Однако, несмотря на успешные достигнутые результаты, ни одно

государство не решилось принять на вооружение этот новый тип, вследствие того, что многие стороны его применения, в особенности возможность достаточного питания патронами, не были выяснены, а, главным образом, потому, что подобное перевооружение, неизбежно связанное и с переменной всего запаса патронов, потребовало бы колоссальных расходов. В области применения ружейного огня существовало некоторое увлечение стрельбою на большие дистанции. Кавалерия, назначаемая по существовавшему тактическим воззрениям и для действия в спешном строю, была также вооружена винтовкой (и шашкой), мало чем различавшейся от пехотной винтовки.

Мировая война вполне оправдала ожидание от винтовок, состоявших на вооружении различных армий. Оказался малосостоятельным дальний ружейный огонь, отчасти вследствие того, что на дальние дистанции стрелковые задачи много успешнее разрешались артиллерией и пулеметами, отчасти же потому, что при тех огромных пополнениях, которые на-спех пришлось вливать в ряды армий, невозможно было ожидать хорошего их обучения стрельбе, без которого стрельба на дальние дистанции теряет всякую ценность. Нельзя не отметить драгоценного качества нашей винтовки обр. 1891 г., сослужившего нашей армии большую службу, заключавшегося в так называемой взаимозаменяемости отдельных частей винтовки, достигавшейся чрезвычайно точным их изготовлением. Вследствие этого качества, в случае порчи какой-либо части винтовки, вместо нее легко могла быть поставлена запасная, хотя бы изготовленная много лет тому назад, и при том без какой-либо дополнительной работы по пригонке. Это качество особенно было пригодно для наших условий, так как при малом развитии нашей промышленности и неизбежном, вследствие этого, недостатке опытных слесарей, мы не могли бы вблизи боевых позиций исправлять винтовки, а должны были бы посылать их для исправления на оружейные заводы.

Но если в отношении образцов винто-

вок до-военная техника оказалась на должной высоте, то нельзя того же сказать в отношении их численности, которая с первых же дней войны превзошла все расчеты мирного времени и ставила некоторые армии в катастрофическое положение, в отношении крайнего недостатка винтовок. Технике пришлось разрешать одну из наименее труднейших задач по увеличению производства винтовок, изготовление которых отличается большою сложностью и длительностью, требуя рабочих самой высокой квалификации. Для нашей армии в первые же месяцы войны потребовалось вдвое больше винтовок против запаса, заготовленного в течение длительного ряда лет, а в общем, потребности войны превысили этот расчет в четыре раза; в Германии, в течение всего периода войны было изготовлено вновь более 10.000.000 всякого ручного огнестрельного оружия.

Чтобы составить себе хотя беглое впечатление о той сложности и затруднениях, с которыми сопряжено массовое заготовление винтовок, можно привести следующие численные данные и соображения. Наша русская 3-лин. винтовка образца 1891 года (см. ручное оружие) состоит из 106 отдельных частей. Дабы изготовить все эти части вполне однородно, машинным способом, который только и возможен при массовом изготовлении, каждую из этих частей приходится готовить путем постепенной отделки первоначальных грубых частей из сырых (исходных) материалов. Полной отделки на одном станке, или путем одной какой-либо операции, выполнить нельзя, почему каждая из частей изготавливается рядом последовательных операций, для выполнения которых она передается с одного станка на другой; каждый из этих станков выполняет свою стереотипную долю работы по отделке. То же приходится производить и при сборке частей винтовки, ее проверке и проч. Каждая из подобных операций носит техническое наименование «перехода», так как для выполнения каждой из них, изготавливаемая часть винтовки должна «перейти» с одного станка на другой. Для изготовления всех

частей винтовки, сборки их и проверки приходится осуществить 1.443 перехода. Так как все части винтовки, в особенности при условии требования их взаимозаменяемости, должны быть изготовлены весьма точно по размерам и правильно собраны, а рабочие части станков от работы постепенно изнашиваются, то каждую из частей и сборку винтовки приходится неоднократно проверять особыми шаблонами или, так называемыми, «лекалами». Число таких лекал для нашей винтовки составляет 540, и ими приходится произвести 812 обмеров. Точность отделки некоторых частей достигает 0,001 дюйма; но так как лекала с течением времени от работы стираются (после 2.000 обмеров), то и самые лекала приходится время от времени проверять по образцовой их серии и заменять новыми. Изготовление лекал доступно только рабочим самой высокой квалификации. Из изложенного достаточно ясно видно, какую огромную и тонкую подготовительную работу необходимо выполнить раньше, чем явится возможность приступить к изготовлению хотя бы одной винтовки «массового» изготовления, и какое напряжение требуется затем от рабочих высокой квалификации для поддержания пополнения лекал. Для исполнения крупной недостачи винтовок пришлось использовать всевозможные устаревшие образцы, снятые с вооружения армий, но еще сохранившиеся в складах. К этой мере можно было прибегнуть особенно вследствие того, что при стрельбе на близкие дистанции их худшие баллистические качества не сказывались столь резко. Пользование трофейным оружием стало правилом даже для таких сильных промышленностью и техникой государств, к каковым принадлежит Германия; трофейным оружием вооружались целые войсковые части.

У нас в России, кроме состоявшей на вооружении винтовки образца 1891 года, части первой линии вооружались японскими винтовками Арисака, снятыми уже в японской армии с вооружения ее армии, трофейными германскими и австрийскими винтовками, американскими винтовками Винчестера, изго-

товленными под наш патрон, а тыловые части — нашей старой винтовкой Бердана и аналогичными с ней итальянскими винтовками Веттерли, французскими Лебеля, Гра, и Гра-Копачека. Более сильные техникой государства стремились усовершенствовать прежние образцы переделками, в особенности приспособленным к однозарядным ружьям магазина. Огромные технические усилия были приложены к исправлению винтовок, собираемых с полей сражения. Тем не менее, несмотря на крайне напряженную деятельность внутри страны и широкие заказы за границей в нейтральных странах, недостаток в винтовках удалось пополнить только с течением длительного времени и то, для более слабой по технике государств, не в полной мере.

Роль **пулеметов (см.)**, правильно наметенная еще после Русско-Японской войны, окончательно и бесповоротно обрисовалась войной мировой. Это оружие прекрасно компенсирует недостатки ружейного огня, как в отношении большого количества выстрелов при малом числе действующих бойцов, так и в отношении надежности направления выстрелов в требуемую цель, хотя бы и на далекие дистанции. Такие их качества сделали их необходимым оружием не только при развившейся борьбе в условиях укреплений, но и при наступлении. Из крупных войсковых соединений, к которым пулеметы придавались по организации, существовавшей до войны, пулеметы постепенно стали внедряться в батальоны, роты, взводы, до мельчайших их подразделений. Наступление без пулеметов стало невыполнимым, а вместе с тем стала чувствоваться их сравнительная тяжесть, не допускавшая относительно свободного выдвижения их в передовые боевые линии. Техника ответила на эту боевую потребность легкими образцами, но зато менее совершенными по сравнению с основными в отношении скорострельности, уверенной стрельбы на дальние дистанции. Частью это были системы, существовавшие, но недостаточно оцененные в мир-

ное время, отчасти они были проектированы вновь. Эти не столь совершенные образцы оказались весьма полезными и даже необходимыми для усиления огня передовых частей, без поддержки которого немцыслимо никакое наступление. С другой стороны, эволюционировала магазинная винтовка, выливаясь в винтовку автоматическую, еще менее совершенную, чем облегченный пулемет, но за то еще легче сопутствующую передовым частям. В общем, кроме основного оружия — магазинной винтовки — части пехоты и конницы оказались вооруженными **станковыми** (тяжелыми) пулеметами, обладавшими наилучшими качествами, допускавшими дальнюю стрельбу через головы своих войск, **ручными** (легкими) пулеметами, менее совершенными, но за то более подвижными, и небольшим числом **автоматических винтовок**.

Технические качества всех этих видов автоматического оружия оказались весьма удовлетворительными, в особенности пулемета системы Максима, принятой у нас и во многих других государствах; но в отношении их численности, борющимся странам пришлось испытать тот же недостаток, что и в отношении винтовок. Достаточно будет сказать, что, по расчетам мирного времени, в большинстве государств на каждую дивизию полагалось только по 24 станковых пулемета, тогда как к концу войны их было на дивизию же в германской армии—108 станковых и 216 ручных, а во французской—то же число станковых и 576 ручных и автоматических ружей. Годовая производительность их в одной Германии достигла к концу войны 13.000 штук.

Изготовление пулеметов еще сложнее чем изготовление винтовок. Например, принятый у нас пулемет системы Максима состоит из 282-х частей, изготовляющихся путем 2.488 переходов, требующих для проверки и сборки 830 лекал, которыми производится 1.054 обмера. Точность изготовления превышает требования точности изготовления частей винтовки; для некоторых частей требуется пришлифовка соприкасающихся поверхностей вплотную. Кроме принятого у нас пулемета,

заграницей пришлось заготавливать пулеметы Льюиса, Кольта, Гочкиса, Шопа, Мадсена (см. рис. 1, 2 и 3).

В общем, в отношении автоматического оружия мировая война явно подчеркнула его необходимость, как незаменимого вооружения пехоты, и поставила требование возможно большего уменьшения его веса. Этим подтвердилось намеченное еще в мирное время стремление к автоматизации вооружения пехоты, почему, надо полагать, что в будущем это стремление должно разрешиться принятием автоматической винтовки для каждого стрелка, после чего надобность в ручных пулеметах сама собой отпадет.

Развитие броневых машин, вылившееся окончательно в форму танков, побудило к проектированию мощных пулеметов, калибром в 13 милл., пуля которых могла бы пробивать броню. Те же пулеметы назначались для действия против снижающихся самолетов, которые под конец войны также стали слегка бронироваться.

Патроны для стрельбы применялись те же, какие были в употреблении и в мирное время, с обыкновенною и бронебойною (стальной) пулей. С первых же дней войны германцы и австрийцы стали применять разрывные пули, как будто бы в качестве пристрелочных, так как при ударе такие пули дают заметное облачко пыли. Этим было нарушено основное положение всех конвенций мирного времени, на основании которых не допускались к употреблению разрывные снаряды и пули, весом меньше одного фунта. Для направления выстрелов по быстро движущимся воздушным целям стали применяться пули, оставляющие на полете дымный след, так называемые **трассирующие**, а для зажигания аэростатов, наполненных водородом или баков с бензином на самолетах — зажигательные пули, в конструкции которых главную роль играл легко воспламеняющийся желтый фосфор.

Вспомогательное оружие пехоты — **ручные и ружейные гранаты, бомбометы и минометы** различного типа — получили свое развитие во время мировой войны только при переходе ее

в стадию позиционной. Только ручные гранаты были разработаны еще в мирное время под влиянием Порт-Артурских уроков; но им придавалось исключительно крепостное назначение, почему для снабжения полевых войск они предназначались в весьма ограниченном количестве. Ружейные гранаты были разработаны мало, так как практически весьма трудно было решить удовлетворительно вопрос о выбрасывании такой гранаты из любой винтовки, обыкновенным патроном, не рискуя испортить самой винтовки и гарантируя безопасность подобной стрельбы. Бомбометов в мирное время не существовало вовсе. Минометы тяжелого типа, бросавшие мины (тонкостенные снаряды с большим количеством взрывчатого вещества), с весом фазрывного заряда до 100 килогр., в глубокой тайне были разработаны только в Германии и имели назначением действие при осаде крепостей, в условиях ближней борьбы, для уничтожения различных построек и препятствий. Они, действительно, оказали германцам большую помощь при взятии бельгийских крепостей.

Когда маневренная война вылилась в позиционную форму, с огромным протяжением фронтов, при большом числе сражавшихся, потребность во всех этих вспомогательных средствах возникла сразу в столь больших размерах, что с нею не в состоянии были справиться даже столь сильные в промышленном отношении страны, как Германия. Первоначально вопрос об изготовлении этих средств стал решаться самими войсками, которые начали устраивать гранаты из коробок от консервов и других подходящих сосудов, снаряжая их взрывчатым веществом и снабжая соответствующими приспособлениями для воспламенения при падении. Для бросания их, вместо огнестрельных специальных орудий, стали применяться пустые патронные гильзы, всякого рода трубы. Постепенно все эти средства совершенствовались и получали правильно разработанный вид.

Ручные гранаты применялись самых различных конструкций. Только

при этих условиях возможно было удовлетворить огромную потребность в них, достигавшую в одной Германии до 9.000.000 в месяц. Наилучшим признавался образец с рукояткой, с воспламеняющимся приспособлением, загоравшимся в момент бросания, горевшим на полете и дававшим взрыв к его концу. Такой именно образец, весьма безопасный в обращении, был разработан и принят у нас еще в мирное время. Однако, нужда заставляла в широком размере применять и другие образцы, менее совершенные и безопасные. Ружейные гранаты во время войны не получили особенно широкого развития.

Бомбометы, совершенствуясь постепенно из первоначальной примитивной формы, которую они получили в самих войсках, и которой вначале должна была придерживаться и промышленность государства, и без того перетруженная другими, более ответственными и трудными, задачами, получили наиболее разработанный вид в Германии. Этому, в значительной мере, способствовала необходимость добиваться возможно более точной стрельбы, в видах экономии снарядов и взрывчатых веществ, в которых Германия ощущала большой недостаток. Под конец войны для бросания бомб из бомбометов был применен сжатый воздух, что дало возможность достигнуть большой точности стрельбы на разные дистанции и избежать звука выстрела.

Минометы получили самое широкое развитие; достаточно указать, что производительность их в одной Германии достигала 4.800 штук в месяц. Кроме тяжелых минометов вскоре потребовались более подвижные и легче устанавливаемые в окопах минометы среднего типа, бросавшие мины с 50 килогр. взрывчатого вещества, а затем и легкие минометы, со снарядами всего в 4,5 килогр., оказывавшие большую помощь пехоте уже не только при позиционной войне, но и при наступлении маневренного характера. Особенно распространение получил миномет Стокса, весьма простого устройства, но, тем не менее, дававший до 25 выстрелов

лов в минуту. Для бросания мин применялся также и сжатый воздух. Немалую услугу минометы оказали при борьбе с танками. Как могучее средство, они применялись также для выбрасывания большого количества ядовитых газов, почему этот тип миномета получил даже наименование **газомета**. Помимо специальных минометных войсковых частей, легкими минометами были снабжены все части пехоты (см. рис. 4 и 5).

Столь широкое применение минометов объясняется не только их боевыми качествами, но и экономическими и техническими соображениями. Небольшая дальность стрельбы и крутость траектории дают возможность использовать его с самых близких дистанций при условиях, при которых примененные тяжелых мощных орудий, могущих действовать только с большого расстояния было бы трудно осуществимо. В то же время малый заряд, достаточный для бросания мины на небольшое расстояние, позволяет применять стволы и снаряды с тонкими стенками из материалов не столь высокого качества, используя вес снаряда преимущественно для помещения большего количества взрывчатого вещества. Последнее также не требует особенно высоких качеств в отношении стойкости при выстреле, так как толчок, получаемый при этом миной, не столь велик. В техническом отношении изготовление минометов и мин, во всяком случае, много легче, чем изготовление артиллерийских орудий и снарядов. Вот почему минометы и мины могли быть изготовлены в столь больших количествах. Применение их в сотнях и даже тысячах экземпляров на позициях небольшого протяжения производило подавляющее действие на противника, почему они были признаны одним из наиболее ужасных средств войны.

Несмотря на то, что противные стороны вступили в войну с весьма сильной артиллерией, значение ее не было дооценено. Война выдвинула в первую очередь вопросы о ее численности, подвижности, мощности.

В отношении численности еще до

войны уже отмечалась склонность отойти от прежней нормы—около пяти орудий на 1000, установленной уже с давних времен и в особенности подтвержденной наполеоновскими и последующими войнами. Такая норма определялась возможностью передвижения усилиями лошадей по любым дорогам и местности, доступным действию полевых войск, наибольшего, но не обременительного для передвижения количества орудий и боевых припасов. Однако, даже при этом ограничивающем условии, несомненно, что постепенная культура театров военных действий в отношении улучшения путей сообщения давала возможность использовать артиллерию в большем относительном числе даже при маневренной войне; по такому пути и шла прежде всех Германия, имевшая еще до войны наибольшее число орудий на 1000 пехотинцев и в том числе значительную по относительному количеству тяжелую полевую артиллерию большей мощности сравнительно с легкой. Позиционный характер войны, естественно, дал возможность самому широкому применению артиллерии в отношении ее количества, так как значение подвижности отошло при этом на второй план; с другой стороны, необычайное развитие всевозможных фортификационных сооружений во время этого периода войны настойчиво потребовало и огромных артиллерийских сил для их разрушения и поражения укрытого за ними противника. Из этого станет понятным, почему, если еще было можно примириться с нормами артиллерии, установленными в мирное время на период войны маневренной, то в позиционной войне количество орудий, содействовавших пехоте, доходило до чудовищных размеров, выражаясь сотнями орудий на каждый километр атакующего фронта. Нет сомнения, что и для будущего времени, хотя бы для маневренной войны, относительная численность артиллерии будет увеличена, так как опыт мировой войны с достаточной очевидностью доказал пользу и необходимость широкого применения фортификационных сооружений, хотя бы временного характера.

даже в условиях кратковременного боя; а таковые не могут быть осилены без могущественного содействия артиллерии.

Другим мощным фактором, способствующим использованию более сильной не только в количественном, но и в качественном отношении артиллерии, служит применение к передвижению орудий **механической тяги**. Перед войной попытки в этом отношении сводились только к незначительным опытам. Война, в связи с требованием огромного количества артиллерии, необходимостью применения весьма мощных и потому тяжелых орудий на всем фронте, при недостатке и многих неудобствах использования лошадей, особенно чувствительных для стран, принужденных транспортировать свои войска через море, во всей остроте поставила вопрос о применении механической тяги в артиллерии. Уже во время войны техника дала новые образцы механических двигателей, вполне приспособл. для передвижения артилл. в условиях полевого боя, по плоским дорогам и даже вовсе без дорог, до сыпучих песков и болота включительно. Применением механической тяги поставлен в новую фазу разрешения, считавшийся до последнего времени неразрешимым, вопрос о соотношении между могуществом и подвижностью артиллерии: могущество, определявшее вес артиллерийской системы, а потому и ее подвижность, было до крайности ограничено природными пределами силы применявшихся живых двигателей и незыблемыми свойствами местности. В связи с применением механической автомобильной тяги и усовершенствованием быстрого строительства железнодорожных путей широкой и узкой колеи, явилась возможность вывезти в поле орудия любой мощности и веса, до самых крупных образцов крепостной, береговой и судовой артиллерии включительно. Механическая тяга стала применяться или в виде тракторов, тянущих орудия и артиллерийские грузы на прицепке, или, под конец войны, в виде самоходных артиллерийских конструкций, в которых автомобиль, перевозящий

орудие, в то же время служит ему и лафетом для стрельбы. Артиллерия железнодорожного типа состояла из систем или перевозимых по железной дороге только в качестве груза, но устанавливаемых на местности для стрельбы на специальных основаниях, или приспособленная для стрельбы с самой железнодорожной платформы, одной из разновидностей которой были бронепоезда. Только применение механической тяги позволило использовать в течение войны столь мощные орудия, к каковым можно отнести известную германскую 42-сант. гаубицу и пушку, стрелявшую по Парижу с расстояния свыше 100 километров (см. **рис. 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13 и 14**).

В отношении мощности различного рода орудий надлежит отметить, что противные стороны встретились вначале с несколько неравными силами. Так, французская полевая пушка, несомненно, превосходила германскую по своим качествам; но, с другой стороны, французская армия сделала роковую ошибку в мирное время, не приняв на вооружение орудий навесной стрельбы, столь необходимых для действия по фортификационным сооружениям, и уступая германской в количестве тяжелой артиллерии. Технические силы сторон принуждены были в естественном порядке исправлять эти ошибки; германцы совершенствовали свою полевую пушку, французы принуждены были использовать огромное количество, к счастью для них, имевшихся в запасе орудий устаревших систем, снятых уже с вооружения, вводя в них возможные улучшения. Разработка и снабжение новыми системами во время войны была не под силу ни той ни другой стороне. Нужда в огромном числе по возможности мощных орудий повсюду была настолько велика, что для действия на фронте было привлечено все, что, по выражению одного из современников, могло «нести смерть или разрушение», к каким бы устаревшим образцам эти орудия ни относились. Были использованы всевозможные нарезные орудия, остававшиеся в складах, неосаженных крепостях; были

даже частью сняты орудия с военных судов, лишь бы они обладали достаточной мощностью.

Особое значение получила дальность стрельбы и сила действия снаряда по прочным фортификационным сооружениям. Увеличение дальности стрельбы стало необходимым, прежде всего, в том отношении, чтобы не дать возможности противной стороне, располагавшей более дальнобойными тяжелыми орудиями, безнаказанно поражать другую, не имевшую их на вооружении. В частности, с тою же целью необходимо было сравнять, а по возможности даже превзойти, дальность стрельбы при одинаковых типах орудий. Это могло быть достигнуто во время войны только применением снаряда новой формы, способствующей лучшему его прониканию в воздухе и, следовательно, более дальнему полету, а также изменением конструкции лафета, при которой представилась бы возможность придавать орудиям большие углы возвышения по сравнению с теми, на какие эти лафеты были рассчитаны при их создании. В крайнем своем проявлении дальность стрельбы была осуществлена в германском орудии сверхдальней стрельбы, обстреливавшем Париж, что было достигнуто, гл. обр., необычайной длиной пушки, чем достигалась огромная начальная скорость, которую она сообщала своему снаряду. При этих условиях явилась возможность выбросить снаряд за пределы осязаемой земной атмосферы, почему он и мог лететь, почти без сопротивления, на столь большое расстояние. В отношении наибольшей мощности снаряда в той же Германии осуществлена, разработанная еще в мирное время, но хранящая в тщательном секрете, 42-сант. гаубица, бросавшая снаряд весом в 900 килогр. Противная сторона ответила осуществлением подобных же орудий, еще более мощных по действию.

Наряду с этими колоссами артиллерии, война выявила крайнюю необходимость в малокалиберной артиллерии ближнего боя, придаваемой пехоте, получившей поэтому наименование пехотной, полковой или, у нас, «стрелко-

вой» артиллерии. Оказалось, что, несмотря ни на какие заблаговременные подготовки атаки позиций противника самою мощною артиллерией, продвижение пехоты вперед невыполнимо без ближайшего содействия, хотя бы весьма слабых по мощности, орудий, которыми можно бы было парализовать неожиданно появляющиеся пулеметы, танки и другие препятствия для наступления. Нормальная артиллерия этому помочь не может, в виду невозможности стрельбы по столь близким к своим войскам целям через их головы и вследствие нарушения связи атакующей пехоты со своей артиллерией в период штурма. В качестве стрелковой артиллерии были созданы вновь образцы малокалиберных орудий, и использованы подходящие типы крепост. и судовых малокалиб. пушек. Несмотря на то, что обе стороны обильно были снабжены этого рода орудиями, вполне удовлетворительного образца, их во время войны выработать не удалось.

Появившаяся незадолго до мировой войны авиация, получившая за годы войны весьма сильное развитие потребовала от артиллерии новых типов орудий для борьбы с воздушным противником. Новость задачи, к тому же весьма трудной, вследствие чрезвычайной быстроты движения целей, большой их поворотливости и малой уязвимости, не дала возможности разрешить этот вопрос вполне удовлетворительно за время войны ни в теоретическом, ни в практическом отношении. Там не менее, было разработано и осуществлено не мало специальных образцов орудий для борьбы с воздушными целями, снабженных весьма сложными прицельными приспособлениями для упрощения цели разрывом снаряда в ее перемещении за время полета снаряда; много также было разработано измерительных приборов всякого рода, назначавшихся для определения данных о движении цели, на основании которых можно бы было рассчитать это упреждение. Кроме специальных орудий для стрельбы по воздушным целям, необходимо противопоставить им хотя бы паллиативную артиллерий-

скую оборону побудила применять обыкновенные полевые орудия, с различными приспособлениями для придания им большого угла возвышения и плавной поворотливости в стороны, дабы иметь возможность стрелять в высоту и следить за целью в горизонтальном направлении (см. рис. 15).

Расход **снарядов** превзошел самые смелые ожидания, почему уже через месяц-два войны повсюду стал ощущаться столь большой их недостаток, что приходилось отказываться от того или иного оперативного решения. Так, одной из причин остановки германской армии на Марне и перехода к позиционной войне надо считать истощение запасов снарядов у обеих сторон. Техники и промышленности пришлось явиться наперекор все силы для восполнения этого запаса и обеспечения артиллерии на будущее время войны. Насколько велик был расход боевых припасов, можно судить хотя бы по тому, что в течение нескольких дней боя одной только группой войск, участвовавших в бою, снарядов расходовалось много больше, чем их тратила вся армия целого государства в течение всего времени таких войн, как война 1870—71 или 1877—78 годов. При таком общем большом расходе он был велик и для каждого орудия в отдельности, почему пришлось принять энергичные меры и к восполнению расстрелянных орудий. Одна Германия изготовляла их до 3.000 в месяц. Технике пришлось приложить все усилия, чтобы удовлетворить этой потребности, идя на всевозможные уступки в отношении требований от качества и сорта металла и технических условий для приемки изделий. Если к этому добавить еще огромную потребность в остальной материальной части артиллерии, порохе и всякого рода взрывчатых веществах для снаряжения снарядов, то, по справедливости, приходится признать, что артиллерия из бывшего когда-то боевого средства, имевшего скорей вид предмета роскоши, заводимого постепенно в течение длительных периодов мирного времени, обратилась в пожаротельницу всего промышленного достояния государства, истощающую его

силы до основания. Особенно значительных размеров расход снарядов достиг в боях в период позиционной войны, когда огромное количество их приходилось затрачивать для разрушения прочных фортификационных сооружений, прежде чем оказывалось возможным воздействовать на сврывшегося за ним противника. Статистика показывает, что при боях подобного рода на каждого убитого приходилось затрачивать до 400 снарядов и на каждого раненого—до 80-и. Естественно, что при вынужденном понижении качеств снарядов несколько ухудшилась и их действительность, почему качество пришлось возмещать количеством, что еще больше расширяло потребность. Ухудшение качества неблагоприятно сказалось и на безопасности стрельбы, что выразилось в увеличении числа разрывов и порчи орудий от собственной стрельбы. Только после настоящих изысканий и научной работы техники удалось выработать более надежные боевые припасы, удовлетворявшие условиям безопасности стрельбы, при пониженных требованиях, сравнительно с требованиями заготовлений в мирное время. Отчасти к упрощению типа боевых припасов, в особенности трубок и взрывателей, пришлось прибегнуть вследствие того, что с течением времени из строя выбыл подготовленный в мирное время личный состав, хорошо владевший сложной материальной частью артиллерии; для заменившего его состава, наскоро обученного в военное время, приходилось прибегать к более простым, хотя бы и менее совершенным, образцам боевых припасов, что также отражалось на увеличении их расхода. С другой стороны, новые виды целей и новые методы борьбы, появившиеся во время самой войны, требовали и нового типа снарядов и боевых припасов. Так, для поражения воздушных целей пришлось вести изыскания для замены прежней дистанционной трубки (воспламеняющей разрывной заряд снаряда на полете через посредство загорающегося при выстреле дистанционного порохового состава), трубкою механического устройства, в которой воспламенение выполнялось бы

часовым механизмом; трубки с пороховым составом оказались неудовлетворительными при действии в высоких разряженных слоях атмосферы, до которых достигают современные самолеты. Большое применение получили снаряды с дымородными веществами, назначаемые для образования дымовых завес с целью маскировки. Наконец, весьма большое распространение получили химические снаряды, снаряжаемые всякого рода ядовитыми веществами.

Широкое применение артиллерийских средств потребовало колоссальных количеств пороха и взрывчатых веществ для снаряжения снарядов и мин; независимо от этого взрывчатые вещества требовались в большом количестве для мин, применяемых для заграждения, морских мин, минной войны и для гражданских надобностей в горном деле. Между тем, производство и пороха и почти всех взрывчатых веществ требует огромных количеств таких исходных материалов, производство которых основывается на хорошо развитой химической промышленности, а частью на материалах, месторождение или изготовление которых не находится в пределах всякого из государств; да и вообще добыча таких исходн. материалов, в большей или меньшей мере, представляется ограниченной даже в мировом масштабе. Так, для указанной цели, в первую очередь, необходимы азотная и серная кислоты, из которых первая в огромной своей части изготовлялась из самородной селитры, залежи которой имеются в Чили, на Цейлоне и в некоторых других местах, а вторая готовилась из самородной серы или серного колчедана, также имеющих не везде. Для приготовления пороха нужен хлопок, глицерин, добываемый из животных жиров, спирт, выгоняемый преимущественно из картофеля, камфара, составляющая предмет производства японской промышленности. Наилучшим взрывчатым веществом для снаряжения снарядов считался тротил (или тол), изготовлявшийся из толуола — продукта отгонки из каменного угля при его коксовании. Для приготовления капсюлей

необходима ртуть, месторождение которой находится далеко не всюду. Многие из этих исходных материалов одновременно весьма необходимы для мирных целей: селитра — для удобрения, серная кислота — для всякого рода мирной промышленности, хлопок — для одежды, картофель, жиры — для питания, толуол — для изготовления сахара. В то время, как государства, принимавшие участие в войне, не стесненные блокадой, могли добывать все подобного рода материалы в сравнительно достаточном количестве, хотя и не всегда без труда, Германия с самого начала войны была поставлена в необходимость надеяться только на те запасы привозных материалов, которые ей удалось заготовить заблаговременно, а вслед затем изыскивать новые пути для их создания внутри страны или замены какими-либо другими. При этом ей больше чем какому-либо другому государству приходилось принимать во внимание и гражданские потребности в тех же материалах. В виду этого наибольший интерес представляют собою те достижения в этой области, которые были осуществлены прекрасно развитой германской химической промышленностью, давшей изумительные результаты.

Для получения азотной кислоты необходимо какое-либо химическое соединение азота, как, например, естественная селитра, представляющая собой азотно-кислую соль калия ($Ka NO_3$), натрия или кальция, или аммиак (NH_3), в котором азот химически связан с водородом. Из этих соединений, путем различных химических реакций можно получить азотную кислоту (HNO_3). Аммиак содержится, между прочим, в продуктах отгонки каменного угля, получаемых или при его коксовании, или при сжигании в генераторах, в которых уголь предварительно превращается в газ. Аммиак улавливается пропусканием продуктов отгонки через серную кислоту, с которой он жадно соединяется, образуя серноокислый аммоний. Германия старательно улавливала аммиак из своих коксовых и генераторных печей, при чем к концу войны добыча связанного азота, в виде серноокислого

аммония (считая чистый азот), достигала в год 110.000 тонн из коксовых печей и 44.000 тонн—из генераторных. Из числа различных искусственных способов получения связанного азота особенно широкое распространение получили способы Франка-Каро и Габера; а в странах, богатых природной водяной силой и потому дешевой электрической энергией (Швеция, Норвегия) — способы окисления азота атмосферным кислородом помощью вольтовой дуги. По способу Франка-Каро первоначально в электрической печи сплавляется известь с коксом. Получаемый при этом кальций-карбид, столь известный в деле получения газа ацетилена для освещения, поджигался электрическим током, и на него пускалась струя азота. При этом получалось химическое соединение, называемое кальций-цианамидом, в котором азот уже оказывался «химически связанным». Из этого химического соединения уже можно было получить азотную кислоту. Способ Габера, особенно широко осуществленный на германских заводах Сода-Ангилиновой Компании в Бадене, заключался в том, что при пропускании смеси азота с водородом через трубы, нагретые до 500° — 550° , при давлении 150—200 атмосфер, в присутствии некоторых веществ (катализаторов), как, например, платина, осмий, уран, различные окиси железа и никеля, молибдена и друг., оба эти газа вступают в химическое соединение, образуя аммиак. И для того и для другого способа азот добывается из атмосферного воздуха или путем сжигания угля, после чего получается смесь азота с углекислотой, который после этого от нее отделяется, или охлаждением воздуха, при чем более легко охлаждаемый кислород отделяется от азота. Эти пути получения связанного азота, сравнительно легко осуществляемые в небольших размерах в лабораториях, потребовали больших изысканий и напряжения химической технологии для постановки производства в широких размерах. Особенно сложен и труден, в этом отношении, оказался способ Габера. Тем не менее, Германия, имея оба эти способа добывания перед войной только в не-

больших размерах, выражавшихся в 10.000 тонн в год азотистой извести, добытой по способу Франка-Каро, и только 3.000 тонн аммиака, получаемого по способу Габера, к концу войны добывала 126.000 тонн чистого (связанного) азота, по способу Франка-Каро и 270.000 тонн его же, по способу Габера. Жидкий кислород и жидкий воздух, образующие в смеси с углем взрывчатые смеси, применяются для подрывных работ в горном деле, чем достигается экономия в обыкновенных взрывчатых веществах, необходимых для целей войны. Аммиачная селитра, в смеси с другими взрывчатыми веществами, восполняет их недостаток для снаряжения снарядов; в смеси с углем—частью заменяет недостаток бездымного пороха для стрельбы из артиллерийских орудий. Недостаток хлопка, из которого обычно готовится бездымный пироксилиновый порох, был возмещен специально подготовленным волокном древесины (целлулоза). Для восполнения недостатка тротыла, которого не хватало и другим государствам, был предложен целый ряд различных взрывчатых веществ. Гремучая ртуть, столь необходимая для частой всевозможного рода, была отчасти заменена аналогичными соединениями свинца (азидами). В производстве порохов и взрывчатых веществ были применены всевозможного рода упрощения и сокращения времени тщательности выполнения различных операций, что зачастую давало продукты, хотя и годные для немедленного употребления, но недостаточно стойкие при хранении, а потому применимые только в течение коротких сроков войны.

Всевозможные оптические и измерительные приборы, применявшиеся для наводки орудий, наблюдения, освещения и других целей еще до войны, получили широкое распространение и развитие. Все современные орудия, за исключением разве орудий ближнего боя, снабжаются оптическими прицелами; в некотором числе такие прицелы применялись и для винтовок, с целью особенно точной стрельбы по отдельным людям, для пулеметов, для аппаратов, служащих для прицелива-

ния при бомбометании с аэропланов. Оптические трубы для наблюдения изготовлялись с увеличением, доходившим до 72-х. Дальномеры, применение которых также началось до войны, получили широкое распространение в пехоте, в особенности в пулеметных командах, для стрельбы по быстро движущимся воздушным целям.

Значительное развитие получили во время войны оптические приборы, дающие возможность производить наблюдение из-за-закрытия, так называемые «перископы» (иногда «эпископы»). Первоначально, еще в мирное время, крайняя необходимость в такого рода приборах появилась с осуществлением подводного плавания, дабы дать возможность погруженной в воду подводной лодке видеть и наблюдать то, что происходит на поверхности воды. Далее, необходимость в такого рода приборах выяснилась для артиллерийских батарей, располагавшихся на закрытых позициях, т.-е. за какими-либо местными предметами или возвышенностями, через которые можно бы было перебрасывать снаряды, но нельзя было видеть цели. Наконец, особенно большую нужду в перископах армии начали испытывать при переходе к позиционной войне, при близком расположении окопов противных сторон друг против друга, дабы иметь возможность наблюдать из-за бруствера за противником, не показываясь из-за него и не рискуя подставить себя под близкий выстрел. В простейшем случае, когда наблюдение производится только по одному направлению, например, из-за бруствера окопа, и величина вертикального укрытия невелика, вопрос разрешается довольно просто—применением зеркала: одно зеркало ставится под углом в 45° к направлению лучей, идущих от наблюдаемого предмета, отражением поворачивает их вниз, где они попадают на второе такое же зеркало, также поставленное под углом в 45° , которое вновь поворачивает их горизонтально и направляет к наблюдателю. Но если высота закрытия достаточно велика (несколько метров), и в задачу прибора входит—дать возможность наблюдения

по различным направлениям, по большей части по окружности всего окружающего горизонта (как, например, в подводных лодках), вопрос весьма усложняется. Не трудно убедиться, что зеркала при этих условиях могут дать только очень ограниченный участок обзора. Для разрешения вопроса в этом случае приходится применять сложные системы призм и оптических стекол, и конструкция приборов становится осуществимой только при очень высокой степени развития оптической техники. Наилучшие образцы подобных перископов во время войны были осуществлены в Германии (см. рис. 16, 17 и 18).

Прожектора применялись в особенно широком размере для борьбы с воздушным противником в ночное время; в равной мере для той же цели были конструированы сигнальные световые приборы, помощью которых можно было предупредить о приближении воздушного противника. Фотография имела большое применение для снимков неприятельского расположения издала, при помощи оптических труб (теле-фотография) и в особенности для воздушных снимков с аэропланов. Оптика и точная механика нашли себе широкое применение для всякого рода измерительных приборов для определения положения и элементов движения целей, автоматических расчетов данных и поправок для стрельбы.

Применение различного рода **фортификационных сооружений** (см. **фортификация**), впервые сыгравшее столь значительную роль во время Русско-Турецкой войны 1877—78 г.г. и проявившееся затем в виде первой позиционной войны во время Русско-Японской кампании, получило небывалое развитие. Напрасно некоторые авторитеты, не смотря на примеры прошлого, предполагали, что в случае большой европейской войны позиционная война не должна повториться, и относились к ней с некоторым пренебрежением. После того, как огромные армии противных сторон развернулись полностью и принуждены были, вследствие тех или иных причин, приостановиться, сила современного огня сделала свое дело:

она дала возможность, с малыми, сравнительно, силами, но при содействии фортификационных закрытий, останавливать наступление более сильного противника. В поисках обходных путей, армии развевывались все больше и больше, пока не сомкнулись в сплошные линии, упиравшиеся своими концами в естественные или политические преграды (моря, чужие нейтральные страны). Начиная с ничтожных окопов, вырытых в одну ночь, эти линии крепили с каждым днем все больше и больше, разрастались в виде сложнейших лабиринтов, состоявших из нескольких линий окопов, соединявших их ходов сообщений, всевозможных убежищ, наблюдательных и командных пунктов, опорных пунктов, поперечных (траверсных) позиций, на случай прорыва, и пр. Были изрыты тысячи верст. Всякое перемещение сражавшихся вызывало постройку новых лабиринтов. В предвидении отхода, в тылу подготавливались заблаговременные позиции, покрытые целыми сетями укреплений; сближение сторон, доходившее зачастую до нескольких десятков шагов, достигалось новыми земляными работами. И в этих постройках, получивших общее наименование «окопов», принуждены были жить и сражаться, под постоянным обстрелом мощными снарядами, целыми месяцами и даже годами, миллионы современных армий (см. рис. 19, 20, 21 и 22).

Естественно, что все эти гигантские сооружения, от которых к тому же зачастую требовалось весьма большое сопротивление действию снарядов крупных орудий, возводились при широком содействии техники. Где только было возможно, армии государства с хорошо развитой техникой применяли для рытья окопов соответствующие машины. Для постройки требовались всякого рода материалы: естественный грунт, огромное количество земляных мешков для насыпных брустверов, бетон, дерево для укладки в несколько рядов, с целью прикрытия от разрушительного действия снарядов, доски для обшивки отлогостей окопов, железо, стальные щиты. Для доставления всех этих материалов устраи-

лись целые заводы, в том числе бетонные; внутри государства заготавливались мешки, готовые бетонные плиты, всякие железные конструкции. Подпочвенная вода отводилась водосточными средствами. Для жизни в окопах и в тыловых помещениях, наоборот, устраивалось водоснабжение, подводился электрический ток, устраивалось отопление, оборудование, вентиляция. Для этой жизни и борьбы в окопах, техника выработала множество различных предметов и для обихода, и для боя. С целью прикрытия позиций от непосредственной атаки, были раскинуты нескончаемые сети из колец проволоки: в одной Германии ее было истрчено за время войны столько, что ее хватило бы 65 раз окружить все государство. В тылу и на самых позициях приходилось проложить множество всякого рода дорог, устраивать запово мосты, жилые и этапные пункты, госпитали, склады, даже театры и кинематографы. Применявшаяся местами минная война получала содействие от техники, в виде специальных машин для рытья подземных галлерей, вентиляторов, приборов для подслушивания работ противника.

Автомобильная техника дала возможность воскресить древние боевые колесницы, в виде **броневых машин**, вооруженных пулеметами или орудиями небольшого калибра, и **танков**. Первого рода машины получили свое начало только перед самой войной. Они обладали большой скоростью движения, которая должна была спасать их от действия артиллерии, и тонкой броней, прикрывавшей от ружейных пуль. Двигавшиеся на колесах, с необходимостью применения резиновых шин, хотя бы, так называемых, гусматических, неуязвимых при проколах или попаданиях пуль, броневые машины могли применяться только при наличии хороших, доступных для автомобильного движения, дорог. Вследствие этого, они имели некоторое значение только во время маневренного периода войны, как вспомогательное средство для разведки, внезапных нападений на тыловые части, расположенные на

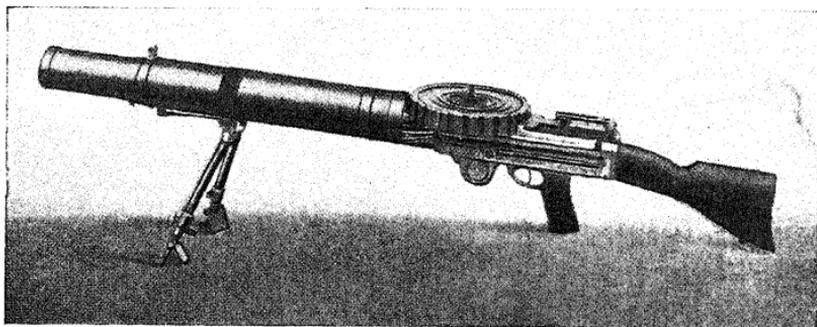
отдых, при отсутствии надлежащей охраны, и в других мелких случаях. С переходом к позиционной войне деятельность их должна была прекратиться. Однако, к концу ее французской и английской технике удалось вновь возродить идею броневой машины, но уже в виде, так называемого, «танка» (tank — по-английски, в сущности, означает водоем, чан, локань). Первоначальная идея танка заключалась в том, чтобы, отказавшись от колесного хода и используя, так называемый, «гусеничный», при котором машина как бы ползает по местности по настилаемому ею же самой бесконечному стальному полотну, состоящему из отдельных звеньев, дать ей возможность двигаться по любой местности. Мощный двигатель, большой вес танка и сравнительно большая длина позволяли ему не только сокрушать на своем пути всякого рода препятствия, в виде небольших деревьев, брустверов, проволочных сетей, но переходить даже через рвы окопов небольшой ширины. Защищенные броней от ружейного и пулеметного огня, под прикрытием раннего утра или даже искусственной дымовой завесы, танки имели возможность идти «напролом» на окопы укрепленной позиции, открывая дорогу наступающей вслед за ними пехоте и поражая своими пулеметами и орудиями ошеломленного внезапностью их появления противника. Вес этих сухопутных броненосцев доходил до 2.400 пудов, скорость движения была незначительная (около 7 километр. в час), район действия, определяемый возможным запасом горючего, ограниченный. Их приходилось подвозить почти к самому месту действия по железной дороге. Наряду с этими танками тяжелого типа, во время войны зародился и другой, более легкий тип, тоже с гусеничным ходом, обладавший меньшей проходимостью через препятствия, но зато большей скоростью движения и большим районом действия. По своим свойствам этого рода танк скорее приближается к броневым машинам дорожного типа, но только может двигаться без дорог. Естественно, что кроме внезапности танки

могут оказать содействие штурмующей пехоте только при значительной их численности (одновременное действие нескольких сот танков), так как местный прорыв нескольких танков не может иметь сколько-нибудь серьезного результата. Несмотря на полную неподготовленность к появлению этого нового боевого средства в бою, германцы скоро освоились с ним, почему при последующем их применении танки несли большие поражения от артиллерийского огня и огня специальных противотанковых орудий и пулеметов. Рожденное во время позиционного периода мировой войны, это новое боевое средство далеко еще не достигло своего полного развития и усовершенствования. Несомненно, что и в будущем оно вряд ли получит особенно крупное значение; однако, в дальнейшем надо ожидать, что оно не сойдет с поля сражения в качестве вспомогательного средства для пехоты, не только для позиционных действий, но и для маневренной войны (см. рис. 23 — 28).

Только при наличии современной сети железных дорог могли быть осуществлены мобилизация, сосредоточение и развертывание тех миллионных армий, которые приняли участие в мировой войне, их питание, подвоз всевозможных боевых средств, грузов, материалов, эвакуация многих тысяч раненых и пленных. Железные дороги позволяли германцам перебрасывать в несколько дней целые корпуса с западного фронта на восточный и обратно. Но, кроме этого назначения существовавших до войны железных дорог и всякого рода других путей сообщения, известного по опыту прежних войн и потому тщательно использованного заблаговременной подготовкой еще в мирное время, обширный размах операций потребовал энергичного содействия железнодорожной техники и всякого рода средств сообщения, в виде нового строительства. Строились заново линии железных дорог всякого рода: обыкновенных, узкой колеи, с паровой или конской тягой, канатных, электрических; восстанавливались пути и дорожные соору-

Техника в мировой войне.

К ст. „Четырехлетняя война 1914 — 1918 г.“.

(Рис. 1. Пулемет Льюиса.

К рис. 1. Английский ручной пулемет Льюиса (применявш. и в нашей армии). Ствол пулемета, скрытый на фотографии внутри кожуха, неподвижен. В передней части его, внизу, имеется боковое отверстие, через которое часть пороховых газов проходит в помещенную под стволом газовую камеру раньше, нежели пуля успеет вылететь из ствола; эти газы толкают назад находящийся в камере поршень. Этим толчком сжимается особая пружина, действием которой затем приводятся в движение части замка. При этом замок открывается, гильза выбрасывается, в ствол вкладывается новый патрон из помещенного сверху пулемета барабана, самый барабан поворачивается и, после того, как патрон вложен и замок снова закрыт, производится новый выстрел. Для охлаждения ствол окружен ребристым радиатором, заключенным в кожух, видный на фотографии. Вылетающие из ствола пороховые газы увлекают за собой воздух из промежутка между стенками кожуха и радиатором и тем еще больше способствуют охлаждению. Вес пулемета 26 фунтов.

Рис 2.

К рис. 2—3. Один из германских пулеметов, приспособленный для стрельбы по низко летящим самолетам. Вместо мушки поставлен прозрачный кружок, облегчаю-

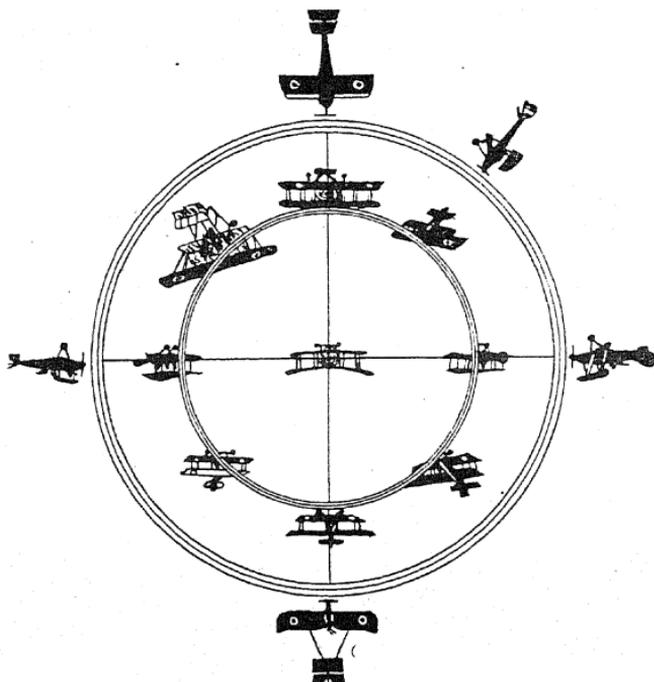

Рис. 3.

ицей возможность наводки вперед летящего самолета, в зависимости от направления его движения и расстояния от стрелка, о которых приходится судить по положению и кажущейся величине самолета. Отдельно (рис. 3) показана схема различных положений самолета, проектирующегося на кружок, относительно окружностей, на нем прочерченных, и относительных величин самолета, соответствующих тем совмещением кружка с самолетом, при котором можно рассчитывать упредить его пулей.

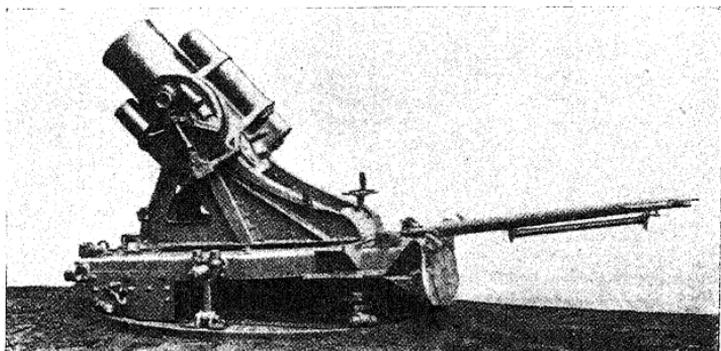

Рис. 4.

К рис. 4—5. На photographиях изображены германские тяжелый и легкий минометы. Тяжелый миномет представляет собой очень короткое орудие, установленное на прочном клепанном небольшом лафете и солидном основании. Легкий миномет,

Рис. 5.

наоборот, имеет примитивное устройство, но за то вес его весьма велик. Минометы бросают мины под очень большими углами к горизонту, что дает возможность ставить их весьма укрыто от противника и стрелять из-за закрытия, если бы даже миномет был расположен к нему весьма близко (из рва окопа).

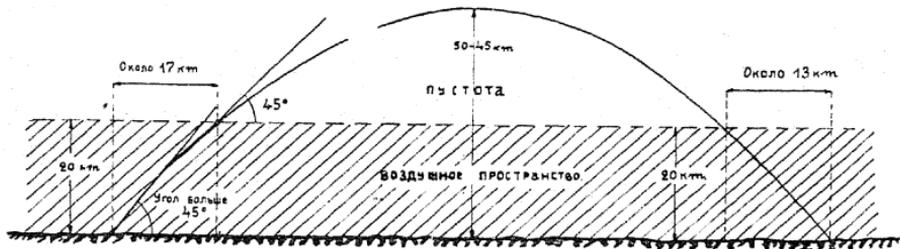

Рис. 6. Чертеж траектории.

К рис. 6—14. Орудие сверх-дальней стрельбы было осуществлено германцами, опираясь на то свойство слоя земной атмосферы, что плотность ее, а вместе с ней и сопротивление движению снаряда, по мере подъема вверх, сравнительно быстро убывает и на высоте 20 километров над уровнем моря столь невелика, что практически может считаться близкой к нулю. Вследствие этого, на столь большой высоте любой снаряд будет двигаться, почти не утрачивая своей поступательной скорости. Из формулы внешней баллистики, связывающей дальность X , начальную скорость снаряда V_0 и угол возвышения φ

$$X = \frac{V_0^2}{g} \sin 2\varphi$$

легко определить, что дальность получится наибольшей при угле возвышения в 45° , при чем, если желательно, чтобы она была равна 100 километрам, необходимо, чтобы начальная скорость V_0 была около 1000 метр.: сек. Таким образом, задача сверх-дальней стрельбы сводится к тому, чтобы выбросить снаряд под углом в 45° с этой скоростью, на высоте 20 километров (рис. 6). Очевидно, что на земле скорость

снаряда должна быть больше 1000 м.: сек., так как при проникании через плотные слои атмосферы часть ее будет утрачена. Вместе с тем и угол возвышения должен быть несколько больше 45° , а именно, как показывает вычисление, около 55° . В германской пушке начальная скорость снаряда достигла 1500—1600 метр.: сек.,

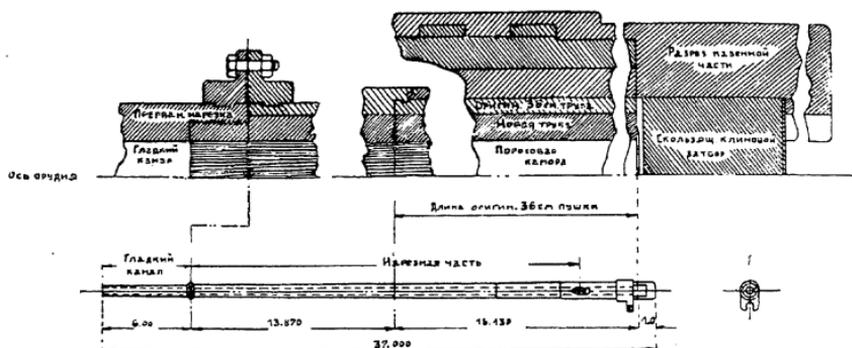

Рис. 7. Разрез и общий вид тела орудия.

каковая величина почти вдвое превышает величину наибольших начальных скоростей, применявшихся в наиболее дальнобойных орудиях. Столь большой начальной скорости германцы достигли применением весьма большого заряда и небывалой длиной орудия—в 180 калибров (рис. 7). Для изготовления последнего было использовано 38 санд.

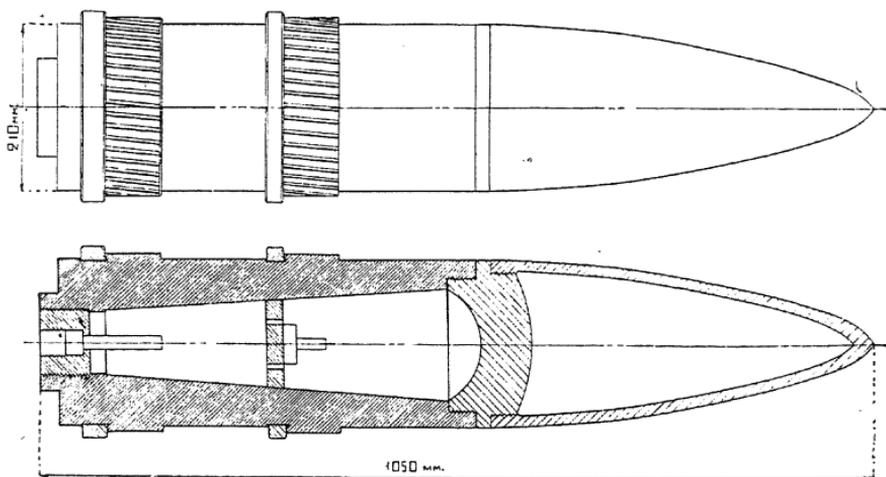

Рис. 8. Чертеж снаряда.

морское орудие, внутренность которого была рассверлена и в него была вставлена труба меньшего диаметра, вновь нарезанная для снаряда калибром в 21 сант. К нарезному стволу присоединялась еще гладкостенная часть в 6 метров длины. Общая длина орудия получилась в 37 метров. Стальной снаряд (рис. 8), снабженный

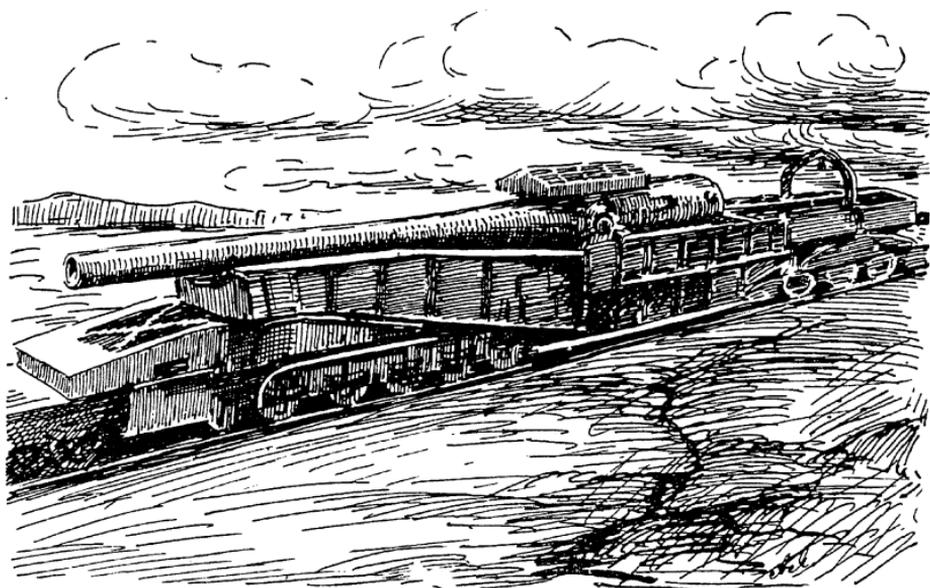

Рис. 9. Перевозка орудия.

в головной части полым баллистическим наконечником, назначаемым для лучшего проникания снаряда в воздухе, имел две ударных трубки, из которых одна была винчена в дно, а другая в поперечную перегородку внутри снаряда; это обеспечивало вполне разрыв снаряда при падении. Для сообщения вращения снаряд имел два пояска, составлявшие с ним одно целое, с готовыми выступами; а для предотвращения прорыва газов за каждым из этих стальных поясков того помещался поясок из красной меди, врезавшийся в нарезы при выстреле. Перевозилось орудие на специальном транспортёре по железной дороге, часть которого представляла собой лафет (рис. 9). Эта часть устанавливалась на специальную установку, на бетонном основании (рис. 10 и 11). Данные для установки орудия в требуемое положение при стрельбе находились вычисленным, при чем приходилось не только тщательно сортировать снаряды по их весу, положению центра тяжести, принимать во внимание давление барометра, температуру, влажность воздуха, направление и силу ветра в различных слоях атмосферы в день стрельбы, но учитывать также кривизну земли и ее вращение около оси. Если принять во внимание, что, несмотря на принятые меры, начальные скорости различных снарядов все-таки колебались в пределах 100 метров в секунду, то точность указанных определений надо признать очень высокой, так как из 303 выпущенных по Парижу снарядов за 44 дня бомбардировки 183 попали внутрь обвода его стен (рис. 12, 13 и 14). После каждых 50 выстрелов стенки канала орудия получали сильные выгоры, и стрельба становилась мало меткой. Орудие отправлялось на завод, вновь рассверливалось на 2 сантиметра и нарезалось, почему стрельба производилась сначала 21-сант. снарядами, затем 23-сант. и, наконец, 25-сант. Стрельба из подобного рода орудий может иметь ценность только при действии по целям крупного размера и большого политического (или стратегического) значения, каковым в данном случае являлся Париж. По целям небольшим стрелять из таких орудий нецелесообразно, так как нет никакой возможности рассчитывать достигнуть большей точности попадания при столь значительных дистанциях. Вес тела орудия достигал 144.000 клгр.; за все время стрельбы было убито 256 и ранено 620 человек.

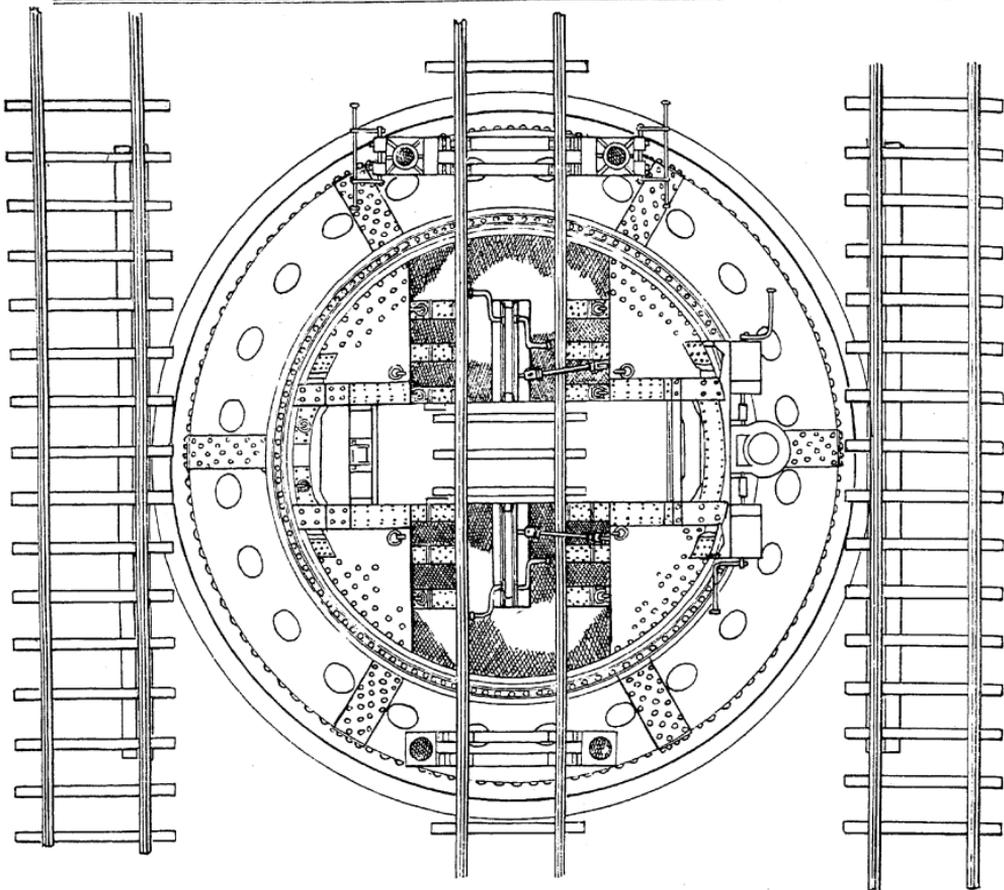

Рис. 10.

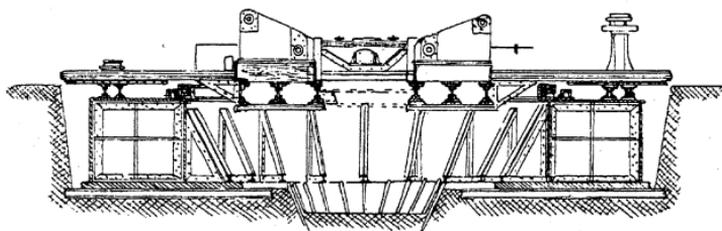
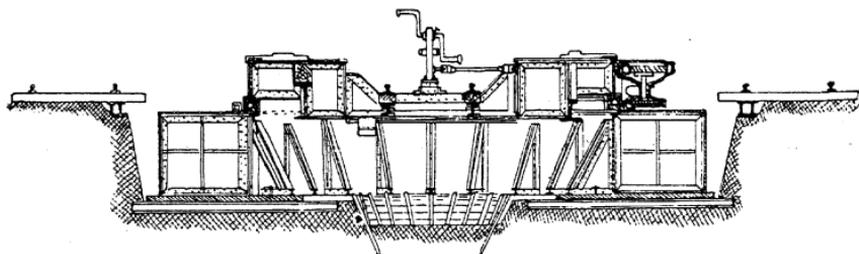
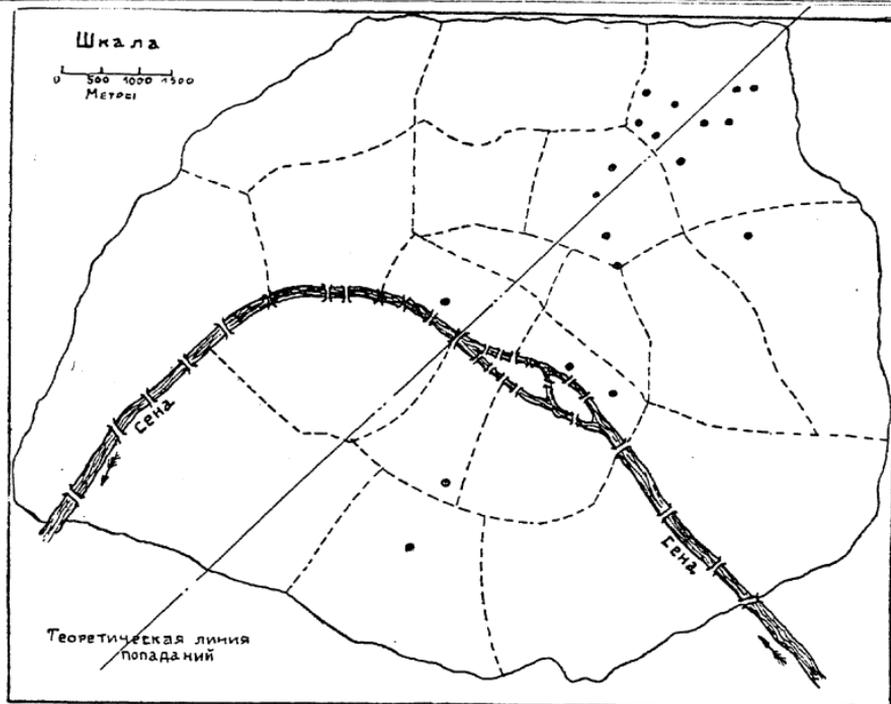

Рис. 11.

12—14. План Парижа с попаданиями снарядов. Рис. 12. В 1-й день.

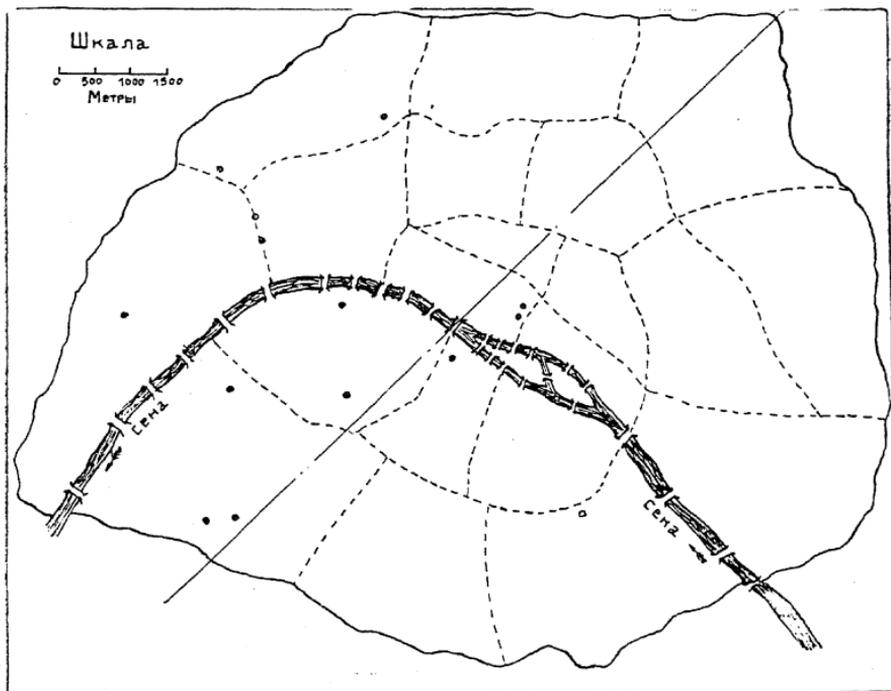
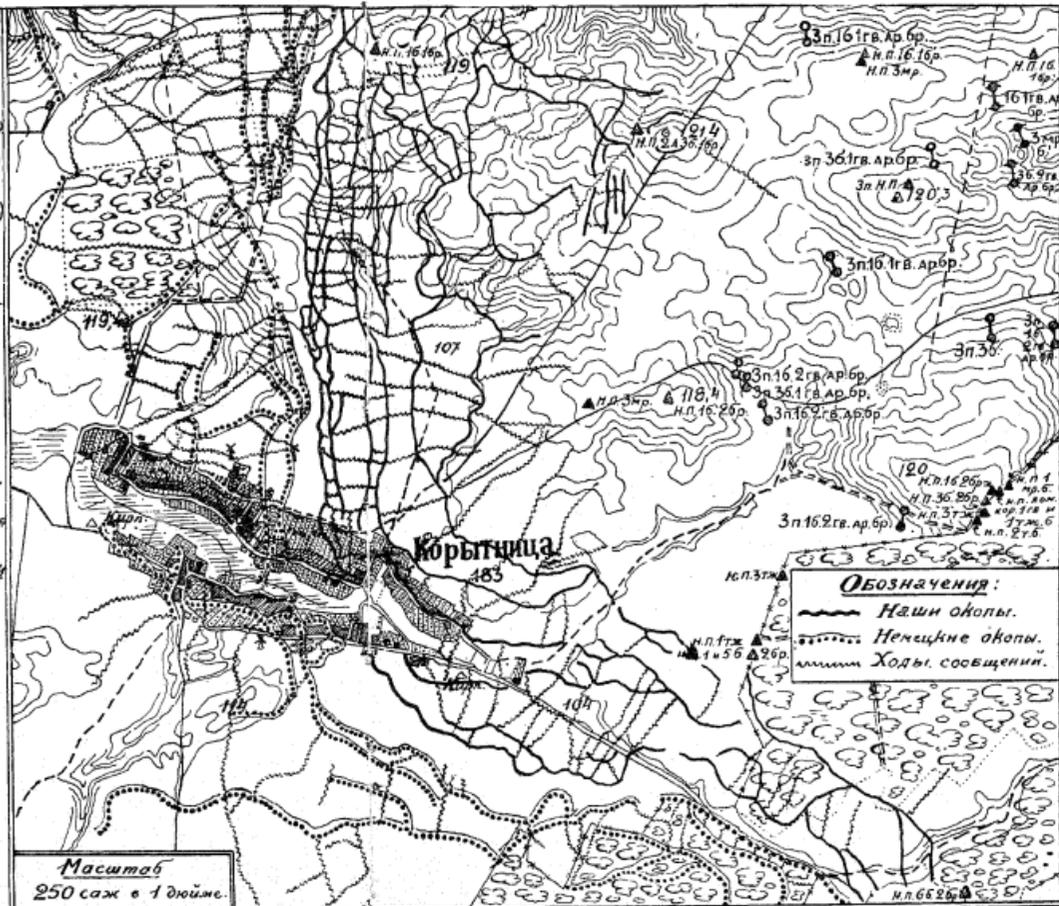

Рис. 13. В последний день.

Условные обозначения:

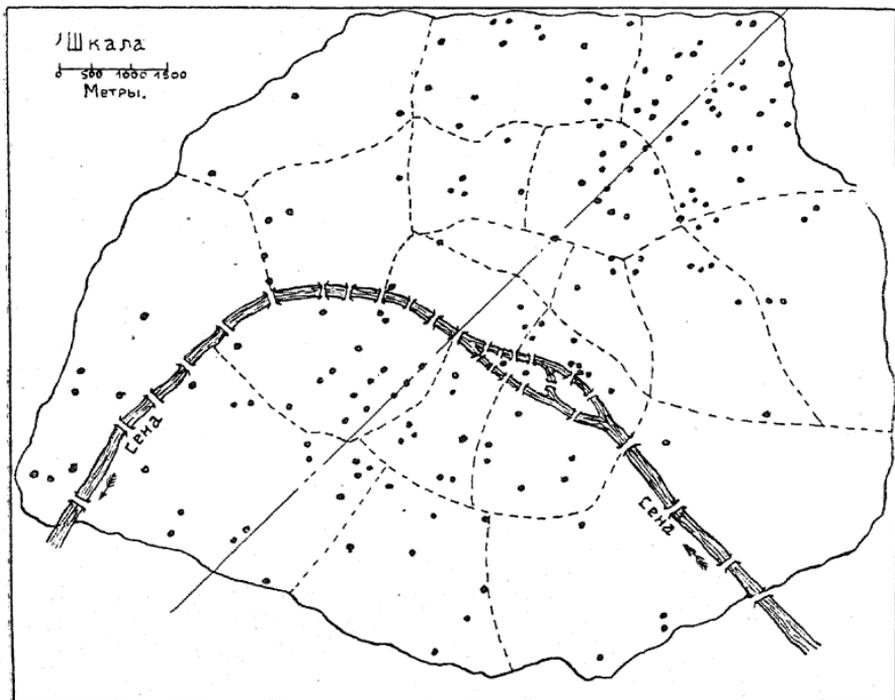
- 1) ☐ - Легкая батарея (дейст.)
- 2) ○ - Тоже - (запасная)
- 3) ⬛ - Тяж. морт. бат. (дейст.)
- 4) ● - Тоже - (запасная)
- 5) ▲ - Наблюд. пункт легкой батареи.
- 6) ▲ - Тоже - тяжелой.
- 7) ~ - Окопы наши.
- 8) - - - - - немецкие.
- 9) ||||| - Ходы сообщения.
- 10) ☁ - Лес существующий.
- 11) ===== - вновь проложенная дорога.

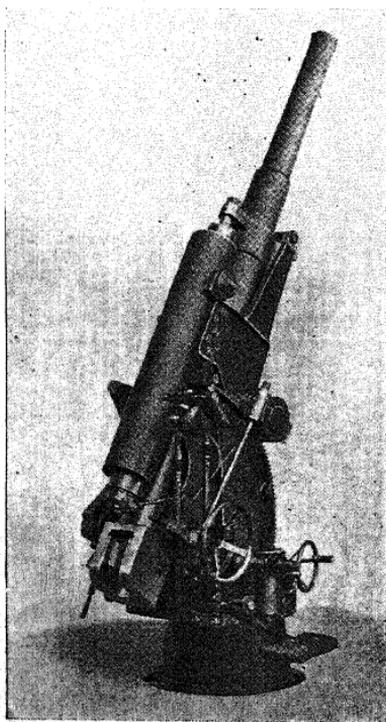
Масштаб
250 саж в 1 дюйме.

Обозначения:
 ~~~~~ Наши окопы.
 - - - - - Немецкие окопы.
 ||||| Ходы сообщений.

Рис 19. Небольшой участок фронта укрепленной полосы, на котором виден лабиринт наших и германских окопов.

Рис. 14. Места разрывов 183 снарядов, упавших внутри обвода стен за 44 дня бомбардировки.

Рис. 15.

К рис. 15. Один из многочисленных типов орудия для стрельбы по воздушным целям. Калибр 75 милл. Орудие укреплено на тумбе, вокруг которой может вращаться. Откат поглощается компрессором, видимым на фотографии сверху тела орудия. Угол возвышения придается по зубчатой дуге помощью специального маховичка; другой назначается для вращения орудия на тумбе вместе с наводчиком. Наводка производится по оптической трубке, сломанной так, что наводчик, глядя в окуляр сбоку, видит в трубке цель летящую в воздухе. Подобного рода орудия укреплялись на платформах автомобилей, с которых непосредственно и производилась стрельба.

К рис. 16. На фотографии изображены простейшие типы оконных перископов (эпископов): посредине перископ с верхним открытым зеркалом, выступающим из-забруствера, укрепленным на двух стержнях, скрепленных с нижним ящиком, в котором помещено второе зеркало, видимое внизу фотографии прибора. Правая фотография изображает перископ такого же типа, в котором оба зеркала заключены в ящик. Наконец, слева изображен перископ более совершенного образца, в котором в нижней части ящика, против нижнего зеркала, помещенного внутри, укреплены две трубки Галилея, составляющие обыкновенный бинокль: этим достигается непосредственное увеличение изображения, видимого в зеркале.

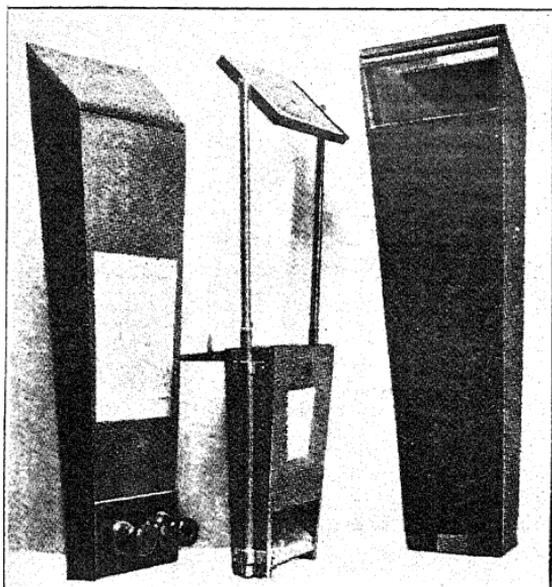

Рис. 16.

К рис. 17. Германский полевой перископ, дающий возможность наблюдать через закрытия высоту до 15 метров. На фотографии изображено его положение для работы. Сбоку показана схема внутреннего устройства и сочетания призм и стекол. Для перевозки полая мачта, состоящая из нескольких колец трубчатого сечения, разбирается и укладывается на двуколку, которая в то же время служит основанием для установки перископа при работе. Из схемы видно, что, поворачивая постепенно верхнюю подвижную часть мачты (трубы), можно в окуляре получать изображения всех точек горизонта, окружающего место расположения перископа.

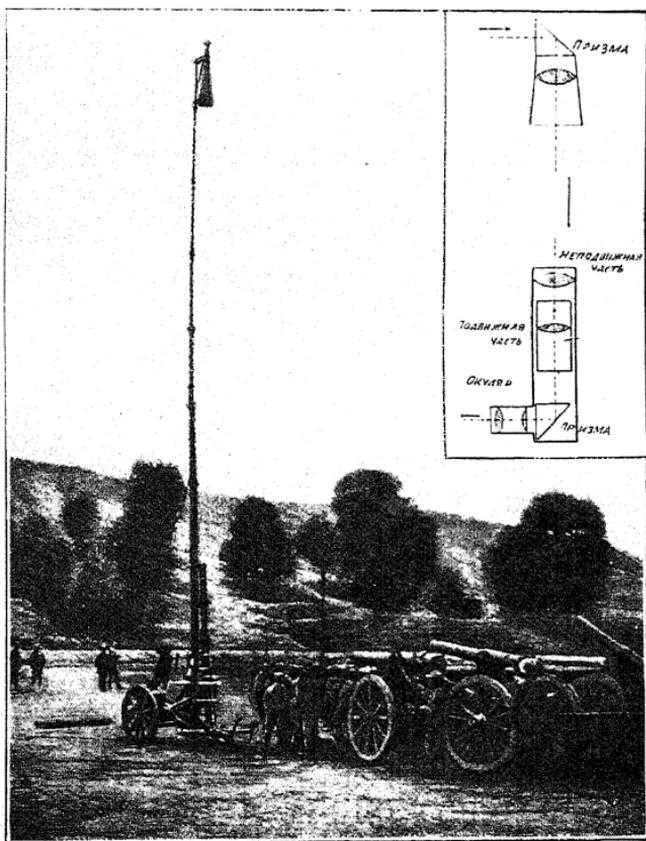

Рис. 17.

К рис. 18. Для подводных лодок, которым в момент появления их на поверхность воды, да и во время дальнейшего их пребывания в полупогруженном положении, когда на поверхность моря выглядывает только верхняя часть перископа, крайне необходимо видеть одновременно всю окружающую панораму. В виду этого конструкция перископа еще сложнее. Разработанные типы дают решение указанной выше задачи, для чего верхняя часть перископа снабжается кольцом из оптического стекла, наружная и внутренняя поверхности которого сопоставлены так и отшлифованы при соблюдении такой их кривизны, что все лучи, идущие от всех точек окружающего горизонта, отражаясь от поверхностей кольца, направляются вниз по

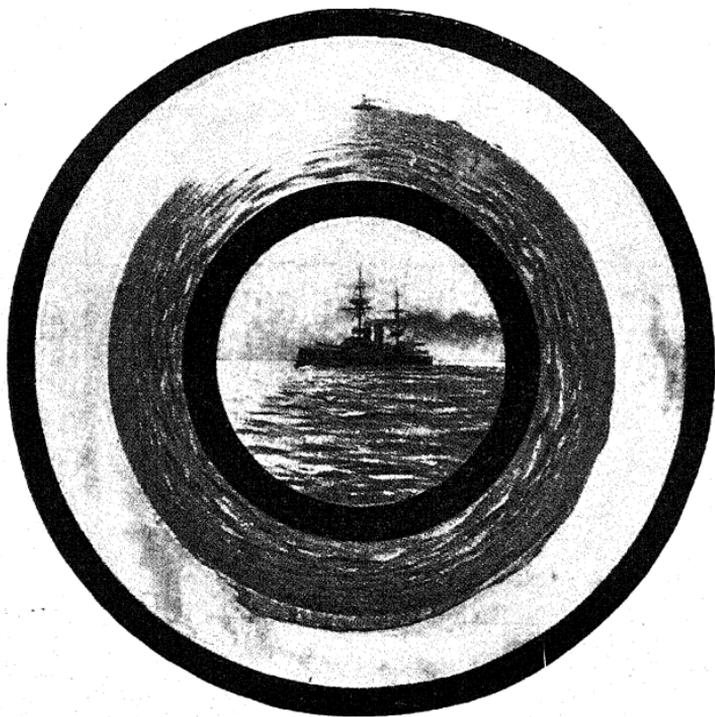

Рис. 18.

трубе перископа и дают действительное изображение всего горизонта. Внизу, путем оптических призм и стекол, эти лучи поворачиваются к наблюдателю и дают кольцевое изображение всей окружающей панорамы, почему такого рода перископы и называются „панорамическими“. Такого рода конструкция дает изображение всей панорамы в слишком мелком виде, поэтому, для лучшего наблюдения за желаемым участком панорамы, кроме того устанавливается система призм и стекол, дающая увеличенное изображение этого участка панорамы. Эта система может быть направлена для обозрения любого участка. Фотография изображает то, что наблюдатель подводной лодки видит в окуляре: кольцевое изображение всей окружающей панорамы, а в центре — увеличенное изображение небольшого участка ее, на который направлена увеличивающая часть перископа.

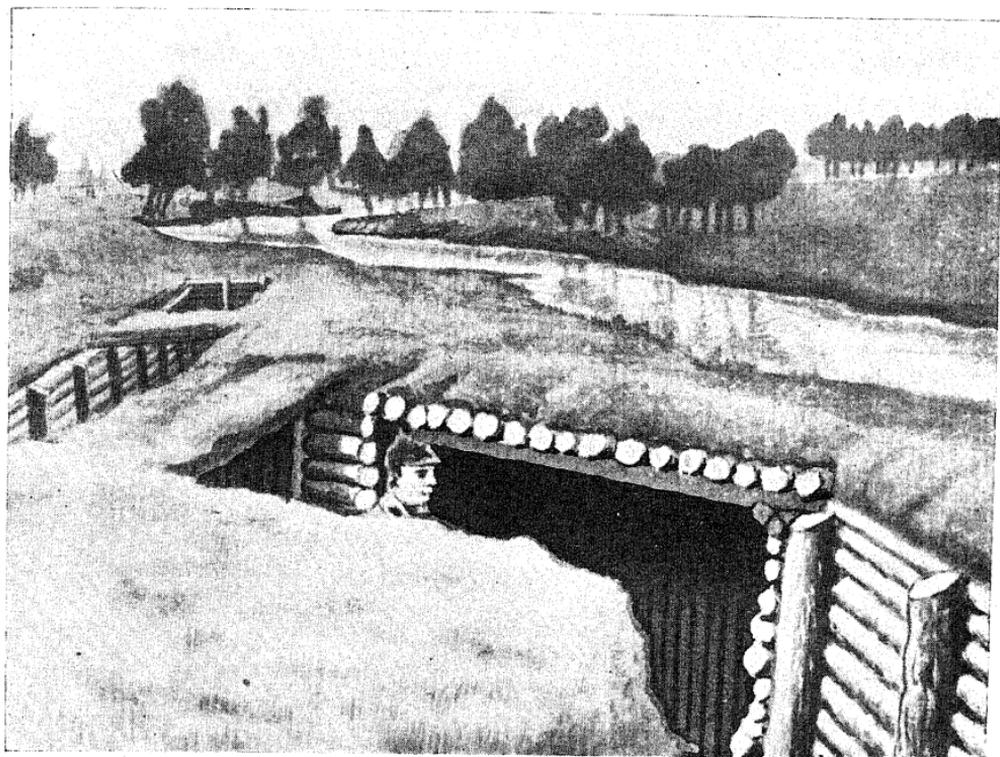
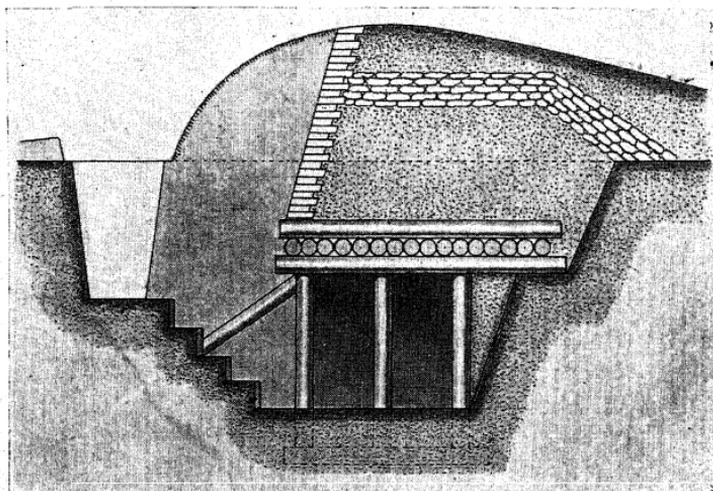

Рис. 20. ?

К рис. 20. Небольшой участок окопов, одетых деревом, с козырьком для прикрытия от пуль шрапнели, с переходным мостином (настилом).

К рис. 22. Разрез убежища, предохраняющего от действия снарядов больших калибров (6 дюймов), построенного из бревен, с прослойкой из камня в прикрывающей насыпи.

Рис. 22.

Рис. 21.

К рис. 21. Один из простейших видов наблюдательных пунктов.

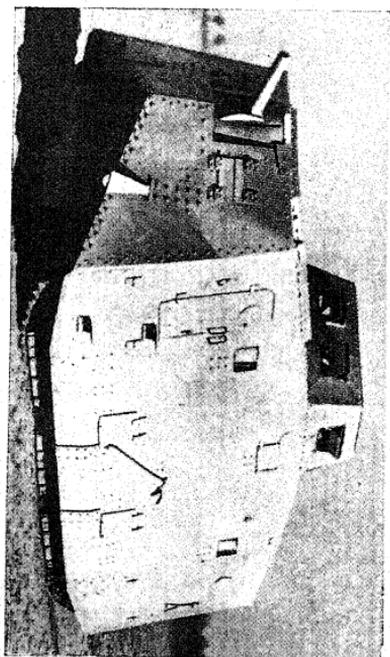

Рис. 23. Германский танк.

Рис. 24. Легкий германский танк (не применявшийся на фронте).

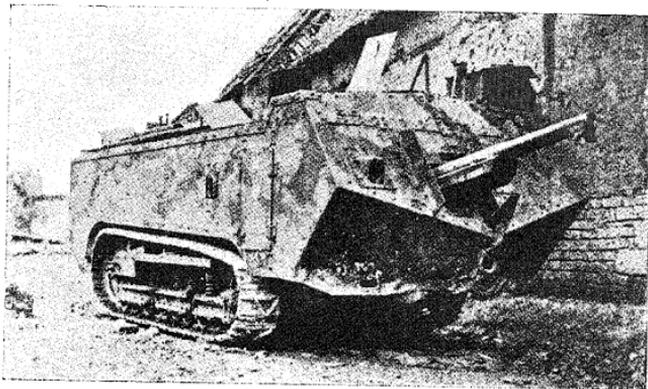

Рис. 25. Французский танк системы С.-Шамон.

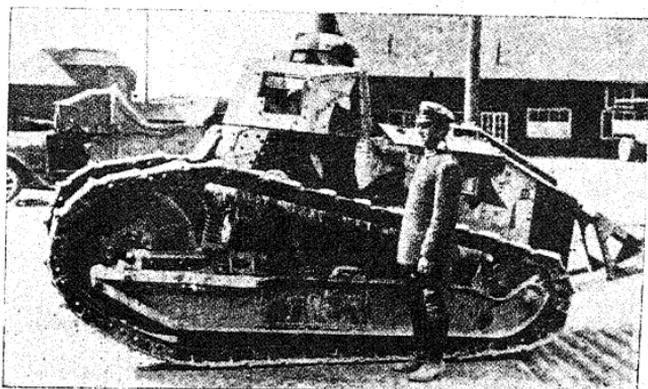

Рис. 25. Французский „Беби“— танк Рено.

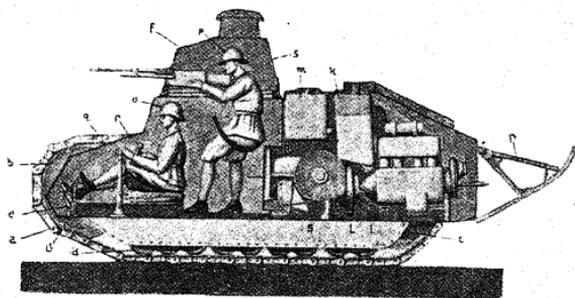

Рис. 27.

К рис. 27.а — цепь, *b* — передний направляющий шкив, *c* — задний направляющий шкив, *d* — тележка для катков, *e* — главный тормоз, *f* — поварачивающаяся башня для пулемета, *g* — тормозное приспособление для управления, *h* — зубчатая передача, *l* — двигатель, *k* — конденсатор (холодильник), *l* — сцепление, *l'* — педаль, действующая на механизм сцепления, *m* — бак для горючего, *n* — приспособление для увеличения длины танка (для опоры при крутых подъемах), *o* — шофер, *p* — пулеметчик, *q* — рычаг управления, *r* — рычаг для включения двигателя, *s* — дверь.

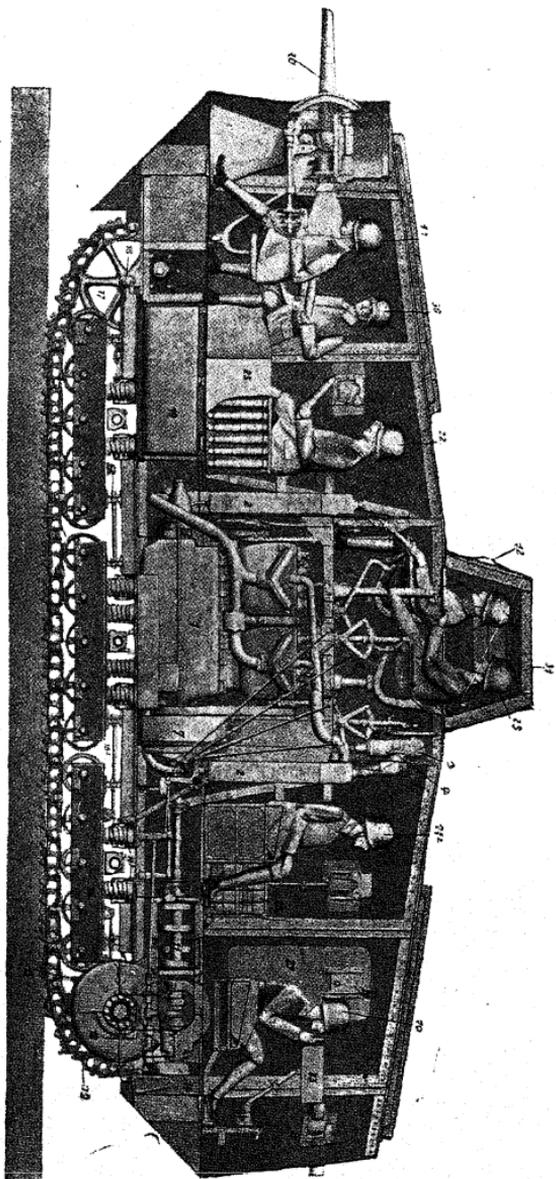

Рис. 28.

К рис. 28. 1—одни из двух двигателей системы Дайжера в 100 лошадиных сил, 2—конденсатор (холодильник), 3—сменивающий насос, 4—ручной пусковой механизм, 5—колонка для управления, 6—педаль для сцепления, 7—сцепление, 8—выключатель, 9—ручной тормоз, 10—рычаг запятой зубчатой передачи, 11—коробка скоростей, 12—дифференциал, 13—ведущее колесо, 14—направляющий тормоз, 15—цель, 16—тежка для катков, 16а—катки, 16б—ресоры для тележек, 17—передний направляющий шкив, 18—механизм для натяжения цепи, 19 бак для бензина, 20—белыйское колесо, 21—на годиче, 22—орудийный начальник, 23—ящик для патронов, 24—командир танка, 25—шофер, 26—патроны для пулемета, 27—дверь, 28—бойница для стрельбы из карабина, 29—пулеметчик, 30—канопир, 31—командирская башня, 32—наблюдательное отверстие, 33—пулемет.

жения, разрушенные противником; применялись всякого рода двигатели по шоссе и путям, эксплуатировались водные пути. Государства, расположенные вне Европейского континента, должны были использовать огромные средства морского транспорта, находившегося под ударами противника, требовавшего все время пополнения новыми судами, взамен потопленных. Все железнодорожные сети перешли в ведение военного командования; железнодорожная техника, техника всякого рода сухопутных и водных сообщений была вынуждена работать во все время войны с полным напряжением. Особенно широкое развитие получило применение автомобильной тяги, для которой были использованы десятки и даже сотни тысяч всякого рода машин. Война на западном фронте являет нам примеры переброски с одного участка фронта на другой целых десятков дивизий войск, даже с лошадьми, для перевозки которых устраивались специальные повозки. Во время операции под Верденом, огромное автомобильное движение было организовано с необычайной точностью, допускавшей прибытие машин, в течение нескольких суток подряд, через несколько секунд одна после другой. Изнашивание дороги при таком движении было настолько сильное, что для обеспечения исправности пути, одновременно с движением автомобилей, нагруженных необходимыми грузами военного назначения, двигались целые колонны их с материальными для починки пути. Мировая война показала, что этому новому средству сообщения и в будущем предстоит широкое применение.

Огромные современные армии, сброшенные, к тому же, на весьма больших протяжениях, требовали для управления постоянных, надежных и многочисленных средств связи. Проволочный телеграф уже давно применялся для этой цели, почему армии вступили в мировую войну, имея в своем составе специальные телеграфные войсковые части. Все сколько-нибудь крупные войсковые соединения, до полков включительно, непременно

связывались телеграфом. Применялись всякого рода аппараты, начиная от простейшего аппарата Морзе, передающего телеграмму помощью точек и тире, и кончая буквопечатными аппаратами всяких систем, которые устанавливались между штабами более крупных соединений. Телеграфные органы штабов армий и фронтов, имевшие связь со всеми подчиненными им частями, имели зачастую состав, представлявший собой крупную телеграфную контору. Для передачи использовывались готовые провода обыкновенного гражданского телеграфа и телеграфными частями прокладывались новые, на шестах, помощью кабеля и проводника различного рода. Все телеграфные средства военного телеграфа приспособлялись для весьма быстрой их прокладки. На коротких расстояниях в некоторых армиях действовал земной телеграф без проводников. Телефон, имевший до мировой войны сравнительно не столь большое применение, за исключением разве русской армии, в которой его применение было несколько шире на основании опыта Русско-Японской войны, стал необходимой принадлежностью всякой, хотя бы маленькой, войсковой части. Не только для управления ее подразделениями, для связи с тыловыми частями и учреждениями, но и для командования без телефона невозможно было обойтись. В особенности широкое применение получил он в артиллерии, которая обычно располагалась на закрытых позициях, с командным и наблюдательским составом, удаленным от батарей на сотни сажен, который поэтому не мог управлять огнем орудий иначе, как при посредстве телефона. Конечно, во время позиционного периода войны, когда имелась возможность и время для прокладки многочисленных линий, и укрытие их от разрушения выстрелами проводкою в земле, а многообразная связь стала столь необходимой, телефонное сообщение развилось необычайно. Применялись телефонные аппараты различных типов, специально выработанных для военных целей. Для большей надежности между стан-

пиями проводились двойные и даже многократные линии, почему расположение всякого войскового соединения опутывалось ими, как паутиной. В большинстве случаев, применялся одиночный провод, так как в качестве другого пользовались землей. Это давало возможность помощью специально устроенных аппаратов производить подслушивание телефонных разговоров противника, если они производились в незначительном расстоянии (километр $1\frac{1}{2}$). Для службы подслушивания были организованы специальные команды и порядок службы. Против этого принимались различные меры в том числе и технические, например в виде проводки двух проводников с выключением земли.

К этого же рода приборам можно отнести всевозможные звукометрические аппараты и станции, назначаемые для определения места расположения укрытых батарей противника по звуку их выстрелов, или напривления полета и расстояния до приближающегося неприятельского самолета или дирижабля. Последнего рода аппараты играли большую роль в деле обнаружения ночных полетов, когда зрительное наблюдение бездействовало.

Радио-телеграф, получивший начало своего применения еще во время Русско-Японской войны, также служил постоянной связью между войсковыми соединениями, в особенности в тех случаях, когда никакие другие средства связи не могли быть осуществлены. В большинстве армий им снабжались не только штабы корпусов, но и дивизий. Применялись станции различной мощности и дальности действия, в зависимости от размеров войскового соединения и вероятного размера района его сношений: постоянные, перевозимые, вьючные, переносные. Радио-телеграф весьма успешно связывал аэропланы и морской флот с сушей. Помимо сношений со своими, приемные станции улавливали отравленные станции противника, что служило целям разведки. Подбирая соответствующую длину волны, соответствующую аппаратам противника удавалось мешать его переговорам. Радио-

техника постоянно совершенствовалась, борясь с этими недостатками радио-телеграфа. Под конец войны появились сведения об удачном разрешении вопроса о радио-телефоне.

Кроме электр. средств связи, войска пользовались средствами световыми, основанными на отражении луча солнца, миганием которого можно было воспроизводить азбуку Морзе (гелиографы); в ночное время для той же цели пользовались искусственными источниками света. В ограниченном размере применялась сигнализация невидимыми лучами спектра — инфракрасными (тепловыми), действовавшими на фосфоресцирующий экран или на телефон, и ультра-фиолетовыми. Для подачи звуковых сигналов применялись специальные аппараты с жидкой углекислотой, которая, испаряясь, воспроизводила звуки из труб прибора. При нарушении всяких средств связи, например, во время штурма, передовые части, проникшие в расположение противника, подавали сигналы цветными ракетами или звездами. Для тревожных сигналов пользовались всякого рода кострами, факелами и пр. В широкой мере применялась связь ординарцами, посыльными, велосипедистами, мотоциклистами, почтовыми голубями с постоянными и подвижными станциями, собаками.

Крупным порождением мировой войны представляется **военно-химическое дело**, не только приковавшее сразу всеобщее внимание, но быстро завоевавшее столь серьезное значение, что многие склонны приписать ему такую же большую ценность, как и изобретение пороха. История передает, что первая мысль об отравлении противника была предложена английским лордом Дендональдом, во время Крымской кампании, который, в поданном им проекте воздействия на защитников Севастополя, предлагал использовать продукты сжигания серы. Повидимому, мысль эта все-таки не пропадала окончательно, так как постановлением Гаагской конференции в 1899 году было решено не применять удушающих и ядовитых средств. Общественное мнение приписывает нарушение этого по-

становления Германии, так как именно с ее стороны газовые средства были впервые применены в крупном размере в апреле 1915 года. Немецкие писатели, наоборот, утверждают, что первые попытки применения снарядов с химическими веществами были произведены с французской стороны, подтверждая свои положения тем, что впоследствии союзники столь быстро освоились с новыми средствами борьбы, с защитой от них и с применением их для активных целей, что это могло иметь место только при заблаговременном знакомстве с делом. Вероятнее, что инициатива в применении химических средств для боевых целей принадлежит Германии, так как они обладают мощным свойством поражения живого противника в местах, недоступных действию самых могучих снарядов; а, между тем, с переходом к позиционной войне, для Германии не оставалось никакой надежды ослабить противников, укрытых окопами, помощью обыкновенных снарядов. Кроме того, Германия вообще ощущала весьма большое затруднение в снабжении армии обыкновенными средствами поражения, а ее богато развитая химическая промышленность открывала широкие возможности в использовании для целей войны нового боевого средства. Во всяком случае, широкая эволюция военно-химического дела за время короткого периода мировой войны с достаточной убедительностью говорит о его новизне и большом значении.

Первоначально, для активных целей начал применяться обыкновенный хлор, добывание которого для целей промышленности существовало и в мирное время. Его природные свойства — способность сгущения в жидкость при небольшом давлении и нормальной температуре, большой удельный вес по сравнению с атмосферным воздухом — делали его весьма удобным для применения в боевой обстановке. Он подвозился в передовые линии позиций в баллонах, которые устанавливались втайне от противника, и при попутном слабом ветре тяжелое облако выпускалось для его удушья.

По мере развития средств защиты, хлор заменялся другими газами, как, например, фосгеном (соединение окиси углерода с хлором), обладающим чрезвычайно ядовитыми свойствами. Большая зависимость атаки газовым облаком от общих и местных метеорологических условий, рельефа местности, очертания фронта и возможности собственного отравления при внезапном изменении направления ветра, вскоре побудили применять газы, а впоследствии и другие отравляющие вещества, для снаряжения снарядов, которыми можно было образовать отравленный район в пределах досягаемости артиллерийских орудий, в любом месте, в гораздо меньшей зависимости от состояния погоды. С большими результатами начали снаряжать химическими веществами мины, выбрасывая их в огромном количестве из специально устроенных газометов простейшего устройства, и образуя в желаемых районах расположения противника облака газа весьма густой концентрации. Такими же веществами стали снаряжать ручные гранаты, аэроплатные бомбы. Попутно, чрезвычайно быстро развилось производство и применение различного рода химических веществ, разнообразных по своему составу и воздействию на живой организм. В последнем отношении их можно подразделить на удушающие, ядовитые, слезоточивые (лакриматоры), нарывные (производящие ожоги на коже), чихательные (производящие нестерпимое раздражение оболочек носа и глотки). Кроме сгущенных газов и жидкостей, распыляемых при взрыве снаряда или при выпуске из баллонов, стали применяться твердые вещества, обрабатываемые в мельчайшую пыль при разрыве снаряда и образующие облака ядовитого тумана. Неядовитые дымы и туманы нашли себе применение в артиллерийских снарядах, пашках, ручных гранатах, дымовых свечах, с целью прикрытия действия своих войск и для введения противника в заблуждение относительно применения ядовитых дымов и газов. Сильно горючие вещества стали применяться в зажигательных гранатах

или в виде горячей струи, в **пламе-
метах (огнеметах)**. По своим тактиче-
ским свойствам эти разнородные ве-
щества могли быть подразделены на
активные, служившие для целей напа-
дения, и пассивные, назначаемые для
предотвращения действий противника.
Попутно с развитием средств нападе-
ния, развивались и средства защиты:
индивидуальной — в виде всевозмож-
ных типов масок для людей, дававших
возможность дышать в отравленной
атмосфере, и для животных, несших
боевую службу (лошадей, собак), за-
щитной одежды, и коллективных — в
виде газобезопасных, всевозможных
средств для предупреждения о появле-
нии газа, ликвидации его действия в
отравленном районе.

Едва ли в какой-либо другой области
военного дела наука и техника оказа-
ли столь интенсивную помощь, как в
деле военно-химическом. Приходилось
начинать дело с научных теорий и
опытов, перебирая десятки и сотни
всевозможного рода химических соеди-
нений, искать вначале научные пути
их образования, всесторонне исследо-
вать их свойства и пригодность для
военных целей, затем разрабатывать и
организовывать способы валового за-
водского производства, для получения
избранного вещества в количестве де-
сятков и даже сотен тысяч тонн. По-
путно приходилось вырабатывать и
новые меры защиты на случай, если
новое вещество будет использовано и
противником. Организовывался целый
ряд научных и опытных лабораторий,
станций, полигонов, строилось много
мощных заводов, приспособлялись к
производству новых химических ве-
ществ существующие заводы химиче-
ской промышленности. Сосредоточив-
шись преимущественно в снаряжении
артиллерийских снарядов, к концу ми-
ровой войны военно-химическое дело
получило необычайно широкое разви-
тие: ежемесячно изготовлялись мил-
лионы химических снарядов; в отдель-
ных боях расход их превышал сотни
тысяч. Начавшись во время мировой
войны, военно-химическое дело, несмо-
тря на столь широкое развитие, далеко
не сказало своего последнего слова,

и, нет сомнения, что, несмотря ни на
какие договоры мирного времени, оно
не сойдет больше с полей сражения
ни на суше, ни на море, ни в воздухе.
Этому, пожалуй, немало будет способ-
ствовать и то обстоятельство, что, су-
дя по некоторым данным, при всех
ужасных сторонах своего воздействия,
химические вещества оказываются, как
будто, более гуманными по послед-
ствиям, наносимым живым органи-
змам, в особенности по количеству
смертельных исходов, при условии
применения надлежащих, развиваю-
щихся параллельно с ними, средств
защиты.

Применение газов, действие которых
во многом зависит от состояния пого-
ды, стремление учесть состояние ат-
мосферы для нужд артиллерийской
стрельбы, полетов воздушных аппара-
тов, да и вообще предсказание пого-
ды, в связи с соображениями о пред-
полагавшихся операциях, повлекли за
собой необходимость в солидной помо-
щи **метеорологии**, в виде организован-
ной постоянной военно-метеорологи-
ческой службы. В особенности требова-
ния газозащиты и газонападения, находя-
щиеся в сильной зависимости от мест-
ных метеорологических условий, за-
ставили организовать органы метеоро-
логического наблюдения во всех вой-
сковых частях. В поисках возможной
внезапности поражения и экономии
снарядов, артиллерия начала стре-
миться обходиться без прицелки,
принимая все меры к заблаговремен-
ному определению всех условий, ока-
зывавших влияние на изменение даль-
ности и направления стрельбы, в чи-
сле которых особенно существенными
представлялись плотность воздуха и
направление и сила ветра, но при том
не только близ земли, но и в высоких
слоях атмосферы. Теми же данными
была заинтересована авиация. Для
исследований атмосферы в высших
слоях были организованы солидные
метеорологические станции, произво-
дившие регулярные наблюдения в те-
чение суток, сообщаемые постоянно
войскам. Для исследований применя-
лись обычные приборы, в виде проб-
ных шаров, шаров-зондов и другие;

но, кроме того, пришлось разработать не мало новых, приспособленных специально для военных целей, например, для определения, так называемого, баллистического ветра, сила и направление которого определялись, как некоторые средние, из силы и направления его на различной высоте от земли. Работа этих станций совместно с общей гражданской метеорологической сетью давала данные для предсказания погоды.

Большая действительность артиллерийского, пулеметного и ружейного огня, улучшение средств и способов наблюдения и необходимость возможно большего проведения принципа неожиданности действий послужили к большому развитию **военной маскировки**. Помимо того, что, как и прежде, она осталась постоянным спутником всякого боевого действия, как крупных войсковых соединений, так и мелких, до отдельных бойцов включительно, стало необходимым выделить ее, кроме того, в особую специальность, выполняемую войсковыми маскировочными частями. На обязанности последних лежало, отчасти, инструктирование остальных войск в деле коллективных приемов маскировки, а отчасти — выполнение самостоятельных работ, имевших целью маскирование расположения путей сообщения или действий войсковых соединений из разных родов войск. В течение войны развился обширный отдел технической маскировки, распадавшийся на маскировку изобразительно-строительную (краско-маскировка, камуфляж, полевая декорация, скульпто-маскировка), растительную, пиро-химическую (звуковая) и военный грим. Для выполнения технических задач этого рода понадобилось содействие научных исследований над цветом и видимостью различных цветов, в которые окрашены естественные предметы или искусственные маски; опыт различного рода специалистов по живописи и скульптуре; помощь строительного искусства и садоводов для возведения всякого рода декораций, укрытий, различного рода масок, достигавших такого совершенства, что удавалось скрывать не толь-

ко от наземного, но и от воздушного наблюдения целые дивизии и крупные узлы железных дорог в периоды самой кипучей их деятельности по перевозке войск.

Всякого рода **строительная техника** имела большое применение по устройству тыловых и этапных учреждений, по заготовлению для их постройки различных материалов, выполнению самой постройки, водоснабжению, освещению и проч.

В **войне на море** техника имеет слишком очевидное значение, в сравнении с деятельностью и личностью человека. Не только на современных колоссах-броненосцах, но и на более мелких судах, за исключением старшего командного состава, остающегося в роли руководителей, весь остальной экипаж выполняет роль обслуживающей механизмы прислуги. Основные свойства всякого военного корабля — плавучесть, устойчивость, непотопляемость, скорость хода, защита, активные боевые средства, в виде артиллерии и минного вооружения — все решаются техническими соображениями и механизмами, которые или вовсе не находятся в пределах воли человека после их осуществления или же зависят от нее только в той мере, в какой вообще зависит действие всякой машины от обученности, внимания и искусства обращения с нею. Даже стрельба, и та в современной стадии ее развития во флоте централизована, механизирована и этим путем почти всецело передана в руки одного руководителя, так что людям, обслуживающим орудия, приходится только слепо выполнять указания стрелок автоматически действующих механизмов.

Основные боевые задачи военного флота и характер его боевых столкновений с противником также налагают особый отпечаток на техническую сторону создания и развития его единиц. Сохраняя пассивность, флот может составлять постоянную угрозу для противника, воздействуя постоянно на его морские пути и тем постепенно подрывая силы всего государства; или же, наоборот, он может искать встречи с противником и боем достигнуть

полного обладания над морем. Если в первом случае относительная численность и совершенство боевых единиц флота, до некоторой степени, могут быть отнесены на второй план, то в случае морского боя они, несомненно, играют решающую роль. Всякий флот всегда должен рассчитывать на возможную неизбежность открытой встречи с противником, и потому военные флоты всех крупных государств всегда строятся с расчетом на такую встречу. Морские бои, даже такие крупные, как беспримерный Ютландский (в Скагерке), весьма кратковременны и неизбежно приводят к решительному результату, если не в отношении количества материальных потерь, то, во всяком случае, к моральной победе, после которой противник утрачивает свою боеспособность в открытом море: после боя в Скагерке блестяще выдержавший его германский флот, несмотря на относительно незначительные потери, признал себя побежденным и отказался от дальнейших попыток открытого состязания с противником. Подготовка же к бою, т.е. постройка судов, выполняющих столь короткую боевую службу, весьма длительна и для больших судов исчисляется годами. Если к этому добавить, что при современном развитии техники выстроенные суда быстро устаревают, что устаревшие суда не поддаются сколько-нибудь существенным улучшениям, и что в то же время использование судов устаревших типов в составе эскадр более современных не только не приносит пользы, но может быть даже губительно — то станет еще более понятным, насколько численность и техническая современность единиц боевого флота имеет большое значение. Совершенствование военного флота ведется этакими, рядом планомерных судостроительных программ, соображенных, прежде всего, с техническими достижениями и промышленными и экономическими возможностями. Раз принятая к исполнению судостроительная программа, по крайней мере в области крупного судостроения, не поддается сколько-нибудь существенному видоизменению.

Из сказанного ясно, что возникшая мировая война в области морской техники прежде всего могла только побудить к спешному продолжению начатого в мирное время судостроения и к дальнейшему увеличению числа боевых судов, не отличающихся существенно от прежнего типа. Только в области мелкого судостроения могли сказаться те или иные условия сложившейся стратегической обстановки. Несомненно также, что в деталях осуществления больших судов, и в более крупном размахе для мелких, могли быть приняты позднейшие достижения техники. Даже боевой опыт морских сражений не может оказать быстрого влияния на изменение техники, так как его результаты могут быть всесторонне оценены и проведены в жизнь только после длительного всестороннего изучения и разработки новых технических решений.

Обращаясь к подробностям технических сторон военного флота, прежде всего, приходится отметить, что все государства лихорадочно продолжали свое судостроение, пополняя ряды все новыми и новыми крупными судами. Годами, и даже, пожалуй, десятилетиями, продуманные и проведенные в жизнь проблемы военного судостроения получили решительную проверку в Ютландском бою. Наиболее трудная из них — наимыгоднейшее сочетание между вооружением, защитой и скоростью корабля, ограничиваемыми в совокупности заданным водоизмещением — была характерно освещена. В то время, как германский флот, считаясь с обычно туманными горизонтами Северного моря, где могла ожидать вероятная встреча с противником, предпринял бой на сравнительно меньших дистанциях и потому заботился не столько о мощности вооружения и скорости хода, сколько о защите, флот английский превосходил его в силе и дальности огня и в скорости, уступая в защите. В действительности, суда германского флота оказались изумительно стойкими против действий снарядов и мин, в то время, как английские иногда гибли катастрофически. Тем не менее, германское командование флотом признало,

что «большие боевые суда должны развиваться далее путем увеличения калибра орудий, повышения скоростей и усовершенствования защиты», подчеркивая тем, что, несмотря на результаты блестящего испытания технических идей, лежавших в основании устройства германского флота, для достижения преимуществ требуется обратить внимание и на вооружение и скорость, оставляя для защиты только усовершенствование. Основной вывод был сделан, но техника была бессильна провести его в жизнь немедленно, и германский флот, не будучи не только уничтожен или разбит, а даже, пожалуй, одержав тактическую победу, отказывается от дальнейшей открытой борьбы. В то же время англичане открыто принуждены были признать несовершенство их судов в отношении защиты и методов и искусства стрельбы.

Разрешением основного вопроса о дальнейшей боевой деятельности флота определялись и остальные стороны морской военной техники. Естественно, что при отказе от открытого столкновения одна сторона не могла придавать главного значения дальнейшему судостроению крупных кораблей и должна была обратить все силы техники на разрешение таких заданий, которые наилучшим образом позволили бы выполнить постоянное воздействие на морские пути противника; другая должна была противодействовать этому воздействию. Как известно, в этом направлении Германия пошла по пути всемерного усиления судов подводного плавания, достигнув в этом новом деле, едва возникшем незадолго до войны, блестящих результатов. Техника устройства подводных лодок к концу войны превзошла знаменитую лодку «Deutschland», совершившую плавание в Америку и обратно. Другие лодки совершали плавание из Северного моря в Константинополь, при чем одна из них сделала переход из Каттаро до Константинополя исключительно под водой. В поисках противодействия этому новому типу морского боевого средства, техника выработала целый ряд активных и пассивных мер, приборов, и средств, которыми достигалось обнару-

жение приближения подводной лодки издали, и выполнялось ее уничтожение.

Помимо постройки и усовершенствования всевозможных судов военного флота, изготовления для них предметов вооружения и боевых припасов, всякого рода аппар., приборов, средств связи и проч. для борьбы на море, технике пришлось еще выполнить широкие задания по пассивной обороне берегов путем минирования прибрежных вод, по постройке специальных судов для выполнения этого минирования и вылавливания неприятельских мин. Так же как и для нужд сухопутной армии, все судостроительные заводы, верфи, доки должны были работать с полным напряжением не только для создания нового, но и для пополнения потерянного.

Огромные потребности армии и флота настолько отвлекли все силы промышленности от нормальных производств предметов первой необходимости, что даже в самых богатых и наилучше обеспеченных странах, через больший или меньший промежуток времени от начала войны, когда первоначально оказавшиеся в наличии запасы стали иссякать, все население начало ощущать недостаток различных **предметов первой необходимости**. Если страны, не стесненные блокадой или вообще затруднениями в пополнении запасов, могли не столь интенсивно реагировать на этот недостаток, ограничиваясь в первое время только повышением заработной платы или материальной поддержкою семейств военнослужащих, ушедших на фронт, то для таких государств, как Германия, которая оказалась почти в полной блокаде, этих мер было недостаточно. Никакими денежными средствами нельзя было приобрести то, чего нехватало; приходилось приложить все усилия к тому, чтобы помимо строжайшего учета и экономии найти выход из создавшегося положения, восполняя недостаток какими-либо косвенными путями. Вот почему деятельность промышленности и техники Германии в этом отношении представляет особый интерес. Только настойчивая продуманная работа спасла германскую армию

и население от голода в течение четырех лет войны, дав ей в то же время возможность в течение столь длительного срока выдерживать еще беспримерную борьбу с превосходящим ее по силам и средствам противником.

Достижения германской промышленности и техники в этой области чрезвычайно разнообразны и обширны. Так, прежде всего надо отметить приспособление всевозможных производств к менее опытному составу рабочих, в том числе и женщин, заменивших лучший привычный элемент, поступивший в ряды армии и флота. Для этой цели большое число производственных операций было расчленено на простейшие, снабжено приспособлениями, соответствовавшими силам и опытности нового рабочего элемента. Для обеспечения пищевыми продуктами применялись всевозможные способы консервирования, стерилизация продуктов, с целью возможно долгшего сбережения запасов, использование прежних отходов или веществ, вовсе не употреблявшихся в пищу. Так, недостаток белковых веществ восполнялся мясом и колбасой из конины, яоз, кроликов, тюленей, китов, ворон и даже ракушек; кофе заменялся зернами сушеных злаков, чай — листьями ежевики, малины, земляники, цветами вереска; из дикого каштана выжималось масло и готовилась мука; были попытки готовить муку из опилок и соломы, превращая их химической обработкой в крахмал, не увенчавшаяся успехом; спирт приготавливается из древесины; кости и всевозможные отбросы боев тщательно собирались для переработки в пищевые продукты; масло выжималось не только из сурепицы, мака и горчицы, для которых были разведены целые плантации, но из зерен тыквы, винограда, дикого каштана, желудей бука и даже из зародышей зерен злаков, раньше отбрасывавшихся в отруби; на муку размалывалось 94% зерна, а хлеб выпекался исключительно с подмесью картофеля. Недостаток волокнистых веществ для тканей возмещался волокнами из крапивы, искусственными волокнами из бумажной массы, из торфа; кожа заменялась водонепроницаемыми тка-

нями, толстые сорта — суррогатами из дерева и бумаги, пропитанными смолами; был разработан способ получения искусственного каучука, хотя и невысоких качеств. Недостаток металлов, в особенности меди, столь необходимой для многих предметов военного снабжения, восполнялся различного рода сплавами и, в особенности, железом, которым Германия богата, хотя для этого пришлось перерабатывать конструкцию и производство; развита почти вновь огромная добыча алюминия. Особенно крупное завоевание германской техники приходится отметить в области добывания связанного азота из воздуха.

В области санитарии мировая война породила огромную потребность во всякого рода медицинских препаратах, лекарствах, перевязочных и дезинфекционных средствах, протезах; пришлось оборудовать и даже создать вновь целый ряд госпиталей, лазаретов, лечебных станций, санаторий, лабораторий. И на эту потребность наука и техника дали исчерпывающий ответ.

Даже этого краткого очерка техники в мировой войне достаточно, чтобы судить, насколько всеобъемлющее значение она имеет в современных вооруженных столкновениях человеческих масс; но, вместе с тем, видно, насколько в то же время велико и непоколебимо значение интеллекта и культуры человеческой, от которых всецело зависят ее достижения.

Литература: Schwarte. Die Technik im Weltkrieg. Schwarte. Die militärischen Lehren des Grossen Krieg s. Heft. L'artillerie. А. Фрайс и К. Д. Вест. Химическая война. А. Маниковский. Боевое снабжение русской армии в войну 1914—18 г. и проч.

Е. Смысловский.

IV. РОЛЬ КРЕПОСТЕЙ В СВЯЗИ С ОПЕРАЦИЯМИ ПОЛЕВЫХ АРМИЙ.

1. Подготовка театров войны к обороне при содействии крепостей, и состояние последних ко времени ее начала. А) Сухопутные театры войны. К 1914 году территория европейских государств, много лет и систематично готовившихся к яеминувшему мировому пожару, была основательно подготовлена к защите от вторжения вероятных вра-

гов наличием не только достаточного количества штыков, но и крепких пунктов — крепостей.

Учитываемая стратегией, при составлении плана войны, необходимость в подготовке, прежде всего, обороны собственной страны, заставляет прочно укреплять известные пункты и районы своей территории, с целью ли содействовать армиям предотвратить вторжение противника или, напротив, облегчить и найти опору в их собственных наступательных операциях. При подобной подготовке обороны страны принимается во внимание географическое и политическое ее положение в ряду других смежных государств, протяжение границ, населенность, экономическое состояние и рост культуры вообще и состояние военной силы и вероятный рост ее в будущем.

В ниже приведенной таблице сгруппированы некоторые существенные сравнительные данные о количестве крепостей и укрепленных пунктов в Германии, Австрии, Франции и России, какое почли нужным иметь и содержать, и какие были налицо в августе 1914 г., т. е. ко времени возникновения мировой войны.

Крепостей.	Франция.	Германия.	Австрия.	Европейская Россия.
Больших крепостей:				
сухопутных	12	14	9	7
приморских	5	4	1	3
Итого	17	18	10	10
Малых крепостей:				
сухопутных	17	11	12	5
приморских	12	10	7	1
Итого	29	21	19	6
Мелких укр. пунктов:				
сухопутных	45	13	5	—
приморских б-рей.	2	1	1	—
Итого	47	14	6	—
Всего	93	53	35	16

Крепостей.	Франция.	Германия.	Австрия.	Европейская Россия.
Длина границ в верстах.				
сухопутных	2.900	3.400	4.700	4.500
морских	1.600	1.700	900	7.000
Всего	4.500	5.100	5.600	11.500
Одна большая крепость приходится на длину границ в верстах:				
а) для сухопутной границы	133	240	520	650
б) для морской границы	530	420	900	2.300
в) для всей границы	260	280	560	1.150
Один укр. пункт приходится на длину всей границы в верстах	48	96	100	720
При мирном составе армии в:	—	650 т.	400 т.	1.200 т.
На каждую большую крепость приходится человек:	—	36 т.	40 т.	120 т.

В настоящем расчете не приняты во внимание многие мелкие пункты, как в Германии и Австрии, так и во Франции (напр., укрепления горных проходов в Карпатах, в австр. Тироле и т. п.).

Т. обр., Германия (схема 1) на Русском сухопутном фронте с опорными пунктами в тылу фронта имела 7 больших и 15 малых крепостей разного типа; Австрия—8 больших и 6 малых, а всего, против Русской Европейской границы стояло 36 укрепленных пунктов, в том числе 15 больших крепостей.

Этим 36-ти укр. пунктам наших противников было противопоставлено на рассматриваемой границе лишь 11, считая в том числе и такие старые укр. пункты, как Киев и т. п.

На Французском фронте Германия имела крепости по Рейну: Кельн, Кобленц, Майнц, Страсбург и передовую активную базу в укрепленном районе Мец-Тионвилл, на самой границе Франции. Как собственный стратегический капонир, этот район оберегал Эль-

зас-Лотарингию от вторжения, сам угрожая французам вторжением германских полчищ в первые же дни по объявлении войны.

Операционное направление Мец — Париж было кратчайшим, но не «удобнейшим», ибо преграждалось оборонительной завесой (Rideau défensif) Вогезского хребта и Маасских высот, защищенных крепостями Верден, Туль, Эпиналь и Бельфор и рядом фортов-застав между ними. С обеих сторон на этом фронте вторжение противника, начавшего наступление первым, неминуемо должно было быть задержано необходимостью расчистить себе путь (ж.-д. коммуникации) овладением крепостями, т. е. значительной затратой времени и боевых средств.

Не менее надежно укреплена была и северная граница Франции (схема 2) по мысли тех из стратегов французской армии, которые после 1870 г. имели в виду организовать между р.р. Самброй, Шельдой и Скарпом прочную центральную позицию, усиленную крепостями Мобеж, Конде, Валаансеп, Мод (Maude), Флин (Flines) и Лилль. Позиция эта позволила бы переменить фронт развертывания армий по западной границе на фронт по северной в лучших условиях, в случае решения германцев нарушить нейтралитет Бельгии и двинуться по левому берегу Мааса. В случае же вторжения в свободный проем у Шиме (Trouée de Chimay), та же позиция, прикрывая сосредоточение, позволила бы броситься во фланг вторгающихся германских армий. Но в 1913 году, настоянием местных властей и парламентскими постановлениями, противно доводам военных авторитетов, Лилль, Мод, Флин и Конде были упразднены. Оставлен один Мобеж, который в 1914 г. был в весьма зачаточном состоянии работ по его усовершенствованию. Лилль сохранил еще свои укрепления к началу войны, но, противно настоянию и протестам команданта этой, пока еще на бумаге упраздненной, крепости, генерала Жерме (гарнизон 60.000), 23 августа 1914 г. военный министр, ген. Мессими, приказал «рассматривать Лилль открытым городом и вывести войска с фортов и

укреплений». Таким образом, граждане города Лилля и парламентские деятели наивно поусердствовали помочь немцам в начальном успехе их вторжения в северные богатейшие департаменты Франции через Бельгию.

План ген. Шлиффена, осуществленный германским командованием в 1914 г., явно был связан с соображениями о роли крепостей Франции, расположенных по западной границе и прикрывавших собою сосредоточение и развертывание французских армий.

Ударить им во фланг и в тыл, внезапно вторгнувшись через Бельгию, слишком было соблазнительно. Нейтралитет Бельгии не позволял этой маленькой стране заблаговременно приступить к мобилизации и привести в надлежащее состояние обороны свои крепости: Льеж, Гюи и Намюр по реке Маасу (схема 6) и организовать по этой реке прочную оборонительную позицию, которая была бы способна надолго задержать германские армии и не позволить им воспользоваться путями по левому берегу Мааса, пролегающими в местностях богатых и населенных, предоставляя им бездорожные, малонаселенные, изобилующие лесами (Арденны) провинции правого берега (Trouée de Chimay).

Германский штаб слишком хорошо знал состояние крепостей и мобилизационные условия во Франции и Бельгии, в особенности слабую обороноспособность бельгийских крепостей и, напротив, достаточно сильную — крепостей по восточной границе Франции, для чего не нужно было особого тайного сыска или усиленной работы контрразведки, так как в военной и повременной общей печати слишком откровенно обсуждались во Франции и Бельгии условия войны с Германией. Достаточно было бы проштудировать труд генерала Herment: „L' état des Forteresses belges et sa repercussion sur la défense de notre frontière du Nord“. Paris, 1913 г., чтобы из мнений ряда военных авторитетов обеих стран немцы могли выяснить себе настоящее положение вещей.

Итак, вследствие двусмысленного политического и военного положения

Бельгии, нейтралитет которой в равной мере обеспечивался Англией, Францией, Россией, как и державами тройственного союза, несчастная страна эта и ее армия попали между молотом и наковальней, и ни армия, ни крепости не были готовы воспротивиться в должной мере тому, хотя и предвиденному, но, в существе своем, возмутительнейшему насилию, какому подвергла ее Германия, избрав, по плану ген. Шлиффена, местом для перехода через барьер Богезских крепостей Франции.

Французы, с своей стороны, с предупредительностью достойной лучшей участи, поспешили убрать с пути германских армий те камни преткновения, какие могли бы помочь французским армиям, развертывавшимся на восточной границе под прикрытием пресловутой оборонительной завесы крепостей, переменить фронт и развернуться по сев.-вост. границе. «Общественное мнение» и парламент заставили военное министерство упразднить ряд существовавших крепостей, названных выше, работы по усовершенствованию которых, с целью именно предотвратить вторжение через Бельгию, были начаты еще с середины девяностых годов и производились почти до открытия военных действий в 1914 г.

Так, «рассудку вопреки, наперекор стихиям», совершились затем события, в которых еще в мирное время крепости Бельгии и Франции проявили свою роль и влияние на составление планов войны и последующие операции полевых армий обеих враждующих сторон.

Как же решались аналогичные оперативные вопросы в связи с ролью крепостей, как стратегического элемента, на другом конце готовившейся к мировой войне Европы—на границах России и Австро-Германии?

Россия. Уже в 1873 г. на стратегич. совещании под председательством императора Александра II, фельдмаршал граф Берг смел долгом заявить, что при беззащитности наших западных пределов, в случае наступления противника, германцев и австрийцев, мы вынуждены будем быстро очистить (утратить) Царство Польское. Военный министр

граф Д. А. Милютин пошел еще далее. Во всеподданнейшей записке своей 1881 г. он говорит:

«Берлинский конгресс не установил мира в Европе. Напротив, все его усилия были направлены к тому, чтобы устранить положительные, мирные решения, созданные Россией, и заменить их несправедливо-условными, с задатками для возобновления борьбы. Все происходящее в Европе свидетельствует, что мы переживаем лишь перемирие и, быть может, очень непродолжительное. Благо России требует отсрочки политических столкновений; этой цели посвящены все заботы и помыслы вашего величества. Но результаты мудрых правительственных усилий неизбежно будут зависеть от той твердости к встрече исторических событий, какую проявит Россия и какую признают за нею ее противники».

Указывая далее на приведенное выше заявление графа Берга, граф Милютин продолжал:

«Успехи наших западных соседей усугубили это положение и нет сомнения, что легкость, с какою может быть нанесен решительный удар России, служит действительным поощрением не только для их воинственных замыслов, но и для открытых выходов, затрагивающих достоинство отечества».

«Пока мы беззащитны на Западе, перемирие может ежеминутно перейти в роковую борьбу и разом вновь разрушить все заботы правительства о развитии народного благосостояния. Только с непромедлительным и прочным обеспечением безопасности империи, у нас явится более надежная гарантия к сохранению целостности владений, неприкосновенности достоинства государства и к упрочению столь необходимого для нас мира»; и далее:

«При современной быстроте мобилизации и сосредоточения миллионных армий, даже самая могущественная страна, не огражденная как следует крепостями, может быть почти внезапно подавлена своим противником».

В той же записке гр. Милютин указывал, что в то время, как мы отпускали на наши западные крепости относительно совершенно ничтожные сум-

мы, германцы после войны 1870—71 г.г. не останавливались перед расходами на крепости, в сравнении с коими наши ассигнования на них были совершенно ничтожны. В 70-х и начале 80-х годов Германия, независимо от ежегодного крепостного ремонта, ассигновала на крепостные нужды 142 милл. руб. и сверх того из особых источников шерестраивала Магдебург и Кенигсберг. По данным 1914 г. Германия вновь резко увеличивает ассигнования на крепости, особенно на крепости восточного своего фронта. Так, в 1912 г. было ассигновано 26.892.351 мар., в 1913 г.—96.295.116 мар., в 1914 г.—66.539.978 мар. и особо на казарменное строительство в восточных крепостях—26.000.000 мар.*). С 1900 по 1914 г. всего истрачено на крепости 471.848.481 мар., кроме того, на морские крепости—30.350.000 м. и на тяжелую артиллерию—131.500.000 мар. В рассматриваемый период особо развиты были работы по усилению Меца и Мецкого укрепленного района на французской границе и Кенигсберга—на нашей.

Франция даже превзошла Германию, затратив в 8-лети период после войны 1870 г. 164 мил. р. на крепости, и, путем гласного обсуждения в военной литературе и негласного—во всевозможных военных и парламентских совещаниях, пришла к необходимости развить защиту своих боевых фронтов, распространив ее и на северную границу, в предвидении возможного нарушения германцами нейтралитета Бельгии (план Шлиффена). Но, как указано было выше, перед самым началом войны 1914 г. вместо деятельного усиления крепостей, началось их упразднение, небеспричинное в начальных катастрофах, постигших французские армии.

Не тоже ли со стороны России было предпринято на нашем западном фронте в министерства генералов Редигера и Сухомлинова. Результатом записки графа Милотина было учреждение особой распорядительной комиссии по постройке и усовершенствованию наших крепостей не только по западному

границам, но и в Туркестане, на Кавказе и на Дальнем Востоке; однако, несмотря на крайнее протяжение наших границ и огромность территории, за время с 1882 по 1894 г.—время существования названной комиссии—было ассигновано всего 55.700.000 р., что ежегодно давало на каждую большую крепость всего ок. 1 милл. рублей. После упразднения распорядительной комиссии, Военный Совет определил нормальный ежегодный отпуск в 11.078.000 р. на новые строительные работы, причем на крепости из этой суммы шла лишь половина. Добавочные отпуска шли на новые народившиеся потребности, на постройку мертворожденной Лябавы, на Владивосток и передовую оборону Кронштадта (форты «Красная горка» и «Ино»), отпуска же на крепости западной границы сократились до минимума. Так, в Варшавском военном округе, этом передовом и главном театре предстоящей борьбы, на каждую крепость, в среднем, начали давать по 180.000 р. в год.

Можно себе представить, как туго подвигалась там работа по подготовке театра войны в инженерном отношении. Проблеском был период министерства Куропаткина, когда развивалась планомерно идея Обручева—образования из передового театра сильного кулака, способного оградить Россию не только от германского вторжения, но создать сильный плацдарм, как клин, врезающийся во вражеские территории (схема 3), способств. русским армиям по сосредоточении развить наступление, имея операционную линию на Берлин. План этот, как нельзя более, отвечал условиям франко-русского союза и должен был властно помешать осуществлению планов Мольтке и Шлиффена в короткий срок разгромить вооруженные силы Франции с тем, чтобы вслед за сям броситься на русские армии, запаздывавшие в мобилизации и сосредоточении.

Т. обр., на обоих фронтах Германии, восточном и западном, и на соответственных фронтах главных ее противников крепости учитывались, как стратегические элементы первостепенной важности.

) Крепости восточного фронта Германии. Секретное издание Главного Управления Генштаба 1914 г.

При военном министре Куропаткино не только усиливаются все крепости, существующие на западном фронте, но строятся новые — Гродно и Ломжа, и проектируются Владава и Рига.

Во время русско-японской войны 1904—5 г.г. император Вильгельм любезно и предусмотрительно обеспечивает нам мир на западе и тем способствует не только затрате на востоке нашей артиллерии осадных парков, но частью обезоружению и самых крепостей.

В министерство ген. Редигера, ради уменьшения расходов на крепостное строительство, поднимается вопрос об упразднении излишних (?) крепостей (Ивангорода, Дубно и др.) путем доклада Думе, составленного в управлении генерального штаба 2-м обер-квартирмейстером Борисовым*). Сухомлинов пошел в 1910 г. дальше и убедил царя в необходимости отказаться от обороны даже и передового театра, т. е. Привислянского края, идя вразрез со всеми своими предшественниками: императором Николаем I, Милютиним, Обручевым, Куропаткиным. Были упразднены крепости Ивангород и Варшава на Висле, Зегрж и Ломжа на Нареве, также все форты, соединявшие кр. Зегрж с Варшавой по восточному фронту Висло-Наревского укрепленного района (Варшава-Новогеоргиевск-Зегрж) и все долговременно укрепленные мостовые переправы через Нарев, как-то: Пултуск, Рожаны, Остроленка. Взрывать и срыть эти крепости и укрепления предписано в кратчайший срок. Однако, на уничтожение крепостей нужны тоже деньги, и недостаток ассигнований, а отчасти глухое сопротивление местных властей, были причиной того, что к августу 1914 года были взорваны лишь боевые казематы в фортах Варшавы, прочие же сооружения сохранились в прежнем устарелом виде, т. е. неспособными к сопротивлению новым средствам осадной артиллерии. Оставлен на передовом театре лишь Новогеоргиевск — как тройной тыл-де-пон при слиянии Буга-Нарева с Вислой. За

период 1912—1914 г.г. на усовершенствование прочих крепостей ассигновывались весьма скудные средства, несмотря на требования думской комиссии государственной обороны — привезта последнюю в надлежащее надежное состояние. Лишь на Владивосток ассигнования эти отпускались довольно щедро, до 15 милл. в год. Таким образом, после урока Японской войны и Порт-Артура, наша дальне-восточная окраина обрапала на себя большее внимание военного министра Сухомлинова и начальника штаба Мышлаевского, чем граница западная и Привислянский край; что же касается пограничного района с Австрией и Румынией, то в нем, от Брест-Литовска до берегов Черного моря, не существовало никаких укрепленных пунктов, кроме крепости-склада Киев.

Оставление нетронутым, Новогеоргиевска становилось стратегически непонятным. Действительно, упразднение всех крепостей передового театра знаменовало решение отнестись назад, вглубь страны, развертывание и сосредоточение наших армий. Ради «использования обширности территорий» должно было прикрываться на правом фланге р. Неманом с оставленными крепостями Ковно и Гродно и крепостью-заставой — Осовец на р. Бобре среди ее болот, запирающей ж. дорогу от Граево на Белосток, и с левого фланга — крепостью Брест-Литовск на р. южн. Буге, превратившейся по стратегическому значению из редута передового театра в крепость перволинейную.

На совещании, обзалоакном под председательством нач. Генерального Штаба Гернгросса из ген.-инспекторов и авторитетнейших чинов всех главных военных управлений, для выяснения требуемого усиления сохраненной кр. Новогеоргиевска (схема 4), так и осталась неясной поставленная этой крепости задача: «сохранить переправы на Нареве и Висле». Полагая, что задача эта имеет стратегическую цель, а именно, воспользоваться крепостью, как наступным плацдармом для переброса русских армий на правый берег Нарева и левый берег Вислы, когда

*) Война и Мир, Берлин, 1923 г., № 7, стр. 61 и 62.

сосредоточенные, наконец, армии эти отбросят вторгнувшегося в передовой театр врага, совещание постановило расширить крепость, как с целью удалить артиллерию противника на расстоянии от мостов не допускающие их разрушения, так и для образования внутри крепости значительных, обеспеченных от бомбардирования, площадей для бивакирования войск, назначенных для активных действий, так и для того, наконец, чтобы выиграть и занять подходящие для перехода в наступление позиции.

Являясь на заседании, военный министр Сухоминов горячо протестовал против какого бы то ни было уведомления крепости, но, не будучи в состоянии опровергнуть логику доводов за расширение, заявил, что испросит на то указания государя императора.

На другой день он вновь явился на заседание и объявил: «его величеству угодно было **приказать** крепостного обвода Новогеоргиевска ни в каком случае не расширять».

Против такого стратегического довода, конечно, возражать было уже невозможно. Это происходило в 1913 г., когда грядущая в близком будущем война уже горячо чувствовалась. Оставалось лишь принять меры по возможному усилению Новогеоргиевска только в техническом отношении, согласно данным опытов 1912 г. на о-ве Березань близ Очакова, определивших конструкцию казематированных помещений, способных выдержать бомбардирование из 32 см., 38 см. и 42 см. гаубиц. В строительные периоды 1913 и 1914 г. в пределах имеемых ассигнований часть фортов Новогеоргиевска и была соответственно усилена, а промежутки между ними надлежаще укреплены уже в мобилизационный период, так что по боевым своим достоинствам кр. Новогеоргиевск не только не уступала, но технически была сильнее французской крепости Верден и имела полные продовольственные запасы и огнестрельные на наличные 1.680 орудий разного калибра.

Упраздненный Зегрж был подчинен, в смысле производства подрывных работ по его уничтожению, начальнику

инженеров Повогооргиевской крепости. Еще летом 1914 г. начальник этот, инженер ген.-майор Гиршфельд, получал настойчивые запросы, когда же будет приступлено к работам. Взяв на себя ответственность, он отписывался, но верки Зегржа предусмотрительно сохранил к началу войны, оставляя дальнейшее уже на усмотрение Штаба Верховного Командования.

Форты кр. Варшавы были подорваны, так же как и форты восточного фронта ранее упраздненного Висло-Наревского пладарма. Упраздненная крепость Ивангород сохранилась в прежнем устарелом виде: не нашлось еще денег на ее уничтожение. То же и по той же причине случилось и с укрепленными переправами на р. Нареве. Кр. Ломжа была еще только в постройке (по новым типам), но брошена в зачаточном состоянии работ. Кр. Ковно получила кое-какие усиления бетонированием в старых кирпичных фортах левого берега Немана, отстоявших всего на 1—1½ версты от центральной ограды, и, следовательно, осталась устаревшею, несмотря на то, что служила оплотом правого фланга северо-западного фронта развертывания русских армий. Кр. Гродно строилась заново, на фортах кое-какие из охранительных казематов были готовы, но фрезы лишь начаты в работе и при мобилизации получили лишь провололочные препятствия. Осовец был достаточно силен и имел часть казематов безопасными даже от 16 дм. бомб. Наконец, Брест-Литовск, как опора центра нашего западного фронта, имел к открытию военных действий некоторые из новых фортов уже обороноспособными и значительно усилился в течение 1915 года, т.-е. уже во время войны. На юго-западном фронте оставалась крепость-сыздад Киев без всякого усиления, но стратегическое значение Киева, как узла ж. дорог и средоточия мостовых переправ на Днепре, сразу же выявилось для штаба ю.-з. фронта, как только австрийские части перешли русскую границу, и с 4/17 августа начинается составление проекта обширного «армейского» тет-де-пона в Киеве, а позднее в Каневе и Черкассах, осуществлен-

ных средствами полевой и позиционной фортификации лишь в 1915 и 1916 годах.

Но сила крепостей, по издревле созданному предстанию, заключается не только в силе верков, но в огне с них, непоколебимой воле комендантов и духе гарнизонов. В этих отношениях русские крепости были совершенно слабы, и если надо отдать должное высокому военным достоинствам комендантов Брест-Литовска (ген. Лайминг), Ивангорода (ген. Шварц) и Осовца (ген.-л. Вржозовский), то нельзя того же сказать о комендантах Новогеоргиевска (ген. Бобырь) и Ковны (ген. Григорьев), малодушие которых могло привести их только на скамью подсудимых. Вооружение Новогеоргиевска, Брест-Литовска и Ковно было соответственно табелям вооружения усилено еще добавком батарей крупнокалиберных и дальнобойных орудий судового и берегового типа 6 дм. Казя и 10 дм., но в ограниченном количестве. Ивангород получал сравнительно слабое вооружение крепостными орудиями, взятыми из Брест-Литовска, последний же щедро рукою раздавал, по приказу Главного Командования, свое вооружение и для формирования осадной артиллерии, необходимой при осаде Перемышля и Кракова, и для вооружения позиционных батарей. Гарнизоны во всех названных крепостях были импровизированными и состояли из второчередных частей и ополченских бригад старых возрастов, мало боеспособных, недостаточно вооруженных (не хватало ружей) и совершенно не знакомых с крепостями и долговременными верками и тактикою крепостной борьбы. Правда, усилиями комендантов войсковые части, по мере возможности, сколачивались, обучались, практиковались в обороне и атаке укреплений и фортов, но, обученные тотчас же распоряжением главного командования, отправлялись на усиление полевых армий, а в крепости вводилось новое сырье. Некоторые крепости сменили так свой пехотный гарнизон до 6 раз (Брест-Литовск, Осовец).

Т. обр., русские сухопутные крепости по западной границе, за исключением Новогеоргиевска, Брест-Литовска и

Осовца, получивших значительные усовершенствования в фортификационном отношении отчасти до начала войны, в течение 1913 и лета 1914 г., а, главным образом, в течение конца 1914 г. и начала 1915 года, были весьма мало подготовлены к борьбе во всех других отношениях.

Франция. Крепости Франции могут быть в этом отношении поставлены в параллель с русскими крепостями. В 1900 г. особым законом крепости были разделены на 3 категории. К 1-ой категории отнесены четыре больших крепости—Верден, Туль, Эпиналь и Бельфор и несколько фортов-застав, связующих их между собой; крепости эти снабжались наиболее совершенными средствами обороны. Ко 2-ой категории отнесены Мобеж, Монмеди, Лонги, форты Мааса и пр. — они сохранились в прежнем своем состоянии. Отнесенные к 3-ей категории Лилль, Реймс, Ирсон, Айвель (у Мезьера) упразднились, но верки их сохранялись, как оборонительные постройки, «которые могут пригодиться при случае, т. е. могут быть использованы войсками, как полевые или временные постройки»*). Предусматривалось возможное очищение крепостей 2-ой категории, напр., Монмеди, Айвеля, Реймса. Таким образом, как и в России, крепости упразднялись, не переставая, однако, существовать, и при военных операциях в их районах могли служить источником больших недоразумений, в то же время как, при известных условиях боевой обстановки, могли быть использованы командованием при операциях полевых армий, о чем будет указано ниже. Упраздненный Лилль сохранился нетронутым до войны, и комендант крепости, генерал Горме, имел 60-тысячн. гарнизон и мог бы совместно с оперировавшей в округе армией д'Амада, силой в 4 дивизии территориальных войск и 2 резервных дивизии, «действовать на сообщения германцев и стеснять их операции, как до, так и после Марны... и, если бы крепость была подготовлена и умело использована, могла бы поправить около 22 авг.

* La Verité de la perte de fort de Douaumont. Colonel Chené. Mercure de France, 1922 г.

наши дела на левом фланге огромного поля сражения, или, по крайней мере, сыграть опутительную роль на последующее развитие операций». *)

Очищение Лилля является конечным результатом шагов, предпринятых еще до войны представителями Северного департамента, шагов, которые вылились в проект закона, внесенного в палаты воен. министром, ген. Мессими, 7 ноября 1911 г., предусматривавшего упразднение ограды Лилля и всех даже новых фортов, несмотря на доводы всех генералов, командовавших Лиллем и требовавших полного сохранения крепости. Так как этот вопрос не был еще вотирован, то крепость при мобилизации находилась в стадии подготовки к упразднению. Шаги, принятые 22 августа 1914 г. мэром, префектом и сенаторами, встретили решительный отказ коменданта, но тогда парламентские деятели обратились на след. день к правительству, и генерал Мессими, который три недели назад грозил расстрелять генерала Фурнье, коменданта Мобежа, за то, что он указывал на плохое состояние крепости, получил в 5 ч. вечера 23 августа от главной квартиры телефонное приказание, адресованное генералу Герме: «рассматривать Лилль открытым городом и вывести войска с фортов и укреплений».

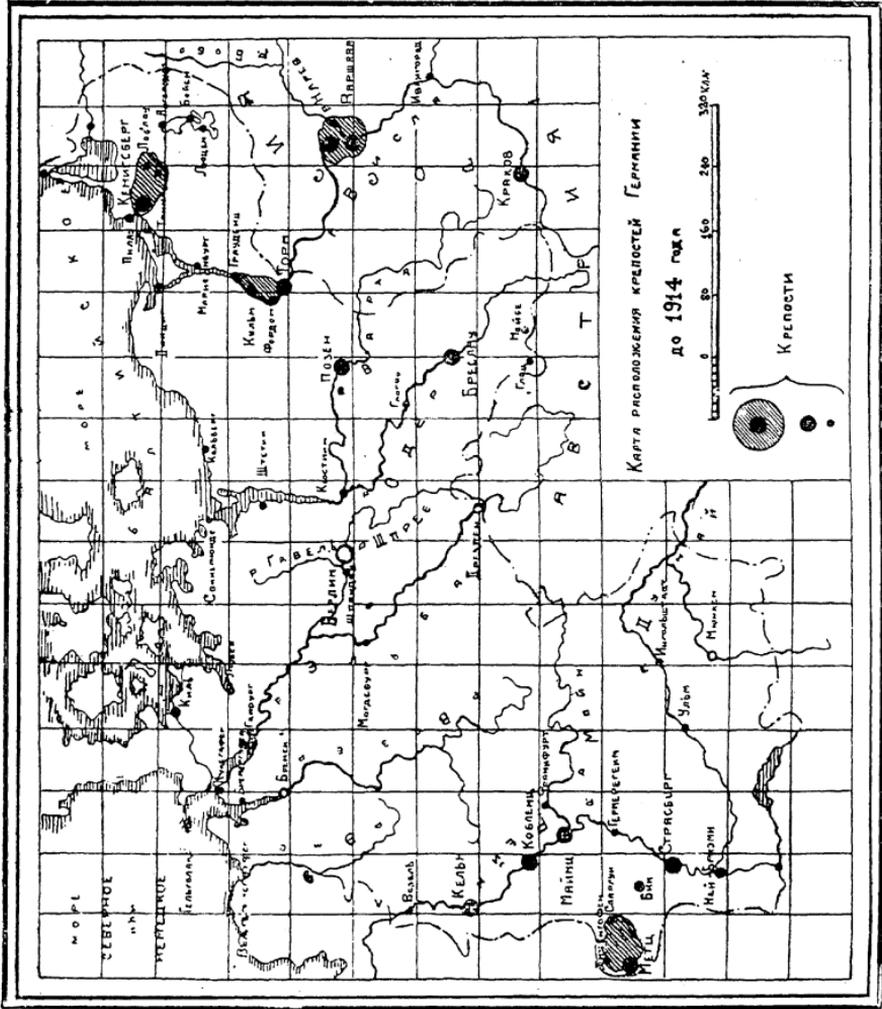
Т. обр., буржуазные интересы близоруких горожан Лилля восторжествовали над чисто боевыми интересами государства, находящегося в войне, и в момент весьма рискованного положения французских армий военное ведомство не нашло возможным отстоять свою точку зрения, выработанную еще со времени работ «Комитета по обороне страны» под председательством ген. Серре-де-Ривьера, созданного после войны 1870 г.

Крепости были в должной мере снабжены огнестрельными и продовольственными припасами и вооружены положенными орудиями. В фортах больших крепостей имелись промежуточные капониры, называемые французами

Casemâtes de Bourge, для фланкирования промежуточных между фортами позиций, и бронебашни скрывающиеся купола для той же цели и для действия при отбитии штурмов. Такие же бронебашни установились и в фортах-заставах восточного фронта, но устарелой конструкции, также как и самые форты, тогда как форты больших крепостей: Верден, Эпиналь, Туль и Бельфор были усилены бетоном, но по иной системе, чем принятая в 1912 г. в России, так что менее были способны выдерживать огонь 16 дм. гаубиц. Крепости имели предназначенные им постоянные гарнизоны и технические части.

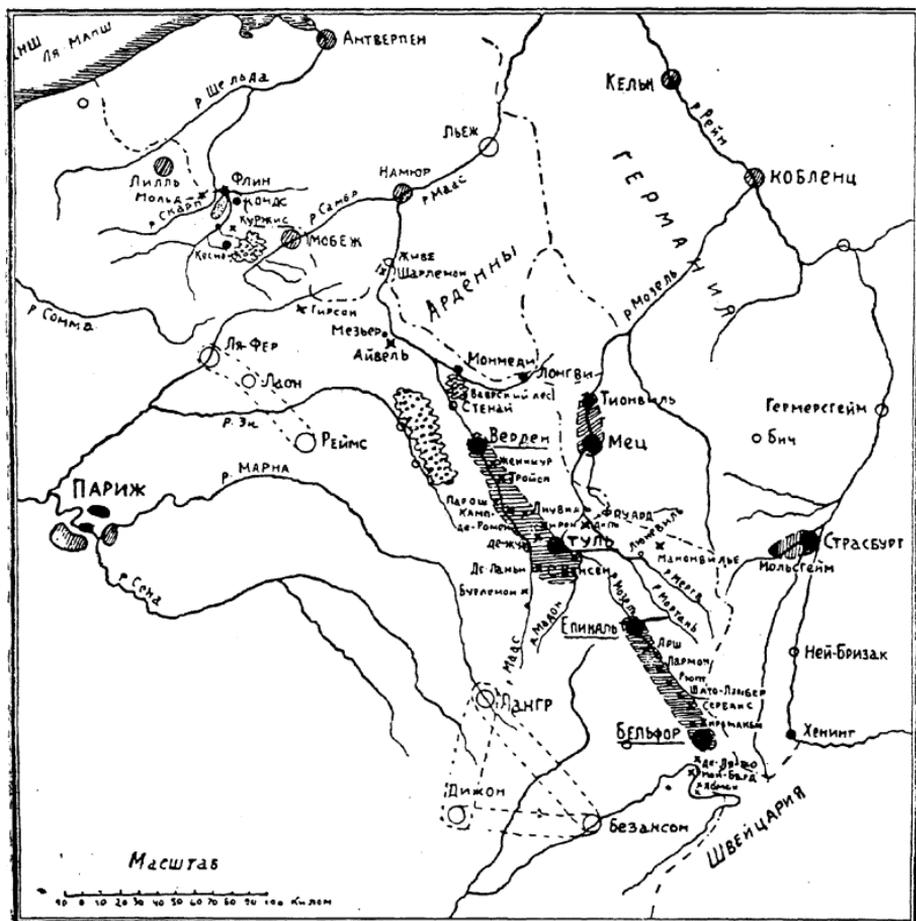
5 августа 1915 г. крепости Верден, Эпиналь, Туль и Бельфор были упразднены, ибо «оборонительная завеса» по восточному фронту с'ыграла уже свою роль, заставив германцев обойти ее, направив главный всеокрушающий удар через Бельгию. За год позиционной войны выяснилось огромное значение тяжелой артиллерии в борьбе за сильно укрепленные позиции, и французам нужна была этого рода артиллерия, ибо заводы не успевали еще выпускать нужного количества. Из упраздненных крепостей вывезено 4.000 хорошо снабженных орудий, из которых 2.000 тяжелых. Если по ходу военных операций выяснилось, что крепости Эпиналь, Туль и Бельфор не могут подвергнуться атаке, то этого же нельзя было сказать про Верден, долженствовавший служить опорой правого фланга общего фронта англо-французских армий. Однако, декретом 5 августа, вместо Вердена, организуется укрепленный район R. F. V. (Region fortifiée Yerdun), в который входят от Вердена лишь форты левого берега Мааса (схема 5), а все правобережные форты и верки очищены от гарнизона и артиллерии и приготовлены к взрыву. Гарнизон крепости, знавший ее и напрактикованный в обороне ее твердынь, присоединен к полковой армии; комендант, ген. Кутансо, и чины штаба крепости получили иное назначение, а остатки крепости Верден подчинены ген. Дюбайль, командовавшему восточной группой армии. Вот в каком положении находились крепо-

*) Доклад коменданта Лилля генерала Герме.

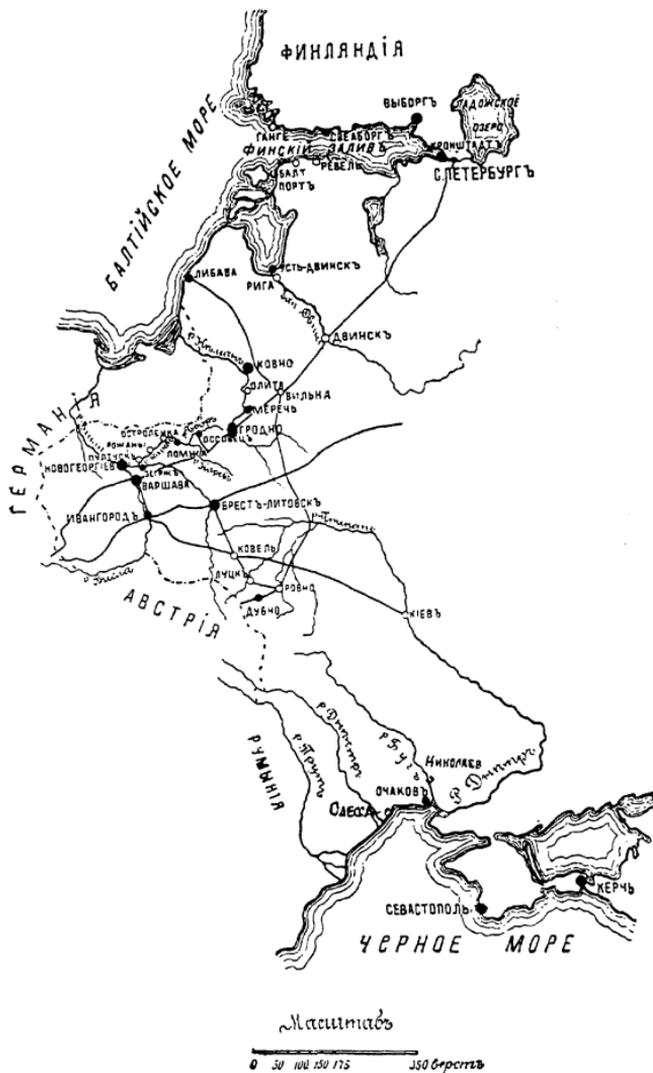

УКРЕПЛЕНИЯ СЕВ. ГРАН. ФРАНЦИИ.

Схема № 2.

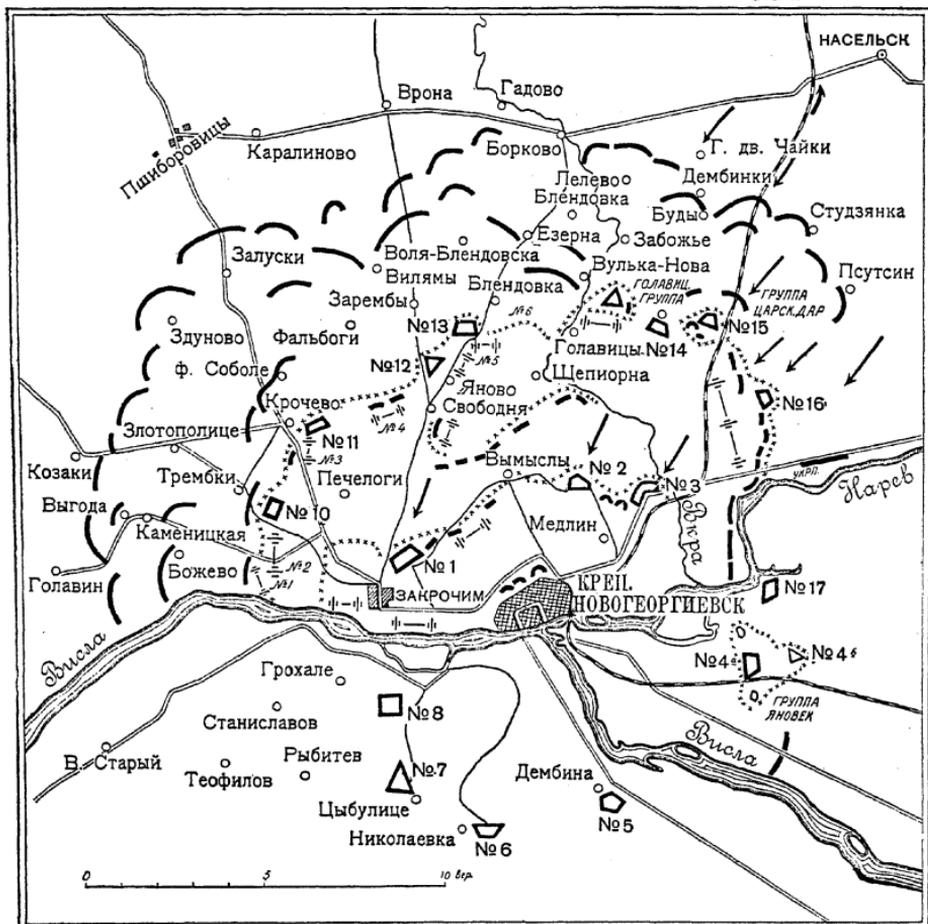

Энциклопедич. Словарь Русск. Библиогр. Инст. Гранат.

КРЕПОСТЬ НОВОГЕОРГИЕВСК

Схема № 4

Энциклопедич. Словарь Русск. Библиогр. Инст. Гранат.

сти Франции до и в самый разгар войны, к началу 1916 года. Обнаруживается известное шатание во взглядах высшего командования на использование существующих крепостей*). Так, франц. полковник Шене в труде своем говорит, что, напр., ген. Эрр, командант Верденского укрепленного района, «не был свободен от предубеждений относительно фортификации, широко распространенных в штабах».

Крепости маленькой страны нейтр. Бельгии (схема 6) были не многочисленны. По плану подготовки страны исключительно к обороне, с целью защиты своего нейтралитета, немногочисленная бельгийская армия находила себе опору в крепостях Льеж и Намюр на реке Маасе с фортом Гюи между ними и в крепости Антверпен, составлявшей общий редут страны и вместе защищавшей порт, облегчавший сношения Бельгии с внешним миром, и место пребывания короля и правительства. По сравнению с Францией крепостей не было, и указанное расположение их имело явную целью избавить страну от вторжения со стороны Германии. Крепости эти были созданием известного бельгийского инженера генерала Бриальмона и построены по его проектам и чертежам. Они отличались от прочих крепостей на Европейском континенте своеобразным устройством (сх. 7 и 8), не имея ни центральной ограды, кроме Антверпена, ни подготовленных к обороне промежуточных между фортами позиций. Кроме того, вся тяжелая крепостная артиллерия помещалась в фортах, в броневых башнях, вкрапленных в бетонные массивы, и была сосредоточена в центре фортов, представляя видимую и уязвимую цель для осадной артиллерии; с приведением же этой артиллерии к молчанию, промежуточные позиции оставались без артиллерийской обороны. Ошибка ген. Бриальмона заключалась в излишке доверия и расчете на неуязвимость броневых куполов.

*) «Правда о потере форта Douaumont». Военно-инженерный зарубежник. № 4. 1922 г.
Col. Tomasson, «Les préliminaires de Verdun. Août 1916, 25 Febr. 1918 г. изд. Берже-Леоро.
«Journal du commandant Raynal» Fort de Vaux, Paris.
G. Hannoutai, «Histoire de la guerre».

Антверпен отличался большою оборонительною силой, и кроме старой догосударственной ограды, окружавшей город по правому берегу Шельды, и таких же фортов, имел еще значительно удаленную от центра линию внешних фортов, новых, но такого же типа, как форты Льежа и Намюра. Особую противотурмовую силу Антверпену придавали обширные наводнения. Постоянный гарнизон рассчитан был лишь для фортов, усиливаемых при мобилизации территориальными и действующими войсками. Антверпен должна была защищать вся бельгийская армия.

Стратегически обдуманная и рациональная группировка крепостей и расположение их в качестве тет-де-понов на р. Маасе создавали из последней трудно отделимую для больших войсковых масс врага преграду, как вторжение в самую страну, защищаемую развернувшейся по Маасу армией, так и беспрепятственному проходу через Бельгию широким фронтом, для вторжения во Францию через северную границу последней.

Но, что касается до фортификационного устройства крепостей и системы обороны главной крепостной позиции—линии фортов, то она не выдерживала критики, ибо ближняя оборона не была отделена от дальней, артиллерийской обороны, как это, путем постепенного совершенствования крепостей, достигнуто было в России прежде всего, затем во Франции, Германии и Австрии. Только Румыния следовала идеям Бриальмона, и согласно им был укреплен Бухарест и оборонительная завеса у Фокшан.

Германия (схема 1) в подготовке страны к войне в инженерном отношении испытала в свою очередь ряд эволюций. Главное решающее значение в отношении плана использования крепостей, как стратегических элементов, содействующих операциям полевых армий, имела комиссия государственной обороны, собранная в 1885 г. из семи компетентнейших лиц*) под предсе-

*) Председатель—кронпринц Прусский. члены: 2 корпусных командира, ген.-лейт. граф Вальдерсее, нач. инженеров ген ф. Бранденштейн, ген.-инсп. арт. ф. Фойгт-Ретц, директор общего департамента военного министерства ф. Хепшич.

дательством императора Вильгельма. Комиссия эта высказалась за усиление 11 сухопутных крепостей и всех береговых укреплений и за упразднение остальных. Император, однако, не согласился с мнением комиссии, и приказал сохранить все крепости, за исключением двух, при чем менее важные крепости должны были быть обеспечены и вооружены лишь против атаки полевых войск, поддерживаемой артиллерией не свыше 6-дм. калибра; «затруднения — сказано в соответственной записке — которые менее важные крепости могут создать неприятельской армии и в будущем, должны оцениваться достаточно высоко, чтобы оправдать сохранение их. На этом основании и допускаю упразднение отдельных укреплений и частей их лишь постольку, поскольку этим достигаются непосредственные выгоды для обороны — лучшее сосредоточение средств борьбы, повышенная действительность огня, большая безопасность от нечаянного нападения».

Следствием такого решения явилось сохранение таких устаревших сухопутных крепостей, как сухопутный фронт Данцига, Глац, Нейсе, Глогау, Кюстрих, Шпандау, Магдебург и всех мелких крепостей по Рейну, отнесенных к категории менее важных, т. е. ко 2-й категории. Крепости 1 категории должны были находиться в состоянии сопротивляемости постепенной атаке, тогда как 2-ой — только атаке открытой силой. «Это признание оперативного значения за такими устаревшими крепостями прочно удержалось до 1914 г. *), ввиду на усиление технических средств борьбы и появления тяжелой полевой артиллерии. Более того, к сохраняемым устаревшим крепостям начали постепенно присоединяться новые, «менее важные», крепости, возводимые по тому же заданию, наприм., Кульм, Фордон, Мариенбург, Грауденц и Бреславль. Наконец, появилась и 3-я категория укреплений, рассчитанная, повидимому, только на задержку кавалерийских рейдовых налетов: линия блокгаузов Руджоны—Ортельсбург и подобных же блокгаузов и батарей по линии Мазурских озер, а так-

же мостовые укрепления в виде башек и мостов на Висле, у Фордона, Диршау, Мюнстервальде.

Из больших крепостей к началу мировой войны особое усиление получили на западном фронте Мец, Тионвиль (Диденгофен), Бич и Страсбург, а на восточном фронте Кенигсберг, Грауденц, из одностороннего тет-де-пона обращенного в двусторонний построшкой новых секторов на лев. берегу Вислы, затем Торн и Познань. Особое внимание уделяется крепости Мец (схема 9), которая получает новый обвод созданием внешней линии на групп фортов и батарей, названных Feste, что придает Мецу значение наступного плацдарма на самой границе Франции, плацдарма расширенного связью его фортами же с Тионвилем. Включая Страсбург и Бич, этот плацдарм получает огромные размеры и, в связи с операциями армий, имеет целью до крайности затруднить активные операции французских армий в Эльзасе. Знаменательно, что германцы продолжали усиливать Мец и Мецкий плацдарм и в течение войны, до 1916 г. включительно, усиливая, главным образом, внешнюю линию построшкой фортов, связующих Feste между собой, и, местами, сплошных преград-препятствий между ними.

На восточном фронте особому усилению подвергся Кенигсберг, как крепость с обеспеченным морским тылом (Пилау) и висающая на сообщениях русских сил, наступающих в восточной Пруссии, с целью ее полного захвата и перехода нижней Вислы. Этой операции создан барьер на самой Висле и нижнем ее течении, усиленный кр-ми Торн и Грауденц с тет-де-понами у Кульма, Фордона и Мариенбурга. Для вторжения в пределы Силезии русским армиям пришлось бы наступать в промежуток между кр. Торн и Познань, оставшимися на флангах. Опираясь на них, а с севера и на Бромберский канал, германцы угрожали бы флангам и тылу русских и заставляли бы их или заняться осадой этих двух крепостей, или их обложением, или, наконец, выделить достаточные заслоны т. е. так или иначе значительно ослабить себя.

Усиление, особенно в последние пе-

* Крепости восточного фронта Германии. Издание 1914 г. Гл. Упр. Ген. Штаба, стр. 8.

ред войной годы, крепостей именно на восточном фронте, в противность высказанному в 1866 г. мнению Мольтке—«Франция является наиболее опасным соседом, и потому крепости на Рейно важнее крепостей на Висле»—явилось следствием перемены стратегической обстановки и перехода Германии к подготовке к осуществлению нового плана войны на два фронта, именно к плану, выработанному Шлиффеном, по которому с наступательными операциями против России надо было обождать до разгрома Франции.

Таким образом, Германия шла исконным путем в преследовании выполнения раз выработанного плана подготовки страны к обороне в инженерном отношении и использования крепостей, как в целях оборонительной, так и наступательной войны, для содействия операциям своих армий. В ее штабах и главном командовании не было ни шатаний, ни недоуменных вопросов, как и зачем можно и нужно воспользоваться той или иной крепостью, независимо от того, была ли она устарелой или усовершенствованной, соответственно новым условиям и средствам крепостной борьбы; не было того, можно сказать, сумбура мнений и бесполочи, что обуревали штабы армий Франции и России, как до, так и во время самой мировой войны.

Что касается до **Австрии (сх. 14)**, то по отношению главного своего противника, России, она озаботилась подготовить к обороне лишь равнинную часть Галиции, созданием крепостей Кракова и Львова (Лемберга) и укреплений по Днестру у Миколаева, Галича и Залещиков. Последние укрепления были скорее временного характера, ничтожные по своей фортификационной силе, и имели назначением прикрывать мосты на Днестре от покушений с левого берега реки. Не только тяжелая, но и легкая полевая артиллерия способна была бы сделать их необорозоспособными, как и оказалось в действительности. Крепость Львов оказалась стратегической загадкой, вследствие того, что, имея важное стратегическое значение, как расположенная в центре Галиции и в важнейшем узле же-

лезнодорожных и шоссеиных путей, на местности чрезвычайно благоприятной для обороны, она неминуемо должна была бы оставаться перед собою победоносного врага. Но обвод ее линии фортов был мал, центральной ограды не существовало, а самые форты представляли собой так-наз. полудолговременные укрепления, неспособные сопротивляться огню артиллерии даже 6 дм. и 48 лин. калибров. Запасов огнестрельных и продовольственных припасов во Львове не было, да не было и гарнизона, а только штаб полевых корпусов, который предусмотрительно и покинул крепость при приближении победоносных войск группы армий под командованием генерала Руцкого, войска коего 21 авг. ст. ст. вошли во Львов, не встретив ни малейшего сопротивления, а, напротив, приветствуемые кликами городского населения.

Перемышль являл собою крепость, более отвечающую своему назначению—запирать пути в венгерские долины через горные проходы Карпат и держать обеспеченную переправу на р. Сан. Вместе с мостовыми укреплениями у Ярославла, он должен был действовать австрийским армиям задержать дальнейшее продвижение противника на оборонительном рубеже названной капризной, то мелководной, то бурной и полноводной реки.

Если мостовые укрепления у Залещиков, Галича и Миколаева должны были задержать противника на сильной от природы преграде, представляемой р. Днестром, и тем содействовать организации обороны входных в Карпатские проходы горных путей, то на самих Карпатах никаких укреплений долговременного характера в роли застав не существовало.

Перемышль (схема 10), как крепость, представлял собою хорошо примененную к местности круговую позицию фортов долговременного характера, типа инженера ген. Лейтнера, известного из военной литературы. В фортах имелись противотанковые и наблюдательные броневоы купола и броне-казематные промежуточные капониры, поддерживающие надежную огне-

вую связь фортов между юбою. Промежуточные позиции пехоты и крепостной артиллерии были оборудованы удовлетворительно. Центральной оградой тоже не существовало, но зато, как редант обороны, можно было рассмотреть сильную группу фортов, входящих в состав общей их линии, называемую Седлиска. Эта группа состояла из большого форта Седлиска в центре и ряда малых фортот и долговременных и временных батарей и окопов, его окружающих и хорошо обстреливавших дальние и ближние подступы к позициям, занимавшим наиболее возвышенную часть крепости. Овладение этой группой, как командующей всей крепостью, могло бы решить в пользу осаждающего участь всей крепости.

Кроме постоянного гарнизона, в Перемышль, к периоду его обложения, отступили и частью в нем задержались и полевые войска, перед тем разбитые русскими в поле.

Еще более сильною крепостью являлся **Краков**, на верхней Висле. Его северные форты расположены были почти на самой русской границе. Имелась сильная, но устаревшая центральная ограда и две линии фортот, внешняя из которых имела форты современного типа и сильные промежуточные позиции. Имелся также постоянный охранительный гарнизон.

Прочие крепости и укрепленные пункты Австрии расположены были по границам с Румынией, Сербией и Италией. Из них сыграли существенную роль горные форты и бетонные блокгаузы в области австрийского Тироля, запиравшие жел. дороги, шоссе и горные проходы со стороны Ломбардии и южных предгорий Альп в пределах Австро-Итальянского театра войны. Береговая оборона по Адриатическому побережью у Триеста, Фиуме и Поли с успехом прикрывала операции и давала убежище боевым судам слабого флота Австрии.

Б) Состояние обороны морских военных портов и морских побережий и районов. В России, в пределах Европы, из 11.500 верст ее границ 7.000 омываются морями Черным, Балтийским,

Белым и Ледовитым океаном, через воды которого она и сохранила во время войны свободное, хотя и трудное, но наиболее обеспеченное, сообщение со своими западными союзниками. Ясно, что оборона с моря против вражеских флотов всегда играла особую важную роль в вопросе об обороне страны, а после Японской войны 1904 года тем большую, что линейный и эскадренный флот почти не существовал, и огромные ассигнования шли на восстановление этого флота, как наиболее существенного активного средства морской обороны аналогичного с армией на суше. Но для активного эскадренного и минного флота нужны были порты-базы хозяйственные, — базы снабжений и оперативные для содействия морским операциям флота. Со вступлением Турции в число врагов России, Дарданеллы и Босфор стали доступны германским боевым кораблям, и Черное море из внутреннего стало внешним. Германский флот, единственный враг русских морских сил, ибо турецкий, по ничтожеству его, в расчет нельзя было принимать, во много раз превосходил русский, а в Балтийском море, если бы мог быть сосредоточен, быстро задавил бы его, и все побережье этого моря стало бы доступным для десантов, т.е. расширило бы фронт нашего соприкосновения с врагами на суше. Однако, этому препятствовало отвлечение главных морских сил Германии в Северное море для борьбы с флотами Англии и Франции. При таких условиях оборона Балтийского побережья стала по силам возрождающемуся русскому флоту, который нашел себе оплот в укрепленных базах на его берегах. Такими были хозяйственные базы в **Кронштадте** и отчасти в **Выборге** и оперативные базы: в **Ревеле-Парналуде** *), создавшие непроходимый барьер через Финский залив — для эскадренного, линейного флота, и на **Аландских островах** и в **Монзунде**, вместе с Рижским заливом и кр. **Усть-Двинск**, — базы минного и подводного флота.

*) Иначе называемая „морская крепость Петра Великого“

Незаморажающие воды Ревельского порта играли особо важную роль и позволяли боевому флоту оперировать круглый год. В свое время с указанной целью и по указанной причине была избрана Либава и надлежаще укреплена с моря и от внезапных нападений с суши, но, с приступом к созданию оперативного порта в Ревеле,—упразднена.

В Черном море Россия издавна имела укрепленные порты для своего флота — главную оперативную базу — в кр. **Севастополе**, хозяйственную — в **Николаеве на Буге**, прикрытую слабой крепостью **Очаковым**, запирающей Днепровско-Бугский лиман, и базу минного и подводного флота и как порт-убежище — в **Батуме** или Михайловской крепости. **Керчь** давно уже была упразднена, но верки ее не были уничтожены. Важные порты Черного моря: **Одесса**, **Феодосия**, **Новороссийск** и **Поти**—оставались открытыми. Но с обнаружившейся вероятностью появления из Босфора германских боевых судов, тотчас же было приступлено к постройке временных батарей во всех названных портах и к вооружению их орудиями не свыше 6 дм. калибра, снятыми с судов. Скудный по числу судов боевой черноморский флот стоял в Севастополе. В тот же период были заложены обширные минные заграждения перед входами в названные крепости и открытые порты.

В Белом море и по берегам Ледовитого океана не существовало ни укреплений, ни береговых батарей. Открытые и незаморажающие, под влиянием Гольфстрема, воды Ледовитого океана давно соблазняли к созданию там (в Мурманске или Екатерининской гавани) коммерческого и военного порта, и неоднократно поднимался и обсуждался в высоких совещаниях вопрос об этом, но ко времени возникновения войны ничего еще не было предпринято, и только с началом ее чрезвычайно энергично были двинуты и закончены работы по сооружению Мурманской жел. дороги к Кольскому заливу. В военное время в Архангельске и по берегам названного залива поставлено было несколько батарей

для воспрепятствования германским боевым судам захвата этих важных портов, как исходных для сношений с западными союзниками и приемных для всего посылаемого России на подмогу боевого материала. Это не помешало, однако, германцам забросить множеством мин укости Белого моря и тем вызвать, несмотря на постоянное траление, гибель многих грузовых судов и английского крейсера «Орланда». Таким образом, отсутствие активного боевого флота в водах Ледовитого океана дало себя знать самым чувствительным образом.

Германия, в мечтах ее императора, стремилась стать не только могущественнейшей европейской державой, но стремилась и к мировому господству, для достижения коего неустанно усиливала свой боевой флот, достигший к 1914 году значительного и угрожающего для морских держав размера. Базы этого высоко активного флота в пределах побережий Балтийского и Северного морей были сильно укреплены. Хотя длина этого побережья составляла всего около $\frac{1}{4}$ границ сухопутных (1.700 верст), но на нем имелись укрепленные порты **Данциг**, **Кольберг** и **Киль** в Балтийском море и **Куксгафен** (устье р. Эльбы), **Вильгельмсгафен** (устье р. Везер) и **Гельголанд** — на о-ве того же имени. Последние три крепости создавали огромный укрепленный морской район на Северном море, в широкой степени способствовавший активным операциям всего германского флота. Кильский канал (между портами-крепостями Киль и Куксгафен), доступный для прохода по нему дредноутов, позволял, по мере надобности, сосредоточивать силы флота в обоих морях, Северном и Балтийском, в обход проливов Зундов, паходившихся в пределах нейтральных стран. Однако, во время войны германцы не постеснялись минировать эти проливы, для воспрепятствования английским кораблям проникать в Балтийское море для усиления русского флота.

Кроме того, с целью использовать воды заливов Балтийского моря **Курришгафа** и **Фришгафа**, принимающих

воды развилины р. Вислы, выходы из них у Пилау и Мемеля были защищены батареями, обеспечивающими, между прочим, морские сообщения и Кёнигсбергского укрепленного района. Эта хорошо продуманная и неуклонно, в мирное время, приведенная в исполнение система береговой обороны сохранила на все время войны береговые границы Германии свободными от каких-либо покушений, а германскому боевому флоту — полную свободу маневрирования и активных действий, как линейного, так и подводного флотов и, вместе с тем, не вызвала затраты значительных сил сухопутной армии для наблюдения и охраны побережья.

2. Роль крепостей. а) Западный фронт.

Бельгийские крепости. По бельгийским стратегическим соображениям, крепость Антверпен рассматривалась, как укрепленный лагерь и убежище — редут всех вооруженных сил.

Крепости на р. Маасе Льеж и Намюр должны были служить заставами, тет-де-понами и опорными пунктами для войск, развертывающихся на фронте против Германии. По мирной дислокации бельгийская армия, состоявшая всего из 6-ти пехотных и 1-й кавалерийской дивизий, имела в виду сопротивление по всему контуру ее границ, а именно: 1-ая или Фландрская дивизия (Гент, Брюгге, Остенде и Ипр) — против Англии; 2-ая дивизия составляла гарнизон кр. Антверпен; 3-я — гарнизон Льежа (частью) и частью стояла в Гассельт и Вербье; 4-ая — частью гарнизон Намюра, а также в Шарлеруа; 5-ая дивизия стояла в Моусе, Турне и Ат; 6-ая — в Брюсселе.

Т. обр., в сущности, на направлении английского вторжения и по французской границе расположены были по одной дивизии, на германском направлении — 2 дивизии и 2 дивизии (2-ая и 6-ая) в резерве, одна в Антверпене, другая в Брюсселе. Кроме полевых войск имелись еще постоянные гарнизоны в крепостях, включая и крепостных артиллеристов. Армия начала мобилизацию 31 июля, а 2 августа вечером последовала германская нота с требованием свободного пропуска герман-

ских войск по территории Бельгии, на которую последовал энергичный отказ и заявление, что «правительство короля воспротивится всеми средствами, какие в его власти, всяким посягательствам Германии на права Бельгии», а вместе с тем, что подобное же сопротивление последует и по отношению Франции, если она нарушит нейтралитет Бельгии. 4-го авг., тотчас по получении уверенности в намерении Германии форсировать проход через Бельгию, принято решение: 3-й дивизии оказать упорное сопротивление на Маасе, «опираясь на кр. Льеж» *).

4-ой див. поручается оборона крепости Намюр. 1-ая дивизия из Гента направляется в Тирлемон, 2-ая из Антверпена в г. Лувен, 5-ая — из Монса в Первез и 6-ая — из Брюсселя в Вавр. Все эти передвижения совершаются под прикрытием 3-ей дивизии, «опирающейся на кр. Льеж». Весь состав мобилизованной бельгийской армии с волонтерами насчитывал до 135.000 человек, способных к операциям в поле **).

Весьма характерно то, что в призыве к нациям, гарантировавшим нейтралитет Бельгии, между прочим, сказано: «Бельгия счастлива, имея возможность заявить, что она обеспечит защиту своих крепостей». Таким образом, с самого начала войны в план оперативных действий вошла идея базирувания полевой армии, неспособной к сопротивлению подавляющим силам Германии в поле, на стойком сопротивлении крепостей, из которых Льеж и Намюр составляли тет-де-пона на р. Маасе и стесняли продвижение германских полчищ по правому берегу Мааса, а Антверпен, включив в себя всю бельгийскую армию, при неременном условии сохранения связи

*) В официальных документах обнаруживается некоторая несогласованность в понятиях, а именно: то Льеж именуется крепостью (place forte), то укрепленную позицию (position fortifiée). По существу устройство, Льеж, не имевший центральной ограды, ни глубокой долговременно подготовленной обороны, т. наз. промежуток, скорее был долговременно укрепленной круговой позицией, чем крепостью. Также нужно отметить и по поводу кр. Намюр.

**) «L'action de l'Armée, Belge pour la défense du pays et le respect de sa neutralité».
Репорт командования армии. Период с 31 Июля по 31 Декабря 1914 г.

с союзными армиями, составил бы, при надлежащей активной его обороне, серьезную угрозу тылам и сообщениям германской армии, вторгнувшейся во Францию, что на самом деле и заставило германцев заняться его осадой и связать этим в сумме до 3-х корпусов.

Быстрое отступление на Антверпен предвидится бельгийским высшим командованием лишь в случае вторжения превосходящих сил германцев, дабы избежать окружения и сохранить армию для последующих действий совместно с союзными французской и английской армиями.

В случае, если вторгшиеся силы противника были бы равны бельгийским, предполагалось «атаковать неприятеля в благоприятной обстановке, именно: или когда он займет слишком растянутое расположение, или временно будет ослаблен. Однако, это не исключает защиты укрепленных позиций Льежа и Намюра, так же, как и укрепленного лагеря Антверпена». Но эти соображения значительно были нарушены событиями на р. Маасе и у Льежа.

Утром 4 авг. две кавалерийских германских дивизии (2-ая и 4-ая—12 полков) перешли границу и заняли район Nerve, обойдя укрепленную позицию Льежа с севера. Найдя мост через р. Маас у Визе разрушенным, они переправились несколько севернее, у местечка Ликсе (Lixhe), и заставили обходные части бельгийцев отойти к крепости Льеж. За кавалерией перешли границу по фронту *Bombaye—Nerve—Remouchamps* VII, VIII, IX, X и XI корпусов, а за ними — III и IV корпусов. Эти 7 корпусов, в числе 300.000 человек, сгруппировались, таким образом, на путях вторжения, которые запирала укрепленная позиция Льежа, ибо все прочие переправы через р. Маас были уничтожены и дороги испорчены.

5 авг. в Лихе немцы навели мост, а кавалерия заняла г. Тонтр, в 10 км. в тылу Льежа. Другая часть (полк) ее заняла местечко Пленво к югу от Льежа, всего в 3 км. от форта Бонсель, в секторе между р.р. Маас и Урт, и тотчас же парламентар предложил

коменданту открыть свободный пропуск через Льеж. На категорический отказ немцы ответили атакой **открытой силой** (без надлежащей артиллерийской подготовки) фортов Шодфонтен, Флерон, Эвэ, Баршон и Понтис. С большими потерями со стороны немцев атака была отбита путем энергичной контр-атаки, отбросившей атакующего даже за исходные позиции в участке форт Баршон — р. Маас. Ночью с 5-го на 6-е августа свежие силы немцев пытались форсировать участок между р.р. Маас и Урт, и X герм. корпусу удалось сначала сбить части 3 дивизии с позиций на промежутках, но с подоспевшей частью 15 бригады 4-ой дивизии из Гюи части 9 и 12 бригад отбили атаку, сами перейдя в наступление. Тем временем 8 кавалеристов с 2-мя офицерами во главе проникли в гор. Льеж, пытались арестовать коменданта, но все они были убиты.

Учитывая крайнее утомление войск, дравшихся с 4-го числа, комендант, генерал Леман, решил упразднить позиции Льежа, как крепости, и приказал каждому форту защищаться и работать, как форту-заставе, и сам со штабом 6-го авг. в 12 час. дня помещился в наиболее тыловом (западном, левобережном) форте Лонсен (Loncin), продолжая руководить обороною. Полевые войска собрались в промежутке между этим фортом и соседним — Голонж, — а вечером того же числа 3-я дивизия ушла на соединение с главными силами армии на р. Гетту, чего и достигла без помехи со стороны противника.

Т. обр., кр. Льеж превратилась в группу одиноких фортов-застав, занятых постоянным их малочисленным гарнизонам (130 чел. пехоты) и бронекупольной артиллерией (12 орудий). В приказе по армии король Альберт, указав на мужественную боевую работу офицеров и солдат и благодаря за нее, заканчивает его так: «Солдаты бельгийской армии, не забывайте, что вы составляете лишь авангард огромных сил в этой гигантской борьбе, и что мы ждем лишь прибытия наших братьев, чтобы идти к победам».

Это значило, что верховное командование бельгийской армии приступило, в виду подавляющих сил противника, к выполнению 1-го, т. е. соответствующего плана операций: прежде всего сохранить армию до соединения с армиями союзными. Таким образом, участь Льежа и вместе Намюра, пока еще не покинуто, была предпринята. Эти крепости или, вернее, укрепленные позиции, рассматривавшиеся тем же командованием, как опора войск, защищавших оборонительный рубеж реки Маас, потеряли свое значение, как таковые, вследствие обнаруженных соотношений сил противников, потеряли его для бельгийской армии, но, как увидим ниже, далеко не потеряли значения, особенно Льеж, для дальнейших операций германских полчищ, спешивших наводнить Францию и предупредить своим появлением на фланге и в тылу французских армий, развернувшихся по плану войны на восточной границе Франции, перегруппировку и перемену фронта.

Ставшие одиночными фортами-заставами, форты Льежа в течении с 6-го по 12-е августа не переставали обстреливать германские войска, проходившие в пределах дальности стрельбы из орудий (12 см., 15 см. пуш. и 21 см. гауб.), но 12-го, около полудня, атакующий начал жесточайшую бомбардировку орудиями большого калибра: 30,5 см. австрийскими гаубицами и 42 см. новыми германскими мортирами, и тем проявил явное намерение овладеть крепостью, препятствовавшей свободе продвижения германских масс, ибо Льеж прикрывал 10 мостов.

На форты Льежа, построенные по бриальмоновскому типу, бомбардировка эта привела всеокрушающее действие, которому ничто не препятствовало. Артиллерия германцев, войсками окруживших форты, каждый в отдельности, так как промежутки между ними были свободны и изобиловали мертвыми зонами, могла располагаться даже против горжевых, весьма слабо вооруженных, фасов и действовать концентрически и сосредоточенно. Малое число мощных орудий

заставило последовательно бомбардировать один форт за другим, и лишь 17-го августа пал последний, именно форт Ловсен, вследствие взрыва порохового погреба. Под развалинами форта погиб весь гарнизон: из 500 чел.—350 были убиты, остальные тяжело ранены.

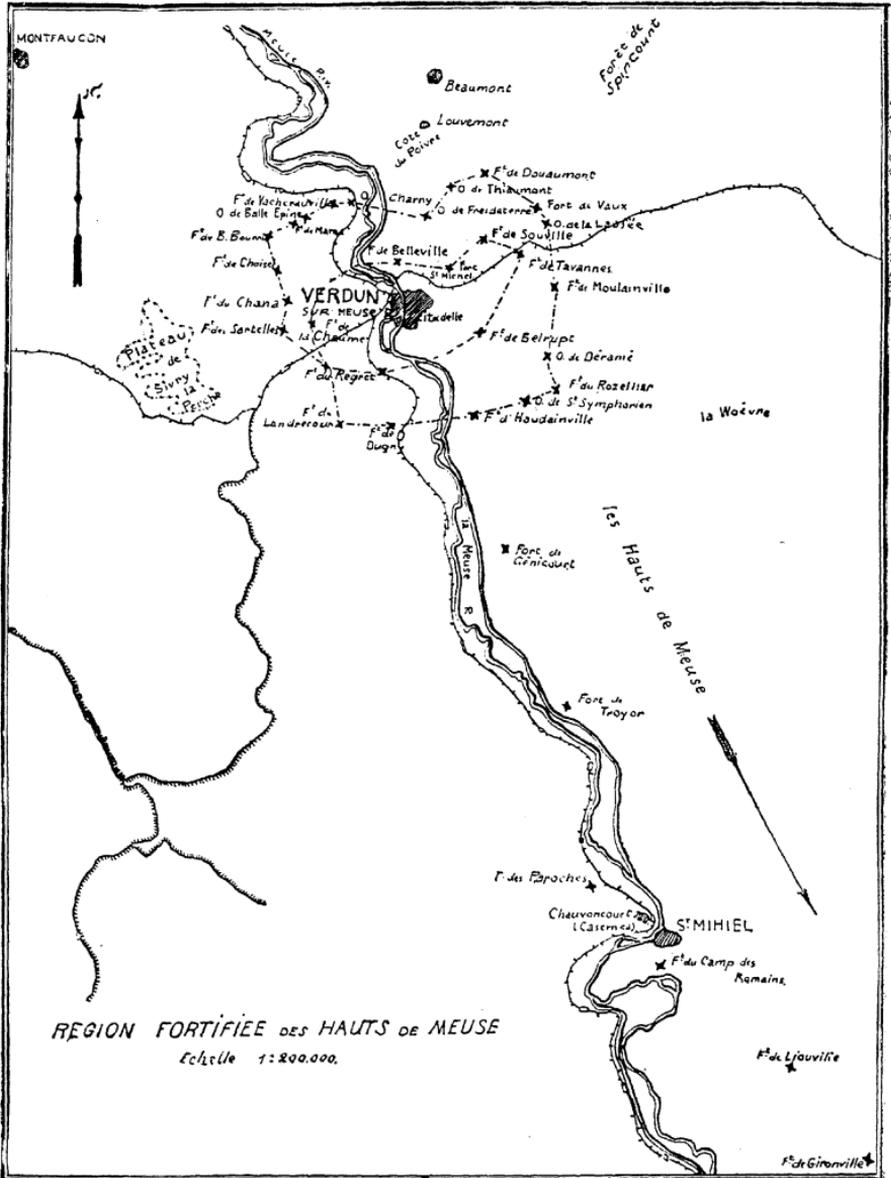
Комендант крепости, ген. Леман, придавленный обломками и отравленный удушливыми газами, был взят в плен. В течение 2 дней бомбардировки гарнизон вел себя с самоотвержением и, несмотря на потери и страдания от удушливых газов, готов был к отражению штурма, но указанный взрыв решил дело.

Итак, совершенное овладение Льежем потребовало, с 5-го по 17-е авг.,— всего 12 дней, однако, германские источники сокращают этот срок до 6-ти, т. е. считают 12-ое число уже решившим дело, а дальнейшие бомбардировки — доканчиванием разрушения фортов.

В указанных условиях бомбардировка эта скорее носила характер полигонной стрельбы, и Льеж уподобился Страсбургу 1870—1871 г.г., когда, без особой нужды, немцы вели постепенную атаку по всем правилам искусства, более с целью выяснить и проверить на опыте приемы ее при наличии нарезной артиллерии.

Между тем, 6-го августа достигнуто сосредоточение бельгийской армии в четырехугольнике Тирлемон—Лувен—Ваар—Первез, и в тылу Льежа на лев. бер. Мааса накапливаются большие массы германских войск. Король Альберт, в надежде на подход союзных войск, решает продержаться некоторое время на линии р. Жетт, позиций между Первез и Намюром, и на Маасе до пограничной французской устарелой крепостцы Живе. Производится спешная подготовка и укрепление занятых позиций, а крепость Намюр рассматривается, как опорный пункт, и для защиты ее назначается 4-ая полевая дивизия.

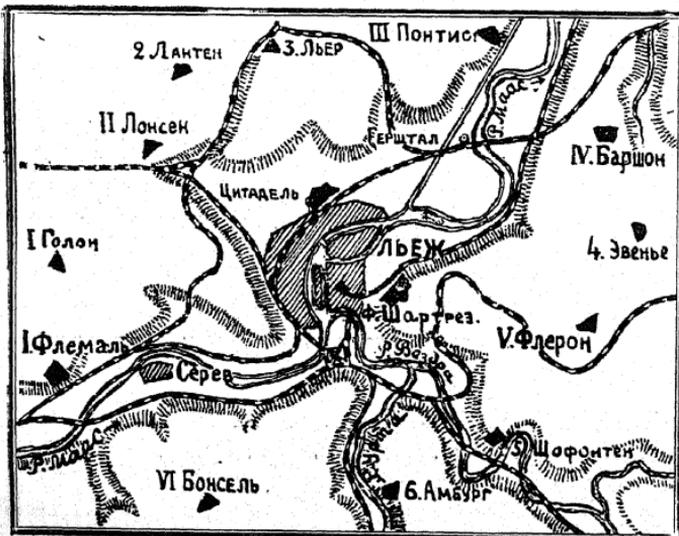
К 18 августа выяснилось, что на территории Бельгии сосредоточилось 6 германских корпусов первой линии и 5 корпусов резерва, всего до 500.000

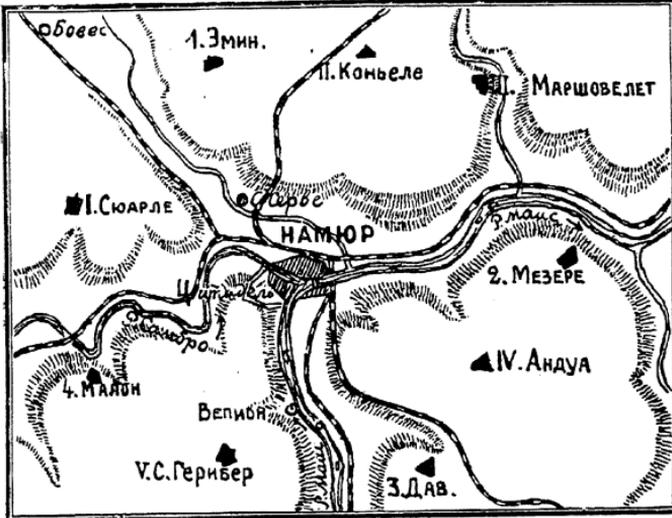

Энциклопедич. Словарь Русск. Библиогр. Инст. Гранат.

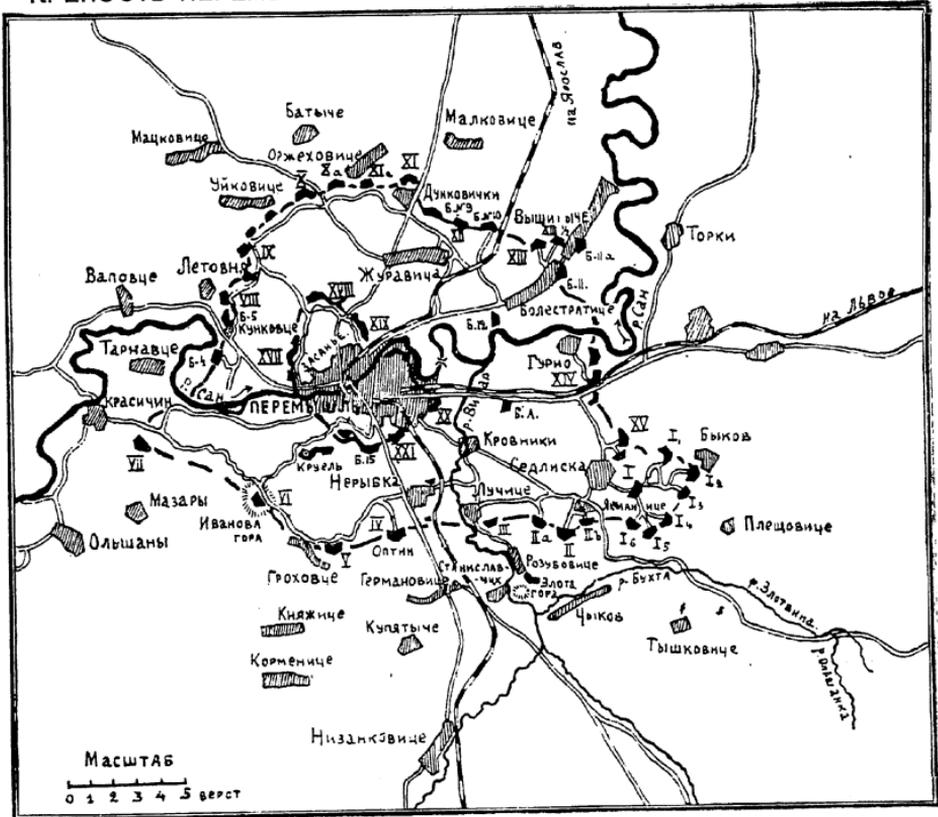
КРЕПОСТЬ ЛЬЕЖ.

Энциклопедич. Словарь Русск. Библиогр. Инст. Гранат.

Энциклопедич. Словарь Русск. Библиогр. Инст. Гранат.

Энциклопедич. Словарь Русск. Библиогр. Инст. Гранат.

солдат на левом бер. Мааса, помимо тех германских сил, которые направлялись непосредственно к пределам Франции через бельгийские провинции Люксембург и Намюр.

Эти подавляющие силы, разумеется, не могли быть остановлены в своем движении ничтожной бельгийской армией, растянувшейся на названных позициях, и опасения за охват с левого фланга и возможность быть отрезанными от своей единственной базы снабжения и своего редюита—кр. Антверпен, а также значительное еще удаление союзных войск, заставляло бельгийцев вернуться к выполнению основного решения — к постепенному сворачиванию на Антверпен, куда армия и прибыла 20 авг. без особых помех со стороны противника. Противник, следуя частью сил на пятам бельгийской армии, перешел французскую границу лишь 24 авг., т. е. на 23-й день мобилизации во Франции.

Крепость Намюр. Кроме 4-ой дивизии, в состав гарнизона входили 4 крепостных полка (12 бат.), 4 пулемет. роты, легкий артиллерийский дивизион, 12 крепостн. батарей, саперный батальон и обозн. рота, всего до 25,000 человек, под командою ген. Мишаль. Первые столкновения разведывательных частей в окрестностях Намюра произошли между 5 и 7 августа. Пемецкий отряд из состава VII резервн. корпуса ген. Бюлова 15 авг. пытался форсировать р. Маас в Динане, в 18 км. южнее фортов Мобежа, но французский отряд, защищавший здесь долину реки, отбил нападение. К 19 авг. все части 4-ой дивизии, находившиеся вне верхов Намюра, в Гюн и Анденах, уничтожив мосты, сосредоточились в укрепленной позиции Намюра, и того же числа немецкие части всех родов оружия обнаружены в районе крепости, у Фо (Fauls), в 5 км. от форта Андуа на прав. берегу Мааса и у Рамильи — Орфюс, в 12 км. от форта Коньеле на л. берегу реки. Части эти непосредственно сопровождалась батареями самой тяжелой артиллерии. 20 авг. обнаружены батареи против фортов Мезере, Андуа и Дав восточного сектора. 21-го началось бомбар-

дировка Намюра на обоих берегах, захватив сразу 4 форта: Андуа, Мезере, Маршвелетт и Коньеле. Полевая тяжелая артиллерия била по промежулкам и частью по городу, а самая тяжелая («Берты») по фортам. Форты и их купольная артиллерия быстро приходили в разрушение; бомбардировка продолжалась и ночью. 22-го все активные попытки гарнизона не привели ни к чему, а атака распространилась и на форт Дав. Подкрепленный прибывшими 3-мя батальонами французских войск, гарнизон попытал новую вылазку, но, не поддержанный сбитой немцами артиллерией, вынужден был отойти назад. Бомбардировка продолжала свое дело разрушения, и форт Мезере, а также ф. Маршвелетт должны были быть эвакуированы. 23-го огонь осадных батарей усилился и, после отбитой первой пехотной атаки, ф. Коньеле был взят штурмом, а бомбардировка перенесена на прочие форты северного сектора; обороняющийся еще держался на промежутках, но и здесь окопы подвергались разрушению, и войска обоих секторов свернулись к городу. В это время 4-ой дивизии, отрезанной на обоих берегах Мааса, оставался еще свободным выход через сектор между Самброй и Маасом, который она и исполнила в ночь с 23 на 24 авг., покинув крепость и потеряв лишь свой арбергард у м. Ерметон-сюр-Вьерт. 25 августа вся бельгийская армия сосредоточилась в Антверпене.

На изложенных событиях окончилась роль оборонительной линии реки Мааса с ее опорными пунктами, не то укрепленными позициями, не то крепостями — Льеж и Намюр и, казалось бы, от кратковременного сопротивления последних мощным разрушительным средствам и подавляющим силам огромных масс германских войск не было помощи слабой бельгийской армии. Тем не менее, в эти дни задержки общего наступления германских полчищ, бельгийская армия без ощутительных потерь и без особой помощи со стороны противника успела выполнить предначертанный маневр отхода в пределы укрепленного лагеря Ант-

верпен. В то же время соответственное плану войны продвижение через северную часть Бельгии 11-ти германских корпусов (II, IV, IX от голландской границы у Дюста и Тирлемон, III, VII и X — перешедших Маас в пределах Льеж—Гюи и за ними 5 корп. во второй линии) было отсрочено на несколько дней сопротивлением креп. Льеж, прикрывавшей 10 мостов на р. Маас и узел железных дорог, ведущих через Бельгию во Францию.

Вот как оценивается в германской военной литературе полуофициального характера эта кратковременная задержка *):

«Не может быть двух мнений о том, что попытка взять Льеж внезапным штурмом (Gewaltsame Angriff) привела к почти полной неудаче. **Запоздание только на несколько дней** его падения привело к крушению германского наступления в самом начале. Только энергичная операция генерала Людендорфа спасла положение; в противном случае было бы совершенно безразлично, являлся ли Льеж современной или устарелой крепостью».

Для того, чтобы успеть захватить французские армии врасплох в период совершаемой ими перемены фронта и обойти их л. фланг, разобив их от англичан и помешав высадке последних, нужно было проследовать по путям через Бельгию эшелонами в поездах, как в своей стране. Но Льеж заперал важнейший узел железных дорог: Кельн—Остенде, Берлин—Париж и Льеж — Герве, Льеж — Утрехт и Льеж—Мастрихт и прикрывал 10 мостов, связующих оба берега реки Маас. Овладеть им надо было с налета в тот же день, как подошли к нему передовые части: 5 сводных, немобилизованных бригад из состава VII, VIII, IX, X, и XI корпусов с соответственной тяжелой корпусной артиллерией, под начальством лично знакомого с Льежем ген. Эммиха, б. ком. X корпуса, и пытались штурмовать форты и промежуточные безуспешно, несмотря на большие потери (15—20.000 убит. и

ран.). Пришлось ожидать прибытия крупно-калиберной артиллерии. Таким образом, элемент «внезапности» был потерян германцами, и обстоятельство это привело к конечному краху план Шлиффена.

Намюр сыграл сравнительно с Льежем уже ничтожную роль. Атакованный на 2 недели позже Льежа (20—21 авг.), он продержался всего 4 дня и помог лишь 4-ой бельгийской дивизии в порядке отойти и присоединиться к главным силам армии. Однако же, овладение крепостью задержало под ней целый корпус (VII резервный) Бюлова на 5 дней.

Антверпен (схема 11). С 20 августа бельгийская армия отошла на позиции по р.р. Рюпшель и Нета, имея особый отряд у Термонд, и, имея основной и ближайшей своей базой крепость, остановилась на линии фортов, составляющих главную крепостную позицию, ибо 2-ая линия фортов представляла собой совершенно устарелые постройки так же как и ограда, подлежащая совершенно срытию. Из фортов 1-ой линии, фортов сильных по устройству и вооружению (купольная артиллерия), перемежающихся со слабыми промежуточными, только некоторые были закончены постройкой. Таковы форты Вавр—С. Катрин и Стабек и, вероятно, форты: Эрбранд, Браскат и Кесель. Остальные форты, равно, как некоторые из возведенных промежуточных редутов, насколько можно судить по некоторым данным описания боевых действий в крепости, носили временный или полудолговременный характер. Заблаговременного оборудования промежуточных фортов, в том виде, как это было выполнено в некоторых французских, немецких и частью русских крепостях, не было, и укрепление соответственных позиций исполнялось в мобилизационный период и даже во время самих боев. В крепости был собственный гарнизон из крепостных батальонов, саперных частей и крепостной артиллерии, а ввод целой полевой армии из 5-ти дивизий (4-ая обороняла переправы у Термонда и по Шельде) придавал ее обороне высоко-активный характер. Таким

*) «Der Weltkrieg 1914—1918 Jahre», под ред. генер. Шварте. Также см. Мемуары германского полк. Бауера и генерала Мольке.

образом, обеспечивались от захвата провинции Антверпен и Фландрия, а вместе береговая полоса с Остенде и Ньюпор, чем обеспечивалась, вместе с тем, связь с союзниками. По соображениям бельгийского командования, согласованного с союзным, армия у Антверпена «должна была подчинить все свои действия совместным операциям французской и английской армий, и ее непосредственная роль должна заключаться в том, чтобы привлечь на себя и возможно долее удержать возможно большие германские силы». Опираясь на крепостные позиции Антверпена, бельгийская армия рассчитывала действовать активно, т. к. оставленные против нее и Антверпена силы немцев почти не превосходили бельгийских, и последние получили перевес лишь после 25 сентября. Вместе с тем, имелось в виду никоим образом не позволить противнику перервать связь бельгийской армии с союзными, а именно жел.-дорожной линией на С. Николас, Гент и далее и, в случае решительной тому угрозы, своевременно и без потерь отойти к р. Изер.

С 21 авг. перед Антверпеном расположилась особая наблюдательная армия из III и IX резервных корп., тогда как 13 резервн. дивизия и одна или две дивизии ландвера находились в Льеже. Прочие германские силы устремились к границам Франции, где завязались крупные бои на Самбре и у Монса. Таким образом, подавляющие силы немцев были далеко, и поэтому 25 и 26 августа бельгийцы решают атаковать III и IX корпуса, пока те не успели еще закрепиться на своих позициях. Операция была произведена всеми 5-ю дивизиями и имела лишь частичный успех, ибо немцы успели закрепиться, и хотя 6-ая дивизия и захватила Нофштадт, а 1 и 5 взяли Сикрет, Верде и Эппегем, но 2-ая дивизия не смогла дебушировать на восточный берег Лувенского канала, а 6-ая, в центре, овладеть Элевайт. Пришлось отойти на свои позиции.

4-го сентября противник атаковал Термонд, взял его, перешел на л. берег Шельды, создав тем большое опа-

сение за линию связи с союзниками, почему тотчас же высланные 1 и 6 дивизии заставили противника отступить и возвратить Термонд. К удивлению, нужно отметить, что немцы после этого никогда уже не пытались создавать угрозы с этой стороны, составлявшей поистине ахиллесову пяту бельгийской армии.

7-го и 8-го сентября обнаружилось, что из III и IX резервн. корпусов три дивизии отправлены во Францию, на поддержку отступающих на р. Эн, после програнного Марнского сражения германцев. Хотя эти три дивизии и были заменены одной морской дивизией и 26 и 37 бригадами ландвера, но бельгийское командование почло момент благоприятным для перехода в наступление, в расчете заставить вернуть убранные силы обратно. «Вылазка» (la sortie) началась 9-го сентября и вновь всеми 5-ю дивизиями и сначала шла успешно, и были захвачены не только все переправы на р. Демер и р. Диль, но занят Армот (25 км. от г. Лиер и реки Хеймса), и взвод 4-го полка конных стрелков проник в г. Лувен. Немцам пришлось в этот момент вернуть 6-ю дивизию III корпуса, отправленную во Францию, и задержать на два дня движение туда же всего IX рез. корпуса. Активные операции гарнизона Антверпена не ограничились этим, и решено было предпринять целый ряд экспедиций, имеющих целью воздействие на пути сообщения германцев. Эти операции начались 22-го сентября, и каждый отряд имел свою определенную зону. Большой части их удалось проникнуть сквозь неприятельские линии, достигнуть намеченных пунктов и перерезать важнейшие жел. дороги Лимбурга, Брабанта и Гено и в значительной мере затруднить этим немецкий транспорт. Большая часть этих отрядов возвратилась обратно. 25 сентября высшее командование союзных армий сообщило о желательности, в виду жестоких боев на р. Эн и левом фланге фронта, воздействовать на сообщения германцев. Но, вследствие усиления осадного корпуса, активной части гарнизона Антверпена пришлось ограни-

читься только перемещением к юго-западу главной массы войск и атаковать 37-ю бригаду ландвера, направляющуюся к Термонду, но последней при наступлении темноты удалось вырваться из засады.

К концу сентября осадный корпус получил подкрепление из всех родов оружия, преимущественно же в артиллерии крупного калибра, и начал осадные действия. Осадный корпус состоял из III рез. корпуса, 26 и 37 бригад ландвера (одна дивизия), одной дивизии морской, 4-ой эрзац-дивизии, 1-ой рез. дивизии, одной баварской дивизии, бригады пешей артиллерии и бригады сапер, — всего до 3-х корпусов.

Осадные действия начались с 28-го сентября бомбардировкою 42 см. мортирами фортов Улем и Вавр—С. Катрин. Учитывая результаты действия подобной артиллерии на фортификационные постройки типа, принятого в Бельгии, по опыту Льежа и Намюра, высшее бельг. командование признало в своих дальнейших соображениях невозможность дальнейшего пребывания армии в укр. лагере Антверпена, что могло бы привести ее к неминуемой сдаче, и решило базу свою перенести более на юго-запад — в Остенде, с коим соединяла Антверпен лишь одна жел. дорога, шедшая ша С. Николас и Гент. С 29 сентября по 7 октября это удалось выполнить, пропуская поезд по ночам. Вместе с тем нужно было подготовить для армии оборонительные позиции, которые помогли бы сдерживать противника арьергардом, а в то же время возможно долее удерживать саму крепость. Однако, надо было прочно держать левый берег р. Дандр и, в случае ее форсирования, л. берег Шельды, чтобы обеспечить себе сообщения с союзниками. Задача эта оставлена на 4-ю дивизию и на кавалерийскую дивизию, прочие же силы (5 дивизий) продолжают содействовать гарнизону в отбитии настойчивых атак противника на 3-й и 4-й секторы крепости.

Напомним, что в кр. Антверпен, как и в Льеже и Намюре, не было иной крепостной артиллерии тяжелых калибров, как только под броневыми вупо-

лами фортов, в расчете на ее неуязвимость. Этот крупнейший недочет, отмечаемый многократно в иностранной (особенно в русской) военной литературе еще до войны, не мог быть устранен с ее возникновением. Поэтому с постепенным и быстрым разрушением фортов уже 3-го октября для продолжения борьбы оборона располагала лишь полевой артиллерией и 15 см. гаубицами, да еще двумя броневыми поездами с 12 см. пушками, и дни сопротивления крепости были уже сочтены, тем более, что командующий осадным корпусом генерал ф.-Безелер, бывший в мирное время, года за два, генерал-инспектором крепостей и инженерного и пионерного корпуса, считался в Германии человеком большой эрудиции в крепостном деле. Ген. ф.-Безелер повел атаку энергично и с крайним напряжением. Позиции р. Неты были форсированы, немцы врезались клином во внутренний район крепости и грозили второй линии фортов, несмотря на контр-атаки 1, 2 и 5 дивизий, подкрепленных резервами от 3-й и 6-ой, и бригадой английских моряков. Однако, тем временем, в течение 5 и 6 октября, немцы, перейдя р. Дандр, стали серьезно угрожать Термонду, что имело бы последствием перерыв сообщений армии, да назрели и другие события. Отброшенные от Марны и угрожаемые с правого фланга, германцы протянули свой фронт к началу октября до Лилля (к началу войны упрямленного, как крепость). От Лилля до Ньюпора на бер. моря было всего 60 клм., а от расположения бельгийской армии — 140 клм., и бельгийская армия легко могла быть отрезана. Поэтому назрел момент спешить итти на соединение с англо-французами, пока это еще было возможно, и в ночь с 6-го на 7-ое октября, по приказанию короля, армия перешла на л. берег Шельды. Для продолжения обороны крепости оставлены гарнизоны фортов, несколько полков крепостной пехоты, 2-ая армейская дивизия и три бригады английских моряков. Немцы спешат, в свою очередь, перерезать путь отступающему и форсируют Шельду в Шоерде, появляются их

отряды против Гента и даже в Назарете; однако, бельгийцам всюду удалось их предупредить и отбить, а линию ж. дороги охранять от покушений частями гражданской стражи, эскадронами жандармерии и четырьмя батальонами волонтеров. Несмотря на все усилия немцев (в сумме до 4 дивизий), им не удалось развить свои операции на л. бер. Шельды, и отход бельгийской армии совершается беспрепятственно. Тем временем Антверпен продолжает упорно сопротивляться и продолжает удерживать большую часть немецких сил, и комендант, инж. ген. Дегиз, сдает крепость лишь 10 октября, а 15 октября бельгийская армия уже на р. Изер и вошла в общий фронт с англичанами — от Ньюпора до Ипра.

Таким образом, если всего 6-дневное сопротивление крепости Льеж повлияло решительным образом на успех выполнения германского плана внезапного вторжения во Францию и привело его к крушению, если крепость Намюр сыграла частную роль, облегчив отдых армии и ее сосредоточение, то Антверпен дал армии, во-первых, временное убежище и опору для ее активных операций, в связи с положением дел на французском фронте. Во-вторых, служа базой снабжения, он дал ей все необходимые боевые средства, в-третьих, он избавил ее от несомненного разгрома в поле подавляющими силами немцев или, в лучшем случае, интернирования в Голландии. В-четвертых, своим сопротивлением в течение 4-х дней, с 7-го по 10-ое, после оставления армией крепости, он удержал у себя главные силы осадного корпуса (армии) и облегчил отход армии на соединение с англо-французами. Но роль эта распространялась далеко и за пределы Бельгии, повлияв на исход боев на Марне, удержав у себя III и IX рез. корпуса до 7 сентября и III до 10 октября, а также до 6-ти дивизий второочередных войск. Вместе с тем, допустив возможность бельгийской армии избежать разгрома и сохранив ее целой, крепость Антверпен способствовала активным операциям ее и воздействию на тыл и сообщения германских полчищ, слишком массив-

ных, чтобы по быть к тому чувствительными. А таковые операции в конце сентября отражались и на операциях на р. Эн на французском фронте. Таким образом, далеко не совершенные по фортификационному своему устройству, устарелые и теорией осужденные еще в мирное время, крепости Бельгии сыграли свою роль в соответствии с теми стратегическими задачами, какие возлагались на них бельгийским высшим командованием, и заставили немцев признать (после войны), что «решающее значение имеет не то, пала ли под конец крепость или нет, или, как долго сама по себе оказывала она сопротивление неприятелю, а то — выполнила ли крепость поставленную ей высшим командованием задачу, как в рамках общего оперативного плана, так и в связи с отдельными операциями войск. Если да — крепость оправдала свое назначение, хотя бы, в конце концов, пришлось ее добровольно сдать, и затраченные на нее издержки, таким образом, окупились». При таких условиях становится не столь существенным, была ли крепость устарелой или нет.

2. Крепости Франции (схема 2). Северная граница. Еще в конце прошлого века, в 80-х годах, как результат работ образ. после войны 1870—71 г. совещания, решено было не только создать западную «оборонительную завесу», но и северную, по границе с Бельгией и Люксембургом. Решено было создать укр. район между р.р. Самброй и Шельдой, устроив плотины для наводнения долин многочисленных речек и ряд фортов-застав: Мальд, Флин, Конде, Куржис, Кенуа и усилить кр. Межеж. Слева подлежала усилению кр. Лилль и береговая Дюнкерхен. Справа, в районе между р.р. Самброй и Маасом, используя горную группу Арден и арденские леса, сохранили старую цитадель Живе (форт Шарлемон), охранявшую железную дорогу от Намюра к Мезьеру, а в промежуток возвели форт-заставу Гирсон — узел ж.-д. путей. К востоку, для обстрела важной ж.-д. линии на Реймс, начата постройка сильного форта-заставы Айвель, а для защиты входя-

щих в пределы Франции из Бельгии второстепенных ветвей, сохранили старые крепости Монмеди и Лонгви. В тылу оставалась прикрывающая Париж группа: Ла-Фер, Реймс и форты-заставы Леникур и Монборо. Но в 1900 г. при новом рассмотрении вопроса об укреплении сев. границы, Лилль, Реймс, Ирсон и Айвель отнесены к 3-ей категории, т. е. таких, которые могут пригодиться лишь при случае и используются полевыми войсками, как полевые или временные укрепления. Точно так же Мобеж, Монмеди, Лонгви и все форты-заставы по Маасу отнесены ко второй категории и оставлены без усовершенствования в положении status quo, и лишь 4 крепости по восточной границе: Верден, Туль, Эпиналь и Бельфор и некоторые из ф.-застав, как, например, Трайон к югу от Вердена, были отнесены к первой категории, т. е. подлежали полному усовершенствованию всех их средств обороны.

Кроме того, крепость Лилль была упразднена в начале самой войны по требованиям политическим, которые Ганото имел мужество разоблачить в своей истории мировой войны. Этим было сыграно, разумеется, в руку германцам.

Крепость **Мобеж**, устаревшая (см. выше) и недостаточно подготовленная к обороне (донесения коменданта ее, ген. Фурнье, в первых числах августа), была обложена уже 3-го августа, удержав у себя целый герм. корпус до 8 сентября, когда сдалась. Корпус этот весьма пригодился бы немцам на Марпе в период развязки Марнского сражения. Комендант был предан суду. На суде главнокомандующий, генерал Жоффр, заявил: «Сопротивление Мобежа отвратило от моей армии несколько неприятельских дивизий и, особенно, всю артиллерию, которая бомбардировала крепость».

Итак, Мобеж, даже и в том плачевном состоянии своей подготовки к обороне, в каком застала его война, исполнил предназначенную ему роль и способствовал победе на Марне.

Что же касается до сопротивления французских малых и устарелых кре-

постей-застав этого фронта и роли ими сыгранной, то, по германским источникам, **Лонгви** «приковал к себе 1½ пех. бригады и специальные части от 5 гер. армии, во время весьма критического для французов сражения в ее окрестностях». Живе, устарелый форт-застава, «в течение нескольких дней приковывал к себе целую дивизию».

Роль прочих мелких долговременных укреплений рассматриваемого фронта пока остается невыясненной.

Восточный пограничный район распространялся от крепости Лонгви до крепости Бельфор у Швейцарской границы. Наступательные операции германцев велись в этом районе, т. е. в области «оборонительной завесы» Франции в весьма ограниченном размере и, напротив, район этот служил во время войны исходною базой частичных наступательных операций французских отрядов, ибо главные и решающие операции велись в северном районе и, кроме упомянутой кр-цы Лонгви, да еще совершенно устарелой пограничной кр-цы Мановилье, запиравшей жел. дорогу от Страсбурга в Нанси и, по германским источникам, «задержавшей все же наступление 5 гер. армии», оставался с юга до пределов Верденского укрепленного района (R. F. V.—region fortifiée de Verdun) нетронутым. Но это не значит, чтобы созданная здесь оборонительная завеса крепостей и фортов-застав между ними не сыграла никакой роли. Напротив, она сыграла решающую роль, но не во время самой великой войны, а еще в мирное время, ибо, по мнению германских стратегов, она должна быть рассматриваема, как данная стратегическая величина и, «независимо от того, насколько крепостные сооружения были современными или устаревшими, сыграла решающую роль в выработке Шлиффеном операционного плана», т. е. плана вторжения во Францию через Бельгию с нарушением нейтралитета последней.

Таким образом, все последующие операции крепости Верден являются, в известной мере, частичными, вылившимися из создавшейся боевой обстановки, когда крепость эта явилась

правофланговым устоем развернувшихся против германского нашествия французских армий.

Крепость Верден (схема 5). Операции под Верденом до 23 февраля 1916 года все протекали вне собственно крепостного района и не носили характера крепостной борьбы, а сам Верден, как крепость, даже и не существовал. Крепость Верден, наряду с крепостями Туль, Эпиналь и Бельфор, декретом 5 августа 1915 г. (Инструкция от 9-го августа того года) была, как указано было выше, упразднена. Однако, в период боев на Марне крепость Верден оставалась не атакованной при движении германской л.-фланговой 5 армии, имевшей перед собой 3 французскую генерала Серайль; последняя, в период с 24 августа по 5 сентября 1914 года, нашла в этой крепости с нетронутым еще ее гарнизоном ту «стратегическую ось», которая позволила ей, опираясь на крепость правым флангом, при непрерывном напоре германских корпусов, отступать, заворачивая центр к левому флангу назад (схема № 12), не теряя связи с 4 французской армией ген. Лангль-до-Кари и, наконец, стать в период самых решительных боев на Марне с 5-го по 9 сентября во фланговое положение к общему фронту германского наступления, занимая положение от Юбекура, к ю.-з. от Вердена, до Ревинь, в 15 км. к зап. от Барле-Дюка. Мало того, крепость Верден и ряд фортов-застав к югу от нее, как-то: Женикур, Тройон, С.-Мнель, создавали прочный оплот тылам армий Серайля, положение которой особенно 3 сентября было, можно сказать, отчаянное, ибо обнаружилось явное намерение германцев прорвать завесу фортов-застав, и форт Тройон был атакован войсками 6 гер. армии при поддержке тяжелой мотужель артиллерии. Ген. Серайль приказывает коменданту форта Тройон держаться «во что бы то ни стало», дорог каждый день и час, чтобы выгадать время поддержать его, ибо с падением форта Тройон был бы открыт тыл 3 армии.

Положение французских правофланговых армий было настолько тяжело,

что главное командование разрешило ген. Серайлю отойти к югу и предоставить Верден собственной участи. Но доблестный ген. Серайль не воспользовался этим разрешением, ибо ф. Тройон все еще держался, и, учитывая необычайно выгодное стратегическое положение своей армии и сопротивление, какое мог бы оказать Верден, который немцы начали бомбардировать (ф.ф. Мор-гом и Буа-Буррю), он употребил все меры к тому, чтобы подкрепить Тройон; последний стойко держался, обшил три штурма, а с поддержкой из 2 армии (13 рез. и 2-ой кав. дивизии) заставил немцев прекратить свои приготовления к переправе у Ла-Круа-Сюр-Мэз.

Боевые действия 3 французской армии в дни сражения на Марне,—пишет проф. В. Ф. Новицкий,*) «являются поучительным образцом активной обороны полевой армии, опирающейся на крепость». Отступая в Аргонах под натиском превосходных сил противника, ген. Серайль правильно оценил, по мнению названного стратега, то значение, которое могли иметь для исхода всей операции тесная связь между крепостью и полевой армией и их взаимодействие **вне границ** крепостного района. В самые трудные минуты сражения, тесный с фронта, обходимый с фланга и угрожаемый с тыла, командующий 3 армией настойчиво стремится к поставленной себе цели: не разлучаться с Верденом, но не потому, чтобы не бросать крепости, тогда еще полной силы и с комендантом ген. Кутансо во главе, на произвол судьбы, предоставив врагу отрезать ее от полевой армии, а потому, что, сам отрезанный, он мог быть отброшен далеко к югу соединенными силами 5 и 6 герман. армий. Ведь в том-то и выявляется значение крепости, как таковой, на данном театре операций, чтобы быть способной остаться изолированной и сопротивляться попыткам противника быстро овладеть ею без обложения и подвоза тяжелых средств осады, сопротивляться, м. б., только несколько дней, которые необходимы для мане-

*) «Боевые действия в Бельгии и Франции осенью 1914 г.», 1920 г.

вра и подхода ожидаемых подкреплений полевой армии.

Такова оперативная роль Вердена за 1-ый период войны и во время Марпского сражения, кончившегося отступлением германских армий на р. Эн (16 сентября). Левый фланг этого германского обширного фронта, т.-е. 5 армия осталась, однако, у Вердена, за исключением войсками частью 3 франц. армии, частью войсками Верденского укрепленного района. Наступил период позиционной борьбы, в которой проходит весь 1915 год вплоть до 5 августа 1915 г., когда последовал приказ главного командования об упразднении крепости Верден, как таковой, и эвакуации всех оборонительных средств, включая и постоянный гарнизон с его комендантом ген. Кутансо во главе. Все форты на правом берегу Мааса (схема 5) были минированы и приготовлены к взрыву по первому приказанию; главнейшие форты первой линии Дуомон и Во подверглись той же участи, лишь в первом оставлена команда в 58 человек для обслуживания двух бронебашен 75 мм. и 155 мм. орудий, способных действовать по долине Вевра, т.-е. форт Дуомон превратился в маленькую батарею. Форт этот подвергся бомбардировке впервые еще в конце 1914 г., повзгоревшей 23 февраля 1915 г., но уже из 42 км. mortar, также и ф. Во и город. Но эта стрельба была не более, как пристрелочной *). Верден исчез, и образовался Верденский укрепленный район—R. G. V., подчиненный армии ген. Лангль-де-Кари, который очистил Веврские позиции. С одобрения и настояния ген. Кастельно, противно мнению ген. Жоффра, решено было не покидать правого берега Мааса, а держаться впереди бронебашенной фортовой линии и по «Маасским высотам».

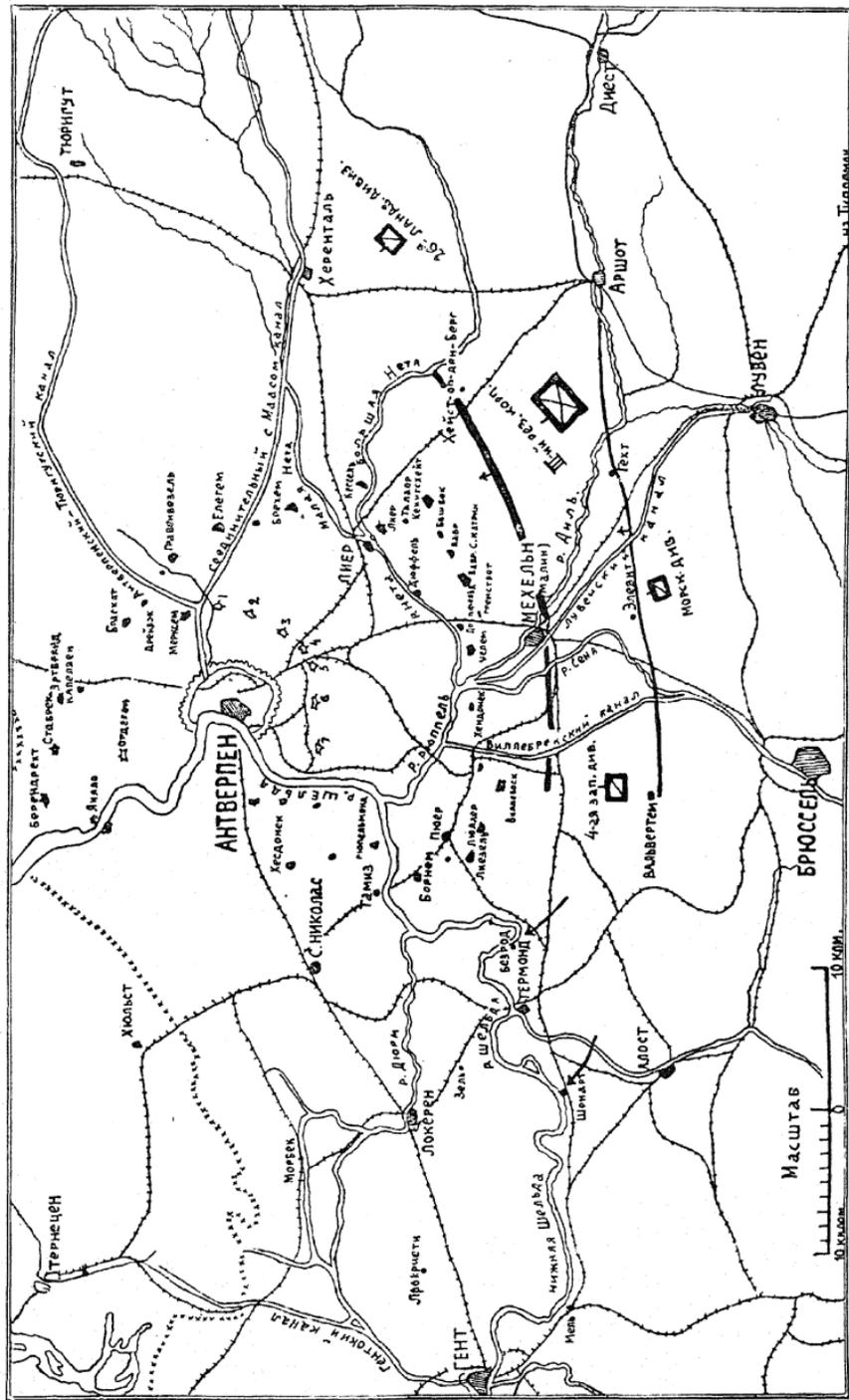
Форты совершенно игнорированы, их не включают даже, как опорные пункты полевых позиций. Это удивительное решение, относящееся к февралю 1916 года, требует еще более детального изучения; но, по мнению французского автора, полковника Шене, «было ничем иным, как следствием

фатального декрета от 5-го августа 1915 года».

После того, как крепость Верден сыграла такую выдающуюся роль в 1914 г. в период Марпского сражения, после декрета 5 августа 1915 г., попав в распоряжение командующих армиями, она аннулируется и не принимается в соображения, и один генерал, командовавший восточной группой армии, предусматривал, как указано выше, очищение правого берега Мааса, а когда 21 февраля 1916 г. началась германская атака, то заменивший его генерал, командовавший группой армии центра, предложил 24-го февраля очистить Вевр и предложил главной квартире очищение всего правого бер. Комендант Верденского укр. района, ген. Эрр, энергично оборонял местность, но между фронтом войск и линией фортов Вердена, т.-е. впереди ее; но он никогда не имел в виду оборонять опорные пункты в виде фортов, «потому-ли,—как пишет подполк. Шене, что находится под влиянием идей, господствовавших в штабе группы армий центра, или же скорее потому, что не был свободен от предубеждений относительно фортификаций, широко распространенных в штабах. Его намеренный отказ от обороны этих опорных пунктов чуть не повлек 25 февраля падения всей крепости Верден».

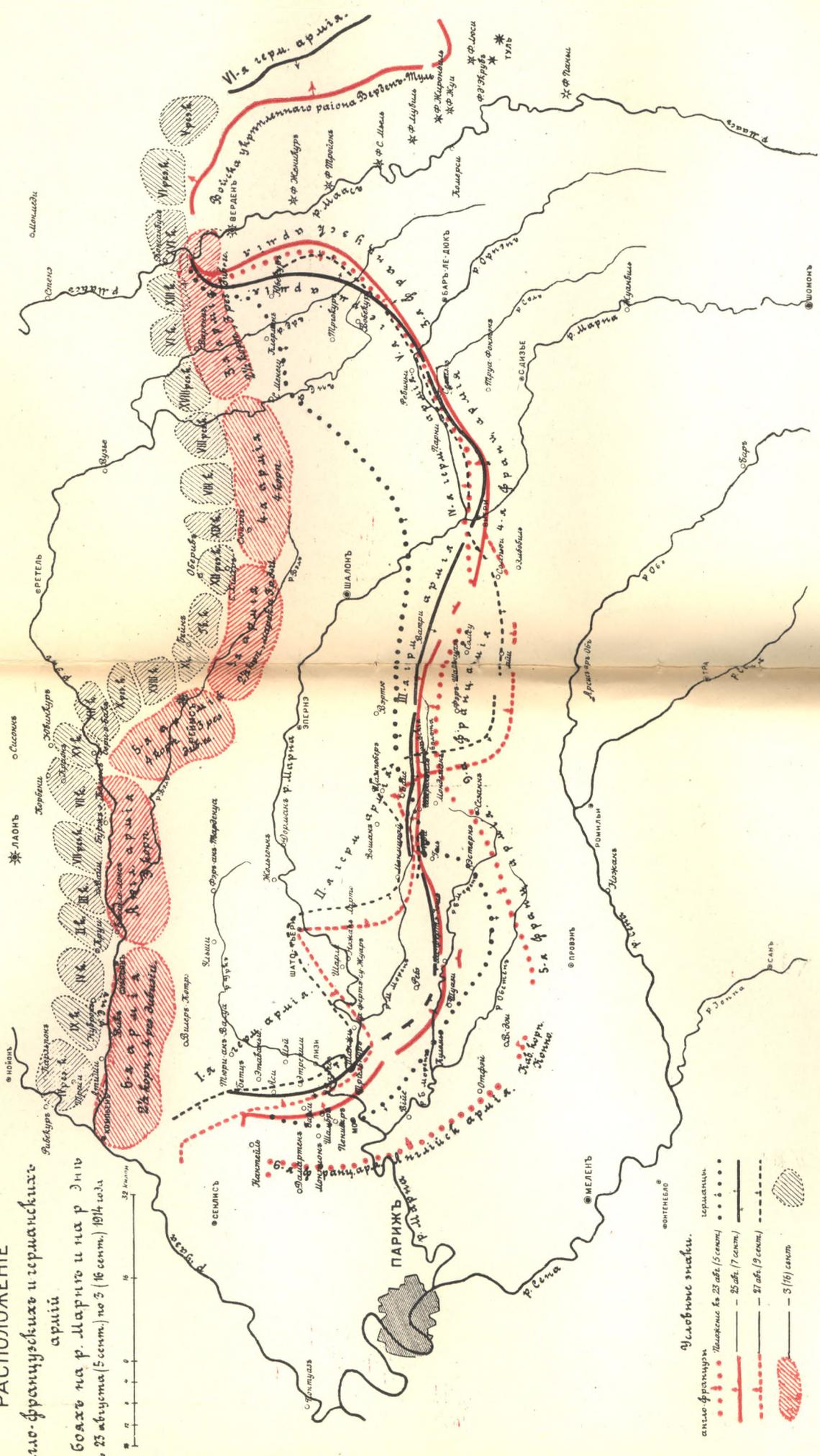
Но 26 февраля 1916 года принял командование 2 армией и Верденским районом генерал Петен, и мероприятия по обороне Верденских укреплений приняли другой оборот. Руководящими для этого генерала, которому Франция обязана сохранением Вердена, были слова маршала Фоша: «Не отступать, сражаться на месте, цепляться за местность, держаться за нее, не уступать ни полостини сантиметров местности, помнить октябрь 1914 г. (бои на Изере)». Очевидно, Петен, в отличие от других генералов (Лангль-Кари, Эрр, Кретьен), понял, что тем чаще надо цепляться за долговременные форты, раз они были налицо. Правда, форт Дуомон между ними, после последней бомбардировки год назад, был не тот и претерпел большие разрушения, но все же его верки были обороноспособны, хотя он оставался без гарнизона.

* Lieutenant Colonel Thomasson. Les preliminaires de Verdun. Paris, Août 1918 г.

РАСПОЛОЖЕНІЕ

англо-французских и германских армий в боях на р. Марна и на р. Энз с 23 августа (5 сент.) по 3 (16 сент.) 1914 года

Условные знаки.

англо-французск. — германск.

● — позиции на 23 авг. (5 сент.)

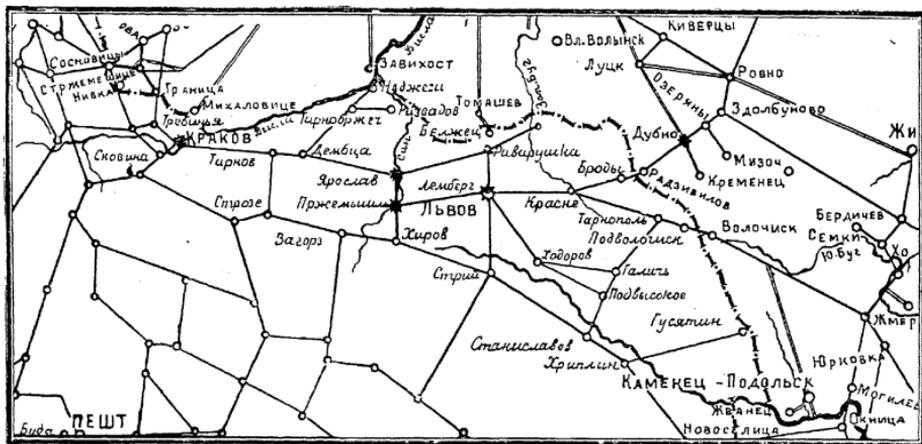
●●● — позиции на 25 авг. (7 сент.)

— — позиции на 27 авг. (9 сент.)

— — позиции на 3 (16) сент.

КРЕПОСТИ АВСТРИИ.

Схема № 14.

Энциклопедич. Словарь Русск. Библиогр. Инст. Гранат.

Полковник Шене пишет, что: «вероятно, генералу Кребену, командиру 30 корпуса, были известны взгляды генерала Эрр, командовавшего войсками R. F. V., на форты и укрепления, и поэтому он намеренно не предписал занятие форта Дуомона, входившего в состав позиции». Подполковник Тардые сообщает: «При всяком положении вещей, войска г. Деллинги (нач. дивизии), которые заняли сектор накануне, могли и должны были занять форт, без получения на то специального распоряжения. Кажется, никому и в голову не приходила мысль об этом, настолько, если можно так выразиться, отвыкли от долговременной фортификации. В течение четырех дней сражались в полевых укреплениях, и, видимый на некотором расстоянии форт Дуомон, несомненно, казался грудой развалин, из которых нельзя извлечь пользы». По словам главного артиллериста, оставленного в форте при броневых башнях, сержанта Шено, «ген. Эрр во время своих посещений форта перед атакой никогда не занимался обороной форта, а лишь возможностью его разрушения».

После 25 февраля 1916 г. германцы ожесточенно атакуют подступы к форту и оттесняют ок. 16 час. французов (306 бригаду), и команда немцев, передетых в серые французские шинели, беспрятственно входит в форт, лишенный гарнизона, и занимает его без выстрела! Германские радио оповещают мир, что «форт Дуомон пад!» Германия ликует по поводу захвата этого ключа крепости и восхваляется доблестью своих войск, Франция впадает в уныние...

Нельзя не отметить этих деталей в исследовании роли крепостей, в связи с действиями полевых армий, ибо они так явно выявляют и подчеркивают то влияние, какое оказывает, в отношении использования крепостей, предвзятость мнений, заблуждение и даже полное непонимание существа долговременной фортификации в целом и крепости в частности, какое проявляют высший, а за ним и низший состав полевых войск, и как опасно верить участь крепостей воле командующих войсками в смежных с крепостями районах, без надлежащих точных директив главного командования.

За фортом Дуомон могла пасть и вся крепость, но, судя по германским источникам, на день 25 февраля немецкие атакующие войска имели задачу овладеть пространством лишь до ближайших подступов к линии фортов, а с 25 февраля генерал Петен энергично спешно принял меры к восстановлению крепости, и, несомненно, ему принадлежит честь удержания ее во власти французов, столь чреватой последствиями, ибо спохватывшееся германское командование устремилось к сосредоточению всех сил и средств, возможных к выделению с фронта, в распоряжение 5 армии (кронпринца), для овладения этим оплотом правого фланга с.-в. французского фронта, оплотом левого фланга фронта восточного. Возникшая борьба за восстановленную крепость Верден затянулась до конца войны, и победа в ней стала не только вопросом стратегической необходимости, но вопросом чести двух враждующих стран. Говорить после примера Вердена о потере значения крепостей после мировой войны, значит быть стратегически глупым и слепым. **Надо прозреть** и всемерно стремиться к внедрению в командном составе надлежащих понятий о сущности крепостей, как стратегических и долговременных укреплений, как тактических элементов, чтобы они умели ими пользоваться и отдавали себе отчет в том, что они могут дать при данной операции — независимо от того, новые они или устарели, большие или малые — как себе, так и противнику, если он овладеет ими.

Париж (схема 13), как крепость, как укрепленный, жизненный центр всей Франции, сыграл не меньшую, по нашему мнению, если не большую, роль в исходе Марнского сражения, чем Верден. И вот почему. Париж не укрепленный, не представляющий собою обширного укрепленного лагеря, в сущности 3-х таких лагерей, со старыми верками ограды Парижа времен 1870 года в центре, конечно, служил бы непосредственным объектом массового наступления германцев, и союзники вынуждены были бы заслонить его своими армиями.

Как крепость,—Париж мог быть временно оставлен в стороне; что касается германского плана, то, следуя заветам старого Мольте, германский генеральный штаб ставил своим армиям, по мнению В. Ф. Новицкого, правильную задачу, указывая им важнейшую цель на пути к достижению победы,—т. е.: отброс отступающей союзной армии к югу, если не попутный разгром ее, ибо тогда изолированный Париж мог бы скоро стать жертвою победителя. Вот почему правый фланг германского фронта не шел далее меридиана Парижа (1 армия Клукка), задачей которого ставилось охватить левый фланг союзного фронта, к тому же запытый малостойкой английской армией Френча, являющейся склонной к чересчур быстрому отступлению. Кроме того, по соображениям германского главного командования, далее к западу как бы было пустое от войск пространство, и имевшаяся там группа войск под нач. генерала Манури в расчет не принималась и не без основания, ибо, по свидетельству Гальени, генерала-губергатора (коменданта) Парижа, войска Манури, после испытанных поражений, спешно отступали от Арраса на Париж, были утомлены и деморализованы. Он даже не допустил их до Парижа и, опасаясь деморализующего их влияния, не принял их в состав Парижского гарнизона, чрезвычайно ничтожного, но оставил в районе Домартена, к северу от крепости. Здесь войска Манури были пополнены, отдохнули и реорганизованы в 6-ю французскую армию, о чем германский штаб, повидимому, осведомлен не был. Дело это—дело представлений и рук Гальени, явившего, с первых же дней своего назначения на пост генерал-губергатора Парижа, удивительную предусмотрительность, прозорливость, такт (удаление правительства) и, по моему мнению, полководческий гений, несмотря на его преклонные лета.

Опасаясь за изоляцию Парижа, который ни по состоянию устаревших верков, ни по вооружению, ни по силе и качеству гарнизона не мог бы долго сопротивляться, генерал Гальени умолял английского командующего, генерала Френча, не отрываться от Пари-

жа (вспомним Серайля под Верденом в те же дни) и ген. Жоффра придержать отступательный порыв англичан. Но напрасно: в ответ ему прислали на усиление гарнизона одну цветную дивизию. Отлично отдавая себе отчет в происходящем вокруг, Гальени улавливал момент и решает действовать активно, силами 6-й армии Манури и собственного гарнизона, и 6 сентября атакует IV рез. корпус из армии Клукка, оставленный последним на правом берегу р. Урка для прикрытия своего фланга и тыла. Превосходными силами Манури тоснит IV рез. корпус, имея директиву на Шато-Тьерри, и этот день, 6 сентября, надо считать начальным днем тех четырехдневных (6—10 сентября) маневренных боев на всем фронте от крепости Вердена до Парижа в победно выпущенной со стороны германцев дуге, протяжением до 120 верст, на ют. скопилось 5 германских и 6 союзных армий или до 1.300.000 бойцов, с превосходящими силами на стороне союзников—боев, известных под названием боев на р. Марне. Этот первый день в то же время был и решающим днем, поворотным днем, в пользу союзников, всей кампании 1914—1918 г.г., столь победно начатой германцами и столь трагически потерянной ими. Не знаменательно ли, что в те же дни другой талантливый французский генерал, Серайль, уцепившись со своей 3-й армией за крепость Верден, занимает по отношению фронта германского наступления то же угрожающее положение флангу и тылу германцев, как и армия Манури, несмотря на приказание главной квартиры отойти к югу, и эта знаменитая дуга, на площадке которой разыгралось Марнское сражение, как бы виснет на двух опорных точках: двух крепостях Верден и Париж! Надо полагать, что только уверенность главнокомандующего Жоффра в стойкости крепости Верден, даже изолированной, позволила ему отобрать 6-го числа 4-ый корпус от армии Серайля и по ж. дорогам перебросить его на левый фланг для усиления армии Манури. Ни от какой другой из средних армий он отобрать целый корпус, разумеется, был бы не в состоянии. Вы-

ше отмечено, что удар по тылу 1 германской армии Клука войсками Манури, базирующимися на Париж, нанесенный 6 сентября, был началом и вместе с козлом Марнского сражения, ибо в результате этого удара, хотя и проведенного без надлежащей смелости и решительности со стороны Манури, явилось приказание по герм. главн. квартире отступать на р. Эн. Событие это, наряду со стойкостью Вердена и укрепл. района «Hauts de Meuse», привело к позиционной войне, затянувшейся на несколько лет, в течение коих крепость Верден приковала к себе армию кронпринца германского и стала вытяжным пластырем для всего фронта. Оперативное значение крепостей Вердена и Парижа так велико, что о роли прочих крепких пунктов по восточной границе Франции не стоит и говорить. Они остались в тылу 1 и 2 франц. армий и служили лишь базами их активных операций.

в) Восточный фронт.

Крепости Германии все, за исключением Летцен-Бойсна, оказались по ходу операций вне досягаемости вражеских армий. Та роль, какая предназначалась им по оперативным соображениям германского генерального штаба и плану войны, разъясненному в главе I, выполнена ими в полной мере в смысле активном, т.-е. они послужили базами наступательных операций германских армий. Таковы Мец на западном фронте и крепости по восточному ее фронту, и подобно французским крепостям Туль, Эпиналь, Бельфор, эти последние, напр., Познань и Бреславль, выделили свои гарнизоны, в виде одноименных корпусов, для усиления армии Гинденбурга в период Лодзинской операции и наступления его в Польшу. Торн и Кенигсберг, а вместе и весь укрепленный участок нижней Вислы, обеспечивая от проникновения русских, в начале войны победоносных, войск из восточной Пруссии в Померанию, вместе с тем послужили базой активных операций Гинденбурга, с появлением его в роли главнокомандующего на восточном фронте,—тех операций, которые привели к катастрофам у Сольдау-Таленбурга и в Августовских лесах, стоивших нам потери почти четы-

рех корпусов. Исправив обстановку в восточной Пруссии, Гинденбург задумал новое наступление в Польшу, с целью полного разгрома русских, хотя и в полтора раза превосходных, сил, несмотря на победоносное их шествие в Галиции и значительные потери, испытанные австро-германскими войсками в Галиции и под Лодзью. Союзники сначала решительно отступают по взаимному соглашению по всему фронту и совершают перегруппировку для сбора и сосредоточения сил, для нанесения русским армиям решительного удара с охватом их флангов. С этой целью (охвата левого фланга) сосредоточивается в районе крепости Краков армия Макензена, усиленная I и XXV резервными корпусами из 8-ой армии Бюлова, оперировавшей против 10-й русской армии в Восточной Пруссии. Ослабленная этим 8 армия должна была по плану Гинденбурга, в случае русского напора, обороняться на линии реки Ангернап—кр. Летцен. В последнем назначении и выразилась оперативная роль этой, по существу ничтожной и устаревшей, бастионной начертания крепости-заставы, стоявшей в важнейшем из проходов между группами Мазурских озер.

Крепости Австрии (схема 14). Их было на площади Галицийского театра войны три: Львов (Лемберг), Перемышль и Краков; что касается до Галича, Николаева и Ярослава, то в этих пунктах, как оказалось, имелись лишь небольшие тет-де-поны временного или полудолговременного характера.

Крепость Львов не подверглась осаде и покинута австрийцами без сопротивления. 20 августа 1914 года в нее вошел казачий раз'езд, не встретив сопротивления. 21-го вошел во Львов командующий 3 армией, ген. Рузский, с восторгом встреченный населением, но тотчас же отбыл в Раву Русскую, для командования группой армий, а Львов поступил в распоряжение 8 армии ген. Брусилова, и полудолговременные укрепления его вошли в состав фронта 8 армии, овладевшей 23 августа также и Николаевым на Днестре. Укрепления не были взорваны, а военная добыча была ничтожна, склады

пусты. Несмотря на то, что форты Львова были расположены кольцом вокруг города, к самостоятельной обороне он был совсем не приспособлен, а промежутки между фортами подготовлены наспех и слабо. Штаб австрийского корпуса, занимавшего Львов, бросил крепость так поспешно, что корпусный командир забыл свой мундир с орденами, а офицеры штаба не успели захватить своих чемоданов. При явной деморализации австрийских войск после разгрома их на р. Золотой и Гнилой Липе, оставление Львова, по устройству своему и подготовке к обороне не заслуживавшего и названия крепости, было со стороны командования вполне благоразумным.

Сведения о состоянии Львова, важнейшего узла дорог Галиции, как крепкого пункта, были в штабе ю.-в. фронта явно преувеличены и не проверены, ибо имелась в виду его осада, и делались соответственные распоряжения. Представление о силе верхов Львова оставалось преувеличенным и далее, ибо тотчас по его занятии была получена директива обратить его в опору фронта армий на случай их отступления, и лишь настойчивое представление ген. Брусилова о невозможности оборонять Львов при изоляции его заставило Ставку ю.-в. фронта переменить решение. Пристановившись на фронте Николаев—Львов—Фельтин, 8-я армия тотчас же закрепились, а западный и прилегающие сектора Львовских укреплений были спешно приведены в обороноспособное состояние и дополнены новыми укреплениями; укрепления же восточного сектора подготовлены к взрыву. Сделано это было своевременно, так как после подвоза подкреплений австрийцы предприняли энергично веденную контр-атаку для обратного овладения Львовом, но были остановлены и отбиты, отступив к Городку и понеся поражение. 8-я армия преследовала отступающих по пятам и 6 сентября была уже под стенами Перемышля. Затем, вплоть до июня 1915 года, укрепленный рубеж: Николаев—Львов—Фельтин—Рава-Русская продолжал усиливаться, и Львов рассматривался, как главный его опорный пункт. К этому времени подопла ко Львову и

ж.-дорога, связавшая его с Владимир-Волыньским. Но, подобно тому, как австрийцы в 1914 г. бросили Львов без его обороны, так и мы в 1915 г. 6-го июня бросили его при общем отступлении из пределов Галиции, но не как крепость, а как укрепленную позицию, для обороны которой не хватало штыков, а были лишь палки.

Крепость Перемышль (схема 10) вошла в рамки боевых операций в конце сентября 1914 года и послужила оплотом отступающих под ударами наших армий (3, 4 и 8-ой) австрийцев и избавила их от полного разгрома и вторжения в долины Венгрии, за которым мог последовать сепаратный мир с Венгрией, как о том упоминает в своих донесениях Главноком. Под впечатлением успеха ускоренных атак на бельгийские крепости Льеж и Намюр, командующий 8-й армией Брусиллов решает взять крепость Перемышль штурмом. Но Перемышль являл собой крепость в значительной мере подготовленную к обороне. Общий план крепости был в руках командования и, составленный еще в мирное время по данным контр-разведки, он вполне соответствовал действительности. Но детальное устройство фортов и укреплений не было известно, а присланные чертежи оказались вздорными и фиктивными. Ни гарнизоны, ни вооружение ее в точности также не были известны. Но зато надо было и можно было рассчитывать на деморализацию противника и расстройство частей, понесших целый ряд поражений в кровопролитных боях с большими потерями,—частей еще не пополненных и не снабженных. Перемышль являл собою крепость долговременного характера, а для воздействия на долговременные укрепления нужна была осадная артиллерия большого калибра и тем более, что форты были бетононирозованы и имели бронебашенную противостурмовую артиллерию, а рвы оборонялись из кофров и калониров.

Для атаки был избран ключ крепости, — командующая группа фортов «Седльска», руководство штурмом вверено талантливому и энергичному генералу Щербачеву. Вверенные ему войска были полны наступательного

порыва..., но не было придано соответственной задаче тяжелой артиллерии, и повторные штурмы окончились полной неудачей, стоив нам огромных потерь (до 20.000). Долговременная фортификация здесь оправдала себя в той же мере, как и в Вердене. Пришлось прибегнуть к обложению и приступить к мероприятиям аналогичным с постепенной атакой и добывать крупные калибры осадной артиллерии до 9—11 дм. калибра (из крепости Брест-Литовск) и организовать инженерную и артиллерийскую часть блокадной сначала 3-ей, а потом новой 11 армии. На все это потребовалось время (от сентября до марта, т.-е. 7 мес.), за которое крепость успела получить подкрепление и войсками в избытке и снабжением. 11 армия (5 дивизий), таким образом, иммобилизовалась, а Карпатские проходы на кратчайшем направлении к Вене и Будапешту оставались все же закрыты. После неудачных попыток к прорыву то в западном, то в восточном (на Львов) направлении, командант, ген. Кусманек, сдал крепость из опасения голода (до 100.000 солдат и 3.000 генералов и офицеров). Весь указанный срок Перемышль оставался в тылу нашего фронта, продвинувшегося до Тарнова и под гр. Краков.

Задержав продвижение русских войск в Венгерские долины и сковав пять дивизий, гр. Перемышль, с точки зрения немецких исследователей ее значения, сыграла следующую (Шварте) роль: «Отнюдь несовершенная крепость» приковала к себе всю 3 русскую армию, а после временного подкрепления и вторичного русского наступления, в течение 5-ти месяцев—всю русскую 11 армию. Положение на Карпатском фронте уже без этой армии было крайне напряженным, общее положение и пополнение людьми у центральных держав совершенно не позволяло перебрасывать дальнейшие подкрепления в Венгрию. Благодаря затем возможности распоряжаться расположенными под Перемышлем корпусами, русским удалось осуществить вторжение через Карпатские перевалы. Когда в конце марта 1915 года Перемышль пал, он свою задачу

уже выполнял: центральные державы смогли беспрепятственно закончить свои приготовления к переходу в общее наступление со стороны Горлицы-Тарнова, а затраченные на Перемышль средства и жертвы, таким образом, окупились».

Крепость Краков. Подготовка к прорыву ударом от Горлицы-Тарнова и сосредоточение здесь австрийских и подтянутых им в помощь германских сил с тяжелой артиллерией исполнена была под прикрытием крепости Кракова и через Краков, как узел дорог и тете-пон на верхней Висле. По записке ген. Ю. Данилова, от 15 ноября 1914 г., поданной им на совещании главноком в Седлеце, собранном с целью вырешить вопрос о вторжении в Силезию, указано, как задача армиям ю.-з. фронта: «Левым флангом ударить в направлении на Опельн (Ополье), что можно было исполнить лишь через Краков, т.-е. надо было овладеть Краковом или потратить большие силы, чтобы заслониться от него. И вот из Ставки Верховного поручается инженеру гена-майору ф.-Шварцу разработать соответственные соображения, как будущему нач. инженеров осадной армии. С своей стороны, замыслив новый наступательный удар с л. берега Вислы, германское командование имело в виду охватить оба фланга общего фронта русских сил, справа опиравшихся на Неманские крепости и слева у Черновиц на нейтральную Румынию. Начиная с февраля 1915 года, план этот приводится в исполнение через Гинденбурга в отношении северной части фронта и через принца Леопольда Баварского в центре и Малензена на юге (Южные армии) совместно с австрийцами, защищавшими Карпатские проходы».

Русские армии, ослабленные в боях, лишенные ружей, недостаточно снабженные артиллерией, особенно тяжелой, с истощенными запасами снарядов, с частями, вследствие пополнений, разбавленными до почти полного исчезновения кадров офицерского и ун.-офицерского состава, с маршевыми частями, являвшимися вместо ружей с палками, не в состоянии оказались выдержать задуманного в ноябре 1914

года удара на участок Ченстохов — Краков. В приготовлениях, бесконечных колебаниях Ставки в пользу то одного, то другого фронта, прошло время, чем неукоснительно воспользовались центральные державы для соответственных перегруппировок и сосредоточения, и нетронутая Краков — послужила базой для австро-германского вторжения в пределы, казалось, прочно занятой нами Галиции. Разгром русской 3 армии и ее быстрое отступление до р. Сала послужило началом общего отхода на восток русского фронта и очищения Галиции.

Крепости России (схема 3). Печальная роль, сыграная русскими крепостями. Из главы 1-ой явствует, какой сумбур был в соображениях о роли, значении и системе их при подготовке в мирное еще время к служению тем стратегическим оперативным задачам, к какому предназначались они на случай войны. Этот удивительный, но, конечно, для руководителей подготовки плана войны мировой державы с таковыми же — сумбур непростительный, особенно характерно выявляется также в статье ген. Борисова в берлинском русском журнале «Война и мир», № 7.

Из оставшихся в пределах Польского театра войны подвергся атакам Новогеоргиевск, а в пределах северного фронта — Ковно, Продно и Осовец. Сыграл ниже очерченную роль и упраздненный Ивангород. Странно читать в выше приведенной записке ген.-квартир. Данилова от 15 (28) ноября 1914 г., что: «Создаваемая группа (из 3-х корпусов) на Млавском направлении должна прочно обеспечить за нами обладание укрепленным районом Варшавы — Новогеоргиевск — Зегрж — и нижним Наревом до Рожан включительно». Здесь сплошной вопросительный знак. Казалось бы, прежде всего, что русский стратег, бывший начальник крепостной части главного штаба, ген. Ю. Данилов, должен был бы знать, что названного им укрепленного района **не существовало**, ибо крепости Варшава и Зегрж упразднены, и форты первой взорваны, а затем, что не армии или группы должны обеспечивать обладание крепо-

стями или укрепл. районами, а, наоборот, те и другие должны поддерживать соответственные операции армии в групп. Это лишний раз подтверждает шатание оперативной мысли в штабах, как главноверха, так и главнокомв, реально выразившейся, например, в спешном приведении в оборонительное состояние упраздненной и устаревшей крепости Ивангород в период лево-бережных боев на Висле с посылкою туда значительного количества крепостных орудий из крепости Брест-Литовск и назначении комендантом инж. ген.-м. ф. Шварца (отличившегося при защите Порт-Артура). Или — срочная посылка автора настоящего исследования самим главноверхом, личным словесным приказанием 20 октября 1914 г. в Барановичах на р. Нарев для обследования, в каком состоянии оборонеспособности находятся тет-де-поны у Рожан, Пултуска, Остроленки и Ломжи, когда все эти полудолговременные тет-де-поны были давно упразднены, что не могло быть неизвестно Ставке. Когда я доложил главноверху, что верки упраздненной крепости-заставы Зегрж еще не взорваны и в исправности (сильные бетонные форты), вследствие умышленной затяжки их уничтожения со стороны начальника инженеров крепости Новогеоргиевск, ген. Гиршфельда, несмотря на повторенные приказания военного министра и отпущенные на то кредиты, главноверх саркастически заметил: «Ах, вот как!? Что же, его за это не расстреляли? Возвращайтесь скорее и доложите мне лично». Спрашивается, каковы же были соображения о плане войны, если постоянные опасения за правый фланг и тыл Вилянского фронта сновывали (с октября 1914 года по февраль 1915 года) трезвые мысли Ставки в напоисении удара германцам с лев. берега Вислы для разгрома германских армий и вторжения в пределы Германии, как главной цели войны. Вместо надежащего закрепления за собою переправ через Нарев долговременными укреплениями современного характера и окончания начатой постройки крепости Ломжи — все эти укрепления были упразднены. Не более понятно и упразднение Висло-Наревского укр.

пладарма (Варшава-Новогеоргиевск-Зогреж) и сотования ген. Борисова (см. выше) о том, что на Млавском направлении не было крепости у самой границы. Приведение в оборонительное состояние в тот же период времени взорванных долговременных фортов Варшавы — копание окопов в толще их земляных брустверов и усиление промежутков между ними, не менее показательны для оценки того хаотического состояния, в каком находилась и бродила стратегическая мысль, как до, так и во время самой войны. Имеющиеся документальные данные («Труды Военно-Исторической Комиссии». М. Бонч-Бруевич. Потеря нами Галиции в 1915 г.) с несомненностью показывают, что никто из главных руководителей операции в районах возможного и желательного влияния наших крепостей не отдавал себе ясного отчета о возможном их значении и даже зачастую не знал об их оборонеспособности. Трудно выявить при таких условиях действительно сыгранную ими роль.

Если бы главкозав, ген. Алексеев, действительно сознавал то значение, какое мог бы иметь Новогеоргиевск, то, решив предоставить его собственной участи, он должен был, прежде всего, сменить его малодушного и панически настроенного команданта, ген. Бобрыя, не допускать смены нач. штаба, ген. Елчанинова, сведующего в свойствах и приемах обороны этой крепости на повичка почти вakanуне ее осады и, главное, позаботился бы снабжением крепости, хотя бы частью обстреленных и выдержанных войск, а не новыми, третьесредными формированиями. Логика решения бросить все Висло-Наревские крепости в 1915 году и оставить Новогеоргиевск не укладывается ни в какие понятия, не отвечает никому серьезному стратегическому замыслу в обстановке этого периода войны.

Неизменный спутник ген. Алексеева, его, так сказать, стратегический желудок для переваривания разного рода намечаемых в той или другой обстановке стратегических комбинаций, ген. Борисов, объясняет решение ген. Алексеева сохранить Новогеоргиевск тем,

что ему просто жалко было бросить лучшую из наших крепостей, прекрасно оборудованную, снабженную и в техническом отношении подготовленную к обороне! Конечно, подобные стратегические соображения несколько иного порядка, чем соображения Гинденбурга, Макензена, Жоффра или Фоша. Что касается мнения немцев о русских крепостях, то оно таково: «Русское верховное командование поступило, якобы, вполне правильно, когда в 1915 г. добровольно очистило большинство своих крепостей, как только им стала угрожать опасность обложения. Эти крепости, якобы, не могли долго противостать германскому приему ускоренной атаки. Они не остановили общего наступления армий центральных держав; в них скопилось только много войск и в изобилии военные материалы, которые потом без всякой пользы были русскими утрачены. В конце концов, по мнению немцев, и не соответствовало плану русского высшего командования оказывать дальнейшее сопротивление в царстве Польском, вследствие общего положения дел».

Посмотрим, однако, какую роль все же сыграли те из русских крепостей, которые попали в сферу операций полевых армий и не были добровольно эвакуированы.

Крепость Ивангород (схема 15, см. также 3 схему, выше в ст. А. Свечина). Еще в 1890 г. Ивангород почитался крепостью большого значения, как узел и кошечный пункт нескольких линий железных дорог от Варшавы, Радомы, Кракова, Люблина, Лукова и Брест-Литовска и нескольких шоссе-ских дорог, а также, как прикрытие мостов на р. Висле. Тогда же приступлено к ее усилению с левого берега бетонными фортами и к составлению проектов дальнейшего ее расширения и усиления, ибо, по выражению нач. штаба Варшавского округа, ген. Пузыревского, при такой первичной стадии его развития «Ивангород — и не город и не крепость». Но вместо осуществления проектов расширения и усиления крепость Ивангород в 1909 году была упразднена и до войны оставалась без ремонта. В 1913 году вновь вернулись к идее усиления крепости и вновь

назначили коменданта, гарнизон (полк и две легких батареи) и 8 тяжелых орудий, из коих 4 не стреляли. В таком виде застала крепость война и ее новый комендант ф. Шварц 26 авг. 1914 г. (новое подтверждение шатания стратегической мысли). Крепость была подчинена 9 армии Лечинского, оперировавшей между Ивангородом и Люблиным, и тотчас же оказала ему поддержку 6 дм. гаубицами в бою у Ополья 9-го окт. (н. ст.). Неприятель появился перед крепостью, к этому дню значительно усиленной выносом сильной позиции вперед от л. береж, укреплений, гарнизоном и артиллерией (из Брест-Литовска и частью из Новогеоргиевска). Крепость поступила под командование 4 армии ген. Эверта. До появления противника под крепостью, гренадерский корпус Мрозовского был уже на левом берегу, перейдя по мосту, спешно построенному средствами крепости. Противник ранее атаки на позиции гренад. корпуса обрушился на Ивангород, предприняв атаку с слаб. артиллерией по методу ускоренной, видимо, опасаясь возможного удара из крепости по его л. флангу и тылу. Атаки 9 и 11 сент. были отбиты, и за это время огнем 10,5 см. орудий крепость помогла грен. корпусу, заставив отступить лев. фланг немцев, его теснивших.

Третий кавказский корпус ген. Ирмана оставался бездейственным в крепости, но когда ген. Ирман самостоятельно решился к активной операции на левом берегу противника, гренад. корпус с большими потерями уже отошел на правый берег и снял мосты.

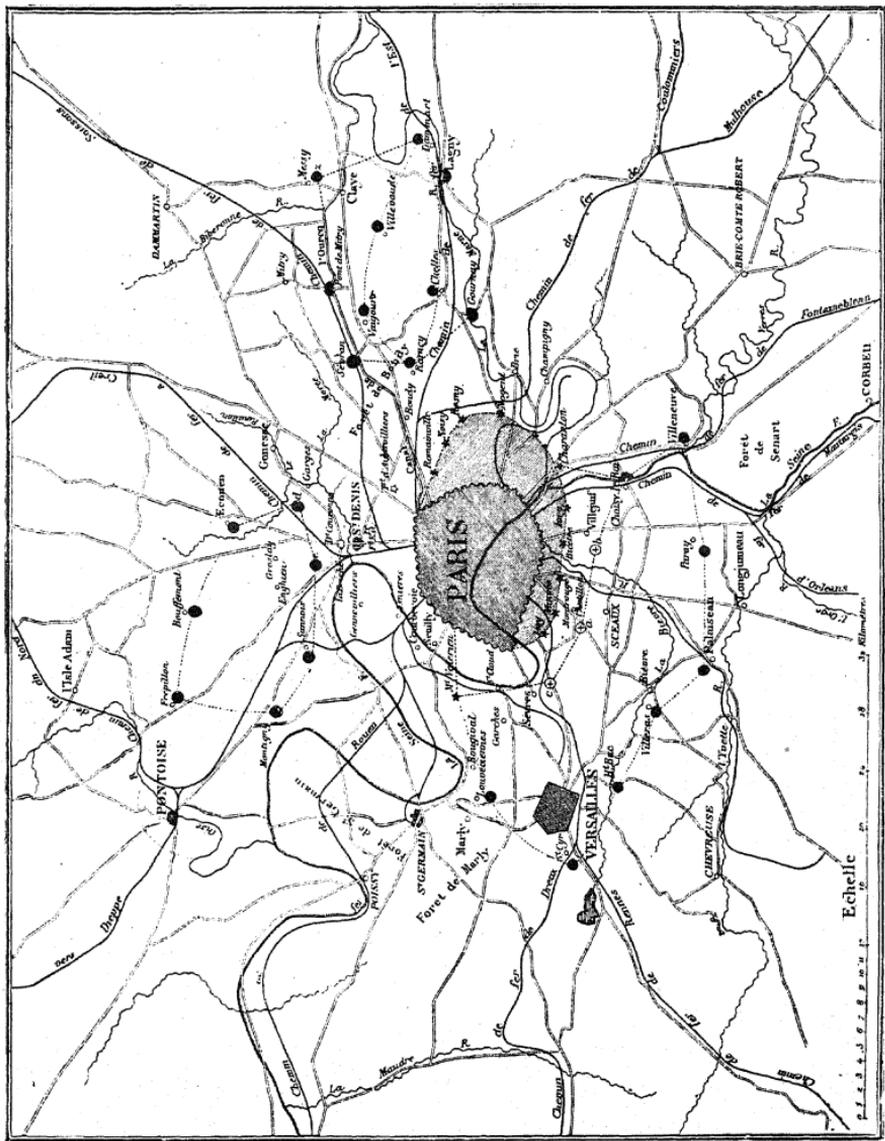
В это время немцы сильно укрепились против лев. бер. сектора, с явным намерением не допускать активных операций из крепости, и предприняли бомбардировку моста и цитадели с предельных дистанций. Огонь их по батареям вследствие хорошей маскировки последних, был безрезультатен. 13 октября ген. Ирман предпринял удар по левому флангу немцев, частью через крепость, частью севернее по построенному мосту, каковой операции гарнизон крепости способствовал вылазкой. Однако, положение одлой из дивизий этого корпуса было рискованным,

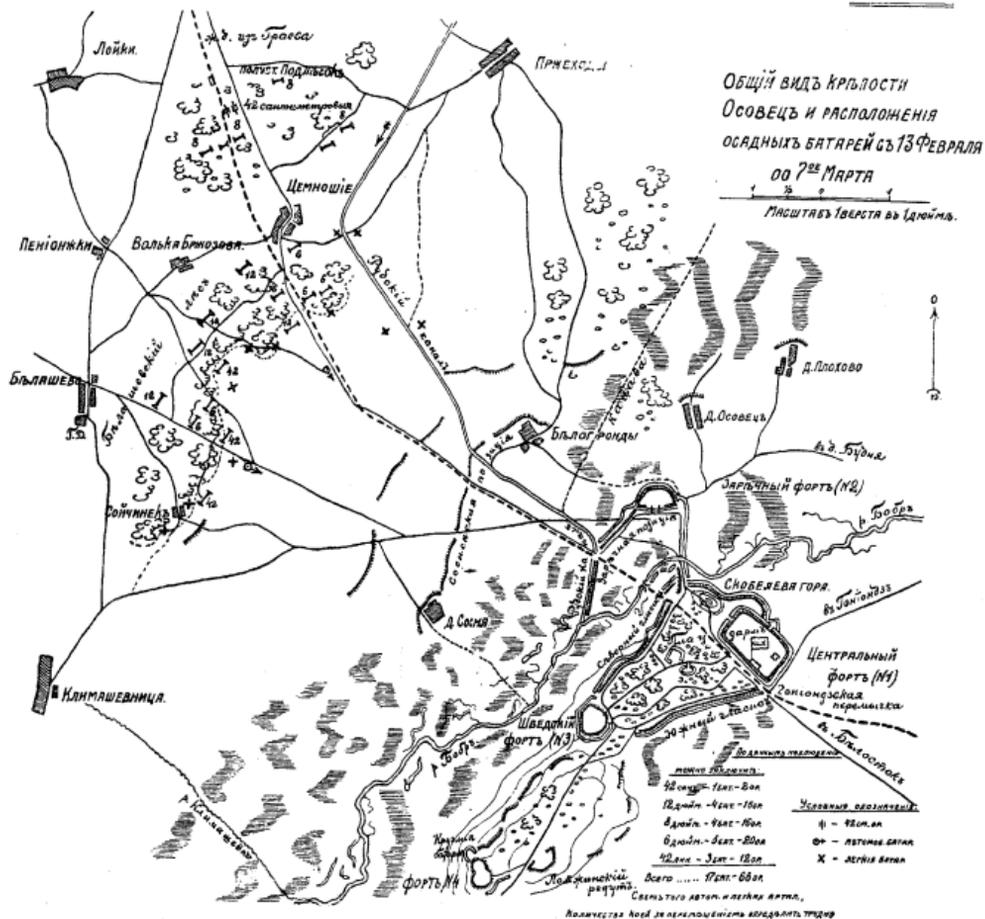
но, по просьбе ген. Ирмана и коменданта от мимо проходившей 5 арм. ген. Плева послал XVII корпус на выручку. Под защитой верков крепости, корпус этот перешел Вислу и поддерживал корпус Ирмана, вследствие чего немцы оттянули часть сил от Ивангорода. Затем немного севернее переброшен был на левый берег еще и XVI корпус, что заставило германцев отойти от крепости для усиления своих сил на Радомском направлении. Германцы были заменены австрийской армией Даякля. Вслед за сим в Новоалександрии перешел на левый берег Вислы и XXV корпус ген. Роговы, а в крепость прибыла 1 гвард. бригада и, наконец, и XIV корпус. Все указанные операции происходили в сфере влияния крепости и в постоянных боях с австрийцами с 22 по 24 октября при активном участии гарнизона крепости и его дальнотой артиллерии.

Фон Шварц пишет: «Когда один из моих соседей нуждался в помощи крепостной артиллерии, мои артиллеристы ценой невероятных усилий подвигали вперед свои батареи на 5—6 км. даже за главную оборонительную линию; за это и я никогда не получал отъезда, когда какой-либо из моих участков нуждался в пехотной помощи». Наконец, дружными совместными усилиями русских корпусов и гарнизона крепости австрийская армия была разбита и принуждена к беспорядочному отступлению. 15.000 пленных были эвакуированы через крепость.

Гарнизону Ивангорода были поставлены Главкоюзом две задачи: в начале сентября довольно неопределенная — «защитить переправу через Вислу», вторая — в начале октября — при приближении от Радомы немцев: «Во что бы то ни стало сохранить плацдарм на левом берегу Вислы». Обе эти задачи крепость Ивангород выполнила и тем дала возможность 4, 5 и 9 армиям переходить на левый берег Вислы, чему способствовал лево-бережн. плацдарм, а появление трех армий на лев. берегу оттянуло на них значительные силы германцев в период развития Лодзинской операции.

Плохой оборот, какой приняли наши дела в Галиции и на Немане (раз-

КРЕПОСТЬ ИВАНГОРОД

Схема № 15.

Энциклопедич. Словарь Русск. Библиогр. Инст. Гранат.

гром 3 и 10 армий), и недостаток в боевых припасах, ружьях и артиллерии побудили Ставку бросить польский театр войны и свернуть на меридиан Ковно, Гродно, Брест-Литовск, Дубно, Черновицы. 18 июня последовало решение эвакуировать крепость Ивангород, почему с этого дня термин «крепость» исчезает, а в официальном переписку вводится новый: «Ивангородские укрепления». Таковыми они и были с самого начала, потому что сила их базировалась не на силе фортификационных верхов, а на необычайной энергии, знании дела и искусстве коменданта, сумевшего в течение короткого времени создать такой гарнизон и вооружение и так развить при помощи полевых укреплений, снабженных в 1915 году даже бетонными убежищами, ряд позиций, защищающих подступы к крепости и не только с левого бер. Вислы, но, в мае—июне 1915 года, также и с прав. бер., что Ивангород стал способным к сопротивлению в случае изолирования, т. е. приобрел свойство крепости. Ставка (ген. Алексеев), однако, не имела в виду этим воспользоваться и заставила эвакуировать Ивангород, несмотря на упорное противодействие и убеждения ген. ф. Шварца, и лишила его гарнизона. Тем не менее Ивангород в широкой степи помог 4 армии, прижатой к Висле, избежать катастрофы и перейти на прав. бер., где мог бы оказать ей содействие в защите Вислы, если бы 16 корпус не прозевал переправы немцев в ночь на 30 июля, севернее Ивангорода у дер. Рычавол (на шаромах) и позорно допустил их закрепиться, навести мост и развить операцию далее. С 21 июля лево-бережн. укрепления подверглись обстрелу и яростным атакам немцев, но путем искусной и высоко-активной обороны, остатками гарнизона комендант продолжал сопротивление до 31 числа, заставив противника подвести 30,5 см. гаубицы, стрельба из которых не причинила особого вреда. Так высок был дух гарнизона, несмотря на деморализующее действие приказа об эвакуации, которая исполнена была, в конце концов, в несколько последних дней. Комендант покинул крепость лишь по строгому приказу, с возложе-

нием на него полной ответственности, взорвал все форты, сжег цитадель, взорвал мосты, оставив противнику буквально одни развалины и ни одного трофея, а сам с последними частями гарнизона (саперами) вышел из крепости в 20-верстный промежуток между германцами, наступавшими севернее Ивангорода, и австрийцами—с юга.

Заслуживает особо отметить, что комендант крепости, ген. ф. Шварц, после 10-месячн. совместной работы с полевыми армиями пришел в своих воспоминаниях к такому печальному выводу: «Если наши начальники в стратегических комбинациях не придавали надлежащего значения роли фортификационных сооружений, то исполнители их планов—командиры корпусов и начальники дивизий—совершенно не понимали их тактического значения. Они, может быть, знали тактику своих войск, такую, как учили их перед войной, шаверно знали о полезности фортификационных построек с точки зрения уменьшения потерь, но смысл необходимого сочетания фортификации и современной тактики был долго чужд большинству из них».

Крепость Осовец (схема 16) — крепость-застава. Она запирала железную дорогу из Лыжа через Граево на Белосток, при переходе этой дороги по мосту через реку Бобр, текущую в широкой и болотистой долине. Она состояла из большого центрального форта № I, связанного оградой с водными рвами с фортом III, и имела еще на правом неприятельском бер. форт—II—Заречный, прикрывавший мост. Ниже по течению имелся еще малый форт—Шведский, и протянутая до него пешеходная позиция от форта III. Наличие форта II на прав. бер. Бобра придавало Осовцу известное значение в смысле допущения возможности играть не только пассивную, но и активную роль.

Других путей, кроме прегражденного крепостью Осовец из Восточной Пруссии через пограничный городок Граево к важному железнодорожному узлу в Белостоке не было, вследствие чего упорное сопротивление Осовца, в случае атаки его, приобретало особо важное значение, так как при выяснившемся

неплатежном состоянии 10 армии и управления ее операциями, армии правобережной, на которую должен был обрушиться удар Гинденбурга, с целью сначала разбить ее и затем охватить прав. фланг всего русского фронта, немцы могли выйти на сообщение нашего центра. Но для этого надо было сломить сопротивление, какое могла оказать эта армия на среднем Немане, при поддержке двух крепостей Ковно и Гродно. По немецким источникам, трудности, сопряженные с овладением этими крепостями, заставили Гинденбурга распространить охват к северу при посредстве 8 армии Буловова. Другой путь перерыва тыловых сообщений был через верхний Нарев и Бобр по фронту Ломжа—Осовец к Белостокскому железно-дорожному узлу.

После боев 25 дек. и 16 янв. на линии Иоганисбург, Лискен, Винченга часть русских сил (одна дивизия) отошла на Осовец, войдя в состав ее гарнизона, части же 10 армии, занимавшей Иоганисбург, теснимые противником, обнажили ст. Граево, еще незаключившую эвакуацию и прав. фланг лево-фланговых частей армии. Комендант Осовца организовал Граевский отряд из состава гарнизона под нач. полк. Катаева, который и занял Граево, где и укрепился с целью преградить шоссе Шучин—Граево—Грайгород, которыми мог воспользоваться противник для своих передвижений по фронту. С этого дня, 30 января, началась широко-активная работа гарнизона на всем пространстве от Граева до Заречного форта (25 верст), где был создан ряд укрепленных позиций, из коих ближайшая к крепости Сосенская позиция являлась уже передовой и могла получать поддержку крепостной тяжелой артиллерии. Этой упорной борьбой за впередилежащую местность удалось оттянуть на себя значительные силы немцев и заставить (в силу опыта неудачной 1-ой бомбардировки в сентябре 1914 года) подвести до 68 тяжелых, осадного типа, орудий, в том числе 16—8 дм., 16—12 дм. и 4—16 дм. Несмотря на ничтожный плацдарм, представляемый крепостью, эта вторая бомбардировка, начатая 9 февр. и длив-

шаяся до начала марта, немало повлияла на сопротивляемость крепости. Судя по донесениям, вот какие результаты достигнуты противником за месячный срок: сохранены все бетонные постройки жизненного и боевого характера, вследствие чего гарнизон, расположенный в фортах и плацдарме, понес ничтожные потери; все старания немцев **разрушить** (как выразился прибывший на фронт император Вильгельм в одном из своих приказов) игрушечную крепость в течение 10 дней не привели к указанной цели. По результатам бомбардировки с уверенностью можно сказать, что крепость Осовец выдержит еще такую же бомбардировку, при которой число выпущенных снарядов доходило до 80.000.

Таким образом, надлежаще организованная и искусно веденная оборона Осовца (комендант арт. ген. Бржозовский) при наличии соответственно устроенных бетонных казематированных сооружений не убоилась 42 см. мортир и 30,5 см. гаубиц в противность бельгийским крепостям, но, подобно Вердену, подтвердила о том, что «долговременная фортификация в мировую войну выдержала экзамен». В описании обороны Осовца (М. Свечников и В. Буняковский) сказано: «Осовец первый развенчал сложившееся убеждение о действии немецкой тяжелой артиллерии и доказал, что, пока гарнизон крепок духом, ничто не может заставить сдать крепость». Не то же ли показал и Ивалгород? Необходимо добавить, что противник не преминул действовать и удушливыми газами, но сам от них гиб (до 1.000 человек) и успеха не достиг, вследствие отчаянных контр-атак гарнизона. Повторные его штурмы отбивались с большими потерями, а попытки обойти крепость с севера и юга не увенчались успехом, своевременно предупреждаемые фланговыми же операциями гарнизона, который протянул свой фронт за Бобром почти на 48 верст. Упорная защита передового прав. берега, плацдарма, глубиной до 12 верст, увеличила силу фронтального сопротивления крепости и создавала крайне благоприятные условия к переходу в наступление в

чрезвычайно важным направлением на Граево-Лык, в разрез между группами противника, действовавшего против соседних с крепостью армий. Осовец занял собой 50-верстный интервал между армиями фронта и оказал им поддержку под искусным и мужественным руководством коменданта, ген. (артиллериста) Бржозовского, сменившего ген. Шульмана, столь же доблестно отбившего в 1914 году первый 4-х дневный штурм. По приказу Главы командования 9 авг. 1915 г. в 11 час. ночи гарнизон покинул крепость, оставив сводный корпус под командой того же ген. Бржозовского, уничтожив крепость, и занял полевую позицию в 13 верстах к востоку.

Оборона «игрушечной крепости» Осовца столь же блестяща, как и оборона французами большой маневренной крепости Верден, и роль его сыгранная в тактическом и в стратегическом отношении оправдала, в свою очередь, произведенные на сооружение ее издержки и те жертвы, какие понес ее доблестный гарнизон.

Крепость Новогеоргиевск (схема 4) тоже подверглась осаде, но оборона ее составляет полную противоположность крепости Осовец. Новогеоргиевск представлял собою сильную крепость, и если в нем были форты старого устройства до 1912 года, то с этого времени вплоть до его осады в 1915 году он был усилен новой линией фортов, оставивших главную оборонительную линию с общим обводом в 45 верст (см. выше). Особенно усилен был правобережный сектор, где в части его за рекой Вкрой, впадающей в Буго-Нарев, были так наз. Головицкая группа (ф. XIV), группа Царский дар (ф. XV), далее к Чарнову форт XVI. Все эти форты, хотя и не законченные, без к. эскарпов, промежуточных калониров и без кофров в некоторых рвах, все же получили надежные бетонные казармы, способные сопротивляться огню 42 см. мортир. За время приведения крепости в оборонительное состояние были тщательно оборудованы промежуточные позиции между фортами, и укреплен ряд позиций передовых. Артиллерийское вооружение и припасы в изобилии; непосредственно перед

обложением крепость получила 2 милл. ружейн. патронов. Две линии фортов, ограда и цитадель, с множеством казематированных помещений в нижних подвальных этажах, совершенно педоступных бомбардированию, создавали обстановку для стойкого гарнизона, управляемого крепким духом комендантом, вполне способствующую упорной обороне (пример: Ивангород, Осовец). На деле же гарнизон, сборный из вновь введенных в крепость разных эторочередных частей и ополчения, не знал крепости и не понимал сути обороны долговременных верков.

Только специальные части (артиллеристы, саперы, миныры) знали свое дело.

Что касается до коменданта, то его личность и качества характеризуются тем, что, быстро поняв слабость его духа, в гарнизоне возникла мысль арестовать его и избрать другого. В результате, при ускоренной атаке крепости, проведенной выписанным сюда с зап. фронта «пескорителем крепостей» ген. Безелером, Новогеоргиевск, лучшая из наших крепостей, бесславно сдался в несколько дней, предоставив в руки врага 80.000 пленных, более 700 годных орудий, множество пулеметов, огромные запасы огнестрельных и продовольственных припасов и верки в почти полной исправности.

Т. обр., предоставленный глав. командованием своим собственным силам, т.-е. долженствовавший выполнить известную стратегическую роль, Новогеоргиевск ее не выполнил. Но, как сказано выше, ни в Ставке, ни в штабе зап. фронта ее не понимали и, как указано было выше, не понимали не только во время войны, но и до нее. Недоумение вызывает в этом отношении и комментарий переводчиков генерального штаба Г. М. и Ф. Г. книжки Ганса Ниманса: «Поход Гинденбурга в Россию». В одном месте говорится: «Названная крепость в полном объеме отвечало готовности к обороне только Новогеоргиевска». А в другом месте: «Быстрое падение этой сильной крепости объясняется, как слабым ее начальством, так и скверным составом частей ее гарнизона; предвидя печальную участь Новогеоргиевска, наше управление не

оставило коменданту крепости ни одной хорошей полевой дивизии». Не значит ли это, что если бы в сильную крепость введен был лучший гарнизон, то она сопротивлялась бы долго, т.-е. то, что глав. командованию не желалось! Так вновь спросим: зачем же Новогеоргиевск не был эвакуирован наряду с прочими крепостями? Напомним еще раз, что генерал Борисов объясняет, что ген. Алексеев решал этот вопрос «так себе» — «жалко было» (?). Характерно также то значение, какое все-таки придавалось Ставкой верховного Новогеоргиевску. В записке от 15 ноября «о ближайших мероприятиях для обеспечения успеха дальнейших военных операций», после Лодзинского сражения, когда силы наши были вдвое больше, чем германские (3½ дивизий против 16), на совещании гл-щих в Седлеце указывалось на «очень серьезное значение, какое придается ускорению работ на лев. бер. Вислы по укреплению плацдармов в районах Варшавы и Ивангорода (это упрямых крепостей!) и по укреплению линии Нарва (тоже)», и далее, имея в виду образовать сильную группу войск на Млавском направлении для наступления на Сольдау, с целью облегчить продвижение 10 армии, говорится, что эта группа «прочно обеспечит за нами обладание укрепл. районом Варшава—Новогеоргиевск—Загрж и Нижним Наревом, примерно, до Рожан включительно». Опять смешение понятий: укрепленный район, разумеется, не должен бы нуждаться в своем обеспечении какою-то группой войск, а сам должен был обеспечивать своим активным гарнизоном действия Млавской группы, служить ее базой и обеспечивать тем же путем переправы через Нарв до Рожан.

Судя по немецким источникам, так и смотрел Гинденбург на роль Новогеоргиевска, почему и предпринял его осаду. Не явствует ли отсюда, что более длительные сопротивление этой «сильной крепости» могло бы надолго отсрочить в 1915 году форсирование немцами Нарва и тем значительно облегчить последующий отход наших армий западного фронта на линию Брест-

Белосток, которая, может быть, была бы сохранена, и не потребовалось бы дальнейшего отхода, если бы неманские крепости Ковно и Гродно исполнили свое назначение.

Что касается до крепостей Ковно и Гродно, то, конечно, они призваны были играть при любом стратегическом плане существенную роль, служа опорными пунктами на флангах средне-неманского рубежа, заслонявшего собою тыл и сообщение западного фронта. Так и смотрели, судя по немецким источникам, на эти крепости германцы, но, вероятно, не были точно осведомлены о состоянии их обороноспособности.

Ковно была крепостью совершенно устарелой, усиленной лишь рядами передовых позиций, устроенных во время войны там, где собственно должна была пролегать главная крепостная позиция с долговременными фортами. Комендант ее, ген. Пригорьев, еще в мирное время зарекомендовал себя, как неспособнейший генерал и руководитель обороны.

Гродно, как крепость, задумана и проектирована была широко, как маневренная крепость тет-де-лон на Немане, но лишь за год до войны начата постройкой; в ней не было ни надлежащего вооружения, ни гарнизона и ни в каком смысле крепостью в 1914 году считаться не могла, хотя так называлась и имела коменданта.

Тем не менее, Гинденбург, задумав окончательно уничтожить уже надорванную 10 армию—оплот прав. фланга нашего общего стратегического фронта и заслон на путях к Песербургу, и опасаясь, что она найдет надежную опору в Немане и неманских крепостях, предпринял средствами 8 армии ген. Белова, охват ее с севера через Лифляндию. Это заставило протянуть наш фронт до моря и еще более растянуть в кордон корпуса. Сравнительно слабое сопротивление, встреченное германцами, и явная деморализация войск 10 армии, измена полк. Мясоедова и растерянность и неумелое управление этой армии, растерянность, в известной мере распространившаяся и до Верховн. Командования, которому:

одновременно желалось идти на Будапешт за Карпаты и на Берлин через Бреславль и Краков, и вытеснить немцев из Восточной Пруссии,—все эти обстоятельства побудили Гинденбурга в сущности демонстративную операцию обратить в решительную, и обе крепости были позорно эвакуированы после боев на доступах к их долговременным позициям. Ковно была брошена комендантом и ее штабом, а Гродно эвакуирована по приказу свыше.

Как тут выудить из хаоса положений, замыслов и намерений трех препирающихся и разногласных штабов фронтов, с придачей 4-го штаба верховного главнокомандующего, и при наличии неспособности к маневрированию командармов, роль, какую могли бы сыграть и сыграли крепости на русском фронте.

М. Бонч-Бруевич в книге своей: «Потери нами Галиции в 1915 г.» (Труды Военно-Исторической Комиссии) приходит к справедливому заключительному выводу: «Уроки 1915 года на юге и на севере не должны оставаться для нас без последствий; надлежит твердо усвоить раз навсегда, что не может быть войны без общей цели, без ясного представления и определенной постановки ее ближайшей задачи; не может быть ни одной операции без внутренней связи с ближайшей задачей войны, без замысла — по цели и направлению, проводимого полководцем в течение всей «подготовки» операции и в течение всего периода ее «решения».

Такова же печальная история и подготовки к войне возможных театров боевых действий в пограничных зонах России,—подготовки крепостей ее к обороне и использования их в течение самой войны.

К. Величко.

V. БОРЬБА НА МОРЯХ. Борьба на морях во время войны 1914—18 г. определялась в своей основе задачами и положением морских сил английского и германского флотов. Флоты остальных союзников разрешали задачи, хотя и очень серьезные, но скорее местного и временного характера. Сама политическая и военная подготовка к войне

1914—18 г. была в значительной мере обусловлена соперничеством в создании морских сил между Англией и Германией. За несколько недель до начала войны сэр Эдуард Грей в своей милланской речи указывал, что существующий характер морских вооружений Англии и Германии сам по себе является угрозой миру и свидетельствует о возможном и близком возникновении кровавой борьбы. По его словам, в морской политике соревнования между Англией и Германией находится главный симптом приближающегося конца миру.

Англия с начала XIX века мирно пользовалась плодами великой Трафальгарской победы Нельсона и владычества морями мира. Она была заинтересована в сохранении этого положения, которое давало ей громадные выгоды и позволяло ее капиталистам накоплять колоссальные богатства. Ее политика была политикой консервативной во вне. Это положение оставалось неизменным в течение всего минувшего века, но уже в 1898 году появились тревожные признаки. Германское правительство отказалось от бисмарковского принципа континентальной политики и перешло к осуществлению принципов политики мировой. Германия начала приобретать колонии в экзотических странах, приступила к экономическому экипированию заморских рынков и, одновременно с этим, естественно, должна была вступить на путь морских усиления. Задача создать боевой флот была поручена адмиралу Тирпицу, который в 1898 году получил пост морского министра империи. Сохраняя неизменно свой пост до самой войны, Тирпиц успел достигнуть совершенно невероятных успехов в порученном ему деле. За 15 лет Германия превратилась из континентальной державы в государство с сильнейшим флотом, который уступал первенство только одной Англии. Еще в 1890 году главная сила германского флота определялась двумя маленькими броненосцами типа «Зигфрид» в 4.100 тонн водоизмещения. В 1913 г. германский флот имел более миллиона тонн общего водоизмещения, а численность личного состава флота доросла

до 73.000 человек. За время Тирпица Германия провела у себя ряд морских законов, из которых каждый все больше и больше усиливал положение империи на морях. Это были законы 1900, 1906, 1908 и 1912 годов. Последний закон устанавливал силу германского флота в 41 линейный корабль, 20 броненосных крейсеров, 40 легких крейсеров, 144 эскадренных миноносца и 72 подводных лодки. Перед самой войной германское правительство стало предпринимать ряд мер к тому, чтобы его флот находился в состоянии наибольшей готовности к войне; с этой целью оно уменьшило число своих судовых резервов, переведя их в действующий флот. В 1912 г. Германия перевела свою третью эскадру из резерва в состояние действующего флота, укомплектовала ее полностью и законодательной новеллой 1912 года установила, что все три эскадры должны находиться в состоянии полной боевой готовности и пребывать мобилизованными в течение 12 месяцев в году. Эти мероприятия, разумеется, находили полный отклик в английской морской политике. Великобритания в течение всего этого периода вела усиленное военное судостроение и лихомерно готовилась к войне. Характерно, что начало войны не застало флот врасплох. В середине лета 1914 года английский флот провел пробную мобилизацию в неслыханном масштабе, собрав на спитхедском рейде 493 выпелла полностью мобилизованных со всеми четырьмя эскадрами активного флота, двумя эскадрами первого резерва и двумя эскадрами второго резерва. Люди после пробной мобилизации были задержаны на судах, и войну 1914—18 года английский флот начал в такой готовности, в которой он ни разу за всю свою историю ни одной войны не начинал.

Основная стратегическая задача английского флота во время войны отнюдь не носила активного и наступательного характера. Флот Англии не ставился целью принудить к бою и уничтожить флот Германии. Его цель заключалась в том, чтобы, пользуясь превосходством в силах и выгодным географическим положением англий-

ских Островов у входа в северные воды Европы, установить блокаду германского побережья и заставить Германию вести войну в состоянии полной изоляции от остального мира. Германия, находясь под гнетом блокады, должна была лишиться возможности получать извне сырье, вывозить фабрикаты, нужные для получения валюты, и не иметь возможности использовать морские пути для нанесения противнику ударов сухопутными войсками на транспорте. Если бы эта блокада удалась, то Германия оказалась бы приговоренной к голоду во время войны. Германское правительство отдавало себе ясный отчет в этом положении. Еще за два года до войны, в объяснительной записке рейхстагу, правительство говорило, что войну надо будет закончить молниеносным ударом на суше в несколько недель; затяжка же войны на суше, если при этом Германия не окажется в возможности сорвать английской блокады, «приведет страну к великому национальному бедствию». Эта фраза германского документа оказалась пророческой.

Германский флот, в противоположность флоту Англии, естественно, должен был получить задачу активную и наступательную. Его целью являлось сорвать блокаду, которую намечала морская сила Британии. Его сравнительная слабость диктовала необходимость вызвать разделение морских сил противника с тем, чтобы постепенными ударами и постепенным ослаблением достичь более или менее равновесия сил, и тогда использовать свои тактические преимущества в смысле лучшей обученности людей, и нанести решительный удар английским эскадрам. Эта наступательная задача немцам за время войны не удалась.

Австрийский флот, по словам документа, подписанного австрийским адмиралом графом Монтекуколи (начальником флота), должен был поддерживать Германию в том отношении, чтобы совместно с турецкими судами установить господство центральных держав в восточных водах Средиземного моря и Черноморского бассейна. При помощи германских средиземноморских судов, он имел целью обеспе-

чить возможность удара сухопутными силами на русский Кавказ и, кроме того, возможность удара на северном берегу Черного моря, в тыл левого фланга развернувшихся вдоль своей западной границы русских армий. По отношению к России, германский флот в северных водах Европы имел задачу установить господство на балтийских водах с Финским и Рижским заливами, угрожая непосредственно тылу правого фланга развернувшихся русских войск, равно как и русской столице на берегу Невы. Кильский канал представлял в этом отношении возможность для германцев вести одновременно борьбу и против русского и против английского флотов, так как, по примеру прошлых лет, в Берлине считалось, что английский флот в первые недели войны будет парализован хроническими его трудностями морской мобилизации и постоянными недостатками в личном составе. Германская ставка на балтийском театре была обусловлена расчетом на задержку мобилизации английского флота. Ставка эта была бита, так как английский флот оказался мобилизованным с момента объявления войны. Задачи французского флота, соответственно с вышеизложенным, определялись противодействием флоту австрийскому и отдельным германским судам на театре Средиземного моря. Австрийский флот, по основному замыслу союзников, должен был быть заблокирован в Адриатике французами, подобно тому, как германский флот на севере должен был быть заблокирован англичанами. Французскому флоту его задача в значительной мере удалась, и австрийские суда не оказались в состоянии выйти в восточные воды Средиземного моря и к Босфору. В Черное море удалось прорваться только двум германским крейсерам — «Гебену» и «Бреслау».

Первые военные действия на море развертывались в соответствии с этими вышеизложенными основными соображениями. 1 августа Германия объявила войну России, и уже 2 августа германские крейсера «Ауцсбург» и «Магдебург» обстреляли Либаву. Германские

суда производили разведку в Финском заливе, причем крейсер «Магдебург» 27 августа наскочил там на мель и был уничтожен русскими. В Средиземном море крейсера германского отряда «Гебен» и «Бреслау» обстреляли гавани в Алжире, с целью затруднить посадку французских африканских войск на транспорты, и затем направились на Мессину для пополнения угольных запасов. 10 августа оба эти крейсера уже вошли в Черное море.

В тот же день Франция объявила войну Австро-Венгрии, и через 6 дней французский флот уже начал свои операции против австрийского флота в Адриатике, причем в Бока-Катарской бухте французы утопили австр. крейсер «Цента». На Северном море эти же первые дни ознаменовываются попытками германцев вести активные действия против английского флота. 5 августа германский минный заградитель «Королеза Луиза» оказывается у устьев Темзы для постановки тут минного заграждения. Но его атакуют и топят английская флотилия миноносцев, которую сопровождает английский крейсер «Амфион». Последний, впрочем, тут же нарывается на одну из германских мин и взрывается. В течение первых недель на Северном море продолжается эта борьба между вспомогательными силами английского и германского флотов. Действуют пока подводные лодки, миноносцы и легкие крейсера. Часть из них достигает некоторого успеха, часть гибнет. 28 августа разведочный германский отряд сталкивается с подавляющими силами англичан возле Гельголанда. В произошедшем бою германцы теряют три крейсера и один миноносец.

Наряду с действиями в Северном, Балтийском и Черном морях, Германия стремится теперь организовать нападение на англичан в открытых районах океанских путей, при помощи своих крейсеров и вооруженных пароходов. Это важно потому, что, таким образом, можно рассчитывать вызвать разделение английских морских сил, часть которых должна будет выйти в океан для защиты своей торговли и мореплавания. Первым военным событием на океанских путях оказывается бой между ан-

глийским крейсером «Хайфлайер» и германским крейсером «Кайзер Вильгельм дер Гроссе», у берегов западной Африки. Германский крейсер потоплен. 28 августа Япония объявляет войну Германии, и теперь начинаются захваты германск. владений на Тихом Океане. 31-го августа над германскими островами Самоа поднят английский флаг. Во второй половине сентября германский крейсер «Кенигсберг» уничтожил в бою у Занзибара, в африканских водах, английский крейсер «Пегасус». В это же время германский крейсерский отряд появился у французского порта Таити, в Тихом океане, потопил одно французское военное судно и обстрелял порт и гавань. Германский крейсер «Эмден» подошел к индийскому порту Мадрас и обстрелял его портовые сооружения. Австралийскими войсками на транспортах тогда же были заняты германские колонии у Новой Гвинеи. В продолжение следующих месяцев эта борьба на океанских путях ведется с чрезвычайной энергией и смелостью, но с переменным успехом в тактическом отношении. В стратегическом отношении цель германцев остается недостигнутой: английский флот продолжает сохранять свое господствующее положение на Северном море и блокирует германские порты.

На северных европейских морях разыгрывается ряд событий, не имеющих никакого решительного характера. Германцам удается потопить подводною лодкою три больших английских броненосных крейсера — «Абукир», «Кресси» и «Хоог». Кроме того, другою лодкою они теснят англ. легкий крейсер «Патфайндер» у самых шотландских берегов. Еще одна лодка в это же время топит в Финском заливе русский крейсер «Паллада». 17 октября происходит в Северном море еще одно сражение между германскими миноносцами и английским отрядом, в результате которого 4 германских миноносца оказываются расстрелянными и тонут. В конце октября германской подводной лодке удается атаковать и потопить английский крейсер «Гермес» в самом Английском Канале. На Черном море этот же мо-

мент знаменуется нападением турецкого флота на ряд русских портов, причем гибнут два русских военных судна вспомогательного значения, «Прут» и «Кубанец».

В последующем, главными событиями этой эпохи оказываются: бой 1 ноября у чилийских берегов между английской и германской крейсерскими эскадрами, в котором англичане теряют два больших броненосных крейсера, «Монмаут» и «Гууд Хооп»; затем — первый обстрел англичанами Дарданельских укреплений; бой между английской и германской крейсерскими эскадрами у Фалклендских островов, причем на этот раз, победа оказывается на стороне англичан: немцы потеряли все свои суда, за исключением легкого крейсера «Дрезден»; вместе с германскими судами гибнет почти весь их личный состав во главе с самым адмиралом фон-Шпее. На Дальнем Востоке в это время заканчиваются японские операции против Цингао, причем германцы сами вырывают несколько своих военных судов и находившийся там же австрийский крейсер «Кайзерин Елизабет». Именно в этот период союзникам удается ликвидировать все крейсерские операции германцев в экзотических водах. Крейсер «Кенигсберг» обнаружен и обезврежен в одной из рек восточной Африки. Крейсер «Эмден» после ряда славных подвигов, среди которых надо отметить уничтожение им русского крейсера «Жемчуг» и французского истребителя «Муске», оказывается вынужденным к бою с австралийским крейсером «Сидней» и потопленным. Германские колонии захватываются союзниками одна за другой, и экзотическая империя германцев теперь уже разрушена. Война сосредоточивается отныне в европейских водах, где положение для германцев остается фатально для них неизменным: блокада продолжается.

Германские крейсера начинают свои набеги против английских портов, продолжают подбрасывать мины заграждения в английских водах, отправляют подводные лодки на пути к выходам из баз английского флота. Все это имеет целью достигнуть ослабления английского флота для уравнивания сил и

для возможности в последующем — открытого боя. Английский флот, однако, озабочен верным поставлением ему задачи: не искать открытого боя, уклоняться от него и продолжать блокаду фактом своего существования в британских портах, которые столь выгодно расположены в географическом отношении.

В ноябре англо-французский флот предпринимает свою неудачную операцию против Дарданелл. Вторых задуманная, недостаточно подготовленная, эта операция продолжается долгое время, поддерживается потом сухопутными силами союзников, сопровождается также соответствующими действиями русского флота в Черном море, но, в окончательном итоге, сводится к полному фиаско и к большим потерям, понесенным, как союзным флотом, так и их сухопутными экспедиционными войсками. Английское командование впоследствии указывало, что операция против Дарданелл имела целью захватить Константинополь, заставить Болгарию отказаться от присоединения к центральным державам, открыть Черное море для ввоза необходимого русским военного снабжения и для вывоза русского хлеба. Ошибка союзников заключается в том, что они своими первыми действиями при помощи одного только флота дали возможность туркам и германцам заблаговременно подготовиться, и позднее оказалось запоздалым.

На севере начало второго года войны ознаменовалось в январе большим сражением у Доггер-банки между германской разведочной эскадрой и английскими силами. С обеих сторон погибло по одному большому крейсеру, причем англичане потеряли линейный крейсер-дредноут «Тайгер», а немцы крейсер «Блюхер»; кроме того, англичане потеряли 3 миноносца. Борьба за ослабление английского флота путем предварительных нападений подводными лодками, миноносцами и минами заграждения, ведется теперь самым энергичным образом. Англичане еще в ноябре 1914 года объявляют «военной зоной» все Северное море, для облегчения своей блокады; германцы в фе-

врале 1915 года отвечают на это объявлением военною зоною всех вод, окружающих Британские Острова, и предупреждают нейтральные суда о том, что против английских транспортов с войсками и со снабжением, отправляющихся во Францию, они будут применять «все имеющиеся средства войны» без ограничения. Вместе с тем, 18 февраля германцы начинают свою знаменитую «войну подводными лодками против английского торгового флота». Таким образом, немцы, в ответ на английскую блокаду, начинают свою подводную блокаду английских берегов. 20 февраля подводной лодке удается утопить первый английский пароход.

Весна 1915 года знаменуется оживлением борьбы германских лодок против английской торговли и, вместе с тем, борьбы английских судов против германских подводных лодок. Наряду с этим, германцы ведут операции в Балтийском море, где флот поддерживает наступающие германские войска при очищении Мемеля и позже, в мае, занимают Либаву при помощи флота. В Средиземном море продолжается развите Дарданельской операции, и в мае союзники, наконец, высаживают первый десант на полуострове Галлиполи, а русский флот в это время обстреливает Босфор. Турецкий флот старается проявить деятельность в Черном море, причем в апреле турецкий крейсер «Меджидие» гибнет возле Одессы. Оживление боевых действий в южных водах сопровождается усилением работы противников в Адриатике, причем в апреле австрийской подводной лодке удается утопить французский броненосный крейсер «Леон-Гамбетта». Уже в мае положение французов в Адриатическом море оказывается значительно улучшившимся. Дело в том, что Италия, до сих пор сохранявшая нейтралитет, выходит из него и 23 мая объявляет войну Австро-Венгрии. Деятельность австрийского флота против нового врага знаменуется на первых шагах некоторыми небольшими тактическими успехами, но в стратегическом отношении дело и здесь остается на прежнем положении: австрийский флот не может выйти из Адриатиче-

ского моря, что, впрочем, для него теперь уже и бесполезно, т.-к. надежды на возможность прорыва в Босфор отпали в связи с нахождением крупных союзных морских сил в восточной части Средиземного моря. Между тем, в районе Дарданелл англичане теряют ряд крупных судов. Это — броненосцы «Голиаф», «Триумф» и «Маджестик». Зато английская подводная лодка прорывается в Мраморное море и здесь топит ряд неприятельских судов и транспортов, проникая даже на рейд Константинополя. На севере немцы пускают в ход новое оружие морской войны и атакуют англичан своими воздушными кораблями. Эти воздушные корабли появляются у устья Темзы, нападают на Кала, на Дувр и на Гельсингфорс. В ночь с 1-го на 2-ое июня корабли сбрасывают бомбы на верфи и гавани Лондона. Через два дня они атакуют Гембер и военный порт Гарвич. Эти воздушные атаки продолжают в течение всего июня, но англичане принимают свои меры противодействия, и атаки в своем успехе ограничиваются, в конце концов, разве только психологическим впечатлением.

Начало июля не вносит ничего нового в сложившуюся на севере обстановку. Только русский балтийский флот празднует победу, одержанную его крейсерами над отрядом германских крейсеров между островом Готланд и Виндавою, причем, одно германское судно, «Альбатрос», терпит аварию и вынуждено выброситься на берег Готланда. Кроме того, в Балтийском море оказываются прорвавшиеся сюда английские подводные лодки, которые начинают деятельно помогать русским. Целый ряд германских пароходов, транспортов и военных судов терпит удары со стороны английских подводных лодок на всех путях Балтики. В продолжение затем всего лета, осени и начала зимы борьба продолжается на всех театрах вспомогательными силами обеих сторон. В Адриатике гибнет ряд судов, как итальянских, так и австрийских, в подводных атаках и на минах заграждения. В Балтийском море продолжают операции тоже, главным образом, подводных лодок и минных заградителей, всячески старающихся

незаметно подойти к портам неприятеля и там набросать мины заграждения. На Северном море продолжается борьба этими же средствами и, кроме того, ведется борьба между блокирующими малыми судами англичан и германскими легкими судами, которые стараются нанести ущерб блокирующим; во время этих действий, возле Оркнейских островов, германскому вспомогательному крейсеру «Метеор» удается атаковать английский крейсер «Рамзей» и уничтожить его.

К середине лета англичане заканчивают постройку своих специальных судов, мелкосидящих, тихоходных, но с большой артиллерией (мониторов), и 23 августа английские мониторы появляются впервые перед германскими береговыми укреплениями на бельгийском побережье возле Зебрюге. В августе же германские морские силы, в соответствии с действиями и с обстановкой на сухопутном театре войны, прорываются в Рижский залив, и здесь происходит бой между ними и русским флотом. Германцы потеряли здесь два миноносца погибшими в бою против русского миноносца «Новик», а с русской стороны были потеряны небольшие суда — «Сивуч» и «Кореец». Ничего решительного ни на одном из театров морской войны не происходит в дальнейшем до самого декабря 1915 года. Налеты воздушных сил, нападения подводных лодок, крейсеров, миноносцев продолжают, но не вносят ничего нового. 19 декабря начинается ликвидация дарданельской операции: в результате сухопутного успеха, одержанного турками на этом театре, войска союзников ночью были посажены на транспорты и ушли. 9 января 1916 года английские и французские войска окончательно очистили полуостров Галиполи.

Первая половина 1916 года знаменуется резким усилением деятельности германских подводных лодок и налетов германских воздушных сил на английские порты. Уже 1 марта в действие постановление германского правительства о потоплении вооруженных пароходов «без предупреждения». В ночь на 1 апреля германские воздушные корабли атаковали

Лондон и заводские районы восточного побережья Англии. Атаки эти продолжались несколько дней. Кроме английских баз, германские летчики в это же время производили ряд атак на базы русского флота в Моснаунде. Союзники ведут оборонительную войну против этих налетов и нападений подводных лодок, причем сами переходят в наступление, атакуя своими воздушными силами неприятеля. Уже в конце марта огромною силою в 65 аппаратов союзники нападают на германский аэродром в Зеербюге. В середине апреля они производят воздушное нападение на Константинополь и на Адрианополь. Но с обеих сторон все эти действия не оказывают и не могут оказать сколько-нибудь решающего влияния на исход войны. Англия жестоко страдает от подводной войны и от налетов, но это страдание в то время отнюдь не оказывается еще такого характера, который смог бы заставить ее подумать о конце. Она только усиливает свои меры противодействия, и эти меры, в конечном итоге, сильно затрудняют энергию и предприимчивость германцев. Значительно хуже сказывается положение Германии, которая никак не может сбросить ига морской блокады, удручающей страну в момент величайшего напряжения. Личный состав германского флота в это время уже очень резко ощущает сознание своего бессилия помочь стране. В печати и в обществе Германии создается настроение, враждебное своему флоту, который, мол, не выходит в море, не ищет случая принудить англичан к решительному бою и не хочет собою пожертвовать для спасения родины от смертельной опасности продолжающейся блокады. Правительство, в свою очередь, сознает необходимость что либо-предпринять для того, чтобы нанести радикальный удар британскому боевому флоту и снять, наконец, блокаду с побережья Германии. Но все старания остаются безрезультатными, ибо английское морское командование несколько не заинтересовано в бое. Вой англичанам не нужен. Им нужна возможность продолжать блокаду и измор Германии. Если в английском общественном мнении и появляются тенден-

ции, аналогичные тем, которые высказываются в германском обществе, то пресса искусно успокаивает пыл, обаянная обществу, почему англичане не нуждаются ни в каких тактических эффектах, и почему для них самым выгодным является продолжение существующего положения с его строгой изоляцией германских портов. Наоборот, германский флот в этот период особенно остро ощущает необходимость вызвать англичан и принудить их к бою. В апреле германские броненосные крейсера производят набег на английское побережье с целью вызвать на бой хотя бы часть английского флота. Но этот набег стратегически остается безрезультатным. Только 31 мая, наконец, этот желанный бой происходит возле Ютландского побережья. Великий Ютландский бой, являющийся по величине принимавших в нем сил самым крупным из морских боев за всю историю человечества, явился всецело результатом инициативы немцев, которые искали его. К этому времени «беспопашная подводная война», которая успела потопить несколько миллионов тонн английских торговых пароходов, была уже ослаблена из-за соображений внешнеполитического свойства: Германия тогда не хотела еще сориться с Соединенными Штатами Северной Америки. Ослабление подводной войны оставило германский флот как бы в стороне от участия в военной работе всей страны, и флот в своем личном составе это чувствовал самым болезненным образом. И офицеры, и команды германских судов рвались в бой, сознавая, что их толкает к тому общественное мнение. Вот обстоятельство, которое надо непременно иметь в виду при оценке сглажения Ютландского сражения: инициатива к нему скорее была создана моральной необходимостью, чем холодным стратегическим расчетом. Однако, и этот расчет здесь, конечно, присутствовал. Основная идея германского командования сводилась к следующему: произвести демонстрацию вблизи английского побережья; демонстрацией этой заставить английский флот, или часть его, выйти в море и там постараться уничтожить противника. Здесь

интересно привести слова самого командующего германским флотом, адмирала Шеера: «Обстрел 25 апреля 1916 года германскими броненосными крейсерами английского побережья произвел сильное впечатление на английское общественное мнение. Общество было разочаровано тем, что британский флот не может предупредить нападения германских моряков на порты королевства. Поэтому, первый лорд адмиралтейства, Бальфур, счел себя вынужденным заявить, что, если германские суда посмеют снова появиться в английских водах, то английский флот их строго накажет. Вот на этом-то мы и решили сыграть». Обстрел быстроходными линейными судами английского побережья являлся испытанным средством, и в данном случае должен был вызвать англичан в открытое море. Предполагалось обстрелять Сундерланд, вызвать за крейсерами погони отдельных частей английского флота и затем навести их на главные силы германского флота в море. Второй вариант операции заключался в том, чтобы, вместо бомбардировки, крейсера вышли к побережью Норвегии, дали бы себя обнаружить и тем побудили бы англичан к преследованию. До начала операции немцы отправили к портам Англии 26 подводных лодок, которые должны были ослабить английские отряды в момент их выхода в море для погони за германскими крейсерами. 30-го мая было решено приводить в исполнение второй вариант. Крейсерские силы адмирала Гинцера вышли из порта Яде 31 мая в 4 часа утра; главные же силы германского флота должны были выйти позднее и соединиться с крейсерами к 1 июня. Во второй половине дня 31 мая германские крейсера встретились с английскими крейсерами адмирала Битти. В английской эскадре находились лучшие и сильнейшие крейсера—сверх-дредноуты. Около 6 часов германская эскадра облизилась на действительное расстояние артиллерийского огня с противником, и начала бой. Уже через 24 минуты один из английских крейсеров, «Индефатикабль», потонул под германским огнем, а в 6 ч. 20 м. к англичанам подошло

новое подкрепление в виде дивизии новейших быстроходных линейных кораблей с 15 д. артиллерией. Германский адмирал, продолжая артиллерийский бой, бросил на англичан свои миноносные флотилии под прикрытием легких крейсеров, но миноносцы не смогли подойти для атаки, потому что их встретили английские миноносцы со своими легкими крейсерами. Между ними завязался также бой. Около 6 ч. 30 м. на английском крейсере «Куин Мери» произошел взрыв, и когда дым рассеялся, то крейсера уже не было. Германский адмирал, ведя бой, так располагал курсами, чтобы навести английские силы на главную часть германского флота, который в это время шел навстречу. Задача германских главных сил теперь заключалась в том, чтобы поскорее прийти на помощь своим броненосным крейсерам и вынудить английские крейсера и находившиеся с ними линейные корабли к бою. В 6 ч. 32 м. главные силы германского флота пришли к месту боя, и в 6 ч. 45 м. смогли открыть огонь. Следующая за этим фаза боя оказалась преследованием англичан, которые повернули и стали уходить от главных сил германского флота. Скоро стала наступать вечерняя темнота, но бой на преследовании продолжался, когда вдруг впереди показались, неожиданно для германцев, главные силы английского флота. Вместо того, чтобы иметь дело с частью британских морских сил, германцам пришлось увидеть против себя полностью весь английский флот. Германский адмирал говорит: «Вся дуга горизонта от норда до оста внезапно превратилась в огненное море; самих кораблей еще не было видно, но на дыму, который окутывал горизонт, ясно выделялся огонь английских орудий». Сперва германский адмирал не имел сразу намерения повернуть, чтобы избегнуть боя с подавляющею силою неприятеля; наоборот, он развернулся для боя на параллельных курсах; но, разумеется, долго продержаться германцы не могли, в виду громадной силы английского огня. Скоро они повернули, и тотчас же после поворота артиллерийский огонь прекратился. Однако, бой на от-

ступлением для германцев мог оказаться опасным, так как кощевые корабли германского флота, несомненно, погибли бы. Поэтому германский адмирал решил повернуть на неприятеля с таким, однако, расчетом, чтобы обеспечить своим миноносцам возможность атаки на английские суда. Маневр этот должен был быть неожиданным и, по соображению германского командования, должен был разрушить планы англичан и помочь немцам оторваться от врага на ночь. Благодаря помощи минных флотилий, цель этого удара была достигнута, и германский флот получил возможность безопасно начать отступление при помощи третьего поворота. Это произошло в 9 ч. 17 м. Вскоре после поворота англичане прекратили огонь. В 9 ч. 50 м. немцы повернули и легли курсом на юг. Ночной поход сопровождался минными атаками, причем здесь имели место некоторые потери среди судового состава. С утра германцы начали производить разведку своими воздушными кораблями. Но видимость была очень плохая из-за туманности. Германский адмирал говорит, что он охотно пошел бы назад для продолжения боя, но найти неприятеля из-за плохой видимости горизонта было трудно. Поэтому он решил возвращаться домой. Ютландский бой, несмотря на превосходство англичан в силах, оказался для них чреватым гораздо большими потерями, чем для германцев. Англичане потеряли 1 линейный корабль, 3 линейных крейсера (дредноуты), 4 броненосных крейсера, 2 легких крейсера и 13 миноносцев, а германцы потеряли 1 линейный корабль старого типа, 1 линейный крейсер, 4 легких крейсера и 5 миноносцев. Общая сумма водоизмещения английских потерь достигла 169.200 тонн, а общая сумма водоизмещения потерь германских всего только — 60.730 тонн. Германцы на этом основании считают Ютландский бой за свою победу, и если смотреть на дело только с тактической точки зрения, то они, пожалуй, и правы. Но со стратегической точки зрения победа, разумеется, осталась за англичанами. Блокада германских портов после боя не прекратилась. Английский флот сохранил свое положе-

ние и свою возможность блокировать Германию. Таким образом, цель германцев не была выполнена. Цель англичан — продолжать блокаду — сохранилась в своем выполнении полностью.

После Ютландск. боя немцы уже больше ни разу не пытались ввязать англ. главные силы на бой со своим флотом. Вместо того, они усилили опять подводную войну, которую стали проводить в жизнь с исключительной энергией и беспощадностью, пренебрегая интересами нейтральных государств. Эта подводная война оказалась официальным предлогом для того, чтобы 3 февраля 1917 года правительство Соединенных Штатов прервало дипломатические сношения с германским правительством, а 6 апреля объявило Германии войну.

В последних числах августа 1916 года число воюющих держав увеличилось, так как Италия объявила войну Германии; Румыния объявила войну Австро-Венгрии; Германия объявила войну Румынии, и Турция объявила войну Румынии; в сентябре Болгария объявила войну Румынии, и теперь остро встал вопрос о положении Греции. Греция, однако, находилась под непрерывною угрозою средиземноморского флота союзников, который в любую минуту мог изолировать страну от морских путей и задумать ее блокаду. Поэтому греческое правительство должно было придерживаться уступчивого образа действий, и когда в начале октября 1916 года союзники потребовали выдачи всего греческого флота, за исключением трех военных кораблей, то это требование было принято.

В продолжение всего остального времени 1916 года и в 1917 году операции продолжались на всех театрах, причем германские лодки топили суда не только в северных водах, но и в Атлантическом океане и в Средиземном море; воздушные силы продолжали производить свои налеты на порты Великобритании; летчики союзников отвечали немцам тем же самым, производя ряд атак на Зееbrugge, на Брюгге и на Гент. Американский адмирал Симс приехал в Англию за несколько дней до выступления Америки, несмотря

на то, что пароход, на котором он шел, взорвался на mine заграждения, и здесь, как он позже рассказывал, застал английское адмиралтейство в смущении. Англия переживала критический период войны, из-за результатов беспощадной войны подводными лодками. Сам адмирал Джеллико на вопрос адмирала Симса: «Неужели же немцы могут выиграть войну?» ответил американцу: «Они ее выиграют, если только мы не сумеем уменьшить наши потери и не сумеем сделать этого в кратчайшее время». Дело осложнялось теперь еще приближением лета с его светлыми и короткими ночами, при которых деятельность германских подводных лодок еще облегчалась. Опасения Симса были настолько велики, что, когда он доложил американскому послу в Лондоне свои соображения, посол спросил своего адмирала: «Как же мы встретим поражение англичан»? Сам адмирал Джеллико сознавался позже, что за последние 200 лет Англия никогда не была в большей опасности, чем в 1917 году. Однако, духом англичане не пали. С необычайной энергией они создавали средства борьбы против подводных лодок, и уже в начале 1918 года стало ясно, что опасность для Англии начинает уменьшаться. Окончание войны не дало возможности проявить противолодочную борьбу до тех размеров, которые были намечены, и, по словам адмирала Джеллико, значительное количество новозобретенных средств еще не было введено в действие, когда обесиленная Германия вышла из войны. Уже после войны выяснилось, что Германия, в общем, потеряла 186 подводных лодок, причем из этого числа 35 лодок погибло от противолодочных бомб; 35 лодок погибло на минах заграждения; 25 лодок были уничтожены артиллерийским огнем и тараном специальных судов; 5 лодок попались на буксирные тралы; от судов-ловушек подводных лодок немцы потеряли 12 лодок; от тарана боевых судов — 4 лодки; торговыми судами было уничтожено 4 лодки; аэропланами было уничтожено 7 лодок; интернировано, после аварий, было 6

лодок; кроме того, 30 лодок погибли от невыясненных причин. Соответственно с успехом войны против германских подводных лодок уменьшалось и число их жертв. Это обстоятельство характерно показывается следующей таблицей:

Гибель торгового тоннажа по четвертям года:

1-ая четв. 1917 г. . . .	1620 тыс. тонн.
2-ая » »	2237 тыс. тонн.
3-ья » »	1497 тыс. тонн.
4-ая » »	1273 тыс. тонн.
1-ая четв. 1918 г. . . .	1143 тыс. тонн.
2-ая » »	962 тыс. тонн.
3-ья » »	915 тыс. тонн.
октябрь 1918 года . . .	177 тыс. тонн.

Наряду с применением разнообразных средств борьбы против подводных лодок, союзники резко увеличивали у себя торговое судостроение для того, чтобы бороться с уменьшением тоннажа, причем в одном 1918 году по четвертям года было выстроено:

1-ая четв. 1918 г. . . .	870 тыс. тонн.
2-ая » »	1243 тыс. тонн.
3-ья » »	1384 тыс. тонн.

Таким образом, во второй и в третьей четвертях 1918 года постройка судов уже покрывала их убыль. Соединенные Штаты, вступив в число воюющих держав, естественно, были в высшей степени заинтересованы в том, чтобы посылаемые ими подкрепления и войсковые транспорты были бы защищены от подводных лодок. Ими была, поэтому, принята система так называемых «конвоев». Система эта оказалась чрезвычайно действительной, и мы, например, видим, что по 1 августа 1917 года более 10.000 торговых судов прошли по океану в составе конвоев, причем потери, понесенные судами, определялись всего лишь в полпроцента. Американцы прислали в европейские воды огромное число миноносцев и других судов, которые приняли деятельное участие в борьбе против подводных лодок и помогали английским судам поддерживать блокаду германского побережья.

Что касается театра Балтийского моря, то здесь германский флот осенью 1917 года стал проявлять оживленную деятельность, сообразуясь с общим хо-

дом сухопутной кампании. В связи с занятием Риги, германский флот получил приказание произвести операцию занятия прибалтийских островов.

На германский флот тут ложилась задача обеспечить правый фланг десантного корпуса и оборудовать транспортный флот для перевозок 23.000 человек с сильным снабжением и обозом. Прежде всего, им приходилось очистить подходы с моря от мин, дабы избежать потерь в транспортах. 9 октября состоялась посадка войск на транспорты, и 11 октября флот под командованием линейных кораблей и легких крейсеров вышел в море. Неблагоприятная погода в море сильно задержала операцию траления мин заграждения. Тем не менее, германцам довольно легко удалось справиться с сопротивлением батарей на Кинасте и Хундсортте. В Ирбеском проливе тральные работы под обстрелом русских батарей продолжались до 13 октября, и вечером этого дня германские морские силы находились уже перед южным входом в Моонзунд. 17 октября германцы получили сведения, что русские отходят на север, и, таким образом, к этому времени Моонзунд весь был уже в руках германского флота. В высшей степени характерно, что германцы решились на значительное отвлечение своих сил на операции в Балтийском море, имея в Северном море постоянную угрозу со стороны англичан, которые, конечно, могли бы своим появлением заставить германский флот прекратить операцию против русских прибалтийских островов. Помощь русским уже не входила, очевидно, в расчеты Англии. С занятием прибалтийских островов, морская война на Балтийском море была окончена. С тем большей интенсивностью она продолжалась на западных театрах, выражаясь в борьбе подводными лодками и против подводных лодок. По мере ослабления деятельности германских подводных лодок, Германия теряла последнюю надежду на то, что ее морские силы окажут помощь стране в смысле избавления ее от «голодной блокады». В скором времени перед германским командованием стало очевидным бессилие «подводной блокады»,

объявленной в ответ на английскую «голодную блокаду». В ноябре 1918 г. германцы приняли предложенные им условия перемирия, и затем война окончилась. Уже летом 1919 г. германский флот, по условию, заключенному с союзниками, был сдан англичанам и должен был прийти в бухту Скапа-Флоу. Здесь значительная часть германских судов была, в июне 1919 года, потоплена своим же личным составом, а остальные суда были взяты английскими командами. В дальнейшем германский флот (так же, как и флот австрийский) был распределен между союзниками; следующие цифровые данные показывают конечную судьбу боевых флотов обеих центральных держав: в Скапа-Флоу было потоплено 10 германских линейных кораблей, 5 германских линейных крейсеров и 5 легких крейсеров. В распоряжение Англии досталось: 5 германских кораблей и 6 австрийских кораблей; 2 австрийских крейсера; 6 германских легких крейсеров и 6 австрийских легких крейсеров; 90 германских и австрийских миноносцев. В распоряжение Франции были предоставлены: 1 германский и 3 австрийских корабля; 5 германских и 1 австрийский крейсер; 12 германских и 3 австрийских миноносца. В распоряжение Италии были предоставлены: 4 австрийских линейных корабля, 3 германских легких крейсера и 2 австрийских легких крейсера, 3 германских миноносца и 22 австрийских миноносца. В распоряжение Японии были предоставлены: 2 германских линейных корабля, 1 германский легкий крейсер и 4 германских миноносца. В распоряжение Соединенных Штатов было предоставлено: 1 германский линейный корабль, 1 германский линейный крейсер и 3 германских миноносца. Кроме того, несколько германских миноносцев и небольших австрийских судов было передано в состав флотов других союзников.

Когда, через 4 года и 331 день после начала войны был подписан, 28 июня 1919 г., мирный договор в Версале, то здесь от морской Германии не было оставлено ничего. 119-й параграф лишил Германию всего ее заморского достоя-

ния: «Германия отказывается от всех своих прав в заморских владениях». Следующие параграфы, поименно и детально разбирая каждый пункт, лишали Германию всех ее прав, привилегий и преимуществ, приобретенных ею в каких бы то ни было договорах с вневропейскими государствами: Египтом, Марокко, Сиамом, Либерией, Китаем и др. После Версальского договора за морем Германии не оставалось ровно ничего. Но и на самом море в европейских водах Германия оказалась ослабленной до крайней степени. Параграф 181-й запрещает Германии иметь морскую силу, большую шести линейных кораблей, поименно названных и совершенно устарелого типа «Дейтшланд» или «Лоторинген». Эти корабли закладки 1901—1903 г.г., никуда негодные с современной точки зрения. Их водоизмещение 13.200 тонн; скорость хода около 15 узлов; вооружение из четырех 11 д. орудий и четырнадцати 6,7-дюймовых пушек при 9-дюймовой броне в средней части нижнего пояса; вдобавок к этим абсолютно непригодным для войны судам, Германия разрешается еще иметь 6 легких крейсеров, 12 эскадренных миноносцев и 12 малых миноносцев. Подводные лодки, так же, как и линейные крейсера-дредноуты, запрещены вовсе. Мало того, специальный параграф категорически воспрещает Германии иметь какую бы то ни было военную авиацию в составе своих морских сил. Конечно, в таком виде германский флот оказывается теперь совершенно ненужностью — никакой войны и ни против кого вести он не в состоянии. Но дело не ограничивалось одним судовым составом. Германия была также обезоружена и в смысле своих баз для флота. Гельголанд, являвшийся вершиной германского стратегического треугольника в Северном море, был демилитаризован. Разоружение же Кильского канала, обозначенное в параграфе 195-м целью «обеспечить свободный вход в Балтийское море для кораблей всех наций», низвело положение Германии в Балтике к абсолютной ничтожности. В результате этого договора, Германия из государства морского была превращена

в государство только приморское: она имеет морскую границу, но военным достоинством на море обладать не может, точно так же, как не может иметь и каких-либо политических операций в заморских землях. Тот военный флот, который был ей оставлен, оказался лишенным всех современных средств морской войны: в составе флота нет ни одного дредноута, т.е. ни одного корабля, вооруженного единым калибром крупной артиллерии; нет подводных лодок; нет морской авиации. В таком виде германский флот может отчасти лишь служить целям учебным для плаванья подготавливаемого личного состава, но не больше.

Еще радикальнее распорядились победившие союзники с морской Австрией. Это государство лишилось всех своих морских границ и лишилось целиком всего своего военного флота. Австрия имеет право содержать только три небольших полицейских катера для речной службы на Дунае; но, мало того, и самый-то Дунай в пределах австрийского государства был интернационализирован. Таким образом, Австрия теперь не имеет ни флота, ни какого-либо водного пространства, ни морского, ни речного, который находился бы в распоряжении государства.

Англия достигла своей цели, поскольку ей надо было устранить с пути Германию, как государство, стремившееся оспаривать мировую гегемонию британского флота. В Европе Англия осталась к началу XX века без соперников, и, с этой точки зрения, ее задача была выполнена: консервативные задачи сохранения того положения, которым Великобритания пользовалась в XIX веке, после Трафальгарского боя, оказались разрешенными. Но это — только в Европе. По существу же дела, Англия во время войны не выиграла от войны ровно ничего в морском отношении. Освободившись от европейского соперника в лице Германии, Англия обрела нового соперника, бесконечно более могучего и гораздо менее уязвимого — в лице Соединенных Штатов Северной Америки. Война имела свою

задачей сохранения мировой гегемонии англичан на водных путях планеты. Гегемонии этой в настоящее время Англия не имеет. Ее соперниками оказываются теперь Соединенные Штаты Северной Америки и Япония, которые в то же время вынуждены соперничать друг с другом из-за господства на водных путях Тихого океана, ведущих к Китаю. Центр мировой морской политики, в результате войны, переместился именно в Тихий океан, и здесь Англии в настоящее время приходится обеспечивать свое положение, пользуясь существующими базами в Гонконге и в Сингапуре.

В. Долово-Добровольский.

VI. ВОЗДУШНЫЙ ФЛОТ. Появление воздушного флота на полях сражений и театрах военных действий—одна из характернейших особенностей мировой войны. Одиочные случаи военного использования аэростатов и самолетов, имевшие место до нее, представляются совершенно незначительными сравнительно с феерическим развитием воздушного флота в 1914—18 г.г. Лишь мировая война вывила значение этого нового мощного оружия, которое накладывает свой отпечаток на военное искусство нашей эпохи. Выявление его значения произошло не мгновенно: воздушный флот вступает в войну в младенческом состоянии и в начале ее (малевренный период 1914 г.) мало влияет на ход военных событий; с каждым месяцем область его применения расширяется, принимая все новые и новые формы, и к концу войны он делается всеобъемлющим, оболочивающим борющиеся армии и флоты, влияющим на всю их боевую деятельность, начиная с мелких тактических эпизодов и кончая стратегическими перебросками миллионных армий. Однако, линия его развития далека от прямой: свойства воздушного оружия еще слишком не выяснены, ему приписывается то слишком большая, то слишком малая действительность. Позиционный характер борьбы на западном театре и необходимость удовлетворять запросам дня вызывают гипертрофию одних задач и недостаточное выявле-

ние других. Точно так же на ход развития воздушного флота оказывают свое влияние и техника авиации и воздухоплавания, недостаточно развитая к началу войны, и состояние производства, лишь во время войны от кустарного переходящего к массовому, и условия комплектования личным составом.

Создание военного воздушного флота в годы мировой войны носит все черты блестящей импровизации, но все же импровизации. Поэтому в богатые событиями для воздушного флота 1914—18 г.г., в нем быстро сменяются и тактические и оперативные идеи, и техническое их воплощение, и организационные формы. История этой, почти калейдоскопической, смены до сих пор еще научно не разработана, как не разработана еще и история боевых действий воздушного флота. Несмотря на то, что вся его военная история начинается с 1914 г. и протекла на глазах большинства из нас, а может быть, именно поэтому, многое в ней «темно и баснословно». Литература военного времени и первых лет после войны характеризуется возведением в непреложный шаблон опыта 1918 г. на западном фронте, и лишь теперь, сквозь толщу официальных реляций и хвастливых мемуаров, начинает намечаться историко-критический подход к наследию мировой войны в области воздушного флота. Поэтому сейчас невозможно пытаться дать связный военно-исторический очерк развития воздушного флота в мировую войну — можно лишь указать главнейшие этапы проделанной им эволюции в отношении: а) тактики, б) техники и в) организации.

Тактика. Перед мировой войной воздушный флот рассматривается почти исключительно, как средство разведки—единственно к этой задаче имела некоторая подготовка мирного времени (в большинстве европейских армий воздушный флот участвует в больших маневрах примерно с 1912 г.). Принималась во внимание также возможность метания взрывчатых веществ с самолетов и аэростатов (восприятие его было внесено даже в текст Гаагской конвенции), но не

было ни выработанных его приемов, ни соответствующих снарядов. В течение мировой войны постепенно выявился ряд новых задач воздушного флота, совокупность которых может быть разбита на три группы:

1) обслуживание войск и войсковых штабов—здесь к воздушной разведке добавилось использование воздушного флота для нужд артиллерии и пехоты и его применение, как средство связи и транспорта;

2) борьбу с земным противником, вылившуюся в формы: а) атаки его тылов, ближних и дальних, и б) непосредственного вмешательства в борьбу на поле сражения;

3) борьбу с воздушным противником, явившуюся естественным результатом стремления помешать воздушному флоту противника выполнить указанные выше задачи и обеспечить их выполнение своим воздушным флотом. Это привело к небывалому в прошлых войнах явлению—борьбе в воздухе над театром военных действий. Из плоскости война перешла в пространство.

Все эти три вида боевой деятельности воздушного флота наиболее полно выявились на главном театре — французском, где на фронте около 600 км. были сосредоточены главные массы воздушных флотов противников. Здесь вровавым опытом выработывалась тактика авиации и воздухоплавания, носившая резко выраженный отпечаток позиционной борьбы на малых пространствах, насыщенных земными и воздушными силами, при развитой технике и промышленности столкнувшихся противников. Почти такой же характер носила война на итальянском театре. Русский фронт в отвлечении воздушного флота представлял мало интересного. Та же позиционная война, но на растянутом и бедном техникой фронте, при малой численности воздушных сил и их технической отсталости (союзники снабжали нас самолетами, снимаемыми с вооружения на западе, отчасти мы копировали их на наших заводах; немцы посылали на русский фронт молодые или измотавшиеся на французском фронте части), не дала ни полностью выявиться создан-

ным на западе тактическим формам, ни создать новые. К тому же здесь отсутствовал наиболее интересный опыт второй половины 1917 и всего 1918 г. Гораздо более ценными представляются действия воздушного флота, преимущественно английского, на второстепенных театрах, европейских и внеевропейских — Македонском, Месопотамском и Палестинском. Здесь иной масштаб пространств и сравнительно малая численность оперирующих войск в значительной степени сохранили маневренный характер войны, и действия авиации, особенно в 1918 г., приобрели весьма отличный от западного фронта уклон. На море характер морской войны существенно изменяет действия воздушного флота: он выполняет те же три основных задачи, но сравнительная их важность и приемы выполнения — иные, что заставляет отдельно рассмотреть действия морского воздушного флота.

А. Обслуживание армии. 1) Воздушная разведка. Ценность, как разведчика, самолета и дирижабля, быстро проникающего в расположение противника, и быстро возвращающегося обратно, почти независимого от свойств местности и земных сил противника — была очевидна к началу войны. Предполагалось, что дирижабли с их большей продолжительностью полета, а следовательно, и большим радиусом действия, будут выполнять глубокою (стратегическую) разведку для главного командования, самолеты же — ближнюю разведку для армий и корпусов. Опыт 1914 г. сразу же показал неприменимость тогдашних дирижаблей для целей разведки: потери, которые они несли от огня с земли, быстро прекратили их разведывательную работу. Наоборот, воздушная разведка с самолетов дала в маневренный период войны ряд отдельных ценнейших данных, как на западном, так и на русском фронте (так, напр., первые сведения об уклонении к западу двигавшейся на Париж армии фон-Клука были 3—4 сентября доставлены французскими летчиками). Условия производства разведки в этот период были идеальными и не повторились более на европейских театрах;

войска двигались огромными массами, не принимая никаких мер, чтобы укрыться от воздушного разведчика, противосамолетная артиллерия была в зачаточном состоянии, воздушного противника не было. Однако, воздушная разведка не оказала такого влияния на ход военных действий, какое можно было ожидать: количество самолетов было крайне незначительным, они сильно зависели от погоды, разведка не была планомерной и велась случайно и бессистемно, а, главное, войсковое командование не доверяло донесениям летчиков и ожидало подтверждения их другими видами разведки. Картина совершенно изменилась с переходом к позиционной войне: протянувшиеся по фронтам сплошные провололочные заграждения ограничили деятельность войсковой разведки передним краем первой укрепленной полосы противника; переход агентов через фронт, если не сделался совсем невозможным, то очень сильно затруднился. Самолет явился единственным средством разведки расположения противника. В связи с характером войны, потребность в дальней разведке сильно сократилась, зато особое значение приобрело детальное изучение позиций противника и его ближайших тылов. Не приходилось более наблюдать движение крупных колонн и т. п., зато нужно было точно выяснить место каждого орудия, пулеметного гнезда, убежища. Здесь особенно ценным оказалось свойство самолета позволять рассматривать объект разведки в плане и фиксировать результат наблюдения фотографированием. **Воздушная фотография** получила широкое развитие и постепенно сделалась основным методом разведки, наблюдение же глазом сделалось вспомогательным, в особенности тогда, когда под влиянием огня зенитной артиллерии, а еще более — истребительной авиации противника, высота разведывательных полетов поднималась на нашем фронте до 3.000, а на западном — до 6.000 метров. Обыкновенная воздушная фотография давала точный план местности: для того, чтобы получить ее рельеф, стали прибегать к **стереоскопическому** фотографированию. Воздушная разведка приобрела такое значе-

ние, что создалась обширная область военного дела — **маскировка**, которая стремится не только скрыть истинное положение, но и создать видимость ложного, обманув воздушного разведчика. Маскировочные меры принимаются тактического и технического характера: в ближнем тылу войска перестают двигаться сколько нибудь крупными колоннами (по немецкому наставлению — не более роты и нескольких повозок), крупные переброски производятся ночью, движение по прифронтовым железным дорогам днем также прекращается. Не менее крупными являются и технические маскировочные мероприятия; различного рода маски скрывались истинные батареи, склады, аэродромы, даже дороги, и при помощи накрашивания и макетов создавались целые позиции. Особенно грандиозными были маскировочные постройки немцев, которые во Фландрии создали громадные сараи для помещения целых пехотных дивизий, сверху подогнанные под вид местности. Взору воздушного разведчика представлялась местность или совершенно пустая, (1-я стадия маскировки), или живущая мнимой, ложной жизнью (2-я, более углубленная, стадия). В этих условиях односторонняя воздушная разведка не давала уже результатов: лишь длительное повторное наблюдение и фотографирование, особенно при стереоскопическом изучении фотоснимков, выявляло ряд демаскирующих признаков. В последние годы войны широкое применение получила также **ночная разведка**, производимая посредством освещения местности прожектором или мощными ракетами с самолета и часто раскрывавшая то, что удавалось скрыть днем. Близкой к разведке является т. наз. **служба командования**, сводившаяся к высылке в момент боя самолета, для осмотра поля сражения и быстрого ориентирования командования в его ходе (часто соединялась с задачами по связи).

В такие формы работа разведывательной авиации вылилась на западных театрах. На русском фронте она была менее напряженной, меньшее значение у нас имела и маскировка, кото-

рой стали заниматься только в 1917 г. (до этого маскировались преимущественно артиллерийские позиции). На внеевропейских театрах воздушная разведка долго сохранила характер 1914 г., но, благодаря лучшим типам самолетов и большей планомерности, давала более ценные и полные результаты. При отсутствии хороших карт большое значение иногда имела **разведка местности**, позволявшая при помощи фото-съемки пополнять и освежать топографический материал.

2) **Обслуживание артиллерии.** Маскирование артиллерии в сражениях мировой войны очень остро поставило вопрос о наблюдательных пунктах: их никогда почти не удавалось найти на земле в достаточном количестве для легкой и полевой тяжелой артиллерии, разрывы же дальнобойной вообще часто не могут наблюдаться с земных наблюдательных пунктов. Воздушное наблюдение стрельбы артиллерии поэтому стало необходимым, и к нему были привлечены привязное воздухоплавание и авиация. Привязной аэростат значительно усовершенствованный во время мировой войны, представляет собою искусственную вышку высотой в 600—1500 метров, расширяющую кругозор наблюдения на 12—20 км. Наблюдение с аэростата может вестись непрерывно, связь с землей поддерживается телефоном. Самолет может наблюдать цель на любом расстоянии от фронта, причем наблюдает ее в плане. Зато время пребывания его в воздухе ограничено, и связь с землей затруднена: первоначально пользовались сигналами, ракетами, затем перешли к подаче сигналов с самолета на землю—радиотелеграфом, а с земли на самолет—выкладыванием полотниц в разных комбинациях; к концу войны получил некоторое распространение двусторонний радиотелеграф. Вся работа по обслуживанию артиллерии распределялась между аэростатами и самолетами, работавшими в тесной связи. Задач, возлагавшихся на воздушный флот, были следующие: а) **целеуказание** — разведка артиллерийских целей и указание их батареям, б) **корректирование** стрельбы—т. е. ведение пристрелки по цели и в) **контроль** стрельбы на пора-

жения и прекращение огня после достаточного разрушения цели. Широкое применение при работе воздушного флота с артиллерией имела воздушная фотография — обычно, при ведении стрельбы, батарея и самолет (аэростат) имели одинаково разграфленные снимки цели; фотосъемкой же фиксировались результаты стрельбы. При помощи тщательной организации работы радиотелеграфа удавалось достигать одновременной работы 2 самолетов на 1 км. фронта. К концу мировой войны корректирование стрельбы сделалось одной из наиболее разработанных областей применения воздушного флота и без воздушного наблюдения работа артиллерии была невозможна. Одним из особых видов обслуживания авиацией артиллерии были так наз. *missions de surveillance*. На поле сражения появляются подвижные и быстро исчезающие цели—войска, танки и т. п. Для борьбы с ними выделяется часть батарей. Во время боя самолеты, непрерывно сменяя друг друга, держатся над полем сражения и при появлении таких целей указывают их координаты батареям, которая открывает стрельбу.

3) **Обслуживание пехоты.** Уже к 1915 г. артиллерийский и автоматический огонь достиг такой мощи, что всякая наземная связь между передовыми частями пехоты и командованием рвалась. Поэтому в боях под Верденом французы впервые применили для восстановления этой связи самолеты. Служба этих «самолетов пехоты» окончательно вылилась в определенные формы в боях на Сомме в 1916 г. и была перенята немцами. Низко летающий (не выше 500 метров) над боевой линией самолет наблюдает продвижение передовых частей пехоты, которые выкладыванием небольших полотниц или зажиганием бенгальских огней обозначают («жалонируют») ему свое положение. При помощи радио и сбрасывания донесений он передает свои наблюдения командованию и артиллерии, при помощи ракет подает простейшие сигналы пехоте. Служба «самолетов пехоты», требующая длительного нахождения в сфере действи-

тельного ружейного и пулеметного огня, привела (сперва у немцев) к легкому бронированию самолетов снизу и с боков. Очень хорошие результаты дало также поддержание связи с пехотой посредством поднимаемых на поле сражения «пехотных аэростатов». На русском фронте «служба пехоты» не применялась—события 1917 г. помешали подготовлявшемуся ее осуществлению.

4) Служба связи и транспорта. Те же свойства самолета, которые делают его ценным средством разведки, позволяют использовать его и как средство связи. Применение самолетов с этой целью имело особое значение при маневренной войне на вневвропейских театрах, для установления связи между группами войск, разделенными большим расстоянием, труднопроходимой местностью или противником. Особо следует отметить случаи поддержания связи с осажденными крепостями (австрийцы—Перемышль, англичане—Кут-Эль-Амара). На европейских театрах задачи по связи обычно выполнялись сбрасыванием донесений и приказаний, попутно с выполнением других задач (напр., «службы командования»). В некоторых случаях самолеты применялись и как транспортное средство: так, в последнем периоде мировой войны на западном театре «самолеты пехоты» часто сбрасывали на парашютах оторвавшимся от боевой линии группам пехоты провиант, воду и огнеприпасы. Наиболее грандиозной попыткой использовать воздушный флот, как транспортное средство, была посылка немцами цепельна I, 59 в ноябре 1917 г. в Вост. Африку, для доставки сражавшимся там войскам 14 тонн оружия и медикаментов. Дирижабль вылетел из Ямбол (Болгария), но по дороге был отозван обратно, т. к. стало известно о капитуляции немецких войск в Африке. Большую роль в мировую войну сыграло применение самолетов для доставки агентов в тыл противника, ставшее необходимым вследствие сплошного фронта. Выполнение этой задачи требует посадки в тылу противника; в некоторых случаях самолет возвращался в назначенное время и место для обратного приема агента. Иногда

агентам давались не только разведывательные, но и активные задания (взрыв важных сооружений и т. п.). Подобные полеты применялись обоими противниками на французском и итальянском фронтах, а на русском—немецкими, особенное же развитие получили на Македонском, где французы и англичане высаживали в тылу болгар, сербских офицеров и четников для организации восстаний. Широкое применение на всех фронтах имело сбрасывание с самолетов прокламаций и литературы, являвшейся одним из наиболее важных и надежных средств их распространения.

Б. Борьба с земным противником. Сбрасывание одиночных небольших бомб с самолетов, попутно с выполнением разведки, началось с первых же дней войны. Точно также Германия, единственная из воюющих, обладавшая развитым управляемым воздухоплаванием, после первых неудачных попыток применения дирижаблей для разведки, стала использовать их грузоподъемность для бомбардирования тыла противника. Постепенно и самолеты стали посылать со специально бомбардировочными задачами, компенсируя их недостаточную грузоподъемность действиями в группах, и в 1915 г. воздушное бомбометание приняло организованные формы. Причиной этому послужила высокая оценка способности самолетов и аэростатов проникать глубоко в тыл противника, нанося удар через голову борющихся на фронте армий по пунктам в глубине страны, и тем значительно расширять зону боевых действий, объектом которых теперь стала не только армия, но и значительная часть мирного населения. Воздушный флот стал рассматриваться как «сверхдальнобойная артиллерия». Предполагалось, что он сможет разрушить военные склады, заводы, железные дороги и т. п. в тылу противника. Еще выше расценивалось моральное значение глубоких налетов—рассчитывали, что бомбардирование с воздуха крупных политических центров вызовет панику и давление общественного мнения на правительство в целях скорейшего заключения мира. Эта идея **независимых** от операций на суше и море дей-

ствий воздушного флота впервые явилась у немцев, когда в 1915 г. стало ясно крушение плана Шлиффена, и война приняла затяжной характер. Ею были продиктованы начавшиеся с марта 1915 г. ночные налеты сперва цеппелинов, а когда последние стали нести слишком большие потери (в 1917 году)—больших самолетов на Лондон, английское побережье и Париж. Однако, нанесенные материальные повреждения были сравнительно ничтожными, первы же современных народов оказались крепче, чем предполагалось. Наоборот, в Англии воздушные налеты немцев были использованы, как один из главных и наиболее убедительных для обывателя аргументов в вербовочной кампании. Таким образом, налеты на политические центры, как средство достижения **решающих результатов**, оказались вполне неудачными. Зато, как **демонстративные действия**, они сыграли большую роль, оттягивая с фронта значительные силы, как неподвижной (зенитная артиллерия, прожектора), так и подвижной (истребительная авиация) воздушной обороны, в десятки раз превосходившие силы, которыми велись налеты. В большом масштабе применялись также маскировочные мероприятия: так, в нескольких км. от затемненного настоящего Парижа был создан ложный, для привлечения своими огнями воздушных бомбардировщиков. В этом отношении действия против Лондона были более удачны, чем действия против Парижа; по общему положению стратегии, для успеха демонстрации, она должна производиться в направлении, достаточно удаленном от основного операционного направления—условие, которому удовлетворял Лондон и не удовлетворял Париж. Части, прикованные для обороны Лондона, были потеряны для фронта, тогда как к содействию обороне Парижа широко привлекалась фронтная авиация и наземные средства воздушной обороны. Значительное удаление административно-политических центров Германии от фронта не позволило союзникам ответить немцам их же оружием, и первое время они ограничивались оперативно-безсмысленными «бомбардировками безмездия» прирейнских

городов. Когда на фронтах установилось длительное равновесие, и война являло приняла характер борьбы на истощение, явилась мысль ускорить исход ее давлением на германскую промышленность, увеличивая тем действительность блокады. В 1917 г. англичанами и французами были выделены крупные воздушные силы для систематического бомбардирования промышленных центров Германии (к этому времени относится газетный лозунг «самолет — оружие, которое окончит войну»). В отдельных случаях были достигнуты эффектные результаты, но в общем задача оказалась невыполненной: живучесть промышленности во много раз превышает разрушительную мощь воздушного флота. Так, напр., сосредоточенные действия почти всей французской бомбардировочной авиации в 1918 г. по району Бриг в Лотарингской промышленной области лишь на несколько процентов уменьшили добычу железной руды—результат, совершенно не оправдавший затраченных усилий. Интересный и более ранний вариант этой же идеи представляют, также оказавшиеся безуспешными, попытки выжигания заживляемыми снарядами с самолетов созревших хлебов на германских полях, осенью в 1915 г., производившиеся, как на западном, так и на русском фронте. Это была единственная попытка «независимых действий» воздушного флота на русском фронте. В 1917 г. немцы подготавливали налеты цеппелинов на Петроград, но не осуществили их.

Параллельно с «независимыми» действиями воздушного флота развивался другой вид его действий против земного противника, имевший часто те же тактические формы, но совершенно иное оперативное значение—это **боевые действия воздушного флота на поле сражения** и в ближнем тылу, в связи с действиями земных войск. Объектами действий здесь являются железные дороги, особенно станции и мосты, склады, штабы и, наконец, сами войска. Здесь уже не нужно полного разрушения целей, нужно лишь временное их выведение из строя, для развития успеха земными войсками.

Перерыв в несколько часов работы

железнодорожного узла или крупного штаба, взрыв фронтowego склада часто оказываются решающими в ходе операции. В противоположность «независимым действиям», которые дали меньше, чем от них ждали, действия воздушного флота в связи с земными войсками дают крупные успехи и постепенно завоевывают себе все большее и большее значение. В организации их у французов и англичан, с одной стороны, и у немцев, с другой, заметна существенная разница: первые широко применяют как ночное, так и дневное бомбометание, немцы же почти исключительно придерживаются ночного. Кроме бомбардировки мертвых целей, в 1917 и 1918 г. объектом атаки авиации становятся войска. Сначала низко летающие «пехотные самолеты» пулеметным огнем вмешиваются в борьбу на поле сражения, затем переходят к массовым действиям авиации, с малой высоты (несколько десятков метров) атакующей легкими бомбами и пулеметным огнем пехоту противника в боевом порядке, заставляющей временно замолчать его батареи и нападающей на подходящие к полю сражения колонны, с целью их задержать и рассеять. Немцы для этой цели выделяют специальные «боевые самолеты», союзники пользуются разведчиками и истребителями. В последний год войны обычно каждая пехотная, а особенно танковая атака производится при точно согласованной по времени и месту поддержке самолетов. Здесь авиация выступает в роли уже не «сверх-дальнейбойной», а «сверх-легкой» артиллерии, подвижность ее используется в полной мере. Как наиболее мажороспособный резерв старшего начальника, она применяется, напр., при ликвидации прорывов в 1918 г. Еще более выпукло последнее свойство авиации выступает на второстепенных театрах. Англичане широко применяют авиацию для атаки войск противника в Македонии и Палестине. Наличие значительных конных масс повышает производительность действий авиации—от нее особенно терпит конница противника, и она оказывает существенную поддержку своей коннице. Наиболее ярко это

выявляется при преследовании отходящего противника (болгарской армии у Дойранского озера и турецкой в Палестине, оба в сентябре 1918 г.), где авиация в течение нескольких дней атакуя втянувшиеся в горные дефиле отступающие колонны, вносит в них смятение и замедляет их движение, подставляя их под удар своей, ведущей параллельное преследование, конницы.

В. Борьба с воздушным противником.

Столь широкая деятельность воздушного флота не могла не вызвать противодействия. Наиболее ранее по времени появления средство борьбы с воздушным флотом—артиллерия: первые типы специальных орудий для стрельбы по аэростатам и самолетам (**зенитные орудия**) были сконструированы еще до войны. Они были значительно улучшены и умножены, кроме того широко использовались обыкновенные полевые орудия на специальных установках, позволявших придавать им большие углы возвышения. Когда самолеты и аэростаты начали летать ночью, зенитной артиллерии стали придавать **прожектора и слуховые приборы**, позволяющие определить положение самолета по звуку мотора. Прогресс зенитной артиллерии шел параллельно прогрессу авиации; наибольшие высоты, на которые зенитная артиллерия могла вести огонь, все время превышали потолок самолетов. Однако, трудности стрельбы по воздушным целям вызывают малый % попадания: по медленно движущимся, имеющим низкий потолок и легко уязвимым (большие размеры, наполнение легковоспламеняющимся водородом), дирижаблям стрельба артиллерии была столь удачной, что в 1915 г. изгнала их с судохотных театров; по самолетам результаты были значительно хуже: по несомненно преувеличенному данным в 1918 г. один сбитый самолет приходился на 6.000 выстрелов. Вследствие своей неподвижности зенитная артиллерия является пассивным средством обороны, и всего района, где возможно появление самолетов противника, она охранить не может; ей удалось осуществлять лишь оборону некоторых важных точек в тылу. Несмотря на

малое протяжение фронта и крупные артиллерийские средства, даже на западном театре не удалось создать по фронту сплошную завесу зенитного огня. Другие земные средства воздушной обороны: пулеметный и ружейный огонь с земли и воздушные заграждения (проволочные сети, поднимаемые на привязных аэростатах) действительны: первый — лишь для непосредственной охраны войсковых частей от низко-летающих самолетов (ниже 1.200 м.), а вторые — применимы только при обороне тыловых пунктов в ночное время. Поэтому с первых же месяцев войны начали стремиться использовать для борьбы с дирижаблями и самолетами — самолеты же. После нескольких неудачных попыток таранить неприятельские самолеты своим самолетом, **воздушный бой** стал чисто огневым. Первоначально экипаж самолетов брал с собою ручное автоматическое оружие, потом начали ставить пулеметы. Наконец, явилась идея создать специальную машину для воздушного боя, придав ей повышенную скорость и маневренность. При тогдашнем состоянии авиотехники единственным средством для этого был отказ от наблюдателя; так, в начале 1915 г. были созданы первые одноместные **истребители**, где летчик является одновременно и стрелком, стреляя из неподвижно установленного на самолете пулемета. Появление истребителей поставило выполнение разведывательных и бомбардировочных задач в зависимость от противодействия воздушного противника, который оказался значительно действительнее зенитной артиллерии. (Из общего числа сбитых в войну самолетов, примерно 15% сбито артиллерией, остальные 85% — в воздушных боях). Уже в 1915 г. под Верденом французы были лишены возможности воздушного наблюдения, т. к. немецкие истребители почти парализовали работу французской авиации — здесь впервые имела место борьба за **преобладание в воздухе**, под знаком которой проходит в дальнейшем вся мировая война.

Преобладание в воздухе заключается: 1) в лишении неприятельского воздушного флота свободы действий, как в

отношении наблюдения, так и боевых действий по земле и 2) в обеспечении этой свободы своему воздушному флоту. Первоначально преобладание в воздухе понималось в форме абсолютного господства. На западном театре по фронту выставлялась воздушная завеса — барраж — из патрулей истребителей, которые должны были охранять свои самолеты от нападений противника и не пускать его в свое расположение. Такой барраж имеет все свойства кордона, который в воздухе оказался еще невыгоднее, чем на земле, вследствие трехмерности воздушного пространства и ограниченности времени пребывания самолетов в воздухе (для истребителей — над фронтом $1\frac{1}{2}$ — $1\frac{1}{2}$ часа). Во всех случаях, когда противник в определенное время на определенном участке бросал в воздух массированную авиацию, ему без труда удавалось опрокинуть барраж. Поэтому на западе скоро отказываются от этой идеи; на других театрах — русском и пр. — протяжение фронта и сравнительная малочисленность авиации с самого начала не дают ей осуществиться в чистом виде. Другая форма достижения господства в воздухе, уничтожение самолетов противника бомбардированием его аэродромов — также дает скромные результаты: потери в материальной части и летном составе, наносимые бомбардированием, обычно не велики и легко пополняются из тыла, атакующий же, вынужденный принимать бой в невыгодных условиях (над аэродромом противника), часто несет серьезный урон. Это заставляет принять более условное понимание преобладания в воздухе: обеспечение свободы своей авиации и лишение ее противника может быть достигнуто лишь на определенном, сравнительно небольшом, участке фронта на короткое время (несколько дней или даже часов). Это достигается получением безусловно численного превосходства, массированием на избранном участке истребительной авиации. Время и место такого массирования определяется ходом земных операций, его стараются достигнуть над полем сражения в реша-

ющий момент. Равным образом, глубоко налетая в тыл противника также производятся воздушными массами: бомбардировщики идут группами в сомкнутом строю, представляя собою огневую фалангу, часто охраняемую с тыла и флангов сильными патрулями истребителей. Широкое применение для бомбардировочных, а в конце войны, отчасти, и разведывательных, задач получают ночные полеты, при которых деятельность истребителей сводится к нулю (лишь в самые последние месяцы войны появляются ночные истребители), а артиллерия—сильно понижается (немцы, напр., почти все бомбометания производят ночью). Однако, этими массовыми действиями борьба в воздухе не ограничивается: для борьбы с одиночными самолетами, напр., разведчиками, как в своем тылу, так и в тылу противника, ведется непрерывное воздушное партизанство, получившее у французов характерное название *chasse libre*—лучшие летчики истребители («асы») вылетают без определенного задания, с целью уничтожения каждого встречного неприятельского самолета. Многим удалось достигнуть здесь большого искусства: лучший немецкий «ас», Рихтгофен, уничтожил 80, лучший французский—Фонк—75 самолетов. Целью борьбы здесь является не уничтожение определенного числа самолетов противника, а надлом его духа; действительно, иногда работа хорошей истребительной части, руководимой выдающимся асом («цирк Рихтгофена» у немцев и «эскадрилья Анетов» у французов), а порою и одного такого «аса», парализует работу авиации противника на значительном участке фронта. На русском и второстепенных театрах эта форма воздушной борьбы является основной.

Воздушный бой до конца войны ведется почти исключительно пулеметным огнем на коротких дистанциях. Разведывательные и бомбардировочные самолеты только обороняются, нападают же исключительно одноместные истребители. Пользуясь своим преимуществом в скорости и поворотливости, они стремятся встать в «мертвый конус» атакующей машины и, будучи, таким образом, неуязвимыми для

нее, расстрелять ее с минимальной дистанции. Особое значение имеет внезапность нападения. При столкновении истребителей между собой решающее значение имеет перевес в скорости, хотя бы в 2 км., поэтому мировая война характеризуется бешеной погоней за скоростью истребителей, достижения в области которой определяют собою перевес в воздухе до появления у противника более быстрходных машин. Широкое применение получает скитание истребителями привязных аэростатов.

Г. Воздушный флот в морской войне

Основными обстоятельствами, вызвавшими особенности боевой работы воздушного флота на море, являются: а) сравнительная малочисленность объектов наблюдения боевых действий (морской флот противника) и их хорошая видимость; б) большая скорость их движений, сравнительно с сухопутными войсками и в) слабость в открытом море, сравнительно с сухопутными фронтами, противодействия зенитной артиллерии и истребительной авиации. **Воздушная разведка** на море вылилась в две формы: а) разведка по курсу своей эскадры при выходе ее в море и б) наблюдение за определенными участками моря, и сделалась совершенно необходимой для действий морского флота. В обоих случаях широкое применение имели управляемые аэростаты, с честью несшие на море свою службу всю войну; здесь особенно ценной оказалась их способность держаться в воздухе десятки часов и иметь надежную двустороннюю радиосвязь с боевыми судами и берегом. Прозрачность воды при наблюдении по вертикали, позволяющая видеть на довольно большую глубину, дала широкое применение для самолетов и аэростатов при разведке фарватеров, обнаружении минных заграждений, а особенно в **борьбе с подводными лодками**. Многочисленные самолеты и небольшие мягкие дирижабли использовались, особенно у англичан, как наиболее действительное средство обнаружения подводных лодок (а также и атаки их особыми «гидростатическими», рвущимися на определенной глубине под водой, бомбами). Самолеты, дири-

жабли, а также привязные аэростаты широко применялись для охраны коммерческих судов от атак подводных лодок. В Дарданельских операциях 1915 г. были сделаны попытки применения привязных аэростатов, поднимаемых с судов для корректирования огня судовой артиллерии.

Что касается действий по морским судам, то мировая война знает лишь случаи потопления бомбами с воздуха мелких надводных судов и подводных лодок; крупные боевые суда от воздушного бомбардирования чувствительно не страдали. Зато на море воздушный флот стал применять другое оружие морского боя — самодвижущиеся мины, первые опыты обрасывания которых с самолетов относятся к той же Дарданельской операции.

А. Самолеты. Техника. До начала войны авиационная техника стремилась создать лишь машину, способную летать с некоторой степенью надежности; специально боевых требований к ним не предъявлялось, и технически разнообразнейшие самолеты вступивших в войну держав тактически были, примерно, равноценны. Они обладали скоростью 90—100 км. в час (лишь у некоторых французских монопланов она доходила до 100—115 км.) и потолком (предельная высота подъема—2.000—3.000 м., все двухместные. Некоторая разница замечалась в конструкции бипланов: немцы с самого начала строили их с тянущим винтом и фюзеляжем, тогда как французы—с толкающим винтом и ажурной хвостовой фермой. Самая существенная разница была в моторах: французы пользовались моторами ротативными, с воздушным охлаждением, более легкими и нежными,*) немцы же с самого начала ставили на свои самолеты более тяжелые, но и более надежные моторы, стационарные, с водяным охлаждением (облегченного автомобильного типа). Нормальной мощностью мотора было 80—100 сил. В общем, на первом месте стояла Франция, Германия незначительно ей уступала, но шла вполне самостоятельным путем, в Англии самостоятельная по-

стройка самолетов только начиналась и она была под сильным французским влиянием, Россия же имела только французские машины, за одним лишь исключением: она одна к началу войны обладала громадными, по тому времени, четырехмоторными самолетами «Иль-Муромет», из которых развилась вся тяжелая авиация. Дальнейшая быстрая эволюция авиотехники во время войны определяется: а) увеличением мощности моторов (а также и их числа—строятся двух- и четырехмоторные самолеты) и б) специализацией самолетов, с развитием у них преимущественно одного качества за счет других (скорость—у истребителей, грузоподъемность—у бомбардировщиков и т. д.). Смена типов происходит так быстро, что на западном театре машина через несколько месяцев после своего появления становится уже устаревшей. К концу войны мощность мотора повышается до 400 сил, скорость—до 220 км. в час (у истребителей), потолок до 7.000 м. (у них же), полезная грузоподъемность до 4.000 кгр. (у больших бомбардировщиков); наиболее распространенным типом является биплан с тянущим винтом и фюзеляжем. Немцы впервые применяют крылья толстых профилей (монопланные), а также целиком металлические, дюралюминевые, самолеты (Юнкерс). Стационарные моторы полностью вытесняют ротативные. Дифференциация типов приводит к следующему:

1) **разведчик**, применяемый также и для корректирования артиллерийской стрельбы, наиболее сохранивший свойства прежнего универсального самолета — двухместный, с оборонительным вооружением, полным оборудованием (фото и радио), скоростью в 1918 г. в 150—180 км. (Бреге и Сальмсон — у французов, Хэвилленд — у англичан и американцев, Гальберштадт и Эльфауге — у немцев). Иногда тип разведчика видоизменялся, в зависимости от того, предназначался ли он для ближней (корпусной) или глубокой (армейской) разведки.

2) **Истребитель**—одноместный, вооруженный исключительно для нападения (неподвижно установленные стреляющие вперед пулеметы), скорость в 1918 г.

*) По опыту мировой войны можно сказать, что ротативные моторы оказались более надежными, чем это предполагали до войны.

в 200—220 км., потолок—свыше 7.000 м. (на этих высотах необходимо дышать уже искусственным кислородом). Спад и Ньюпор—у французов, Мартинсайд и Сопвич-Снайп—у англичан, Фоккер и Альбатрос—у немцев). Французы и англичане стремятся к достижению максимальной скорости горизонтального полета, немцы к быстрому набору высоты. Были попытки постройки двух- и даже трехместных истребителей, но они не привились.

3) **Бомбардировщик.** Развитие этого типа шло различно у обоих противников: французы и англичане создавали оба типа—дневного и ночного бомбардировщика, первый с сильным оборонительным вооружением, достаточной скоростью и потолком, сравнительно небольшой грузоподъемностью, близкий по свойствам к дальнему разведчику (часто он и являлся его незначительным изменением: Бреге—у французов, Хэвилленд—у англичан); второй—тяжелый, неповоротливый почти безоружный, но зато с громадной, относительно, грузоподъемностью. Немцы шли только по второму пути. Именно к ночным бомбардировщикам относятся все крупные многомоторные самолеты, часть из которых несла боевую работу в 1917 и 1918 г.г. (английский Хэндли-Педж, французский Кодрон, немецкий Гота, итальянский Капрони), часть (более крупные) не успела попасть на фронт (английский Виккерс-Вими, немецкий Сименс-Шукерт, французский Фарман-Полнаф).

4) **Самолеты малых высот**—для обслуживания пехоты и атаки земных войск—получили развитие преимущественно у немцев и отчасти у англичан. Самолет этого типа—это тот же разведчик по или облегченный, чем увеличивает скорость и поворотливость (немецкий Гальберштадт, английский Бристоль-Файтер), или бронированный от ружейного огня снизу и с боков (немецкий Юнкерс, английский Сопвич-Саламандра).

Морская авиация по характеру своего базирования делилась на береговую и корабельную. Первая опирается на береговые станции, вторая—на специальные корабли—«авиоматки». В войну основой морской авиации были

гидросамолеты, взлетающие и садящиеся на воду. Вместо колесного шасси они снабжались поплавками, или же фюзеляж самолета представлял собою лодку. В большинстве воюющих стран были представлены и тот и другой тип (почти все тяжелые гидросамолеты были типа «летающей лодки»). Наличие поплавков или лодки понижает аэродинамические качества самолетов, они обладают меньшими скоростью и поворотливостью, чем современные им сухопутные самолеты. Поэтому обычно в состав береговой авиации, кроме гидросамолетов, входили и сухопутные (колесные) истребители. В корабельной авиации в конце войны также стали применяться небольшие колесные самолеты, взлетающие с палубы судов—они обычно садилась на воду и держались на ней при помощи пневматических мешков. Обратные посадки на палубу в мировую войну не вышли из стадии опытов. Кроме тех типов самолетов, которые имелись на сухопутных театрах, на море создались еще один—«воздушный миноносец» (торпедоплан), вооруженный самодвижущейся миной, сбрасываемой на воду (у англичан—Сопвич-Куку).

Б. Аэростаты. Серьезное **управляемое воздухоплавание** к началу войны было только у Германии, обладавшей двумя типами дирижаблей, выдержавших боевое испытание—жесткими аэростатами Цеппелина и Шютт-Ланц. За время войны и тот, и другой тип подверглись существенному улучшению. Так, у цеппелинов емкость возмела с 22.500 до 68.500 км., общая мощность моторов с 610 до 1.560 сил, скорость с 75 до 120 км. в час, потолок (статический) с 2.000 до 6.600 м., полезная грузоподъемность с 8.700 до 31.000 кгр. Рекордный полет цеппелина продолжался около 100 часов (L 59). Зависимость дирижаблей от ветра помела к сооружению огромных вращающихся аэллигов, необходимость з которых сильно связывала боевое применение этих «воздушных кораблей». Англия и Франция, после юти мгновенного схода со сцены их довоенных дирижаблей мягкого типа, лишь в конце войны перешли к

усиленному строительству многочисленных маленьких дирижаблей для береговой патрульной службы, емкостью в 1.000—2.000 куб. м. Особую известность из них получил английский тип S. S. (Submarine Scout). В начале войны в отношении привязного воздухоплавания немцы также обладали несомненным превосходством, вследствие наличия у них продолговатых «змеиных» аэростатов Парсевалья, емкостью около 1.000 куб. м., устойчивых на ветру (французы выступили на войну со сферическими аэростатами, с которых даже при слабом ветре нельзя вести наблюдение). В 1916 г., однако, французским офицером Како изобретен тип змеиного аэростата, который при той же емкости значительно превосходил Парсевалья, как по устойчивости (на ветру до 30 м/сек), так и по высоте подъема (до 1.500 м.), быстро вошел в употребление в армиях Антанты, а затем был скопирован и немцами. До конца войны, главным бичом аэростатов являлось их наполнение горючим водородом, что позволяло самолетам сравнительно легко их сжигать. Для того, чтобы воздухоплаватели могли покинуть атакованный аэростат, был изобретен ряд парашютов.

В. Вооружение. Основным вооружением для воздушного боя в течение всей войны был пулемет. Первоначально ставились обычные земные пулеметы, затем они переконструируются путем облегчения и отказа от водяного охлаждения. Применяются, как магазинные пулеметы (Льюис), так и ленточные (Виккерс, Гочкис, Парабеллум). Пулеметные установки—двух типов: а) **неподвижные**, для стрельбы вперед (стреляет летчик, наводка телом самолета), сперва устанавливаются на верхней плоскости, затем для стрельбы через винт, посредством особого приспособления, задерживающего выстрел при прохождении лопасти винта—перед дулом пулемета; б) **подвижные** (в конце войны т.-н. турель), где пулемет имеет движение во всех трех измерениях и большой сектор обстрела (стреляет наблюдатель). И подвижные и неподвижные пулеметы к концу войны обыкновенно устанавливаются парами. Вследствие больших относитель-

ных скоростей противника в воздушном бою, изобретаются особые прицелы, как для неподвижных (коллиматоры), так и для подвижных пулеметов (корректоры). Кроме обыкновенных пуль, применяются бронебойные, разрывные, зажигательные и т.-н. «трэсеры», с видимой дымовой траекторией, облегчающей наводку. Делаются попытки установки на самолеты мелкокалиберных пушек (37 м.м.) со снарядами ударного и картежного действия, но успех их во время войны был кратковременный и широкого применения они не нашли. Специально для сжигания аэростатов применяются особые ракеты с электрическим запалом, которые, однако, скоро вытесняются пулеметными зажигательными пулями. Дирижабли для самообороны также вооружаются пулеметами и небольшими пушками, размещенными в гондолах и на особой площадке наверху аэростата.

Для действия против земных целей применяются **бомбы**, свободно бросаемые с самолета или аэростата и приобретающие скорость за счет падения с высоты. Вес бомб за время войны растет с 5 до 1.000 кгр. (у немцев, союзники остаются далеко позади), у крупных бомб разрывной заряд доходит до 60% общего веса. По действию своему бомбы разделяются на фугасные и зажигательные—для действия по сооружениям, и осколочные—для действия по живым целям. Легкие бомбы сбрасываются из кабины с рук, тяжелые с особых бомбосбрасывателей, помещаемых под крыльями и фюзеляжем самолета. Трудность учета сил инерции, сопротивления воздуха и сноса ветром ведет к конструкции многочисленных прицелов для бомбометания—в лучшем случае точность попадания доводится до немногих десятков метров. От практиковавшегося одно время сбрасывания с самолетов пуль и стрел быстро отказываются, ввиду ничтожного % попадания.

Г. Оборудование. Наиболее важной составной частью боевого оборудования самолета считается **фотографический аппарат**—разведка на западном фронте производилась преимущественно фотографическая. Фотоаппараты устанавливаются на самолете или подвиж-

но, для производства перспективных снимков, или неподвижно, для фотографирования по вертикали вниз, что дает плановые снимки. Последний способ имеет гораздо большее значение. Фотоаппараты применяются с постоянным фокусом и большой светосилой объектива ($\frac{1}{8,5} - \frac{1}{5}$). Так как масштаб снимка зависит от высоты полета и фокусного расстояния, то по мере увеличения боевой высоты, для получения снимков крупного масштаба, переходят от фокусных расстояний в 20 см. к 50 и 120 см. Для получения непрерывного фотографического плана всего маршрута самолета, фотографирование производят на длинной пленке перематывающейся часовым механизмом. Радиотелеграф находит себе применение первоначально в виде самолетного передатчика, а затем в виде самолетного приемника — широкому распространению последних препятствует большое отвлечение внимания, которого радиоприем требует от наблюдателя. На многоместных самолетах и дирижаблях двухсторонний радиотелеграф устанавливается нормально и применяется кроме прямого назначения — связи с землей — также для определения, особенно ночью и в тумане, положения воздушного корабля посредством засечек земных радиостанций (радиоселентация). Для связи с землей применяются цветные ракеты. При ночных полетах на самолетах устанавливается электрооборудование, в виде сигнальных огней, освещения кабины, прожекторов. Широко применяются разного рода навигационные приборы для определения в полете высоты (альтиметры), направления (компасы), скорости относительно воздуха (анемометры), крена продольн. и поперечн. и т. п.

Организация. Количественный рост воздушного флота в годы войны не уступает его техническому прогрессу. Так, Франция начинает войну с 25 отрядами и 158 самолетами, а в день перемирия имеет на фронте 258 отрядов и 3.608 самолетов. Для Германии соответствующие цифры 41 отряд — 232 самолета и 334 отряда — 2.075 самолетов (по другим данным 2.700). Англия к концу 1914 г. имеет во Франции 51

самолет, а в 1918 г. около 1.700.*). Этот могучий численный рост вызвал к жизни новые организационные формы; можно сказать, что всю мировую войну воздушный флот провел в стадии длительной реорганизации. Они же предъявили непредвиденные в мирное время требования к снабжению и тылу.

А. Полевые части и управление. К началу войны во всех странах морской и сухопутный воздушный флот существуют раздельно: в армии авиация и воздухоплавание входят в состав инженерных войск. Организационной единицей являются отряды из 4—8 самолетов, нормально приданные корпусам, так же как и воздухоплавательные отряды с 1—2 привязными аэростатами. В 1915 г. повсюду происходит разделение авиации на роды: выделяются разведывательная, истребительная и бомбардировочная авиация. В последних родах авиации отряды сводятся в более крупные соединения. Не останавливаясь на переходных организационных формах, к концу войны организация воздушного флота в главнейших государствах представляется в следующем виде:

1) **Франция.** Основная единица во всех видах авиации — эскадрилья (escadrille) в 10 самолетов — разведывательная и 15 — бомбардировочная и истребительная. Разведывательная авиация отдельными эскадрильями прилагается корпусам по расчету: 1 эскадрилья на корпус и по 1 эскадрилье на 2 дивизии. Армии и группы тяжелой артиллерии имеют свои эскадрильи. Работа авиации в корпусе и армии, с приданными им воздухоплавательными частями, объединяется соответствующими начальниками авиации (Commandants de l'aéronautique). Истребительные и бомбардировочные эскадрильи по 3 сводятся в группы; группы также по 3 в эскадры, но часть их существует самостоятельно. В бомбардировочной авиации существуют эскадры дневного и ночного бомбометания. Вся истребительная и бомбардировочная авиация подчиняется верховному командованию и подпадает во временное подчинение

*) Сопоставление этих цифр, даже без учета Италии и Соединенных Штатов, показывало насколько в конце войны немцы были численно слабее союзников в воздухе.

армиям и группам армий. Кроме того, в руках верховного командования имеется резерв разведывательной авиации. В 1918 г. образуется, как маневренный резерв командования—воздушная дивизия (division aérienne) из 2 бригад, каждая из 1 истребительной и 1 дневной бомбардировочной эскадры. К моменту перемирия эта авиационная масса насчитывает 732 самолета. В течение войны воздушный флот признается пятым родом войск (cinquième arme). Все фронтовые части подчиняются начальнику воздушной службы в ставке, тыл остается в подчинении военного министерства, морская авиация—морского командования. 2) **Англия:** организационная единица — отряд (squadron) в 21 самолет, делящийся на 3 звена (flights); высшие соединения:—крылья (wings) и бригады; каждой армии придавалась бригада, состоявшая из армейского, корпусного и воздухоплавательного крыльев; организация управления на фронте — примерно, как у французов. В 1918 г. также образуются со специальной целью действия по глубоким тылам немцев «независимые воздушные силы» (Independent Air Force), подчиненные непосредственно верховному междусоюзническому командованию и состоящие из 10 отрядов. В том же 1918 г. делается решительный шаг к полному объединению воздушных флотов сухопутного и морского, как на фронте, так и в тылу: они сливаются в единые Королевские Воздушные Силы (Royal Air Force), и создается особое воздушное министерство (Air Ministry).

3) **Германия.** Сравнительная малочисленность воздушных сил заставляет широко применять их переборку, в которой немцы достигают большого искусства. Разведывательные и артиллерийские отряды (Fliegerabteilungen)— 2 типов: по 6 и по 9 самолетов. В истребительной и бомбардировочной авиации отряд (Staffel) имеет 6 самолетов, бомбардировщики сводятся в эскадры (Geschwader) по 3 отряда, истребители — в группы переменной численности. Отдельно выделяются «боевые» отряды для атаки земных войск на поле сражения (Schlachtstaffeln), сводимые по 4 в группы. Работой авиации в армиях

и группах руководят начальники авиации (Kommandeure der Flieger). В привязном воздухоплавании основной единицей является отряд (Feldluftschiffen — Abteilung), обычно из 3 взводов с аэростатами. Во главе всего сухопутного воздушного флота с 1916 г. стоит командующий воздушными силами Kommandierender General der Luftstreitkräfte), которому подчиняется не только весь фронт и тыл, но и все средства воздушной обороны (зенитная артиллерия и пр.). Морская авиация стоит совершенно независимо, подчиняясь морскому же командованию. Ему же подчиняются и все дирижабли, после их неудачных выступлений на сухопутном фронте.

4) **Россия.** Организация характеризуется дробностью и недоразвитостью. Все время войны единицей остался авиационный отряд восьмисамолетного состава, придававшийся корпусу (на все корпуса не хватало). По появлению истребителей они были включены по 2 в состав корпусных отрядов, но затем выделены в особые отряды, по 1 на армию. Была сделана также попытка разделения разведывательной авиации на корпусную и армейскую, а также началось формирование отдельных артиллерийских отрядов. Все авиачасти армии об'единялись в дивизион, командир которого, равно как и инспектор авиации фронта, обладали не командными, а лишь инспекторскими и снабженческими функциями. Лишь в 1917 году были созданы более крупные соединения—истребительные группы по 3 отряда. Воздухоплавание имело такую же, параллельную, но не связанную с авиацией, организацию. Их об'единял Полевой Генерал-Инспектор авиации и воздухоплавания при Ставке. Вне подчинения ему и в непосредственном распоряжении верховного командования находилась эскадра воздушных кораблей (Илья-Муромец). Тилом ведало, входившее в состав Военного Министерства, Управление Военного Воздушного Флота. Морская авиация, подчиненная всецело морскому командованию, состояла из разведывательных и истребительных отрядов, сводившихся в дивизионы, бригады и воздушные дивизии морей.

Крайне быстрое увеличение воздушного флота и отсутствие старших офицеров с довоенным авиационным стажем выдвинуло во всех странах на высшие посты в воздушном флоте людей, не служивших в нем ранее; на оборот, командиры авиационных частей и многих их соединивший всюду назывались из летного состава — во Франции, Англии и России — из летчиков, в Германии из наблюдателей. Летчики комплектовались, как офицерами, так и солдатами (в Германии почти исключительно последними), наблюдатели — только офицерами.

Б. Тыл и снабжение. На тыл в войну легла двойная задача: обеспечить фронт, как личным составом, так и материальной частью. Наиболее остро обстоит вопрос с летным составом, мелочная потребность в пополнении которого доходила до 15%; не говоря уже о новых формированиях и потерях вследствие аварий, авиация на западном фронте по % потерь в бою (в летном составе) стояла непосредственно за пехотой и впереди всех других родов войск. Это вызвало широкое развитие сети многочисленных летных и наблюдательских школ, начальных и совершенствования. Довоенные методы кропотливого обучения отдельного ученика сменились массовой подготовкой летчиков в кратчайший срок. Среди нелетного состава развитие воздушного флота выявило ряд новых специальностей; приспособлений к ним лиц схожих мирных профессий (мотористов, фотографов) или обучение им вновь также вызвало к жизни разнообразные школы и учебные части. Не менее серьезно обстоит вопрос с материальной частью. Жизнь самолета на фронте определяется в несколько (3—4) месяцев; быстрая смена типов заставляла иногда снимать их с вооружения и раньше; некоторые типы устаревали, не дойдя еще до фронта. В общем, на каждый самолет на фронте приходилось в школах, т. п. 2—3 самолета в тылу. Поэтому общая продукция авио-промышленности выражалась десятками тысяч самолетов и моторов. Довоенные заводы, имевшие характер полукустарных мастерских, не могли, конечно, удовлетворить этим потребно-

стям; можно сказать, что авиационная промышленность, как таковая, создала мировой войной, которая одна позволила перейти к серийному производству. Был создан ряд новых заводов, приспособлены к авиопроизводству деревообделочные (самолетов) и автомобильные и судостроительные (моторов). Война указала на совершенную невозможность в военное время базироваться только на авиозаводы мирного времени: стратегической базой авиации во время войны является вся промышленность страны. Наибольшего развития авио-промышленность достигла во Франции, которая за время войны выпустила 51.000 самолетов и 93.000 моторов, широко снабжая не только свой воздушный флот, но и союзников (особенно моторами). **Германская** промышленность дала за войну около 46.000 самолетов и около 40.200 моторов, а также 120 больших дирижаблей. **Англия**, позднее начавшая мобилизацию промышленности, вскоре довела ее продукцию до 55.000 самолетов и 41.000 моторов. Наоборот, **Соед. Штаты**, приступившие к созданию воздушного флота лишь в 1917 г., несмотря на громадные ассигнования (свыше полутора миллиардов долл.), ограничились в области самолетостроения копированием одного типа английских самолетов (D. H. 4.) и постройкой учебных машин; американские экспедиционные силы были вооружены преимущественно французскими самолетами. В области моторостроения американцам удалось создать свой тип и выпустить 42.341 моторов. В **России** за время войны было построено около 3.000 самолетов по французским образцам; самолеты Сикорского (Ильи-Муромцы) и Григоровича (летающие лодки) были единственными ценными русскими конструкциями. В значительной части русская авиация пополнялась ввозом французских, а затем и английских самолетов; точно так же все моторы были заграничного происхождения.

Громадное потребление авиацией высококачественного жидкого топлива выдвинуло остро нефтяной вопрос. Антанта, не имевшая собственной нефти, широко снабжалась ею Америкой, в

Германии же, несмотря на захват румынских нефтеносных районов и преимущественное, наравне с подводными лодками, удовлетворение требований авиации, недостаток бензина во вторую половину войны ограничивал и численность и интенсивность полетной работы немецкой авиации.

Литература: Общие труды: Ortlieb L'aéronautique hier—demain, 1920 г. (вышел русский перевод 1924 г.); Сборник L'aéronautique pendant la guerre mondiale, 1920; J. Mortane, Histoire de la guerre aérienne, 2 тома: Rayleigh. The war in the air. Vol I, 1922 (доведена только до 1915; Neumann, Deutsche Luftstreitkräfte im Weltkrieg, 1920; Моррнер, Deutschland's Krieg in der Luft, 1 21. Имеется некоторое количество работ, посвященных истории отдельных частей (Chavagnes, Le groupe des Cugognes, 1920; 8-й том австралийской официальной истории войны: Australian Air Force in 1914—1918 и т. п. (мемуары Рихтгофена и др.) и отдельных монографий, а также уставы и наставления военного времени. По русскому фронту историческая литература отсутствует. Имеется несколько брошюр военного времени (наиболее выдающиеся Ткачева и Крутеня) и наставления: сухопутное 1916 г. и морское—1917 г.

С. Покровский.

VII. РЕОРГАНИЗАЦИЯ АРМИЙ И СОВРЕМЕННОЕ ИХ УСТРОЙСТВО.

Крупные изменения в военном искусстве, т.-е. в стратегии и тактике, всегда вызывают соответствующие перемены и в устройстве армий. Со второй половины прошлого века, под влиянием быстрого прогресса техники, началась та эволюция в военном искусстве, которая продолжается и в настоящее время и которая до мировой войны еще только намечалась, а в период ее, с появлением многочисленных новых средств борьбы, стала обрисовываться с полной ясностью. Эта эволюция происходит в трех направлениях: материализации, демократизации и сгруппированию военного искусства.

Материализация выражается в широком использовании всевозможных боевых машин и технических средств. Армия как бы насыщается техникой, или, употребляя современное выражение, она «машинизируется». В военном деле применяется общий принцип организации производства, состоящий в

том, чтобы «всюду, где это возможно, заменять труд человека работой машины». Личный состав армии постепенно обращается в своего рода прислугу при машинах. По словам Фоша: «Армия завтрашнего дня должна строиться на машинной базе, а не на человеческой». В прежние времена, при простоте и однообразии тогдашних средств борьбы, превосходство вооружения не играло столь большой роли, в современной же войне самый лучший воин, без соответствующей машины, чувствует себя беспомощным. Напр., к концу мировой войны, на психику германских войск, сражавшихся на западном фронте, сильно влияло сознание все возрастающего превосходства неприятеля в области техники. Тем не менее, большую ошибку делают и те, которые, на основании указанной материализации, приходят к отрицанию настроения армии. Каков бы ни был прогресс техники, человек, как представитель ума и воли, все-таки навсегда останется главным деятелем на войне; без хорошо обученных и мужественных солдат самые совершенные боевые машины окажутся несостоятельными. Т. обр., оба эти фактора, человек и машина, не могут быть противоположаемы, они взаимно дополняют друг друга и в отдельности немислимы.

Демократизация заключается в рассредоточении власти и, т. ск., в укреплении личности. Было время, когда вся армия действовала как одно целое, управляемая командой полководца; затем она постепенно расчленилась на отдельные все более мелкие части, начальникам коих предоставлялась известная свобода действий; в настоящее время даже «боевые группы», т.-е. основные ячейки, из которых складывается весь боевой порядок, живут самостоятельной жизнью; мало того, даже отдельные бойцы пользуются небывалой прежде независимостью. Военное искусство как бы демократизируется. Сохраняя до известного предела объединяющую волю, оно перестраивается на принципе самостоятельности мелких групп и отдельных людей. Дух самостоятельности и ини-

циативы проникает весь организм армии, что не только вызывается требованиями техники, но и находится в полном соответствии с общими условиями народной жизни.

Огрубление военного искусства является результатом непомерного увеличения численности армий, которые вследствие этого (несмотря на телеграф, телефон и другие средства связи) становятся тяжелыми, неповоротливыми и трудноуправляемыми. Армия небольшая, подвижная и гибкая, способна к быстрым маршам, к неожиданным переменам операционной линии, к стратегическим обходам, к действиям по внутренним операционным направлениям (даже без помощи железных дорог), к демонстрациям в самом широком смысле, короче, ко всей той маневренной деятельности, в которой наиболее полно и разнообразно проявляется творческий гений полководца; но массовая армия должна поневоле оставить все эти тонкие приемы искусства; как орудия, несравненно более грубому, ей свойственны и способы действий более грубые и однообразные. Первые признаки этого явления можно было наблюдать еще во Франко-Прусскую войну (1870—71 г.г.). В начале 90-х г.г. известный французский военный писатель ген. Леваль в своем «Вступлении к положительной части стратегии» сказал: «Крайне важное изменение произошло в ведении войны; широко задуманные операции, эффектные сюрпризы, молниеносные удары отжили свой век, масса заменила расстояние».

С гораздо большей ясностью проявилось огрубление военного искусства в мировой войне. Уже составленный Шлиффеном первоначальный план вторжения во Францию отличался своей тяжеловесностью; но Марнская операция показала, что даже при столь упрощенных формах стратегии, управление современными массами непосильно для средних людей.

Еще более топорными были военные действия на западном фронте во время позиционной войны, когда на тесном пространстве столпились миллионные

армии наиболее цивилизованных государств, и нагромодилась военная техника всего мира. По этому поводу сам Гинденбург в своих «Воспоминаниях» говорит: «Такого рода битвам у нас дали название «материальных сражений» («Material-schlachten»). С точки зрения наступающего их можно было также назвать тактикой тарана, потому что в управлении ими отсутствовало всякое вдохновение. Механические и материальные элементы боя слишком выдвигались вперед, между тем, как духовное управление черезчур отступало на задний план». Совсем другой характер носили некоторые отдельные операции того же Гинденбурга на восточном фронте, когда он действовал сравнительно небольшими силами на обширном театре.

Описанная выше эволюция военного искусства и указанные новые средства борьбы (III. Техника в мировой войне) потребовали радикального переустройства армий, а потому, по окончании мировой войны, все цивилизованные государства приступили к коренной реорганизации своих вооруженных сил. Эта огромная работа пока еще нигде не закончена; больше всех сделала в этом отношении Франция, армии косяк является образцом для других. В виду этого, для ознакомления с устройством современной армии необходимо французскую армию описать наиболее подробно, для исследования до ее первичных организационных ячеек; описание же армий остальных великих держав может быть ограничено сравнительно более крупными войсковыми подразделениями.

Французская армия. Во Франции различают пять родов войск: пехоту, артиллерию, кавалерию, инженеров, войска и воздушный флот. Из них главным родом войск, как и повсюду, признается пехота. Французы формулируют свой взгляд на значение пехоты так: «Победа есть овладение местностью; это способна сделать лишь пехота, которая занимает, организует и закрепляет местность». В этом отношении французы сходятся со своими недавними противниками—немцами. Новый германский устав для подго-

товки пехоты, в п. 40, прямо говорит: «Пехота решает бой. Задача других родов оружия — сделать возможным и облегчить успех пехоты».

Пехота. Tактической единицей и, вместе с тем, первичной организационной ячейкой франц. пехоты является «боевая группа», состоящая из легкого пулемета с необходимой прислужкой и прикрытием из небольшого числа стрелков. Численный состав боевой группы с ее командиром равен 13 чел. и никогда не должен быть меньше 10 чел. Боевая группа разделяется на два звена: пулеметное и стрелковое. Пулем. звено включает: командира звена—капрала, пулеметчика и 4 подносчиков патронов. На вооружении: 1 ручн. пулем., 4 штуцера и 2 автомат. пистолета (у пулеметч. и ст. подносч. патрон.). Стрелк. звено состоит из: команд.-капрала, 1 метателя ручных гранат, 1 стрелка ружейн. гранат и 3 общ. стрелков. На вооружении: 5 винтов., 1 штуцер и 1 автомат. пист. (у метателя ручных гранат, кроме штуцера).

Люди, входящие в состав боевой группы, должны быть подготовлены к действию из всех тех родов оружия, которые имеются в группе.

Боевой группой командует унтер-офицер, вооруженный винтовкой. Взвод состоит из 3 боевых групп, причем им командует офицер. В роте 4 линейных взвода и 1 командный. Все линейные взводы одинакового, указанного выше, состава.

Командный взвод, под начальством фельдфебеля, делится на группу ротного командира и группу боевого обоза. Гр. ротн. команд. состоит из: капрала-заведыв. снабжением, 4 барабанщ. и сигналист., 1 самокатч., 8 сапер., 2 сигнальщ., 4 конн. ординар. и 1 конюха, всего 22 ч. Гр. боев. об. включает в себе: 1 унт.-офиц.-счетовода, 1 повара и 6 обозных, всего 8 чел. На вооружении: 2 автомат. пистолета (у командира взвода и счетовода) и 28 винтовок.

Средства связи: а) Сигнальное звено роты располагает одним 10-см. аппаратом, двумя сигн. флагами и 2 сигн. (световыми) пистолетами, б) Каждый

рядовой снабжен прямоугольным сигн. полотнищем. в) Телефонное звено прикоманд. г) Радио-станция и земной телеграф также придаютоя полкам.

Носимый запас (на людях): на пулемет по 2.048 патрон., на винтовку—74 патр., на автомат. пистол. — 27 патр., на гранатомет — 37 ружейных гранат, ручных гранат — 1.250, световых патрон — 80, продовольствия на 2 дня. Возимый запас (в обозе): патр.—11.500, ручных гранат — 600, сигн. патр. — 120, световых патр. — 80, бенгальск. сигнальных и световых ракет — 20, прод. на 1 день. Следовательно, рота военн. времени имеет: 12 ручн. пулем., 164 винт. и штуцера, 43 автомат. пистол., 12 муфт для руж. гранат, 2 сигн. (световых) пистол.

Из изложенного видно, что франц. рота складается из 12 совершенно одинаковых, по составу и силе, ячеек с легким пулеметом. Каждая ячейка приспособлена, прежде всего, к ведению огневого боя, но может также действовать и холодным оружием.

Батальон состоит из штаба, командной группы, 3 линейных рот указанного выше состава, 1 пулем. роты и 1 взвода артиллерии сопровождения. Штаб батальона включает команд. бат., ад'ютанта и старшего бат. врача.

Командная группа, подчиненная ад'ютанту (он же начальник связи), состоит из группы батальонного командира и боевого обоза. Группа бат. командира имеет: 1 команд. группы — унт.-офиц., 1 младш. врача, 1 конн. ординарца—унт.-офиц., 1 конн. трубащ., 1 старш. санитар, 16 санит.-носильщ., 3 сигнальщ., 3 самокатч. и 4 чел. для ухода за почтов. голубями. В боевом обозе команд. группы числятся: командир обоза — унт.-офиц., 8 обозных и 4 самокатчика.

Пулеметная рота состоит из команд. взвода и 4 пулем. взводов. Ком. взвода, под начальством фельдфебеля, подразделяется на группу ротного команд. и боевой обоз. Первая включает: команд. группы—унт.-офиц., 1 старш. конн. ординарца, 3 самокатч., 1 капрала по снабжению, 1 дальномерщика, 1 оруж. мастера и 1 санит. В боевом обозе чис-

лится: 1 унт.-оф.-счетовод, 2 конн. ордин., 12 обозных и 1 повар.

Пулеметный взвод, под командой офицера, составляется из 2 пулем. групп. Пулем. гр. делится на огневую группу, в составе 2 тяжелых пулеметов с 4 чел.в. прислуги при каждом и на эшелон, состоящий из 2 одноконных двуколов для перевозки пулеметов и запаса патронов к ним. Группой командует унт.-офиц. Средства связи: телеф. средства св., по мере надобности, из штаба полка; средства сигнализ., как в пех. роте. Всего пулем. рота имеет: 16 тяжелых пулем. с 28.511 патрон. на каждый, 143 штуцера с 56 патрон. на каждый и 10 пистол. с 27 патр. на каждый.

Взвод артиллерии сопровождения в мирное время, а также и на войне вне боя, входит в состав штабной роты полка и состоит из: командной группы, пушечной гр.—одна 37-мм. пушка образца 1916 г. и минометной гр.—две 81-мм. мортиры Стокса образца 1918 г. (одна запасная). Всего во взводе: 1 офицер, 1 унт.-оф., 2 капрала, 16 рядов. и 4 повозки. На вооружении: 1 пушка, 2 морт., 4 автом. пистол. и 16 штуцеров. Взвод имеет при себе: на пушку 384 гранаты, на мортиру—192 гран. и мины и 192 свет. снаряда, на штуцер по 56 патр., на пистолет по 27 патр.

Полк состоит из штаба полка, штабной роты и 3 батал. указанного выше состава. Штаб полка состоит из команд полка и из 14 офиц. и чиновн., среди коих имеются особые офицеры: по телеф. части, саперный, по снабжению по газовой части, по сбору военной добычи и по транспорту пленных.

Штабная рота делится на 6 взводов, а именно: 1й взв.—собранный вне боя артиллерия сопровождения; 2-й взв.—музыкантск. команда, выполняющая во время боя обязанности сапит.-носильщиков; 3-й в.—обозный, подраздел. на группу боевого обоза и на гр. продовольств. об.; 4-й в.—командный, в состав коего входят: а) канцелярия, б) полк. отряд связи, состоящий из телеф. взв., радио-взв., сигн. группы и звена по уходу за почт. голубями; в) полковая разведыват. группа из 12 конных разведч.; г) персонал при офи-

цере по газовой части; д) полк. саперный отряд подраздел. на артиллер. рабочую группу, инжен. взвод и бомбард. взв.; 5-й взв.—по сбору военной добычи; 6-й взв.—по транспорту пленных.

Средства связи: а) телефон: 14 станций, 4 коммутат. и 14 ккм. кабеля; в резерве—6 станц., 3 комм. и 16 ккм. каб.; б) радио: 1 переносн. станция с радиусом действия до 8 ккм. и 5 радиостанций для телеграфир. через землю с рад. действия до 2 ккм.; в) сигнализация: 3 опознават. полотнища для обозначения номера полка и места нахождения полк. штаба; один 35-см. переносный прожектор с радиус. действ.: днем до 10 ккм. и ночью до 20 ккм.; два 10-см. оптич. аппарата с рад. действия: днем 7 и ночью 16 ккм.; 4 сигн. пистолета; 6 муфт для стрельбы капсюлями с донесениями; г) почтовые голуби—4 поста по 25 гол. на каждый.

Противогазовое имущество: а) на каждого бойца по 2 маски; б) 10 масок Шиссо для лиц, находящ. на передов. постах; в) 10 аппаратов для вдыхания кислорода для спасат. команд; г) 5 пульверизат. для очистки отравленной газами местности; д) 5 детекторов, определяющих газовую атаку и род газа; е) 10 пар газовых перчаток на случай соприкосновения с предметами, отравленными особыми ожигающими газами; ж) 10 пар траншейных бочек с предохранит. растворами; з) специальная одежда.

Наконец, по проекту, в состав пехотного полка решено включить 2 легкие танковые роты из 25 танк. каждая.

Из приведенных данных видно, что франц. пехотный полк, при численности военного времени около 3.000 человек (считая и весь командный состав), имеет на вооружении: 3 пушки, 6 мортир, 48 тяжелых пулем., 108 легких пулем., 2.375 винтовок и штуцеров, 123 муфты для стрельбы гранатами, 486 автомат. пистолетов, 11.400 ручных гранат и 50 легких танков. Кроме того, этот полк обильно снабжен всеми новейшими технич. усовершенствованиями, особенно в области связи.

Подобная пехота в настоящее время получила название «машинизирован-

ной», так как она настолько насыщена машинами и всякой техникой, что люди в ней играют роль, гл. о., обслуживающего машины персонала.

Основным оружием пехоты, как во Франции, так и повсюду, теперь признается пулемет, причем огневая сила пехоты измеряется, преимущественно, числом пулеметов. Сравнивая в этом отношении франц. полк начала мировой войны с современным, получим, что первый располагал 6-ю, а второй — 156 пулем., т.-е. число пулеметов увеличилось в 26 раз.

Кавалерия. В основу организации современной французской кавалерии положена мысль, что нормальным способом действий ее является пеший бой, и только в особых случаях малые части, не больше эскадрона, могут действовать в конном строю холодным оружием. Взвод является тактической единицей для конного боя и при полных 16 рядах имеет 32 сабли. Эскадрон, представляя, как сказано выше, самую крупную часть для боя в конном строю, заключает в себе 4 взвода, т.-е. 128 сабель. Общий состав его: 5 офиц., 151 нижн. чин, 2 повозки, 149 лошадей, 4 самоката.

При спешивании, 1-й и 3-й взводы, имеющие по 1 легкому пулемету, образуют каждый одну боевую группу, а 2-й и 4-й взв., имеющие по 2 легких пулем., образуют каждый 2 боевые группы. Боевая гр. является тактич. единицей для пешего боя. Спешенный эскадрон формирует полуроту из 2 взводов по 3 боевые группы в каждом и, сверх того, выделяет людей для конно-водов и в командные группы командиров рот и батальонов.

Дивизион состоит из 2 эскадр. и при спешивании образует роту, которой командует старший из эскадр. командиров. Полк заключает в себе 4 эскадр., 2 взвода тяжел. пулем. и 1 штабной взвод. Его состав: 35 офиц., 788 нижн. чин., 881 лошадь и 50 повозок. Для пешего боя полк образует 2 роты, при 4 тяжелых пулем.

Кавалер. бригада является высшим чисто кавалер. соединением, состоящим из 2 полков и штаба бригады; по наименованию различаются бригады

гусарские, драгунские и кирасирские, имеющие отдельную нумерацию. При спешивании, бригада образует батальон из 4 рот при 8 тяжел. пулем.

Вся кавалерия частью придана армейским корпусам, частью входит в состав легких (бывш. кавалер.) дивизий, о чем будет сказано ниже.

Из приведенных данных видно, что кавалерии, как таковой, во французской армии нет, а существует механизированная ездающая пехота. Кроме того, общая численность кавалерии, по сравнению с прошлым, значительно уменьшилась. В начале мировой войны, с окончанием мобилизации, во французской армии было 589 эскадр., а теперь должно быть 184 эскадр., т.-е. произошло уменьшение более, чем в 3 раза.

Артиллерия. По проекту, артиллерия разделяется: на «войсковую артилл.», входящую, по нормальной организации, в состав дивизий и корпусов, и на «главный артиллер. резерв». Линейная (прежн. пехотная) дивизия имеет 3 легких дивизиона из 75-мм. пушек и 1 тяжелый дивиз. из 155 мм. гаубиц. Дивизион состоит из командной группы, 2 батарей и муниционной колонны. В бат. 4 орудия и 6 зарядн. ящиков; ее состав — 3 офиц., 125 нижн. чин., 100 лошадей, 14 повоз. и 2 самоката. Всего в линейной дивизии 24 пушки и 8 гаубиц. Артиллер. парк дивизии состоит из командной группы, пехотн. отдел, артиллер. отдел и ремонтной мастерской. Легкая (б. кавалер.) дивизия имеет 1 конно-артиллер. дивизион 3-х-батар. состава, всего 12 орудий.

Артиллерию корпуса образует тяжелый артиллер. полк (конной или механ. тяги), состоящий из: командной группы, 2 дивизионов 155-мм. пушек образца 1917—18 гг., 2 дивиз. 105-мм. пушек обр. 1913 г. и авто-трансп. колонны. Дивизион состоит из командной группы, 2 батарей и муниционной колонны. Батареи 4-х-орудийн., причем снарядов при них не возится. Всего корпусная артиллерия имеет 32 тяжелых пушки. Авто-трансп. колонна состоит из 2 секций: секция звукоизмерительная, для определения расстояний до бата-

рей противника при помощи электрических звукоизмерит. станций, и секция измерения расстояний средствами земного наблюдения. Корпусный артиллер. парк, передвигаемый авто-моб. тягой, состоит из командной группы и 2 секций: одна для 155-мм. и одна для 105-мм. снарядов.

В состав главного артиллер. резерва входит многочисл. артiller. разных калибров и образцов, а именно: легкая (от 65-мм. до 75-мм.); тяжелая гаубичная (от 155-мм. до 220-мм.); тяжелая пушечная (от 105-мм. до 155-мм.); тяжелая большой мощности (от 164-мм. до 520-мм.); траншейная, вооруженная малокалиберн. орудиями и минометами (от 155-мм. до 240-мм.), и, наконец, зенитная. Вся эта разнообразная артиллерия организована в артиллер. полки из 3—4 дивизионов, с конн. или механич. тягой, а частью с установкой на автомобили.

Всего франц. артиллерия, по мирному составу, имеет около 10.500 разных орудий.

Вообще в новой армии относительно количество артиллерии—этой главной представительницы огневого боя—чрезвычайно возросло, по сравнению с прошлым. Французы начали мировую войну, имея 4.098 легких и 389 тяжелых орудий, а окончили ее с 6.618 легкими и 7.100 тяжелыми орудиями. Т. обр., для легкой артиллерии произошло увеличение более, чем в полтора раза, а для тяжелой артиллерии—в 18 слишком раз. Полагают, что в будущей войне, благодаря развитию своей военной промышленности, Франция сможет выставить до 40.000 орудий, гл. обр., тяжелых.

Инженерные войска делятся на собственно инженер. войска и войска связи.

В состав первых входят: саперно-минные, сап.-понтонные, мостовые-обозные, инженерно-парковые, минные-электротехн., прожект. и саперно-рабочие роты. Войска связи состоят из: телеф.-телегр., радио-телегр. и сигнально-прожект. рот, станций голубиной почты и отрядов посыльных собак.

В мирное время все перечисленные части сведены в отдельные инженерные полки, а во время войны они при-

даются крупным войсковым соединениям. Вследствие огромного развития техники, относительное количество инженерных войск в современной армии гораздо больше, чем прежде, причем появились новые, до сих пор не существовавшие, виды их.

Воздушный флот. Основной единицей в возд. фл. является отряд, иначе, эскадрилья.

По назначению, отряды делятся на: 1) истребительные—для действия против воздушных целей; 2) бомбардировочные — для действия против земных целей в районе поля сражения; 3) бомбардировочные большой грузоподъемности — для действия против земных целей в глубоком тылу противника; 4) осведомительные, которые, в свою очередь, разделяются на: а) наблюдательные — для работы с другими войсками и б) разведывательные—для производства разведок в глубоком тылу. Смотря по назначению отряда, состав его колеблется от 4 до 10 аэропланов.

Несколько однородных отрядов образуют группу, причем в бомбардиров. группы включаются по одному истребительному отряду. Состав группы — от 2 до 4 отрядов, в зависимости от типа отрядов.

Соединение бомбардир., наблюдат. и разведыв. групп с истребит. группами образует авио-полк. Состав полка—от 2 до 4 групп. Высшими соединениями в возд. фл. являются: дивизия из 2 бригад и бригада из 2 полков. Во Франции пока сформированы 2 взвод. дивизии и 3 отдельные воздушные бригады.

В мирное время вообще число военных аэропланов составляет около 5.000, из коих аэропл. первой линии, выстроенных после мировой войны, числится, к 1/1 1924 года, около 1.800. сверх того, Франция располагает широко развитой авиационной промышленностью и самым сильным в мире коммерческ. возд. флотом, который явится, в случае войны, материалом для формирования второочередных частей военного возд. флота. Ввиду этого, Францию называют, в настоящее время, с полным основанием, «владычицей воздуха».

Танковые войска. Реорганизация их пока еще не закончена, но по своей численности и значению они, бесспорно, составляют особый род войск, во всяком случае, более важный, чем кавалерия. Они сведены в легкие и тяжелые танковые полки. Легкий танковый полк состоит из 3 батальонов и танкового резерва, всего 150 танков. Батальон делится на 3 роты и танковый резерв; рота — на 3 взвода. Тяжелый танковый полк имеет ту же организацию, что и легкий, отличаясь от него лишь типом танков. Кроме того, существуют легкие танковые эскадроны, которые, в случае войны, будут приданы легким (б. кавалерийским) дивизиям. Наконец, к танковым войскам принадлежат бронированные автомобили и бронепоезда. В настоящее время французская армия имеет около 3.000 танков, 100 броневых автомобилей и 50 бронепоездов, а в случае войны число их предположено значительно увеличить, для чего военная промышленность представляет широкие возможности. Старая армия имела в небольшом числе броневые автомобили и бронепоезда, но танков не знала, так как они появились только в 1916 г., во время мировой войны.

Кроме описанных родов войск, предназначен. для борьбы с внешним врагом, во Франции, существуют войска особого назначения, к коим относятся жандармерия и корпус республик. гвардии. Жандармерия, подчиненная военному министру, образует 27 легионов, по 2—5 рот в каждом, общей численностью около 1000 офиц. и 30000 нижн. чин., при 15.000 лошадях. Назначение ее — охрана порядка внутри страны, гл. обр., в селах и деревнях. По требованию гражданских властей, она употребляется для подавления восстаний и беспорядков, так как полевые войска для этого принципиально не посылаются. В военное время жандармерия частью остается на местах, а частью выделяет особые роты полевых жандармов в распоряжение корпусов и армий. Корпус республик. гвардии состоит из 3 батальонов пехоты и 2 дивизион. кавалерии, всего около 4.000 чел. и 1.000 коней. Он пополняется осо-

бо обученными и воспитанными людьми и имеет специальным назначением борьбу с рабочим классом в городах. В военное время он остается на своих местах, гл. обр., в Париже и Лионе.

Высшие войсковые соединения. Стратег. единицей является дивизия-линейная или легкая. Линейная дивизия (б. пехотная) состоит из 3 пехотных полков и 4 артиллер. дивизионов. Легкая дивизия (б. кавалер.) имеет 3 кавалер. бригады (1-я гусарская, 2-я драгунская и 3-я кирасирская), 1 коно-артиллер. дивизион 3-х-батареин. состава (12 орудий) и 2 полубригады (т.-е. 2 полка) егерей на самокатах и грузовиках. Всего по проекту должно состоять 32 линейные дивизии и 5 легких дивизий.

Высшим войсковым соединением в мирное время является корпус из 2 линейных дивизий, одного тяжелого артиллер. полка и одного 4-х-эскадр. кавалер. полка. Из последнего по одному эскадрону придается дивизиям, в качестве дивизионной кавалерии.

Всех корпусов во Франции 16, в соответствии с чем страна разделена на округа комплектования. В военное время, в зависимости от оперативных задач, в состав корпуса может быть включено до 5 дивизий, причем корпуса обыкновенно соединяются в армии, а последние — в группы армий.

Общий резерв. Все войска, не вошедшие в состав дивизий и корпусов (воздушн. флот, танковые войска, стрелк. батальоны, оставшиеся егерские батальоны, некот. техн. части и пр.), образуют общий резерв в распоряжении верховного командования, которое используется им для усиления той или другой части действующей армии.

Комплектование. Французская армия комплектуется на основании всеобщей личной воинской повинности всего мужского населения Франции в возрасте от 20 до 48 лет. Для облегчения белых эта повинность со времени мировой войны распространена на туземное население некоторых колоний. Льгот по отбыванию воинской повинности не существует: освобождаются от службы только лица, имеющие серьезные физические недостатки. Общий срок службы 28 лет, из коих: дей-

свист. служба — 1½ года (в колониях 3 года), в распоряжении военного министра — 2 года*); в первом резерве — 16½ лет и во втором резерве — 8 лет.

Комплектование производится по территориальной системе. Среднее количество призываемых в самой Франции около 250.000 чел. ежегодно, из коих до 10.000 чел. освобождаются по физической негодности. Особое внимание обращено на привлечение в армию сверхсрочных, число коих положено довести до 100.000 чел. Унт.-офиц. подготовляются в унт.-офиц. школах. Офицеры выходят из 2 источников: а) из С.-Сирской школы и Политехникума, куда поступают молодые люди с законченным средним образованием, и б) из многочисл. офицерских школ, пополняемых исключ. унт.-офиц. войсковых частей. Для подготовки офицеров запаса существуют особые школы. Генеральный штаб пополняется офиц., прошедшими курс военной академии (école supérieure de guerre), которые по окончании ее, до причисления к генеральному штабу, прикомандировываются на 2 года к разным родам войск.

Численность вооруженных сил. По проекту, численность французской армии мирного времени должна составлять 659.000 чел., из коих: 460.000 французов (в том числе 100.000 сверхсрочных), 189.000 туземцев колоний и 10.000 человек иностранного легиона. Из установленного количества 32 линейных дивизий — 23 белых и 9 смешанных. В смешанной дивизии — 2 полка цветных и 1 полк белый; в цветных полках белые составляют лишь командный состав и кадр около 500 чел. Общая численность обученного запаса в метрополии и колониях достигает 4.000.000 чел.

В случае войны, вооруженные силы Франции должны составить около 3.000.000 чел., широко снабженных, как бы насыщенных, самыми разнообразными орудиями истребления и разрушения. В этом отношении, техника конца мировой войны представляется

игрушкой, по сравнению с тем, что нас ожидает в будущем.

План действий. Франция готовится к войне, в первую очередь, с Германией, причем, наученная горьким опытом, предполагает сразу перенести военные действия на неприятельскую территорию, дабы избавить свою страну от опустошения. С этой целью войска т. н. «армии прикрытия» («l'armée de couverture»), расположенные в восточной пограничной полосе и в германских областях по Рейну, содержатся в усиленном, почти военном составе. С объявлением войны они должны немедленно вторгнуться в пределы Германии для воспрепятствования производству там мобилизации и для захвата возможно большого района, в коем затем должна развернуться главная масса вооруженных сил Франции. Описанное устройство современной французской армии явилось результатом изложенной выше эволюции военного искусства, т. е. глубоких перемен, происходящих в тактике и стратегии под влиянием быстрого прогресса техники. Другие цивилизованные государства, в пределах имеющихся финансовых и технических средств, перестраивают свои армии по тому же общему типу, с небольшими лишь изменениями, вызываемыми местными условиями.

Английская армия. Вооруженные силы Англии состоят из постоянной армии и территориальной армии.

Постоянная или регулярная армия.

Пехота. В пехоте отдельной частью является батальон, состоящий из штаба, пулеметного взвода и 4 рот. В пулем. взводе 4 отдел. по 2 тяжел. пулем. в каждом, всего 8 тяжел. пулем. В роте — 4 взвода. Во взводе — 4 отделения, причем 2 отдел. стрелков и 2 отдел. с легкими пулем. Всего в батальоне 28 офиц. и 860 унт.-офиц. и стрелков. Полк — соединение только тактическое; ни административных, ни хозяйственных обязанностей командир полка не несет. В полку штаб и 2 батальона. Бригада — соединение тактическое. В бригаде штаб и 2 полка, точнее, 4 батальона. Всего в английской пехоте 10 гвард. и 122 линейных и стрелк. батальонов.

* Эта категория может быть снова призвана на службу простым распоряжением военного министра с последующей санкцией парламента.

Кавалерия. Отдельной частью является полк, в котором штаб и 3 эскадр. При штабе взвод противоаэропланных орудий и пулеметный взвод. Во взводе противоаэропл. орудий—2 пушки Гочкиса; в полковом пулеметном взводе 2 отдел., по 2 вьючных пулем. Гочкиса в каждом, всего 4 пулем. Эскадр. состоит из 3 взводов всадников и пулем. взвода. Во взводе всадников 4 отдел. В пулем. взводе 4 отдел., по 2 пулем. Гочкиса в каждом. В эскадроне 6 офиц. и 152 н. чина. В полку всего 23 оф. и 527 н. чин. Бригада имеет штаб и 3 кавалер. полка. Всего в английской кавалерии 2 гвард. и 20 линейн. (гусарских, уланских и драгунских) полков.

Артиллерия. В постоянной армии имеется артилл.: конная, горная, полевая легкая, среднего калибра, тяжелая, сверх-тяжелая и береговая. Основной единицей является батарея.

Конная батарея состоит из 6 орудий. Всего имеется 16 конн. бат., из коих 10 бат. сведены в 5 бригад, а 6 бат., расквартир. в Индии, входят в состав британско-индусских войск.

Горная батарея (вьючная) имеет 4 орудия. Горн. бат. всего 23, причем они сведены: в 3 горные бригады—12 бат., в одну противоаэропл. горн. бригаду—3 бат., в одну резервную горн. бриг.—2 бат. и, кроме того, 6 отд. бат. (в Индии). Нормально в бригаде горной артиллерии 3 гаубичных и одна пушечная бат.

Полевая легкая батарея имеет 6 орудий. Всего в армии 127 бат., которые сведены: в 29 полевых, 1 противоаэропл. и 4 резервных бригады. Нормальный состав бриг. — 4 бат., из них 3 пушечн. и 1 гаубичн. Резервные и противоаэропл. бригады — 3-х-бат. состава.

Батарея артиллерии среднего калибра — 4-х-оруд. Всего 35 бат., сведенных в 12 полевых и одну резервную бригады. Бригады средн. калибра различн. состава: нормальная бригада — 3 гаубичных и 1 пушечная бат., мортирные бриг. — 3-х-бат.; 6-дюймовые пушечные — 4-х-бат. Батареи тяжелой и сверх-тяжелой артиллерии—2-х-оруд. Они сведены в бригады по 6 бат. в

каждой. Береговые батареи — разного состава, всего их 27.

Инженерные войска. Имеются след. инж. части: 15 полевых рот, полевой эскадрон, пионерный взвод, 22 крепостные роты, 2 железнодорожные роты, 3 с'емочные роты, 1 понтонный парк, 1 опытная рота и 1 маскиров. рота.

Танковые войска. Самое крупное соединение танков—батальон. Существуют 4 танк. батал. Батал. делится на штаб и 3 роты. В роте — 4 взвода, во взводе — 2 отдел. В отдел. — 2 танка, во взводе — 4 танка, в роте 16 танков, в батальоне — 48 танков. Броне-автомобилей 2 группы, по 4 роты в каждой, и, кроме того, 3 отдельные автом. роты.

Войска связи. Отдельной частью является рота, заключ. в себе от 2 до 9 взводов. Средства связи: флаги, гелиографы, световые сигналы, ракеты, полотнища, телеграф, телефон, телеграф и телефон беспроволочные, велосипеды, мотоциклы и посыльные.

Войска особого назначения — военная полиция. Всего на 1923—1924 бюдж. год численность постоянной английской армии определена в 170.800 чел.

Территориальная армия. Первоначальное назначение—защита собственной территории; но в мировой войне войска террит. армии принимали деятельное участие наравне с войсками постоянной армии. Организация их такая же, но численный состав несколько меньше, а именно: в пехотном батальоне — 658 чел., в кавалерийском полку—296 ч. Территориальная армия выставляет 14 дивизий пехоты и 12 полков кавалерии с соответственным количеством артиллерии и вспомогательных войск. В мирное время части территориальной армии собираются лишь на ежегодные учебные сборы; постоянно содержатся лишь штабы, состоящие из 1 офицера и нескольких инструкторов. Общая численность террит. армии, по бюджету на 1923—24 г., определена в 180.200 чел.

Организованные резервы. Назначение их — дать обученный контингент на пополнение постоянной и территориальной армий, для чего резервисты проходят в особых лагерях краткие

курсы обучения. Точная организация не установлена. По военному бюджету, число организованных резервистов определено в 73.000 человек.

Высшие войсковые соединения. Пехотная дивизия, существующая как в мирное, так и в военное время, состоит из: 3 пех. бригад (12 батал.), 3 арт. бригад (12 бат.), 4 траншейных бат., 1 эскадр. кавалерии, 3 инжен. рот и 3 рот связи. Кавалер. дивизия существует только в военное время и состоит из 2 кавалер. (6 полков) и 2 конно-артиллер. бригад (4 бат.). Корпус—соединение только военного времени, состоит из 2 или 3 пех. дивизий, причем ему придают 2 тяж. бат. Все танк. войска, в том числе и все броневые части, объединены в особый танк. корпус. Во время войны формируются армии из 2—3 и более корпусов.

Комплектование. Обязательной воинской повинности нет. Армия пополняется добровольцами, записывающ. на службу нормально в возр. от 18 до 25 лет. Срок службы обыкновенно 12 лет (в некоторых случаях может быть продлен до 21 года). Из них от 3 до 9 лет на действит. службе, а остальное время в резерве армии. Срок записи нормально на 3 года, после чего можно записываться вновь. В каждом военном округе имеются террит. офицеры, хорошо знающие местное население; они ведут агитацию между молодежью и производят самую запись. Поступившие добровольцами в течение 6 мес. проходят курс одночного обучения при рекрутских депо, после чего рассылаются в разные войсковые части, расположенные в метрополии и колониях.

Во всей Британской империи широко практикуется досрочное военное обучение молодежи; в Англии, Канаде и Индии оно добровольное, в Австралии, Новой Зеландии и Южной Африке обязательное. На территории Соединенного Королевства существует организация бой-скаутов, комм в военном министерстве ведется учет. Всего по спискам 1921 г. состояло 2.423 роты, заключавшие в себе 118.893 бой-скаутов.

Около 85% всех офицеров англий-

ской армии комплектуется из окончивших школы: в Сендхерсте — для пехоты и кавалерии — и в Вулвиче — для артиллерии и инженерных войск. Затем 10% офицеров получается из окончивших университеты и 5% производится из унт.-офиц., по прохождении ими особого курса в Сендхерсте.

Для подготовки к званию офицера военного времени ученики средн. школ и студенты высш. учебн. зав. проходят курс в офицерском учебном корпусе, формируемом на время учебного сбора при дивизиях. Офицерами генер. штаба армия пополняется из Военной Академии. Общая численность вооруженных сил, выставляемых в военное время, неизвестна, но в течение мировой войны Соединенное Королевство мобилизовало 4.970.872 чел.

Армия в Индии. Вооруженные силы Индии состоят из: а) постоянной регулярной армии, б) вспомогательной армии, в) террит. туземной армии и г) войск отдельных государств.

В состав постоянной армии входят: 1) английские войска, находящиеся в Индии и Адене, всего 45 батальонов, 50 эскадронов, 60 батарей и 7 танков и брон. отрядов, общей численностью от 60 до 65 тысяч чел.; 2) туземные части, комм имеется 130 батал., 90 эскадрон., 30 горных батар., 24 инжен. роты и 14 рот связи, числен. до 160 тысяч чел. Английские и туземные части соединяются в бригады, по 4 батальона в каждой. 3 бригады образуют дивизию из 12 батал. Вспомогательная армия — непостоянная. Она должна состоять из англичан и туземцев, и в ней предполагается 23 пех. батал., 10 кавалер. полков, 20 батарей, 1 рота связи и 12 железно-дор. батальонов.

Территор. туземная армия ныне лишь формируется, на тех же основаниях, как и английская террит. армия. Войска отдельных индийских государств—численностью до 80.000 чел.

Вся индийская армия содержится за средства Индии, кроме тех случаев, когда части находятся вне пределов страны; в последнем случае содержание их оплачивается Соединен. Королевством. Армия комплектуется добровольцами, причем продолжительность

службы от 3 до 18 лет. Офицеры из англичан и туземцев. До войны последние не могли быть в чине выше капитана. Но ныне 10 туземцев ежегодно командированы в военную школу в Сендхерете, по окончании которой производятся в офицеры и получают права, одинаковые с англичанами. Сначала английские офицеры назначаются в индийскую армию на 4 года. Если в течение этого времени они выдержат особый экзамен, м. пр. и по одному из туземных языков, то они могут быть оставлены на более долгий срок, но не более, чем на 32 года. Служба в Индии даст офицерам большие материальные преимущества. Во время мировой войны Индия мобилизовала 1.161.789 чел.

Вооруженные силы доминионов. Доминионы должны защищать себя сами. Английских войск на их территории нет. Вооруженные силы всех доминионов состоят из постоянной и территориальных армий. Постоянные армии везде крайне незначительны; они комплектуются добровольцами, и главная задача их заключается в военной подготовке населения. Военное обучение граждан обязательно, кроме Канады, которая, по примеру Англии, сохранила принцип добровольного обучения военному делу. Устройство войск везде сходно с английским, имея в виду их совместные действия.

Армия Канады имеет чисто милиционную организацию и состоит из активной милиции и резерва милиции. В акт. милиции часть находится в постоянной боевой готовности — около 4.000 офиц. и солдат, причем их служба сводится, гл. обр., к прохождению курса различных военных школ, а другая часть призывается лишь на ежегодн. учебн. сборы, продолжит. 12—16 дней. В ней числятся 2.800 офиц. и 111.000 солд. Вступление в милицию вообще добровольное. В резерве милиции числятся все способные к войне граждане, в возр. от 18 до 60 лет, призываемые лишь во время общей мобилизации.

Всего военно-обязанных в Канаде около 2.200.000 чел., разделенных на 4 класса. При мобилизации формирует-

ся действующая армия следующего состава:

а) Пехота: 24 пех. бригады, по 4 батал. в каждой, и 24 отдельных батал., всего 120 батал. б) Пулеметные части: 2 автомоб. пулем. бригады, из 5 бат. по 8 пулем. каждая, всего в 2 бригадах 80 пулем.; 12 пех. пулем. бригад, в каждой по 3 роты, в роте по 3 бат. — в батарее 8 пулем. всего в 12 бригадах 864 пулем.; 1 пулем. эскадрон — 12 пулем. в) Кавалерия: 7 кавалер. бригад, по 3 полка в каждой, и 12 отдельн. кавал. полков, всего 33 кавал. полка. г) Артиллерия: 20 полевых артилл. бригад, 20 отдельных полев. батарей, 22 тяжелых батареи и 9 рот крепостной артилл. д) Инженерные войска: 7 полевых полков, 33 полев. роты, 13 электр., тракторных и других технических рот. е) Разведывательные части: 13 велосипед. рот. ж) Части связи: 12 батал., 7 отдельных рот, 2 крепостн. роты и 4 артилл. или наблюдательные секции. Все эти части соединяются в 11 пех. и 2 кавалер. дивизии.

При организации вооруженных сил стараются привлекать в активную милицию лучших офицеров и солдат экспедиционной армии, принимавшей участие в мировой войне, а равно также сохранять названия и традиции частей этой армии. В продолжение мировой войны Канада мобилизовала 628.964 чел.

Армия Австралии. Постоянная армия состоит из 3.000 офицеров и солдат. Территор. армия состоит из 4 пехотн., 2 кавалер. дивизий и 3 смешанных бригад, из коих может быть сформирована пятая пехотная дивизия. Численность территор. армии—118.000 чел.

Военная служба обязательна с 18 до 25 лет. В течение первого года военной службы молодые люди приносятся на учебный сбор на 70 дней, на 2-й, 3-й и 4-й годы — ежегодно на 16 дней; с 22 до 25 лет совсем не приносятся. Офицеры получают военную подготовку в военной школе в Дентхуне. Всего может быть выставлено для войны 270.000 чел.

Армия Южной Африки. Вооруженные силы разделяются на войска первой линии и войска второй линии, или

резервы. К составу первых относятся постоянные войска и гражданские силы. Постоянные войска состоят из: 5 полков ездящей пехоты, 5 бат. полев. артиллерии, 2 горных бат. и 1 крепостного саперн. отделения, всего 5.000 чел., из коих — половина белых, а остальные туземцы. Постоянные войска комплектуются добровольцами.

Гражданские силы, которые созываются лишь на время учебных сборов, состоят из: 7 батал. пехоты, по 4 роты, 2 батал. пех., по 5 рот, 4 полков ездящей пехоты, по 4 эскадр., 1 полка тяжелой артиллерии и 1 бат. полевой артилл., всего 6.300 чел. Гражданские силы комплектуются добровольцами, которые в возрасте от 17 до 25 лет обязуются пройти 4 периода обучения — один в 30 дней и три по 21 день.

В войсках 2-ой линии (резервы) числятся: 1) граждане, служившие в постоянных войсках; 2) гражд., бывшие в гражданских силах, причем они разделяются на два класса: кл. А (от 26 до 45 лет) — 44.500 чел. и кл. Б (от 45 до 60 лет) — 82.200 чел.; 3) все граждане от 17 до 60 лет, нигде не служившие, причем они получают подготовку в стрелк. обществах, где обязаны пробыть 4 года. Всего, в случае войны, может быть призвано 135.000 чел., из коих половина белых.

Армия Новой Зеландии. В постоянной армии — 100 офиц. и 600 унт.-офицеров и солдат. В территор. армии, собираемой лишь на время учебных сборов, находятся: 12 батал. пех., 9 полков конн., 21 батарея, 3 депо инжен. войск, 3 депо железнодорож. войск и 3 депо нестроевых и обзавных войск. При мобилизации все эти части формируют 1 пехотную дивизию и 3 бригады конницы. Всего в территор. армии числятся 1.000 офиц. и 22.000 солдат.

В территор. армии обязательно состоят все граждане с 18-летн. возраста. Все молодые люди с 14 до 16 лет получают сначала предварит. подготовку, а с 16 до 18 л. — элементарную военную подготовку. Для этого они соединяются в кадетские батальоны, причем обучением руководят офицеры, закончившие курс школы в Трентхане. В возрасте от 18 до 25 л., граждане,

состоящие в территор. армии, призываются в учебные сборы на 2—6 недель. Всего, в случае войны, может быть выставлено 63.000 чел.

Английский воздушный флот. На основании опыта мировой войны, Англия, первая в мире, признала возд. фл. самостоятельным элементом вооруженных сил, наравне с сухопутной армией и морским флотом. Во главе возд. фл. стоит воздушное министерство (статс-секретарь по возд. делам), в ведении которого находятся как военный, так и гражданский возд. флоты, а также вся метеоролог. служба страны. Единицей воздушных сил является отряд, состоящий, в мирное время из 12, а в военное время из 24 действующих аэропл.; кроме того, в состав отряда входят запасные аэропл. Отряд делится на звенья, по 4 аэропл. в каждом. Отряды не имеют названий по назначению, хотя и состоят из однородных аэропл. По принятому проекту должно быть: в метрополии 35 отрядов, в колониях 25 отр., для совместных действий с сухопутн. армией 20 отр. и для совместных действий с флотом также 20 отр. Численность военного воздушн. флота — до 1.500 аэропл., в том числе, к 1/1 1924 г., состояло около 600 аэропл. первой линии, новейших систем. Доминьоны имеют самостоят. управления возд. флота.

Англия является первой в мире страной, открывшей у себя в 1922 г. Академию Генер. Штаба Возд. флота. Назначение ее — готовить высший командный и штабной состав возд. сил. Гражданский возд. флот Англии пока был не велик, но теперь на это обращено серьезное внимание, вследствие чего, при правительствен. субсидиях и высоком состоянии промышленности, можно рассчитывать на быстрое его развитие.

Итальянская армия. Сухопутные вооруженные силы состоят из постоянной армии, колониальных войск и войск общественной безопасности.

Постоянная армия. Пехота состоит из: лин., гренадер., альпийск. и берсальерских полков и талк. отрядов. Линейный и гренад. полк состоит из: штаба, полковой штабной роты и трех

батальонов, из коих один в кадровом составе. Полковая штабная рота содержит все органы командования, средства связи и лиц администр.-хоз. и санитарной службы. Батальон состоит из: штаба, батал. штабной роты, трех стрелк. рот и одной роты тяжелого оружия. Батальонн. штабная рота имеет: саперный взвод, взвод связи и смешанный взвод. Стрелковая рота состоит из 3 стрелк. взводов и 1 смешанного. Стрелк. взвод разделяется на два отделения. Каждое отделение имеет два звена: одно стрелк., а другое пулеметное, с одним легким пулеметом.

Смешанный взвод включает в себя: а) лиц командования, связи, хозяйств. и санит. службы и б) резерв пополнения (1 сержант и 11 рядовых), из коего пополняется убыль в роте. Общая численность стрелк. роты: 5 офицеров, 4 унт.-офиц. и 155 солдат при 6 легких пулем. Рота тяжелого оружия состоит из 3 пулеметных, 1 пушечного и 1 смешанного взводов. Пулеметный взвод имеет два отдел., по одному тяжелому пулемету в каждом. Пушечный взвод разделяется на 4 отделения, в каждом по одной 37-мм. пушке. Смешанный взвод состоит из командования, связи, хозяйств. и санит. службы, а также резерва пополнения. Всего в роте тяжелого оружия: 5 офиц., 4 унт.-офиц., 185 солдат, 6 тяжелых пулем. и 4 пехотных 37-мм. пушки. Пехотный батальон указанн. состава обладает большой самостоятельностью в тактическом отношении, так как имеет артиллерию, тяжелые и легкие пулеметы, орган связи и инжеп. часть. В общем, численный состав батальона: 26 офиц., 20 унт.-офиц., 758 солдат, 6 тяжелых пулем., 18 легких пулем. и 4 пех. 37-мм. пушки.

На пехотный полк, при общей численности в 2.623 чел., приходится: 54 легких пулем., 18 тяжелых пулем. и 12 пушек 37-мм. калибра. Всего в армии: 102 линейн. полка и 2 гренадер. полка.

Альпийские полки предназначены для действий в горах. Они имеют по 3 батальона, каждый бат. из 4 рот при 4 пулем. Рота имеет 2 взвода при 2 пулем. Взводы состоят из 4 отдел.

Полки, батальоны и роты имеют выключный обоз. Всего имеется 9 альпийск. полков. Берсальерские полки представляют стрелк. части. В полку 3 батальона, из коих 1 содержится в полном составе, а 2 в кадровом. Всего имеется 12 полков берсальеров, из коих 6 полков на самокатах. Организация обыкновенного берсал. полка мало отличается от линейной. Батальон берс.-самокатчиков состоит из 3 рот при 4 пулем. Самокатная рота имеет 5 офиц., 150 нижн. чинов на велосип. и 2 легких пулем. В составе всех линейных, гренад., альпийских и берсал. полков содержится депо, то-есть кадр. запасной части. Танковые войска входят в состав пехоты и подразделяются на отряды танков и отряды брониров. автомобилей. В настоящее время происходит реорганизация этих войск.

Конница, под влиянием опыта мировой войны, сильно сокращена; в армии осталось всего лишь 12 кавалерийских полков. Полк состоит из: штаба, двух эскадронных групп, пулеметной секции и депо. Эскадронная группа состоит из двух эскадронов. Нормальный состав эскадрона 4 офицера и 150 нижних чинов, но в мирное время эскадроны содержатся в составе 24 рядов.

Артиллерия разделяется на: полевую-легкую, горную-конную, полевую-тяжелую, тяжелую, береговую и противосамолетную. В полевой-легкой артиллерии—27 полков, приданных пехотн. дивизиям. Полк состоит из штаба, 5 групп батарей и депо. Группа бат. имеет 3 бат., из коих одна содержится в кадровом составе. Батарея — 4 оруд. и делится на 2-оруд. эшелона и эшелон зарядных ящиков. В полку: 1-я и 2-я группы вооружены легкой пушкой, 3-я гр. — гаубицей, 4-я гр. — горной пушкой и 5-я гр. — гаубицей с авто-тягой. Всего полк в мирное время имеет 60 разных орудий. При мобилизации группа горных батарей и гр. гаубиц с авто-тягой будут выделены из полка, после чего в нем останутся три гр., т.-е. 36 орудий. При депо развернется запасный артиллер. полк такого же состава, как и полевой.

Горная артиллерия состоит из 3 полков. В полку: штаб, 3 группы батарей и депо. Группа из 3 бат. — 4 орудия. Всего в полку 36 горных орудий.

Конная артиллерия состоит из 1 конно-артилл. полка, организ. почти так же, как полк горной артиллерии. Полевая-тяжелая артиллерия состоит из 14 полков. Организация полка тождественна с организацией полевого-легкого артилл. полка, но с приданой 1 авто-отряда. Батареи поставлены на тракторы. Тяжелая артиллерия состоит из 6 полков с тракт. тягой. В полку: штаб, 4 группы батарей и депо. В группе—3 батареи, из коих одна содержится в кадровом составе. В бат.— 4 орудия. В береговой артилл. числится 4 полка, организация коих тождественна с организацией полков тяжелой артиллерии. Противосамолетная (зенитная) артиллерия состоит из 10 групп, по 3 батар. в каждой. Группы распределены между 3 учебными депо.

Инженерные войска состоят из: 10 корпусн. инжен. групп, 1 радио-телеграфн. полка, 1 понтонно-лагунного полка и 1 железнодорож. полка. В состав корпусн. инжен. группы входят: саперн. батальон, телегр. бат., минная рота и депо. Радио-телегр. полк имеет: штаб, 5 батал., парк и депо. Понтонно-лагунный полк состоит из: штаба, 3 понтонных батал., лагузн. батал. и депо. Лагузный батальон назначается для перевозки войск через Венецианские лагуны. Железнодорож. полк имеет: штаб, 2 железнодорож. батал., несколько железнодорож. отрядов, отделение железнодорож. движения и депо.

Колониальные войска. К ним принадлежат как части, составленные из итальянцев, так и туземные цветные войска. Вообще все колон. войска комплектуются исключительно вербовкой и имеют своим назначением службу в колониях. Наиболее многочисленны колониальные войска в Либии, Эритрее и Сомали. Самыми крупными войсковыми частями для колон. войск являются: в пехоте — батальон; в кавалерии — эскадрон; в артиллерии — батарея. Общая численность этих войск более 100.000 чел.

Войска общественной безопасности. В состав их входят: корпус карабинеров, финансовая стража и добровольная милиция национальной безопасности.

Карабинеры (военная полиция) находятся в двойном подчинении: военному министру и мин. внутр. дел. Вся страна разделена на 21 терристор. легион (военно-полиц. участки), которые объединены в 7 групп легионов. (военно-полиц. округа). Кроме того, в крупных городах стоят т. н. подвижные батальоны и эскадроны караб. Всего имеется 18 батал. и 3 эскадр. Подвижной батал. состоит из: штаба, 3 рот, 1 самокатной роты, 1—2 пулем. отдел. (по 2 пулем.) и 1 отдел медико-калиберной артиллерии. Рота состоит из 4 взводов; самокатная рота — из 2 взводов. Состав батальона: 15—16 офиц. и 743—764 унт.-офиц. и рядовых. Общая численность корпуса караб.: 1.400 офиц. и 63.000 нижн. чинов.

Финансовая стража подчиняется министру финансов и несет таможен. и пограничную службу. Она состоит из 8 легионов и 1 учебн. лег. Организация ее тождественна с организ. караб. Во время войны она переходит в подчинение военному мин. и привлекается к участию в боевых действиях. Общая численность фин. стражи — 35.000 чел.

Добровольная милиция национальной безопасности состоит исключит. из надежных фашистов в возрасте от 17 до 30 лет. Прием рядовых членов производит премьер-министр. Муссолини, которому эта милиция подчиняется. Офицеры назначаются и повышаются по службе королевскими декретами. Никакого денежного вознаграждения как рядовым членам, так и офицерам не полагается. Общая численность фашистской милиции определена декретом в 80.000 чел.

Высшие войсковые соединения. Самым крупным тактическим соединением пехоты является бригада из 2 пехотн. полков. Таких бригад в Италии 52, из коих 1 гренадерская. Конница сведена в 3 кавалер. бриг. по 4 полка в каждой. Артиллерия и инжен. части соединений выше артилл. полка и инжен. группы не имеют. В мирное

время существует 27 пех. дивизий. В состав каждой входят: управление, две пех. бригады и полк полевой-легкой артилл. Дивизия военного времени состоит из: управления, 2 пех. бригад, 4 пулем. рот, 1 полка полевой-легкой артилл., 1 группы полев.-тяжелой артилл., саперн. батальона, телегр. роты, авиац. отряда, отделения карабин. и разных тыловых учреждений. Состав пехотной дивизии военного времени: 423 офиц. и 15.700 нижн. чинов.

Альпийская группа состоит из 3 альпийск. полков и горного артилл. полка. Таких групп — 3. Корпус в мирное время является территор. подразделением. В состав его входят все войска и учреждения, расположенные в корпусном округе.

Полевой корпус в военное время состоит из: управления корпуса, 2 пех. дивизий (иногда 3), 1 группы горной артилл., 1 полка полевой тяжелой артиллерии, 1 эскадрона кавалерии, 2 телегр. рот, радио-телегр. отдел., авиац. частей и всевозможных учреждений тыла. Общая численность корпуса около 50.000 чел. В военное время корпус соединяются по 3 и 4 в частные армии. Кроме корпусов, в армию входят: многочисленная артиллерия, авиац. отряды, конница и разные технические части.

Комплектование. Военная служба есть личная и общеобязательная повинность для всех мужчин, которым в текущем году исполн. 21 год. Общая продолжительность службы — 19 лет, т.-е. до 39-летнего возраста. Этот срок распадается на: а) действит. службу — 18 месяцев (одинаково во всех родах войск); б) состояние в запасе — 6 лет и 6 мес. и в) пребывание в милиции — 11 лет. Призыв новобранцев совершается 1 марта, а увольнение в запас осенью того же года, вследствие чего летом армия находится в усиленном составе. Система комплектования экстерритор., кроме альпийских полков и горной артиллерии, которые пополняются из альпийских областей. Колониальные войска комплектуются исключит. вербовкой. Возраст добровольцев: для рядовых от 18 до 28 лет и для унт.-офиц. до 32 лет. Срок обязатель-

ной службы — 2 года. Пополнение унт.-оф. в итальянской армии происходит из окончивших корпусные унт.-оф. школы. Для привлечения унт.-офиц. на сверхсрочную службу установлен ряд материальных преимуществ.

Офицеры пехоты пополняются: а) воспитанниками Моденского военного училища, б) подпоручиками запаса, имеющими аттестат зрелости и сдавшими экзамен, равный выпускному при Моденском уч. и в) унт.-офиц., прослужившими 4 года и прошедшими особые курсы при Моденском уч. Офицеры кавалерии пополняются на тех же основаниях, как и пехотные, но по окончании Моденского уч. они, сверх того, проходят курс кавалер. школы в Пинероло. Офицеры артиллерии и инженер. войск пополняются выпуском из Туринского артилл. и инженер. училища, а также подпоручиками запаса и унт.-офиц. на основаниях, тождественных с пехотой. Для дальнейшего усовершенствования офицеров всех родов войск существует ряд школ, не только для младшего, но и для среднего командного состава. Офицеры ген. штаба получают образование в Высшей военной школе. Для подготовки офицеров запаса существуют 6-мес. корпусные курсы.

Численность вооруженных сил. По бюджету, итальянская армия должна состоять из: 13.855 офиц., 12.400 унт.-офиц. и 197.000 рядовых. Сюда не входят указанные выше колон. войска и войска обществ. безопасности. Обученный запас составляет 3.300.000 чел., а общее число лиц призывного возр. превосходит 5.000.000.

Воздушный флот. По проекту Муссолини создан особый комиссариат воздушн. флота, состоящий из 2 управлений: военного и гражданского. Во главе этого отдельного ведомства стал сам Муссолини, со званием комиссара возд. флота. Независимые возд. силы, находящиеся в непосредственном подчинении высшему командованию, состоят из 6 стай. Стая — из 2—3 групп. Группа — из 2—4 эскадрилей. Эскадр. — из 3 ячеек. Ячейка — из 4—6 аэропланов. Стаи вооружены однотипными

аэропл. и разделяются на: 1) истребительные, 2) дневной бомбардировки, 3) ночной бомбардировки, 4) воздушной обороны и 5) специальные. Общее число военных аэропл. в Италии около 1.000, из коих 370 аэропл. 1-й линии, выстроенных после мировой войны.

Армия Северо-Американских Соединенных Штатов. В состав сухопутных вооруженных сил входят: регулярная армия, национальная гвардия и организованные резервы.

Регулярная армия. Пехота. Отдельной частью является полк. Численность его в мирное время 55 офиц. и 1.500 нижн. чинов. В военное время — 102 офиц. и 2.950 унт.-офиц. и солдат. Полк имеет штаб и 3 батальона. К штабу относятся: командная группа, нестроевая рота, вспомогат. рота и рота орудий сопровождения. Вспомогат. рота состоит из 3 взводов: 1-й в. — разведчики, 2-й в. — саперы, 3-й в. — разные виды связи. Рота орудий сопровождения делится на 3 взвода. Каждый в. имеет одну 37-мм. пушку и 2 миномета Стокса; всего в роте 3 пушки и 6 минометов.

Батальон — исключительно боевое соединение. В нем 3 стрелк., 1 пулем. и 1 вспомогат. роты. Стрелк. рота состоит из 3 взводов; взвод — из 2 отдел.; отдел. — из 3 звеньев. Всего в роте 5 офиц., 200 солдат, 138 винтов, 18 легких пулем., 23 автомата. пистолет. и 18 муфт для стрельбы ружейн. гранатами. Пулем. рота разделяется на 2 взвода; взв. — на 2 отдел.; отдел. — на 2 звена; всего в роте 8 тяж. пулем. Вспомогат. рота батальона такого же состава, как в полку, но меньшей численности. Полки по два сводятся в бригаду, в состав коих входят еще штаб и вспомогат. рота. Всего в бригаде, по военному составу, 218 офиц. и 5.988 нижш. чинов. Две пех. бригады, с придачей других родов войск, образуют пех. дивизию, о коей будет сказано ниже.

Кавалерия. Отдельной частью является полк, состоящий из штаба, штабного эскадр., вспомогат. эскадр. и двух дивизионов; всего в полку 52 офиц. и 1.052 н. ч. Дивиз. состоит из штаба и 3 эскадр. В эскадр. — 3 конных

взв. и 1 вьючно-пулем. взв. В конном взв. 3 отдел. В пулеметном взводе также 3 отделения, по 2 легких пулем. в каждом. Всего в эскадр. 5 офиц., 126 н. чин. и 6 легк. пулем.

Два полка образуют бригаду, в состав коей входят, кроме того: штаб, штабной эскадрон и пулем. команда. Пулем. ком. имеет 3 эскадр.; в эскадр. 3 взвода, во взв. 3 отд.; в отд. 2 пулем. Всего в пулем. ком. 19 офиц., 358 н. ч. и 54 тяжел. пулем. Кавалер. бригада — соединение тактическое, в ней 131 офицер и 2.552 н. ч. Две кавалер. бригады, с придачей других родов войск, составляют кавал. дивизию, состав которой будет указан ниже.

Артиллерия разделяется на горную, конную, легкую-полевую, тяжелую-полевую и береговую. Основная боевая единица — батарея. Бат. сводятся в батальоны; батал. — в полки; полки — в бригады. Бригада легкой полевой арт. состоит из штаба, штабной роты, 2 арт. полков и муниципальной колонны, всего 170 офиц., 3.227 н. чин. и 48 орудий. Полк полевой легкой арт. имеет: штаб, штабную роту, нестроевую роту и 2 арт. батальона — всего 75 офиц., 1.495 н. чин. и 24 оруд. Батал. пол. легк. арт.: штаб, штаб. рота, 3 батареи и арт. обоз, всего 23 оф., 607 н. чин. и 12 орудий. Батарея — 4 оф., 136 н. чин. и 4 орудия.

Конно-арт. батальон состоит из: штаба, штабн. роты, 3 бат. и арт. парка — всего 30 оф., 760 н. ч. и 12 оруд. Конная батарея имеет 4 оф., 157 н. ч. и 4 ор. Полевая тяж. арт. имеет ту же организацию, как и полевая легкая, с тою разницей, что бат. ее — двух-орудийн. Береговая арт. разделяется на батареи разного состава.

Инженерные войска. Инжен. полк — 2 батальона и вспомогат. рота. В бат. — 3 роты, в роте — 2 взвода, во взв. — 2 отдел. Всего в полку 45 оф. и 826 н. ч., конно-инжен. батальон — 3 роты и администр.-хоз. взвод. Всего в бат. 17 офиц. и 340 п. ч.

Танковые войска. Отдельной частью является танк. рота в составе 6 офиц., 145 н. чин. и 25 танков. Танк. р. составляет одно органическое целое с пехотой.

Войска связи. Рота связи имеет 3 взвода, — всего 6 офиц. и 150 н. чин. Кавалер. взвод связи—3 оф. и 76 н. ч. **Химические войска.** Пока сформирован один хим. полк, состав которого неизвестен. **Войска особого назначения.** Военно-полиц. роты в составе 5 офиц. и 150 н. ч. каждая.

Воздушный флот. В Сев.-Ам. Соедин. Штатах возд. флот считается родом войск и состоит из возд. сил А., возд. сил береговой обороны и возд. сил морского флота. Тактич. единицей считается отряд, который в военное время состоит из 3 звеньев, по 6 аэрпл. в каждом, т.-е. всего из 18 аэрпл. В мирное время большинство отрядов имеет по 12 аэрпл. Администр. единицей является группа из 3—6 отрядов. Высшую единицу представляет крыло, состоящее из 3—5 групп.

Возд. силы армии состоят из 37 отрядов: 16 разведыват., 7 истребит., 5 для атаки земных целей и 9 бомбард. Из них 22 отряда сведены в группы след. состава: 1-я группа— 4 истребит. отряда; 2-я гр.—4 бомбардир. отряда; 3-я гр.—4 отряда для атаки земных целей; 4-я гр.—из 2 разведыват. и 1 бомбардир. отрядов; 5-я гр.—из 1 разведыват., 1 бомбардиров. и 2 истребит. отрядов; 6-я гр.—из одного разведыват., 1 бомбардиров. и 1 истребит. отрядов; 7-я гр.—школа. Кроме того, в армии состоят: 6 воздухоплав. рот мягких дирижаблей; 10 рот привязных аэростатов; смешанный отряд из 2 рот дирижаблей и 2 рот аэростатов; 13 аэро-фотограф. отделений. Общее число военных аэропланов более 1.000, из них 630 аэрпл. 1-й линии, выстроенных после мировой войны. Гражданский возд. флот, в настоящее время, не велик, но мощная промышленность Соединенных Штатов позволяет им, в случае нужды, в короткий срок построить большое число аэрпланов.

Всего регулярная армия заключает в себе: 4 пехотные дивизии, 3 отдельные пех. бригады, 1 кавалер. дивизию и отряды вест-индских и филиппинских разведчиков. По постановл. конгресса 1923 г., общая численность ее, вместе с личным составом военно-

учебных заведений и офицерами герпор. штаба, составляет 125.000 чел.

Национальная гвардия. Нац. гв.—вторая составная часть сухопутных вооруженных сил. Она формируется отдельными штатами и содержится на их средства. Для боевого использования нац. гв. нужна санкция конгресса. Личный состав не несет постоянной военной службы, а лишь призывается для отбывания военных учений и лагерных сборов. Минимум подготовки в год: 48 учений, по 1½ часа каждое, и 15 дней лагерн. сбора. Штатный состав нац. гв.—24.000 чел., но наличный состав был к 31/X 1923 г. всего 166.000 чел. Организация такая же, как и в регулярной армии. Всего в нац. гв. имеется: 6 перволин. пех. дивизий, 12 второлин. пех. див. и 4 кавал. див.

Организованные резервы. Орган. резервы—третья составная часть сухопутной армии. Они призываются только в случае крайней нужды, когда силы регулярной армии и национ. гвардии окажутся недостаточными. Орган. рез. разделяется на корпус офицеров резерва и корпус добровольцев. Обе категории сведены в кадры для 33 пех. дивизий; но формирование их еще не закончено. В мирное время личный состав орган. рез. не несет постоянной службы, а может быть призван ежегодно на срок не более 15 дней. По данным к 31/X 1923 г. в корпусе офицеров резерва состояло 70.560 чел.

Высшие войсковые соединения. В мирное время самой крупной частью является дивизия. Пехотная див. состоит из: штаба, штабной роты, 2 пех. бригад, артилл. бригады, роты артилл. снабжения, инженер. полка, авиач. батальона, танковой роты, роты связи, нестроевой роты и военно-полиц. роты. В состав кавалер. дивизии входят: штаб, штабной эскадрон, две кавалер. бригады, конно-артилл. батальон и конно-инжен. бат. Во время войны 3 пехотные дивизии образуют корпус. Общая численность его, вместе со всеми вспомогат. частями—83.850 чел. Корпуса предполагается соединить в 6 армий, по 3 корпуса в каждой.

Комплектование. Служба во всех 3 составных частях армии—доброволь-

ная, без обязательного состояния в запасе. В регулярную армию и в национальную гвардию добровольцы поступают на 1-годичный или на 3-летний срок (по желанию), с правом продлить этот срок еще на такое же время. Первоначальный срок службы в организованных резервах: в корпусе офицеров резерва—5 лет, а в корпусе добровольцев—3 года. Во всех частях армии разрешается продление службы, в общей сложности, не более как на 20 лет. Унтер-офицеры получают подготовку в особых лагерях, причем в это звание производятся только наиболее способные, которые могут заменить офицеров при мобилизации.

Офицеры всех родов войск выходят из одного военного училища в Вест-Поинт (штат Нью-Йорк). Для дальнейшего усовершенствования в отдельных специальностях существуют офицерские школы, м. пр., обширная военномеханич. школа в Лэкхорсте (шт. Нью-Джерси). Офицеры генер. штаба получают образование в Военной Академии в Вашингтоне. Подготовка офицеров запаса производится во многих пунктах т. н. «корпусом подготовки офицеров». Инструктора — офицеры регулярной армии; обучающиеся — студенты и учен. средн. уч. завед. К 30/VI 1923 г. первых было 51.742, а вторых—37.225 чел.

Кроме того, для подготовки вояк, на случай войны, существуют «гражданские лагеря для военного обучения». Они функционируют каждое лето в течение 6 недель и разделяются на 3 категории, для подготовки офицеров, унтер-офиц. и солдат. В эти лагеря принимаются все желающие граждане, причем пребывание в них не связано с к.-л. обязанностями по отношению к военной службе. Наконец, военное обучение энергично ведется во всех высших и средн. уч. завед. Америки; за последнее время развивается даже обучение женщин-студенток владению ручным оружием.

Численность вооруженных сил. Как сказано выше, Соедин. Штаты содержат в мирное время армию всего в 125.000 чел. В случае войны, они могут через 2—3 месяца выставить до

3.000.000 чел. Всего способных к военной службе граждан, в возрасте от 18 до 45 лет, еще в 1918 г. было зарегистрировано 24.234.021 ч. Они числятся в списках милиции, но к.-л. подготовки для организации ее не существует.

Японская армия. Вооруженные силы состоят из постоянной армии, с ее резервным резервом, территор. армии и ополчения. В мирное время содержится лишь войска постоянной армии в кадровом составе и жандармские отряды в Корее, Манчжурии, на Сахалине и на Формозе. При мобилизации войска постоянной армии укомплектовываются до штатов военного времени и, сверх того, формируются войска резервные и запасные.

Пехота состоит из: 4 гвардейских, 80 армейских и 2 Формозских трехбатал. полков, 1 батальона на острове Цусима и 4 батал. охранной стражи Манчжурской жел. дор., всего из 265 батал. В батальоне — 3 роты. В каждой роте — 3 стрелк. взвода и 1 пулем. взвод. В мирное время рота имеет 6 офиц. и 160 нижн. чин.; в военное время — 5 офиц. и 235 нижн. чин. Сверх 9 рот в состав пехотн. полка входят: 3 пулем. роты, из 9 тяжелых пулем. каждая, батарея 37-мм. пушек, команда связи и кадры для формирования при мобилизации резервного полка и запасного батальона. По штатам мирного времени в полку—85 офиц. и 1.965 нижн. чин.; в военное время—78 офиц. и 3.067 и. ч.

Конница состоит из 1 гвард. и 28 армейских кавал. полков. Из них 8 полков сведены в 4 отдельные кавалер. бригады, а остальные 21 полк приданы по одному к дивизиям. Полки отдельных бригад имеют по 5 эскадронов, причем пятые эскадр.—запасные; полки дивиз. конницы имеют по 3 эскадр. Все эскадр. состоят из 4 взводов. При каждой из отдельных кавал. бригад—по одной пулем. роте. В военное время в эскадр.: 6 офиц., 177 н. чин. и 184 лошади. В полку дивиз. конницы: 22 оф., 567 н. чин. и 597 лошадей. В отдельной кавалер. бригаде (кроме пулем. роты): 72 офиц., 1.507 н. чин. и 1.587 лошадей.

Артиллерия разделяется на: полевую-легкую, горную, конную, полевую-тяжелую и тяжелую. Полевая-легкая

артилл. состоит из 1 гвардейск. и 26 армейск. полков. Каждый полк—из 2 дивизионов, по 3 батар. 4-х-орудийного состава, т. е.—из 24 орудий. Полки приданы по одному к дивизиям, а остальные соединены по 2 в 3 отдельные артилл. бригады. Предполагается довести число батарей в полку до 12, а число орудий — до 48. Горная артилл. состоит из 3 отдельных дивизионов, по 3 4-х-орудийные батареи в каждом. При мобилизации дивиз. развертываются в полки из 6 батарей. Кроме того, на остр. Формоза находятся 2 бат. Конная артиллерия — 8 батарей по 4 оруд.

Полевая-тяжелая артиллерия состоит из 6 полков, по 6 4-х-орудийн. батарей в каждом, т. е. из 36 бат. В военное время формируется еще 36 бат. из крепостной артиллерии. Тяжелая артиллерия состоит из: 2 бригад по 2 полка двух-батальонного состава, 2 отдельных полков и 11 отд. батальонов. Батал. имеют 3 роты. При мобилизации формируется тяжелая артиллерия резервных войск, а именно 24 бат. 3-х-ротного состава.

Технические войска. Саперные батальоны распределены по одному на дивизию. Сап. бат. 3-ротн. состава и имеет имущество для устройства переправы протяжением 80 саж. Бригада войск сообщений состоит из железнодорож. полка, воздухоплавательн. полка и 11 рот войск связи. В военное время все технич. войска в значительной степени разворачиваются.

Танковые войска находятся в небольшом числе и точных сведений о них не имеется.

Воздушный флот. В 1920 г. было создано везд. ведомство, подчиненное военному министру. Возд. флот имеет 7 авно-батальонов, из 3 отрядов каждый. В отряде—12 аэропланов. Общее число военных аэропл. (считая и морские) — 540, из коих 330 аэропл. первой линии, новейших систем.

Высшие войсковые соединения. Стратегич. единицей является дивизия. В военное время в состав див. входят: 2 бригады пехоты по 2 полка 3-х-батальонного состава; 1 кавалер. полк из 3 эскадр.; 1 артиллер. полк из 6 по-

лев. легких батарей (24 орудия) и 3 псевд.-тяжелых бат. (12 оруд.); 1 сап. батальон; 1 телегр.-телефон. рота; 1 лондонный парк; 1 жандармский отряд и соответствующие тыловые учреждения. Всего в составе дивизии военного времени числится 638 офиц., 22.230 в. чин.

В мирное время в Японии — 1 гв. и 20 армейск. дивизий. При мобилизации каждая дивизия постоянной армии формирует одну резервную дивизию, так что в военное время число дивиз. повышается до 42. В военное время несколько дивизий, в зависимости от поставленных целей, соединяются в армии.

Комплектование. Армия комплектуется коренным японским населением, в возрасте от 17 до 40 лет, на основании всеобщей и личной воинской повинности. Полуудские племена, живущие на крайнем севере Японии, китайцы, туземцы Формозы и корейцы вовсе не призываются.

Военная служба распределяется след. образом: с 17 до 20 лет молодые люди числятся в ополчении 2-го разряда; с 20-летн. возраста начинается действительная служба, продолжающаяся, в зависимости от рода войск, 2 или 3 года; по отбытии ее люди на 4 или 3 года зачисляются в запас, после чего—на 10 лет в территор. армию, а затем с 37-летн. возраста до 40 лет — в ополчение 1-го разряда. Молодые люди, не принятые на действительную службу, вследствие превышения числа лиц, ежегодно достигающих призывного возраста над числом несоб. с. чин. для укомплектования армии, зачисляются в рекрутский резерв. Рекруты могут быть призваны на действительную службу для пополнения комплекта в постоянной армии; на 32 году они поступают в ополчение 2-го разр. Обращает на себя внимание, что еще в 1916 г. неграмотных новобранцев было лишь 2%.

Комплектование производится по территор. системе, для чего Япония разделена на 20 дивизионн. округов; гвардия комплектуется из всех округов. Для унт.-офиц. особых школ нет; они готовятся в частях и обязаны прослужить в этом звании не менее 2 лет.

Большая часть унт.-офиц. действит. службы и только меньшая часть сверхсрочные.

Для первоначальной подготовки офицеров существует одно, для всех родов войск, военное училище, а для дальнейшего усовершенствования на службе — различные офиц. школы. Особых учебн. завед. для подготовки офиц. запаса нет; при мобилизации потребность покрывается, по большей части, производством унт.-офиц. Для подготовки к службе генер. штаба и для замещения высших командных должностей существует Военная Академия в Токио.

Численность вооруженных сил. В 1922 г. в японской армии числилось 18.617 офиц. и 254.167 нижн. чин. Затем, под влиянием сильного экономического кризиса, приступлено было к сокращению армии до 17.395 офиц. и 229.604 н. ч. При этом уменьшению подверглись пехота и конница, а технич. войска были увеличены. В настоящее время опустошения, произведенные землетрясением, вызывают Японию к дальнейшему сокращению сухопутной армии. В военное время численность армии определяется приблизительно в 27.000 офиц. и 950.000 н. ч. Обученного запаса имеется 1.748.000 ч., а общее число лиц призывного возраста доходит до 6.500.000 чел. Из сделанного очерка видно, что современная японская армия, по своему технич. оборудованию, значительно отстала от армий др. великих держав. Это объясняется как недостатком финансовых средств, так и тем, что в настоящее время главное внимание Японии обращено на развитие морских сил.

Германская армия. В совершенно исключит. положении находится Германия, которая стеснена в устройстве своих вооруженных сил ограничительными условиями Версальского договора.

Главные из этих ограничений: 1) сокращение постоянной армии до 100.000 чел., причем она назначается исключительно «для поддержания порядка в стране и несения полиц. службы на границе»; 2) отмена всеобщей воинской повинности и замена ее вербовкой;

3) упразднение большого генер. штаба; 4) сдача союзникам огромного количества разного военного материала; 5) воспрещение иметь на вооружении и изготовлять тяжелую артиллерию, аэропланы и танки; 6) уничтожение крепостей на западной границе; 7) общая демилитаризация военной промышленности.

Поставленная в такие рамки, Германия содержит в настоящее время армию в виде «рейхсвера», состоящего всего из 7 пехотных и 3 кавалер. дивизий, притом сравнительно плохо оборудованных в технич. отношении. Малочисленность войск и слабость техники немцы стараются возместить высокими качествами личного состава. Рейхсвер комплектуется добровольцами из германских граждан; срок службы в нем — 12 лет, после чего договор может быть продлен. Поступающие рядовыми должны иметь возраст от 17 до 23 лет. Добровольцы моложе 17 и старше 23 лет принимаются с разрешения начальника дивизии. Унт.-офиц. состав пополняется, гл. обр., приемом на службу унт.-офиц. старой армии, а затем производством из рядовых рейхсвера.

Многочисленные прежние унт.-офиц., в качестве сверхсрочных, выполняя обязанности рядовых, сохраняя содержание и нося наружные отличия унт.-офиц. Офицеры рейхсвера выбираются из лучших офиц. старой армии. Кроме того, для подготовки молодых офицеров существуют военные школы: пехотная — в Мюнхене, кавалер. — в Ганновере, артиллер. — в Ютерборге и инженер. — в Мюнхене. Обращено большое внимание на дальнейшее усовершенствование офиц. во время службы и на подготовку способнейших из них к выполнению обязанностей генер. штаба.

В настоящее время в рядах 100-тыс. рейхсвера находится более 3.000 отборных офицеров и 48.000 унт.-офиц. старой армии, а из остальных — половина также имеет унт.-офиц. подготовку. Как видно, по своему личному составу части рейхсвера являются лучшими войсками в мире. Немцы смотрят на рейхсвер, гл. обр., как на кадр, из коего, в

случае развертывания национальной армии, можно будет получить младший командный состав; для этого каждого унт.-офиц. готовят на должность младшего офиц., а каждого рядового — в отделенные начальники. Кроме того, в рейхсвере содержатся ячейки технич. войск. К рейхсверу примыкают скрытые вооруженные силы, а именно: офицерские, солдатские и полковые союзы; отряды фашистов (национ.-социалист. рабочей партии) и разные общества гражданской самообороны.

Эти организации, заключающие в себе от 500 до 800 тысяч чел., вполне готовы к боевому употреблению, находятся с рейхсвером в договорных отношениях, т. е. обязаны, по требованию командования, немедленно стать в его ряды.

В Германии общее число обученных солдат, в возрасте от 20 до 45 лет, составляет 2½ миллиона; всех же пригодных к военной службе в этом возрасте — более 5 миллионов. Главным недостатком мобилизованной германской армии будет слабость технических средств, так как имеющиеся в стране скрытые склады оружия, очевидно, окажутся недостаточными для удовлетворения всей потребности. Кроме того, проведение общей мобилизации для внешней войны затрудняется отсутствием специального органа, ведающего этим сложным делом.

Красная армия. Долгая и неудачная война, приведшая к потере обширных областей, имела своим последствием глубокую дезорганизацию царской армии. Достаточно сказать, что перед февральским переворотом число дезертиров доходило до 2 миллионов. Близорукое упорство Керенского, Миллюкова и др., желавших продолжать войну во что бы то ни стало, несмотря на ясно выраженное нежелание народных масс, а затем выступление Корнилова, внесло разложение в ряды войск и окончательно разрушило старые вооруженные силы.

Т. обр., рабоче-крестьянскому правительству, утвердившемуся в России после Октябрьской революции, пришлось создавать армию заново и при-

том на новых началах. Ядром для нее послужила существовавшая уже милиция из рабочих, т. н. Красная Гвардия. Красно-гвардейские отряды начали организовываться на петроградских фабриках и заводах еще с апреля 1917 г. Они разделялись на батальоны, числом около 400 человек в каждом. В состав батальона, обыкновенно, входили: 3 роты (дружины), пулеметная команда, команда связи, санитарный отряд, а иногда несколько броневых машин. Отрядами, батальонами и ротами, по большей части, командовали унтер-офицеры из рабочих (изредка прапорщики), а взводами частью рядовые солдаты, частью же рабочие. Занятия производились по сменам, одна треть рабочих занималась военной подготовкой, остальные же две трети продолжали свою обычную работу.

К октябрю 1917 г. Красная Гвардия Петрограда уже насчитывала в своих рядах от 12 до 14 тыс. человек. По примеру Петрограда, красно-гвардейские отряды были сформированы в Москве, где к октябрьскому восстанию в них числилось около 3.000 чел., а также в провинции, причем наиболее многочисленные отряды существовали в Одессе, Донецком бассейне и на Урале. Красная Гвардия была достаточна для несения гарнизонной службы и для поддержания порядка внутри страны, но, по своей малочисленности и плохой подготовке, она не была в состоянии бороться с внешним врагом.

В виду этого, 15 января 1918 г. был издан декрет Совета Народных Комиссаров об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии на принципе добровольчества, причем первая красноармейская часть была сформирована 23 февраля. Три месяца спустя, 18 апреля, был издан второй декрет о всеобщем военном обучении трудящихся. Издавая эти декреты Советское правительство хорошо понимало, что из добровольцев нельзя создать многочисленную вооруженную силу, и что всеобщее военное обучение, требующее обширной предварительной подготовки, может быть осуществлено лишь через много лет; но объявленные принципы были единственно возможными.

при тогдашнем настроении народных масс.

Обыкновенно, добровольческие отряды состояли из разных родов войск и были малочисленны. Наиболее крупные из них не превышали 1.000—1.500 чел., в большинстве же они имели численность от 100 до 500 бойцов.

Разразившееся в 1918 г. чехо-словацкое восстание побудило Советское правительство издать декрет от 12 июня 1918 г. о замене добровольчества обязательной службой, причем в Красную армию допускались лишь лица, неэксплуатировавшие чужого труда. Вместе с тем, рядом декретов, изданных летом 1918 г., были призваны на службу старые офицеры и разные специалисты. Но поручив этим офицерам командование войсками, Рабоче-Крестьянская власть поставила для надзора за ними особо доверенных лиц — военных комиссаров; кроме того, для политического воспитания красноармейских масс были созданы при всех войсковых частях политические отделы. Одновременно, летом того же года, были разработаны и утверждены первые штаты Красной армии.

Она была образована из стрелковых и отдельных кавалерийских дивизий. Стрелковая дивизия состояла из 3 бригад; бригада — из 3 полков; полк — из 3 батальонов; батальон — из 3 рот. Кроме того, в состав дивизии входили: 1) отдельный кавалер. дивизион из 2 эскадронов; 2) 3 легких артилл. дивизиона, по 3 батареи в каждом; облегченный артиллер. дивиз. из 3 бат.; 2 гаубичных артилл. дивиз. по 3 бат.; 2 полевых тяжелых артилл. дивиз., из 3 бат. каждый; противосамолетный артилл. дивиз. из 4 бат. и отдельная конная батарея; все перечисленные бат. были 4-х-орудийные; 3) инженерный батальон и 3 отдельные саперные роты (по числу бригад); 4) батальон связи и 3 отдельные роты связи (по числу бригад); 5) авто-броневой отряд в составе 4 бронир. автомобилей; 6) авиационный дивизион из 3 отрядов, каждый по 6 самолетов; 7) воздухоплават. отряд из одной наблюдательной станции и 8) всевозможные тыловые учреждения.

Стрелковая дивизия указанного состава являлась вполне самостоятельной стратегической единицей, но слабость техники и бедность материальных средств не позволили, в полной мере, осуществить принятые штаты, а потому дивизии, действовавшие в гражданскую войну, имели меньший и притом весьма разнообразный состав. Во всяком случае приведенный штат составлял тот образец, по которому формировались все стрелковые дивизии, число конк в конце гражданской войны доходило до 80.

Отдельная кавалерийская дивизия, по утвержденному штату, должна была иметь: 6 полков, по 4 эскадр. каждый; конно-артилл. дивизион из 3—4 оруд. батарей; эскадрон связи; конно-саперный эскадрон и соответств. тыловые учреждения. Сформирование конницы встретило большие затруднения, гл. обр., вследствие недостатка конского состава. Тем не менее, к концу гражданской войны русская конница насчитывала 27 кавалер. дивизий и 7 отдельных кавалер. бригад, организованных по приведенному штату.

Полевая артиллерия легкого и тяжелого типа, как сказано выше, входила целиком в состав стрелк. и кавал. дивизий. Что же касается тяжелой артиллерии особ. назнач., то она была организована, в зависимости от калибров, в батареи и дивизионы различных литер и находилась в непосредственном распоряжении главного командующего. К концу гражданской войны в Красной армии было: 530 легких, 137 гаубичных и 149 тяжелых батарей, всего 3.194 орудия.

Особенно большие затруднения вызвало создание технических войск, но Советская республика справилась и с этим, причем в пределах возможности, допускаемой слабым развитием техники, были сформированы: воздушный флот, броневые силы, железнодорожные войска и войска связи. Кроме того были образованы эталные и транспортные войска, а также многочисленные запасные части, которым пришлось не только высылать маршевые роты, эскадроны и батареи, но и формировать целые полки, бригады и

дивизии. Для подготовки командного состава была устроена целая сеть военно — учебных заведений, а для усовершенствования различных специалистов в войсках были организованы учебные части.

Так, обр., в период всего около трех лет была создана заново армия, которая к концу гражданской войны (считая необычайно разросшийся нестроевой элемент и войска специального назначения, состоявшие в других ведомствах) достигла численности в 5.300.000 чел.

Только крайняя необходимость могла заставить Советское правительство, неоднократно выражавшее свое миролюбие, содержать столь огромные вооруженные силы, а потому, тотчас же по миновании внешней опасности и с наступившим умиротворением страны, было приступлено к их сокращению, причем это сокращение распространялось, гл. обр., на нестроевой элемент Красной армии и на войска, состоявшие в других ведомствах.

Путем последовательных демобилизаций и связанных с ними реорганизаций, численность армии была уменьшена: к 1 января 1921 г. до 3.800.000 чел.; к 1 января 1922 г. до 1.600.000 чел.; в течение 1922 г. до 800.000 чел. и, наконец, в продолжении 1923 года до 600.000 чел. Параллельно с этим была проведена в пределах допускаемых существующей обстановкой механизация армии, вызываемая, как мы видели, новыми условиями ведения войны.

Дальнейшее преобразование намечено в направлении постепенного перехода от постоянной кадровой армии к армии милиционной, т.е. к народному ополчению, что вполне отвечает, как внутреннему устройству рабоче-крестьянск. государства, так и его внешней политике, чуждой всякой агрессивности.

Как известно, милиционная система, по сравнению с системой постоянных кадровых армий, представляет след. главные выгоды:

1) она дает возможность, в случае необходимости, привлечь к отбыванию

воинской повинности всех способных носить оружие граждан; 2) она в гораздо меньшей степени отвлекает население от производительного труда и 3) при прочих равных условиях, она обходится казне значительно дешевле, ибо, очевидно, что выставленная в поле милиционная армия известной численности всегда будет стоить меньше, чем постоянная кадровая армия той же численности.

Зато милиционная армия уступает постоянной кадровой армии в отношении: 1) прочности дисциплины; 2) боевой подготовки и 3) быстроты мобилизации. Эти недостатки милиции могут быть ослаблены: соответствующим политическим воспитанием народа; повышением уровня общего образования; распространением в массах военных знаний; физической подготовкой при помощи всевозможных спортивных и спортельных обществ и тщательно продуманной организацией.

Однако, не трудно видеть, что указанные меры, в государстве столь обширном и редко населенном, как Россия, потребуют для своего проведения долгого времени, и результаты их скажутся не скоро.

Вследствие этого и решено совершить переход от постоянной кадровой армии к милиционной армии постепенно, по мере создания для этого перечисленных благоприятных предпосылок. В настоящее время почти третья часть дивизий уже образована в территориальные. Территор. дивизия имеет, сравнительно с полевой, очень слабый кадр, состоящий лишь из командного состава и хозяйственно-администр. аппарата, обслуживающего мирную потребность частей. В дальнейшем число территор. дивизий будет постепенно возрастать, пока их округа не охватят всю страну, а сила кадров будет постепенно уменьшаться, пока они не обратятся в контингент инструкторов для обучения населения военному делу.

При теперешнем населении СССР в 140 миллионов и при призыве всех мужчин от 18 до 49 лет включительно, за исключением освобожденных по физической негодности, милиционная ар-

мия могла бы заключать в своих рядах около 23 миллионов чел., распределенных на 4 категории:

1) в подготовительном разряде, два возрастных класса (18 и 19 лет) — 1.450.000 чел.; 2) полевых войск, 12 возрастных классов (от 20 до 31 г. включительно) — 8.650.000 чел.; 3) резервных войск, 10 возрастных классов (от 32 до 41 г. включ.) — 7.150.000 чел.; 4) местных войск, 8 возрастов (от 42 до 49 л. включит.) — 5.750.000 чел.

В общем, нужно иметь в виду, что миллионная система может быть осуществлена в полной мере лишь при весьма популярном правительстве, т. е. иначе опасно будет вооружать народные массы. Энгельс говорит, что «только коммунистически организованное и воспитанное общество может приблизиться к милиционной системе, да и то не сразу».

В заключение следует сказать, что прогресс техники, вызвавший столь глубокие изменения в военном искусстве и в устройстве армий, не только не остановился с окончанием мировой войны, а, наоборот, еще ускорился. Созданное войной колоссальное умственное и материальное напряжение дало как бы толчок в указанном направлении, и после Версальского мира, в предвидении будущего боевого столкновения, наука лихорадочно работает над изобретением новых, еще более действительных средств истребления человечества. Хотя каждое государство старается, насколько возможно, скрыть свои достижения в этой области, приберегая их в виде внезапного сюрприза для грядущей войны, но и проникающих в печать отрывочных сведений уже достаточно, чтобы судить о том, насколько ушла вперед военная техника. (См. III. Техника в мировой войне.)

Какое же устройство получают вооруженные силы в будущем?

Нам кажется, что существующие массовые армии не соответствуют условиям нарождающейся обстановки. В каждом предприятии, по мере усовершенствования машин, число рабочих постепенно уменьшается, но зато качество их повышается. То же самое

должно произойти и в военном деле. Правильная эксплуатация сложных и разнообразных боевых машин возможна лишь при интеллигентном, хорошо обученном и самостоятельном солдате. Кроме того, при потрясающей обстановке современного боя этот солдат должен обладать исключительным мужеством и железными нервами.

Очевидно, такими высокими свойствами не может отличаться вся миллионная масса граждан, призываемых по обще-обязательной воинской повинности, а потому в будущем военное искусство снова потребует перехода к небольшой, но зато отборной армии, тщательно организованной для наиболее рационального использования всех усовершенствований современной техники. Остальная, гораздо большая часть военно-обязанных, вошедшая в состав действующей армии, останется в тылу и будет работать в различных областях военной промышленности. При колоссальном количестве расходуемых в настоящее время на театре войны разных материалов, люди, создающие средства для борьбы, не менее нужны, чем те, которые сражаются на фронте. С уменьшением численности действующих армий, они снова приобретут утраченные ими подвижность, гибкость и удобоуправляемость, вследствие чего исчезнет то огрубение военного искусства, которое, как было разобрано выше, составляет одну из характерных черт совершающейся на наших глазах эволюции.

Литература: Журналы: „Revue militaire française“, „Revue milit. générale“, „Revue d'Infanterie“, „Revue d'artillerie“, „Revue de cavalerie“, „Revue de genie“, „L'armée et démocratie“, Газета — „La France militaire“; Журн.: „Militär-Wochenblatt“, „Artiller. Monatshefte“, „Wissen und Wehr“; Schwarte, „Die Technik im Weltkriege“; Газ. „Times“ (парлам. отч. по бюджету на 1923—24 г.), журн.: „The Army Quarterly“, „Infantry journal“, „Cavalery journal“, „The journal of the artillery“; Сборн. „Иностранные армии“. Военно-науч. общ. при Военной Акад. Р.К.К.А. 1923 г.; Журн. „Военный Зарубежник“; Лиги а у, „Значение пехоты в соврем. бою; устройство пехоты; средства борьбы; свойства пехоты“; Розье, „Развитие военной техники с начала войны.

1914 г."; Журн.— „Военная мысль и революция“; Сборник стат. „Милиционерное строительство“, изд. „Военн. Вестн.“ 1923 г.; Е. И. Мартынов, „Стратегия в эпоху Наполеона I и в наше время“.

Е. Мартынов.

VIII. «ХИМИЧЕСКАЯ ВОЙНА». Порожденный мировой войной новый термин—«химическая война», или применяемый в одинаковом значении с ним термин—«газовая война», обнимает собой понятие о различного рода боевых средствах, а также о их применении для боевых целей, когда в той или иной форме играет роль химическая сущность этих средств. В первую очередь к этому понятию, назыв. еще также «военно-химическим делом», надо отнести все средства и способы нападения на противника, которые имеют целью воздействие токсического или раздражающего характера на организм человека (или применяемых для боевых целей животных), и, вместе с тем, все средства и способы защиты от такого рода нападений. Комплекс сведений по этому роду средств и составляет главную, основную сущность химической войны. Наряду с этим приходится поставить различного рода дымки и туманы, хотя и производимые весьма часто не с целью нападения, а в качестве вспомогательного средства, для маскировки, но зачастую и с токсическим воздействием, и, во всяком случае, путем использования химических реакций (горения, соединения с влагой), происходящих между различными веществами. Более косвенно сюда же относятся всякие способы борьбы пламенем и огнем, в виде применения огнеметов и всякого рода зажигательных средств, где используется теплота, выделяемая при химических реакциях. Наконец, к понятию военно-химического дела относят также различного рода осветительные средства (звездки, ракеты, светящиеся снаряды) и сигнальные—разноцветными дымками или огнями, в которых свет или цвет получается также вследствие химических реакций.

Одного этого краткого содержания предмета химической войны достаточ-

но, чтобы составить себе представление о том широком объеме и значении, которое она должна иметь в ряду современных средств и способов борьбы. Переименованные отрасли ее по существу не представляют собой чего либо нового, рожденного только мировой войной. Воздействие отравляющими газами восходит ко временам Пелопонесских войн; зажигательные средства могут считать своим родоначальником известный греческий огонь или кипящую смолу, которую некогда защитники лили со стен древней крепости на осаждающих; в ближайшем нам время идея отравления волной газа, распространенной на большом пространстве, была предложена английским адмиралом, лордом Дэндрональдом, во время Крымской кампании (1855 г.), но не получила осуществления. Наконец, с тех пор, как для снаряжения снарядов, вместо прежнего обыкновенного селитро-угольного пороха, стали применять современные сильно взрывчатые органические вещества (пироксилин, мелинит, тротил и пр.), эти снаряды стали уже в сущности отравляющими, так как известно, что продукты разложения указанных веществ, образующиеся при взрыве, содержат, между прочим, один из ядовитейших газов—окись углерода (СО—угарный газ); случаи отравления такими снарядами имели место в войнах, предшествовавших мировой, когда подобный снаряд разрывался в закрытом помещении (внутри корабля, фортификационной постройки).

Это отравляющее свойство обыкновенных бризантных и особенно фугасных снарядов, несомненно, было хорошо известно задолго до мировой войны, чему ярким доказательством служит текст Гаагской конвенции 18 октября 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны, касающийся этого вопроса: он запрещает применять такие снаряды «единственная цель которых заключается в распространении ядовитых (удушливых или смертоносных) газов», следовательно, вполне санкционирует применение таких, в которых отравляющий газ появляется не как самоцель, а как неизбежный

фактор, сопровождающий явление взрыва. С другой стороны, тот же текст запрещения дает весьма благодарную почву для применения,—уже в качестве самоцели,—снарядов с такими газами, которые, не обладая никакими отравляющими свойствами и даже будучи совершенно безвредными для организма, в то же время могут оказывать на некоторые органы человека всякое воздействие, например, сильнейшее раздражение слизистых оболочек век, которое временно может сделать его совершенно не-беспособным. Два другие пункта «запрещений» Гаагской конвенции, касающиеся применения ядов, имеют к данному вопросу меньшее отношение. Смысл одного из них говорит об отравлении колодцев, самого оружия, тпуль и пр.; второй пыгается отградить от «излишних страданий», понятие о которых представляется весьма условным по отношению к любому средству поражения или способу его применения, когда целью ставится уничтожение живой силы противника.

История мировой войны свидетельствует, что и французы и германцы использовали случайную или умышленную недоговоренность текста Гаагского запрещения относительно применения газов. Французы имели в начале войны ручную и ружейную газовые гранаты с раздражающими химическими веществами, предназначенные ими преимущественно для применения в ближних боях крепостного характера; по некоторым сведениям, в самом начале войны у них же была попытка применения таких же веществ в артиллерийских снарядах. Германцы уже в октябре месяце 1914 года применяли снаряды марки Ni (с двойной солью дианзидина) и несколько позже вещества «Т», «М» и «Мп» (ксилитл - бромид, ксилитлен-бромид, бром-ацетон и др.), называемые также для раздражающего действия. Применение этих первых «химических» снарядов, производившееся в небольших размерах, не давало сколько нибудь существенных результатов; однако, их появление на полях сражений, несомненно, имело глубокое идейное значение

в отношении использования химических веществ вообще для воздействия на организм человека, как самоцели: трудно и даже, пожалуй, невозможно провести границу между веществом только раздражающим и веществом, производящим более глубокое поражение организма, почему поиски более действительных веществ и сильнейшего их воздействия неминуемо должны бы были привести к типичным «химическим» снарядам, производящим уже не раздражение только, но и поражение живого организма.

Впрочем, после нарушения Германией нейтралитета Люксембурга и Бельгии и после появления у австрийцев в первых же боях против наших войск разрывных пулей, вопросы нарушения международного права и этики представляются совершенно праздными. Гораздо больший интерес представляет первое применение отравляющих веществ, как таковых, в широких размерах; и этот почин, несомненно, принадлежит германцам, которые 22 апреля 1915 года применили выпадение газовым облаком на западном фронте, между Бажеспутом и Лангемарком (у Ипра), а в мае того же года и на нашем фронте у Воли-Шидловской. Есть сведения, что с их стороны была попытка применения такой же атаки много раньше—в конце декабря 1914 года—на нашем фронте; однако, в этом случае газовая атака не удалась, так как ветер понес газ на расположение самих же германцев, и выпуск его был прекращен. Именно этот факт применения отравляющих веществ послужил поводом ко всеобщему негодование против Германии и открыл широкий путь к применению химических средств для боевых целей. Еще в начале марта 1915 года, когда наличие снарядов с отравляющими веществами в германской артиллерии было вполне установлено, и приходилось уже принимать первые меры для защиты от них, русское Главное Командование, по соображениям морального характера, воздерживалось от каких бы то ни было способов применения отравляющих веществ; но после Воли-Шидловской и у нас вопрос о применении от-

равляющих веществ получил положительное решение.

Представляется странным, что наряду с целым рядом оправданий по поводу обвинений Германии в инициативе химической войны, германские авторитеты в то же время совершенно открыто сообщают об умышленных причинах, которые побудили ее к применению в бою химических веществ: недостаточное действие всех видов вооружения против окопавшегося противника, истощение запаса взрывчатых веществ и, можно добавить, мощная химическая промышленность Германии, пользовавшаяся до войны мировой гегемонией, представлявшая для армии неистощимый запас новых боевых средств.

Из всех средств борьбы, выдвинутых небольшой по напряженности и размерам мировой войной, химические средства, в отношении их новизны, внезапности применения, и вследствие сопряженного с этим морального впечатления, бесспорно приходят на первое место. В то время, как в других областях военного дела приходится встречаться только с развитием и усовершенствованием существовавшего, военно-химическое дело открыло совершенно новые и чрезвычайно широкие перспективы не только в отношении сущности химических боевых средств, но и в отношении методов ведения боевых операций. Исключительный натиск обстановки разгоравшейся мировой трагедии побудил химическую войну к необычайному развитию в течение весьма короткого времени; но для всех ясно, что, несмотря на ее гигантские размеры в прошлом, она далеко не сказала всего того, что можно ожидать от нее в будущем.

Причиной такого развития химической войны служит, прежде всего, самая природа военно-химического дела. Как бы ни умаляли противники его значения, нельзя не признать, что оно несет в себе новый вид воздействия— **химическое** (токсическое), тогда как до сего времени для целей войны современные армии пользовались средствами, производящими на живую силу или на мертвые сооружения противни-

ка воздействие исключительно **механическое**. По сравнению с механическими, химические способы воздействия на живой организм, пригодные для этого химические средства и методы их использования чрезвычайно разнообразны, что также служит причиной широкого развития военно-химического дела. Наконец, огромное впечатление, которое оказало внезапное появление химических средств на полях сражений, возникшая вслед за тем лихорадочная борьба в деле их применения, напряжение науки и техники, без которого химическая война не могла бы достигнуть современного широкого развития, и соображения о будущих возможных достижениях наложили на нее надолго своеобразный характер новизны, который она имеет не только в суждениях специалистов, но и в интересах широких масс населения.

Несомненно, что несмотря ни на какие договоры мирного времени, химическим средствам борьбы не суждено больше сойти с полей сражений. Химическая война, при посредстве авиации, угрожает пробраться в самые глубокие тылы борющихся стран, оказывать свое могучее влияние на суше, на море, в воздухе. Совершенствуясь в течение мирного промежутка времени, не стесненное теми затруднениями, при которых ей пришлось создаваться заново во время войны, к будущему вооруженному столкновению она может вылиться в такие новые и неожиданные формы, которые трудно предвидеть. Не опасаясь власти в крупную ошибку, применение для боевых действий химических средств поражения можно сравнить по значению и последствиям с эпохой изобретения пороха.

Наконец, весьма крупной и имеющей выдающееся значение стороной боевых химических средств служит то их природное свойство, что не только их производство, но отчасти даже они сами, наравне с военным, имеют огромное значение и для мирных целей государства. Изготовление их покоится на тех же исходных химических материалах, которые до крайности необходимы всякому культурному государству:

для земледелия, различных областей промышленности, медицины, санитарии, фотографии. Одновременно с боевым применением многие химические вещества могут быть использованы для борьбы с вредителями полей, садов и лесов, для обеззараживания вод, даже для лечения некоторых болезней. Процессы изготовления химических веществ, нужных для боя или для мирных целей, во многих случаях обладают чрезвычайно легкой обратимостью, почему государство, богатое химической промышленностью мирного назначения, может считать себя сильным и в отношении военном. Это последнее обстоятельство и объясняет ту лихорадочную деятельность всех государств в области развития своей мирной химической промышленности, которую можно наблюдать повсюду после мировой войны.

Переходя к вопросу о средствах химического нападения, в первую очередь приходится остановить внимание на обширнейшем и чрезвычайно разнообразном по химическому составу и различным свойствам классе веществ, получившем повсюду наименование «**боевых газов**» а у нас—«**боевых отравляющих веществ**». К этому классу относятся не только собственно газообразные тела, такие мы привыкли разуметь под этим наименованием, но также и тела жидкие и твердые, обрастаемые путем ли самостоятельно идущего процесса, или же теплотой, или механическим действием заряда взрывчатого вещества в **газообразное, парообразное, дымообразное** или **туманообразное** состояние. Первоначально этот класс получил у нас наименование **удушающих средств** (У.С.), несколько позже—**отравляющих веществ** (О.В.).

По токсическому действию О.В. можно подразделить на: а) **Удушающие**, вызывающие, в зависимости от концентрации и времени действия их на организм, кашель, воспалительные процессы в легких, отек легких и смерть от удушья. Типичными представителями этих газов можно назвать **хлор** (Cl), **фосген** (COCl₂), **суперпалит-дифосген** (Cl.COO.CCl₂). б) **Ядовитые**

(отравляющие), попадающие обычно в организм путем дыхания, проникают в кровь, производя глубокие поражения внутренних органов. Этого рода газы, при достаточной концентрации действуют весьма быстро, но зато при малой вызывают только незначительное временное заболевание, которое затем проходит совершенно бесследно. Типичными представителями их являются синильная кислота (HCN) и окись углерода (CO). в) **Слезоточивые (лакритаторы)**, из которых многие даже при ничтожных концентрациях, будучи безвредными для организма, вызывают невыносимое раздражение слизистой оболочки век и слезотечение, в концентрациях, обычных для ядовитых газов, могут обладать сильными ядовитыми свойствами. Во время мировой войны для этой цели применялись весьма многие вещества: **бромистый бензил** (C₆H₅CH₂Br), **бромистый ксилит** (C₆H₄CH₂CH₂Br), **бромированные кетоны**, например, **бромметил этилкетон** (CH₃CH₂Br.CO.CH₃), **хлорацетон** (CH₂Cl.CO.CH₃), **бромбензилцианид** (C₆H₅CN.CH₂Br), **акролеин** (CH₂=CHCHO), **хлорацетофенон** (C₆H₅CO.CH₂Cl), **хлорпикрин** (C₂Cl₃NO₂), и др. г) **Нарывные** представляющие собой жидкости с высокой температурой кипения, которые при одновременном даже соприкосновении с кожей человека, в особенности влажной, в виде жидкости или ее паров, вызывают нарывы, имеющие характер сильных, заживающих продолжительное время ожогов; попадаая внутрь организма, при проглатывании с пищей или при вдыхании, производят глубокие изменения внутренних органов человека. Типичным представителем нарывных веществ является «**горчичный газ**», названный так по небольшому горчичному запаху (или слабому запаху чеснока), которым он обладает, или, что то же, «**иприт**» (швабские, присвоенное ему же по месту первого применения его под Ипром)—ди-хлорди-этил-сульфид [(ClCH₂CH₂)₂S]. К концу войны был предложен **люизит** [(CHCl:CH)AsCl₂] обладающий аналогичными с ипритом свойствами; но

телько производящий более сильные поражения кожи, приобретающие гангренозный характер. Испаряемость люизита слабее, чем у иприта, почему парами он действует не столь интенсивно. Поражение организма ипритом обнаруживается не сразу, через несколько часов, и по большей части влоще излечимо; д) **Чихательные**, вызывающие при весьма слабой концентрации сильное раздражение носа и неудержимое чихание, насморк, боль в носу и в нижней челюсти, и смертельные при концентрациях более сильных. Этим свойством обладают арсины жирного ряда: метилдихлорарсин (CH_3AsCl_2), этилдихлорарсин ($\text{C}_2\text{H}_5\text{AsCl}_2$), дифенилдихлорарсин [C_6H_5] $_2\text{AsCl}$], дифенилцианарсин [$(\text{C}_6\text{H}_5)_2\text{AsCN}$], представляющие собой твердые тела или жидкости с высокой точкой кипения, распыляемые взрывом снаряда в мельчайшую пыль (туман), проникающую легко через порошкообразный поглотитель противогаза, если таковой не снабжен специальным фильтром (см. выше). По физическим свойствам «боевые газы» можно подразделить на мало-стойкие (или нестойкие), быстро улетучивающиеся или испаряющиеся при обыкновенной температуре, и стойкие—жидкости с высокой температурой кипения, мало улетучивающиеся при обыкновенной температуре, мало разлагающиеся влагой. К первого рода газам принадлежит большая часть удушающих, ядовитых и чихательных «газов», почему для воздействия необходимо непрерывное насыщение ими отравляемого района, на прекращении которого, при наличии хотя бы слабого движения воздуха, он становится безопасным (может быть занят своими войсками). К газам стойким относятся газы слезоточивые и в особенности нарывные (иприт, люизит). При скольконибудь благоприятных условиях, как-то: отсутствие нагревания почвы солнцем, слабый ветер, местность, покрытая растительностью,—они могут заражать местность в течение многих часов, дней и даже недель (воронки от снарядов). Заражение ослабляется при низкой температуре атмосферного воздуха, например,

ночью, и может снова возродиться под влиянием нагревания почвы лучами солнца. Вследствие слабой испаряемости эти жидкости обладают весьма слабым запахом, к которому к тому же обоняние быстро привыкает, почему обнаружение их каплей на земле требует особого внимания. Места, ими отравленные, в ближайшие после отравления дни, могут быть заняты только с особыми мерами предосторожности; опасными в отношении отравления представляются всякие предметы, на которые попали капли жидкости (обувь, оружие, орудия).

По боевым свойствам газы можно подразделить на имеющие наименование: а) поражение живой силы противника (правлением большей или меньшей силы, для чего применимы газы удушающие, ядовитые, отчасти нарывные (испарениями) и чихательные (при больших концентрациях); б) для временного лишения противника боеспособности,—слезоточивые (даже при ничтожных концентрациях); в) для побуждения снять противогазы (если они несовершенного устройства) и лишения тем защиты от ядовитых газов,—чихательные; г) для длительного прекращения противнику доступа в желаемые районы, без специальных мер предосторожности, и создания тем отравленных преград, отравления его орудий, из которых он ведет стрельбу—нарывные. Все указанные подразделения газов по их свойствам характеризуют их только в общей форме, так как различные газы часто обладают одновременно несколькими свойствами, из которых какое нибудь одно представляется преобладающим.

Перечисленный класс боевых отравляющих веществ довольно трудно разграничить с различными дымами, которые могут быть совершенно безвредными и служить только для целей маскировки, но в то же время могут применяться в смеси с ядовитыми веществами и тогда служить для целей специального, или попутного с маскировкой, отравления. Маскирующие дымы применяются в виде дымовых шапек (для завес), в артиллерийских снарядах, в дымовых ручных грана-

тах, дымовых свечах, сумках; в морском и воздушном флоте, отчасти в танках, для их образования используются специальными аппаратами. В качестве дымородных веществ используются желтым фосфором, хлор-сульфоновой кислотой (ClSO_3OH), раствором трехкиси серы в концентрированной серной кислоте (олеум), серным ангидридом (SO_2), четыреххлористыми оловом, кремнием, титаном (SnCl_4 , SiCl_4 , TiCl_4), специальными дымородными смесями (Бергера). Для получения отравляющих свойств к этим дымам примешивают дифенил-дихлорарсин, хлористую ртуть, прехлористый мышьяк, хлорпикрин, снаряжая этими смесями артиллерийские снаряды и мины, или устраивая специальные свечи или цилиндры, которые при горении дают облака отравляющего дыма.

В качестве **зажигательных** веществ, применяемых в авиационных бомбах, артиллерийских снарядах и пулях, в ручных и ружейных гранатах, используются желтым фосфором, термитом (смесь алюминия и окиси железа), металлическим натрием, или же для борьбы пламенем используются специальными огнеметами (вернее, пламенем сжатого газа струю горячей жидкости, состоящей из смеси горючих масел, на растоянии (в зависимости от силы аппарата) от 100 до 400 футов).

Сигнальные цветные дымы, заменяемые ночью цветными огнями, и **осветительные** звездки бросаются специальными приборами, пистолетами, ракетами и артиллерийскими снарядами.

По отношению ко всем вообще отравляющим веществам необходимо отметить следующие их свойства, которыми они отличаются от обыкновенных боевых средств механического действия: они способны проникать повсюду, хотя бы в помещения недоступные для воздействия самых мощных артиллерийских снарядов; они насыщают сплошным образом весь заполненный ими район, воздействуя, таким образом, на все без исключения живые организмы, попавшие в пределы этого района; даже мало стойкие газы облада-

ют большей длительностью воздействия по сравнению с обыкновенными пулями или снарядами, действие которых мгновенно; сильные физиологические ощущения, в особенности в связи с облученной внезапностью, оказывают чрезвычайно сильное моральное воздействие; могут оказывать воздействие на живые организмы не только непосредственно, но и через зараженную местность, предметы, одежду, пищу и воду; при благоприятных условиях (влаги), некоторые О.В. действуют на металлические части оружия и других предметов военного назначения (телефоны). Даже при надежной защите противогазами, а тем более, при ношении специальной одежды, — непроницаемой или для каких газам (см. ниже), О.В. оказывают свое действие понижением боеспособности противника, так как даже самый совершенный противогаз все-таки стесняет дыхание и зрение, а специальная одежда крайне затрудняет испарения кожи. Однако, наряду с этим, надо упомянуть, что действия большинства О.В. в значительной степени зависят от состояния атмосферы, метеорологических условий, характера местности, покрывающей ее растительности и влажности и производят надлежательное действие при затрате их в большом количестве и при том с большим знанием дела и умением. Во всяком случае, химические средства борьбы находят себе большое применение для уничтожения или ослабления живой силы противника или его боеспособности; для создания районов, недоступных для пребывания без потерь или принятия специальных мер, затрудняющих или задерживающих боевые действия; для маскировки, связи и освещения и воздействия на живую силу огнем или непосредственно или через поджог занятых ими помещений.

После первоначальных попыток применения химических (слезоточных) веществ в артиллерийских снарядах, не имевших существенных результатов, германцы первые осуществили идею газового нападения помощью облака тяжелого газа, выпущенного из окопов, находящихся в непосредствен-

ной близости от противника и движимого на его расположение попутным ветром. Для этой цели они воспользовались применяемым в большом количестве для нужд промышленности хлором, как известно, легко сжижаемым под давлением в жидкость и поэтому удобным для доставки его к месту действия в стальных баллонах. Поднесенные заблаговременно в окопы, уставовленные по их линии за бруствером в вырытые для того рвы и прикрытые до употребления от выстрелов мешками с землей, баллоны соединяются шлангами по несколько штук вместе, что дает возможность опорожнять их последовательно через шланги, выброшенные за бруствер и снабженные специальными распылителями. Вытекающий из баллона под давлением жидкий хлор, обладающий большим удельным весом по сравнению с воздухом, да к тому же еще охлажденный при обращении жидкости в газ за счет скрытой теплоты кипения, сливаясь со струями соседних баллонов, образует сплошное тяжелое облако, метров в 5 высоты, стелющееся по земле и движущееся по ветру. При достаточном количестве выпускаемого газа (около 1.200 клгр. на 1 километр фронта в минуту), сообразованного со скоростью ветра и атмосферными условиями, облако, концентрация которого в начале падает довольно резко, сохраняет большую отравляющую способность на протяжении до 5 километров в глубину расположения противника, и на 10, даже до 15 километров все-таки оказывает отравляющее действие на попавшие в его сферу живые организмы.

Произведенная неожиданно против противника, не снабженного средствами газовой защиты, подобного рода газо-баллонная атака вначале наносила противнику огромные потери. Однако, наряду с этими положительными качествами она имеет целый ряд отрицательных и при том настолько серьезных, что даже при позиционных условиях уже к концу войны от нее стали отказываться. Прежде всего для такой атаки можно использовать только газы с большим удельным весом,

легко сжижаемые, почему кроме хлора удалось использовать с той же целью только фосген (в смеси с хлором и еще некоторыми примесями). Заблаговременная установка огромного количества баллонов в самых передовых линиях весьма сложна, трудно выполняема под огнем, требует большого времени и работ, легко может быть обнаружена заблаговременно противником. Защита от хлора и фосгена наиболее легко осуществима помощью противогазов, а потому противник, снабженный ими и своевременно их применивший, может часами оставаться в сфере газовой волны, без какого либо вреда, а по прохождении волны, когда атакующий вздумал бы вслед за ней овладеть подвергшимся газонападению участком, он окажется в состоянии отразить его атаку. Но самое главное—это то, что газо-баллонная атака находится в чрезвычайно большой зависимости не только от рельефа и характера местности, расположенных на ней местных предметов, местных течений атмосферного воздуха, но и от ветра, от котор. требуется постоянство направления в сторону противника и определен. пределы скорости (не меньше 1 и не больше 4-х метров в секунду). Вот почему подобная атака может быть осуществлена не на всяком участке позиции, только после тщательного изучения местных и метеорологических условий и иногда после целых недель ожидания благоприятного ветра. К концу мировой войны на газо-баллонную атаку стали смотреть только как на второстепенное средство, способное нанести некот. потери живой силе противника, заставить его шведовсти тревожную ночь, не связывая ее с какой либо тактической операцией. К концу войны техника выработала образцы более легких и легче подвижных баллонов. Повидимому, такого рода газовая атака не утратит некоторого значения и в будущем, но только в качестве вспомогательного химического средства нападения. За волной подобного тяжелого газа остается ценная способность распространяться (как бы течь) по оврагам, балкам и низинам на далекие расстояния (до 40

кил.), не утрачивая в значительной мере ее концентрации, и застаиваться в низких местах, особенно ценных для расположения войск в бою. При благоприятном направлении таких складок местности и ветре, при внезапности, в первые минуты газовая волна может доставить не мало тревоги, а отчасти и потерь противнику.

Указанные недостатки газобаллонной атаки, в особенности же чрезвычайная зависимость ее от местных и метеорологических условий, привели англичан к идее образования газового облака вдали от своих окопов в расположении противника. Для этой цели они стали применять специальные орудия-газометы, или, как принято их называть у нас, **химические минометы**, образцы которых, получивший широкое распространение, был разработан англичанином Ливенсом. Это — орудие простейшего устройства, состоящее из ствола, устанавливаемого грубо под требуемым углом или путем расположения его на божовой поверхности специально вырытой канавки, или помощью несложной подпорки. Газометы располагаются на большом фронте в количестве сотен и даже тысяч штук, соединяются в батареи, штук по 25, воспламеняемые одновременно с помощью электрических зазоров. Они выбрасывают мины с ожигонным газом на расстояние до 3.000 (и даже до 4000) метров, которые, падая одновременно на назначенную площадь и разрываясь, образуют газовое облако весьма высокой концентрации. Если противник застигнут таким образом врасплох, потери его неминуемы; но если даже он воспользовался противогАЗами, концентрация газа в облаке в первое время его образования настолько велика, что при несовершенном их устройстве он может «проскочить» через их поглотители и произвести отравление. Только чрезвычайное внимание, своевременная тревога, поданная немедленно после того, как замечены выстрелы газометов и послышался шум летящих мин, могут до некоторой степени предотвратить опасность. Однако, время полета мин настолько невелико (около 1 ми-

нуты) по сравнению с тем, какое требуется для передачи тревоги и надевания противогазов, что потери почти неизбежны. Первоначально установка газометов требовала 1—2 суток подготовительных работ, при чем после их установки залпы можно было повторять. К концу войны уже появились более совершенные образцы маневренных химических минометов, возимых на колесах и потому легче сосредоточиваемых для действия. Этот вид газового нападения, по видимому, имеет будущность.

Первые не вполне удачные попытки применения **артиллерийских химических снарядов** не остановили их дальнейшего усовершенствования; наоборот, стрельба ими к концу войны стала столь существенным видом газового нападения, что, например, в германской армии около $\frac{1}{4}$ всех снарядов было химических. Стрельба химическими снарядами производится из орудий всякого типа и калибра (пушек, гаубиц, мортир, минометов, причем снаряды могут быть снаряжены любым типом боевого газа. Устройство химических артиллерийских снарядов и взрывателей к ним весьма разнообразно. Кроме специально химических, не содержащих разрывного заряда из взрывчатого вещества (за исключением небольшого его количества, назначаемого для вскрытия снаряда и распыления химического вещества), к концу войны были выработаны типы осколочно-химического действия с большим разрывным зарядом, наносящие поражение не только газами, но и осколками. Есть основания предполагать, что в будущем всякий артиллерийский снаряд будет заключать в себе хотя бы небольшое количество боевого газа.

Стрельба химическими снарядами представляется наиболее гибким способом химического нападения, применимым во всяких боевых действиях, за исключением неблагоприятных метеорологических условий. Представляя собой одну из разновидностей действия артиллерии, она обладает одинаковыми боевыми свойствами с обычной артиллерийской стрельбой: внезап-

ность, быстрота нападения, действие на далекие дистанции на любом участке расположения противника, применима на любой местности. Но на ряду с этим все таки необходимо отметить, что при не-стойких газах она находится в значительной зависимости от метеорологических условий: на открытом месте некаждна, если скорость ветра превышает 3 метра в секунду, а при скорости 7 метров в сек.—на всякой местности безрезультатна. Она требует для исполнения больших знаний, умения, организации и—для большинства видов газов и способов нападения—весьма большого количества снарядов. Во время мировой войны расход снарядов достигал десятков и даже сотни тысяч в день боя. Для не-стойких газов лес или заросли увеличивают ее действительность; болотистый грунт, глубокий снег, сильный мороз, летний солнечный день—уменьшают. Стрельба стойкими газами (ипритом) носит несколько иной характер: она не требует столь напряженного огня и сопряжена с меньшим расходом снарядов. Но нельзя упускать из виду, что зараженный таким газом район остается газоопасным и на случай продвижения на него своих войск.

В общем, вопрос об артиллерийской стрельбе химическими снарядами подвергается самым различным суждениям. Несомненно, что при условиях позиционной войны, когда на небольшом участке фронта могут быть сосредоточены сотни орудий и к ним подвезены сотни тысяч снарядов, она будет иметь такое же значение, какое имела в конце мировой войны; но такие условия совершенно невыполнимы при обстановке маневренной войны. Во всяком случае, даже при маневренной обстановке, стрельба снарядами с не-стойким газом, можно заставить противника надеть противогазы и тем понизить его способность к боевым действиям, а стойкими газами сделать для него невозможным пребывание на обстреливаемой площади, без риска понести большие потери; поэтому надо ожидать, что и при маневренном характере боевых столкнове-

ний артиллерийская стрельба химическими снарядами будет иметь значение.

Из остальных разнообразных способов газового нападения можно отметить применение ручных гранат, преимущественно со слезоточивыми газами, для временного ослепления противника в ближнем бою; ружейную гранату, с дальностью бросания на 300—400 шагов, с такими же газами или желтым фосфором, которая применялась при борьбе с пулеметными гнездами; заблаговременное заражение местности стойким газом, дабы сделать ее непроходимой для противника без потерь в живой силе или без затраты времени и средств на ее обеззараживание.

Минувшая война не дала применения химических средств в авиации и во флоте, между тем, как такое их использование не только вполне целесообразно, но может дать весьма богатые результаты. Обладая способностью весьма быстро и глубокого проникания в пределы страны противника, авиация в первые же часы после начала войны будет атаковать такие населенные, административные, промышленные и железнодорожные пункты, которые составляют жизненные узлы государства, и поражение которых может до крайности затруднить мобилизацию армии, ее сосредоточение, снабжение всем необход. для боевых действий. При подобном роде нападениях, несомненно, будет в значительной мере страдать и мирное население, с особенн. от газов, защита от которых для него крайне трудно осуществима. Возможно ожидать, что при ожесточенности войны, которую нам приходится наблюдать при современном столкновении народов, противник сознательно будет избирать себе целью мирные крупные центры населения, стараясь с первых же дней подорвать психологическое состояние масс, которое, несомненно, должно отзвучаться не только на состоянии духа армии, но, может быть, даже и преждевременно предупредит исход столкновения. Та же авиация найдет широкое применение во всякого вида боевых дей-

ствиях войск, проникая в глубокие тылы противника, отравляя места его расположения на отдыхе, пути сообщения, преграждая проходы в различных дефиле заражением их стойкими газами, поражая сражающихся газами с воздуха. Образующиеся аэропланами дымовые завесы, достигающие уже теперь $1\frac{1}{2}$ километров длины и до 200 метров высоты, дадут авиации мощные средства маскировки в воздушных боях. Произведенные уже после войны опыты применения газов против боевых судов с достаточной убедительностью доказали, что и суда подвергаются в значительной мере отравлению, производимому мощными бомбами, сброшенными с аэропланов. В этом случае газовое нападение, понизив боеспособность корабля, тем даст большую возможность произвести на него более успешное нападение с воздуха же фугасными бомбами, сила которых в современных образцах столь велика, что может вывести корабль из строя одним удачным попаданием. Военные суда в широкой мере будут пользоваться химическими средствами для образования дымовых завес и масок всякого рода, могущих их скрыть от наблюдения с морских и воздушных судов противника. Несмотря на большие технические достижения в этой новой области применения химических средств нападения, тем не менее, за отсутствием боевого опыта, трудно предсказать вполне определенно их будущее. В течение ряда веков можно наблюдать непрерывное усовершенствование и развитие всевозможных средств и способов нападения, мирное испытание которых приводит некоторых к заключениям о полной невозможности борьбы против них; но тем не менее, мы наблюдаем, что подобная борьба не только осуществляется, но и приобретает такие новые и при том длительные и упорные формы, которые невозможно было предвидеть. Несомненно только то, что средства химического нападения отныне будут столь же необходимым средством борьбы для всякого рода вооруженной силы, каким давно уже стало огнестрельное оружие.

Незыблемый закон о том, что против всякого яда есть противоядие, в широкой мере оправдался и в деле химической войны.

Начиная от первых примитивных средств защиты от газа, в виде мокрой тряпки, покрывания шинелью или сырой землей, пощучно с нарастающим и развитием химических средств нападения создавались и совершенствовались средства и способы газозащиты. История их развития во время мировой войны представляет собой поучительную картину «борьбы газа с противогазом», аналогичную борьбе пушки с броней, и, вообще, обороны всякого рода нападением. С самого начала газозащита пошла по двум путям—средств индивидуальной защиты и групповой.

Индивидуальная защита сначала выполнялась в форме повязок, пропитанных нейтрализующими газы веществами, надевавшимися на рот и нос, и очков, или в виде шлемов из мягкой материи, также пропитанной противогазовыми поглотителями, покрывавшими всю голову, со стеклами против глаз. Неудобство таких влажных противогазов, заключавшееся, прежде всего, в необходимости применения все новых и новых нейтрализующих веществ против вновь вводимых в действие боевых отравляющих веществ, побудило к созданию такого противогаса, который защищал бы от всякого боевого газа, какова бы ни была его химическая природа. Творческая мысль пошла по двум направлениям: или создать такой аппарат, который вовсе изолировал бы пользующегося им от внешнего воздуха и доставлял бы необходимый для дыхания кислород из запасов (хотя бы в химическом соединении), заключенных в том же аппарате; или же, считая, что отравленный газами воздух содержит еще достаточно кислорода для дыхания, устроить такой прибор, через который он поступал бы для дыхания, освобождаясь по пути от присутствия всяких газов действием особого полизалетного поглотителя. Первого рода аппараты уже имели применение для мирных целей, хотя бы в некоторых слу-

чаях для работы в шахтах или вообще таких местах, которые наполнены газами, негодными вообще для дыхания. Однако, применявшие их, даже в виде специально приспособленных для военных требований образцов, не могли получить широкого распространения вследствие их сложности, большого веса, малого времени действия и целого ряда других их свойств, крайне стесняющих пользование ими в боевых условиях. Аппараты этого типа применяются только в некоторых случаях специальными командами и лицами, которым приходится работать в атмосфере настолько насыщенной боевыми газами, что она становится совсем непригодной для дыхания. Аппараты второго типа получили конструкцию непроницаемой для газов маски, плотно надеваемой на лицо, с отверстием, сообщаемым непосредственно или помощью гибкой трубки с коробкой, наполненной поглощающими газы веществами. Протв глаз в маске имеются отверстия, закрытые стеклами или пластинками из прозрачного и небьющегося материала. Принимаются различные меры против запотевания стекол от дыхания. При вдыхании воздух не может попасть под маску иначе, как через коробку с поглотителем; при выдыхании он направляется или через нее или через особый выпускной клапан. В качестве поглотителя первоначально у нас, по предложению проф. Зеллинского, а затем повсюду, был принят мелкий древесный уголь, который, как известно, обладает большой способностью поглощать газы и пары. Для увеличения способности к поглощению уголь подвергается особой обработке, увеличивающей его пористость, и в таком виде называется активированным. Наилучшим считается животный уголь, уголь из скорлупы кокосовых орехов и вообще плодовых косточек, хотя германцы получали хорошие сорта активированного угля и из сосны. Применение газов высокой концентрации, получавшейся при газометании, заставило ввести в поглотитель еще некоторые химические вещества, способствующие быст-

роте поглощения. Применение арсинов, распыляемых в виде тумана, проникавшего через поглотитель и возбуждавшего такое чихание, что носящий противогаз принужден был его снимать и оставаться беззащитным от других газов, было парализовано введением специального фильтра, не пропускающего тумана. Наконец, дополнительным усовершенствованием в отношении состава химических веществ поглотителя, удалось задержать и наиболее опасный газ — окись углерода, которую обыкновенные поглотители не могли удержать. В общем, в течение мировой войны противогаз прошел через целый ряд испытаний и усовершенствований, и уже к концу ее были образцы, которые настолько мало стесняли дыхание, что носящие их могли оставаться в них целую неделю, даже во время сна, снимая их только на короткое время для принятия пищи. После войны все государства настойчиво продолжали работать над усовершенствованием противогаза, и из литературы известны современные его образцы, безусловно защищающие от всяких газов и паров в течение нескольких часов времени. По израсходовании поглотительной силы коробка противогаза легко может быть заменена новой.

Групповая защита, естественно, не могла дать каких либо широких достижений уже в силу того только, что обезвредить от присутствия вредных газов большое пространство, ими зараженное, нет возможности без затраты больших средств и большого времени. Главным деятелем при этом является сама природа в виде влияния атмосферной влаги, ветра, влаги почвы и пр. Но небольшие, хорошо изолированные от внешнего пространства помещения, в виде газоубежищ, крайне необходимые для возможности смены противогазов, подачи помощи раненым и газоотравленным, для органов управления и, наконец, просто для передышки находящимся продолжительное время во внешней отравленной атмосфере, стали применяться после первых же газовых атак. В качестве газоубежищ пользуются хоро-

по закрытыми от попадания снарядов (блиндированными) помещениями, снабжаемыми одним только выходом, закрываемым занавесами из материи, пропитанной веществами, не пропускающими вредных газов. Двери делаются двойными, с тамбуром, достаточным для того, чтобы вошедший мог в нем предварительно очистить обувь и одежду от нарывных веществ, или чтобы в нем могли поместиться носилки с раненым. Помощью специальной трубы помещение сообщается с фильтром, состоящим из ямы с перегнойной землей или опилками, пропитанными поглощающими газы веществами, со дна которой и идет труба в газоубежище, помещаемое обычно ниже горизонта земли. Внутри газоубежища у трубы ставится вентилятор, приводимый в действие от руки или электрической энергией, магнетающий в помещение воздух, прошедший через фильтр и освобожденный от вредных газов. Таким путем происходит постоянная смена воздуха в газоубежище, так как вследствие работы вентилятора внутри газоубежища образуется небольшое давление, побуждающее испорченный дыханием воздух выходить наружу через щели дверей. Это же давление препятствует наружному воздуху проникать в газоубежище через те же щели.

Для обезвреживания уже отравленного воздуха в закрытых помещениях и для удаления его из низких мест, в которых он обыкновенно накапливается, применяются различные вспомогательные средства газозащиты: небольшие костры, разводимые на дне заполненных газом углублений или на полу отравленных помещений, которые, нагревая воздух, способствуют его циркуляции и обновлению; разбрызгивание поглощающих газы жидкостей помощью специальных гидропультов; спуска, помощью которых удается разгонять застоявшиеся газы из низины (рвов, окопов).

Нарывные отравляющие вещества (иприт) в достаточной мере обезвреживаются хлорной известью, проходя через которую пары иприта (но не сама жидкость) поглощаются. Из это-

го видно, что для обезвреживания от иприта какой либо зараженной площади требуется не малое количество хлорной извести и достаточное покрытие ею отравленного района. Пары иприта легко проникают через всякую обыкновенную одежду, почему единственным средством предохранения от их действия всего тела представляется одежда из специальной материи, вовсе непроницаемой ни для каких паров или газов, в том числе и для воздуха; во всяком случае, весьма необходимыми для работающих на отравленных районах, помимо противогазов, непроницаемые перчатки и обувь для людей и такая же обувь для лошадей. Довольно удовлетворительно предохраняет смазывание всего тела специальными мазями, произведенное до того времени, пока пришлось погасть в отравленный район. Пища предохраняется заворачиванием в особую непроницаемую для иприта бумагу.

Животные (лошади, военные собаки) страдают от отравляющих веществ несколько в меньшей степени, чем человек; однако, для тех из них, которые попадают в районы с высокой концентрацией газов, также необходимы противогазы, а от нарывных веществ — обувь, без чего они гибнут. Для почтовых голубей устраиваются специальные газозащитные голубятни, снабженные фильтрами.

Одним из существеннейших средств газозащиты представляется своевременное предупреждение о газонападении, после которого возможно бы было успеть принять надлежащие меры, например, успеть надеть противогаз. Это обстоятельство с первых же дней породило необходимость в установлении специальной службы химической обороны, заключающейся в целом ряде мероприятий: производится специальная химическая разведка местности, выясняющая свойства занимаемого войсками района в отношении благоприятности газового нападения со стороны противника (а также разведка его расположения для осуществления нападения с нашей стороны); устанавливается метеороло-

гическая служба, состоящая из постоянных наблюдений за состоянием атмосферы помощью метеорологических приборов, которыми снабжаются наблюдательные посты, в особенности за направлением и скоростью ветра; в последнем отношении производится тщательное изучение местных условий, так как те близкие к почве движения воздуха, которые представляются особенно интересными в отношении возможности газовой атаки, находятся в весьма большой зависимости от рельефа местности, находящихся в пределах района водных, влажных или лесных пространств, общего состояния атмосферы, радиации солнца, времени суток и пр.; расставляется сеть специальных постов для наблюдения за деятельностью противника в отношении применения всяких способов газонападения и для быстрой передачи газовой тревоги, снабжаемых для этой цели специальными сигнальными средствами (световыми и звуковыми, воспроизводящими звук без участия дыхания человека); в войсках устанавливается строжайшая газовая дисциплина, состоящая из ряда обязательных правил, выполняемых как в отношении порядка пребывания в угрожаемых по газонападению районах, так и по принятию мер защиты в случае газовой тревоги и по ее передаче соседним войскам и пр.

Несмотря на все указанные меры, нет никакой почти возможности предохранить вовсе войска от потерь при газонападении. Причиной тому служит обычная внезапность таких нападений, наиболее благоприятным условием для которых — и в отношении внезапности и в отношении метеорологических условий — представляется ночь, когда большинство войск находится на отдыхе и потому не может в короткое время, со сна, принять соответствующие меры защиты. Указанное обстоятельство побудило проинвестировать целый ряд изысканий для устройства таких автоматически действующих приборов, которые, будучи поставлены на передовые пункты, в случае движения газовой волны со стороны противника, тотчас же дава-

ли бы знать каким либо сигналом о начавшемся нападении. До сего времени, однако, не удалось осуществить такого газопредупредителя, который функционировал бы с достаточной скоростью по сравнению с тем периодом времени, в течение которого, даже при слабом ветре, волна уже успевает достигнуть района расположения войск. Лучшим средством до сего времени оказывается человеческое обоняние и наблюдение, почему для предупреждения о нападении обычно выставляются, насколько возможно ближе к противнику, специальные газовые секреты из опытных людей, на обязательность которых возлагается своевременное обнаружение газонападения и немедленное сообщение о нем соответствующими сигналами или по телефону. Не малое затруднение представляет также задача определения природы выпущенного противником газа, «маскируемого» обычно примесями различного запаха. Многие газы удается определить особыми газоопределятелями, основанными на реагировании определенных химических веществ (на цвет) с соответствующими газами; но газоопределятеля, который давал бы реакцию на все газы, до сего времени осуществить не удалось.

Из сказанного о газовой обороне достаточно видно, насколько она требует больших, тщательно продуманных, соображенных с местными условиями и организованных мероприятий не только со стороны органов газовой обороны, но и со стороны обороняемых. Вот почему мысль о возможности будущих газовых нападений на мирное население, среди которого заключается к тому не малое число лиц, вовсе неспособных к принятию личных мер защиты (дети, больные, старики и пр.), внушает всем такую живую тревогу.

То широко значение, которое не может не иметь химическая война в будущем, ее новизна и результаты ежедневных достижений в области применяемых для нее средств естественно приковывает на себе всеобщее внимание. Опираясь на опыты мирного времени и соображения о приложе-

нии их в войне будущего, многие рисуют себе столь кошмарные картины ее, которые превосходят всякое воображение. В этих ужасах есть, конечно, своя доля правды; однако, наряду с этим, есть и большое количество неправильной оценки материала и невольных, может быть, преувеличений. Дать правильную объективную оценку химической войне в будущем, предсказать ее формы и ее последствия не представляется возможным; однако, несомненно, что заложенный в самой природе всякого живого мира инстинкт самосохранения, сохранивший человечество в течение столь долгого ряда столетий, и на этот раз окажет свое могущественное влияние. Наряду с совершенствованием средств химического нападения будут совершенствоваться и средства защиты, чему мировая война уже дает нам необычайно яркое доказательство, и в окончательном результате химическая война, представляя собой могучий вид вооруженной массовой борьбы, должна будет войти в такие же нормы, в какие выливались предшествующие ей средства нападения, казавшиеся вначале их появления столь же ужасными.

Е. Смысловский.

IX. ФИНАНСИРОВАНИЕ ВОЙНЫ.

Мировая война стоила человечеству беспримерных жертв в виде человеческих жизней и сил и материальных ценностей. Если иметь в виду не только потери, непосредственно понесенные народами, участвовавшими в войне, но и те, которые, прямо или косвенно, были причинены как воевавшим, так и нейтральным странам, вследствие вызванного войной глубокого расстройтва хозяйственной, общественной и интеллектуальной жизни во всем мире, то никакими статистическими подсчетами невозможно было бы подвести этого итога. Более или менее точно, хотя все же приблизительно, учет поддаются только цифры убитых и раненых (см. XI, прил., табл. 1—6), материальных потерь, в виде разрушенного и погибшего имущества, и денежных издержек, произ-

веденных государствами-участниками войны на подготовку и ведение военных действий. Для вопроса о финансировании войны представляет интерес именно последняя цифра.

Стоимость мировой войны, как сумма денежных затрат со стороны воевавших государств, определяется не одинаково различными исследователями этого вопроса. Разница в произведенных до сих пор подсчетах зависит от периода времени, к которому они относятся, и издержек, принятых при этом во внимание. Главнейшие из этих подсчетов таковы: статистический отдел Генерального Штаба Сев.-Американ. Соед. Штатов определяет прямые издержки войны, т.-е. расходы, непосредственно связанные с ее ведением, в 186.000.000.000 долларов (около 361,5 млрд. зол. руб. по паритету). Французский автор Шленгер исчисляет расходы всех воюющих держав к началу 1919 г. приблизительно в 900 млрд. франков (по паритету 337,5 млрд. зол. руб.). Зелигман и Краммонд дают цифру 210 млрд. долл., Богарт—186 млрд. долл., Готтлиб—192 млрд. Американский исследователь Фридмац, приводя сведения последних четырех авторов, принимает в качестве приблизительной цифры расходов на мировую войну 200 млрд. долл. (388,7 млрд. зол. р.). *Военные издержки воевавших государств в миллионах долларов за 4½ года, начиная с 1 августа 1914 г. (по подсчету Богарта).*

Соед. Штаты	32.080.
Великобритания	44 029.
Канада	1.665.
Австралия	1.423.
Нов. Зеландия	378.
Южная Америка	300.
Индия	601.
Колонии и др. влад. Великобрит	125.
Франция	25.812.
Россия Европ.	22.593.
Италия	12.313.
Бельгия	1.154.
Сербия	399.
Румыния	1.600.
Греция	270.
Япония	40.
Остальные союзники Антанты	500.
ИТОГО	145.287.
Германия	49.150.
Австро-Венгрия	20.622

Турция	1 430.
Болгария	815.
	<u>ИТОГО . . . . . 63.018</u>
	<u>ВСЕГО . . . . . 208.305</u>

Стоимость мировой войны превышает более, чем в 11 раз общую стоимость всех войн за 120 предшествовавших лет (1793—1913 г.). За это время было 17 более или менее крупных войн, которые стоили участвовавшим в них государствам 18.423 милл. долл. (около 36 млрд. зол. руб.).

Шлеппер рассчитал, что мировая война обошлась почти в 13 раз дороже всех войн, происходивших в течение предшествовавшего полувека. Что же касается отдельных войн прежнего времени, то стоимость их представляется ничтожной по сравнению с тем, что было израсходовано на мировую войну. По словам того же автора, Крымская кампания потребовала от Англии, Франции, России и Пьемонта 8,5 млрд. фр. (3,2 млрд. золотых руб.). Франко-Прусская война 1870—71 г. стоила Франции 10 млрд. фр. (3,7 млрд. зол. руб.), включая контрибуцию, возмещение убытков пострадавшим общинам и частным лицам и пр., и Германии — 2 млрд. фр. (750 милл. зол. руб.). Русско-Турецкая война 1877—78 г. стоила 6,5 млрд. фр. (2,43 млрд. зол. руб.), а Русско-Японская — 11 млрд. фр. (4,12 млрд. зол. руб.) обоим сторонам. Колоссальная стоимость мировой войны распределяется неравномерно между ее участниками. Уже в первые месяцы войны выяснилось, что военные издержки держав Антанты в два раза превышают издержки Германии и ее союзников (Фогель). В конечном итоге, на долю держав Антанты приходится в 2 раза больше издержек, чем на долю центральных держав и их союзников; неравномерно распределяются издержки и внутри каждой коалиции.

Среди держав Антанты первое место по величине военных издержек занимает Британская Империя (Англия с колониями и доминиянами), затем следуют Соед. Штаты, Франция, Россия, Италия, Бельгия, Румыния и Сербия. На противоположной стороне во главе стоит Германия, после которой следу-

ют: Австро-Венгрия, Турция и Болгария. В сумму издержек входят и те средства, которые великие державы давали займы своим союзникам. Эти средства распределяются след. обр.: Великобритания дала своим союзникам почти 8,5 млрд. долл., Франция — 1,8 млрд., Германия — 2,2 и Соед. Штаты — 9 млрд. В вышеприведенном подсчете междусоюзнические долги вошли в счет издержек, как держав-кредиторов, так и тех, которые получили их, вследствие чего они считаются два раза. Если вычесть их из общего итога, приведенного выше, то чистые военные издержки, по исчислениям Богарта, составят 208 млрд. долл.

Приведенные подсчеты дают только приблизительное представление о величине военных издержек или стоимости мировой войны. Это понятие само по себе очень растяжимо и по этому одному уже неточно. Кроме того, приведенные цифры получены, как указывает цитируемый автор, посредством перевода не-американских валют в доллары по монетному паритету. Таким образом, не принято во внимание обесценение европейских валют. Между тем, насколько значителен этот фактор, видно, напр., из того, что к концу февраля 1920 г. по отношению к американскому доллару английский фунт стерлингов был обесценен на 30%, французский франк — на 64%, бельгийский франк — на 62%, итальянская лира — на 72% и германская марка — на 96%.

Источники финансирования войны.

Для покрытия издержек по ведению войны существуют только три возможных источника, если не считать отчуждения территории и других государственных имуществ. Это — повышение налогов, внутренние и внешние займы и выпуск бумажных денег. Всеми этими источниками пользовались государства, участвовавшие в мировой войне. Но относительное значение упомянутых источников не было одинаково с финансовой политике отдельных участников войны. В этом отношении определились два направления, которые можно назвать по странам, особенно резко следовавшим им, гер-

манским и английским, или англо-американским. Германия с самого начала войны положила центр тяжести ее финансирования на займы и эмиссию, рассчитывая, что ей удастся скрыть военные издержки из контрибуции, которую она возьмет с побежденных противников. «Те, которые вызвали войну, — заявил министр финансов Гельферих в Рейхстаге, — обречены влячать за собой через будущие столетия свинцовый груз этих биллионов». В другой своей речи тот же оратор сказал, что имперское правительство совершенно исключает покрытие военных расходов из налоговых источников, оговорившись, однако, что это, конечно, не значит, что в дальнейшем не придется прибегнуть к налоговому прессу, в особенности для платежа процентов по займам. В начале войны предполагалось, что война будет вестись на эмиссию и займы, а проценты по долгам будут оплачиваться из налоговых источников.

Германская система мотивировалась в печати следующими соображениями: 1) ряд налоговых реформ, проведенных до войны в империи и отдельных государствах, усилили налоговое бремя, вследствие чего трудно было бы получить от плательщиков значительные суммы на военные расходы; 2) требования, предъявляемые к платежным средствам населения, и без того всегда увеличиваются с самого же начала войны в виду расходов, которые приходится производить гражданам для оказания помощи пострадавшим участникам военных действий; 3) сильное обложение уже в первый период войны неблагоприятно отражается на отношении населения к военным займам, без которых обойтись все равно невозможно, и сокращает источники для их покрытия; 4) начало войны, неизбежно связанное с нарушением нормального течения хозяйственной жизни страны и потрясением кредита, неблагоприятно для усиления налогового бремени путем прямого обложения; 5) косвенное же обложение исключается удорожанием жизни, вызываемым войною.

На основании изложенных сообра-

жений, Германией было обращено преимущественное внимание на кредитные операции и на использование Импер. Банка и других эмиссионных банков для усиления текущих средств государственного казначейства.

В Англии получил преобладание другой взгляд, в силу которого центр тяжести в финансировании войны должен быть положен на обложение и, прежде всего, на прямые налоги. Преимущества этой системы усматривали в том, что она с самого начала ставит население перед реальной необходимостью нести крупные жертвы для ведения войны и соответственно устраивать свою жизнь. Тяжелое обложение понижает покупательную силу населения и заставляет его сокращать свои обычные расходы, отказываясь от удовлетворения потребностей, не представляющих необходимости. Вместе с тем, высокие налоги, отвлекая плательщиков от покупки предметов, без которых можно обойтись, сокращают и производство таких предметов, освобождая силы и средства для работы на оборону. Высокое обложение, ложась тяжелым бременем на граждан страны и урезывая их покупательную силу, зато сохраняет покупательную силу денег, и если не устраняет совершенно, то сокращает инфляцию всеми ее пагубными последствиями. Обесценение денег, выражающееся в повышении цен на товары и удорожании жизни, в сущности, является косвенным обложением населения, крайне несправедливым и тяжким по своей неопределенности. Говоря об обложении, сторонники изложенной теории имели в виду, прежде всего, доходный налог, который, действительно, и сыграл в Англии очень важную роль, как орудие финансирования войны.

В основе английской политики в области военных финансов лежала мысль, что тяжесть войны должна ложиться, главным образом, на поколение, ведущее ее, и не может быть переложена на будущие поколения, у которых будут свои заботы и потребности и, может быть, свои войны. Богарт характеризует английскую систему финансирования войны, как «налоговую

политику, подкрепленную кредитом, хотя во все времена зависимость от налогов была сильнее, чем пользование налогами».

Ллойд-Джордж, внося в палату, в качестве канцлера казначейства, первый военный бюджет (17 ноября 1914 г.), задал принцип финансирования войны, по возможности с помощью налогов, следующими соображениями: «Легче — сказал он — повышать налоги в период войны и понижать их в мирное время, чем повышать даже относительно низкие налоги во время мира... Под угрозой непосредственной опасности люди охотно расстаются с чем угодно, лишь бы предотвратить бедствие, угрожающее стране, которую они любят... Каждый 20 миллионов, взятые в год во время войны, составляют уменьшение на 4 или 5 миллионов тех постоянных тягот, которые будут наложены впоследствии на страну».

На практике некому не удавалось вести войну исключительно с помощью налогов, но Англия всегда держалась правила, что возможно большая часть военных издержек должна покрываться посредством обложения. Во время Наполеоновских войн и Крымской войны доля военных расходов, покрываемая из налоговых источников, доходила до 47%, но в период мировой войны она составила всего 28%. В виду небывалых военных издержек, и Англия пришлось, наряду с сильным увеличением налогов, заключать займы на значительные суммы и прибегать к бумажной денежной (казначейской) эмиссии.

Критика упрекала руководителей английскими финансами в том, что они с самого начала недостаточно пользовались обложением для покрытия военных издержек, вследствие чего явились чрезмерное увеличение государственного долга и инфляция. Тем не менее, Англия больше, чем какая-либо другая страна, исключая Америки, которая следовала той же политике, сделала все возможное для того, чтобы финансировать войну без излишнего обременения будущих поколений. Оценивая военно-финансовую политику Англии, американец Гарвэ Фиск замечает в своей книге о госуд. финансах

Англии: «Англичане и редакторы их газет нападают на свое правительство и критикуют его. Но наблюдателю на расстоянии 3.000 миль, спокойно изучающему цифры без всякой другой цели, кроме констатирования фактов, достигнутые (Англией) результаты представляются почти чудесными».

Принципиальные различия между англо-американской и германской системами в значительной степени сгладились на практике: Германия не избежала усиленного обложения, а Великобритания — крупной задолженности. Тем не менее, исходные положения обеих систем различны, и это различие резко проявлялось бы и на практике, если бы необычайная продолжительность мировой войны не заставила воюющие государства использовать все возможные источники финансирования. Самый выбор той или другой системы финансирования войны не зависит от воли народных представителей и финансовых руководителей страны. Решающее значение имеет ряд политических и экономических факторов, из числа которых первостепенное, если не первенствующее, место принадлежит экономическому и финансовому состоянию страны, определяющему ее военные ресурсы. Англо-американская система, возлагающая финансовую тяжесть войны, главным образом, на современное поколение, не всякой стране по плечу. Помимо соответствующих условий государственно-политического и морального характера, она, во всяком случае, предполагает высокий уровень народного благосостояния и устойчивое положение государственных финансов. В виду этого не лишено основания мнение, что «каждый народ, когда вспыхивает война, бывает связан наличными факторами своих финансовых возможностей, так что свобода выбора военно-финансовой политики, большей частью, только кажущаяся или, во всяком случае, тесно ограничена» (Кэппе).

Англия. Общая сумма госуд. расходов Англии за шестилетний период войны, 31 марта 1914 г. — 31 марта 1920 г., составляет 11,267 милл. фунтов стерл. Из этой суммы 3.605 милл.

фунтов были получены из нормальных источников, 466 милл. фунтов — путем военных контрибуций, продажи военного имущества и от промышленных предприятий казны, и 7,196 милл. фунт. при помощи займов. Таким образом, поступления из нормальных источников составляют 36,13% общей суммы произведенных расходов, а средства, полученные при помощи займов—63,87%. Госуд. расходы Англии за 6 лет войны превысили сумму ее госуд. расходов за 225 предшествующих лет (1688—1914). За весь этот период, отделяющий великую английскую революцию от мировой войны, было израсходовано государством только 10,944 милл. фунт., т.-е. на 323 милл. фунт. меньше, чем в шестилетний период 1914—1920 г.г. Конечно, при этом надо иметь в виду различную популяционную силу денег на протяжении времени, охватывающего более 2-х столетий.

Из приведенной выше суммы госуд. расходов издержки собственно на ведение войны составляют, по исчислению Гарве Фисва, 10,208 милл. фунт., из которых 28,74% приходится на облигации и 71,28% — на займы. По годам военные издержки Англии составляли в милл. долл. (1 фунт стерлинг. равен по паритету 4,866 долл.):

В 1914—15	2.802,3
„ 1915—16	7.795,7
„ 1916—17	10.910,5
„ 1917—18	13.481,1
„ 1918—19	13.896,5 (Богарт.)

Государственный долг Англии перед войной на 1 августа 1914 г. составлял 653,3 милл. фунт., из которых 616,3 милл. фунт. приходилось на долгосрочные займы и 31 милл. фунт.—на краткосрочные. В первое время по объявлении войны правительство прибегало преимущественно к краткосрочным займам, а в последнее время получили преобладание сравнительно долгосрочные займы. На 1 августа 1914 г. долгосрочные займы составляли 94,3% всей задолженности, а краткосрочные — только 5,7%. Затем в ближайшие два года доля долгосрочных долгов понижается, а краткосрочных — увеличивается. На 31 марта 1916 г. первые составляют 64,3%, а последние — 35,7%. В даль-

нейшем происходит обратное движение, и на 31 марта 1919 г. долгосрочные займы составляют уже 76%, а краткосрочные — только 24%. Последнее отношение является характерным и для общей суммы долгов, заключенных в шестилетний период 1914—1919 г.г.

Значительная роль краткосрочных займов, особенно в начальном периоде войны, является характерной особенностью английской системы финансирования мировой войны. Некоторые исследователи, напр. германский автор Вильв, ставят указанную особенность в заслугу руководителям английских финансов, в отличие от политики германского правительства в этом вопросе. При помощи краткосрочных займов, к которым широко прибегала также Франция, английскому правительству удалось извлечь из оборота крупные суммы, которые охотно вкладывались их собственниками в краткосрочные бумаги. В дальнейшем краткосрочные займы в значительной части обращались в долгосрочные при помощи конверсий. При заключении займов Англии пользовалась преимущественно старыми источниками. Из общей суммы новых займов, произведенных в период 1914—1919 г.г. на сумму 6,871,7 милл. фунт., на долю старых источников приходится 4,800 милл. фунт., или 70%, а на долю новых, к которым раньше вообще не прибегали, 2,071 милл. фунт., или 30%.

Как только вспыхнула война, правительство, не имея еще возможности заключить заем, прибегло к помощи Английского Банка, воспользовавшись для этой цели испытанной формой авансов под будущие поступления налогов, Ways and Means Advances. Для пояснения этой формы кредита надо иметь в виду порядок прохождения бюджета в английском парламенте. Для рассмотрения бюджета Палата Общин в полном составе превращается в Комитет (Committee of the whole House). При этом образуются две рабочих комиссии. Одна — Committee of Supply, рассматривает содержащиеся в госуд. росписи сметы расходов (Estimates), подлежащих ежегодному

вотированию, а другая комиссия — Committee of Ways and Means, рассматривает подвижную часть доходной сметы. В виду того, что поступление госуд. доходов часто не совпадает по времени с производством госуд. расходов, правительству, в таких случаях, приходится прибегать к краткосрочным кредитам, с помощью которых антиципируются предстоящие поступления. Подобные кредиты вначале XIX ст. получались правительством путем учета в Английском Банке краткосрочных обязательств — Deficiency Bills. С 1867 г. последние были заменены простым кредитованием Английским Банком Госуд. Казначейства в форме «открытых» кредитов, т.е. авансов (Deficiency Advances). Но эти виды кредитов имели целью выполнение временных задержек в поступлениях по «консолидированному фонду», т.е. той части расходного бюджета, которая не рассматривается ежегодно. Между тем, «неконсолидированная» часть бюджета, вотируемая ежегодно, также требовала подобных же кредитов. Для этой цели и были введены обязательства Комитета по рассмотрению доходной сметы — Ways and Means Bills, которые в 1867 г. были также заменены простыми авансами — Ways and Means Advances. К авансам этого рода и прибегло правительство на первых порах для финансирования войны. Общая сумма этих авансов составила за период 1915/16 — 1918/19 г.г. 455,5 милл. фунт., а на 30 ноября 1920 г. они равнялись 222,6 милл. фунт.

Авансы Ways and Means были кредитами, открывавшимися правительству в книгах Английского Банка. ими пользовались, когда экстренно требовались средства для военных целей, но затем полученные авансы не погашались из валовых поступлений, как в мирное время, а заменялись другими обязательствами правительства, т.е. погашались при помощи новых займов, что и было отмечено печатью («Daily Telegr.», 19 сент. 1917 г.). Доля авансов Ways and Means в общей сумме текущих долгов очень сильно колебалась по отдельным годам, как это видно из следующей таблички:

На 1 авг. 1914 г.	они составляли	2,7%	тек. долга
31 марта 1915 г.	"	0,0%	"
" " 1916 г.	"	2,6%	"
" " 1917 г.	"	19,5%	"
" " 1918 г.	"	8,2%	"
" " 1919 г.	"	12,5%	"

В значительно большей степени, чем авансы Ways and Means, служили для финансирования войны те формы текущих долгов, которые были заключены не в Английском Банке, а непосредственно у населения. Это были, прежде всего, Treasury Bills, заменившие собою с 1896 г. старые Exchequer Bills, введенные при Вильгельме III канцлером казначейства Монтегю. В строе английского финансового ведомства Treasury является учреждением, под контролем которого находятся государственные доходы. По своим функциям оно соответствует русскому понятию казны. Учреждение с казначейскими функциями называется Exchequer, но оно только собирает государственные доходы. Таким образом, Treasury Bills можно назвать билетами казны, а Exchequer Bills — билетами казначейства. Главное различие между ними заключается в том, что Exchequer Bills оплачиваются по капитальной сумме с выросшими процентами, а Treasury Bills выпускаются с учетом и оплачиваются *al pari*. Те и другие соответствуют, по существу, обязательствам государственного казначейства, или, по русской терминологии, «сериям». Treasury Bills выпускались сроком на 3, 6, 9 и 12 месяцев и учитывались английск. и частными банками. Размеры выпусков Treasury Bills и их погашение видны из следующих данных:

Фин. год.	Выпущено	Погашено.
1914—15	87,7 млн. фр.	23,6 млн. фр.
1915—16	961,8 " "	473,0 " "
1916—17	1.785,9 " "	1.888,2 " "
1917—18	2.805,5 " "	2.294,6 " "
1918—19	3.747,0 " "	3.763,5 " "
1919—20	3.146,1 " "	2.995,1 " "

Остаток непогашенных Treasury Bills равнялся:

к концу 1918 г.	1.094,7 млн. фр.
" " 1919 г.	1.106,1 " "
" " 1920 г.	1.102,1 " "

Процентное отношение Treasury Bills к общей сумме текущего долга было таково:

1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1920 г. —
54%	74%	42%	42%	27%	30%	29%

Конец

Как видно из этих данных, Treasury Bills имели особенно важное значение в первые годы войны. Затем их участие в финансировании войны сократилось, но все же они составляли около трети текущего долга Англии. В 1917 г. выпуски Treasury Bills были приостановлены в виду заключенных в это время долгосрочных военных займов (5% и 4%). Treasury Bills принимались Англ. Банком с учетом 5% в платежи по оплачиваемым полностью упомянутым долгосрочным займам.

С переходом к более долгосрочным займам, вместо Treasury Bills стали выпускаться обязательства Гос. Казначейства Exchequer Bonds, сроком до 5 лет. Выпуск 1915 г. был произведен из 3%, в 1916 г. процент был повышен до 5% и затем — до 6%. Общая сумма выпущенных Exchequer Bonds составила 372,1 милл. фунт. Значительная часть их была погашена через конверсию на военные долгосрочные займы и путем приема их в уплату налога на наследство.

Дальнейшую ступень по пути удлинения срока текущих долгов составляют выпуски «Национальных военных обязательств» (National War Bonds), производившиеся от 1917 г. до 1919 г. Этот заем, разделенный на 4 серии, был выпущен из 5% и 4% с погашением через 5, 7 и 10 лет. В общем, он дал 1721,3 м. фунт. Наконец, в июле 1919 г. был выпущен «Заем победы» («Victory Bonds») по курсу 85 из 4% с погашением полугодовыми тиражами, с целью консолидирования всех текущих долгов, кроме 4-й серии «Нац. военных обязательств». Для полноты перечня текущих долгов Англии во время войны, следует упомянуть еще два вида сертификатов, выпущенных правительством. War Saving Certificates имели целью борьбу с растущей дороговизной, путем обращения излишков денежных средств у населения в кредитные документы. Для пропаганды этой меры велась энергичная агитация с помощью специально созданных для этого организаций, которых в 1918 г. насчитывалось до 40 тыс. Другой вид сертификатов, выпущенных в 1916 г. под названием

«War Expenditure Certificates», предназначался для привлечения крупного капитала к финансированию войны. Эта попытка оказалась неудачной.

В конце 1914 г. Англия приступила уже к заключению долгосрочных займов, значение которых в английской системе финансирования войны, как было указано выше, с течением времени усиливалось. Всего Англия выпустила в период 1914—1919 г.г. шесть долгосрочных военных займов на разные сроки и с различными процентными ставками, от 3½% до 5%. К концу 1920 г. военные долгосрочные займы Англии равнялись 2.491 милл. фунт. стерлингов.

Что касается общей суммы госуд. долга Англии, включая внешние и текущие долги, то, по официальным данным, сообщаемым в журнале «Economist», движение ее представляется в следующем виде (в милл. фунт. стерл.):

1 авг. 1914 г.	711	31 марта 1920 г.	7.876
31 марта 1918 г.	5.921	„ „ 1921 г.	7.623
„ „ 1919 г.	7.431	„ „ 1922 г.	7.679
		„ „ 1923 г.	7.773.580

«Times» (спец. номер, посвященный Брит. Импер., от 24 мая 1923 г.) сообщает след. сведения о состоянии госуд. долга Империи на 31 марта 1923 г. Из общей суммы госуд. долга (см. выше) приходится на внутрен. долги 6.619.854.000 ф. ст. и на внешние — 1.155.652.000 ф. ст. Сумма долгов, числящихся за доминионами и союзниками в пользу Великобритании, равняется 2.095.815.000 ф. ст., из которых 148.718.000 ф. ст. составляют долг доминионов, долг Австралии равен 90.389.000 фунтов стерлин., Ново-Зеланди — 29.482.000, Канады — 13.810.000, Ю. Африки — 11.884.000, прочих доминионов и колоний — 3.153.000.

В переводе на доллары Фридман исчисляет увеличение госуд. долга Англии за время войны в 34.056 млн. долл. Приблизительно такие же цифры дает Готлиб. Богарт определяет общую сумму займов, заключенных Англией в период 1914—1919 гг., за вычетом произведенных за это время погашений, в 28.456 млн. долл.

В 1921 г. было приступлено к конверсиям. В апреле этого года был выпущен 3½% конверсионный заем на

сумму 266 млн. ф. ст., взамен краткосрочных обязательств на 164 млн. ф. ст. В июле того же года были выпущены 5½% облигации казны (Treasury Bonds), с правом конвертировать их в 3½% конверсионный заем с увеличением на 46% нариц. суммы конвертированного займа. Кроме того, было конвертировано еще несколько краткосрочных займов («Manschest. Guard», «Commere», 23—I, 1923 и «Economist», 24—II, 1923).

В результате этих операций уменьшились платежи по госуд. долгу, но его капитальная сумма в последние годы увеличилась. Так, на 31 марта 1922 г. госуд. долг Англии равнялся 7.676 млн. ф. ст., а на то же число 1923 г.—7.773 млн. ф. ст. По объяснению канцлера казначейства, сообщенному палате при внесении бюджета на 1923 г., увеличение долга произошло вследствие конверсий, сопровождавшихся понижением % по облигациям при увеличении их номин. цены, и включения в капитальную сумму долга неуплаченных процентов по американскому займу. Если устранить соответствующие цифры, то получится сокращение долга на 149 млн. ф. Что же касается расходов по госуд. долгу, то, благодаря конверсиям, они сократились более, чем на 5 млрд. ф.

Внешний долг Англии, помещаемый в офиц. перечне госуд. долгов под рубрикой «прочие долги», равнялся на 31-ое марта 1923 г. 1.070 млн. ф. против 944 млн. ф. в 1918 г. Если вычесть из итога внешних долгов Англии те суммы, которые она дала займы своим союзникам во время войны и после заключения перемирия, то получится баланс в ее пользу. Ссуды Англии союзникам и доминионам равнялись на 31-ое марта 1920 г.—1.850,6 млн. ф. ст., а ее собственные долги—1.278,7 млн. ф. ст., из которых 1.046,8 млн. ф. ст. составляли долг Соединенным Штатам.

Вся сумма госуд. долга Англии распадается на фундированный и нефундированный (долг *). Первый состав-

ляет небольшую часть общей задолженности. На 1 авг. 1914 г. фундированный долг равнялся 588 млн. ф. ст., на 31-ое марта 1918 г.—318 млн. ф. ст. и на 31-ое марта 1923 г.—314 млн. ф. ст. Вся остальная сумма, за исключением незначительной доли срочных аннуитетов, причисляется к нефундированным долгам. В особую рубрику выделяются из нефундированного долга «текущие долги» (Flouting Debt). Сюда входят долги сроком до 1 года: авансы, выданные правительству Англи. Банком, суммы, числящиеся за правительством разным учреждениям и обязательства казны в виде Treasury Bills (на 31-ое марта 1923 г.—810 млн. ф. ст.). Часть госуд. долга Англии, приходящаяся на сравнительно краткосрочные займы до 10-лети. срока, значительно возрасла за период войны, как видно из след. таблицы:

Процентное отношение долгов на сроки до 10 лет к общей сумме госуд. долга

Англии:

На 31 марта 1914 г. около	6%
„ „ „ 1915 г. „	13%
„ „ „ 1916 г. „	36%
„ „ „ 1917 г. „	29%
„ „ „ 1918 г. около	40%
„ „ „ 1919 г. „	48%
„ „ „ 1920 г. „	50%
„ 31 декаб. 1920 г. „	51%

Из общей суммы госуд. долга Англии на 31-ое дек. 1919 г. приходилось на сроки до 1 года — 19,30%, до 5 лет — 20,89%, от 5 до 60 лет — 55,11%, вечные *) — 4,04%, прочие — 0,57%.

Госуд. долги за время войны (1914—1919 гг.) возросли более, чем в 12 раз. Между тем, за это время население, национальное богатство и национальный доход не увеличились, вследствие чего бремя госуд. долга, выражающееся в платежах процентов и погашении, неизбежно должно было значительно усилиться.

гельме III. Фундированный долг состоит из вечного долга—Англ. и Ирландскому Банку и «Консолей». Нефундированный долг имеет срочный характер и подлежит погашению. «Консоли»—госуд. обязательства, зарегистрированные в «консолидированный долг государства», учрежденный актом парламента в 1751—2 г. В состав консолей фонда были включены некоторые долги, не подлежавшие погашению. Впоследствии в консолидированный фонд были включены другие долги. «Консоли» могут быть выкуплены по постановлению парламента, начиная с определенных сроков.

* Разделение госуд. долга Англии на фундированный и нефундированный было введено при Виль-

*) Название «вечные» не вполне соответствует существу дела. Под этой рубрикой помещены кроме действительно вечных долгов Англ. и Ирланд. Банкам, консоли и аннуитеты пожизненные и срочные.

Американский исследователь Фридман дает по этому вопросу интересные расчеты, сделанные им на основании данных, относящихся к трем моментам в истории Англии: концу Наполеоновских войн (1817 г.), началу мировой войны (1914 г.) и концу последней (1919 г.). При этом он предполагает, что богатство страны до и после мировой войны осталось без изменений, потому что новые ценности, в виде предприятий, возникших за период

войны, уравнивают погибшие. В этом отношении он не присоединяется ни к тому мнению, что богатство Англии уменьшилось под влиянием войны на 10—15%, ни к тому, что оно возросло за это время на 66%. Данные о национальном богатстве и доходе, по существу, могут иметь только приблизительное значение, но все же приведенные ниже таблицы Фридмана дают общее представление о росте

I. Богатство и долг Великобритании.

Д А Т Ы:	Население в миллионнах.	Национальное богатство в мил. дол.	Национальный долг в мил. долларов.	Долг на голову населения в дол.	Долг в ‰ к нац. богатству.	Относительные числа (Данные 1817 г.-100).		
						Население.	Национальное богат.	Национальный долг.
К концу Наполеоновск. войн (1817 г.)	17	13.100	4.130	243,30	31,5	100	100	100
К началу мировой войны (1914 г.)	46	69.600	3.458	75,03	4,97	270	530	84
К концу мировой войны (1919 г.)	46	69.000	37.657	817,04	54,10	270	530	911

II. Национальное богатство и платежи по долгу Великобритании.

Д А Т Ы:	Национальный доход в миллионах долларов.	Платежи по долгу в миллионах долларов.	Платежи по долгу.		Относит. числа.	
			На голову населения.	В ‰ к доходу.	Национальный доход.	Национальные платежи по долгу.
К концу Наполеоновских войн (1817)	1.944	155	9,10	8,0	100	100
К началу Мировой войны (1914)	11.000	119	2,58	1,08	515	77
К концу Мировой войны (1919)	11.000	1.421	30,83	12,92	515	916

госуд. долга Англии и его относительной тяжести для населения. К началу мировой войны Англия была в 5 раз богаче, чем 100 лет назад, когда кончились Наполеоновские войны, оставившие ей после себя значительный госуд. долг и тяжелые платежи по % и погашению. Но госуд. долг, вызванный мировой войной, оказался более, чем в 9 раз, больше, чем тот, который явился результатом Наполеоновских

войн. Во столько же раз выше оказались платежи по этому долгу. Сравнительно с 1914 г. госуд. долг увеличился почти в 11 раз, а платежи — почти в 12 раз.

Переходя к значению обложения в английской военно-финансовой системе, необходимо заметить, что, несмотря на стремление Англии финансировать войну преимущественно с помощью обложения, все же, в общем итоге, львиную долю госуд. расходов в период войны пришлось покрывать при помощи займов. За время 1915—1919 гг. только 28% госуд. расходов Англии были покрыты из госуд. доходов. Остальное (72%) было покрыто с помощью госуд. кредита. В этом отношении условия финансирования прежних войн, которые вела Англия, более соответствовали принципам английской военно-финансовой системы.

Тем не менее, обложение было доведено в Англии во время последней войны до очень высокого предела. Ни одна из держав, участвовавших в войне на стороне союзников, не использовала налоговые средства для финансирования войны так широко, как Ап-

гля, вследствие чего в настоящее время английское обложение значительно выше, чем в других государствах «Согласия». В начале 1923 г. канцлером казначейства были оглашены в парла-

менте следующие сведения по этому вопросу («The Financ. Times», 24—II, 1923 г.):

Обложение на голову населения (в фунт. ст., шиллингах и пенсах).

СТРАНЫ	Косвенные налоги.	Прямые налоги.	Итого.
Англия	10 ф. 10 ш. 0 п.	6 ф. 2 ш. 0 п.	16 ф. 12 ш. 0 п.
Франция	3 ф. 2 ш. 6 п. (242 франка)	2 ф. 10 ш. 0 п. (193 фр.)	5 ф. 12 ш. 6 п. (435 фр.)
Соед. штаты	2 ф. 17 ш. 9 п. (13,60 долл.)	2 ф. 14 ш. 0 п. (12,70 долл.)	5 ф. 11 ш. 9 п. (26,30 долл.)

Из этих данных видно, что в Англии обложение в 3 раза выше, чем во Франции и Соед. Штатах, и главным источником доходов государства по обложению были прямые налоги. В числе последних наибольшее значение имел подоходный налог. В 1914 финансовом году он дал 24% общей суммы поступлений от налогов и госуд. предприятий, в 1915 г. — 30,6% и в 1916 г. — 38,1%. С 1917 г. было введено обложение высоких прибылей, давшее в 1917 г. — 24,4% названных выше поступлений, в 1918 г. — 31,1% и в 1919 г. — 32,1%. Так обр., поступления от прямого обложения принесли почти 65% общей суммы госуд. доходов от налогов и госуд. предприятий.

Общая сумма госуд. доходов (не считая займов) увеличилась к 1919 г., сравнительно с 1914 г., в 4,5 раза, а величина обложения — в 4,8 раза. Поступления от подоходного налога возросли за тот же период времени в 6,17 раза, а в совокупности от подоходного налога и налогов на прибыль — в 12,20 раза. Поступления от косвенных налогов увеличились значительно слабее: таможенный доход — в 2,98 раза и акцизы только в 1,50 раза. Поступления из неналоговых источников увеличились за то же время в 2,97 раза. В бюджете на 1920—21 г. сумма госуд. доходов была исчислена в 7,5% выше, чем в бюджете 1912—13 г., а нормальный послевоенный бюджет, по предположению канцлера казначейства, будет превышать довоенный приблизительно в 4,5 раза, не считая платежей по англо-американскому долгу. Дефицит появился в английском

бюджете во время последней войны впервые в фин. году, закончившемся 31 марта 1915 г., и затем повторялся из года в год до 1920 г. включительно. В 1921 г. (30 марта 1920 г. — 31 марта 1921 г.) доходы дали превышение в 230,5 млн. ф. ст., в 1921—22 г. — 45,6 млн. ф. ст. и в 1922—23 г. — 101,5 млн. ф. ст. («The Statist», 7-IV—1923 г.).

Третий источник финансирования войны — эмиссия бумажно-денежных знаков, сыгравший видную роль во всех европейских государствах, участвовавших в мировой войне, был использован и в Англии в целях регулирования денежного обращения в значительно меньшей степени, чем на континенте. 6 авг. 1914 г. парламент принял закон о денежном обращении и банковых билетах (Currency and Bank Notes Act), уполномочивший правительство выпускать казначейские билеты достоинством в 1 фунт и 10 шиллингов. Эти билеты называются Currency Notes и находятся в обращении до сих пор. Как источник финансирования войны, эмиссия Currency Notes не имела значения. Что касается ее роли в области денежного обращения, то об этом см. ниже «Денежный кризис эпохи мировой войны».

Франция. Военные издержки Франции, по сообщению докладчика финансовой комиссии сената, Поля Думерга, составили за время от 1 авг. 1914 г. по 31 июля 1920 г. 233,3 миллиарда франков (88 млрд. зол. руб.). Военные издержки Франции были покрыты, гл. обр., при помощи займов (около 69% военных расходов). Затем следуют налоги и доход от монополий, покрыв-

шие вместе около 19% и авансы Французского банка, на долю которых приходится почти 12%.

Военные расходы Франции.
(Friedman «Internat. Finance»).

Периоды.	Сумма (в милл. фр.).	%.	Дневные расходы на войну (по сведениям „F. gancst. Zt.“)
1914 (5 мес.)	6 590	2,8	41 милл. ф
1915	22.805	9,8	63 „ „
1916	32.945	14,1	82 „ „
1917	41.680	17,8	104 „ „
1918	54.537	23,4	127 „ „
1919	49.029	21,0	130 „ „
1920 (7 мес.)	25.714	11,1	—
Итого . . .	233.350	100,0	—

В ряду источников финансирования войны обложение имело более слабое значение, чем в Англии, и существенно отличалось от последнего по своему характеру. Франция, в отличие от Англии, очень мало усилила обложение в период войны. Госуд. доход Франции от обложения, включая и монополии, составил в 1913 г. 5.089 млн. фр., в 1914 г. — 3.309, в 1915 г. — 3.799, в 1916 г. — 5.016, в 1917 г. — 6.186 и в 1918 г. — 6.534. Если принять за 100 цифру 1913 года, то последующие цифры выразятся в 79, 96, 119 и 127.

В то время, как во Франции годовое обложение на голову населения увеличилось за 1914—1918 гг. с 90 фр. до 103, в Англии оно поднялось с 95 фр. до 265. Правда, в дальнейшем, как было показано выше, тяжесть французского обложения значительно повысилась, но все же в 1920 г. оно было в 3 раза ниже на голову населения, чем в Англии. Что касается форм обложения, то отличие французской налоговой политики от английской заключалось, гл. обр., в преимущественной роли в Англии прямых налогов, между тем, как во Франции преобладало косвенное обложение. Подоходный налог дал во Франции 5% всех налоговых поступлений, а в Англии — более 42%. Налоги на военную прибыль принесли во Франции 10,8% по отношению к общей сумме налоговых поступлений, а в Англии — 38,8%. Зато косвенные налоги на потребление имели первен-

ствующее значение во Франции, где на их долю пришлось 84,2% всей суммы налоговых поступлений против 19,3% — в Англии. Английская система обложения основывалась на сравнительно немногих налогах при высоких ставках обложения; французская прибегала к многочисленным видам косвенного обложения.

Сравнительно слабое использование Францией обложения, как источника финансирования войны, и преобладание во французской налоговой системе косвенного обложения соответствовали традициям французской финансовой политики, которая всегда охотнее прибегала к займам, чем к повышению налогов. В особенности популярностью, вследствие чего проект подоходного налога не мог в течение многих лет пройти через законодательные палаты и только незадолго перед войной стал, наконец, законом. К началу войны во Франции не успел еще выработаться механизм подоходного обложения, и население не привыкло к нему, вследствие чего финансовая система попрежнему основывалась на косвенных налогах. К этому присоединились и некоторые специальные причины, сокращавшие поступления от подоходного налога. Это — оккупация германскими войсками северных департаментов, доставлявших более 15% госуд. доходов, призыв в войска свыше 89% мужского населения в возрасте от 20 до 47 лет, объявление моратория, отсрочившего поступление многих доходов, подлежавших обложению.

Сравнительно слабое использование обложения для финансирования войны заставило Францию усиленно прибегать к другим источникам — займам и авансам Французского Банка, что, в свою очередь, неблагоприятно отразилось на финансовом и экономическом положении страны. Последствия такого направления французской политики особенно тяжело сказались после заключения мира, когда перед Францией стала на очередь задача восстановления ее народного хозяйства.

Переходя к анализу госуд. долга Франции, приходится отметить, как

характерные черты его развития во время войны, преобладание внешних займов над внутренними и долгосрочных над краткосрочными.

Общая сумма госуд. долгов Франции составляла на 1 января 1919 г. 147,4 миллиарда франков, из которых довоенных долгов было 34,2 млрд. фр. и военных — 113,2 млрд. фр. (Фридман).

На 1 марта 1921 г. госуд. долг, по официальным данным, приводимым Виллем, равнялся 302,74 млрд. фр. и складывался из след. сумм:

Внутр. фонд. долг	133 млрд. фр.
текущий долг	60,89 „
банков. долг	25,60 „
(авансы французск. банка)	83,25 „
Внешний долг	83,25 „

Ввиду обеспечения франка приблизительно на 64% — к 1920 г., госуд. долг Франции можно определить в начале 1921 г. в 109 млрд. фр., т.-е. около 40 млрд. зол. руб.

В первый год войны Франции не удалось реализовать долгосрочный заем: 3½% облигации сроком на 25 лет, выпущенные в июле 1914 г., не были размещены. В виду этого приходилось пользоваться, гл. обр., банковской эмиссией и краткосрочными займами. Англия в самом начале войны прибегла к банковскому кредиту в форме авансов (Ways and Means), но затем правительство обращалось за кредитом непосредственно к населению. Во Франции применялась другая система: помощь Французского Банка выражалась в выдаче правительству авансов в форме банкнот. При этом Банк был освобожден от обязательства разминивать на золотую монету свои банкноты.

Предел выпуска банкнот, установленный в декабре 1911 г. в 6.800 млн. фр., был повышен в несколько приемов до 43.000 млн. фр. в августе 1920 г. Небольшие авансы выдавались правительству и Алжирским Банком. Сумма банковских авансов в годы войны колебалась, то увеличиваясь, то сокращаясь, в зависимости от размера средств, которые удавалось получать от займов.

Кроме выдачи авансов банкнотами, Французский Банк учитывал обязательства казны. Всего до конца 1919 г.

было учтено таких обязательств на 3.755 млн. фр., переданных союзникам в виде ссуд. По авансам, выданным правительству, за исключением постоянного долга в 200 млн. фр., Французский Банк получал от 0,48% до 3% (годовых). Часть полученных процентов поступила в фонд погашения выданных авансов.

Суммы авансов, полученных от Французск. и Алжирск. Банков, в виде банкнот, равнялись:

Г О Д Ы.	Милл. фр.	% к общей сумме.
1914	3.900	15,3
1915	1.100	4,3
1916	2.400	9,4
1917	5.100	20,0
1918	4.650	18,2
1919	8.350	32,8
И т о г о	25.500	100,0

Банковские авансы составили по отношению к общей сумме средств, полученных путем кредита: в 1914 г. — 61,7%, в 1915 г. — 5,8%, в 1916 г. — 7,4%, в 1917 г. — 12,8%.

Военные займы Франции делятся по своему виду на внутренние (краткосрочные и долгосрочные) и внешние. Каждый из этих видов состоит, в свою очередь, из займов различного типа.

К числу краткосрочных займов принадлежат, прежде всего, *bons du trésor* — обязательства или бонны казны в 100-франковых купюрах сроком от 6 мес. до 1 года. Они выпускались и в довоенное время и составили на 31-ое июля 1914 г. 434 млн. фр. До войны бонны казны покупались, гл. обр., банками, но во время войны и в особенности после прекращения военных действий они размещались непосредственно в публике. К концу 1914 г. сумма *bons du trésor* равнялась 149 млн. фр. Затем она значительно возросла, но в 1918 г. возросла до 565 млн. фр. и в 1919 г. — до 2055 млн. фр. Другим видом французских краткосрочных займов были «*Bons de la défense nationale*». «Обязательства Национальной Обороны» выпускались очень мелкими купюрами, начиная с 5 франков и на сроки от 3 до 6 месяцев, редко больше

1 года. Эти обязательства связаны с некоторыми существенными преимуществами для их держателей: проценты выплачивались вперед, они не подлежали обложению, сами обязат. могли быть конвертированы в облигации долгоср. займов и принимались в залог Франц. Банком. К концу 1919 г. было выпущено *bons de la défense nationale* на сумму 46.140 млн. фр. Среднее место между долгосрочными и краткосрочными займами занимали «Облигации Национальной Обороны» — «*Obligations de la défense nationale*», выпускавшиеся сначала на 10, а затем на 6 лет. Они приносили 5% при выпускном курсе 96,5, не подлежали обложению и проценты по ним также выплачивались вперед. К концу 1918 г. было выпущено облигаций с 10-летним сроком на 568 млн. фр.

К тому же типу займов принадлежат «Облигации-бонусы» — *Obligations-bonus*, выпуск. сроком на 5 лет с правом досрочного выкупа по желанию держателей, но с выдачей дополнительно полугодовых процентов при пред'явлении их к размену по окончании полного срока. В 1919 г. были выпущены еще облигации национ. обороны нового типа, сроком на 6 лет и с уплатой процентов вперед. Их преимущества для держателей заключались в том, что по желанию последних облигации могли быть досрочно выкуплены по истечении полугода или 1 года после их выпуска, но при выкупе в позднейшие сроки выдавалась премия.

В период 1915—1920 гг. Франция выпустила 6 долгосрочных займов. Она обратилась к этому источнику финансирования войны позднее Англии, пользуясь в первое время краткосрочным кредитом, формы которого указаны выше. Некоторые исследователи объясняют это обстоятельство тем, что во Франции, как и в Германии, господствовала уверенность в скором окончании войны; другие видят причину в неудаче первых попыток франц. правительства заключить внутренний заем.

Первый французский долгосрочный заем под названием «Национального займа Обороны» был выпущен в ноябре 1915 г. в виде 5% вечно

(rente perpetuelle), по выпускному курсу 88 с правом правительства на выкуп облигаций после января 1931 г. Около 10% займа были покрыты подпиской за-границей. Приблизительно 50% общей суммы облигаций было внесено деньгами, остальное — облигациями краткосрочных займов и довоенными «рентами».

Для финансовой политики Франции во время войны характерны разнообразные льготы, предоставлявшиеся подписчикам на займы. Выше была отмечена эта черта по отношению к краткосрочным займам. То же самое приходится отметить и в отношении долгосрочных. Необходимость подобных льгот указывает на слабость финансовой системы. Льгота, связанная с долгосрочным займом 1915 г., заключалась, помимо высокого процента, еще в праве держателей довоенных «рент» вносить их при покупке военного займа по курсу 66, т.-е. выше их рыночной цены. 3% рента принималась по курсу 66 в обмен на бумагу, приносящую 5% и выпускавшуюся по курсу 80 (Фридман). Кроме того, облигации займа были освобождены от налогов.

Второй долгосрочный заем был выпущен в сентябре 1916 г. тоже в виде вечно ренты, но с правом правительства на выкуп после января 1931 г. Облигации этого займа так же, как и первого, были 5%-ные при выпускном курсе 88,75, и в уплату их принимались от подписчиков облигации предшествовавших краткосрочных займов, в том числе и 3½%-ные 1914 г. Дальнейшие выпуски долгосрочных займов были произведены, в общем, на тех же основаниях, с некоторыми, впрочем, особенностями в льготах подписчикам. В среднем, выпускной курс всех 6 займов равняется 85,40 при 4,5 и 6%. Общая сумма подписки составила 116.055 млн. фр., из которых было уплачено 98.912 млн. фр. Но из этой суммы только 39.343 млн. фр., т.-е. 40% были внесены наличными деньгами. Остальные 60% покрыты облигациями предшествовавших займов. В общем, долгосрочные займы принесли Франции значительно меньше, чем предполагало получить правительство.

При таких обстоятельствах Франция вынуждена была заключать займы за границей, гл. обр., для покрытия расходов по военным заказам. Из общей суммы госуд. долга Франции 20,8% приходится на внешнюю задолженность, не считая облигаций внутренних займов, купленных иностранцами. Большая часть внешнего долга Франции приходится на займы в Соед. Штатах и Англии. Займы в Соед. Штатах составляют 49% общей суммы госуд. долга Франции, займы в Англии—45%. Остальное распределяется мелкими суммами между другими союзными и нейтральными странами: Испания—2%, Аргентина—2%, Швейцария—0,5%, Япония—0,5%. На 1 янв. 1919 г. внешний долг Франции равнялся 30.598 млн. фр. (около 11 млн. фр. довоен.), распределявшихся приблизительно поровну между фундированными и текущими долгами. Увеличение госуд. долга Франции имело своим последствием увеличение и расходов по госуд. кредиту в госуд. бюджете. В бюджете 1913 г. этот расход равнялся 1.286 млн. фр. при общей сумме расходов 4.738 млн. фр., а в бюджете на 1920 г. он составлял 11.633 млн. фр., т.-е. превышал в 2,5 раза всю сумму госуд. расходов в довоенное время.

Франция, с своей стороны, оказывала кредит своим союзникам. К концу сентября 1920 г. долг союзников Франции составил 13.617 млн. фр., в том числе 4.744 млн. фр. деньгами и около 8.873 млн. фр. военными материалами. По заявлению бывш. мин. финансов Клотца в речи, произнесенной во французском сенате 21 окт. 1919 г., внешняя задолженность Франции с избытком покрывается, если к ссудам, выданным ею союзникам во время мировой войны, присоединить кредит, оказанный Францией другим странам в довоенное время. Клотц определил эту сумму в 40 млн. фр., из которых около ¼ приходится на Россию.

Мировая война обнаружила слабость финансовой системы Франции. Она слишком мало опиралась на обложение и в силу этого должна была отвести несоизмерно большое место выпуску неразменных бумажно-денежных зна-

ков и госуд. займам. Эта система привела к значительной инфляции, невыгодно отражавшейся на экономическом положении страны и ее валюте, и далеко еще не изжитой до сих пор. Вместе с тем, инфляция ухудшила финансы Франции и подрывала ее кредит, как внутри страны, так и вне ее. Французскому правительству приходилось заключать займы на тяжелых условиях и обременять госуд. бюджет крупными платежами по госуд. долгу. Особенно сильно обострились финансовые затруднения Франции ко времени вступления в войну Соед. Штатов, финансовая поддержка которых спасла положение не одной только Франции.

Наряду с недостатками финансовой системы Франции, имело первостепенное значение то обстоятельство, что война велась на ее территории, и самые богатые департаменты подверглись чудовищному разрушению. Это обстоятельство сильно сократило финансовые ресурсы Франции во время войны и легло тяжелым бременем на французский бюджет, поставив его балансирование в зависимости от репарационных платежей Германии.

Германия. За время от авг. 1914 г. до июля 1918 г. рейхстаг вотирует 12 кредитов на сумму 34.750 млн. долл. (около 69 млрд. зол. руб.); по данным баденского министра Рейнбольдта, 11 кредитов — на 139 млрд. марок, т.-е. ок. 33 млрд. долл. Но в действительности расходы на войну, по заявлению министра финансов Шиффера, сделаному в Германск. Национ. Собрании в Веймаре 15 февр. 1919 г., были значительно выше. По его подсчету они достигли 40.150 млн. долл. (цит. по Богарту), т.-е. около 80 млрд. зол. руб. С каждым годом по мере развития военных действий издержки Германии росли, как это видно из след. данных:

	Миллион. долларов.
1914 г.	1 875
1915 г.	5 750
1916 г.	6 650
1917 г.	9 875
1918 г.	12 125

Итого	36 275
Обязательства казны	1 500
Ссуды союзникам	2 375

Всего (по Богарту) . 40.150

Финансирование войны было построено в Германии на иных основаниях, чем в Англии. Германия не находила возможным черпать свои средства из налогового источника так широко, как это делала Англия. Ее прямое обложение до войны было приблизительно равно английскому и уже по окончании войны, только к 1920 г., превысило его. При таких условиях в распоряжении правительства оставались только кредитные источники. Их было два: позаймствования у рейхсбанка, в виде эмиссий банковых билетов, и займы, внутренние и внешние. Германия широко прибегла во время войны к тому и другому. Но в начале главн. источником для добывания необходимых финансовых средств служила банковская эмиссия, потому что выпуск займа тотчас по объявлении войны был признан нецелесообразным. Опыт 1870 г. показывал, что заключение крупного займа в такое время сопряжено с риском неудачи. Паника, охватывающая страну в начале войны, неизбежно сопровождается расстройством денежного рынка и вызывает у населения естественное стремление придержаться наличные денежные средства и увеличить их получением платежей по обязательствам. Подобные условия мало благоприятны для заключения займа. Обращение к населению за кредитом может рассчитывать на успех только тогда, когда волнение, вызванное объявлением войны, уже улеглось, и денежные отношения более или менее приспособились к новым условиям. В особенности же создается благоприятная почва для займа в том случае, если всеобщие действия оказываются с самого начала удачными. В 1870 г. первый Северо-Германский военный заем был выпущен через несколько дней после объявления войны и потерпел неудачу, а баварский, выпущенный в конце августа, тотчас после успешных для Германии сражений, был покрыт в 6 раз. Все эти соображения говорили за то, чтобы отсрочить заключение займа на более позднее время, тем более, что Германия была уверена в своем успехе с самого же начала войны.

Так. обр., центр тяжести в финанси-

ровании войны по необходимости сосредоточился на банковском кредите, т. е. на использовании рейхсбанка, как эмиссионного учреждения. С этой целью был принят ряд мер, направленных к тому, чтобы укрепить финансовое положение рейхсбанка, в виду выпадавших на его долю новых задач. Первая мера в этом направлении заключалась в охране и усилении металлического запаса рейхсбанка, как основы его билетного обращения. Для этого Рейхсбанк, а также другие эмиссионные банки были освобождены от обязанности разменивать свои билеты на звонкую монету. Одновременно было отменено право граждан требовать обмена разменной монеты на золото. Действительно, металлический запас Рейхсбанка за первую же неделю войны увеличился на 224,3 милл. марок: на 31-ое июля 1914 г. он составлял 1.253 милл. мар., на 7 авг. — 1.477 милл. мар. В состав металлической наличности Рейхсбанка вошло золото, хранившееся после войны 1870 г. в башне Шпандау, около Берлина, в качестве военного фонда. Первоначально этот фонд равнялся 120 млн. мар., но по закону от 3 июля 1913 г. он должен был быть доведен до 240 млн. мар., при помощи выпуска на 120 млн. мар. имперских кассовых билетов, выручка от которых предназначалась для пополнения военного фонда. К началу войны она составила только 85 млн. мар., так что общая сумма военного фонда достигла к этому времени 205 млн. мар., которые по объявлении войны были немедленно переданы Рейхсбанку для усиления его золотой наличности и увеличения его эмиссионного права. Золотая наличность банка непрерывно возрастала в течение войны. На 7-ое ноября 1913 г. она равнялась 2.550 милл. марок, увеличившись против 31 июля 1914 г. на 1.297 милл. мар. Кроме того, в целях усиления оборотных средств Рейхсбанка, были приняты следующие меры: 1) приостановлено действие правила об обложении банковых билетов, выпущенных сверх контингента; 2) ломбардные операции переданы вновь учрежденным особым ссудным кассам (Darlehenskassen), которым дано было

право выпускать свои билеты; 3) обязательства казны различных видов, сроком не более 3 месяцев, были допущены наравне с золотом и коммерческими векселями, в качестве покрытия билетов Рейхсбанка; 4) та же мера была применена и к билетам ссудных касс.

Обязательства казны и билеты ссудных касс учитывались или ломбардировались Рейхсбанком, и под них выпускались банкноты, которыми правительство пользовалось для покрытия военных расходов. Эти операции имели первостепенное значение в германской системе финансирования войны. В виду этого остановимся на них подробнее.

Госуд. долг Германии перед войной (на 31 мар. 1914 г.) состоял из следующих частей: 1) облигации имперских займов (Schuldverschreibungen der Reichsanleihen) на сумму 4.698 милл. мар.; 2) краткосрочных обязательств госуд. казначейства (Schatzanweisungen) на сумму 220 милл. мар. (процентных); 3) имперских казначейских билетов (Reichskassenscheine) на 240 милл. мар. Вся сумма долга равнялась 5.158 милл. мар. Первые три внутренних военных займа были заключены в течение года, с сентября 1914 г. по сент. 1915 г. В первом же заседании рейхстага после объявления войны, 4 авг. 1914 г., был вóтрован правительству военный кредит в 5 миллиардов мар., а в сентябре того же года был выпущен первый военный заем, которым предполагалось использовать вóтрованный кредит. Одна из особенностей этого займа заключалась в том, что предполагалось выпустить его в виде облигаций двух родов: долгосрочных, типа «консоль», и краткосрочных, в виде обязательств казначейства (Schatzanweisungen). Для кредитных учреждений и крупных капиталистов, которым неудобно было бы связывать свои оборотные капиталы на долгое время, предназначались сравнительно краткосрочные облигации, а для массы публики, в особенности владельцев небольших сбережений, идущих для своих денег прочного помещения на продолжительное время, выпуска-

лись долгосрочные облигации («консоли»). По этому типу, с известными видоизменениями в деталях, выпускались и последующие военные займы Германии. Общая сумма, вырученная от первых трех военных займов Германии, составила 25,7 млрд. мар. Если, основываясь на расчетах Гельфериха, определить национальное богатство Германии в 300 млрд. мар., то окажется, что 8,5% этого богатства было вложено германским народом в первые 3 военных займа.

За время с сент. 1914 г. по сентябрь 1918 г. было выпущено Германией 9 долгосрочных займов, принесших не многим менее 100 млрд. марок.

С 6-го до 9-го займов обяз. гос. казн. погашались при помощи тиражей сериями в янв. и июле по курсу 110. Обязательства, не вышедшие в тираж, не могли быть выкуплены или конвертированы в облигации других займов до 1927 г., когда правительство получало право выкупить их по паритету. Если правительство воспользуется этим правом, держатель получит наличные деньги или 4%-ные обязательства, могущие быть выкупленными по 115. В течение следующих 10 лет правительство сохраняет право выкупа оставшихся 4%-ных обязательств, при чем держатель получает или наличные или 3½%-ные обязательства, которые могут быть выкуплены тиражами по 120. После этого право не имеет права ни выкупать, ни конвертировать оставшиеся обязательства. Последние подлежат погашению 1 июля 1967 г. по курсу 110 за 4½%-ные обязательства, 115 — за 4%-ные и 120 — за 3½%-ные. Реальное значение сумм, вырученных Германией от военных займов, падало вместе с обесценением марки. К январю 1917 г. марка была уже обесценена по отношению к доллару более, чем на 25%, к январю 1918 г. — на 20% и к январю 1919 г. — более, чем на 50%. Соответственно понижалась и реальная ценность заключенных займов. Если перечислить на золотые марки по курсам соответств. месяцев выручки от крупных займов, заключенных Германией в 1917—18 гг., то окажется, что выручка от займов, выпущенных в мар-

ГЕРМАНСКИЕ ВОЕННЫЕ ЗАЙМЫ (ФРИДМЕН.)

№№.	С Р О К И.	Т и п ы:	%,	Вып. курс.	Срок погашения.	Срок, после которого можно выкупить.	Вырученная сумма в млн. марок.	Число подписавшихся.
1.	Сентябрь 1914 г.	Долгосрочный заем Обяз. Гос. Каз.	5	97,5	—	1924	3.881	} 1.177.235
			5	97,5	1918—20	—	1.000	
2.	Март 1915 г.	Долгосрочный заем Обяз. Гос. Каз.	5	98,5	—	1924	8.331	} 2.694.063
			5	98,5	1921—22	—	775	
3.	Сентябрь 1915 г.	Долгосрочный заем	5	99,0	—	1924	12.160	3.986.418
4.	Март 1916 г.	Долгосрочный заем Обязат. Гос. Каз.	5	98,5	—	1924	9.196	} 5.279.645
			4,5	95,0	1923—32	—	1.572	
5.	Сент. 1916 г.	Долгосрочный заем Обязат. Гос. Каз.	5	98,0	—	1924	8.826	} 8.810.696
			4,5	95,0	1923—32	—	1.873	
6.	Март 1917 г.	Долгосрочный заем Обязат. Гос. Каз.	5	98,0	—	1924	} 13.122	7.083.347
			4,5	98,0	1918—37	—		
7.	Сентябрь 1917 г.	Долгосрочный заем Обязат. Гос. Каз.	5	98,0	—	1924	} 12.626	5.213.373
			4,5	98,0	1917—37	—		
8.	Март 1918 г.	Долгосрочный заем Обязат. Гос. Каз.	5	98,0	—	1924	} 14.766	6.510.278
			4,5	98,0	1919—37	—		
9.	Сент. 1918 г.	Долгосрочный заем Обязат. Гос. Каз.	5	98,0	—	1924	} 10.434	—
			4,5	98,0	1919—37	—		
И т о г о							98.563	

то 1917 г., выразившаяся номинально в сумме 13.122 млн. мар. при перечислении ее в золотые марки, по тогдашнему курсу марки на доллары, сведется к сумме 9.481 млн. мар.; выручка от займов, выпущенных в сентябре 1917 г. в сумме 12.626 млн. мар., сведется к 7.368 млн. зол. мар.; реальная выручка от займов, заключенных в марте 1918 г., окажется вместо 14.766 млн. мар., равной 11.921 млн. мар.; а выручка от займов, выпущенных в сентябре того же 1918 года, выразится при 10.434 млн. мар. номинальных в 6.658 млн. зол. мар. При перечислении всех 9 военных займов Германии на золотые марки по тому же способу, общая сумма, вырученная от этих кредитных операций, окажется равной 75,5 млрд. марок вместо 98,5 млрд. Богарт вносит поправку в вышеприведенные данные. Он утверждает, что германское правительство утатило текущий долг в 18 милл. долл. (около 72,5 милл. мар.), вследствие чего действительная сумма военных долгов Германии, по исчислению названного автора, составляет в милл. долл. 42.650 (около 179.130 милл. мар.). Если же прибавить цифру текущего долга, приведенную Богартом, к итогу помещенной выше таблицы, то получится общий итог в 171.068 милл. мар. или около 41.648 милл. долл.

Обязательства импер. казначейства (Reichsschatzanweisungen, назыв. также — Reichsschatzwechsel) выпускались беспроцентными на краткий срок (не более 6 месяцев) и процентными — на более долгие сроки. Краткосрочные обязательства, соответствующие нашим прежним «сериям» и английским Treasury Bills, подобно последним, выпускались в мирное время, в счет будущих налоговых и иных поступлений, а долгосрочные — в счет предполагаемых долгосрочных займов. Обязательства казначейства также принимались к учету и ломбардировались рейхсбанком и по закону от 4 августа 1914 г. были допущены в качестве покрытия банкнот. Они поступали в банк для учета частью из свободного оборота, частью от правительства, получавшего под них от банка банкноты, служившие для покрытия госуд. расходов.

Обязательства, учтенные правительством, составляли текущий долг государства, который равнялся на 31-ое декабря 1920 г. 152,8 млрд. мар., а к концу 1921 г. — 247,1 млрд. мар. Значительная часть обязательств, вошедших в эту сумму, была учтена правительством вне рейхсбанка.

Имп. казначейские билеты были выпущены впервые в 1874 г. взамен бумажных денег отдельных государств, упраздненных при вступлении последних в состав Германской империи. Сохранение в обращении бумажных денег, выпущенных в прежнее время отдельными государствами Германии, было недопустимо, в виду объединения денежной системы, а немедленное упразднение их поставило бы государство, в которых они обращались, в тяжелое положение. В виду этого, они были упразднены и временно заменены особыми знаками имперского происхождения, именно упомянутыми казначейскими билетами. Общая сумма последних равнялась 175 млн. мар. По своей юридической природе казначейские билеты — беспроцентные обязательства на предъявителя. Они не были снабжены принудительным курсом и необязательны к приему между частными лицами, но принимались госуд. казначейством в платеж казне. Казначейские билеты были разменны на звонкую монету по предъявлении. В 1914 г. оставались в обращении казначейские билеты только мелких купюр в 5 и 10 марок. После объявления войны кассовые билеты стали неразменны, и им был присвоен принудительный курс. Вместе с тем они были допущены в качестве обеспечения банкнот Рейхсбанка. В 1915 г. имп. казнач. билеты были официально признаны бумажными деньгами, по крайней мере, они выпускались и обращались в качестве таковых. Потребность в 10-марковых банкнотах существовала еще в довоенное время. Во время войны она очень усилилась, и для ее удовлетворения был принят закон от 22 марта 1915 г., которым имп. канцлер был уполномочен произвести выпуск имп. казн. билетов 10-маркового достоинства на сумму 120 милл. марок. Общая сумма

этих билетов, включая 10-марковые и более мелкие купюры, была доведена до 360 млрд. марок. Эта мера имела временный характер, так как предполагалось в дальнейшем заменить казнач. билеты 10-марковыми банкнотами. Большая часть выпущенных казначейских билетов ушла в обращение, так что наличность их в Рейхбанке, где они служили покрытием банкнот, была невелика. К концу 1919 г. она равнялась 32 млрд. марок, к концу 1920 г. — 44 млрд. марок и на 31 декабря 1921 г. — 100 млрд. марок.

Видную роль в финансировании войны сыграли билеты ссудных касс — Darlehenskassenscheine. Ссудные кассы, предназначенные для того, чтобы разгрузить Рейхбанк в такое время, когда последний должен был служить исключительно государственному кредиту, учреждались в Германии несколько раз в течение XIX ст. Они существовали в 1848, 1866 и 1870 г.г. Эти даты сами по себе явно указывают, что германские Darlehenskassen возникли в тревожные эпохи, когда к кредитным учреждениям страны предъявлялись исключительные требования. Подобные же кредитные учреждения существовали во Франции в 1830 и 1848 г.г., но без прав выпускать билеты.

Ссудные кассы, учрежденные в Германии в 1914 г., находились под контролем Рейхбанка. За редкими исключениями, они выдавали ссуды на сумму не менее 100 марок и на сроки не более 3 месяцев. Обеспечением могли служить прочные товары, находящиеся на складе в Германии (под них выдавались ссуды до 50% их цены), ценные бумаги, выпущенные империей или федеральным государством, или бумаги, отвечающие определенным требованиям и выпущенные каким-либо обществом в пределах империи (под ценные бумаги выдавались ссуды от 60 до 75%). Процент по ссудам не мог превышать учетно-ссудного процента Рейхбанка. Ссуды выдавались билетами, выпускаемыми ссудными кассами Darlehenskassenscheine в купюрах от 1 марки и выше. Билеты ссудных касс не были разменны на звонкую монету и при-

нимались в платежн. казне, но не были обязательны для частного оборота. В начале войны билеты ссудных касс были выпущены на сумму менее 250 млрд. марок, а к концу войны выпуски их составили уже более 15 миллиардов марок (1918 г.). Движение эмиссии ссудных касс происходило следующим образом:

СРОКИ:	Было всего выпущено билетов Ссудных касс.	В том числе находилось в обраче- нии.	% находящих- ся в обраше- нии к общей сумме.
	В миллионах марок.		
4 сент. 1914 г. . .	242,7	91,0	37,5
31 дек. 1914 г. . .	1.317,0	445,8	33,9
" " 1915 г. . .	2.347,0	972,2	41,4
" " 1916 г. . .	3.407,0	2.872,9	84,3
" " 1917 г. . .	7.689,0	6.264,5	81,5
" " 1918 г. . .	15.625,5	10.109,2	64,7
" " 1919 г. . .	24.894,5	13.692,0	55,0
" " 1920 г. . .	35.526,0	11.975,3	33,7
" " 1921 г. . .	15.308,0	8.275,0	54,1

Если принять во внимание падение германской марки во время войны, то окажется, что по окончании войны, к началу 1919 г. эмиссия ссудных касс равнялась в переводе на золото приблизительно 12 — 13 млрд. марок. Сумма выпущенных билетов на 31 марта 1920 г. составит в золоте несколько более 2½ млрд., а в 1921 г. — менее 1½ млрд. марок. Выше уже было указано, что билеты ссудных касс, наравне с кассовыми билетами, были допущены к покрытию банкнот, выпускаемых Рейхбанком. Это давало последнему право увеличивать свое билетное обращение в 3 раза против имевшейся у него наличности билетов ссудных касс. (Правило о третьем покрытии, в силу которого билетное обращение Рейхбанка не может превышать более, чем в 3 раза ценности, служащие его обеспечением, было приостановлено только новеллой от 9 мая 1921 г.). Таким образом, чем больше накапливалось билетов ссудных касс в Рейхбанке, тем более увеличивалось его эмиссионное право. В виду этого Банк имел основание увеличивать имевшееся у него в наличности количество билетов ссудных касс, отдавая за них банкноты и затем удерживая их у себя. Этим объясняется то, что значительные

суммы названных билетов не находились в обращении, накапливаясь в Рейхсбанке.

Наличность билетов «судных касс» в Рейхсбанке составляла:

К концу 1915 г.	1,25 млрд. мар.
» 1916 г.	0,41 " "
» 1917 г.	1,30 " "
» 1918 г.	5,26 " "
» 1919 г.	10,89 " "
» 1920 г.	23,37 " "
31 марта 1921 г.	23,95 " "

Влияние этой системы на денежное обращение Германии рассмотрено в ст. о «Денежном кризисе». Что же касается ее значения, как средства финансирования войны, то оно выра-

жается в том, что она давала Рейхсбанку возможность увеличивать сумму выпускаемых банкнот, которыми пользовалось правительство для покрытия военных издержек. При помощи текущих краткосрочных займов, рассмотренных выше, было получено около 1/2 общей суммы средств, добытых с помощью госуд. кредита. Остальная сумма приходится на долгосрочные займы. В результате изложенных мероприятий по госуд. кредиту, госуд. долг Германии выразился в след. суммах по данным «Stat. Jahrb. f. d. Deutsche Reich» — 1921/22:

Состояние госуд. долга на	Облигации имп. займов.	Лотерейные займы.	Краткосрочные обязательства Гос. Казн.		Импер. казнач. билеты.	СУММА.
			Процентные.	Беспроцента.		
Н а р и ц а т е л ь н а я ц е н а в 1 0 0 0 м а р о к .						
31. III—1914	4.697.897,6	—	220.000,0	—	240.000,0	5.157.897,6
» 15	8.276.867,9	—	1.220.000,0	7.218.000,0	240.000,0	16.954.867,0
» 16	28.298.968,3	—	1.936.111,9	9.261.000,0	360.000,0	39.856.080,2
» 17	45.582.808,1	—	4.716.259,5	18.552.000,0	360.000,0	69.211.676,6
» 18	64.122.580,7	—	7.792.842,4	33.028.500,0	360.000,0	105.303.923,1
» 19	80.988.272,8	—	11.408.138,5	63.696.000,0	360.000,0	156.452.411,3
» 20	77.041.199,2	3.627.496,6	10.681.094,6	91.473.404,9	360.000,0	183.183.195,3
» 21	69.341.323,7	3.678.952,0	9.189.674,3	166.329.186,6	360.000,0	248.849.136,6
» 22	55.131.454,2	3.507.692,0	7.028.506,3	271.935.165,3	360.000,0	337.692.817,8

Вилль, на основании детального подсчета, дает более крупные цифры. По его исчислениям, госуд. долг Германии в бумажной валюте составлял на 1 октября 1920 г. 283.511 милл. марок (по Фридману — 285.900 милл. марок на 18/IX 1920).

Эта сумма слагалась из след. частей:

1. Внутр. консолид. долг	85.899 милл. мар.
2. Дисконтиров. правительством обязательства Гос. казн.	138.008 " "
3. Обязательства выданные за выкуп жел. дор.	14.587 " "
4. Остаток долга за приобретение государством жел. дор.	25.103 " "
5. Долг Баварии и Вюртембергу за переход почты	870 " "
6. Возмещение областей и общинам расходов в связи с войной	14.570 " "
7. Долг по почтовым переводам	4.030 " "
8. Суммы принадлежащие Управ. Имп. Кредита и контролю	444 " "

В переводе на золото по курсу марки к концу 1920 г. (100 мар. — 1,35 долл.), вышеприведенная сумма (283.511 милл. мар.) составит 3.827 милл. долл. К ней надо прибавить еще 5.500 милл. мар. зол., в которых выражается, по расчету Вилля, введенная задолженность

Германии в иностр. валюте. В переводе на доллары по паритету эта сумма равняется 1.310 милл. долл. Так. обр., по этому исчислению общая сумма госуд. долга Германии в золоте равнялась к концу 1920 г. приблизительно 5 млрд. долл. или свыше 20 млрд. зол. марок.

Госуд. долг Германии на 31 марта 1914 г. равнялся 5.441 милл. мар. зол. Так. обр., задолженность Германии за время мировой войны увеличилась в золоте приблизительно в 4 раза. Вместе с госуд. долгом увеличилась и доля госуд. бюджета, употребляемая на расходы по госуд. долгу: в 1913 г. она равнялась 6,4% всей суммы бюджета, а в 1920 г. — 22,4%. Платежи по госуд. долгу составляли:

В 1914 г.	173.296.847 мар.
» 1915 г.	1.176.985.900 " "
» 1916 г.	2.208.114.208 " "
» 1917 г.	3.420.847.250 " "
» 1918 г.	5.691.286.476 " "

Финансирование войны из налоговых источников не только вызвало в Германии принудительные возращения,

изложенные Гельферихом, но встречало и весьма серьезные препятствия правительственного характера, о которых также было уже упомянуто выше. Еще во время существования Германской Империи, прямое обложение по установившейся практике было передано в ведение союзных государств. В довоенное время было только два имперских прямых налога, проведенные в 1913 г. Это — единовременный военный налог (Wehrbeitrag) и поимущественный. Имперские финансы были основаны почти исключительно на косвенном обложении и эксплуатации государственных предприятий. С военно-финансовой точки зрения этот порядок имел существенные неудобства. Вследствие высокого местного обложения, платежные средства населения представляли слишком слабый источник для имперских финансов, и Германия приходилось поневоле основывать свою систему финансирования войны на займах и банковской эмиссии, в то время, как население было обложено, в общем, высокими налогами, которые, однако, все же были, в общем, значительно ниже, чем во Франции и Англии *). Лишенная важнейшего финансового орудия, германская система не обладала эластичностью, значение которой так блестяще обнаружилось в Англии.

Финансовая политика Германии была рассчитана на быстрое окончание победоносной войны и на возмещение военных расходов за счет победенных. Если бы эти условия оправдались, то германская политика оказалась бы целесообразной. Но война затянулась, и расходы по займам росли в такой сильной степени, что в позднейший период войны невозможно стало покрывать их из обычных государственных доходов, как предполагалось и делалось раньше, и для покрытия процентов по долгам приходилось делать новые долги. При таких условиях Германия вынуждена была отступить от программы, провозглашенной в начале

*) Совокупность подоходного обременения населения вместе с местными налогами на одного жителя составляла в 1911 г. в рублях: в Германии — 27,38; во Франции — 41,66; в Англии — 48,54. Статья Куна в «Вестн. финанс.» 1913, № 4, стр. 150.

войны Гельферихом, и прибегнуть к усиленному обложению. На этот путь Германия вступила уже с 1916 г., когда имперским правительством был проведен ряд новых налогов. В марте 1917 г. рейхстаг принял дальнейшие меры налогового характера. Но до перехода к республиканскому строю имперское правительство было связано в отношении прямого обложения влиянием юнкерской партии и тем, что прямые налоги служили почти исключительно союзным государствам и муниципалитетам. Реформа системы обложения, проведенная после провозглашения республики, открыла широкий путь к прямому обложению в имперском масштабе. Вследствие этого налогового политика Германии после заключения перемирия характеризуется сильным развитием прямых налогов. В 1920 г. прямое обложение на голову населения в Германии составляло, по сообщению О. Чемберлена в Палате Общин, 452 шиллинга 7 пенсов, в то время, как в 1913 г. оно равнялось только 32 шилл. 10 пенса. Это — рекордное увеличение прямого обложения за период войны.

В Англии прямое обложение на голову населения в период 1913 — 1920 г.г. увеличилось на 977%, во Франции — на 348%, в Италии — на 346%, в Германии — на 1.379%. К 1920 г. Германия заняла первое место по размерам общей суммы обложения, приходившейся на голову населения. По сообщению председателя Французской Бюджетной комиссии Дюмона, эта сумма составляла в 1920 г. в переводе на доллары: в Германии — 175, в Англии — 105, во Франции — 91, в Соед. Штатах — 50, в Италии — 45. Тем не менее, политика усиленного обложения, к которой перешла Германия в позднейший период войны, не спасла положение. Колоссальная эмиссия распатала в конце германскую валюту и подорвала госуд. кредит, а платежи по госуд. долгу и в особенности по репарациям, возложенным на Германию по Версальскому договору, привели в полное расстройство германские финансы. Дефициты сделались хронической болезнью германских бюджетов.

В 1916 г. дефицит по обыкновенному бюджету, не считая военных расходов, равнялся 480 милл. мар., в 1917 г. он достиг 1.250 милл. мар., в 1918 г. — 2.878 милл. мар., а в 1920 г. повысился до 74.855 милл. мар.

Соединенные Штаты. Расходы, вызванные участием Соед. Штатов в мировой войне, определяются приблизительно в 32 млрд долл., из которых около 9 млрд. долл. (29%) были покрыты без помощи займов. Если вычесть из приведенной суммы ссуды, выданные союзникам, в размере, в общем, в 2.250 млрд. долл., то военные издержки Соед. Штатов по 30 июня 1919 г. составят, по словам председателя бюджетной комиссии конгресса, 30.177.000.000 долл. (Богарт).

Для финансирования мировой войны Соед. Штатами было выпущено несколько крупных займов, называвшихся «займами свободы» (Liberty Loans), а в счет будущих поступлений от этих займов выпускались краткосрочные обязательства казначейства, в виде так наз. Treasury certificates of indebtedness *) (казначейские сертификаты задолженности). Казначейство выпускало эти обязательства на короткие сроки и широко пользовалось ими в целях антиинфляционного финансирования военных займов и налогов. Пользование краткосрочными обязательствами не было новостью в финансовой системе Соед. Штатов, но раньше они выпускались большей частью для покрытия временных дефицитов, появлявшихся при исполнении бюджета, вследствие несовпадения во времени госуд. поступлений и расходов. Новейшие обязательства, в виде «казначейских сертификатов», служили средством для производства краткосрочных займов у банков и до известной степени у публики, с последующим погашением из их выручки от займов и налогов. Для финансирования мировой войны, в период от подготовительного периода, предшествовавшего открытию военных действий, до 1 ноября 1918 г., был произведен 81 выпуск казначейских сертификатов через посредство федеральных резервных банков.

Первый выпуск был произведен 31 марта 1917 г. на нарицательную сумму 50 милл. долл., в счет подоходного налога того же года. В том же году было произведено еще 4 выпуска на сумму 868.205.000 долл., в счет 1-го Займа Свободы и еще 6 выпусков на сумму 2.320.493.000 долл., в счет 2-го Займа Свободы. Затем в течение 1918 г. сертификаты выпускались несколько раз в счет подоходного и других налогов и 3-го и 4-го Займов Свободы. Всего было выпущено казначейских сертификатов за указанный период времени на 12.692.559.500 долл.

Отношение сумм, вырученных от сертификатов, к суммам, полученным от Займов Свободы, видно из след. данных:

Займы Свободы.	Выручка от каждого займа.	Выпущен. Казн. сертификаты.	Отношение сертифик. к займам.
1-ый 1917 г. . .	2.000.000.000	868.205.000	43,4%
2-ой 1917 г. . .	3.808.766.150	2.320.493.000	60,9%
3-ий 1918 г. . .	4.170.019.650	2.612.085.500	62,6%
4-ый 1918 г. . .	6.989.047.000	4.665.320.000	66,7%

Американская система финансирования войны приближается к английской во многих отношениях. В Соед. Штатах, как и в Англии, как видно из вышесказанного, существенную роль играли краткосрочные займы с заменой их впоследствии долгосрочными. Вторую черту сходства между обоими системами составляет видное место в ней обложения, в частности прямых налогов. В период от 6 апр. 1917 г. по 30 июня 1919 г. Соед. Штаты получили от обложения 8.400 милл. долл., что составляет более 25% всех расходов (32.428 милл. долл.). Налоговые поступления Соед. Штатов увеличились по сравнению с довоенным временем на 569,6%. Значительно возросло в Соед. Штатах за время войны отношение прямых налогов к косвенным, хотя все же несколько слабее, чем в Англии. В первые месяцы войны это отношение выражалось в Англии в 44,8%, а в 1919 г. оно стало уже 73,9%. За время с 1915 г. до 1919 г. оно поднялось в Соед. Штатах с 12,8% до 67,1%.

В России финансирование войны, благодаря Октябрьской революции и

*) Они называются также просто Certificates of indebtedness или United States certificates of indebtedness.

Государственные долги главных участниц мировой войны в миллионах долларов

(Перевод валют сделан по паритету).

Страны.	Дата до войны.	Сумма долга.	Ежегодный платеж по долгу.	В % к долгу.	Дата после войны.	Сумма долга.	Ежегодный платеж по долгу.	В % к долгу.	Сумма Гос. долга выдана в пользу воюющих стран.	Отношение 1919 к 1914 г.	
										Доля.	Платежей по долгу.
Соед. Штаты	31/III — 1917	1.208	23	1,9	31/VIII — 1919	26.597	894	3,4	25.389	22,1	38,4
Великобритания	1/VIII — 1914	3.458	119	3,4	26/VII — 1919	37.657	1.421	3,9	34.199	10,9	11,9
Канада	31/III — 1914	336	13	3,9	31/III — 1918	1.584	115	7,3	1.528	4,2	8,9
Австралия	30/VI — 1914	93	3	3,2	31/XII — 1918	1.619	50	3,1	1.246	17,4	16,7
Нов. Зеландия	31/III — 1914	446	13	2,9	31/III — 1918	1.734	22	3,0	288	1,6	1,7
Франция	31/VII — 1914	6.598	252	4,0	31/III — 1919	30.494	1.930	6,3	23.896	4,6	7,7
Италия	30/VI — 1914	3.031	103	3,4	30/V — 1919	15.009	577	3,9	11.978	5,0	5,6
Япония	31/VII — 1914	1.261	54	4,3	31/III — 1919	1.284	52	4,0	23	1,0	1,0
Россия	1/I — 1914	5.092	218	4,3	31/VIII — 1919	25.406(1)	766(1)	3,0(1)	20.314(1)	5,0(1)	3,5(1)
Бельгия	1/I — 1914	722	25	3,5	1/IV — 1919	1.889	85	4,5	1.167	2,6	3,4
Греция	31/XII — 1913	188	8	4,3	31/III — 1919	1.521	18	3,5	333	2,8	2,3
Все союзные державы	.....	22.433	831	3,7	.....	142.794	5.930	4,2	120.361	6,4	7,1
Германия	1/X — 1913	1.165	42	3,6	30/IX — 1919	40.007	2.201	5,5	38.842	34,4	52,5
Австрия	1/VIII — 1914	2.631	101	3,8	31/X — 1918	17.071	632	3,6	14.440	6,5	6,2
Венгрия	1/VIII — 1914	1.602	53	3,3	31/X — 1918	8.909	347	3,9	7.307	5,6	6,6
Турция	31/III — 1914	667	45	6,7	31/VIII — 1918	2.002	88	4,4	1.335	3,0	2,0
Болгария	Июль — 1914	171	8	4,7	Март — 1919	1.158	109	9,4	987	6,8	13,6
Все центральные державы	.....	6.236	249	4,0	.....	69.147	3.367	4,9	62.911	11,1	13,5
Общий итог	.....	28.669	1.080	3,8	.....	211.941	9.297	4,4	183.272	7,4	8,6

1) Весенние долги Союзом ССР не признаются. Ред.

аннулированию государственных долгов, получило совершенно исключительный характер и может быть рассмотрено только в связи с общим ходом революции (см. соотв. отдел цикла стат. России). Финансирование войны остальными, сравнительно второстепенными, участниками войны происходило в общем на тех же основаниях, какие были приняты главными державами. Наряду с бумажно-денежной эмиссией использовался госуд. кредит в форме внутренних займов и позаймований у более сильных союзников. Последствиями этой финансовой политики были инфляция и увеличение госуд. задолженности.

Австрия, военные расходы которой определяются в 12,5 млрд. долл., приходилось выпускать свои займы в форме обязательств госуд. казначейства на сравнительно короткие сроки, в виду того, что долгосрочные займы по конституции могли быть заключены только с согласия рейхсрата, созыв которого являлся неудобным по политическим соображениям.

Венгрия (военные расходы составляют 7.195 млрд. долл.), не связанная этим условием, выпускала свои займы в форме госуд. френг. Госуд. задолженность Австро-Венгрии составляла, по данным, сообщаемым в книге «Financial status of Belligerents», в милл. долл.:

	На 1 авг. 1914 г.	На 31 окт. 1918 г.
Австрия	2.631	17.071
Венгрия	1.602	8.909

4.233	26.980

По другим источникам (The World Debts)

3.700 м. д.	24.000 м. д.

В том и другом случае перевод на доллары сделан по зол. паритету, т. е. без учета обесценения австр. кроны.

Госуд. долг **Италии** на 1 янв. 1914 г. равнялся 14½ млрд. лир, в том числе финансируемый долг 12 миллиардов лир. Из финансируемых долгов 10 млрд. лир не подлежали погашению и около 2 млрд. лир составляли погашаемые ренты. По окончании войны, на 1 июля 1920 г., госуд. долг Италии, по данным Statesman's Yearbook 1922 г., равнялся 72,5 млрд. лир, а ежегодные платежи процентов — 3,5 млрд. лир. По сведениям, сообщаемым The European Commercial, от 3 марта 1923 г., текущий

долг Италии увеличился с 1914 г. с 989 милл. лир до 36 млрд. лир.

Мировая война отразилась на госуд. кредите не только воевавших государств, но и нейтральных: государственный долг **Швеции** увеличился на 142%, **Норвегии** — на 182%, **Дании** — на 156%, **Голландии** — на 138% (по данным журнала «Wirtschaft und Statistik»).

L. Ross Gottlieb, «Financial status of belligerents» дает исчисления задолженности главных участников мировой войны в табл. (см. предыд. стр.).

Литература: В. S. Chlepner, «La Théorie économique d. dépenses d. guerre» (Revue d'Econ. Polit., 1919, № 1); E. M. Friedman, «Internat. Finance a. its Reorganization», 1922; E. H. Vogel, «D. inneren Anleihen d. Kriegführenden Staaten im zweiten Halbjahr 1914. Krieg und Wirtschaft, Kriegs-Hefte d. Archivs f. Sozialwissenschaft u. Sozialpolitik», 3-es Heft, 1915; Его же «D. inneren Anleihen d. Kriegführenden Staaten im Jahre 1915». Там же 4. Heft, 1916; H. Köppe, «D. deutschen Kriegsanleihen.» Jahrbücher f. Nat. Cek. u. Stat., 106 Bd. (1916); I. E. Allen, «The War Debt an how to meet it», 1919; H. E. Fisk, «English Public Finance from the Revolution of 1688» (1921); R. Will, «D. schwebenden Schulden d. europäischen gross-Staaten», 1921; W. K. Jordan, «The government War Loans»; I. H. Hollander, «War borrowing», 1919; Verwaltungsberrichte d. Reichsbank; L. Ross Gottlieb, «Financial Status of Belligerents» (с пред. проф. Зелигмана); «Statesman's Yearbook»; E. L. Bogart, «War costs and their financing», 1921; A. H. Gibson, «British Finance during and after the war», 1914—1921; Z. Rheinbildt, «D. deutsche Finanzwirtschaft während des Krieges und die Möglichkeiten ihrer Ordnung», (2 Auf., 1919.); Zimmermann, «D. Finanzwirtschaft d. deutschen Reiches u. d. deutschen Bundesstaaten zu Kriegsausbruch 1914» (1916); Otto Schwarz, «Finanzpolitik im Reich, Staat u. Gemeinde», 1919.

А. Мануилов.

Х. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ. 1. Война, вспыхнувшая в последние дни июля и первые августа 1914 года и быстро охватившая военным пожаром фактически весь европейский материк, для рабочего движения явилась событием, резко, чтобы не сказать — катастрофически, прервавшим нить прежней, довоенной истории.

Политический сдвиг, вызванный об- явлением войны в каждом отдельном государственно-территориальном дви- жении рабочего класса, выразился фактическим отказом от классовой борьбы сначала в международной, а затем и во внутренней политике. Не менее значительны были перемены и в экономических взаимоотношениях классов и в положении рабочего клас- са в каждой из участвовавших в ми- ровом конфликте стран. Все это—если сопоставить положение до и во время войны—дает картины, полные контра- ста.

Что, в сущности, составляло альфу и омегу международного рабочего дви- жения в области внешней политики до войны? На международном социали- стическом конгрессе в Штуттгарте в 1907 г. общая линия внешней полити- ки каждой из примыкающих ко II Ин- тернационалу партий была определе- на резолюцией, в которой говорилось следующее: «Если война угрожает вспыхнуть, обязанностью рабочего клас- са в странах, находящихся под такой угрозой, и их парламентских предст- авителей является использование с по- мощью Международного Социалисти- ческого Бюро, как органа, координи- рующего их действия, всех средств предупреждения войны, какие окажут- ся наиболее целесообразными по уче- ту степени обострения классовой борь- бы и общего политического положения. Если же война, тем не менее, разра- зится, их обязанностью будет вмеша- тельство с целью скорейшего оконча- ния ее и использования, с максимумом напряжения сил, политического и эко- номического кризиса, созданного вой- ной, для пробуждения населения и ускорения падения капиталистическо- го господства».

Другими словами—общепризнанная в рабочем движении линия тактики рабочего класса сводилась к предупре- ждению самого возникновения войны и использования хода ее для борьбы с капитализмом. И такая точка зрения на задачи рабочих организаций—будь то политические партии или профес- сиональные союзы—сохранилась, фак- тически, до самого объявления войны.

Ибо в тот период, когда быстро ско- плялись на дипломатическом горизонте грозные тучи и обмен нот между Ав- стрией и Россией, между Германией и Россией, наконец, между Францией и Германией накалял атмосферу—пози- ции социалистических организаций от- вечали положениями, разработанными на международном социалистическом конгрессе 1907 года.

Австрия объявила войну Сербии 25 июля (нов. ст.) 1914 г. Немедленно пос- ле этого в Брюсселе было созвано эк- стренное заседание Международного Социалистического Бюро, которое не только признало необходимым пере- несть очередной международный кон- гресс, назначенный на вторую поло- вину августа в Вене, в Париж, с изме- нением срока на 9 августа, но опубли- ковало и твердую директиву всем вхо- дившим во II Интернационал партиям и организациям. «На заседании 29 июля — читаем мы в этой директиве— Международное Социалистическое Бю- ро заслушало заявление представите- лей всех стран, находящихся под угро- зой мировой войны, с оценкой полити- ческого положения в каждой из них. Единогласно Бюро признало обязан- ностью рабочих всех этих стран не только продолжать, но и усилить свои выступления против войны и в поль- зу мира, с требованием разрешения австро-сербского конфликта междуна- родным арбитражем. Германские и французские рабочие должны оказать самое энергичное давление на свои правительства, чтобы Германия на- стаивала на более примирительных позициях Австрии, и чтобы Франция заручилась от России обязательством воздержаться от вмешательства в кон- фликт. Со своей стороны, рабочие Ве- ликобритании и Италии должны под- держивать свои протесты с максимумом напряжения сил. Экстренно созывае- мый в Париже конгресс будет мощным выражением миролюбивого настроения рабочих всего мира».

Вместе с тем—в первые стадии ди- пломатической подготовки войны, по- зиции и отдельных социалистических организаций еще не разошлись с по- зициями Интернационала, предпре-

деленными постановлениями конгресса 1907 года. В Германии «Vorwärts» вел антимилиитаристскую кампанию, Жан Жорес упорно и умело направлял французскую социалистическую партию на дело борьбы с быстро надвигающейся войной, а в Англии уже 1 августа, т. е. тогда, когда вне военных событий оставалась из «великих держав» только одна Великобритания, — рабочая партия опубликовала, за подписями Кип Гарди и Артура Гендерсона, горячее воззвание в пользу мира. «Давно угрожавшая европейская война, — говорилось в этом воззвании, — надвинулась на нас. Слыше ли вы, что не было равной опасности для цивилизации. Ваше дело — полностью представить себе всю грозность положения и действовать быстро и энергично в защиту мира. С вами не советовались ни разу относительно объявления войны. Правильна или неправильна была неожиданная погромная атака со стороны милитаристской Австрийской империи на Сербию, факт, что рабочие всех стран могут быть втянуты в конфликт, заставляет напереч все силы, чтобы не быть вовлеченными в войну своими правительствами. Повсюду социалистические и профессиональные организации ведут работу в этом направлении. Повсюду раздаются горячие протесты против жадности и интриг милитаристов и сторонников вооружений. Мы призываем вас к той же работе здесь, в Великобритании, в еще большем масштабе. Организуйте массовые демонстрации против войны в каждом промышленном центре. Заставьте тех представителей правящих классов и их печать, которые стремятся вас связать в сотрудничество с русским деспотизмом, молчать и уважать решения подавляющего большинства народа, нежелающего иметь что-либо общее с подобным бесславным деянием. Успех России в настоящее время будет каменной печатью для всего мира. Нельзя терять ни минуты. Уже теперь, на основании тайных договоров и соглашений, о которых демократия цивилизованного мира знает лишь по слухам, предпринимаются шаги, которые мо-

гут втянуть всех нас в свалку. Рабочие! Стойте, поэтому, крепко за мир! Об'единяйтесь и победите раз навсегда милитаристов и захватчиков-империалистов! Мужчины и женщины Британии! Вам теперь открыта возможность оказать человечеству и всему миру неоценимую услугу! Объявите, что дни грабежей и массовых убийств кончились. Шлите послания мира и братства вашим товарищам, имеющим меньше свободы, чем вы. Долой классовую власть! Долой царство грубой силы! Долой войну! Да здравствует мирное правление народа!»

Английские рабочие больше всех сохранили свое непримиримое отношение к войне. Когда в водоворот военных событий была втянута и Франция, а в Англии кабинет колебался между позициями нейтральности, которой требовала еще 2 августа Лондонская биржа, и участием в военных операциях против средних держав, на что его обязывали соглашения с французским правительством — колоссальные митинги выносили резолюции протеста против войны. Британская секция «Интернационала» собралась на Трафальгарском сквере в Лондоне многотысячный митинг, единогласно вынесший резолюцию, в которой рабочие декларировали свое резкое отрицательное отношение к войне и солидарность с международным рабочим движением, стремящимся об'единить рабочих всех стран для предупреждения вмешательства соответствующих правительств в войну.

Таким образом, вплоть до самого последнего момента, до момента объявления войны, в каждой стране позиции рабочих организаций были в общем и целом интернационалистскими. Но как только гром грянул — движение пережало решительный сдвиг.

В Германии социал-демократия сразу отдала свои голоса военному бюджету, внесенному в рейхстаг правительством Вильгельма II, и в первые же месяцы войны превозгласила «гражданский мир» (Burgfrieden). Существенным аргументом к такой перемене ориентации — от интернационализма к оборончеству — было то, что «дикое

орды казаков» угрожают культуре и цивилизации.

Во Франции дикий выстрел фанатика-монархиста сразил Жюана Жореса, и французская социалистическая партия, выдвинув Реноделя на пост своего официального руководителя, подошла к вопросу о *défense nationale*, о национальной защите, точно так же, как и немецкие социал-демократы. Гюстав Эрве, перекрестивший свою газету «*La Guerre Sociale*» («Социальная Война») в «*La Victoire*» («Победа»), выразил настроение французских социалистов—да и всех оборонцев того времени—крылатой фразой о том, что война сбросила всех с высот небес на землю, и что каждый при этом стал на ноги на своей собственной земле.

А 7 августа и рабочая партия в Англии решила не выступать против военных кредитов, таким образом существенно отходя от позиций, предусмотренных резолюциями Штутгартского конгресса. Правда, к этой дате резолюция, предложенная всем входящим в состав партии организациям Исполнительным Комитетом Рабочей Партии, все еще не разделяла чисто патриотических позиций германской социал-демократии или Объединенной Французской Социалистической Партии. В ней говорилось, что «международный европейский конфликт, в который оказалась вовлеченной и наша страна, рожден политикой равновесия держав, которой придерживались министры иностранных дел, что... сэр Эдвард Грей, как это доказывается фактами, сообщенными им палате общин, обязал, без ведома народа, нашу страну поддерживать Францию в случае какой бы то ни было войны, в которую последняя будет серьезно вовлечена, и дал определенные обещания поддержки прежде, чем Палата Общин получила какую бы то ни было возможность обсудить вопрос, и что рабочее движение повторно заявляет о своей оппозиции политике, вызвавшей войну, и считает своим долгом обеспечить заключение мира возможно скорее и на условиях, дающих полную возможность восстановления дружеских отношений между рабочими

Европы». Но уже в данной резолюции нет безоговорочного отказа в поддержке войны. В дальнейшем же—к концу августа принятие войны английским рабочим стало совершившимся фактом. Когда 29 августа перед Исполнительным Комитетом Рабочей Партии возник вопрос об участии ее в парламентской кампании по набору добровольцев в армию, партия приняла решение в положительном смысле и свое постановление формулировала так: «В виду серьезности положения, созданного европейской войной, Исполнительный Комитет Рабочей Партии соглашается с тактикой парламентской фракции, решившей участвовать в кампании укрепления британской армии, и предоставляет свое помещение под эту кампанию, а также рекомендует входящим в состав партии организациям оказывать всяческую поддержку на местах».

В сентябре и октябре политика военного кабинета уже пользовалась полной поддержкой Рабочей Партии, согласившейся на установление «партийного перемирия» (*party truce*), т. е. отказа партий выступать на дополнительных выборах иначе, как с согласия всех остальных партий, а, в конце-концов, и давшей своих представителей в коалиционный кабинет. Словом—совершенно определенная картина довоенных тенденций мирового рабочего движения в области внешней политики сменяется столь же определенной, но прямо противоположной картиной, как только война быстро вовлекает в свое горнило одну страну за другой. И завершительный мазок к этой картине дает конференция социалистических и рабочих организаций стран Согласия, созванная в Лондоне 14 февраля 1915 г. Международным Социалистическим Бюро России и Великобритании, и на конференции была принята обстоятельная резолюция, дающая идеологическое обоснование позиций оборончества. «1. Настоящая конференция,—читаем мы здесь,—не может пройти мимо глубоких общих причин европейского конфликта, являющегося чудовищным продуктом противоречий, которые раздражат ка-

питалистическое общество, и колоссального расширения империализма, против которых международный социализм никогда не переставал бороться и в которых каждому правительству принадлежит его доля ответственности. Наводнение Бельгии и Франции немецкими армиями угрожает самым основам существования независимых наций и наносит удар по доверию к международным трактатам. При этих условиях победа германского империализма означала бы поражение европейской демократии и свободы. Социалисты Великобритании, Бельгии, Франции и России не стремятся к политическому и экономическому подавлению Германии. Они воюют не с народами Германии и Австрии, а лишь с правительствами этих стран, угнетающими свои народы. Они требуют, чтобы Бельгия была освобождена и компенсирована. Они желают, чтобы польский вопрос был разрешен в соответствии с желаниями польского народа — либо в направлении автономии в границах другого государства, либо в направлении полной независимости. Их желания сводятся к тому, чтобы на протяжении всей европейской территории, от Эльзыс-Лотарингии до Балкан, те нации, какие были присоединены силой, получили право свободного самоопределения. Будучи твердыми в вопросе о борьбе до победного конца, способной выполнить эту задачу, социалисты не менее твердо решились бороться со всякой попыткой превращения настоящей защитной войны в войну завоевательную, которая лишь уготовит новые столкновения, создаст новую почву для недовольства и сведет в большей мере, чем когда-либо, различные народы под двойное ярмо вооружений и войн. Подтверждая, что они остаются верными принципам Интернационала, участники конференции выражают надежду, что в скором времени рабочий класс различных стран вновь объединится для борьбы с милитаризмом и капиталистическим империализмом. Победа держав Согласия должна быть победой народной свободы, единства, независимости и автономии на-

ций в мирной Федерации Соединенных Штатов Европы и всего мира. 2. По окончании войны рабочий класс всех промышленных стран должен объединиться в Интернационале, чтобы уничтожить тайную дипломатию, положить конец материальной базе милитаризма и военной промышленности и утвердить международную организацию разрешения конфликтов между государствами, путем принудительного примирительного разбирательства и арбитража, а также принудить все нации поддерживать мир. 3. Конференция протестует против ареста членов Государственной Думы, против закрытия русских социалистических газет и осуждения их редакторов, так же, как против подавления финнов, евреев и немецких поляков».

В данном документе изложена вся идеология оборончества, как она формулировалась социалистическими объединениями держав Согласия. С заменой конкретных указаний на виновников войны, с заменой слов о «наводнении Бельгии и Франции немецкими армиями» словами о «наводнении «Восточной Пруссии русскими варварами», о «войне не с народами, а правительствами Германии и Австрии», словами о «войне не с народами, а правительствами России, Франции и Англии», о «победе германского империализма» словами о «победе русского царизма и английского империализма» и т. п.—он прекрасно выражал бы идеологию и немецкого оборончества. Фактически точно так же формулировалась она в постановлениях социалистических партий и Средних Держав. Лейт-мотив настроений, сразу же установившихся в рабочем движении каждой из участвующих в войне стран, был, таким образом, четко оборонческим.

Правда, не следует думать, что в согласном концерте не было диссонирующих нот. В Германии и России сразу нота оппозиции войне и резкой, непримиримой критики ее и правительств, толкнувших мир в кровавый водоворот, зазвучала достаточно отчетливо. Большевики—депутаты Государственной Думы—поплатились каторжными работами за свой выдержанный

интернационализм. Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Гааге, Леденбург, даже Эдуард Бернштейн в Германии, Фридрих Адлер в Австрии выступили столь же решительно против милитаризма и империализма, не боясь раздавшихся по их адресу упреков в обслуживании интересов врага и прямых репрессий. Итальянская партия, с момента присоединения Италии к державам Согласия, почти целиком оставалась на интернационалистских позициях. Во Франции значительная прослойка рабочего движения точно так же оказалась вне сферы действия шовинистического угара. Бурдерон, Лорио, Шарль Раппопорт, Луиза Сомонно активно вели борьбу с империализмом «Пуанкаре-войны», а Люнге, Прессман, Мистраль, Майера, Верфейль, Далегин, Фроссар, Мороа и др. энергично строили интернационалистский центр. В Англии «Независимая Рабочая Партия» (Independent Labour Party), во главе с Филиппом Снауденом, Рамзей Макдональдом, Кир Гарди и др., с самого же начала заняла позиции, близкие к прежним позициям Штуттгартского конгресса и, выпустив 13 августа 1914 г. антимилиитаристское воззвание, оставалась верной лозунгам этого воззвания вплоть до конца. «Военный пожар», — говорилась в нем, — охватывает Европу. До последней минуты мы предпринимали все для предупреждения взрыва. Нация должна теперь воспользоваться первой возможностью действительного вмешательства. Что же касается будущего, то мы должны начать готовиться к трудным и опасным осложнениям, какие возникнут с окончанием войны. Народы всюду должны сопротивляться таким территориальным аннексиям и подавлению национальностей, которые уготовят пути к новой войне. По всей Европе рабочие должны настаивать на искренней и честной дипломатической политике, проводимой под их собственным контролем и направленной к уничтожению милитаризма и учреждению Соединенных Штатов Европы, чем и будут сделаны решительные шаги к прочному миру. Если эти шаги не будут сделаны, Европа вслед

за нынешним бедствием будет еще более подчинена господству милитаризма и во все возрастающей степени находится под угрозой кровавой бани. Нам говорят, что международное социалистическое движение умерло, что все наши надежды и идеалы погибли в огне и очумлении европейской войны. Это — неверно. Из тьмы подземных глубин мы шлем приветствия нашим товарищам-рабочим каждой страны. Поверх пушечного грома гремят наши голоса, выражающие солидарность с германскими социалистами. Они, не покладая рук, работали над устоявлением хороших отношений с Великобританией — точно так же, как мы работали над установлением хороших отношений с Германией. Они — враги нам, а друзья. Навязав это ужасное преступление всем народам, их правители, их дипломаты, их милитаристы подписали свой собственный приговор. В потоках крови и ожесточения родится новая демократия. С твердой верой смотрим мы на будущее. Наше дело — святое и непобедимое дело, и труды рук наших не пройдут бесследно. Да здравствует братство и свобода! Да здравствует Международный Социализм!».

И эта струя интернационализма — в той или иной мере сохранившаяся в каждой из воевавших стран¹⁾ — очень скоро сказалась даже попытками международного объединения. Через год, 5 сентября 1915 г., состоялась в Циммервальде первая конференция интернационалистов, а за ней последовала 24 апреля 1916 г. вторая.

Но за всем тем — общая картина политический настроений рабочего класса складывалась совершенно определенно, как картина решительного разрыва с прошлым, с прежними позициями. Оборочество стало лейтмотивом этих настроений. Противники

¹⁾ Говорим „в той или иной мере“ в силу того, что окраска интернационалистских течений не всюду была одинакова. Точки зрения интернационалистов расходились довольно значительно. Не говоря уже о „левом“ (Ленин, Либкнехт) и „правом“ крыле (Макдональд, часть французов), имели и центр. Правое же крыло нематематически переходило в оборочество. Макдональд, например, заявил однажды: „все же не хочется, чтобы в конце войны Англия оказалась на коленях и побежденной“.

войны с трудом проводили свои собрания даже в тех случаях, когда этому не мешало правительство. В Англии, где в этом отношении долгое время к ним не применялись репрессии, сторонники интернационализма встречались рабочей массой крайне недружелюбно—бывали случаи, когда чучела, изображавшие Спаудена или Макдональда, сжигались рабочей толпой—между тем, как представители оборончества выступали при полном сочувствии. Кампания набора добровольцев, производившаяся этими последними, давала блестящие результаты. Например, Уорд, воевавший в составе рабочих, был в состоянии составить из добровольцев несколько батальонов, а Вилль Крукс, популярный мэр Поплара, и ряд других деятелей Рабочей Партии (Labour Party) превратились в любимцев рекрутских митингов. Совершенно ясно, таким образом, что сдвиг, порвавший в последних числах июля и в начале августа все нити между «прошлым» и «настоящим» политической классовой борьбы, во всех воюющих странах представлял собою чрезвычайно значительное событие в истории рабочего движения.

2. Не менее существенный сдвиг пережила и **экономическая борьба** рабочего класса. Правда, такого резкого разрыва, такого определенного изменения всей картины этот сдвиг не дал. Стачечное движение резко сократилось в масштабе, но все же продолжало иметь место. Статистика стачечного движения показывает это совершенно определенно (см. XL, **прилож.**, табл. 54, 55).

В Англии с момента начала войны наблюдалось резкое падение в числе и забастовок и участников их. Но полного прекращения стачечного движения все-таки не было. Стачка попрежнему занимала прочное место в хозяйственной жизни страны. Данные по другим странам свидетельствуют, что она имела место не только в Англии.

Но это не все. Статистика говорит лишь о размахе, а не целях стачечного движения. В последнем же отношении довоенный период отличался особенностями, еще больше оттеняющими значение пережитого экономической

борьбой классов сдвига. Вождь английских железнодорожников, Томас, 7 дек. 1917 года в своем выступлении в Олдвичском клубе перед магнатами капитала характеризовал довоенный период таким образом: «В июле 1914 г. мы были так близки к промышленной революции, как никогда еще в истории нашей страны. Женское движение успело в своей агитации встать против закона и навлечь на него презрение. В Ирландии впервые было установлено, что у английского офицера может быть совесть, которая может не позволять ему выполнять свои прямые обязанности, и что, таким образом, и у рядового солдата нельзя отрицать того же. Поскольку речь идет о профессиональных союзах, то такие крупные организации, как союзы углекопов, железнодорожников и транспортных рабочих решили зимой 1914 года наперекор все силы, чтобы коренным образом изменить хозяйственную жизнь страны. Эти факты, в связи с двумя другими общественными условиями, демонстративным щедрением богатством на глазах у бедноты и нищенской оплатой труда работников—вызвали такой сильное обострение классовой вражды, что лучшим интересам страны угрожали фатальные последствия»...

Действительно, стачечное движение 1910—1914 г.г. отличалось не только интенсивностью и масштабом. Оно представляло собою и углубление содержания экономической классовой борьбы. Уже в 1911 г., во время летнего движения транспортных рабочих (стачки докеров, грузчиков, возчиков, матросов и кочегаров торгового флота и конфликт, угрожавший всеобщей стачкой на железных дорогах), определилось новое настроение рабочей массы в Англии, а примерно к этому же времени аналогично было и настроение рабочей массы и в других странах. Английская печать, начиная с «Times» и кончая «Daily News», все время с 1911 г. и до объявления мировой войны говорила о синдикалистском уломе английских рабочих. И хотя квалификация поворота в рабочих настроениях, дававшаяся буржуазной печатью, отнюдь не отличалась глубиной понимания при-

роды социального феномена, все же нельзя не признать, что, поскольку под синдикализмом понималось революционное профессиональное движение, данное определение является показательным. В самом деле, английское массовое рабочее движение пережило к войне разочарование в силе и значении парламентской работы, стало ша платформу «прямого действия» (direct action) и поставило своей задачей борьбу не с капиталистом, а с капитализмом.

Чтобы понять смысл и содержание рабочего движения во время мировой войны, необходимо поэтому в нескольких словах остановиться и на этом довоенном переломе.

Неудачи экономической борьбы в конце XIX века, обусловленные для Англии сокращением темпа развития производительных сил и вызвавшие тягу рабочих к рабочему представительству, создали в 1906 г. Рабочую Партию в палате общин. Рабочая Партия представляла собою не что иное, как политический аппарат английского профессионального движения, задачей которого было перенесение на политическую арену борьбы, развертывавшейся между трудом и капиталом в ходе повседневных их отношений. Обращение Рабочей Партии означало переход профессионального движения от нажима на отдельного капиталиста или, с объединением капиталистов в мощные организации, на группы промышленников магнатов к нажиму на классовое государство капиталистов в целом. Цели борьбы оставались прежними. Как определили их С. и Б. Вебб в своих двух основных работах («История Тред-юнионизма» и «Индустриальная Демократия») — это была борьба за нормальный уровень существования, предопределяемый нормальной продолжительностью рабочего дня и нормой заработной платы. Неудачи экономических конфликтов в этом отношении толкали рабочих на путь государственного установления нормального уровня существования. Рабочая Партия являлась орудием такого нажима на государство. И первые успехи ее — усвоение либералами, руководимыми

радикалами, Кэмпбелль Баннерманом, Асквитом и Ллойд-Джорджем, программы социальных реформ, принятие рабочих поправок к Акту о пенсиях старости, восстановление законодательным путем отмененного судом права стачек (дело о стачке в Таффской долине) и ряд других парламентских достижений — дали толчок к перенесению центра тяжести всего рабочего движения на политическую арену, при чем шастольно полно был перенесен этот центр, что, как об этом сообщал руководитель Рабочей Партии того времени Рамзай Макдональд, к коммюерам рабочие обращались за разрешением даже таких вопросов, уладить которые мог бы любой секретарь любого отдела, посылв открытку предпринимателю. Деятели Рабочей Партии подумывали даже о том, чтобы временно уйти из парламента и заняться укреплением экономической организации рабочих.

Но парламентские успехи оказались недостаточными, чтобы обеспечить реализацию надежд английских рабочих. Нормальные условия существования, несмотря на все успехи, шли на понижение. Номинальная заработная плата по индексу министерства торговли изменилась за первые годы XX в. чрезвычайно мало (в 1900 г. — 100,0 в 1905 г. — 97,3, в 1910 г. — 100,7, в 1911 г. — 100,9), тогда как стоимость существования возрастала несравненно скорее (в 1900 г. — 100,0, в 1911 г. — 109,4). Таким образом, реальная покупательная способность рабочего класса падала, при чем это падение наблюдалось в момент наибольших успехов парламентского представительства. Если при этом учесть, что исследования Чарльза Бутса, Роуитри и др. доказали чрезвычайно низкий уровень существования всего рабочего класса Англии, так как более трети рабочих находилось к концу XIX и началу XX в. ниже линии бедности (см. **заработная плата, XX, 603, прилож.**), то объективные предпосылки к недовольству парламентскими достижениями станут очевидными.

Реакция на фактическое бессилие парламентского рабочего представитель-

ства естественно вылилась в форму возврата к экономической борьбе и организации. Непосредственный удар на хозяйство — от «голодных бунтов» и разгрома продовольственных лавок (события этого порядка наблюдались чаще в Австрии, Германии и Франции, чем в Англии, но имели место и в этой последней) и до всеобщих стачек, охватывающих целые отрасли промышленности — становится лозунгом дня в рабочем движении. И лозунг этот активнейшим образом проводится в жизнь. Народное хозяйство Англии сотрясается рядом грандиозных конфликтов, в которых участвуют уже сотни тысяч (всеобщая стачка горнорабочих в 1912 г.). Таким образом, движение переходит к тактике «прямого действия».

Для наиболее целесообразного и успешного проведения этой тактики движение, вместе с тем, радикально перестраивается. Узкая цеховщина профессиональных союзов, не позволявшая ранее проведения «стачек солидарности» в массовом масштабе, сменяется новым, производственным принципом организации. Среди железнодорожников Англии, напр., существовало до августа 1911 г. семь основных союзов, при чем всего за несколько лет до этой даты (в 1907 г.) попытка двинуть всю железнодорожную массу на борьбу за повышение заработной платы сорвана была отказом одного союза. В августе этой цеховой разобщенности был положен конец. Не только стачка проводилась совершенно единодушно, но и дальнейшее существование сепаратных цеховых союзов было признано нецелесообразным. Слияние закончилось лишь в марте 1913 г., когда возник в результате его «Национальный Союз Железнодорожников». Но оно прошло по линии производственного объединения и «Н. С. Ж.» явился организацией, объединяющей всех работников, занятых на железных дорогах. Аналогичная консолидация организации имела место у горнорабочих и, частично, у других союзов, при чем движение в пользу замены цеховых союзов производственными прогрессивно развивалось вплоть до самого объявления войны — в августе

1914 г. Этот процесс, к тому же, не ограничился перестройкой союзной организации. Он пережит был и движением в целом. Наиболее ударные профессии, т. е. работники которых особенно необходимы для правильного функционирования всего народно-хозяйственного аппарата (именно транспортники, железнодорожники и углекопы), образовали на конференции 23 апр. 1914 г. «Тройственное Соглашение Труда» (Triple Labour Alliance), основной задачей которого было координирование действий трех боевых организаций, незадолго перед тем бедно закончивших стачки, а основной целью которого является решительный удар по капитализму. Хотя точной формулировки общественно-политических и экономических идеалов этих объединяющихся организаций еще не было в решениях и постановлениях совещаний — настроения участников движения говорили совершенно отчетливо о нарастающей непримиримости к существующему хозяйственному строю. Популярность нового течения, — **гильдейского социализма**, — проповедывавшего к этому времени синдикалистскую идею передачи средств производства в распоряжение профессиональных организаций, построенных по производственному принципу, — свидетельствовала о правильности диагноза, который ставился «Times» и другими буржуазными газетами, усматривавшими в новообразованиях рабочего движения непосредственную опасность для капитализма.

Сравнительная однородность хозяйственного строения и состояния всех зап.-европейских стран предопределяла накануне войны однородность и настроений рабочего класса и обострения классовой экономической борьбы. В этом отношении характерна та вспышка стихийного движения против рыночных торговцев, в которой приняли участие домохозяйки рабочих кварталов и Австрии, и Германии, и Франции, и Англии в 1912—1914 г.г.

Т. обр., канун мировой войны был периодом революционных брожений в области экономической борьбы, брожений, отмеченных преобладанием «пря-

мого действия» и решительной враждебности к основам капиталистической организации хозяйства. Война и в этом отношении внесла значительное изменение в общую картину.

Профессиональное движение, как и политические партии рабочего класса, целиком заняли позиции оборончества. В Германии на конференции правлений профессиональных союзов 2 авг. 1914 г. принято было постановление о прекращении экономической борьбы. «Все вопросы внутренней политики должны утихнуть — писал один из многочисленных органов профессиональной печати в объяснение этой тактики — когда враг у границ отечества». Через несколько дней тон самой шовинистической газеты общей печати буквально воспроизводился в органах профессиональных союзов; «Korrespondenz», орган союза типографских рабочих, напр., писал 20 августа 1914 г.: «Слова имперского канцлера, сказанные им 15 августа сыну Бьернстерне-Бьернсона: «Народ, который востал, как один человек, в полном обладании своих нравственных сил, и который в состоянии совершать столько достойных удивления подвигов, не может очутиться под навесами истории» — эти слова, повидимому, сбываются, должны сбыться после блестящих успехов прошлой недели. То обстоятельство, что японки, подзадоленные Англией, обнаружили главную черту своего характера, свое коварство, и на прошлой неделе объявили войну Германии, которой они так много обязаны своим военным образованием и всею своею культурою, не меняет дела. Наша возьмет».

В Англии «тон» профессиональных союзов был иным, но это не меняло дела. Ибо и в Англии союзы поспешили объявить перемирие на арене экономической борьбы рабочего класса. Парламентским комитетом конгресса тред-юнионов был немедленно после объявления войны опубликован специальный «манифест к тред-юнионистам страны», в котором еще нет ничего, кроме призыва к участию в войне и добровольному вступлению в ряды армии, во избежание введения воин-

ской повинности. Но все союзы сами отказались, сразу же после объявления войны, от права стачки с тем результатом, что первые месяцы войны дали чрезвычайное сокращение конфликтов. Фактически, в августе 1914 г. все тогда имевшие место конфликты были объявлены прекращенными на основе прежних отношений между рабочими и работодателями, и, лишь год спустя, рабочие почувствовали, что «имеются основания сожалеть об одностороннем отказе от использования орудия экономической борьбы.. в виду растущего сознания, что капиталисты наживаются на войне и на бедствиях нации» *).

Но пока от прежнего, чем характеризовалась экономическая борьба до войны, с наступлением этой последней не оставалось ничего. Картина и в области этой борьбы изменилась столь же резко, как и в области политической борьбы. *Burgfrieden, la Paix Sociale, Party Truce* — стали лейтмотивом взаимоотношения классов немедленно после декларации войны..

3. Первые моменты войны — вплоть до конца 1915 г. — эта картина классового перемирия или гражданского мира оставалась неизменной. И этому, в значительной степени, содействовала общеполитическая и хозяйственная обстановка первого периода войны. Основной особенностью этой последней было напряжение всех сил государства на борьбу с отрицательным влиянием войны на положение населения.

Наиболее последовательно и всесторонне, а также и наиболее планомерно проводилась борьба с отрицательными последствиями войны в Германии, где подготовленность страны к военным действиям и значительная оторванность от внешних рынков обусловили широкое и немедленное применение мер, получивших название «военного социализма» («Kriegsozialismus»). Однако, в Англии, где не было аналогичной подготовленности, английский империализм предполагал и в 1914 г. ограничиться таким же частичным участием в континентальной войне, к ка-

*), „Labour Yearbook“, за 1916 г., стр. 47.

кому свелась роль Англии в наполеоновские войны и где промышленная анархия, идеологически отображенная индивидуалистическим либерализмом с его проповедью государственного невмешательства, особенно рельефно отгенили новые мероприятия — мы находим более яркую картину попыток капиталистического государства парировать негативные последствия военной разрухи.

Перспектива мировой войны всегда рассматривалась вдумчивыми экономистами и социологами, как перспектива катастрофического расстроения всего мирового хозяйства. «Когда зерновые суда Египта и дань Галлии и Испании перестали приходить в Рим — писал почти в самый канун войны видный английский социолог — численность города упала с миллиона приблизительно до трети этой цифры. Но теперь тридцать пять из сорока пяти миллионов обитателей Соединенного королевства зависят в продовольственном снабжении от системы мировых сношений, отличающихся несравненно большей сложностью, чем созданные для питания своих столиц Ассирией или Римом. Пусть вспыхнет европейская война, война, быть может, между Тройственным Союзом и Тройственным Союзом... Что будет в конце ее с населением Лондона, Манчестера, Хемница, Бремена или Милана?»... Когда эта перспектива еще была отдаленной, когда, фактически, война казалась еще предостергаемой, — экономические последствия войны рисовались в виде «бесконечной галереи несчастья, нищеты, голода и общественного расстройств» **).

Для Англии, которая совершенно не учла в своих военных планах экономического действия войны, действительно, разрыв дипломатических переговоров, а затем и фактическое объявление, 4 августа, военных действий повлекли за собой полнейший общественный обвал. В первые недели войны финансовая организация, этот нервный центр

экономического организма в капиталистическом обществе и, вместе с тем, барометр хозяйственной «погоды», оказалась парализованной «чернейшей паникой, которую когда-либо переживало Сити» *).

Кривая безработицы — этот другой показатель состояния хозяйственной жизни — сразу сделала резкий скачек вверх, достигнув в августе 1914 г. уровня, наблюдавшегося в Англии обычно только в годы суровой промышленной депрессии — пропорция безработных среди организованных рабочих поднялась до 7%, тогда как в предшествовавший разрыву дипломатических сношений месяц (июль) она выражалась цифрой в 2,8%. Равным образом и цены на предметы первой необходимости сразу же сделали резкий скачек, достигнув 8 авг. уровня, на 16% превышавшего цены июля 1914 г., чем вызвана была паника среди потребителей. Среди самостоятельного населения стала наблюдаться тенденция к «накоплению» продовольствия. Наконец, хозяйственные операции страны не могли не пострадать существенно от прекращения прежних торговых сношений и частичного или полного закрытия доступа английским товарам на те или иные рынки. Экспорт Англии, сократившийся в течение августа 1914 г. почти вдвое (именно на 45%), в последующие месяцы поднялся лишь незначительно, а, с другой стороны, и английский импорт подвергся аналогичным изменениям. Так, по отношению к соответствующим месяцам 1913 г., принятым за 100, экспорт и импорт составляли:

	Экспорт.	Импорт.
авг. 1914 г.	54,9%	75,7%
сент. »	61,7%	75,4%
окт. »	61,4%	71,9%
нояб. »	55,0%	71,7%

Словом, картина тяжелой торговой, промышленной и финансовой депрессии была налицо. И это вытекало естественно и необходимо из самого характера влияния войны на народное

*) „The Great Society“ Грайяма Уолласа, Лондон 1914 г. стр. 13 (книга вышла в свет в июне 1914 г.)

**) „What war with Germany would mean“ „Nation“ от 3 авг. 1912 г. стр. 646.

*) The Commercial and Financial Outlook: a City Man's Views Г. Дж. Дженнингса, „Nineteenth Century“, Сент.-Окт. 1914 г.

хозяйство. Что, в самом деле, составляет основную сущность капиталистического хозяйства? Разумеется, приспособление народно-хозяйственного аппарата к состоянию мирового товарного рынка. Другими словами, страна с развитым хозяйством, построенным на капиталистических основах, всегда необходимо зависит от нормального состояния торговых сношений. Англия в этом отношении накануне войны была страной, жизненно-заинтересованной в развитии и укреплении внешней торговли. 67,6% производимых ею товаров шло на рынок. Импорт ее на 37,7% состоял из продовольствия, а на 36,6%—из сырья. Не более 13,8% общего зернового потребления ее и 63,7% потребления мясного покрывалось туземным хозяйством. Не следует забывать также, что целый ряд существенных статей потребления—вроде сахара—вовсе или почти-что вовсе не производился здесь. Разрыв торговых сношений и прекращение доступа на целый ряд рынков, поэтому, означая для Англии сокращение импорта и экспорта, связан был неизбежно с сокращением производства, из-за отсутствия сырья и рынков для сбыта фабрикатов, а следовательно, и с серьезной безработицей; затем он ставил и население в целом пред перспективой прямого голода из-за отсутствия продовольствия. Если добавить к этому ту экономическую аксиому, которая со времен Адама Смита считается твердо установленной,—а именно то, что каждая импортирующая страна расплачивается, в конечном счете, за свой импорт экспортом, что за отсутствием вывоза сокращается и ввоз,—и причины надвинувшегося на Англию (и на все остальные воюющие страны) кризиса станут ясными. Ибо война, как это вытекает из самой сущности ее, приводит не только к боям на полях сражений, но и к экономической блокаде, т.-е. с железной логикой создает положение, требующее немедленной переустройства всего хозяйственного аппарата применительно к условиям, когда международное товарное обращение серьезно урезано, угрожая, в противном случае,

создать «бесконечную галерею» несчастия, нищеты, голода и общественного расстройств. Финансовая паника 1—4 августа и массовый расчет рабочих, последовавшие немедленно за началом военных действий, были симптомами начавшегося хозяйственного разложения...

Однако, весьма быстро эти симптомы стали исчезать из хозяйственной жизни страны. Финансовая паника, угрожавшая в корне подрезать функционирование кредита и обмена, прошла; государство с небывалой легкостью реализовало первые свои крупные внутренние займы в 100 и 225 миллионов фунт. стерл (см. выше **финансирование войны**); Английский Банк, в свою очередь, оказался в силах накапливать золотой запас и поднять его до размера, которого этот запас не достигал и в мирное время, вовсе не вызывая обесценения бумажных денег и не выводя в заметной степени из обращения находящейся на руках золотой монеты. Кривая безработицы, затем, во второй уже месяц войны стала свидетельствовать о понижении пропорции безработных, и эта значительная тенденция установилась прочно. Более того, никогда еще в истории английского рабочего класса не наблюдался столь низкий уровень безработицы, как во время войны (см. **XL прилож. А.**, табл. 52.)

Аналогичную судьбу претерпели в начальные моменты войны и цены на предметы первой необходимости. Если данные первой недели говорят о тенденции спекулятивного их повышения, то в дальнейшие месяцы 1914 г. устанавливается некоторая неизменность цен. И в последние годы войны повышение цен в Англии оказалось даже значительно меньшим, чем во многих других странах (см. **XL прилож. А.**, табл. 43).

Так обр., налицо имелся факт далеко не столь тяжелого промышленного и торгового кризиса, какой казался неизбежным по объективным предположкам. Отрицательное влияние войны на хозяйство было частично парировано.

Объяснение этому даст факт, наличие которого и поддерживала в течение

ние долгого времени состояние классового перемирья, установившееся в первые дни военных операций. Факт этот—система военного социализма, проявившегося капиталистическими государствами, приспособление административным и законодательным аппаратом этих государств всего народного хозяйства, оказавшегося недостаточно гибким, к условиям военного времени. В первые недели войны,—как писал в октябре 1914 г. один английский биржевой деятель,—«налицо имелись паралич кредита, золотой голод и кризис денежного обращения, которые, не будь приняты быстрые и решительные меры, запутали бы в безнадежный клубок все деловые операции». Такие меры были приняты не охваченными паникой финансовыми деятелями, не многочисленными фабрикантами, которые и в Англии, и во Франции, и в Германии сразу стали обращаться к правительствам за помощью, а государством, всюду объявившим «мораторий» и выработавшим сложную систему мероприятий по борьбе с экономическими последствиями войны.

Эти мероприятия развернулись в трех направлениях. Реорганизация промышленности под государственным контролем, применительно к условиям военного времени, обеспечения пострадавшим от войны и организация снабжения населения. В общей сложности все эти меры и составили тот «военный социализм», который побудил одну английскую радикальную газету (Daily News) в дек. 1914 г. говорить о «превращении Англии в Мекку социализма». Даже «Times», старый палладин финансовых интересов, осторожно признавал (14 дек. 1914 г.), что, «хотя в нынешней стадии войны было бы бесполезно размышлять о политических и социальных проблемах, лицом к лицу с которыми Англия будет стоять по восстановлению мира, мы уже теперь распрощались со многими привычными методами мышления и поведения»...

Разумеется, далеко не сразу и не всюду одинаково наступил период «военного социализма». В Германии, более точно учувшей хозяйственные

условия в военное время, государственное вмешательство сразу четко поставило вопросы военного контроля и управления промышленностью и продовольственного снабжения населения.

В Англии к той же политике государство подходило шаг за шагом, по мере выяснения живой потребности в расширении области государственного вмешательства. Но, за исключением деталей, общая картина «военного социализма», в конечном счете, оказывалась одинаковой.

4. Хронологически первым в Англии был поставлен вопрос не огосударствления промышленности на время войны (как в Германии), а обеспечения населения. Уже 4 августа кабинет Асхвита, объявив войну Германии, создал вместе с тем и «Правительственный Комитет по предупреждению и обеспечению бедствия» (Government Committee on Prevention and Relief of Distress), сосредоточивший в своем ведении контроль над деятельностью многочисленных «местных» и «специальных» комитетов («Центральный Комитет по подысканию работы женщинам», «Центральный Комитет для Лондона», «Осведомительный Комитет», «Комитет по жилищному вопросу», «Комитет по сельскому хозяйству» и т. д.). Вместе с тем, всем существовавшим до того публично правовым организациям парламент предписал оказывать полное сотрудничество «Правительственному Комитету», раз их работа так или иначе скрещивалась с работой последнего. Муниципалитеты, «Дорожный Совет» (Road Board), «Комиссия по развитию естественных ресурсов страны» (Development Commission), бюро труда и все департаменты министерства были приглашены к участию в работах вновь созданных органов.

В основу деятельности государства по укреплению распятого войною в самом своем фундаменте общественного организма положено было «справедливый труд», признание государством своей прямой обязанности доставить лишенному средств к существованию населению платное занятие. Уже 2 августа 1914 г. министерство местного

управления определило задачу в следующей формуле: «Наилучший способ обеспечить выброшенных войною на улицу рабочих — это дать им какое-либо платное занятие»¹⁾. Это положение явилось логическим следствием из анализа характера той безработицы, которая была неизбежным продуктом общественного расстройств, наступившего вслед за объявлением войны. В обычных условиях производственной жизни общее сокращение спроса на труд возмещается для отдельного рабочего тем, что возможность найти работу для него никогда полностью не исчезает. Состав армии безработных далеко не постояен, и в личной истории каждого рабочего периоды безработицы всегда более или менее непродолжительны. В годы промышленного кризиса, напр., находилось без работы четыре недели и более средн только 21,1% всего числа безработных союза механиков, и 24,8% союза токарей и плотников²⁾. Типичной является «не хроническая безработица немногих, а постоянная потеря времени то теми, то другими единицами относительно значительной группы рабочих, большинство которых чаще находится на работе, чем без работы»³⁾. Такое положение вещей обуславливается природой промышленных кризисов, не меняющих основного строения промышленности и ее функций, а лишь приводящих к свертыванию на время объема производств. активности части предприятий. Но в военное время перспектива нахождения работы совершенно исчезает, если в противовес резкому перемещению во всей хозяйственной активности не создаются совершенно новые производственные функции. Ибо факт полного исчезновения либо значительного сокращения внешних рынков определенных отраслей народного хозяйства означает, что производство на эти рынки медленно прекращается и не может

быть восстановлено вплоть до окончания войны и даже дольше. Для текстильного рабочего, который в августе 1914 г. оказался в числе 42,1% безработных бумагопрядильщиков и ткачей, потерявших работу из-за резкого сокращения спроса на текстильные изделия, в перспективе имелась только длительная, затяжная безработица, если бы на смену производству бумаги и ситца не пришло требующее его знаний производство тканей для аэропланов частей, если бы в отсутствии такой естественной замены одной работы другой государство не пришло к нему на помощь специально предоставленным «платным занятием». Словом, военная безработица вытекала из факта исчезновения, в общей сумме производ. активности, целого ряда функций, исполнители которых оказывались вышибленными из промышленной жизни.

И нужно заметить, когда в Англии население почувствовало первые удары войны по хозяйственному аппарату — еще неясны были экономические требования этой войны, еще не определилось то, что впоследствии стало самоочевидным, а именно то, что война, убив ряд производственных функций, создала такую колоссальную потребность в целом ряде новых функций, что на смену проблемы безработицы перед государством была поставлена проблема отыскания дополнительной рабочей силы... Поэтому лишь одна проблема безработицы в первые месяцы обрамала на себя внимание и рабочей массы и государственной власти. По характеру военной безработицы требовал непривычных мер борьбы с нею. Последние теряли в новых условиях значительную долю дееспособности. Английская система страхования от безработицы ограничивала срок выдачи пособий безработным всего 15 неделями в году на каждого безработного. Профессиональные союзы точно также не обеспечивали своих членов, в случае затяжной безработицы, так как лишь 23,7% всего числа членов союзов имели право на получение пособий в течение более 26 недель в году. При этом, на государственном страховании

¹⁾ Memorandum for the Guidance of the Local Committees on Prevention and Relief of Distress. Cd. 7603-1914 г., стр. 25.

²⁾ Report of the Conference on the Prevention of Destitution, Лондон, 1911 г., стр. 382.

³⁾ Бверидж, «Unemployment». Лондон, 1912 г., стр. 72.

накауне войны находилось всего 2.282.324 рабочих, а на союзном — 2.364.489. Между тем, безработица, в результате войны, приобрела неопределенно-длительный характер. Очевидно, для обеспечения огромной армии безработных, доходившей в некоторых отраслях промышленности чуть ли не до половины (42,1% у текстильщиков), на государство возложено было совершенно непосильное бремя, а сохранение довоенной длительности срока, в течение которого пособия выдаются, не обеспечивало бы безработных. Не менее слабой оказывалась и другая довоенная мера — посредничество по прискаию работы. Вообще, имеющее силу и способность только по отношению к тому виду безработицы, которая является результатом местных промышленных кризисов и плохой осведомленности рабочего о перспективах работы в других местностях — посредничество это теряло почти всякий смысл в условиях общей затяжной безработицы. И естественным выводом из факта длительности безработицы было применение принципа обеспечения путем подыскания «платного занятия». Практически это сказалось рассылкой циркуляров, намечающих необходимость использования оказавшейся избыточной производственной энергии страны. Местным самоуправлениям предлагалось не применять ложной экономии, в виде сокращения предпринятых или намеченных работ по постройке школьных зданий, расширению водопроводной, газовой, трамвайной или канализационной сети, по ремонту улиц, застройке участков, отведенных под рабочие жилища и т. п. Министерства, заказы которых возросли во много раз с открытием военных действий, особенно военное и морское, предприняли шаги, чтобы обеспечить привлечение на эти работы возможно большего числа рабочих. С этой целью они разослали предпринимателям циркуляр, настаивающий, как на одном из обязательных условий контракта, на «найме добавочных рабочих», предпочтительно перед введением «сверхурочных работ» и на «отдаче части за-

казов другим фирмам»¹⁾, если наличный рабочий персонал и техническое оборудование фабрики не позволяют выполнить контракт в обусловленному сроку. Этим, однако, дело не ограничилось. Различным общественным и правовым организациям было ассигновано, в общей сложности, свыше полутора десятка миллионов фунтов ст., если не считать «национального фонда принца Уэльского», собранного по добровольной подписке и утилизированного отчасти и для организации борьбы с безработицей. Назначение всех этих средств было ясно: организация «общественных работ», но не того типа, который применялся в самой Англии еще с восьмидесятых годов, т.-е. «не вспомогательных работ (Relief Work), а общественно необходимых работ, требующихся населению». «Где только возможно — писало в своих циркулярах и «руководстве» министерство местного Управления — подобные работы должны быть работами, которые нормально могли бы выполняться местными самоуправлениями». Одним из примеров таких работ была постройка рабочих жилищ, потребность в которых никогда в Англии не была удовлетворена: в одной английской деревне «неудовлетворенная жилищная нужда выражается цифрой, по меньшей мере, в сто двадцать тысяч коттеджей», а что касается положения в городе, то здесь «квартирная нужда широко распространенное зло», так как «не менее одной десятой всего населения живет в условиях невозможной скученности» (см. том II, Report on Land, Urban, Лондон, 1914 г., стр. 70 и 205). Что же касается планов самих комитетов, то предложения о них дает открытие центральным комитетом по нахождению работы женщинам, при сотрудничестве министерства земледелия и «комиссии по развитию экономических ресурсов», фабрик по сушке и консервированию плодов и овощей — дело, до войны почти вовсе не развивавшееся в Англии, благодаря снабжению ее германскими и американскими сушеными и консервирован-

¹⁾ Board of Trade Labour Gazette, сентябрь 1914 г., стр. 322.

ными плодами и овощами. И подбор работников на эти работы намечался в первые дни и недели войны совсем уж не так, как это делалось при организации «общественных работ» в прошлом, когда считалось «надлежащим, чтобы наиболее нуждающиеся кандидаты на работу получали ее первыми»¹⁾, независимо от их пригодности к данной работе, по степени лишь их нуждаемости. Комитет настаивал на том, чтобы «работы, предпринимаемые местными самоуправлениями, будь то работы нормальные или чрезвычайные, выполнялись обычным порядком, рабочими, специально подходящими к данного рода работам и подобранными, как таковые, на общем рабочем рынке, а не теми, кто занесен в регистры местных комитетов в качестве нуждающихся в помощи»²⁾. Другими словами, — речь шла не об организации помощи, а о стабилизации общего спроса на труд, т.-е. о планомерном воздействии на рынок труда с целью разрежения его от безработных путем замены «одних производственных функций другими».

Вторым актом английского правительства было усиление забот о тех, кто и реорганизацией хозяйственной жизни страны оставлен был за бортом. Как ни целесообразна была политика организации общественных работ, взятая сама по себе, она все-таки не вводила еще всю хозяйственную активность страны в новое русло, не давала еще возможность поглотить неиспользованную производственную энергию полностью. Ибо при том принципе, который был положен в основу организации общественных работ, наем на новые работы должен был производиться по специальности, а это означало, что специалисты производств, утерявших с войной свое бывшее зна-

чение в экономике страны, некоторое время все еще продолжали бы оставаться без работы. Отсюда вытекала необходимость пополнения данной меры и специальным страхованием от безработицы. Само собою, существовавшая до того система страхования на время войны оставалась в полной силе. Но уже в конце окт. 1914 г. была сделана попытка расширить его: дополнительный акт установил субсидирование страховых фондов факультативных организаций, обеспечивающих своих членов от безработицы.

Сумма установленной субсидии, которая выдавалась должна была преимущественно профессиональным союзам, желавшим, в зависимости от размера выплачивавшихся союзами пособий, с одной стороны, и, с другой, от размера дополнительного самообложения работающих членов союза, самообложения, без которого профессиональная организация не имела права на субсидию. Размер этого самообложения должен был быть равен, если размер недельного пособия составил размеры недельных взносов по самообложению:

		Для субсидии в	
		одну шестую	в одну треть
		пособий.	пособий.
Не менее 13	шил.	1 пен.	2 пен.
" "	13—15 "	2 "	4 "
" "	15—17 "	3 "	6 "

Вместе же с установленной основным страховым законом субсидией кассам безработицы, дополнительная субсидия выразилась бы от одной трети до половины всех расходов профессиональных союзов.

Таким образом, обеспечение рабочих от последствий военного краха промышленности составляло основную ось внутренней политики в Англии. Франция следовала по стопам своего союзника, и хотя, с одной стороны, превращение ее в арену непосредственных военных действий, а, с другой, большая неподготовленность ее, по сравнению с Англией, к такого рода мерам, дают и более скромную картину, факт выдвигания на первый план проблемы обеспечения рабочих от таких последствий войны и здесь становится главным фактом внутренней жизни. В Германии условия довоенного времени и характер ее хозяй-

¹⁾ См. Report of the Select Committee of the House of Commons on the Distress from Want of Employment, Cd. 3211, 1896 г., стр. 10.

²⁾ Memorandum on... Prevention and Relief of Distress, стр. 25. «Только тогда, когда много выхода не остается», комитет допускает, что потребуются организация и вспомогательных работ. Но и в этих случаях местные комитеты должны организовывать работы либо с целью доставить работникам технические познания и образование, либо для производства продуктов, которые иначе не могли бы вовсе производиться».

ственного положения заменили эту проблему иными. Но с самых же первых моментов войны основная линия внутренней политики всюду пролегла по направлению к обеспечению рабочих от осложнений в тылу.

Этой политикой и объясняется то, что в течение всего периода времени, закончившегося осенью 1915 года, рабочий класс всюду отдал себя всецело в распоряжение военного аппарата. Именно готовность государства обеспечить рабочих являлась и в Германии, и во Франции, и в Англии аргументом в пользу полного, безоговорочного отказа от стачки и от политической борьбы. Именно наличие законодательных актов, говорящих о такой готовности, побудила английских металлистов, наприм., уже в дек. 1914 г. начать переговоры с предпринимателями и с государством о полном отказе от защиты своих интересов на условии полного восстановления всех установленных Амальгамированным Обществом Механиков правил внутреннего распорядка по окончании войны.

5. От этой политики, однако, все участвующие в войне государства вскоре были вынуждены отказаться. А параллельно с этим и прежнее настроение рабочих быстро начало сменяться противоположным.

В первую очередь, в практике хозяйственной жизни вовсе не наблюдалось того промышленного краха, который рисовался неизбежным в первые моменты войны. Имел место не крах, а сдвиг, — сдвиг, разумеется, крайне болезненный и тяжело отражавшийся на положении масс, но отнюдь не повергавший страны, участвующие в войне, в бездну нищеты, несчасть и общественного расстройста. Что, в самом деле, имело место? Ряд производственных функций, выполнявшихся в связи с требованиями международной торговли, был вычеркнут из хозяйственной жизни. Ряд работников, оказавшись, поэтому, не у дел. Но то, что было вычеркнуто, прекращением международных отношений, оказалось возмещенным ростом спроса со стороны государства. Одного примера будет до-

статочно для иллюстрации этого факта. Из всей продукции английской текстильной промышленности в довоенное время на удовлетворение спроса армии и флота шло меньше 1%; после того, как английская армия развернулась до размеров, потребовавшихся для обслуживания огромных фронтов, 60% всей этой продукции стало идти на армию и флот. Таким образом, безработица в текстильной индустрии, сильно поднявшейся с прекращением доступа на мировой рынок для английских тканей, оказалась автоматически сведенной, в конечном счете, на нет. Уже в 1916 г. предлагалось населению не закупать шерстяных тканей. Еще значительнее было влияние государственного военного спроса на рынке тяжелой индустрии. Здесь уже к середине 1915 г. спрос стал катастрофически превышать предложение, и армия оказывалась недостаточно снабженной снарядами, пушками и т. п. В Германии, подготовившейся именно к тому размаху военных операций, какой эти последние и приобрели, весь строй хозяйственной жизни чрезвычайно быстро и потому с несравненно меньшими трениями и большей планомерностью был приспособлен к условиям военного времени. В Англии процесс приспособления затянулся на гораздо более длительный период. Но и здесь он закончился. А с окончанием его, на смену проблеме безработицы пришла проблема отсутствия рабочей силы. Прежняя квалифицированная рабочая сила — по преимуществу мужская — повсеместно стала заменяться рабочей силой женщин, до того не принимавших участия в общественно-организованном хозяйстве: домашние хозяйки, женщины без занятий и профессий быстро стали заполнять — сначала путем добровольного, а затем и путем принудительного (в порядке трудовых мобилизаций) набора — предприятия. Общие итоги этого процесса вовлечения женского труда в производство сказались уже в 1915—1916 г., но особенное значение имеют, конечно, позднейшие цифры, так как они дают представление о законченном процессе. В Англии, напр., положение дела было таково:

	Женщины занятые в июле 1924 года.	Увеличение числа женщин в апреле 1918 г.	Число женщин прямо заменивших собою мужчин.
Индустрия	2.176.000	637.000	531.000
Правительствен. пред- прият.	2.000	197.000	187.000
Газ, электричество, вода (коммун. предприятия).	600	4.000	4.000
Сельское хозяйство (по- стоянные рабочие).	80.000	9.000	40.000
Транспорт.	17.000	76.000	79.000
Трамвай (коммуналь- ный).	1.200	18.000	17.000
Финансово-банковское дело.	9.500	63.000	59.500
Торговля.	496.000	354.000	352.000
Свободные профессии. Отели, торговля спирт- ными напитками, ки- но-магистраты, театры и т. д.	50.000	57.000	22.500
Почта.	181.000	25.000	44.500
Государственные уч- реждения.	60.500	59.500	64.000
Служба в местных са- моуправлениях.	5.500	99.500	89.000
	196.200	31.000	26.000
	3 276.000	1.532.000	1.516.000

Помимо значительного расширения применения женского труда, новые хозяйственные условия приводили еще и к дальнейшему разжижению квалифицированного труда (dilution of labour) путем замены ручного труда трудом машинным. Самый факт вытеснения женским трудом труда мужчин представлял собою скорее не самостоятельное явление, а прямое следствие этой замены ручного квалифицированного труда трудом неквалифицированным при машинах нового типа, что, в свою очередь, было результатом усиления спроса на производительные силы со стороны государственного аппарата. В упомянутом уже выше соглашении английского правительства с профессиональными союзами основным пунктом было именно то, что союз отказывался от применявшейся им в течение чуть ли не полустолетия практики недопущения неквалифицированных рабочих к ряду производственных функций. Объясняемое желанием создать монопольное положение для определенного вида труда, стремление наложить запрет на исполнение этих функций необученными рабочими оказывалось в противоречии с

потребностями развернувшегося производства, для которого наличный кадр обученных рабочих был уже недостаточным. Совершенно ясно, таким образом, что ни о каком крахе промышленности не могло быть и речи уже к концу 1914 г., что, напротив, колоссальный спрос, созданный войной, обеспечил необычайный расцвет промышленной активности. Вряд ли приходится говорить, что в период войны расцвет последней вел не к созданию, а к уничтожению материальных ценностей в невиданном масштабе. Все то, что производилось, исчезало в порохом дыму на полях Бельгии, Франции, Восточной Пруссии, Польши, Галлии и в сотне других мест. Но экономическое отображение войны, тем не менее, оказывалось, в самом процессе развертывания военных операций, далеко не таким, какое ожидалось до фактического возникновения войны. Лишь впоследствии, когда спрос со стороны государства резко сократился до довоенного, примерно, объема, т.е. после заключения Версальского мира (и то не сразу), наступил тот промышленный крах, которого так опасалась экономическая мысль накануне войны. В практической политике государства этот факт, понятно, не мог не отразиться заменой постановки вопроса об обеспечении безработных проблемой изыскания рабочей силы. Принудительный труд в тылу необходимо должен был уравновесить принудительный труд на фронте, всеобщая трудовая повинность с прикреплением рабочих к предприятиям явилась логическим следствием и дополнением всеобщей воинской повинности и прикреплением солдат к определенным армейским единицам. Милитаризация промышленности и труда вытекала из подчинения всего производства нуждам войны и недостаточности наличных производительных сил для дееспособного ведения этой последней. Каков же был логический вывод из положения? Он намечался уже упомянутыми выше переговорами союза механиков, которые весьма быстро, на мартовской конференции всех, объединяющих рабочий персонал, «военной

промышленности», организаций, со-
званной английским министерством
финансов (Ллойд-Джорджем) и мини-
стерством торговли (Ренсменом), были
санкционированы, фактически, всем ра-
бочим движением в лице его руководи-
телей. Конференция 19 мар. 1915 г. вы-
несла решение, которое было подписа-
но и правительством и представителями
рабочих, и которым милитаризации
труда придавался характер доброволь-
ного соглашения между рабочими ор-
ганизациями и государством. Оно гда-
сило: «Представители рабочих на на-
стоящей конференции будут рекомен-
довать своим организациям нижесле-
дующие предложения на предмет уско-
рения производства аммуниции и во-
енного снабжения: 1) В течение войны
не должно иметь места прекращение
работы по военному снабжению или
любой иной работы, необходимой для
успешного завершения войны. Все раз-
ногласия относительно оплаты труда
или условий работы, связанной с вой-
ною, должны быть улаживаемы в со-
ответствии с пунктом вторым, без пре-
кращения работ. Вопросы, не вытекав-
шие из военных условий, не должны
превращаться в причину прекращения
работ. 2) В зависимости от существую-
щих соглашений или действующих
способов улаживания конфликтов, все
разногласия чисто личного или мест-
ного характера, если их не удастся
уладить путем взаимного соглашения,
должны быть темой обсуждения для
депутации, направленной к фирме и
представляющей заинтересованных
рабочих, а разногласия общего харак-
тера, имеющие отношение к зарабо-
тной плате и условиям найма в связи
с войной, должны обсуждаться на со-
вещании сторон. В случае невозмож-
ности достичь соглашения между не-
посредственно заинтересованными сто-
ронами, или их представителями, спор-
ный вопрос должен получить разре-
шение одним из трех нижеуказанных
способов, по взаимному соглашению,
или, в случае отсутствия последнего,
по предписанию министерства торго-
вли: а) обращение к комитету по про-
изводству; б) обращение к арбитражу,
избранному, обоими сторонами или на-

значенному министерством торговли;
в) обращение к третейскому суду, с
равным представительством рабочих
и предпринимателей. 3) Совещатель-
ный Комитет из представителей от ор-
ганизованных рабочих, занятых в про-
изводстве, обслуживающих государ-
ственные потребности, назначается
правительством для облегчения про-
ведения в жизнь данных положений и
для дачи советов правительству или
заинтересованному рабочим. 4) В зави-
симости от того, будут ли условия, из-
ложенные в § 5, приняты правитель-
ством, представители рабочих на стан-
ционной конференции придерживаются
взгляда, что смягчение нынешней со-
юзной тактики и политики императив-
но диктуется на период войны, и что
каждому союзу необходимо указать
желательность обсуждения вопроса,
какие изменения в условиях труда или
профессиональных обычаях могут ока-
заться необходимыми для ускорения
процесса производства военного снаб-
жения. 5) Положения, намеченные в
§ 4, ставятся в зависимости от того, бу-
дет ли правительство требовать от
всех подрядчиков, занятых поставкой
военного снаряжения и снабжения, или
на других работах, требующихся для
удовлетворительного завершения вой-
ны, следующие обязательства, что: вся-
кое отступление от производственных
приемов, принятых на наших пред-
приятиях, в зернях и в других произ-
водствах до войны, будет иметь место
только на время войны; никакая пере-
мена, допущенная на время войны, не
должна создавать отрицательных пре-
цедентов в смысле ухудшения поло-
жения рабочих в отношении условий
найма или их тред-юнионов в отноше-
нии восстановления и сохранения по-
сле войны любых нравов или обычаев,
существовавших до войны; при всякой
переброске работников, которая может
иметь место после войны, предпочте-
ние должно оказываться при приеме
на работу рабочим, находившимся на
этой работе в начале войны, бывшим
на фронте или остававшимся на рабо-
те; всюду, где внутренний распорядок
предприятия изменен был во время
войны введением малообученных рабо-

чих для выполнения работы, до того являвшейся делом группы рабочих высшей квалификации, ставки заработной платы за такую работу должны быть таковы, какие обычно устанавливались для этого рода работы в данном округе; смягчение существующих разграничений функций различных рабочих или допущение малообученных, либо женского труда не должно отражаться отрицательно на обычных расценках работ. В случаях, когда рабочие, обычно выполнявшие работу, оказываются поставленными в более плохие условия, должны быть приняты меры к тому, чтобы поддержать заработки на прежнем уровне. Запись всякого рода отступлений от условий труда, установившихся до дня настоящего соглашения, должна аккуратно вестись и подлежать осмотру со стороны правительственных представителей. Заинтересованным рабочим необходимо делать предупреждение (во всех случаях, когда это возможно) о всех изменениях в условиях труда, какие желательно ввести вследствие настоящего соглашения, и, если окажется желательным, предоставлять рабочим или их представителям обсудить вопрос. Все разногласия с нашими рабочими, занятыми на правительственных работах, раз эти разногласия возникают на почве введенных таким порядком перемен или по отношению к заработной плате, или к условиям найма, вытекающим из условий военного времени, должны ликвидироваться без прекращения работ процедурой, предусмотренной в § 2. Всеми должно быть отчетливо осознано, что, за исключением изложенного в 4 разделе § 5, ничто в данном обязательстве не должно отразиться на положении предпринимателей или рабочих после войны».

Само собою, подобный шаг профессиональных союзов Англии, логически вытекавший из отмеченного выше характера войны, мог быть продиктован только реальным учетом острой и настоятельной потребности в быстром разрешении вопроса о рабочей силе. Раз допустив, что война должна быть победоносно закончена Англией, вожди профессиональных союзов не могли не видеть,

что нужда в «рабочих руках», нужда в сосредоточении подавляющей массы производственной энергии страны на производстве, обслуживающем войну, стала императивной. Так они и формулируют, на деле, свою оценку положения.

Но чтобы понять всю остроту проблемы изыскания добавочной рабочей силы в до того неиспользованных прослойках рабочего класса (труд женщин и неквалифицированных рабочих), необходимо вспомнить основную сущность союзной тактики в Англии.

В основе этой последней еще с конца 30-х годов и даже ранее лежало использование соотношения спроса и предложения на рынке труда. Ричард Дэннинг, вождь лондонских переплетчиков, повторяя отчасти практические директивы, намеченные еще Вильямом Томпсоном, изложил основы этой тактики в виде тезисов о влиянии сокращения предложения рабочей силы на уровень существования рабочей массы, и сделал отсюда воспринятый затем тред-юнионизмом вывод о необходимости ограничения доступа в производство. Путем тщательного регулирования числа учеников на предприятии, путем объявления определенных производственных функций монополией определенной же профессии или группы работников, Дэннинг предполагал добиться полного уравновешения спроса и предложения и тем отдалить в руки профессионального объединения решение вопроса о нормах оплаты труда, об условиях этого последнего и т. д.

Таким образом, обязательства, которые возлагались на рабочий класс Англии вышеприведенным соглашением, сводились к фактически полному уничтожению всех достижений английского профессионального движения за последние сто лет. Совершенно естественно, что это было свидетельством чрезвычайной остроты проблемы изыскания рабочей силы.

Был еще один момент, вычеркнутый из английской жизни за время войны возникшую, было, в первые моменты этой последней острую потребность в решительных мерах по обеспечению населения. Те экономические

условия, которые заменили проблему безработицы проблемой изыскания рабочей силы, значительно подняли уровень благосостояния рабочей массы, во всяком случае, вплоть до конца 1915 г. Правда, статистическому учету это изменение в уровне обеспеченности и материального благосостояния почти не поддается. На первый взгляд даже может показаться, что заработная плата отставала от роста цен. Так, в горном деле, в течение 1915 г., при среднем повышении стоимости существования на 24%, размер повышении заработков, достигнутого Великобританской Федерацией Горнорабочих, колебался от 15% до 17,5%. Специальная прибавка на дороговизну, введенная еще до конца 1915 г., изменялась таким образом:

На железных дорогах	Прибавка на дороговизну.	
	До Окт. 1915 г.	После Окт. 1915 г.
Рабочие моложе 18 лет, с заработком свыше 30 шилл. в неделю...	2 ш. 0 п.	5 ш. 0 п.
Рабочие старше 18 лет, с заработком до 30 шилл. в неделю...	3 ш. 0 п.	5 ш. 0 п.
Рабочие моложе 18 лет, при ставке в 2 ш. 6 п. в день и больше...	1 ш. 6 п.	2 ш. 6 п.

Здесь, опять-таки, % повышения заработков не превышает 20—25%, что является недостаточным, как будто, даже для компенсирования вздорожания продуктов массового потребления. К середине же 1917 г. заработная плата возросла на 40—45%, тогда как рост цен выразился в 70—75%. Но если непосредственный рост заработной платы был незначительным, то косвенное увеличение суммы материальных ценностей, поступавших в распоряжение рабочих, оказывалось весьма крутым. Допущение значительной массы мало-квалифицированных рабочих к исполнению работ, ранее требовавших квалифицированного труда, перемещало огромную пропорцию рабочих в выше и лучше оплачиваемые категории. Мы уже видели, что в том соглашении, на котором остановилась конференция при министерстве финансов, обуславливалось допущение неквалифицированного труда к исполнению ранее недоступ-

ных ему работ сохранением прежних ставок. Это означало почти удвоение заработной платы данной категории рабочих (с 25—27 шилл. до 40—42 шилл. в неделю). Что же касается квалифицированного труда, то и его оплата значительно возросла. Дело в том, что квалифицированный рабочий, ранее работавший по ставке, которую стал получать сменивший его неквалифицированный рабочий, в виду отсутствия рабочей силы, переходил в разряд руководителей процессом производства. При точке облобочек снарядов, например, токарь, ранее работавший на ручном станке, превратился в руководителя группы (от 10 до 15) женщин при станках механических. И его заработная плата, тем самым, оказывалась увеличенной до 55—60 шилл. в неделю... В начале 1916 г. статистика английского министерства торговли отмечала «возрастание заработков, как в результате сверхурочных работ и большей регулярности найма, что представляет собою самую заметную особенность 1915 г., так и широко проведенного перемещения рабочих с низкооплачиваемых на лучше оплачиваемые посты, благодаря острому недостатку рабочих рук на «аммуниционных предприятиях»¹⁾.

К концу 1915 г. положение рабочих, в силу всей этой передвижки рабочей массы вверх по лестнице тарифных ставок, оказывалось укрепившимся, факт значительного сдвига в сторону к лучшему был, бесспорно, налицо. И этот-то факт снимал с государства те обязательства, которые оно взяло на себя немедленно после того, как с первыми военными осложнениями население Англии оказалось лицом к лицу с перспективой нищеты и бедствия.

Мы видим, таким образом, что политика государства в Англии, первоначально развернувшаяся по направлению к установлению коллективной ответственности за материальное благополучие каждого, необходимо должна была измениться, и что в этом изменении даже сами рабочие организации, занявшие определенно позиции обо-

¹⁾ Board of Trade Labour Gazette, январь, 1918 г.

рончества, пошли чрезвычайно далеко навстречу. Приведенный выше акт отречения профессиональных союзов от всех достижений тред-юнионизма за сто лет ожесточенной борьбы и упорного строительства не только свидетельствовал о необычайной остроте проблемы изыскания рабочей силы. Он был симптомом и того, что, фактически, рабочий класс передал в руки вождей буржуазных партий решение всех вопросов государственной политики. Единственное средство корректировать политическое руководство буржуазного кабинета для рабочих заключалось в нажиме на капиталистическое государство, в том нажиме, к которому они и прибегали все чаще с 1889 года. В сущности, именно наличие обостренной классовой борьбы в стране накануне объявления войны и была тем аргументом, какой убедил кабинет Асквита принять все экстренные меры первых моментов войны. Но «акт отречения», подписанный представителями всех почти главных союзов, означал добровольный отказ профессионального движения от политики нажима на капиталистов и капиталистическое государство. Перед руководившей государством буржуазией открывалась поэтому полная возможность действовать беспрепятственно, проводя в жизнь наиболее близкие ее интересам меры.

Начиная со второй половины 1915 г. этой возможностью она и воспользовалась чрезвычайно широко. «Акты о защите державы» (Defence of the Realm Acts) и были теми мерами, которые буржуазный коалиционный кабинет принял в интересах капиталистического государства и в ущерб рабочего класса. Политика социального обеспечения твердо и решительно была заменена политикой бюрократизации и милитаризации Англии. На почве применения этой политики и стало зарождаться новое брожение в рабочем классе, за всю вторую половину войны все более и более вносившее в классовые отношения элемент революционной борьбы.

6. Выяснившаяся столь определенно картина кардинального сдвига во вну-

тренней политике государства первоначально отражалась в рабочем быту относительно слабо. Но весьма скоро этот сдвиг поставил рабочий класс перед такими перспективами, какие, по мере их реализации, все ярче и определеннее вносили диссонирующие ноты в рабочую и общенациональную жизнь.

Один из первых моментов этого порядка состоял в том, что та компенсация, которая заключалась для рабочих в большой сумме поступающих в их распоряжение благ, сводилась на-нет негативным влиянием напряженного труда. Если, благодаря отмеченному выше изменению в строении рабочей силы в Англии (как, впрочем, и в других странах), рабочий класс был достаточно вооружен для борьбы с дороговизной уже одним тем, что в его распоряжении оказывались более, чем достаточные, покупательные средства, то такая компенсация не теряла своего значения лишь до известного предела. Рост цен не имеет физических пределов, тогда как способность рабочего увеличивать интенсивность своего труда строго ограничена: чем напряженнее он работает, тем скорее достигается состояние, известное под именем «промысловой усталости», при котором не только производительность его падает, но и самый организм переживает ряд болезненных процессов. В докладе особого комитета, призванного блюсти здоровье аммуниционных рабочих (Health of Munition Workers Committee), в 1916 г., приводились «красноречивые факты, свидетельствовавшие о том, что границы безопасной интенсивности труда уже перейдены. «Сверхурочные работы — свидетельствовал, напр., комитету один из деятелей профессионального движения, — чрезмерны и большинство рабочих, занятых на них, становятся нервными»¹⁾. Вместе с тем приходилось принимать решительные меры к тому, чтобы не давать рабочим переутомляться, так как рабочие, работая сдельно, все же стремились увеличить число часов труда, в расчете на больший заработок. «В

¹⁾ Health of Munition Workers Committee, Memorandum № 7, Cd. 3213, 1916 г., стр. 9.

другой крупной фабрике военного снабжения, — читаем мы в том же докладе, — от рабочих, занятых тяжелой работой по формовке, управляющий требовал отдыха в 15 минут после 45-минутной работы. Управляющий был убежден, что такой отдых полезен рабочим и не вредит их производительности. Но сами рабочие протестовали против столь продолжительного отдыха, в виду того, что работа была сделанной, и они опасались уменьшения своей выработки. Управляющему пришлось назначить специального надсмотрщика, чтобы следить за соблюдением отдыха, и сделать перерыв в работе обязательным¹⁾. Но очевидно, что при наличии пределов, в которых интенсификация труда допустима, параллельный рост цен и зарплатов в мощном счете, должен был прекратиться. Он в Англии, фактически, и закончился для всей массы рабочего населения приблизительно в середине 1917 г., и на смену сравнительно безразличного отношения к дороговизне здесь стала проявляться обостренная чувствительность населения к росту цен. Характерно, что в ноябре 1917 г., на перевыборах в палату общин, от крупной рабочей пригорода «хлопковой столицы» Манчестера прошел не официальный кандидат, а лидер докеров Бен Тиллет, построивший всю свою предвыборную агитацию на борьбе с спекуляцией и требовании принудительного распределения продуктов по нормированным ценам. И столь же характерно, что во второй половине 1917 г. правительство сочло нужным понизить цену на хлеб до 9 пенсов за четырех-фунтовый хлеб (цена его доходила до 11,5 п.—1 ш. перед нормированием), возложив доплату на казначейство, запретить продажу мяса дороже выработанной производственными комитетами таксы, а также установить, что возимый правительством сыр (известный под именем правительственного), не должен продаваться дороже 1 ш. 4 п., а появившееся в продаже несколько позже (в середине декабря уже) «правитель-

ственное мясо» — не дороже 2 ш. 6 п. за фунт. С 1 февраля в лавках появилась и «правительственная грудинка». Этот переход от совершенно вольной продажи к «твердым ценам» свидетельствовал о значительном обострении продовольственного вопроса в связи с ростом дороговизны и отставанием зарплаток от этого роста.

Но еще задолго до окончательного выявления фактического обнищания населения и падения его покупательной способности, цена, которой рабочий оплачивал, фактически, поддержание своего бюджета, сказалась чрезвычайно тяжкими последствиями. Женская кооперативная гильдия (Women Co-operative Guild) в начале 1916 г. произвела среди своих членов анкету по вопросу о влиянии интенсивного труда на семьи членов. Оказалось, что влияние это — по почти единогласным показаниям тех, кто заполнил анкету — можно назвать катастрофическим. Несмотря на улучшенное значительно питание, заболеваемость сильно возросла, прогнаны из-за нездоровья участились в ряде предприятий и увеличение покупательной способности превратилось во временное явление.

Тем самым в рабочий быт военного времени вводилось бродили, вызывавшее обострение классовых отношений на почве экономической необеспеченности уже тогда, когда политика государства окончательно вышла из намеченного первоначально русла. Но, наряду с действием этого фактора, наблюдалось в порядке государства еще и другое — общий уклон политики шел в сторону, как мы говорили, милитаризации английской жизни.

В этом отношении огромную роль сыграл закон о военном снабжении (Munition of War Act), принятый 2 июля 1915 г. Акт этот, в основном, являлся не чем иным, как актом милитаризации труда в Англии. Вводя в рамки юридической нормы — даже с включением тех формальных обязательств, которые там содержались, — соглашение, достигнутое после известной уже конференции при министерстве финансов, закон о военном снабжении ставил ударение на прикреплении рабо-

¹⁾ Ibid, стр. 11.

чего к предприятию. Ст. 7 закона гласила: «Никакое лицо не может давать работу рабочему, который в течение предшествующих шести недель... работы на аммуниционном предприятии или в связи с работой по снабжению... если только у него нет на руках свидетельства, выданного препринимателем о том, что он покинул работу с согласия этого последнего, или удостоверения от специального трибунала о несомнительности отказа в выдаче такового свидетельства». Это равносильно было, конечно, фактическому предоставлению паличной рабочей силы почти всех предприятий в стране в полные и почти бесконтрольное распоряжение предпринимателей. Правда, такая милитаризация труда сопровождалась попыткой ограничения прибылей аммуниционных предприятий. Министерству предоставлялось право устанавливать максимум % прибыли для так наз. «контролируемых» предприятий (а ими к 1917 г. стали почти все предприятия страны), и все, что превосходило этот максимум, должно было сдаваться в «казначейство». Но в то время, как милитаризация труда представлялась рабочим чрезвычайно реальным фактом (и была таковым), ограничение прибылей рисовалось чрезвычайно нереальным (и, опять-таки, было таковым). Жертвы, которые нес рабочий, не покрывались и не уравнивались жертвами, которые приходились на долю капиталистов. Вместо того, чтобы приносить жертвы, эти представители имущих классов оказываются, поэтому, вдвойне привилегированными. Их задача — снабжать государство денежными ресурсами — обеспечивает им не только освобождение от воинской повинности, но и прочное укрепление экономического положения: подписка на свидетельства внутренних займов доставляла им «пятипроцентный патриотизм». И для успешного разрешения этой задачи, для адекватной подписки на быстро следующие один за другим полумиллиардные займы (см. выше **финансирование войны**), им нужно было «зарабатывать» прибыли поистине колоссальных размеров, далеко оставляющие за собой

привычные нормы прибыли. Отчеты английск. торг.-промышл. предприятий за 1915 г. свидетельствуют о прямо-таки сказочном обогащении английских капиталистов, о таком ускорении в темпе накопления общественного капитала, которое делает вполне понятным повышение цен на продукты на 52% в Англии, при повышении их в осажденной Германии на 85,6%. Судовладельческие фирмы, наприм., несмотря на гибель торговых пароходов от мин и операций германских подводных лодок, несмотря даже на военное обложение (дивиденды в Англии чаще всего устанавливаются уже по уплате налогов), подвели свои балансы в истекшем году с удвоенной и даже более, чем удвоенной, прибылью. Известная фирма «Лэйланд и К^о», в «очень хорошем» для нее 1913 г. «выработавшая» 589.810 ф. ст. чистой прибыли, в 1915 г. получила этой прибылью уже 1.441.689 ф. ст.; не менее известная фирма «Moog Line» подняла свой дивиденд с 12,5 до 25%, при весьма щедром распределении прибыли по резервным и иным фондам; даже совсем карликовое, на английский масштаб, предприятие, располагающее всего четырьмя грузовыми пароходами и оперирующее номинальным капиталом лишь в 100 тысяч ф. ст. — «Redcroft Steam Navigation Co» — в собственности было «очистить», так выражаются английские дельцы, 117.943 ф. ст. прибыли. И, хотя судоходство стало с войною особенно выгодной отраслью народного хозяйства, благодаря взвинчиванию фрахта, не менее существенны прибыли и в других разветвлениях хозяйственной организации. Незадолго до войны основанная ботиночная и сапожная фирма «T. Sears and Co», обладающая капиталом всего в 350 тысяч ф. ст., «выработала» в течение 1915 г. 105 с лишним тысяч ф. ст. чистой прибыли; табачный трест, понесший громадные убытки с прекращением операций его континентальных отделений, выплатил, тем не менее, 22,5 дивиденда; каучуковые предприятия увеличили свои прибыли, в среднем, на 44,4% и т. д. Допуская даже, что этот с годовокружительной быстротой наживаемый текущий капитал

целиком идет в сундуки казначейства, требовавшего от населения, по данным за год, окончившийся 31 марта 1916 г., 1.500.000.000 ф. ст., т.е. почти две трети «национального дохода», нужавшийся для след. года в 2.075.000.000 ф. ст., при доходе нации в 3 миллиарда, т.е. уже 69,1%, — капитал элит, фактически, не теряется для его владельцев. Через определенный период (не позже 1915 г.) он будет им возвращен полностью, а в течение этого промежуточного периода он принесет им «верный процент». Нечего говорить, что, наряду с гибелью сотен тысяч жизней, немедленной потерей благосостояния и экономической дееспособности теми, кто сам пошел или был принудительно призван в армию, подобное обогащение представляет собой крупную аномалию в распределении реальных тягот индивидуальной ответственности за коллективное благополучие по разным группам общества. И эта неравномерность, бросающаяся в глаза каждому измученному нечеловеческим напряжением сил работнику на предприятии, служила вторым стимулом к обострению классовых отношений, рожденных политикой государства.

Третий стимул доставлялся законом о всеобщей воинской повинности. Закон этот, ставший такой же необходимостью для страны, — до того ограничивавшейся добровольной армией, — как и закон о производстве военного снабжения, дал толчок к выявлению истинной природы стремлений и вожеланий владеющих и правящих классов.

«Всегда одно и то же, с самого августа 1914 года, — писал, напр., редактор «English Review», до войны считавшийся одним из наиболее передовых буржуазных ежемесячников Англии — пресса вынуждена форсировать правительство на интернирование врага, на заботы о воздушной защите Лондона, на запрещение вывоза хлопка в Германию; она вынуждена подстегивать власти в деле снабжения армий. Почему все это случается? Ответ прост — в силу политического принципа, по которому Асквит и его партия настаивают на контроле со

стороны гражданской власти и отказываются предоставить военные и морские дела, в которых они ничего не смыслят, **солдатам и морякам**, чья профессия и состоит в исполнении этих дел»¹⁾. Со стороны военных экспертов, планы и предложения которых встречали нередко препятствия в диктуемых политическими и иными соображениями линиях поведения кабинета, шли еще более резкие и определенные выпады против демократических принципов английской государственности. В еженедельнике «Land and Water» известный знаток авиационного дела, член совещательного комитета по воздухоплаванию при военном и морском министерствах, Ф. В. Ланчестер, заклинал своих читателей «служить богу, служить человеку, служить маммоне, служить львову, но никогда не служить демократии». А в реакционной прессе, пытавшейся использовать нарастающее критическое отношение к существующей в Англии форме государственности, для проведения в жизнь лелеяемой ею идеалов всеобщей воинской повинности, протекционизма и уничтожения многих конституционных вольностей, кампания против недочетов английского демократического обихода находила поддержку в очевидном стремлении перевоспитать население в духе открытого пренебрежения даже к парламентаризму. В ней нередко приходилось читать, что в настоящее время торжественно провозглашать священные традиции парламентаризма — «пустословие и лицемерие», что в стране нужно «не управление палатой общин, неподходящее для борьбы за существование», а «дееспособная диктатура»²⁾. «The talking Shop», т.е. лавка болтовни, как в этой прессе нередко именовался парламент, вместе с внушавшим ей ужас кабинетом из 23 человек, постоянно подвергались суду и осуждению за свойственные им, неотделимые от их естества пороки неумелости, нерешительности и стремления коммюнеров и министров взвешивать впечатле-

¹⁾ „War and the Democratic Attitude“ by the Editor, the English Review, февраль 1916, стр. 181.

²⁾ „Times“.

ние от каждого их шага в избирательной округе.

Другими словами, мотивами введения воинской повинности приводились правящим классом недееспособность и бессилие демократии, а сама воинская повинность входила в программу общей перестройки английского политического обихода на началах «дееспособной диктатуры» — генералов. Наряду же с этой проповедью — которая в глазах рабочих рисовалась, естественно, прямой угрозой всем их завоеваниям — шла и проповедь протекционизма. Введение воинской повинности рельефно оттенило всю недостаточность и непропорциональность жертв, которые вынужден нести в войне рабочий класс, тем жертвам, которые выпали на долю имущих классов. Отсюда — заостренная постановка вопроса, о «конскрипции богатства». Правда, рабочие не ответили на акт, вводивший всеобщую повинность упорным сопротивлением. Бристольская конференция Рабочей партии, подтвердила 26—28 января 1916 года в особой резолюции неоднократно высказывавшееся конпрессамми отрицательное отношение к идее конскрипции. Она приняла также подавляющим большинством голосов и резолюцию, обсуждавшую «Акт о военной службе», в форме декларации оппозиционного отношения к нему. Но, вопреки этой декларации, конференция отсвергла, хотя и значительно меньшим числом голосов, предложение «Независимой рабочей партии» агитировать в пользу немедленной отмены акта и приостановила, поддерживала правительство в мерах, необходимых для успешного ведения войны. Более того, она уполномочила рабочих членов кабинета на сохранение их постов. И это несмотря на то, что рабочие министры заняли вполне определенные, прямо расходившиеся с вердиктом конференции позиции по отношению к акту, и что присоединение Гендерсона — не менее, чем настойчивое давление со стороны Ллойд-Джорджа — окончательно побудило кабинет решить в положительном смысле обострившийся для него вопрос о принудительном наборе. Рабочий мир Англии предпочел принять «Акт

о военной службе», ограничившись заявлением формального протеста: оппозиция в конкретной мере приняла форму чисто академической декларации. Но, не выступая против всеобщей воинской повинности, рабочие обуславливали эту меру другой. «Если от одних требуют самопожертвования, и они уже жертвуют государству своей жизнью — спрашивал на Бристольской конференции рабочей партии председатель ее, член палаты общин Андерсон — то будет ли чрезмерным требовать, чтобы богатство, роскошь и земельные поместья были тоже отданы на службу государству и часть полученного, таким образом, дохода отведена на великодушное вознаграждение героев окопов?» Требования, чтобы «правительство шло так же далеко в отношении к богатству, как и в отношении к свободе личности», нашло себе эхо не только на этой конференции и за стенами парламента, где ряд крупнейших традиционных вынес решение настаивать на «конскрипции богатства», но и в палате общин, где его формулировал от имени рабочей партии Уордль в заседании 15 февраля 1916 года. Не менее важен, как симптом, и мертворожденный билль, выработанный рабочей партией. Предписывая, чтобы на срок войны в распоряжение государства поступали все незаработанные доходы, с предоставлением собственникам права на получение части в форме allowances т. е. пособий, подобных тем, которыми пользуются семьи солдат, — этот билль подчеркивал, что вопрос о «принудительном отчуждении богатства» превращен введением принудительного набора рекрутов в практическую задачу момента. И выдвинут этот вопрос не одними рабочими. Даже в прессе, не склонной обычно подходить к общественным проблемам с рабочей точки зрения, отступление от добровольчества толкуется, как оправдание «принудительного отчуждения богатства». Блестящий консервативный публицист Гарвин в редактируемой им воскресной газете («Observer», 26 мар. 1916 г.) признал, что «истинной основой общества является равенство в жертвах и обязанностях», и применял «не колеблясь, эту

максиму и к деньгам». А «Times» в передовой от 18 янв. 1916 г. счел возможным, присоединив сюда и свой голос, сказать: «Если конскрипция капитала необходима для успешного ведения войны, то к ней следует прибегнуть». Руководящий орган английской реакции только «недоумезал», «что именно означает этот лозунг, широко использованный социалистами... и принятый такой важной организацией, как Национальный союз железнодорожников».

Но, подобно всему, что существенно затрагивает жизненные интересы значительных групп населения, идея «принудительного отчуждения богатства», при всей своей логичности и естественности, не могла конкретизироваться в тех формах, которые были даны агитацией. Коалиционный кабинет не внес от своего имени законопроект, аналогичного рабочему биллю; но в его политике последовательного «взвинчивания» прогрессивно-подходящего обложения, достигшего в апрельском бюджете 5 ш. с каждого фунта облагаемого дохода свыше 2 тысяч ф. ст. в год или 25%, не считая «сверхналога» (Super-tax), можно было бы усмотреть частичную реализацию и «конскрипции богатства». Это же естественно должно было вызвать и противовес данной идее. Против системы военных финансов, построенной на «принудительном отчуждении» неза работающих доходов, в Англии была выдвинута идея протекционизма. В сущности, столкновение между идеей принудительного отчуждения «богатства» и протекционизмом имело место не столько в смысле столкновения конкретных систем военных финансов, сколько в смысле столкновения двух непримиримых принципов общественного строительства. В своем обычном виде протекционизм является попыткой такой организации государством народного хозяйства, при которой государство создает для капитала ряд привилегий по эксплуатации национальных ресурсов, получая в обмен возможность финансировать свои операции на счет потребителя. Принудительное же отчуждение богатства предусматривает, прежде всего, непосред-

ственную утилизацию государством, в качестве источника своих доходов, общественного капитала, накопленного в процессе производства и это налагает на него обязанность полной регламентации хозяйственной жизни во всех ее проявлениях и в интересах равенства и справедливости. В таком противопоставлении «конскрипция богатства» и протекционизм необходимо друг друга исключают и уничтожают.

Таким образом—общее развитие государственной политики, получившееся в результате отказа рабочих организаций и от политического и от экономического нажима на капитализм и на капиталистическое государство, шло по трем направлениям: напряжение производственной энергии до максимума, превышающего трудоспособность населения и некомпенсированного значительным увеличением покупательной способности последнего, милитаризация труда и отрапление привилегий капитала. Этот-то характер государственной политики и обуславливал неизбежность возрождения классовой борьбы в той или иной форме. И по мере того, как основные черты данной политики выяснились все отчетливее и отчетливее—все резче и обостреннее проступали узловатости классовых отношений и все значительнее становились классовые столкновения.

7. Менее всего, как мы знаем, война отразилась не на политических, а на экономических выступлениях рабочего класса. Равно в Англии и во Франции, и в Германии стачечное движение значительно умерило свой размах, но нигде оно вполне не приостановилось. Такого полного отказа от экономической формы борьбы, какой усвоен был рабочим движением всех стран по отношению к форме политической, вовсе не наблюдалось. Поэтому перемена в общей политике государства—особенно резко почувствовавшаяся в Англии, где весь строй жизни до войны складывался совершенно иначе, чем в военной Германии и почти столь же милитаристской Франции, по имевшая место и в других странах в ослабленном, разбалбленном виде—прежде всего должна была сказаться, и сказалась,

именно на экономической форме борьбы.

Хронология новой истории государственной политики «военного социализма» свидетельствует, что окончательно характер тенденций этой политики определился к концу 1916 г. С этого времени и ведет начало возрождение того революционного брожения, которое было снято со счетов истории фатальными событиями августовских дней 1914 года. Но уже в 1915 году стало ясным, что в области регулирования заработной платы государственные органы не проявляют той активности, какая от них требовалась в интересах рабочих—требовалась отказом этих последних в государственных интересах от самостоятельного нажима на капиталистов. Лишь тогда, когда было бесспорно доказано, что правительство и предприниматели не готовы пойти на обеспечение за рабочими реальной довоенной заработной платы, труд стал применять экономический нажим¹⁾. Но процесс осознания этого факта, по завершению своему полностью восстановивший прежнюю картину классовых отношений и испортивший совершенно идиллию начальных периодов войны, начался еще в первые месяцы мировой катастрофы.

В течение пяти месяцев 1914 года, когда большинство союзов придерживалось полностью и безоговорочно «экономического мира» и отказалось от тактики нажима на капиталистов, фактически заработная плата оставалась неизменной. Исключения из этого правила имелись, но они лишь иллюстрировали то положение, что тактика нажима нужна и во время войны. В Лондоне 20 тысяч механиков, отказавшихся подписать соглашение об «экономическом мире», добились повышения сделанных расценок на 7,5%, или увеличения повременной оплаты на 3 ш. в неделю. Бирмингемские механики добились своим нажимом несколько меньше, именно 5% прибавки к сделанным расценкам и в 2 ш. в неделю к повременной ставке. В 1915 году поступательное движение заработной платы опять-таки ограничивалось одной толь-

ко машиностроительной индустрией, где «экономический мир» не привился. В январе механики Ливерпуля получили такую же прибавку, как и лондонские, а болтонские на 2,5% и в 1 ш. в неделю. Урок этот был усвоен рабочим движением в целом, и с середины ноября добиваться увеличения заработной платы стали железнодорожники и другие категории труда.

Но положение «складывалось не в пользу профессионального движения. Формальное обязательство поддерживать «экономический мир» связывало официальные организации, т.е. профюнионы и их руководителей, по рукам и ногам. Подкрепить требования ударом по промышленности они не могли в силу того, что подписанное ими соглашение говорило о передаче всех конфликтов на арбитраж. Между тем только путем нажима достигался заметный успех. Стачечное движение возродилось. Но возродилось оно, как не самостоятельное, а вне-союзное движение.

Первым эпизодом новой, протекавшей без непосредственного участия союзов, борьбы была стачка судостроительных рабочих на Клайде, вспыхнувшая 16 февраля 1915 г. Она послужила поворотной вехой на пути развития рабочего движения во время войны, и потому на ней необходимо остановиться несколько подробнее.

С января 1912 года расценки труда механиков в судо- и машиностроительном округе Глазго (на р. Клайде) установлены были в 8½ п. за час. По коллективному договору, заключенному тогда, в течение трех лет ставка не могла измениться. В течение всего этого трехлетнего периода—и особенно в 1913 году—почти все группы рабочих, включая и механиков в других промышленных центрах, значительно повысили свою заработную плату, воспользовавшись необычайно благоприятной промышленной конъюнктурой. Окружной Комитет Амальгамированного Общества Механиков в Глазго решил в июне 1914 г. настаивать, по окончании срока действия коллективного договора, на повышении оплаты до 10½ п. за час. Основанием для этого требования служила необходимость не только поднять за-

¹⁾ Labour Yearbook, 1916 г., стр. 49.

работную плату до уровня, на котором стояли цены на предметы первой необходимости, но и уравнивать размер оплаты труда механиков на Клайде с оплатой того же труда в других местах и с зарплатами квалифицированных работников в Клайдовском округе... Таким образом, по существу требования, выдвинутые, согласно договору, за четыре недели до истечения срока последнего, были формулированы еще до войны и вне всякой зависимости от военной дороговизны. Предприниматели, однако, не только не согласились удовлетворить эти требования, но, пользуясь соглашением относительно порядка рассмотрения спорных вопросов, заключенным союзом рабочих с союзом предпринимателей, затянули рассмотрение предложенный Округового Комитета и сорвали, в конце концов, переговоры. Союз не в состоянии был применить репрессивные меры нажима, так как тактика предпринимателей была построена на прекрасно учтенных условиях формально заключенного договора. Рабочая же масса, взволнованная задержками (по правилам—вопрос должен был быть разрешен еще 15 января, а задержки оттянули его вплоть до 12 февраля 1915 года) настаивала на том, чтобы союз объявил забастовку, а в качестве предупреждения предпринимателям — запретил сверхурочные работы. Однако, Округовой Комитет, всецело разделяя настроение рабочих, не советовал им прекращать сверхурочные работы. Поэтому рабочие, на созванном делегатом цехов—ранее занимавшихся преимущественно сборщиком членских взносов — массовом митинге решили действовать без санкции союза. 15 заводов, в том числе крупнейшие фирмы, занятые изготовлением вооружений, оказались охваченными этим движением. Несмотря на то, что Исполнительный Комитет Амальгамированного Общества Механиков еще раз, на созванном им общим собранием клайдовских рабочих, потребовал возобновления сверхурочных работ, а предприниматели, считая отказ от сверхурочных работ частичной стачкой, угрожали на «законном» основании прервать переговоры—рабочие твердо настаивали на своих тре-

бованиях—2 пенсовой прибавки. Союзу ничего не оставалось делать, как либо пойти на уступки предпринимателям и выполнить взятые на себя обязательства, либо стать во главе движения и сорвать «экономический мир». Союз избрал первое. На соединенном совещании представителей союза и хозяев было принято решение об увеличении заработной платы на $\frac{1}{4}$ п. в час — и Исполнительный Комитет, поставив предложение на голосование, сам вызвал еще большее возмущение массы, назначив днем голосования 9 марта. Явно непримлемое предложение, принятое тем не менее руководителями союза, не могло быть обсуждено и отвергнуто немедленно. 16 февраля одно из предприятий, на котором недовольство было особенно сильно выражено, забастовало. За ним последовал еще ряд предприятий, и в конце месяца свыше половины механиков Клайда уже участвовало в стачке.

Такова внешняя история стачки, которая прорвала фронт «экономического мира» уже в начале 1915 г. Но значение свое в рабочем движении за время войны данная стачка приобрела не столько в силу фактического содержания этого эпизода, сколько благодаря тем организационным результатам и общественным урокам, какие получились в итоге событий. Дело в том, что движение клайдовских рабочих развернулось, как протест, и против руководителей союза, которые выступили в конфликте в роли вынужденных миротворцев и сторонников компромисса. Их готовность сдать позиции, справедливость которых была ясна всем рабочим, обуславливалась приятием «экономического мира». И то и другое — и отказ от требований и мзгивы отказа—оттолкнули массу от союза. 8.927 голосами против 829 предложение, сделанное от имени союза и предпринимателей, было отвергнуто клайдовскими рабочими. Руководители союза оказались по одну сторону баррикады с предпринимателями. Поэтому руководство движением перешло от них к специальному комитету, который получил название «Центрального Контрольного Комитета по уходу с работы» (Central Withdrawal of Labour

Control Committee) и составил из делегатов от рабочих отдельных цехов и мастерских. Последний не только настаивал на 2-пенсово́й прибавке к заработной плате, но и требовал, чтобы предприниматели вели переговоры не с союзом, а с Комитетом. В основе этого требования лежало утверждение, что руководители союза, связав себя обязательствами по отношению к правительству, не вольны более распоряжаться своим союзом, и что только Комитет представляет полностью массу членов всех союзов.

Стачка на Клайде, таким образом, явилась отрывом аппарата профессионального движения от массы. Между руководителями и членами союзов залегла пропасть взаимного непонимания и враждебных отношений. Союзы заключали соглашения—масса шла, выступала и действовала независимо от этих соглашений. Вместе с тем, создавался и новый аппарат классовой борьбы — «рабочий комитет», «комитет старост» (Workers Committee, Shop-Stewards Committee), противопоставляемый по идеологии и даже по организационному строению профессиональным объединениям старого типа. Тем самым—организационно и идеологически оформился в рабочем движении Англии во время войны тот сдвиг, какой предопределялся всем ходом хозяйственной жизни страны в условиях гражданского мира. Стачка на Клайде шагала, иначе говоря, выход для того недовольства, какое накапливалось, благодаря все более отчетливо проступавшей во всей неприглядной наготе истине о существе сложившагося положения, в гущу рабочего класса. Она оказалась первой вспышкой, за которой последовал ряд других.

Уже в октябре 1915 г. в рабочем движении Англии окончательно создается объединение трех самых мощных и контр. жизненные артерии хозяйственного организма трэд-юнионов, отличающихся с 1911—1912 г.г. наибольшей революционностью. «Великобританская Федерация Горнорабочих», замечательно солидарно выдержавшая всеобщую стачку в 1912 г., «Национальный Союз Железнодорожников» и «Национальная

Федерация транспортных рабочих» закончили дело, намеченное ими накануне войны, но с момента объявления последней отложенного на более подходящее время—именно создали орган, призванный руководить совместными выступлениями. Совершенно своеобразный характер нового объединения для английского обихода, его необычайная способность наносить народному хозяйству тяжелые, всепогребные удары, вызвали сразу же ноту тревоги в руководящей буржуазной прессе, основательно учевшей это объединение, как симптом полного возрождения классовой борьбы. Правда, сами инициаторы объединения придавали ему несколько иной смысл. Роберт Смайлс, один из его выдающихся руководителей, так, напр., характеризовал его: «Один факт созыва нашей конференции вызвал нечто вроде паники среди капиталистов, с одной стороны, родив, с другой, новые надежды в массах индустриального пролетариата по всей стране. С наступлением войны наш проект был на время отложен в сторону, но уже ежегодные съезды железнодорожников и транспортников одобрили его. Теперь предстоит его обсуждение на конференции горнорабочих в окт. 1915 г. Если горнорабочие одобрят, то комитет приступит к разработке деталей. Воистину благоразумно и чрезвычайно важно иметь деловое соглашение наготове для послевоенного времени. Тогда то мы и можем ожидать наступления предпринимателей на труд. И именно теперь, в разгар войны, мы должны быть подготовлены к конфликтам, которые принесет нам окончание войны». Но каковы бы то ни были расчеты, — совершенно неоправдавшиеся, кстати сказать, и даже, более того, разбитые в корне изменой руководителей Альянса в дни всеобщей стачки горнорабочих шесть лет спустя, — образование такого «Тройственного Соглашения» представляло собою симптом заострения классовых отношений.

Таким образом, даже по «союзной» линии произошел определенный сдвиг. По «внесоюзной» (как это именуется в самой Англии) сдвиг оказался еще бо-

лее резким. То явление, которое наблюдалось на Клайде в февр. 1915 г., постепенно стало общим. Рабочие комитеты появились во всей Англии, развиваясь, главным образом, в машиностроительной индустрии, но захватывая и другие ответвления народного хозяйства. К сент. 1917 г. движение «рабочих комитетов» уже определенно оформилось и на состоявшемся тогда первом съезде этих комитетов был создан постоянный объединяющий центр для всего движения — «Национальный Совет Рабочих Комитетов».

В сущности, «внесоюзным» движение это стало не по своей природе, а в силу того, что «экономический мир», связав профессиональные союзы рядом обязательств, лишил их какой бы то ни было дееспособности в деле ограждения самых элементарных интересов рабочих и в то же время не создал никаких иных средств защиты этих последних. Отсутствие защиты со стороны прежних объединений компенсировалось возникновением и работой новых, причем такие новые объединения шли навстречу против профессиональных союзов. Но природа того аппарата, какой был создан рабочим классом, все более и более убеждавшимся в полной своей незащищенности и беспомощности в военной обстановке, нисколько не являлась чуждой движению. На деле этот аппарат сложился из элементов, уже имевшихся в английском тред-юнионизме. «Рабочий Комитет» был просто-напросто объединением «цеховых делегатов» (Shop-Stewards), делегаты же представляли собою в недалеком прошлом определенно союзный институт. Более того, еще до войны развитие промышленности обусловило образование и некоторого объединения этих делегатов. «Цеховой делегат — говорит, например, Р. Лэдж Арнот в своей работе «Trade Unionism, a new Model» (1919 г.) — был первоначально низшим союзным чиновником, избирательным рабочим данного цеха и несущим обязанности по наблюдению за регулярным поступлением членских взносов. На него возлагались и другие несущественные обязанности. Но постепенно, по мере того, как отдел союза все более и бо-

лее оказывался вне непосредственного контакта с рабочими цеха, эти рабочие свыкались с мыслью, что находящийся на месте делегат и должник, в сущности, представлять их требования». В этом отношении, как справедливо отмечают С. и Б. Вэбб в своей «Истории тред-юнионизма», «делегат представлял собою нечто иное, как новый этап в развитии «отца каплицы» среди наборщиков и «роверщика веса» среди горнорабочих, но приобрел он особое значение в силу возрастающего несоответствия между составом членов местного или окружного отдела тред-юнионизма и группировкой рабочих в каждом отдельном предприятии, а также в силу факта, что рабочие в каждом отдельном предприятии оказывались входящими в различные тред-юнионы». Другими словами, институт «делегатов» был создан для координирования работы среди членов различных союзов, занятых на одном и том же предприятии. Это был институт, подготовивший (и частично реализовавший) переход к регулярным делегатским собраниям на предприятии, что всегда и во всех странах служило ступенью к построению профессиональных союзов по принципу «одно предприятие — один союз».

Таким образом, бесспорно то, что «рабочие коммун», взявшие в свои руки все дела охраны интересов рабочих, независимо от их принадлежности к тем или иным союзам, с 1915 г. представляли собою в значительной мере логическое следствие из основных тенденций профессионального движения, как оно складывалось еще до войны. И если это движение, движение рабочих комитетов, оказалось в период между 1915 г., — датой клайдовской стачки, проведенной вопреки и при оппозиции союза рабочим комитетом Глазго — то таково было следствие отказа профессиональных союзов от защиты интересов своих членов во время войны.

Но раз созданное — в противовес или в полном контакте с профессиональными союзами — новое объединение рабочих через организации цеховых делегатов в рабочий комитет ввело в рабочее движение Англии военного пе-

риода совершенно новые принципы производственной организации и совершенно новые стремления рабочей массы. «Идеология этого движения, — говорит Дж. Д. Г. Кол в своей статье, помещенной в «American Labour Year-book», — как она формулирована была в памфлете о «Рабочем Комитете» Дж. Т. Мэрфи, из Шеффилда, одного из способнейших вождей движения цеховых делегатов, сводилась к тому, что рабочие предприятия должны быть верховными вершителями своих судеб, что профессиональная организация должна последовательно строиться на основе объединения по предприятиям и что аппаратом, руководящим движением, должен быть Рабочий Комитет, состоящий из цеховых делегатов и представляющий все группы рабочих, как обученных, так и необученных, как мужчин, так и женщин». Стремления же, которые нашли свое выражение в этой форме рабочего движения, тот же автор справедливо определял, как «идею контроля над производством». Зарождаясь в мастерских, движение ставит своей целью вырвать контроль из рук предпринимателей и передать его постепенно в объединяющую всех рабочих организацию.

Само собою, такого рода движение, выросшее из клайдовской стачки, было уже равносильно доподлинной революции в организации, тактических на выках и политике рабочего движения — революцией не только по сравнению с организацией, тактикой и политикой первых шести месяцев войны, но и по сравнению с тенденциями профессионального движения за последние полстолетия. И таким был итог того возрождения классовой борьбы на почве заострения классовых отношений, которое отмечают выше.

«Внесоюзная» тенденция в рабочем движении военного периода так и осталась тенденцией именно этого последнего периода. Правда, окончательно сложилась обще-английская организация рабочих комитетов почти накануне окончания войны. В течение периода 1915 — 1917 г.г., почти два с половиною года, движение находилось еще в аморфном

состоянии. Да и после октября 1917 г. большой прочностью оно не отличалось. С восстановлением мирных условий хозяйствования и возрождением, по окончании войны, профессиональных союзов, взявшихся вновь за дело защиты экономических интересов рабочих, движение это быстро пошло на убыль. Наступление на капитал велось уже под руководством старых организаций, вышедших из состояния летаргического сна. Рабочие комитеты большей частью ассимилировались общесоюзной организацией.

За всем тем клайдовская стачка является отправным пунктом для того развития рабочего движения, которое охватило к концу войны почти все народное хозяйство Англии и даже заставило правительство назначить в 1917 г. специальную комиссию по исследованию «промышленных волнений». В докладе последней, подписанной сэром Кройдон Марксом, сэром Морисом Леви и Юдженом Уозоном, говорилось: «Это, позидимому, всеобщее недоверие в равной мере к руководящим органам тред-юнионов и к правительственным учреждениям, действующим солидарно с союзами и с их помощью, привело к образованию мощной оборонительной организации для защиты рабочих на месте их работы, организации, известной под именем «Рабочих Комитетов» или «движения массы», под руководством цеховых делегатов, избираемых рабочими каждого цеха. Эти люди берут на себя обязательство быстро организовать защиту рабочих интересов, какой бы вопрос ни ставился, будь то вопрос о заработной плате или об условиях работы; взаимоотношения между рабочими и администрацией, не теряя времени на сношения с Исполнительным Комитетом или главным штабом союза. В силу успеха, достигнутого этим движением, огромные массы работников, первоначально стоявшие в стороне, теперь присоединились к нему и солидаризировались с методами борьбы, усвоенными этим движением, так что «массовая организация» угрожает, по нашему мнению, самым серьезным образом авторитету Амальгамированного

Общества Механиков и другим союзам квалифицированных рабочих. Недоверие к вождям тред-юнионов и абсолютное отсутствие доверия к правительственным обещаниям по интересующим рабочих вопросам и относительно признания целей тред-юнионов, наблюдается не только среди квалифицированных профессий машиностроительной и электрической промышленности. Члены Национального Союза Железнодорожников, плотники и столяры, объединенное общество модельщиков, Ассоциация взаимной защиты машинистов и кочегаров, Общество котельщиков и судостроителей, Ассоциация трамвайных и гужевых рабочих, Национальный Союз Черноработчих, Союз Рабочих Обществ Литейщиков, Национальный Альянс машиностроителей Союз Труда, рабочие при коях — все в равной степени, все без исключения выражают недоверие и даже полное безразличие к любому обещанию правительства, а некоторые делают ссылки на «Россию» и открыто заявляют, что единственная тактика, диктуемая трудом, заключается «во всеобщей стачечной революционной борьбе за реформу, недосягаемую путем конституционных выступлений».

И, действительно, стачечное движение за время 1917—1920 г.г. приобретает размах, которого оно не знало никогда раньше (см. XI, прилож. А, табл. 54). То же, но в значительно более слабой степени, наблюдалось и в Германии в 1919—1921 г.г. (см. там же, табл. 55).

Таким образом, весь период времени между 1915 и 1919 годами был периодом резкого обострения классовых отношений и разрастания сферы промышленных конфликтов, сопровождавшихся дискредитированием старых профессиональных организаций и созданием организаций новых. Таковы были итоги влияния новой государственной политики классового нажима и новых хозяйственных условий на экономическую форму классовой борьбы. Как через год после начала войны констатировали по поводу южно-уэльской стачки угольщиков, вспыхнувшей в марте 1915 г. и захватившей почти

200 тысяч рабочих, авторы умереннейшего «Рабочего Ежегодника», «непреклонные и непатриотичные позиции, занятые собственниками южно-уэльских копей, были причиной всего. В этих позициях не было ничего нового. Но тот факт, что система частной наживы, делающая возможными эти последние, продолжала иметь место в период общенационального бедствия, обвиняет красноречиво не только предпринимателей, но и правительство, допускающее подобное положение».

8. Всякая классовая борьба есть в то же время и борьба политическая. Эта аксиома не перестает быть аксиомой оттого, что экономическая форма борьбы обостряется в исторической перспективе раньше, чем становится острой ее политическая форма. В то время, как в Англии — а равно и в других воюющих странах — обстановка, в которую были втянуты рабочие классы в период между началом и концом войны, создавала предпосылки к срыву «экономического мира» — представители Рабочей партии все еще продолжали оставаться в составе коалиционного кабинета. К концу 1918 года Кляйнс все еще занимает пост министра продовольствия, Барнес является членом «малого кабинета». Но уже очень рано в истории политических отношений военного времени, установившихся первоначально в виде «партийного перемирия», начинаются те разногласия, которые создают во всем «национальном блоке» знаменательные трещины. И эти трещины все ширятся и растут — с тем, что к январю 1918 г. подготавливается, фактически, уничтожению «перемирия», и в январе — июне прямая классовая борьба становится лозунгом политического дня для английских рабочих.

Политическое рабочее движение Англии с первых же дней войны, как мы говорили выше, усвоило целиком и безоговорочно тактику оборончества. Если отдельные группировки и оказывались проникнутыми духом интернационализма, — по крайней мере, в той или иной степени, — то общая картина была, все же, совершенно определенной. Практически, это сказыва-

лось первоначально отказом Рабочей партии от самостоятельного выставления кандидатур на дополнительных выборах. Кандидат, который должен был быть выставлен, почти что апробировался всеми партиями и шел в качестве общего кандидата, хотя он и был чисто партийным кандидатом. Почти параллельно с этим отказом от избирательной борьбы, рабочее движение усвоило тактику участия во всякой органической работе правительства по организации войны и хозяйства и по управлению страной. Ярче всего это сказалось в течение первых моментов войны в том, что Рабочая Партия с сентября 1915 г. предприняла все меры к проведению рекрутской кампании. Сентябрьский конгресс тред-юнионов в 1915 г. почти единогласно принял следующую резолюцию: «Мы, делегаты настоящего конгресса, представляющие почти три миллиона организованных рабочих, отмечаем, с сердечной радостью, великолепный ответ на призыв к записи в армию для борьбы с тиранией милитаризма. Мы категорически протестуем против черных попыток части реакционной печати вести газетную политику в узко партийных интересах и навязать нашей стране принудительный набор, который всегда оказывается бременем для рабочих и внесет расстройство в нацию как раз в то время, когда абсолютное единодушие жизненно необходимо. Не было выдвинуто никаких проверенных данных в подтверждение того, что добровольческая система не является достаточно действенной, чтобы дать все то, что требуется империи. Мы полагаем, что все необходимые рекруты могут быть получены, и будут получены, если система добровольчества будет правильно организована, и мы от всего сердца поддерживаем и окажем всяческую помощь правительству в его теперешней работе по набору солдат, необходимых для ведения войны вплоть до победного конца».

Такая резолюция обязывала профессиональные союзы, из которых состояло и подавляющее большинство членов Рабочей Партии, обеспечить своим участием «правильную организацию» доб-

ровольческого набора. Месяц спустя поэтому, по предложению Исполнительного Комитета Рабочей Партии, созвано было совещание трех общенациональных центров — профессиональных союзов, Рабочей Партии и кооперативов — с участием рабочих коммюнеров, для обсуждения вопроса о способах проведения в жизнь этой резолюции. На совещание приглашены были для докладов лорд Китченер и премьер-министр, которые толкуют и всеобщие осветили нужды нации «с человеческого материала». Два дня спустя совещание вновь собралось и вынесло решение создать «Рабочий Комитет по Рекрутскому Набору», «с целью поддерживать систему добровольчества и, таким образом, избежать конскрипции».

Но активным участием в работе по составлению армии Рабочая Партия не ограничилась. Очень скоро английское движение сделало логический вывод из принципа оборончества и необходимости ради войны активно участвовать во всей государственной жизни — и признало целесообразным перейти в руководящем аппарате государства к принципу коалиции. В этом отношении ее стремление нашло подходящую почву. Английская буржуазия, добившаяся возможности вести «политику развязанных рук», благодаря отказу и политическим и профессиональным организациям рабочего класса от собственной политики, казалось, не нуждалась в введении в состав кабинета рабочих представителей. В начале военных операций, во всяком случае, ей рисовалось возможным вести государственную политику при, примерно, том же соотношении партий, какое война застала в Англии. Но на деле ей — вернее, ее наиболее агрессивной части — потребовалось опереться на «демократию» в силу наличности внутренних расколов. Кабинет Аскрита, в котором, наряду с крупным и тонким идеологом «демократического империализма», Ллойд-Джорджем, работали незначительного калибра либералы старого типа, вроде Джона Саймона, представлял собою, в сущности, прекрасный аппарат индивидуалистического либерализма, с его проповедью

«свободной игры экономических сил». Внешняя политика кабинета поэтому определялась стремлением поменьше вмешиваться в мировые события, предоставляя им самим давать неизбежные результаты экономического соотношения сил. Правда, кабинет много потерял в этом отношении с уходом из него лорда Холдена и Джона Бернса, которые были против даже вмешательства Англии в войну. Влияние Асквита умерялось и нейтрализовалось влиянием Ллойд-Джорджа. Но от этого дело не менялось. Однообразно-либеральный кабинет, хотя бы включавший наряду с Асквитом Ллойд-Джорджа, придерживался лишь политики «гражданского мира». Никаких нововведений в политическую жизнь Ллойд-Джорджу ввести не удалось. Этот последний, ставший героической фигурой в глазах воинствующей буржуазии, не в состоянии был вести свою политику в такой же мере, как не удавалось это и Асквиту. Отсюда попытка свалить Асквита, которую Ллойд-Джордж с успехом и сделал, опираясь на часть либералов и консерваторов. Но уклон вправо нового кабинета — на деле весьма сильный и совершенно беспорядочный — должен был быть корректнован формальным расширением базы, на которую новый кабинет опирался. Отсюда — попытка включить и рабочих представителей в кабинет, чтобы подвести под его узко-классовую империалистическую политику широкую основу формального демократизма.

Поэтому стремление Рабочей Партии участвовать во всех государственных мероприятиях по обеспечению «победного конца» сочетается со стремлением не совсем твердо себя чувствующего кабинета Ллойд-Джорджа заручиться поддержкой Рабочей Партии. И Артур Гендерсон и несколько других коммюнеров входят в состав кабинета, причем, в виду того, что кабинет оказывается черезчур громоздким, а заседания его недостаточно конспиративными для военного времени, образуются «внутренний кабинет» из пяти министров, в число которых включается и Артур Гендерсон.

В общем, расчеты Ллойд-Джорджа

оказались точными. Несмотря на то, что уже с конца 1915 г. в Англии, как мы видим, нарастает волна массового движения, Рабочая Партия продолжает предоставлять свой аппарат, свое влияние на массу и свой персонал в распоряжение кабинета вплоть до середины 1917 г. без всяких осложнений. Разброд, внесенный в настроения масс этим, точно так же благоприятствует «политике развязанных рук». Если движение и растет, если недовольство политикой правительства толкает массы на возобновление борьбы, то все же прежний аппарат — политический и экономический — рабочего класса бездействует, а новый недостаточно способен, чтобы серьезно повредить ходу работ кабинета. Присутствие Гендерсона на заседаниях «кабинета пяти» не меняет дела, так как его позиции фактически ничем не отличаются от позиций Ллойд-Джорджа. По вопросу сценарии, напр., едва ли не первым за переход на всеобщую военную повинность высказывается именно Гендерсон. И именно его защита меры, принятой не ради реального усиления боевых единиц армии (новых крупных контингентов она не дала), а ради более основательного подчинения всего армейского аппарата кабинету, заставила с'езд Рабочей Партии вынести чисто академическую резолюцию о всеобщей воинской повинности.

Но, в конце концов, даже Рабочая Партия оказалась затронутой общими рабочими настроениями. Уже по возвращению своему из поездки в Ленинград летом 1917 г. Гендерсон не мог не почувствовать, что раскопанная февральской революцией воля русских рабочих и крестьян твердо ставит вопрос о мире, и что в самой Англии назревают аналогичные русским настроения. Он не только почувствовал это, но и выступил решительно в пользу возможно более скорой ликвидации войны. Тем самым он исключил себя из «кабинета пяти»: эпизод с третированием его, как зачумленного, Ллойд-Джорджем, заставившем его ждать в приемной, пока в соседней комнате шла заседание «кабинета пяти», резко поставил вопрос о невозможности дальнейшего

его личного участия в правительстве. Правда, уход Гендерсона в отставку не вызвал изменения в коалиционной природе английского кабинета. Произойшла лишь смена персонала. Гендерсона заменил Джордж Барнес, а Клайнс, Робертс и другие «рабочие министры» продолжали попрежнему оставаться на своих постах. Однако, трещина в строе политических отношений появилась — и трещина немалая. Гендерсон своим безусловным талантом и огромным влиянием служил несравненно лучше бесцветной фигуры Барнеса делу сглаживания внутренних противоречий военного времени. Его переход в ряды противников коалиции — руководителей Независимой Рабочей Партии (Мавдональд, Снауден и др.) не только лишил кабинет Ллойд-Джорджа такого чрезвычайно ценного сочлена. Он усилил и оппозиционные течения даже в верхушечных прослойках рабочих организаций.

В этом же направлении действовали и результаты участия Рабочей Партии в правительстве. «Опыт сотрудничества Рабочей Партии с капиталистическим правительством был весьма полезен — писал в свое время (в 1919 г.) Филипп Снауден. — Он продемонстрировал полную бесполезность для труда, еще остающегося в меньшинстве, брать на себя ответственность без полноты власти». Этот вывод, сделанный в середине 1917 г. Гендерсоном, делался постепенно и всей Рабочей Партией. В самом деле, к чему свелось участие рабочих представителей в министерстве? В работе двух с половиной лет влияния этого участия напрасно было бы искать. Политика правительства при Гендерсоне и при Барнесе была той же, какой ее намечал и проводил в жизнь Ллойд-Джордж. Фактически, за исключением Барнеса, ни одному министру из рабочих не было предоставлено ответственного портфеля. В заседаниях же «кабинета пяти» Барнес не играл никакой роли. Это была нужная политически, но совершенно беспомощная фигура, молчаливо подписывавшая то, что считали необходимым другие члены кабинета. Остальные министры точно так же ничего творческого в де-

ло не внесли. Да по своему положению (товарищи министра) и внести не могли. Один только из них — Клайнс — после смерти лорда Рондда, был назначен руководителем министерства продовольствия. Но и на его долю выпала лишь роль администратора, так как главная организационная работа по министерству была проделана: его предшественником. Таким образом, положительного участие рабочих в правительстве не внесло. Зато отрицательные результаты были велики и обильны.

Рабочие министры всегда и неизменно голосовали с правительством, зачастую против остальных рабочих коммюнеров. Нет ни единого случая, когда бы можно было установить независимость их от общеправительственной точки зрения. И это было неизбежно, так как решения принимались кабинетом в целом. Но было ли это неизбежно или нет, результат мог быть лишь один: участие рабочих представителей в коалиции лишало Рабочую Партию ее собственной политики. Всякая критика правительства была направлена и на рабочих членов последнего.

Все это вместе взятое и побудило, в конце концов, Рабочую Партию выйти из коалиционного кабинета и восстановить свою независимость от капиталистического правительства. Недовольство коалицией возрастало со дня на день, по мере того, как бесполезность этой последней становилась все определенной. Уже на ежегодной конференции партии в январе 1918 г. была внесена резолюция, гласившая: «Конференция придерживается той точки зрения, что оставаться в составе коалиционного кабинета или последующих буржуазных министерств рабочим членам парламента — значит идти вразрез с интересами рабочего класса. Эта резолюция вызвала возражение со стороны Исполнительного Комитета Рабочей Партии и была отвергнута. Но, во-первых, она оформила достаточно отчетливо новые настроения даже верхушки рабочей политической организации, а, во-вторых, она показала, насколько непрочны положение сторонников коалиции. Она собрала 722.000 голосов против 1.185.000, отданных за про-

стой переход к очередным делам. Свыше трех делегатов прямо высказалось против коалиции. А в ходе прений оппозиция из рядов прежних сторонников коалиции впервые заговорила ясным и четким языком. Артур Гендерсон, поделившись с участниками конференции своим опытом участия в двух коалиционных кабинетах, заявил, что, покуда он жив, он никогда не войдет ни в какое правительство, какова бы ни была окраска этого последнего, если рабочий класс не будет у власти. Таким образом, коалиция была осуждена раз навсегда. И если конференция не приняла резолюции, делавшей практический вывод из этого вердикта, то только по чисто тактическим соображениям. Тот же Гендерсон, категорически осуждая коалицию, высказывался против немедленного ухода рабочих членов, потому что такой акт вызвал бы немедленно всеобщие выборы. В условиях, в каких оказывалась Рабочая Партия, выборы были для нее неприемлемы. Избирательные списки, составленные до войны, включали огромное число рабочих избирателей, частью находившихся уже на фронте, частью переброшенных, в связи с суждениями военной промышленности, в другие местности, где они в списках не состояли. Выборы означали бы поэтому ослабление Рабочей Партии и усиление партий буржуазных. Голосовавшие против вышеприведенной резолюции голосовали бы за резолюцию, вообще осуждавшую участие в буржуазном правительстве, но временно оставлявшую прежнее положение вещей.

Однако, события развивались чрезвычайно быстро. Несмотря на то, что с первых же моментов войны было заключено «партийное перемирие», согласно которому во время военных событий ни одна партия не выставляет своих кандидатов в округе, где на предыдущих выборах прошел кандидат другой партии; несмотря на то, что Рабочая Партия в лице своего Исполнительного Комитета категорически воспрещала нарушать «партийное перемирие» местным отделениям, несмотря на все это, в начале 1918 г. на

обоих дополнительных выборах были выдвинуты местными организациями Рабочей Партии независимые кандидатуры, враждебные правительству. Это за одно свидетельствовало о том, что настроение масс идет решительно вразрез с политикой руководящего центра, и о том, что коалиция категорически отвергнута рабочим классом. Такие симптомы ускорили решение вопроса. На конференции Рабочей Партии в июне 1918 г. сам Национальный Исполнительный Комитет предложил ту резолюцию, которая за пять месяцев до того была отвергнута, по предложению этого Комитета, большинством двух третей голосов. «Настоящая конференция Рабочей Партии — гласила резолюция — принимает предложение партийного руководящего центра о прекращении партийного перемирия».

Эту резолюцию предложил А. Гендерсон, который сказал при этом, что Исполнительный Комитет вынужден прибегнуть к такой мере в силу того, что он не в состоянии более идти против попыток открытого нарушения партийного перемирия. Правда, и на этот раз прекращение перемирия, проведенное большинством двух третей голосов, не было связано с решением отозвать рабочих членов из состава коалиционного кабинета. Гендерсон, мотивируя теми же аргументами, которыми он подкреплял эту точку зрения в январе 1918 г., высказался против отозвания. Но конференция избрала новый Национальный Исполнительный Комитет, в котором гораздо более была представлена уже точка зрения Независимой Рабочей Партии. К тому же, решение о прекращении «партийного перемирия» — предполагавшее самостоятельное участие партии на выборах, которые уже были близки — логически вело к отзыву. И на конференции, «созванной в ноябре специально для решения вопросов избирательной кампании, Исполнительный Комитет предложил следующую резолюцию: «Конференция высказывается за то, чтобы в новую парламентскую сессию, вслед за предстоящими всеобщими выборами, Рабочая Партия была свободна в определении и проведении в

жизнь своей собственной политике хозяйственного восстановления наиболее для нее доступными, при данной парламентской конъюнктуре, средствами. Тем временем, она заявляет, что со всеобщими выборами, призванными создать парламент, которому предстоит вести дела страны после войны, сходят на нет те условия, при которых партия вошла в коалицию, и постановляет отозвать своих представителей из правительства по окончании нынешней парламентской сессии». На этот раз прогив резолюции никто прямо не выступал. Лишь парламентская фракция внесла через Клайнса поправку: «По мнению Партии и в соответствии с заключенным соглашением, Коалиционное правительство должно «сохраниться до окончания войны и лишь с подписанием мира Партия возвращает себе свободу действий». Предложенная Исполнительным Комитетом резолюция была принята большинством 2.117.000 голосов против 810.000. Это сразу же внесло ясность в положение. Три члена кабинета подчинились решению конференции. Барнес и четыре других отказались уйти из состава кабинета и вышли из Партии, либо были из нее исключены. Партия в целом принялась за подготовку тех выборов, которые дали уже первый послевоенный парламент.

9. 1914 — 1919 г.г. — четыре с небольшим года невиданной в мире войны — были для рабочего движения Англии и других европейских стран годами чрезвычайно тяжелых испытаний. Старые организации, складывавшиеся в ходе развития классовой борьбы, оказались бессильными удержать те позиции, которые формально намечались для рабочего движения взглядами и убеждениями, классовыми интересами пролетариата. «Экономическим» и «гражданским миром» они были ввергнуты в состояние политического и общественного анабиоза. Руководящие центры подпали всецело под влияние буржуазной политики и последовательно оторвались от рабочего движения в целом. Но в ходе развития мировой войны классовые противоречия не были изжиты. Напротив, острота их оказа-

лась чрезвычайно усиленной и возрождение массового рабочего движения становилось неизбежностью.

Оно и стало фактом. Стало гораздо раньше, чем четыре фигуры, подготовившие Версальский мир, с'ехались в Париже для того решения, которым войне был положен конец. Уже с 1915 г. назревают сдвиги. И в течение дальнейших глав истории войны сдвиги и обвалы в «военном обществе» все учащаются и учащаются, подготавливая те события, которые развернулись в революционный брожение послевоенного периода. Постепенно, поднимаясь снизу, с фабрик и заводов нарастает революционная волна, одно время — в 1920 г. — угрожающая захлестнуть капиталистическое общество. И чтобы понять размах движения — его организационную слабость в такой же мере, как и классовую выдержанность — необходимо вернуться к тому периоду в истории рабочего движения всего мира, когда под застывшей, смертельной корой былых вулканических извержений все ярче и ярче разгорались огни новых подземных возмущений, когда в охваченной анабиозом организации рабочих происходило накопление новых жизненных сил.

Литература вопроса в значительной степени ограничивается периодической печатью. Для детального научного анализа еще не наступило время. Поэтому даже в иностранной литературе имеется чрезвычайно мало книг, дающих материал для изучения военного периода истории рабочего движения. Наиболее ценными работами, имеющимися и на русском языке, следует признать работы *С. и В. Веббов* («История тред-юнионизма» издания 1920 года, главы, относящиеся к тридцатилетнему росту); *Зигфрида Нестрилке* («Профессиональное движение» — весь II т.); *К. Паинга* («Германские Проф. Союзы.»); *Р. Мюллера* («Германские союзы до и после революции»); *М. Лурье (Ларин)* («Германские союзы во время войны»). Из материалов в периодической печати необходимо отметить статьи *М. Лурье и А. Чекина*, трактующие о Германии и об Англии, в «Вестнике Европы» за 1915—1917 г. и в «Русском Богатстве» за те же годы. Богатый материал собран в двух ежегодниках: «Labour Yearbook», изданный под наблюдением Сиднея и Беатриссы Вебб и Джорджа Бернарда Шоу в 1916 г. и затем в

1919 г., а также „American Labour Yearbook“ за 1917—1918 и за 1919—1920 г. г., выходящий под редакцией Александра Трахтенберга в издании „The Rand School of Social Science“. Чрезвычайно полезны монографии, издаваемые Health of Munition Workers Committee в Англии, а также специальные органы: „Labour Gazette“, „Reichsarbeitblatt“ и „Bulletin du Ministère du Travail“ за годы войны. Из иностранной печати значительную ценность представляют: „Socialist Review“, „The British Socialist“, „Die Neue Zeit“ и др. социалистические журналы в Германии и комплекты „Times“, „Nation“, „Vorwärts“, „Korrespondenzblatt“, „The New Statesman“. Из непрерывных иностранных книг специально трактующих военный период рабочего движения, следует отметить: *G. H. D. Coles*, „Labour in Wartime“, *Walter Crotch*, „Industrial Anarchy and the Way-Out“, *I. Murphy*, „The Workers Committee“.—См. также ниже очерки по истории важнейших государств в эпоху войны; о рабочем движении во время войны в России, см. по истории революции 1917 г. в цикле стат. о *России*.

В. Яроцкий.

XI. АГРАРНЫЙ ВОПРОС НА ЗАПАДЕ В ЭПОХУ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

1. Аграрный вопрос каждой страны определяется состоянием сельскохозяйственного производства, строем земельной социально-экономических отношений и действующей системой аграрного законодательства.

Истекшее с начала мировой войны десятилетие отмечено многочисленными изменениями и сдвигами во всех трех областях аграрного вопроса. В мировой организации сельского хозяйства изменения выражались в перемещении центров производства и сбыта сельскохозяйственных продуктов и в новых направлениях сельскохозяйственного производства в отдельных странах.

В области социально-экономических отношений за указанный период времени обострились противоречия между отдельными группами сельского населения и вступила в особенно яркий фазис борьба между крупным «капиталистическим» и мелким «трудовым» хозяйством. Аграрное законодательство отразило сдвиги, происшедшие в области организационно-производственных и социально-экономических отношений. За последние годы почти во всем европейским государствам

прокатилась волна обширного законодательства, местами заново построенная правовую основу землевладения и землепользования, местами стараясь формулировать и ускорить наметившиеся уже социально-экономические процессы, местами пытавшаяся организованно им противодействовать.

Исходным пунктом всех изменений в состоянии сельского хозяйства за последнее десятилетие была мировая война. Ее влияние на сельскохозяйственное производство было многообразным и многосторонним. Уже простое разделение важнейших европейских стран на две воюющие группы должно было сильнее всего образовать потрясти равновесие мирового оборота сельскохозяйственных продуктов. Как раз в области сельскохозяйственного производства существовало наиболее далеко идущее международное разделение труда. Если каждая страна имела собственную промышленность или стремилась во что бы то ни стало обзавестись ею, то в области сельского хозяйства европейские индустриальные государства в огромной степени зависели от излишков аграрных стран, а между последними все более усиливалась специализация на какой-либо одной группе сельскохозяйственных продуктов. По главному предмету мировой хлебной торговли—пшенице — семи главнейшим экспортерам: России, С.-Штатам, Аргентине, Канаде, Румынии, Индии и Австралии, выбрасывавшим на мировой рынок в среднем за 1909—13 г.г. около 16.082.000 тонн в год, противостояли 12 крупнейших покупателей, в лице Великобритании, Германии, Голландии, Бельгии, Италии, Франции, Бразилии, Швейцарии, Швеции, Греции, Дании и Испании, приобретавших означенное количество пшеницы и пшеничной муки. Война разорвала годами установившиеся торговые связи. С первых же месяцев военных действий Германия была отрезана от своих обычных рынков и вынуждена была искать снабжения в Румынии и северных нейтральных государствах. Вступление в войну Турции практически изолировало Россию, лишив

тем самым одну из главных экспортных стран рынков сбыта, а союзные государства—одного из важнейших источников снабжения. Выступление Румынии и усиление английской блокады окончательно изолировало Германию, а немецкий подводный флот затруднил работу торгового союзного судоходства.

Одного этого разрыва международных связей достаточно было для того, чтобы произвели глубокие изменения в сельскохозяйственном производстве почти всего мира. Под влиянием изоляции и сокращения источников снабжения во всех ввозящих европейских странах усиливался спрос на сельскохозяйственные продукты, поднимались цены и создавалась благоприятная рыночная конъюнктура для развития собственного производства. С другой стороны, и в заокеанских экспортных странах возникал энергичный, добавочный спрос на те же продукты. Он объяснялся отчасти падением такого мощного поставщика, как Россия, отчасти абсолютным увеличением закупок воюющих государств, стремившихся накопить сверхнормальные запасы продовольствия для обеспечения и регулярного снабжения армий. В Соединенных Штатах, Канаде, Индии, Аргентине создавались, таким образом, мощные стимулы к расширению производств, увеличению посевной площади и увеличению скотоводства.

В большинстве европейских воюющих государств с самого начала возникла перед правительством угроза голода. Отсюда родился длинный ряд решительных и невиданных до тех пор мероприятий, которые не могли не отразиться на положении сельского хозяйства этих стран и на условиях его существования. В первые же недели после объявления войны в таких протекционистских странах, как Франция и Германия, были отменены ввозные пошлины на важнейшие сельскохозяйственные продукты. Скоро выяснилось, однако, что одним лишь путем свободной внешней торговли нельзя удовлетворить потребностей армии и населения. Правительство воюющих

стран приступило тогда к суровой регулировке внутреннего рынка продовольственных продуктов. Впереди всех других стран в этом отношении шла Германия, наиболее полно отрезанная от внешнего мира и целиком почти предоставленная собственным продовольственным возможностям. Характерной чертой первых же месяцев войны было значительное повышение цен на сельскохозяйственные продукты. Причиной его была, с одной стороны, недостаточность запасов и неопределенность будущего, с другой стороны, повышение цен вскоре стало обуславливаться бумажно-денежной инфляцией, неизбежным спутником военного хозяйства. Ни экономисты-теоретики, ни государственные деятели-практики долгое время не верили в недостаточность запасов и еще дольше не могли научиться различать роли обесценения денег. Все внимание законодателя устремлялось на ограждение интересов потребителя и такую организацию распределения наличных запасов продовольствия, которая обеспечивала бы неопределенно долгое ведение войны. Сначала германское правительство рассчитывало достигнуть этих целей при помощи простой нормировки цен и установления их высших пределов. Уже 23/X—1914 г., т.-е. всего через 3 мес. после объявления войны, было принято решение об издании Союзным Советом и центральными органами отдельных союзных государств обязательных постановлений о предельных ценах. Регулирование цен подкреплялось и усиливалось затем рядом других постановлений вплоть до 1916 г., при чем от установления предельных цен законодатель скоро перешел к отысканию «справедливых» средних цен, покрывающих издержки производства и доступных потребителю. Когда выяснилось, что простым регулированием цен нельзя добиться желаемых результатов, и что установление твердых цен приводит к исчезновению товаров и развитию нелегальной торговли, правительство перешло к непосредственному регулированию торговли путем создания ряда тор-

говых монополий, предоставлявших государству исключительное право закупок продовольственных продуктов по твердым ценам. Система регулирования внутреннего рынка нашла свое завершение в организации планового распределения и в установлении норм потребления для гражданского населения. От косвенного регулирования рынка путем воздействия на цены государство перешло к прямому установлению размеров спроса, отвечающих наличным запасам распределяемых продуктов. Как велико было это ограничение спроса марточной системой, можно судить по тому, что летом 1917 г. вместо нормального дневного рациона в 320 гр. муки, 150 гр. мяса и 56 гр. жиров, городское население получало 160 гр. муки с отрубями, 135 гр. тощего мяса с костями и 7 гр. масла с маргарином; общее же количество потребляемых калорий упало с 2.280 до 1.000 в день.

Приблизительно в том же направлении, хотя, быть может, и не с такой интенсивностью, шло военно-продовольственное законодательство других воюющих стран. Во Франции уже декретами 31 июля и 13 авг. 1914 г. были отменены ввозные пошлины на хлеб и мясо, и вскоре же начались попытки регулирования рыночных цен. Закон 16 окт. 1915 г. установил уже повсеместно твердые цены на зерно, муку и хлеб. Тот же закон предоставлял префектам право реквизиции зерновых продуктов у производителей и торговцев по твердым ценам, за исключением доли, необходимой для потребления самих производителей, с целью обеспечить за счет реквизированных запасов снабжение гражданского населения по умеренным ценам.

Исключения не составила даже Англия, сравнительно хорошо обеспеченная в течение всей войны и особенно враждебно настроенная по отношению ко всяким вмешательствам в экономическую жизнь. Тем не менее и здесь уже с самого начала войны государство взяло под свой контроль торговлю и распределение

сахара, затем то же самое случилось с хлебной торговлей, в ноябре 1916 г. была учреждена должность Продовольственного Контролера и с того же момента началось установление максимальных цен на сельскохозяйственные продукты. В феврале 1917 г. Англия приступила к добровольному ограничению потребления, которое затем через несколько месяцев вылилось в марточную систему распределения, применявшуюся до конца войны по отношению к мясу, сахару, маслу, маргарину и салу. Потребление хлеба оставалось во все время войны не нормированным, и государственное вмешательство ограничилось, кроме фиксации цен, запрещением употребления пшеницы для винокурения.

Затянувшаяся война создавала все новые затруднения для сельского хозяйства. Непрерывные мобилизации отнимали у него рабочую силу. Пополнение монского состава армии лишило его тяговой силы, а необычайно выросший спрос на мясо побуждал многих хозяев к распродаже прочих видов скотского капитала. В том же направлении действовало сокращение кормовых ресурсов, поступающих прежде в значительной мере с мирового рынка. Наконец, разрыв мировых торговых связей нарушил правильное снабжение минеральными удобрениями, по отношению к которым в мировом обороте также существовало значительное разделение труда.

Перечисленным отрицательным факторам развития сельского хозяйства в воюющих странах противостояли некоторые положительные. Правительства отдельных государств, сознавая зависимость своей военной силы от продовольственных ресурсов страны, прилагали не мало сил для поднятия сельского хозяйства. Они старались обеспечить земледельцев необходимыми средствами производства, кредитом и рабочими силами. Добыча азота из воздуха и широкое применение труда военнопленных были далеко не единственными мерами в этом направлении.

Но главную роль в поддержке сель-

ского хозяйства должны были все-таки сыграть высокие пены на его производстве. Темп их повышения был так велик, что в большинстве случаев европейские государства, как мы видели, заботились скорее о замедлении его, долагая, что и без того военная конъюнктура приносит неисчислимые выгоды сельскому хозяйству. Исключение из этого правила составила только Англия, которая наряду с установлением предельных цен, как бы предвидя неустойчивость конъюнктуры после войны, издала в 1917 г. закон о производстве хлеба, гарантировавший производителям минимальные цены на 6 лет вперед.

Общие результаты положительных и отрицательных влияний войны на производство хлебных растений в отдельных странах могут быть выражены изменением посевной площади сравнительно с довоенным временем, показанным в сравнительно-статистическом обзоре современного состояния важнейших государств (т. XI, прил., табл. 14).

За исключением Англии, где правительственная политика привела к значительному прогрессу за время войны, во всех остальных воюющих странах Европы, сельское хозяйство пришло в заметный, местами катастрофический, упадок. В нейтральных европейских государствах за время войны произошел некоторый подъем, хотя и не весьма значительный, благодаря тому, что эти страны находились слишком близко к театру войны и подвергались отчасти таким ее вредным влияниям, как блокада, или подводная война. Зато страны Нового Света, не исключая принимавших участие в войне, оказались в особо благоприятных условиях. Работая на повышенный спрос Европы и не неся слишком тяжелых жертв для войны, они сумели развить свое сельскохозяйственное производство до небывалых размеров.

В момент заключения мира, сельское хозяйство земного шара характеризовалось необычайным перевесом цветущих, полнокровных заокеанских стран над изуродованным и ослабевшим хозяйством европейских государств.

Нужно отметить еще и внутренние изменения в направлении сельского хозяйства, происшедшие за время войны. И в Старом, и в Новом Свете полеводство заняло относительно большую роль по сравнению со скотоводством, чем оно занимало до войны. Среди полевых же культур на первое место выдвинулись продовольственные хлеба, оттеснив на задний план технические и кормовые растения. Все это было опять следствием войны и ее спроса именно на главнейшие продукты продовольствия.

2. Послевоенные судьбы сельского хозяйства складывались также под влиянием разных причин, то поощрявших, то задерживавших его развитие и во всяком случае требовавших установления равновесия на каком то ином уровне, чем тот, который создан был за годы войны.

Условия сельскохозяйственной эволюции в 1918—24 г.г. сложились опять по разному для Европы и Нового Света. Для воевавших, а отчасти и для нейтральных европейских стран прекращение войны означало прежде всего открытие границ и возврат более или менее свободного движения сельско-хозяйственных продуктов между отдельными странами. Успешно международного оборота и заокеанской конкуренции содействовало далее резкое падение морских фрахтов, достигших, напр., между Сев. Америкой и Англией 30-кратных размеров в декабре 1917 г. и затем после устранения опасностей подводной блокады, превышавших в конце 1921 г. уже менее, чем в два раза уровень 1913 г. Внутри воевавших стран важным фактором экономического развития явилась отмена военно-продовольственного законодательства. Эпоха преобладания потребительских интересов закончилась и протекционистские государства могли снова вернуться к системе таможенной охраны местного земледелия. Исключением составляла Германия, которая по Версальскому договору обязывалась сохранить открытые границы для сельскохозяйственных продуктов и которая, кроме того, по соображениям внутренней про-

довольственной политики продолжала удерживать часть военно-продовольственного законодательства, касающуюся сдачи некоторой доли сел.-хоз. продукции по твердым предельным ценам. Другим внутренним фактором, содействующим развитию земледелия воевавших стран, был приток людей, а частью и рабочего скота, из демобилизованных армий. Важную роль в послевоенной истории европейского земледелия суждено было сыграть обесценению денег, сделавшемуся, наконец, очевидным и разделившему все страны на группы с устойчивой, упавшей и расстроеной валютой. Низкая валюта создавала естественный барьер против иностранных товаров и форсировала производство и экспорт продуктов собственного производства. За известными пределами обесценения денег начиналось, однако, такое нарушение пропорций хозяйственной деятельности и такой рост цен на продукты промышленного происхождения, что расстроенная денежная система из премии местному земледельцу превращалась в противодействующее ему средство.

Что касается конъюнктуры цен на сельско-хозяйственные продукты, то на фоне общего падения их, наступившего после окончания войны, сельско-хозяйственные продукты понижались первоначально медленнее, чем промышленные изделия. Так продолжалось приблизительно до середины 1920 г., когда обнаружилась снова повышательная тенденция всех цен и на этот раз сельско-хозяйственные товары стали отставать от промышленных. После кратковременного подъема в мировой конъюнктуре наступила более или менее продолжительная депрессия, наблюдающаяся и до настоящего времени. Сельское хозяйство реагировало на нее понижением цен, превышающим средние показатели падения общеправного уровня цен. В общем можно сказать, что конъюнктура цен для с.-х. произведений была наиболее высокой вскоре после конца войны, а затем началось медленное ее падение вплоть до 1924 г., когда умеренный мировой урожай и недород в СССР создали

опять повышательные тенденции цен (ср. табл. 42—44 прилож. к XL-му тому).

Перечисленные факторы действовали не все и не с одинаковой силой в отдельных странах. Европейское сельское хозяйство не являет поэтому картины однообразной эволюции после войны. Для некоторых, наиболее интересных в этом отношении европейских стран помещ. ниже табл. № 1 и 2 дают сведения о движении посевов важнейших культур и изменений размеров скотовладения за 6 лет, непосредственно следовавших за подписанием мира.

Среди поименованных стран есть примеры явного упадка, стационарности, медленного и быстрого развития сельскохозяйственного производства. Англия, не защищенная таможенными пошлинами и больше всего подвергавшаяся воздействию заокеанской конкуренции, быстро утратила количественные успехи сельского хозяйства, достигнутые за время войны. Германия обнаруживает довольно слабый подъем, задерживаемый тем ненормальным положением, в которое она поставлена Версальским миром. Сельское хозяйство Франции и Италии медленно расширяется, постепенно приближаясь к довоенному уровню. Наконец, Румыния являет картину необычайно быстрого развития и земледелия и скотоводства. В таком же темпе приблизительно развиваются и другие сельскохозяйственные страны Европы—Испания и Польша.

Таблица № 3 показывает, как изменилась посевная площадь во всей Европе.

В общей сложности сельское хозяйство Европы неуклонно расширяется после войны. То направление, которое оно при этом принимает, характеризуется более быстрым по сравнению с полеводством восстановлением и развитием скотоводства, особенно свиноводства. Системы полеводства, очевидно, также приспособляются к этим заданиям и прежде всего развивают кормовые хлеба и кормовую площадь. Технические растения—лен и конопля, дав необычайно сильный скачек вверх в первые два года после войны, за-

Таблица № 1.

Посевная площадь важнейших культур (в тыс. гектаров).

СТРАНЬ.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
1. Германия.						
Пшеница	1.287	1.375	1.441	1.374	1.478	1.467
Рожь	4.353	4.285	4.265	4.143	4.365	4.260
Ячмень	1.106	1.193	1.136	1.152	1.301	1.445
Овес	2.936	3.213	3.161	3.201	3.525	3.344
Итого	9.682	10.066	10.003	9.870	10.669	10.516
2. Франция.						
Пшеница	4.708	5.094	5.382	5.290	5.533	3.428
Рожь	813	869	901	888	897	870
Ячмень	508	664	680	693	681	693
Овес	2.952	3.350	3.408	3.436	3.423	3.464
Итого	8.981	9.977	10.371	10.307	10.534	8.455
3. Великобритания.						
Пшеница	960	801	844	839	731	648
Рожь	45	41	34	37	32	27
Ячмень	757	829	721	685	602	594
Овес	2.081	1.888	1.796	1.775	1.333	1.346
Итого	3.843	3.557	3.395	3.336	2.698	2.615
4. Италия.						
Пшеница	4.286	4.569	4.767	4.650	4.676	4.564
Рожь	110	114	116	129	127	127
Ячмень	194	200	219	223	230	240
Овес	457	469	485	491	495	510
Итого	5.047	5.352	5.557	5.503	5.528	5.441
5. Румыния.						
Пшеница	1.728	2.023	2.488	2.850	2.691	3.172
Рожь	303	316	326	266	270	205
Ячмень	786	1.400	1.569	1.727	1.878	1.851
Овес	385	966	1.239	1.333	1.345	1.287
Итого	3.202	4.705	5.622	5.976	6.184	6.515

Таблица № 2.

Скот (в тысячах голов) (Европа).

СТРАНЬ.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.
1. Германия.					
Лошади	3.503	3.588	3.668	3.651	—
Рогат. скот	16.524	16.806	16.790	16.317	16.553
Овцы	5.373	6.150	5.891	5.566	6.094
Свины	11.594	14.178	15.818	14.679	17.226
2. Франция.					
Лошади	2.503	2.635	2.706	2.778	2.848
Рогат. скот	12.789	13.217	13.343	13.576	13.749
Овцы	9.022	9.406	9.600	9.782	9.925
Свины	4.389	4.942	5.166	5.196	5.406
3. Великобритания.					
Лошади	—	1.699	1.718	1.668	1.597
Рогат. скот	—	7.499	9.477	7.700	7.791
Овцы	—	20.163	20.955	20.621	21.156
Свины	—	2.224	2.755	2.567	2.985
4. Италия.					
Лошади	990 (1918)	990	—	—	—
Рогат. скот	6.240 (1918)	6.239	—	—	—
Овцы	11.754 (1918)	—	—	—	—
Свины	2.389 (1918)	—	—	—	—
5. Румыния.					
Лошади	1.380	1.485	1.687	1.802	1.960
Рогат. скот	4.834	4.780	5.520	5.746	6.253
Овцы	7.991	8.690	11.194	12.321	14.136
Свины	717	2.524	3.132	3.142	3.462

тем также резко упали и не занимают теперь, как и прежде, видного места в сельском хозяйстве Европы. Последнее, очевидно, мало по-малу возвращается к довоенным пропорциям, системам и географическому расположению. Процесс этот, однако, протекает трудно и с большими усилиями. В целом сельское хозяйство Европы не достигло еще довоенного уровня приблизительно на 15—20% и ликвидация этого наследия войны с каждым го-

дом проходит все более медленным темпом.

В отдельных странах послевоенная реорганизация принимает настолько болезненные формы, что начинает напоминать кризис и вызывает энергичные жалобы сельских хозяев. В Германии, напр., главным образом, вследствие недостаточного применения фосфорных удобрений, потребление которых даже в 1921—22 г. не превышало половины довоенной нормы, уро-

Таблица № 3.

Посевная площадь в Европе (в тыс. гектаров).

СТРАНЫ.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.
Европа (без СССР).				
Пшеница	24.531	25.953	26.086	26.550
Рожь	14.359	14.924	15.168	15.949
Ячмень	10.264	10.420	10.637	11.036
Овес	17.381	17.875	18.470	18.690
Итого	66.535	69.172	70.761	72.225

жай того же года был на 16 — 36% ниже довоенного уровня, а недостаточное кормление животных понизило убойный вес скота до 152 кг. в 1920 году против 250 довоенных и удой до 1250 литр. против 2400 до войны. Низкий уровень производительности сельского хозяйства единогласно объясняется низкими же ценами на сельскохозяйственные продукты.

Во Франции известный знаток сельскохозяйственных отношений П. Казно свидетельствует, что после кратковременного увлечения сельским хозяйством, непосредственно после войны, наступило быстрое разочарование. Крупные хозяйства, основанные в тот же период со щедрой помощью государства, оказались убыточными, несмотря на прекрасное ведение дела. Высокие цены оказались обманчивым отражением упавшей валюты. Они недостаточны, чтобы обеспечить прочный сельскохозяйственный подъем.

В Англии отмеченное выше падение посевной площади знаменует переход к более выгодному интенсивно-скотоводческому и огородному направлению сельскохозяйственного производства. Процесс этот происходит, однако, в такой резкой форме, что правитель-

ство кроме фиксации минимальных цен (закон 1917 г.), установления минимума заработной платы, запрещения повышения ренты и требований правильного ведения хозяйства, вынуждено с 1923 г. прибегнуть еще к системе субсидий—для поддержания падающего сельского хозяйства.

При всем разнообразии причин, затрудняющих развитие европейского земледелия, одной из главных и общих является, бесспорно, конкуренция за океанских стран. Послевоенное развитие сельского хозяйства в главнейших экспортных странах Нового Света — С. Штатах, Канаде, Аргентине, Бразилии и Австралии—складывалось под влиянием тех же факторов, которые действовали и для Европы, только в большинстве случаев в обратном их значении.

Открытие границ, уменьшение риска морских перевозок и падение фрахтов усилили конкурентно-способность за океанского земледелия и увеличили европейский спрос. Благоприятным фактором оказалась также экономическая изоляция важнейшего конкурента, — России. Главнейшими препятствиями в расширении рынков сбыта оказались, прежде всего, падение по-

купательной силы европейского населения и низкий курс денег в ряде важных стран-потребительниц (Германия, Италия, Франция, Бельгия и др.). Не без влияния остались и повышение производительности европейского земледелия, не достигшее, правда, довоенного уровня, но все же с успехом оттеснившее часть заокеанского хлеба.

О том, какие из перечисленных факторов перевесили, свидетельствуют цифры табл. № 4 и 5.

Повсеместно, после бурного подъема во время войны, захватившего отчасти и первый год мира, началось стационарное состояние, а по отношению к главному экспортному товару — пшенице и средствам производства — скоту даже прямое падение. Несколько менее пострадали, повидимому, Канада и Аргентина, особенно тяжело отразились послевоенные годы на С. Штатах. Депрессия превратилась здесь в настоящий сельскохозяйственный кризис. Четыре специальных комиссии, работавших летом 1923 г. над выяснением его причин, пришли к заключению, что они лежат, главным образом, в общем мировом перепроизводстве зерновых продуктов. Спрос на внутреннем рынке не может быть увеличен, ибо он достиг максимума за годы военного расцвета американского благополучия. Надежды на расширение емкости европейских рынков наталкиваются на препятствия, в виде расстроенных денежных систем и роста собственного производства в европейских странах. Широко организованная кредитная и кооперативная помощь американскому фермеру не решает вопроса, ибо, временно облегчая положение, она приводит в конце-концов к еще большему перепроизводству и затруднениям в сбыте. В качестве единственного исхода для американского земледелия рекомендуется обратить внимание на пересмотр своих хозяйственных целей. Промышленные штаты должны сосредоточиться на производстве скотоводческо-огородных культур, могущих найти расширяющийся местный рынок. Этим облегчится положение и чисто-земледельческих штатов, ведущих исключительно экспортное хозяйство

и вынужденных делить свои рынки с продукцией промышленных районов. По данным анкеты, произведенной упомянутыми выше комиссиями, американские фермеры намерены были сократить в 1923/4 году посевы озимой пшеницы на 15% и увеличить откорм свиней на 28%.

Общий вывод, который может быть сделан на основании предыдущего обзора послевоенного развития сельского хозяйства, сводится к тому, что в важнейших странах мира, связанных узами международного обмена, наступила довольно длительная депрессия, обостряющаяся местами до интенсивности настоящего сельскохозяйственного кризиса. Переход к более высокой конъюнктуре будет зависеть, повидимому, во-1-х, от развития покупательной силы Европы и укрепления ее денежных систем и, во-вторых, от реорганизации сельскохозяйственного производства, принявшего узко-продовольственное, зерновое направление во время войны и возвращающегося теперь к формам интенсивного скотоводческо-огородного хозяйства в промышленных и аграрно-промышленных странах, с предоставлением зерновой продукции экстенсивным, чисто-земледельческим мировым районам.

3. Социальные отношения в сельском хозяйстве могут рассматриваться под углом зрения: во-1-х, рабочего вопроса и, во-2-х, борьбы за преобладание между крупным и мелким хозяйством. Поскольку рабочий вопрос является вопросом об экономическом положении наемного труда в сельском хозяйстве, за последние десять лет произошли следующие изменения. Война вызвала почти повсеместное резкое повышение заработной платы в сельском хозяйстве, первоначально превосходившее вздорожание жизни. В европейских воюющих странах главной причиной этого явления были обширные мобилизации, лишившие сельское хозяйство рабочих рук, к тому же в самое горячее время года, к моменту уборки хлебов. Правительства воюющих стран прилагали все усилия, чтобы увеличить приток рабочих сил к земле. Германия первая в широком мас-

Таблица № 4.

Посевная площадь важнейших культур (в тыс. гектаров).

СТРАНЬ.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
1. Соединен. Штаты.						
Пшеница	30.633	24.744	25.967	25.219	23.597	21.780
Рожь	2.552	1.784	1.832	2.700	2.087	1.755
Ячмень	2.720	3.076	3.000	2.961	3.199	3.059
Овес	16.333	17.196	18.411	16.507	16.525	8.845
Итого	52.238	46.800	49.240	47.387	45.408	45.439
2. Канада.						
Пшеница	7.740	7.378	9.413	9.074	9.175	9.107
Рожь	308	263	746	852	586	361
Ячмень	1.076	1.033	1.831	1.052	1.427	1.379
Овес	6.051	6.414	6.859	5.885	5.822	5.860
Итого	15.175	15.088	18.849	16.863	17.010	16.707
3. Аргентина.						
Пшеница	6.053	6.076	5.763	6.573	6.967	7.185
Рожь	—	88	98	148	128	—
Ячмень	271	250	251	242	258	—
Овес	931	834	852	1.059	1.112	1.071
4. Австралия.						
Пшеница	2.598	3.671	3.933	3.951	3.846	4.042
Рожь	1	2	2	2	—	—
Ячмень	108	135	121	138	—	—
Овес	432	379	296	410	—	—
5. Британск. Индия.						
Пшеница	9.631	12.118	10.434	11.415	12.482	12.617
Рожь	—	—	—	—	—	—
Ячмень	2.922	3.460	2.884	3.383	2.995	—
Овес	—	—	—	—	—	—

Таблица № 5.

СКОТ (В ТЫС. ГОЛОВ).

СТРАНЬ.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.
1. Соедин. Штаты				
Лошади	19.766	19.208	19.056	18.627
Рогатый скот	67.120	65.587	66.059	67.240
Овцы	39.025	37.452	36.327	37.323
Свиньи	59.344	56.097	58.127	68.227
2. Канада.				
Лошади	3.400	3.814	3.649	3.531
Рогатый скот	9.572	10.206	9.720	9.246
Овцы	3.721	3.675	3.264	2.754
Свиньи	3.517	3.905	3.916	4.405
3. Аргентина.				
Лошади	9.367	9.432	—	—
Рогатый скот	27.943	28.138	37.067	—
Овцы	45.996	46.134	36.269	—
Свиньи	3.237	3.221	6.437	—
4. Австралия.				
Лошади	2.416	2.438	2.390	—
Рогатый скот	13.500	14.530	14.337	—
Овцы	77.898	82.226	78.803	—
Свиньи	764	960	541	—
5. Британск. Индия.				
Лошади	2.149	2.197	2.198	—
Рогатый скот	142.421	142.987	143.377	—
Овцы	34.084	34.574	34.012	—
Свиньи	—	—	—	—

штабе организовала труд военнопленных. Франция через специально организованные бюро труда сумела привлечь из нейтральных стран по преимуществу Швейцарии и Испании, до 1 января 1918 г. свыше 234.000 сельскохозяйственных рабочих. Англия в национальном масштабе организовала обучение городских женщин и привлечение их к сельскохозяйственным работам и т. д. Все эти меры не могли насытить спроса на труд. Считая высокую заработную плату наилучшим способом обеспечения сельскохозяйственных работ, английское правительство уже в 1817 году второй частью закона о производстве хлеба, гарантировавшего фермерам на 6 лет минимальные цены, провело и регулирование заработной платы во всем королевстве. Оно было осуществлено созданным на паритетных началах из фермеров и рабочих центральным бюро труда и его местными отделениями, установившими повсеместно периодически пересматриваемую сложную систему расценок, наряду с ограничением рабочего времени 48 час. в неделю зимой и 54 летом и с дополнительной оплатой сверхурочного времени.

Высокие расценки труда от воюющих стран перебросились и в нейтральные или мало затронутые войной государства, где расширение запасов и высокие цены на продукты продовольствия создавали и дополнительный спрос на рабочие руки. В Норвегии и Дании заработная плата выросла за время войны в 2—2½ раза, в Канаде уже в 1917 г. осенний месячный заработок сельскохозяйств. рабочего поднялся до 60—75 дол. в месяц, т. е. достиг небывалой высоты.

Демобилизация армий вернула рабочие силы деревне, окончание войны понизило конъюнктуру сельскохозяйственных цен, а последствия бумажного денежного хозяйства повысили стоимость жизни. В результате совокупного действия этих причин реальная заработная плата с.-х. рабочих должна была понизиться и, действительно, по одной официальной анкете 1920 г. оказалось, что по всей территории Франции заработная плата

разных категорий с.-х. рабочих возросла по сравнению с 1915 г. в 2—3 раза, а стоимость жизни увеличилась в среднем в 4 раза.

Наряду с ослабленным экономической конъюнктуры, окончание войны принесло, однако, с.-х. рабочим успешные их политическое втягивание. Народные массы, в течение войны скованные обещанием гражданского мира, теперь предъявляли свои счета, подкрепленные революционными взрывами в побежденных странах. Правительства других стран пошли на уступки. Последовавшие за окончанием войны годы были периодом весьма радикального законодательства в области рабочего вопроса вообще и по отношению к регулированию условий труда сельскохозяйств. рабочих в частности. В Германии уже 24/1 1919 года было опубликовано «Временное положение о сельскохозяйственном труде». Оно устанавливало продолжительность рабочего дня средним числом в 8, 10 и 11 часов по триместрам сельхоз. года, а также регулировало жилищные условия рабочих. Заработная плата устанавливалась системой коллективных договоров, число которых достигло 300 уже в 1920 году. Чехословакия пошла дальше всех и законом от 13 янв. 1919 г. ввела 8 час. рабочий день в сельском хозяйстве. Довольно строго проводимый в жизнь, он повысил долю заработной платы в цене продукта с 16 до 60%. Тремя последовательными декретами от 3/IV, 2/VIII 1919 г. и 15/I 1920 г. делалась попытка ввести 8-час. рабочий день в Испании, но встреченная жестоким сопротивлением аграрных кругов, регламентация рабочего времени подверглась существенным ограничениям. О таком же сопротивлении земледельцев разбилась в Голландии предположение расширить на сельское хозяйство закон 1 ноября 1919 г. — о 8-часовом дне в промышленных предприятиях. В других странах требования с.-х. рабочих имели успех по преимуществу в области регулирования заработной платы. Система коллективных договоров после ряда забастовок летом 1919 г. была проведена осенью

того же года в национальном масштабе по всей Швеции. Коллективные договоры получили распространение и во Франции, при чем здесь, сопротивляясь введению 8-часового дня, фермеры выдвинули идею участия рабочих в прибылях и частично начали проводить систему скользящей заработной платы в соответствии с ценою зерновых хлебов.

В итоге, т. обр., послевоенный период характеризуется значительными успехами в области рабочего законодательства и улучшением положения с.-х. рабочих, несмотря на ухудшение общей сельскохозяйственной конъюнктуры

4. В социально-экономической борьбе между крупным и мелким хозяйством в земледелии уже задолго до войны наметилась количественная победа на стороне мелкого. В эпохи кризиса или застоя мелкое хозяйство выигрывало, во-первых, потому, что относительно большая часть его продукции не проходит через рынок, не зависит от цен и непосредственно поступает в потребительский доход хозяйствующей семьи; во-вторых, потому, что самый доход этот включает не только выручку от эксплуатации материальных средств производства, но и заработную плату работающих членов семьи. Относительно большая часть валового дохода мелкого хозяйства рассматривается, как доход чистый, и потому самое хозяйство может выдержать более глубокое падение валового дохода, чем хозяйство крупное, вынужденное оплату труда относить к издержкам производства. В период высокой конъюнктуры по тем же причинам мелкое хозяйство может обращать относительно большую часть дохода на покупку земли, уплачивая за нее такие цены, при которых владельцам крупных хозяйств становится выгоднее продавать имения, чем организовывать на них производство. Не вдаваясь в подробности обычного перечисления выгод и недостатков каждой формы организации сельского хозяйства, на основании одних указанных выше причин можно утверждать, что мелкое хозяйство должно выигрывать почву у крупного.

Последнее, однако, не оказалось обреченным на полную гибель. Оно не могло только оставаться господствующей формой организации полеводства, ни по числу хозяйствующих единиц, ни по занимаемой ими площади. Зато определились некоторые отрасли сельского хозяйства, где преимущества крупного хозяйства сказывались с такой силой, что их не могли разрушить даже особенности некапиталистического счета издержек производства у конкурирующих мелких хозяйств. В общем, в старых европейских странах наметилось разделение труда между разными формами производства и образовалась некоторая нормальная пропорция крупных, средних и мелких хозяйственных единиц, с сильным преобладанием последних.

Все сельскохозяйственные переписи последней трети XIX и начала XX века показывали одну и ту же картину. В перенаселенных европейских странах происходило довольно быстрое вытеснение крупного хозяйства мелким, или, в лучшем случае, за счет обоих крайних полюсов выросло среднее, все-таки по преимуществу крестьянское хозяйство. В колонизирующихся заокеанских странах тот же факт экономического превосходства средних размеров хозяйств находил себе выражение не в физическом вытеснении крупных, а в занятии новых земель именно средними фермами, применяющими наряду с наемным и свой собственный семейный труд.

К сожалению, состояние аграрной статистики, особенно оскудевшей за последние годы, не позволяет проследить, как изменились за 1914—23 гг. пропорции крупного и мелкого производства в сельском хозяйстве отдельных стран. Отрывочные данные свидетельствуют, что в Европе процесс перераспределения земельной собственности и обрабатываемой площади продолжался в том же направлении, как и до войны.

В заокеанских странах земельного простора последнее десятилетие не дало такой передвижки в сторону мелкого и среднего производства, какая

наблюдалась в перенаселенной Европе. Наибольший прирост числа хозяйств произошел в средних и средне-крупных хозяйствах, сумевших лучше всего использовать конъюнктуру войны. Отрывочные и слишком суммарные данные о движении землепользования не дают, конечно, представления о совокупности экономических и социальных условий, в которых складывалась за последние годы конкурентная борьба крупного и мелкого производства. Исключительные события этого периода внесли существенные изменения в установившееся до войны соотношение сил и заметно повлияли на темп и направление аграрной эволюции. Изменения эти коснулись, главным образом, европейских стран, где нужно различать два периода, совокупность обстоятельств которых оказывалась благоприятной то крупному, то мелкому хозяйству.

В течение самой войны и особенно в странах, принимавших в ней главное участие, целый ряд условий скорее улучшил, чем ухудшил общие условия конкуренции крупного хозяйства. Крупные с.х. предприятия воюющих стран несомненно больше были затронуты мобилизацией мужского населения, чем мелкое, перегруженное семейным трудом крестьянское хозяйство. Оно потеряло и припавших иностранных рабочих и собственных батраков и предложение избыточного труда окрестного населения. Повышение заработной платы также ухудшило хозяйственный баланс таких предприятий. Но с другой стороны, главные усилия государственной власти по снабжению сельского хозяйства рабочими руками относились прежде всего к крупным хозяйствам. Они же в первую очередь получали дешевый, почти даровой труд военнопленных. Им же на пользу (в большей степени, чем полунатуральным мелким хозяйствам) шло повышение цен, поскольку оно не парализовалось военнопродовольственной политикой государства.

Реквизиции и поставки по твердым ценам также падали тяжелее на крупное хозяйство, чем на мелкое, уже по одному тому, что государству легче

было иметь дело с небольшим числом крупных поставщиков, чем с сотнями тысяч и с миллионами распыленных держателей минимальных запасов продовольствия. Но, с другой стороны, однако, поскольку военнопродовольственная политика преследовала не только потребительские, но и производственные цели, ее поощрительные мероприятия, в виде премий, кредита, снабжения инвентарем и т. п., опять шли скорее на пользу крупных поставщиков, чем мелких семейно-потребительских хозяйств.

Наконец, крупные хозяйства, как более культурные и подвижные в своих организационных планах, легче могли приспособиться к новым целям и условиям сельскохозяйственного производства и придать ему то направление, которое подсказывалось потребителями войны, новым соотношением цен и новым продовольственным законодательством. Данные одного немецкого автора, Г. Зибера, показывают, что в Германии, напр., окончательный итог всех перечисленных выше факторов сложился в пользу крупного хозяйства. При сопоставлении нескольких счетоводных балансов оказалось, что доходы крупного хозяйства возросли (в обесцененной валюте) к 1917 г. по сравнению с 1913 г. в гораздо большей степени, чем доходы крестьянского хозяйства, и что последнее потеряло преимущество даже в основной своей скотоводческой твердыне, потрясенной запрещением скармливать хлеб животным.

Последовавший период отмечен иным соотношением сил. Целый ряд условий оказался или прямо благоприятным для мелкого хозяйства или относительно менее вредным, чем для хозяйства крупного.

Уже через 2 года после заключения мира сельское хозяйство, как мы видели, очутилось в сфере кризиса или, по крайней мере, депрессии и длительно низких цен. Мелкое крестьянское хозяйство, потребляя в натуре значительную часть своего производства, легче реагировало на кризис сбыта, чем работающее исключительно на рынок крупное хозяйство. Коллективное

исследование 3 германских авторитетов (Бринкман, Гагман и Ланг) показало, что уже в 1920/21 г. расходы крупного хозяйства поднялись в 9—10 раз, а валовой доход увеличился всего в 7—8 раз. Для Франции один из видных знатоков вопроса (Казио) свидетельствует, что все многочисленные изменения, возникшие в короткую эпоху грондерства после войны, теперь все показывают значительный убыток. Только крестьянское хозяйство может выдержать те ненормально низкие цены, которые установились в Европе и за океаном.

Другое условие, благоприятствующее мелкому хозяйству, выросло из того направления, которое приняла или готовится принять эволюция сельскохозяйственного производства после войны. При низких ценах на зерновые хлеба каждая страна спешит перейти к производству скотоводческо-огородных продуктов. Но в этих трудо-интенсивных отраслях хозяйства все преимущества, как известно, на стороне перегруженного запасом семейного труда и лично ведущего дело крестьянского хозяйства.

Упомянутое выше обострение социального вопроса, наступившее тотчас после заключения мира, также ослабило позицию крупного хозяйства, как со стороны рабочего вопроса, так и в смысле конкуренции с мелким землепользованием. Демобилизация армий, правда, вернула сельскому хозяйству наемный труд, но рост профессиональных организаций и новое законодательство усилили позицию рабочих в такой степени, что увеличение предложения рабочих сил не вызвало падения заработной платы и в эпоху кризиса и низких хлебных цен. Мелкое хозяйство, не пользующееся наемным трудом, получало, таким образом, еще одно преимущество перед крупной организацией полеводства.

С другой стороны, социально-экономические требования после войны были предъявлены не только рабочим классом, но и другими слоями населения, составлявшими главные кадры действующих армий. Среди них немало важное место занимали мелкие земле-

дельцы, основной нуждой которых всегда являлся земельный голод. Удовлетворить его можно только за счет других форм землевладения. В меру организованности и социального влияния крестьянских масс правительства воевавших государств вынуждены были идти навстречу их требованиям, путем продажи государственных земель и радикального аграрного законодательства.

Важную выгоду почерпнуло крестьянское хозяйство, наконец, в международно-политической обстановке, сложившейся после войны. Версальский мир создал целый ряд новых государственных образований и радикально перекроил всю карту Центральной Европы. Новые государства в стремлении укрепить свое внутреннее и внешнее положение, естественным образом должны были искать опоры в наиболее мощных классах населения, а таким классом в большинстве этих политических новообразований было крестьянство.

Так, в итоге одновременного действия экономических, социальных и политических причин, для мелкого хозяйства сложилась после войны исключительно благоприятная конъюнктура. Естественный ход сельскохозяйственной эволюции и условия мирового рынка выдвинули на первый план как раз те культуры и отрасли производства, в которых наибольшими техническими преимуществами обладает мелкое хозяйство. Рост политической организованности крестьянства заставил считаться с его интересами. Поиски твердой опоры со стороны новых правительств довершили остальное.

5. Прямым следствием усилившегося влияния земледельческих средних классов явилось обширное аграрное законодательство послевоенного времени. Волна его прокатилась по всей Европе, захватив даже самые консервативные страны. Не везде оно имело одни и те же формы и одинаковую цель. В главных странах-победительницах, социальный строй которых оказался наименее распатанным, новое законодательство ограничилось усовершенствованием или упрощением действующих норм земе-

льного права, созданием частных законов, удовлетворяющих потребность в земле участников войны и в крайнем случае усилением политики внутренней колонизации. Так, в Англии закон 1922 г. упростил чрезвычайно сложное исторически наслоившееся земельное право, устранил целый ряд феодальных пережитков, сократил виды собственности на землю, облегчил оборот земельных участков и создал залоговое право более близкое к современным понятиям. Во Франции новые законы определили только порядок наделения землей участников мировой войны и создали льготный кредит, поощряющий развитие мелкой собственности. В таких же сравнительно узких пределах осталось земельное законодательство и в мелких нейтральных странах, как напр., в Дании, где в 1917 и 1921 гг. были изданы законы, покровительствующие созданию мелких ферм. Из победивших стран умеренными реформами ограничилась Германия, где до войны имелось наиболее старое и развитое законодательство о внутренней колонизации.

Гораздо радикальнее оказались государства средней и восточной Европы, а также Балканского полуострова. Здесь социальные потрясения были сильнее, чем на западе. Многие из государств только что образовались после революции и освободительных войн. Народные массы находились в состоянии сильного возбуждения. Большинство из стран отбросили, наконец, к числу земледельческих, где аграрный вопрос ощущался особенно остро и всегда стоял в центре политической борьбы. Земельное законодательство при таких условиях не могло ограничиться скромными рамками обычных законов о внутренней колонизации, земельном кредите и т. п. В силу необходимости оно приобрело характер широкой аграрной реформы, местами по своим результатам напомнившей аграрную революцию. Не без влияния, особенно на смежные государства, оказалось и социалистическое законодательство СССР. Страны, проводившие земельную реформу в годы успехов революционной

борьбы в России, не могли не оглядываться на ее способы разрешения земельного вопроса.

Из числа государств, осуществивших земельную реформу в послевоенные годы, известны законы Чехо-Словакии, Венгрии, Австрии, Румынии, Болгарии, Греции, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии. Земельные законы отдельных стран отличаются друг от друга, как по объему, так и по содержанию. В одних государствах имеются детально разработанные положения, в других земельные нормы носят характер насхеп изданных постановлений, стремящихся разрешить отдельные наиболее острые вопросы и откладывающих систематическое законодательство до более позднего времени. Тем не менее из всех новых законов можно вынести за скобки некоторые общие черты, показывающие в каком направлении разрешен аграрный вопрос во всех странах, пытавшихся законодательным путем урегулировать свои земельные отношения.

Основной целью нового земельного законодательства является создание и укрепление мелкого крестьянского хозяйства. Иногда формулировка этой цели приобретает определенно выраженный социально-политический характер, и издание земельного закона мотивируется желанием удовлетворить справедливые притязания на землю беднейших слоев сельского населения; иногда мотивировка принимает более экономический характер, и создание привилегированного положения для мелкого земледелия объясняется народно и частнохозяйственными преимуществами последнего.

В том и в другом случае удовлетворение земельных нужд мелкого хозяйства может быть произведено только за счет земель, принадлежащих другим категориям владельцев. Следующей общей чертой аграрного законодательства является, поэтому, создание норм, определяющих порядок образования специального земельного фонда, за счет которого происходит наделение землей мелких владельцев. Государственный земельный фонд сбра-

зается из земель различных категорий. Сюда прежде всего и повсеместно поступают казенные, церковные и излишки общественных земель. Не довольствуясь этим, закон в той или иной форме налагает руку на частное крупное землевладение. Вопрос о принудительном отчуждении частновладельческих имений затрагивается во всех без исключения земельных законах, хотя в этом пункте не все решения единодушны.

Одни государства производят свое вмешательство в права собственности довольно осторожно, приравнивая условия принудительного отчуждения земли к известным всем гражданским кодексам случаям отчуждения частной собственности в общегосударственных интересах. Принудительное отчуждение рассматривается в этих случаях, как последнее средство применяемое после того, как исчерпаны все способы пополнения земельного фонда, включая добровольную продажу частных владений.

Другие земельные законы возводят принудительное отчуждение в систему и принципиально отвергают существование крупной собственности. Переход частных владений в государственную собственность считается первым актом всей земельной реформы, который должен быть выполнен независимо от дальнейшей судьбы земельного фонда, иногда даже независимо от действительной потребности в земле наделаемых ею категорий населения.

Разница во взглядах законодателя на смысл принудительного отчуждения отражается и на способах вознаграждения бывших собственников. Тогда как в первом случае выкуп отчуждаемого имущества производится по полной стоимости и по возможности за наличный расчет, во втором устанавливается способ оценки гораздо менее благоприятный для бывшего владельца. Иногда—это довоенная цена земли, без учета падения ценности денег; иногда это только половина современной рыночной цены; иногда выкупная цена понижается, кроме того, пропорционально увеличению размеров отчуж-

даемой собственности, уплата всегда производится долгосрочными низкопроцентными обязательствами; в иных случаях вознаграждение только прокламируется, а все подробности и фактическая уплата откладывается до специальных, так и не изданных до сих пор законов. Распределение земельного фонда, образованного описанным выше способом, происходит в соответствии с общими целями нового законодательства. Главная масса земли предназначается для распределения в индивидуальное пользование мелким земледельцам. Круг лиц, получающих право на наделение землей, очерчивается в различном объеме. Обязательным условием для получения сельскохозяйственных участков является та или иная связанность с сельским хозяйством и земледельческим трудом. Право на землю чисто городского населения декларируется редко и ограничивается мелкими строительно-огородными участками. Что касается сельского населения, то здесь право на землю получают малоземельные и безземельные крестьяне, оседлые сельскохозяйственные рабочие и бывшие мелкие арендаторы. Особые преимущества в смысле первоочередности наделения землей предоставляются всеми законами участникам мировой и местных «освободительных войн». По отношению к этой категории лиц в некоторых государствах (Польша, Литва, Франция) имелись даже специальные законы, издаваемые независимо от общей аграрной реформы и задолго до ее осуществления.

Дальнейшая очередь наделения землей, после военных, устанавливается в зависимости от общего духа каждого закона. Иногда на первый план выдвигается беднейшее безземельное население, с.-х. рабочие и арендаторы, в других случаях главное внимание уделяется дополнительному наделению и укреплению существующих уже хозяйств, обладающих некоторым основным и оборотным капиталом.

Следующим общим вопросом всех аграрных законов является определение условий, на которых производится:

наделение земель. Большой частью земля передается новым владельцам на правах собственности и только иногда на правах наследственного пользования; для отдельных категорий лиц допускается, наконец, долгосрочная аренда. Несмотря на категорическое подтверждение института частной собственности, имеющееся в большинстве законов, новые владельцы рядом дополнительных постановлений оказываются сильно урезанными в своих правах. Опасаясь развития земельной спекуляции, государство на довольно долгий срок, до 10—25 лет и больше, запрещает передавать и продавать участки, полученные из земельного фонда, или связывает переход собственности с разрешительной системой земельных сделок. С другой стороны, большинство законов проявляет заботу и о дальнейшей судьбе вновь созданных хозяйств. Ряд постановлений запрещает чрезмерное обременение мелких хозяйств долгами, не позволяет дробить их при переходе к наследникам на участки, не дающие возможности вести самостоятельно эксплуатацию, и обещает льготный кредит для первоначального оборудования и улучшения вновь возникших хозяйственных единиц.

Что касается финансовой стороны вопроса, то, как правило, земли государственного фонда передаются новым владельцам за определенную плату. Исключение делается только для некоторых привилегированных категорий, гл. обр., для участников и инвалидов мировой войны. Бесплатно получают землю, кроме того, крестьяне Эстонии, где и многие владения крупно-дворянских собственников переходят в земельный фонд безвозмездно. Во всех остальных государствах необходимость платежей со стороны крестьян обуславливается уже тем, что самое образование земельного фонда связано с вознаграждением бывших собственников. Размеры крестьянских платежей устанавливаются в скромных рамках и всегда приобретают форму ежегодной, в продолжении 30—40 лет уплачиваемой, ренты. Посредничество в финансовых отношениях между государством, быв-

шими собственниками эксплуатируемых владений и наделяемым землею населением нередко возлагается на специально учреждаемые для этой цели кредитные учреждения.

Последний общий раздел новейшего земельного законодательства касается органов проведения его в жизнь. Обычно эта задача возлагается на специальную систему земельных комиссий, иерархически поднимающуюся от учреждений местного характера до центрального земельного комитета или министерства земледелия, включительно. Земельные органы строятся по принципу немногочисленных коллегий с преобладанием бюрократических элементов и с представительством органов местного самоуправления. Специальные постановления определяют круг деятельности земельных органов, на которые возлагается обычно не только задача распределения земель, но и осуществление процесса собирания земельного фонда.

Таково в общих чертах содержание новейшего аграрного законодательства большинства европейских стран. Более подробные сведения по этому поводу даются в нижеследующем схематическом изложении законов отдельных стран.

6. Польша. По закону о проведении аграрной реформы от 15 июля 1920 г., вся крупная земельная собственность делится на классы, отчуждаемые в нижеследующем порядке: земли государственные, принадлежавшие царствующим домам, прежнему русскому крестьянскому банку, церковные, общественных учреждений, частные владения, нерегулярно или плохо управляемые, раздробленные без согласия властей, приобретенные с 1/VIII 1914 по 14/IX 1919 г. лицами, не занимающимися сельским хозяйством, или оплачивающими землю доходами от спекуляции, переменявшие более, чем два раза, собственника за 5 лет, все прочие частные владения, в том числе, в первую очередь, сдающиеся в аренду, пострадавшие от войны и не восстанавливаемые собственником.

Неотчуждаемый минимум для частных владений установлен в 60 гект. для городских и промышленных местностей, в 400 гект. для бывших прусских владений и для восточных областей, в 180 гект. для остальных местностей республики. Отчуждение по отношению к частным владениям происходит постепенно в порядке исчерпания запаса земель предыдущих категорий. Специализированные на земледелии, племенном скотоводстве и рыбководстве, а также высоко усовершенствованные хозяйства могут быть освобождены от принудительного отчуждения.

Подпадающие под действие закона частные владения приобретаются государством в порядке принудительной покупки в том случае, если в 30-дневный срок после получения извещения об отчуждении, владелец не заключит добровольной сделки с земельным органом. Как в случае добровольного соглашения, так и при принудительной покупке, уплачиваемая цена должна равняться половине существующей в данном районе рыночной цены. За вычетом долгов, разница уплачивается владельцу, при чем, в зависимости от размеров причитающейся ссуды, делается скидка от 5 до 30%. На выплачиваемую владельцу сумму начисляется 4% годовых.

Образовавшийся путем отчуждения земельный фонд за вычетом земель, необходимых для общественных нуждностей, раздробляется на экономические единицы, которые самостоятельны или в качестве дополнения к карликовому землевладению могли бы «служить основанием для сильных, способных к интенсивной обработке, полящихся на принципе частной собственности крестьянских хозяйств». Высшие размеры таких единиц определяются в 15 гект. Кроме того, 20% площади парцелируемых имений может быть продано нуждающимся в земле собственникам с тем, чтобы общая площадь их владений не поднималась выше 45 гект. в восточных и западных и 23 гект. в остальных частях республики.

К приобретению участков допуска-

ются совершеннолетние польские граждане, способные к ведению самостоятельного хозяйства. Исключаются лица, совершившие государственные преступления или дезертировавшие из армии после опубликования закона, а также самовольно захватившие землю. При наделении земель в первую очередь идут инвалиды войны и солдаты польской армии, особенно те, которые долго были на фронте и вступили в армию добровольцами. Далее следует группа с.-х. рабочих парцелируемых имений и соседние карликовые хозяйства. Третья очередь принадлежит другим с.-х. рабочим и мало-земельным собственникам, в особенности отставным народным учителям.

Цена продаваемых участков определяется по совокупности оценочных моментов и с учетом стоимости отчуждения и парцелляции. За счет разницы покупных и продажных цен образуется фонд, при помощи которого государство наделяет участками безвозмездно некоторые категории инвалидов и солдат, а также оказывает дешевый и долгосрочный ипотечный кредит всем категориям наделяемых.

Участки приобретаются в собственность, но не могут быть раздробляемы в течение 25 лет и до выплаты ипотечного долга. До того же срока требуется согласие земельных органов для всех сделок по продаже, залогу или сдаче в аренду полученных участков.

Для проведения в жизнь реформы учреждена трехступенчатая система земельных органов бюрократического состава, с представительством землевладения, по преимуществу мелкого.

Эстония. Аграрная реформа проведена радикальным, мало разработанным в деталях, законом 10 октября 1919 г. Вся крупная земельная собственность, как физических лиц, так и корпораций, занимавшая в стране около 58% поверхности, объявляется законом экспроприированной и поступившей в распоряжение государства. Вознаграждение бывших собственников принципиально допускается, но определенные размеры и порядка выплаты откладывается до издания специального по этому вопросу закона. Вместе с

землей отчуждается живой и мертвый инвентарь, за который владельцы получают возмещение стоимости по ценам 1914 г. Земельный фонд, образовавшийся в руках государства, в результате экспроприации, получает двойное назначение. Леса и недра остаются в собственности и управлении государства, земли сельскохозяйственного назначения parcelлируются и отдаются: либо в наследственное пользование мелких земледельцев, либо в долгосрочное пользование товариществам, артелям, коммерческим и промышленным предприятиям, образовательным учреждениям и органам самоуправления, либо, наконец, в краткосрочную аренду отдельным лицам. Часть земель государство может сохранить также для собственного хозяйствования. Условием для получения земли в наследственное пользование является занятие сельским хозяйством, как единственной профессией. Размеры участков в этих случаях определяются «по трудовой норме семьи и двух лошадей», с поправками на расположение и качество почвы участка. Среди претендентов на прудовые участки в первую очередь удовлетворяются участники и семьи участников войны конца 1918 г. Земельные участки раздаются населению бесплатно и только инвентарь выкупается в собственность. Для возведения необходимых построек, приобретения инвентаря и проведения простейших земельных улучшений государство обещает беднейшим земледельцам долгосрочный кредит. Для финансовых операций, связанных с земельной реформой, учреждается земельный банк.

Латвия. Из обширного аграрного закона в сентябре и декабре 1920 года, Учредительным Собранием приняты первая, вторая и четвертая части, касающиеся способов образования государственного земельного фонда, распределения его и учреждения земельных органов. Целью аграрной реформы объявляется создание новых хозяйств, увеличение землепользования существующих мелких хозяйств и удовлетворение земельной нужды разного рода хозяйственных предприятий, культур-

но - просветительных учреждений, городов и местечек. Земельный фонд для аграрной реформы составляется из государственных и отчуждаемых владельцев в принципе, отчуждаются все земли, кроме крестьянских, т. е. дворянские, церковные, городские, кооперативные земли, а также крестьянские, скупленные колонизационными обществами и иностранными банками. Из общего правила делаются следующие исключения: частным владельцам оставляется земельная норма, не превышающая размеров среднего хозяйства и в общем, повидимому, не свыше 100 гект.; не отчуждаются, далее, кладбищенские земли, площадь, занятая монастырями и церквями, их постройками и садами, земли, принадлежащие городам, общинам, научно-просветительным и благотворительным учреждениям, в пределах действительной потребности перечисленных категорий владельцев. Вместе с землей отчуждается связанный с нею живой и мертвый инвентарь, за исключением того количества его, который окажется нужным для бывших владельцев, в случае желания их завести новое хозяйство. Как правило, отчуждаемое имущество остается в пользовании и управлении бывших владельцев до момента приема его министерством земледелия. Владельцы, впрочем, могут и отказаться от управления, предупредив об этом министерство. В качестве меры предосторожности против обхода закона, специальной статьей запрещаются какие бы то ни было сделки с землей и обременение ее долгами впредь до издания специального закона, регулирующего этот вопрос. Что касается вознаграждения за отчуждаемое имущество то закон 1920 г. не дает вполне определенных норм. Решение наиболее существенного вопроса о вознаграждении за землю откладывается до издания специального закона, указывается только, что лишаются права на вознаграждение лица, известные своим враждебным отношением к латвийскому народу, а также те, кто продажей лесов или земли успел уже вернуть затраченный на приобретение хозяйства капитал. Бо-

лее определенно решается вопрос о выкупе инвентаря, для оценки которого учреждается система специальных комиссий, обязанных исчислить стоимость отчуждаемого имущества, применительно к современным рыночным ценам.

Вторая часть закона касается распределения государственного фонда. Леса и недра остаются в пользовании государства, которое, однако, временно, впрямь до издания специального закона, может передавать свои угодья и в пользование отдельных хозяйств. Правила распределения сельскохозяйственной площади имеют целью создать на месте крупного землевладения, по преимуществу, средней величины крестьянские хозяйства. Вновь образуемые дворы не должны иметь больше 22 гект. с.-х. площади. Существующие уже мелкие хозяйства, не превосходящие 15 гект., могут требовать прирезки до 22 гект., особенно если они граничат с государственным земельным фондом. В соответствии с местоположением и климатическими условиями из государственного фонда могут быть нарезаны и более мелкие участки, размером в 10 гект., для целей насаждения садоводственных хозяйств. В правилах, устанавливающих очередь наделения землей, проводится та же идея создания сравнительно крупных крестьянских хозяйств. Безусловное право на наделение землей имеют, в первую очередь, безземельные и малоземельные воины, затем следуют малоземельные хозяева, желающие увеличить свое хозяйство, из остатка земельного фонда удовлетворяется местное безземельное население. Предпочтение оказывается «участникам освобождения Латвии» и их семьям, затем также долговременным арендаторам отчуждаемых земель. Как вновь создаваемые хозяйства, так и прирезки к старым, передаются владельцам на правах наследственной собственности.

Вся без исключения земля передается за плату, размеры и условия которой устанавливаются специальным законом, до сих пор не опубликованным. Четвертая и последняя из опубликованных в 1920 г. частей закона учре-

ждает систему выборных земельных органов, начиная от общинных и кончая центральным. Задачей земельных комитетов является расчленение и распределение земельного фонда, а также управление им.

Литва. Аграрный закон принят национальным собранием 15 февраля 1922 года. Цели закона формулированы с большим социально-политическим уклоном, чем в Латвии. Закон издается для обеспечения землей безземельных и малоземельных, для создания благоприятных условий развития мелкого и среднего хозяйства и для огосударствления таких земельных угодий, использование и защита которых может быть проведена целесообразнее государством, чем частными лицами.

Земельный фонд составляется из государственных земель, из земель, принадлежащих русским дворянскому и крестьянскому банкам и распределенных в целях русификации края, из земель частных владельцев, борющихся против независимости Литвы, из церковных земель и, наконец, из земель, отчуждаемых у частных владельцев, имеющих более 80 гект.

Отчуждение земли у частных владельцев производится при соблюдении следующих правил: прежним владельцам оставляется участок земли до 80 гект. по их выбору, в том числе по желанию до 25 гект. леса; устанавливается известная очередь отчуждения земель, при чем хозяйства, имеющие до 150 гект. и ведущиеся самими владельцами, отчуждаются только после раздела всех крупных имений Литвы. С момента опубликования закона и до приемки имени государством, хозяйство остается в управлении прежнего владельца, который сохраняет все права, за исключением передачи, продажи, обмена и сдачи в аренду своего владения; вместе с землей отчуждается и вся связанная с ней недвижимая собственность.

За отчуждаемую землю бывшим владельцам выплачивается вознаграждение. Колонисты и их наследники, у которых по закону отбираются земли, приобретенные при помощи русских земельных банков, получают обратно

полностью выплаченные ими ранее суммы и возмещение стоимости построек и улучшений. Сравнительно мелкие собственники, владеющие менее, чем 200 гект., получают за отчуждаемую часть имений ее рыночную современную цену. Более крупные владения расцениваются по средним ценам 1910—14 г., с учетом качества почвы и состояния хозяйства. Предельная цена не может превосходить 480 аскинасов (1 аскинас=0.5 царского рубля) за гектар сельскохозяйственной площади и 120 аск. за гектар леса. Вознаграждение выплачивается 3%-ными обязательствами государственного казначейства, которые принимаются в залог всеми государственными учреждениями и могут быть погашены в любое время, но не позже 36 лет, по нарицательной цене. Никакого вознаграждения не выплачивается за земли лиц, боровшихся против независимости Литвы, за присоединенную после 1861 г. к имениям крестьянскую землю и за те 15—30% площади более крупных владений, которые были отчуждены еще ранее издания аграрного закона в целях наделения землей литовских солдат.

Что касается принципов распределения земельного фонда, то право на наделение землей дается законом безземельным и малоземельным, а также всякому самодеятельному лицу. Устанавливается, однако, известная очередь получения земли. Преимущественное право на землю получают прямые наследники тех крестьян, у которых была отнята земля в 1861 г., при чем им разрешается довести свое совокупное владение до 80 гект. на семью. Далее следуют проживающие на месте отчуждаемых имений и занятые в них перед войной сельскохозяйственные рабочие, смежные с подлежащим разделу имением малоземельные, владеющие не более чем 10 гект., и арендаторы участков, в размере не более 50 гект., в составе бывших имений. Остальные крестьяне получают: безземельные от 8 до 20 гект. и малоземельные прирезки до этих пределов. Деревенские ремесленники имеют право на $\frac{1}{2}$ —2 гект. земли, городские ра-

бочие и служащие, не имеющие недвижимой собственности, могут получить места для застройки и заведения садов. Кроме отдельных лиц, из государственного земельного фонда удовлетворяются потребности разного рода юридических лиц, учреждений и корпораций. Не могут быть наделены землей иностранцы, потерпевшие лишение или умаление прав по суду литовские граждане, не занимающиеся и не занимавшиеся сельским хозяйством, лица, продавшие за последние 10 лет земельный участок не ниже 10 гект. и не занимающиеся земледельческим трудом, наконец, лица, наказанные судом за дезертирство из армии и тайное винокурение.

Условия, на которых производится наделение землей сводятся к следующему: сельскохозяйственные участки передаются отдельным лицам на правах собственности. За полученную землю государству выплачивается в течение 36 лет выкуп, ежегодные размеры которого устанавливаются в зависимости от местоположения и качества земли, в сумме от 6 до 60 клтр. ржи за гект., при вышлате, перечисляемой по рыночной цене в деньги. Кроме того, в течение первого же года (для малых и безземельных может быть допущена рассрочка до 3-х лет) выплачивается регистрационный взнос, в размере от 70 до 150 аскинасов за гектар. Не уплачивают вовсе выкупа за землю воины и партизаны, участвовавшие в «освободительной войне», которые не только получают землю в первую очередь, но, кроме того, пользуются 10-летней беспроцентной ссудой в натуре до 100 деревьев, толщиной 27—40 сант. и до 26 центнеров хлебных семян.

Кроме описанных финансовых обязательств, наделение землей связывается еще некоторыми другими условиями. Каждый получивший землю обязан завести хозяйство не позже, как через 8 лет. На десять лет со дня получения земли запрещается передавать ее кому бы то ни было, кроме прямых наследников. Разрешается, однако, вернуть участок государству. По истечении названного срока всякие

ограничения в праве распоряжения землей снимаются. Во избежание чрезмерного дробления хозяйств запрещается, однако, создавать при переходе собственности хозяйства ниже 8 гект., а в пригородных полосах ниже 1—1½ гект.

Для проведения в жизнь аграрной реформы учреждается система земельных органов, деятельность которых определена специальным законом от 3 мая 1922 года.

Чехословакия. Здесь создано одно из наиболее обширных и далеко идущих аграрных законодательств. Оно состоит из серии законов, изданных в течение 1918—22 г. и имеет целью, уничтожив крупное землевладение, создать на его месте мелкую недробимую собственность. Аграрная реформа началась коротким, всего из двух статей состоящим, законом 9 ноября 1918 г., запрещающим без разрешения министерства земледелия отчуждение и залог всех имений, занесенных в по-земельные списки. 16 апр. 1919 г. последовал основной закон о секвестре крупного землевладения. В следующем году, 12 февр. и 8 апр. 1920 г., были изданы еще два обширных закона о порядке управления секвестрованными землями, переходе их государству и выплаты собственникам вознаграждения. Вместе с некоторыми видоизменениями, опубликованными 17 февр. и 13 июля 1922 г., перечисленные пять актов следующим образом определяют судьбу крупного землевладения.

На всей территории республики объявляются секвестрованными все частные и государственные крупные владения, имеющие более 150 гект. сельскохозяйственной площади (пашни, лугов, садов, виноградников и хмельников) или более 250 гект. земли вообще. Только общественные земли изъются из этого правила. Вновь образующиеся после издания закона крупные владения также подлежат его действию. Секвестрованная земля не подлежит ни отчуждению, ни залогоу, ни раздроблению без согласия правительственных органов. Республика же получает право по своему усмотрению и по заранее составленному плану по-

степенно выкупать секвестрованные земли и распределять их среди населения.

Собственник имущества может требовать по своему выбору оставления за ним и освобождения от секвестра части имения, не превышающей указанных выше норм. В виде исключения, по мотивам целесообразной организации хозяйства, снабжения городов и сохранения сельскохозяйственных промышленных заведений, собственнику может быть оставлена и большая площадь, однако не свыше 500 гект. С другой стороны, при наличии настоятельного спроса на землю и невозможности его удовлетворить, нормы оставления могут быть понижены и против основной цифры. Взятые на учет земли остаются во временном пользовании собственника, при чем на него возлагается обязанность добросовестного ведения хозяйства, под которым подразумевается приложения всех забот, труда и издержек, необходимых для получения отвечающих свойствам имения экономических результатов и для поддержания всего имущества в хорошем, не убывающем состоянии. Для осуществления надзора за выполнением этого предписания назначаются особые инспектора с широкими полномочиями, имеющие право, в случае нужды, заменить собственника управляющим по своему назначению. За злостное несоблюдение предписаний инспектора и нарушение правил о добросовестном хозяйствовании может быть определен, кроме того, штраф до 50.000 крон или арест до 1 месяца.

О наступлении срока сдачи имущества владелец получает предупреждение не меньше, как за 6 месяцев. Затем право собственности переходит к земельному органу, представляющему права республики. Этот переход закрепляется соответствующими записями в по-земельных книгах.

За переходящие государству земли собственник, как правило, получает вознаграждение. Исключение составляют земли поданных враждебных государств, Габсбургов, майоратов, покоящиеся на правах упраздненного в 1918 г. дворянства, и некоторые дру-

гиве. Вознаграждение за отчуждаемые частные земли исчисляется из расчета рыночных цен имений площадью свыше 100 гект. в период 1913—15 гг. Для имений крупнее 1000 гект. делается скидка в 1/10% на каждые 100, но не свыше 30% со всего имения. С 1923 г. делается еще дополнительная скидка в 1/20 цены с каждым следующим годом. Скидка, впрочем, не делается, если собственник письменно сам предложит земельному органу вступить во владение его имением.

Все обязательства как ипотечного характера, так и вытекающие из прав служащих и членов семьи на материальное обеспечение, учитываются судом по декларации собственника и заявлениям заинтересованных лиц. Их общая сумма вычитается из причитающегося собственнику вознаграждения, а разница выплачивается ему либо наличными, либо путем 3% рентных платежей, с ежегодным погашением в 1/2%. Досрочное погашение может произойти только по желанию кредитных учреждений или государства, но не собственника. Земельные участки, переходящие в собственность государства, записываются в книги свободными от всяких реальных обязательств, для всех счетов с собственником и его бывшими кредиторами заводятся особые реестры.

Сосредоточивающийся таким путем в руках государства земельный фонд служит затем для целей внутренней колонизации. Последняя регулируется обширным законом от 30 янв. 1920 г. о наделении землей, составляющим необходимое дополнение к закону о севере крупных поместий.

Из секвестрованных и принятых во владение государством земель может производиться по соответствующим ходатайствам наделение отдельных лиц и их объединений, сельскохозяйственных и потребительских кооперативов, общин и других публичных союзов. Необходимым условием получения земли считается непосредственное участие просителей в ведении хозяйства. Это одинаково относится как к отдельным лицам, так и к объединениям их. Дополнительным условием наделения

землей кооперативов является обслуживание ими исключительно потребностей своих членов и семей. Этим и некоторыми другими мерами, регулирующими порядок и пределы получения прибыли, закон стремится предотвратить образование крупных владений под видом частнохозяйственных объединений и закрепляет секвестрованные земли за трудовым землепользованием. Только при распределении пастбищ, лесов и прудов, предпочтение отдается ходатайствам со стороны общин и коллективов. По отношению к пахотной земле особым вниманием пользуется спрос на индивидуальные участки. Тогда как коллективам и объединениям земля, как правило, сдается только в аренду, отдельным лицам она уступается в собственность. Среди ходатайств отдельных лиц, в первую очередь, ставится спрос на землю для основания самостоятельных с.х. предприятий, достаточных для содержания хозяина и его семьи, обрабатываемых без постоянной чужой помощи и составляющих исключительный или, по крайней мере, главный источник существования. Размеры такого самостоятельного участка не устанавливаются, но указывается, что в зависимости от района и качества почвы он должен составлять 6—10—15 гект. Земля может быть испрашиваемая далее для дополнительного наделения, в целях доведения всей площади хозяйства до указанной выше нормы и, в-третьих, наконец, для организации подсобных крестьянских с.х. предприятий, или для возведения собственных жилищ. В случае превышения спроса на землю в определенных районах над предложением устанавливается очередь удовлетворения ходатайства, причем на первом месте стоят участники войны, затем инвалиды, мелкие арендаторы и т. д.

Значительная часть закона 30 янв. 1920 г. посвящена установлению правил пользования недобрым крестьянской семейной собственностью. Этим правилам обязательно подчиняются как владения, полностью образованные из государственного фонда, так и составившиеся из свободного владения,

дополненного наделением из секвестрованных земель. Свободные крестьянские владения могут быть превращены этим в семейную собственность только по ходатайствам самих собственников. Право собственности на семейные участки подчиняется обычным в подобного рода законодательствах ограничениям и преимуществам. Обременение долгами может происходить только с согласия земельного органа; кредиторами могут являться только кредитные учреждения, допущенные к этому роду операций правительством, ссуды могут выдаваться только на определенные в законе поименованные хозяйственные цели. Отчуждение участка может происходить также исключительно с согласия земельного органа, притом, по преимуществу, целиком лицу, лично обрабатывающему землю и обладающему хозяйством, не превышающим половины размеров вновь приобретаемого семейного участка. Как по завещанию, так и по закону участок может переходить только в одни руки, в обоих случаях земельный орган имеет наблюдение, чтобы хозяйство не попало в руки лиц, непригодных для этой цели по разным указанным в законе причинам. Вместе с участком наследнику переходит и все хозяйственное имущество. Стоимость земли и имущества оценивается земельным органом так, чтобы оставшийся на земле мог вести хозяйство, выплатив доли совладельцам. При недостатке для этой цели наличных средств ему выдается ссуда из кредитных учреждений, погашаемая в такие сроки, чтобы владение освобождалось от долга к сроку вероятного перехода к новому наследнику (ср. «Наследование земельной собственности», XXIX, 610—612 Парцелляция).

Финансовая сторона аграрной реформы сводится к тому, что государство ассигнует 50 мил. крон на 10 лет, в качестве оборотного капитала, на выкуп секвестрованных земель. Принципиально выкупная сумма должна вырваться от приобретателей или арендаторов распределяемого земельного фонда. Продажные и арендные цены

должны покрыть не только выкупные платежи и расходы по проведению реформы, но и составить запасный фонд для выплаты государственных ссуд. Безвозмездно отчужденные земли распродаются и сдаются в аренду на общих основаниях. Другой стороной вопроса о финансировании реформы является организация специального кредита для наделяемых земель по закону 11 марта 1920 г. Ссуды выдаются на приобретение земли в размере $\frac{9}{10}$ цены участка, на приобретение построек в размере половины той же суммы и на возведение построек в размере $\frac{9}{10}$ их стоимости. Кредиторами могут быть только допущенные к этой операции банки, при чем государство дает дополнительное поручительство по уплате процентов и погашения. Кроме этого долгосрочного кредита наделяемые землей лица и учреждения могут получить еще ссуды на приобретение мертвого и живого инвентаря. Эти ссуды выдаются из фонда земельного управления, которое может также допустить к этим операциям кредитные учреждения, гарантируя им возмещение убытков до полновинных размеров.

Проведение в жизнь аграрной реформы и всех описанных выше законов поручено особому земельному управлению, созданному законом 11/VI 1919 г. Наделенный весьма широкими полномочиями этот орган подчинен непосредственно Совету Министров и имеет во главе президента и двух заместителей, назначаемых президентом республики.

Болгария (ср. VI, 172/179). Закон 10 мая 1921 г. имеет целью установить порядок возникновения и предельные размеры «земельной собственности, основанной на труде». Статья первая закона предоставляет право каждому земледельцу-собственнику владеть и эксплуатировать пространство земли, достаточное для полного занятия труда его семьи, с помощью немногого труда, в виде исключения. Предельные размеры собственности установлены в 300 декаров с.-х. земли в том случае, если она эксплуатируется лично владельцем (по инструкции — хотя бы

лично управляется) и 40 декаров в том случае, если собственник не ведет хозяйства с повышением до 100 декар., в случае обремененности его семьей.

Трудовую собственность наделают, в первую очередь, земледельцы, возделывающие чужую землю, мало-земельные, специалисты в какой-либо отрасли сельского хозяйства, безземельные или малоземельные, кооперативные общества, желающие получить землю для с.-х. индустрии или для показательных хозяйств, с.-х. рабочие, доказавшие своими личными качествами, что они могут стать хорошими собственниками, переселенцы из одной коммуны в другую, эмигранты из отошедших к другим государствам частей Болгарии. Распоряжение землей ограничено запрещением продажи в течение 20 лет и правом государства отобрать участок, если он остается в течение 3 лет необработанным.

Наделение трудовой собственностью происходит из государственного фонда, образуемого путем систематической экспроприации излишков земельной собственности, превышающей указанные выше нормы, а также путем полного отчуждения всех имений, не эксплуатируемых их собственниками. За отчужденную землю уплачивается вознаграждение облигациями Земельного банка Болгарии по средним рыночным довоенным ценам, с понижением от 10—50%, в зависимости от размеров имения, начиная со 100 декаров. Тому же банку выплачивают стоимость распределяемой земли ее новые трудовые владельцы, а до полной выплаты банк выдает закладные. Вся реформа проводится системой земельных органов бюрократически-представительного характера. Устанавливается, наконец, система высоких штрафов, а также арестов, за нарушение закона или дурное его выполнение как со стороны населения, так и со стороны проводящих законы органов власти.

Австрия. Федеральный закон от 26 апр. 1921 г. допускает и регламентирует выкуп арендованных земель. Право выкупа предоставляется арендатору при условии непрерывной с 1 янв. 1880 г., эксплуатации земли,

площадь которой не превышает установленной законом нормы, притом лишь в тех случаях, когда вместе с фермером проживает его семья и произведенная им обработка служит улучшению почвы.

Нормальным землевладением считается такое, размер которого в 6 раз более площади, необходимой для пропитания семьи, состоящей из 7 человек. Соответствующим инстанциям (земельным комиссиям) поручается достижение соглашения относительно условий выкупа между сторонами; при отсутствии добровольного соглашения производится принудительный выкуп по заявлению арендатора, при чем окончательное решение выносит земельная комиссия. Выкупная цена исчисляется в соответствии с рентой, приносимой землей в течение последних лет.

Другой австрийский закон от 25 ноября 1921 г. касается внутренней колонизации, объединяя установления закона от 31 мая 1919 г. с изменениями, предписанными законом от 15 июля 1921 г. В целях восстановления собственности крестьян, коммуны и профессиональные объединения земледельцев составляют списки земель, принадлежавших до 1 янв. 1870 г. крестьянам и к моменту издания закона служивших предметом спекуляции, мест охоты или увеселений, либо отошедших в состав владения, размером превосходящего установленные законом границы.

Списки эти подлежат опубликованию, и лица, непосредственно занятые обработкой земли, австрийские праждане, не обладающие количеством земли достаточным для пропитания их семьи, а также кооперативы и публично-правовые органы получают право требовать их принудительного выкупа. При наличии нескольких кандидатов предпочтение отдается тому, кто представит наиболее солидные гарантии достаточной культурной обработки.

За основу цены принимается рента 1914—1921 гг., с таким, однако, расчетом, чтобы цена, не служа обогащению покупателя за счет экспроприруемого, в то же время допускала бы

восстановительную эксплуатацию приоб­ретаемого участка.

Венгрия (ср. IX, статист. обзор Венгрии). Закон 7/ХП—1920 г. носит название «закона о более справедливом распределении земле­владения». Он стремится оказать содействие приобретению земли тем, кто «способен и склонен к тща­тельной и усердной обработке зем­ли, но при теперешних условиях без своей вины не может получить досту­па к земле». К числу таких лиц закон, в первую очередь, относит награжден­ных медалями за храбрость и инвали­дов войны, вдов и выросших сирот. За­тем следуют занимающиеся сельским хозяйством безземельные, карликовые и мелкие земледельцы, безземель­ные служащие, мелкие торговцы и ра­бочие, ушедшие без своей вины в от­ставку чиновники и солдаты, общины, нуждающиеся в дополнительной паст­бищной земле, и образцовые карлико­вые и мелкие хозяйства. Большинство из перечисленных лиц имеют право на приобретение только строительного участка в 600 квадратных клафтеров или парцеллы, не более 1—3 юхов (1 юх=0,575 гектар.). Только занимаю­щиеся лично сельским хозяйством кар­ликовые и мелкие земледельцы, при наличии достаточных средств и сил, могут рассчитывать на приобретение участков, равных по размерам обыкно­му местному мелкому владению, и, во всяком случае, не свыше 15 юхов. В исключительных случаях, достойным мелким земледельцам и дипломиро­ванным сельским хозяевам может быть уступлена и большая площадь. Среди причин, лишających права на приобретение земли по этому закону, кроме обычных указаний на не венгер­ское подданство, слабоумие и т. д., на­ходятся еще ссылки на лишение поли­тических прав, антигосударственные преступления и участие в революци­онном движении.

Правомочные лица могут приобре­тать землю в качестве рентных владе­ний или семейной собственности. Рен­та может выплачиваться как государ­ству, так и бывшему собственнику. По желанию владельца она может быть

выкуплена после предупреждения за 6 месяцев и с капитализацией из 5%, если не условлено иначе. Постановле­ния закона относительно семейной соб­ственности содержат обычные предпи­сания об ограничении задолженности, единонаследия, правилах оценки и вы­платы долей сонаследникам. Подчине­ние участка правилам об охране се­мейной собственности вполне факультативно, за исключением мелких участ­ков, на льготных условиях передавае­мых земельным судом награжденным медалями за храбрость, инвалидам войны, вдовам и сиротам.

Спрос на землю, пред'являемый пе­речисленными в законе лицами, удо­влетворяется государством, как из соб­ственного колонизационного фонда, так и за счет частновладельческих земель. По отношению к последним закон пре­доставляет государству право преимущ­ественной покупки и принудитель­ного выкупа.

Право преимущественной покупки распространяется на все случаи до­вольного отчуждения имений свыше 50 кадастровых юхов, за исключением перехода собственности между бли­зкими родственниками и с некоторыми другими, менее значительными из­'ятиями. Земля остается за государ­ством на тех условиях, какие были вы­работаны договором о частной прода­же, если только эти условия не пока­жутся преувеличенными, после чего в конечном счете вопрос о цене решает­ся земельным судом.

Вопрос о порядке принудительного выкупа особенно подробно рассмат­ривается в законе. Выкуп государство применяет только в тех случаях и в тех районах, когда право преимущест­венной покупки оказывается недостаточ­ным, чтобы удовлетворить потребность в земле для общепользовных целей. В первую очередь выкупу могут быть подвергнуты земли, переходившие в другие руки после 28 июля 1914 г., при­надлежащие предприятиям и союзам обязанным публичной отчетностью, лицам, совершившим государственные преступления или осужденным за де­зертирство. Во вторую очередь следует частичный или полный выкуп имений,

менявших хоть раз собственника в течение 50 лет до 28 июля 1914 г. Длинный ряд ограничений суживает право государства на выкуп земель. Так, оно не осуществляется в случае перехода земли между близкими родственниками, если отчуждаемая у собственника часть владения лишает остаток земель хозяйственной рациональности, если имение отнесено к разряду мелких или средних и т. д. Земельный собственник имеет право, далее, сохранить за собой целый ряд частей своего имения, находящихся под садом, виноградниками, промышленными заведениями и т. п. Наконец, вопрос о выкупе может быть вообще поднят и решен только в течение 5 лет со дня опубликования закона.

Что касается цены, выплачиваемой за отчуждаемую землю собственнику, то она определяется законами, как «полная ценность» земельного участка к моменту отчуждения. В случае недостижения прямого соглашения, размеры вознаграждения определяют судом.

Для проведения в жизнь аграрной реформы учрежден особый земельный суд с пожизненно назначенным главой государства президентом и 36 членами, избираемыми из числа судебных деятелей и членов сельско-хозяйственных палат, а также представителей кредитных учреждений и заинтересованных министерств. За несоблюдение предписаний закона установлены довольно высокие штрафы (до 50.000 кр.) и арест до 6 месяцев. Закон вступил в силу с момента его опубликования.

Юго-Славия. 25 февр. 1919 г. издан указ, проводящий в жизнь радикальную аграрную реформу. Указ отменяет сохранявшееся до последнего времени крепостное право и другие остатки феодальных отношений, провозглашает принцип отчуждения крупных землевладений, раздела помещиц между беднейшим крестьянством и уничтожения в крупных имениях договоров на обработку земли исполту. Действие указа является обязательным впредь до выработки окончательного плана внутренней колонизации. Все мероприятия правительства, ка-

сающиеся аграрной реформы, санкционированы парламентом. Конституция Юго-Славии от 28 июня 1921 г., не отменяя указа от 25 февр., посвящает аграрной реформе две статьи. Здесь особо подчеркивается безвозмездность отчуждения земель, принадлежавших династиям иностранных государств, или переданных владельцу распоряжениями иностранных властей. Поселенцам гарантируется снабжение их орудиями производства. Преимущества при разделе земель предоставляются солдатам, сражавшимся за освобождение родины и их семьям. Будущий закон, издания которого требует конституция, должен определять максимум площади землевладения и случаи, когда минимум земли не может быть отчужден.

Греция. Общирный закон от 9 авг. 1922 г. следующим образом разрешает вопрос о внутренней колонизации страны. После тщательного изучения аграрных отношений в каждом районе, для удовлетворения действительной земельной нужды арендаторов-крестьян, специальным для каждого случая декретом, производится принудительное отчуждение земель, принадлежащих местным крупным землевладельцам. В первую очередь при этом подвергаются полному или частичному отчуждению имения, обрабатываемые исполту, с оставлением владельцу не более 200 стремм земли (1 стремма = 0,1 гектара). В эксплуатируемых за свой счет имениях норма оставления повышается до 1.000 стремм. Декреты с перечнем подлежащих отчуждению владений должны быть опубликованы в течение года после издания закона для Старой Греции и не позже конца 1925 г. для вновь присоединенных районов. Оценка отчуждаемых владений производится с учетом всех факторов стоимости имения, включая послевоенное повышение цен, которое не должно, однако, превосходить 20—40% средней пятилетней цены до 1914 г. Владелец получает на руки $\frac{1}{4}$ причитающейся суммы в наличными и $\frac{3}{4}$ процентными облигациями. При желании ему может быть предоставлен в другом районе участок земли, равный отчужденному, с опла-

той его стоимости деньгами или полученными за свою землю облигациями. Право на наделение землей из отчужденных фондов имеют в первую очередь семьи, обрабатывавшие их исполу, затем также соседние малоземельные и безземельные крестьяне и участники войны. Земледелец, обладающий плугом и парой рабочего скота, получает полный участок в размере 160 стремм, при одном рабочем и животном размеры землепользования сокращаются вдвое, безлошадные получают одну четверть участка. Только отлучившиеся на войну хрибностью могут просить о бесплатном наделении их землей в присоединенных новых районах. Остальные претенденты на отчужденную землю уплачивают государству полную стоимость участка путем ежегодных, в продолжение 30 лет, натуральных взносов. Просрочка двух взносов влечет продажу участка с торгов. Полученный участок должен обрабатываться лично владельцем и его семьей. Сдача в аренду допускается лишь в исключительных случаях.

Финляндия. Земельное законодательство новейшего времени началось здесь изданием законов от 15 окт. 1918 г., 10 июля 1919 г. и 11 июля 1920 г., установивших право и порядок выкупа в собственность арендуемых земельных участков. Закон 30 марта 1922 г. распространил право выкупа и на сдаваемые в аренду участки государственной земли, размером свыше 20 гект. удобной площади. Два других закона, касающихся земельного вопроса, изданы 20 и 29 мая 1922 г. Первый из них устанавливает порядок колонизации государственных лесов и находящихся в них сенокосных участков. Каждый год колонизационный департамент публикует во всеобщее сведение список участков, подлежащих колонизации. Всякий гражданин имеет право подать прошение о наделении его участком, достаточным по величине для существования вместе с семьей. Если спрос на участки превышает предложение, предпочтение отдается местным жителям, а среди них финляндским гражданам, могущим доказать, что они действительно желают поселиться на

участке и возделывать его, а также, что они обладают для этого достаточными знаниями и качествами. Участки передаются колонистам на правах собственности, устанавливаемой с момента регистрации участка в земельных книгах. Оценка участка производится по совокупной стоимости отдельных, входящих в его состав, угодий с таким расчетом, чтобы общая сумма не вышла за пределы местной рыночной цены на землю. Из стоимости участка в течение первых десяти лет вычитается стоимость очищенной от леса силами колониста площади. К числу дополнительных льгот относится еще освобождение от налога на 10 лет и получение строевого леса для возведения построек за половину рыночной цены. Плата за участок начинает вноситься также только через 10 лет, причем следующие 10 лет выплачивается лишь 4% годовых на стоимость участка. Через 20 лет начинается погашение капитальной суммы, при чем уплата первой половины ее может продолжаться 28 лет, а второй еще 5 лет. По желанию колониста сроки расчета могут быть и сокращены до любых пределов. Для приведения участка в культурное состояние колонисты могут получить также низкопроцентную ссуду.

Второй закон 1922 г. регулирует вопрос о правовой природе как выкупленных в собственность арендованных, так и полученных из колонизационного фонда участков. Владельцам последних предоставляется право ходатайствовать о превращении своих участков в семейную собственность, приобретающую в таком случае обычные свойства: недробности (без разрешения колонизационных властей) и неотчуждаемости за долги и налоговые недоимки. Собственнику не возбраняется, однако, продавать целиком свое владение, за государством или коммунаой сохраняется только право преимущественной покупки.

Румыния. Румынский аграрный закон от 31/X 1921 г. для Трансильвании, Баната, Мармораша и Крейша, с некоторыми изменениями распространенный и на другие части государства, сводится к следующему. Его офици-

ально формулированная цель—увеличение и дополнение крестьянского землевладения, а также коммунальных пастбищ и лесов, содействие развитию национальной промышленности, путем предоставления ей недостающей земли, облегчение жилищных условий городских рабочих и служащих, путем предоставления им участков для застройки, удовлетворение общественных и культурно-просветительных потребностей в земле.

Земельный фонд для проведения реформы образуется путем систематического отчуждения казенных, частновладельческих и других имений, превышающих определенные размеры. При отчуждении соблюдаются следующие правила. Вся земля отчуждается у юридических лиц, преследующих публично-правовые цели (за некоторыми исключениями), у собственников, сдающих землю в аренду не менее пяти лет подряд, при условии застройки участков арендатором, и у собственников, находящихся за границей с 1 дек. 1918 г. (в том случае, если владение превышает 50 йохов). Вся сельскохоз. пл. отчуждается у юридических лиц, преследующих частные интересы, у частных лиц, купивших землю между 1 авг. 1914 г. и 30 июля 1921 г. (за исключением сделок между близкими родственниками) и у других, менее важных категорий собственников. Наконец, вся сельскохоз. площадь, за вычетом определенных норм оставления, отчуждается у всех остальных категорий собственников. Нормы оставления меняются в зависимости от гористого, холмистого или равнинного характера местности. Они соответственно составляют 50—100 йохов для сданных в аренду на 1 мая 1921 г. владений и 50—100—200 йохов для имений, ведущихся за свой счет. В равнинных местностях норма оставления может быть поднята до 300 и даже 500 йохов, в зависимости от степени удовлетворения потребности в земле. Нормы оставления могут быть понижены в тех случаях, когда земли не хватает для наделения 3-х первых категорий аспирантов. Кроме создания фонда сельскохозяйственной площади,

закон предусматривает образования лугового и лесного фондов, для расширения общинных пастбищ и создания общинных лесов. Необходимые для этих целей угодья черпаются во-1-х, из состава целиком отчуждаемых владений и во-2-х, из дополнительно отчуждаемых частей имений, полной экспроприации не подлежащих. В последнем случае нормы оставления лугов определяются в зависимости от размеров скотовладения собственника и не могут быть ниже 50 йохов, нормы отчуждения лесов могут спускаться до 100 йохов в равнинах и холмистых районах и до 200 йохов в горах.

Цена за отчуждаемые земли и угодья определяется местными земельными органами и во второй инстанции апелляционным судом. Для ее определения привлекаются разные элементы: продажные и арендные цены, оценка кредитных учреждений и т. д. Во всяком случае, цена не может быть выше, чем в 1913 г. Расплата с собственниками производится наличными или по номинальной цене 5% рентными обязательствами с 50-летней амортизацией.

Распределение полученных путем отчуждения земельных фондов производится по следующим правилам. Луга и леса отводятся в общинную собственность по нормам: луга—в соответствии с числом семейств и наличностью скота в общине, но не свыше 10—5—2 йохов на семью, в зависимости от горного, холмистого или равнинного характера местности, с повышением нормы вдвое при исключительном занятии скотоводством; леса—не свыше 3—5—7 йохов на семью, в зависимости от убывающего значения земледелия и повышающегося значения кустарной лесной промышленности. Для распределения пахотной земли устанавливаются 9 категорий, имеющих право на наделение, в зависимости от комбинации следующих признаков: участие в войне, семейное положение, пригодность к сельскохозяйственному труду, безземельность, близость к отчуждаемым участкам. В первую категорию, таким образом, попадают главы батраческих семейств, работавших на отчуждаемых землях, сде-

лавшиеся инвалидами войны, но способные к обработке земли, главы семей из своей деревни, участники и инвалиды войны, добровольцы, потомки павших на войне и т. д.; в одну из последних (VII) категорий попадают неженатые взрослые мужчины из своей общины, не несшие военной службы. Каждая следующая категория наделяется землей после полного удовлетворения предыдущей. Нормой наделения считается 7 йохов, при чем имеющим уже часть этой площади отводится только недостающее количество земли. При недостаточности фонда в общине норма может быть понижена, но участки не могут быть сделаны мельче 1 йоха. С другой стороны, в случае излишков фонда, могут быть образуемы: показательные хозяйства до 5 йохов, хозяйства для почты и жандармерии в тех же размерах, средние хозяйства до 50 йохов, продаваемые по преимуществу образованным и опытным хозяевам.

Отводимые населению участки продаются в собственность, при чем цена определяется с таким расчетом, чтобы она покрыла выкупные платежи и все издержки по отчуждению земель. С другой стороны, государство вносит половину причитающейся с покупателей участков суммы. Исключение составляют луга и леса, оплачиваемые общинами полностью. Причитающиеся с наделяемых суммы вносятся полностью, по частям или годичными взносами в земельный банк.

Ограничения и условия пользования приобретенными участками заключаются в запрещении продажи в течение 5 лет, в запрещении продажи по частям до полной выплаты стоимости государству, в обязательстве продавать участки лично хозяйствующим румынским земледельцам, в праве объявить неделимыми владения до 50 йохов, с обычными, вытекающими отсюда условиями единонаследия, в праве государственного надзора, наконец, за ведением хозяйства, в форме издания разных постановлений об организационном плане, обязательных товариществах и т. п.

Вся аграрная реформа проводится в жизнь земельным комитетом, состоя-

щим при министерстве земледелия и составленным из юристов, ученых сельских хозяев и экономистов. На местах от земельного комитета ответвляется двойная система двухстепенных органов по отчуждению и распределению земель. Финансовая сторона реформы осуществляется при содействии акционерного земельного банка, поднимающего свой капитал до 150 мил. лей.

Германия. Немецкое законодательство последних лет продолжает и расширяет политику внутренней колонизации, начатую в Германии еще задолго до мировой войны. Радикальные меры приняты только по отношению к фидеикомиссам, развитие которых шло в Пруссии таким темпом, что прозрело перевесить все успехи внутренней колонизации. Прусский закон от 10 мар. 1919 г. предлагает всем владельцам фидеикомиссов добровольно уничтожить заповедность до 1 сент. 1921 г., грозя в противном случае принудительно расторгнуть последнюю. Для разрушения заповедности лесов требуется, однако, согласие министров юстиции и земледелия.

Главным актом пореволюционного аграрного законодательства является, однако, общенеперский закон от 11 авг. 1919 г., принятый Веймарским Национальным Собранием, по проекту проф. Зеринга, выработанному еще в ноябре 1918 г., с целью обеспечения землей участников войны. Закон 1919 г. имеет целью создание новых колонизируемых участков и доведение существующих мелких хозяйств до размеров самостоятельных земледельческих предприятий. Выполнение этой задачи возлагается на систему колонизационных комиссий, облеченных значительными полномочиями. В качестве колонизационного фонда используются, в первую очередь, пустующие и болотистые земли, отчуждаемые по капитализированной доходности в неулучшенном состоянии. Затем предлагаются к покупке колонизационным комиссиям государственные домены, по мере истечения срока связанных с ними договоров и по ценам, не превышающим их капитализированной доходности. Наконец, комиссиям предоставляется право

преимущественной покупки по рыночным ценам частновладельческих имений, размером от 25 гект. и выше.

В целях более планомерного удовлетворения земельной нужды во всех районах, где по переписи 1907 г. крупные владения занимают более 10% сельскохозяйственной площади, учреждаются принудительные союзы землевладельцев. Эти союзы по требованию колонизационных комиссий обязаны представлять в их распоряжение необходимый запас земли, путем добровольной продажи комиссиям, как преимущественному покупателю, а в случае нужды — и путем применения принудительного отчуждения. Обязательства союзов падают, если в распоряжение колонизационных комиссий передана $\frac{1}{2}$ всей площади крупного землевладения в районе действия комиссий, или если оставшаяся у владельцев площадь составляет меньше 10% площади колонизационного округа. При покупке или принудительном отчуждении уплачиваются рыночные или «справедливые» цены, однако, без учета выгод, возникших вследствие войны. На союзы землевладельцев в известных пределах может быть также возложена обязанность по предоставлению необходимого арендного фонда для постоянных сельскохозяйственных и лесных рабочих.

Франция. Никаких крупных законов, изменяющих порядок земельных отношений, за последние годы издано не было. Закон от 4 мая 1918 г. имеет целью способствовать восстановлению хозяйства в районах военных действий. Всем лицам, пожелавшим приступить к обработке заброшенных участков и ферм, выдаются ссуды сроком на год, не превышающие 250 фр. на гектар заброшенного участка и 1.000 фр. на 1 гектар эксплуатируемой фермы. Для округов, подвергавшихся военному нашествию, ссуды соответственно увеличиваются до 500 и 2.000 фр. на гектар. В дальнейшем размер ежегодно возобновляемой ссуды уменьшается на $\frac{1}{5}$ первоначально выданной суммы.

Закон от 9 апр. 1918 г. о приобретении мелких участков пенсионерами-инвалидами войны и лицами, пострада-

вшими от военных действий, устанавливает для этой категории лиц право пользоваться льготным ипотечным кредитом сроком на 25 лет с уплатой 1% по ссуде. Кредит имеет целью облегчить приобретение, оборудование и восстановление мелких участков, цена которых не превышает 10.000 фр., безотносительно к площади участка. При неуплате заемщиком установленного ежегодного взноса, кредитное общество или компания, получают право взыскания лишь $\frac{1}{5}$ годового взноса из пенсий, получаемой заемщиком, причем $\frac{1}{2}$ пенсии, а также и суммы, равная 360 фр. являются неприкосновенными. Кредитные общества и компании, в свою очередь, кредитуются в целях выплаты указанных ссуд у государства из сумм, предназначенных на долгосрочный сельскохозяйственный индивидуальный кредит.

Закон от 31 окт. 1919 г. уполномочивает департаменты и коммуны на приобретение пахотной земли и ферм в целях облегчения приобретения мелкой собственности землевладельцам и несостоятельным лицам, при том обязательном условии, чтобы земельная площадь дома с садом, предназначенного для одной семьи, не превышала 10 ар., и стоимость с. - х. фермы, независимо от размеров участка, не превышала 10.000 фр. Закон от 26 февр. 1921 г. разрешает 2% или $1\frac{1}{2}$ % государственную целевую ссуду покупателям жилых строений и мелких участков для личной эксплуатации или сдачи в наем. Размер ссуды, выдаваемой на срок до 40 лет, не превышает 60% себестоимости недвижимости. Закон от 19 апр. 1921 г. поощряет покупку, обработку, эксплуатацию и восстановление мелких земельных хозяйств, стоимость которых не превышает 40.000 фр. Общества ипотечного кредита получают право выдачи владельцам или арендаторам ссуд, не превышающих $\frac{4}{5}$ стоимости недвижимости.

Италия. Законодательство направлено, главным образом, на обеспечение земель демобилизованных участников войны. Заботы о предоставлении им льгот по приобретению земельных участков возложены на сельскохозяйственную секцию «Общества Нацио-

нальной Помощи Солдатам и Морякам». Последнему предоставлено право временного изъятия у владельцев необрабатываемых земель или нехозяйственных эксплуатируемых участков, для передачи их во временное же пользование демобилизованным. Право приобретения обрабатываемого участка в полную собственность обеспечивается лицам, проявившим наибольшее старание и способности при временном их использовании. Кодификационный декрет от 15 дек. 1921 г. предоставляет префекту полномочия, по надлежалцему заключению местных провинциальных комиссий, совместно с финансовым инспектором, распорядиться о временном изъятии от владельца необрабатываемых земель или недостаточно интенсивно эксплуатируемых участков. Изъятие производится для немедленной передачи участков в эксплуатацию земельным кооперативам, предоставляющим достаточные денежные и технические гарантии должного использования земли. Размер платежей, вносимых кооперативом владельцу, устанавливается местной комиссией.

Англия. Новейшее законодательство шло здесь в двух направлениях. Во-первых, производилось расширение политики внутренней колонизации, введенной в систему Small Holdings Act'ом от 1908 г. С этой целью в 1916 г. был издан закон, уполномочивавший министерство земледелия приобрести путем добровольной покупки и, если требуется, при помощи принудительного отчуждения 6.000 акров земли и устроить на них оборудованные достройками колонии для возвратившихся с войны солдат и моряков. Желающим получить участок, предлагалось подавать заявление, при чем, если, после личной явки, они признавались годными в качестве колонистов, им разрешалось служить в колонии первый год за твердую заработную плату, а затем вступить во владение участком. Через 2 года по истечении права на приобретение или аренду 6.000 акров, законом 1918 г. министерству было разрешено приобрести тем же путем еще 60.000 акров для целей внутренней колонизации. Еще один закон

1919 г. упростил и облегчил порядок приобретения, снятия в аренду или принудительного выкупа крупных владений, предназначенных для раздробления на участки. Наконец, обширный закон о сельскохозяйственных участках от 7 июня 1923 г. кодифицировал, сократил и дополнил разнородное и разновременное законодательство о мелком землевладении. На 1 янв. 1921 г. всего числилось в Англии и Уэльсе 1.330.000 мелких пользователей, занимавших в общей сложности свыше 165.000 акров земли.

Другой путь английской земельной реформы заключался в упрощении чрезвычайно сложного и запутанного земельного права. Закон 29 июня 1922 г. преобразует все правовые основы недвижимой собственности в Англии. Прежде всего, он уничтожает разные правовые титулы землевладения феодального происхождения. На местах ставится только две формы пользования землей: на правах чистой собственности или аренды. Далее, закон упрощает порядок перехода земельной собственности, сопряженный до того с чрезвычайно сложными формальностями. Реформируется также залоговое право в духе обычных типов его в других странах и с упрощением своеобразных английских оттенков. Наконец, усиливается право вмешательства административных властей в порядок перехода из рук в руки заповедных имений.

7. Результаты описанного выше аграрного законодательства европейских стран установить пока довольно трудно. Во многих случаях новые законы существуют всего 2—3 года и влияние их на аграрный строй не успело просто сказаться. Относительно других государств, приступивших к земельной реформе непосредственно вслед за окончанием мировой войны, имеются уже кое-какие сведения, позволяющие судить, по крайней мере, о количественных изменениях в земельных отношениях, явившихся результатом нового законодательства.

В Чехо-Словакии, в итоге пятилетнего действия закона о земельной реформе, к концу 1924 г. получают

землю около 400.000 семейств, что составляет 16% всего занятого в сельском хозяйстве населения. Две трети распределенной площади досталось безземельным и малоземельным крестьянам, владевшим ранее не больше, как 5 гект. земли. На оставшейся от распределения площади образовано 820 имений для эксплуатации в интересах сельского хозяйства или сельскохозяйственной промышленности. Кроме того, около 5.000 гект. отдано в распоряжение 67 кооперативных товариществ, среди которых 32 основаны исключительно служащими экспроприированных владений. Около 2.000 гект. отдано, кроме того, общинам, образованным новыми поселенцами. Главным препятствием для внутренней колонизации считается строительный кризис.

В Румынии, по данным, относящимся к 1923 г., ход аграрной реформы рисуется след. таблицей:

	Прежняя Румыния.	Бессарабия.	Трансильвания.	Буковина.
Число имений, подлежащих экспропр.	4.757	4.258	3.336	750
Площадь этих имений в гектарах	3.767.848	1.785.953	1.105.215	—
Экспроприированная площадь . . .	2.519.114	1.260.770	650.095	55.110
Площадь распределенная в индивид. польз.	1.204.352	914.029	9.421	2.376
Чис. крестьян, получ. участки . .	363.840	282.311	5.907	2.602

По трем главным частям государства фактически экспроприировано, таким образом, около 2/3 подлежащей экспроприации площади и около половины полученной государством земли передано новым владельцам. Всего наделено землей 654.660 крестьян, при чем средняя норма наделения равна, приблизительно, 3 гектарам. Следует заметить, что к распределению экспроприированной земли в индивидуальную собственность приступлено фактически только в 1921 г., до тех же пор отобранные земли эксплуатировались крестьянскими обществами и кооперативами арендаторов. Что касается оценки экономических результатов реформы, то, по мнению директора статисти-

ческого департамента министерства земледелия Ионеско-Снестя, производство и вывоз не упали от перехода земли к мелкому крестьянству. Зато восстановление разрушенных войной районов произошло быстрее, чем при режиме крупной собственности. Скотоводство, сократившееся в старой Румынии за время войны и оккупации на 600.000 лошадей и 1.175.000 голов рогатого скота, теперь достигло довоенного уровня. Уровень благосостояния в деревнях поднимается, о чем свидетельствуют оживленная строительная деятельность и повышенное потребление со стороны сельского населения. Не находятся в скверном положении и бывшие собственники отобранных имений. На оставленных им владениях, площадью в 100—500 гектаров, они при помощи выкупных сумм заводят более интенсивное и культурное хозяйство.

В Юго-Славии результаты реформы представляются в следующем виде: в Боснии и Герцеговине государство выкупило за 250 млн. динар. около 925 тыс. гект. земли. По данным министерства аграрной реформы в Словении, Кroatии, Воеводине и Македонии отчуждено всего около 577 тыс. гект., которыми наделено 210 тыс. семейств, или, приблизительно, 1 млн. жителей. От крепостной зависимости освобождено несколько сот тысяч семейств.

В Польше состояние земельных отношений рисуется в следующем виде. Общая площадь земельных угодий Польши, в ее новых границах, равна 36 милл. гект. (в том числе 17,7 милл. гект. пахотн. земли, 6,2 милл. гект. лугов и пастбищ и 8,9 милл. гект. леса). Распределение в Польше частного землевладения до аграрной реформы по размерам было следующее: мелких участков площадью менее 5 гект. насчитывалось около 2.032 тыс., что составляет в итоге около 6 милл. гект.; участки величиною в 5—20 гект. занимали пространство равное 6,9 милл. гект.; мелкие владения в 20—100 гект.—около 400 тыс. гект.; владения размером в 100—500 гект.—около 2 милл. гект.; наконец, на долю крупных частных владений площадью от 500 гект. и выше,

а следовательно, безусловно подлежащих parcelляции, приходилось 7 млн. гект., т. е. около 20% всей площади земельных угодий Польши. Крупные хозяйства (свыше 100 гект.) расположены преимущественно в Восточной Галиции, где составляют около 37% всей территории, в восточной части бывшей русской Польши (42% всей территории) и в бывшей Прусской Польше (40% территории). В остальных районах преобладают участки средней величины (Северная Польша) и мелкие.

По официальному отчету за 1919—22 г. «Главного Земельного Комитета», parcelляционный фонд, образованный из земель, намеченных к распределению, составил всего 966 тыс. гект. Отсюда за отчетный период фактически распределено 369 тыс. гект., причем parcelляция 36% этого количества была произведена земельными комиссиями, 36,5% — правительством и остальные 27,5% — частными лицами. Parcelляция выполнена, таким образом, за отчетный период, лишь на $\frac{1}{2}$ против намеченного плана. До 1923 г. правительственная parcelляция производилась преимущественно на территории бывш. русской Польши и центральной Литвы, и, в особенности, на территории бывших Прусских владений. В 1923 году parcelляция в бывш. русской Польше прекращена, так как государственные земли розданы. Средняя площадь распределенных участков колеблется в пределах 5—15 гект., большая часть их совершенно не оборудована, почему покупщику необходимы средства для минимальной застройки и обзаведения инвентарем.

Parcelляция в бывших прусских провинциях производится частными лицами и происходит крайне медленно за отсутствием земельного кредита. При частной parcelляции покупка земель производится, главным образом, мелкими собственниками, округляющими свои владения.

На 45,8 тыс. зарегистрированных за 1919—22 г. на всей территории Польши покупателей приходится 2,6 тыс. владельцев участков средней величины, 26 тыс. мелких собственников, 169 тыс. безземельных крестьян, 3 тыс.

бывших сельскохозяйственных рабочих, 2,1 тыс. инвалидов и солдат и 1,2 тыс. не земледельцев.

В виду недостаточного быстрого темпа parcelляции земель при существующем порядке распределения, возник ряд новых проектов. Из них наиболее популярен проект, устанавливающий минимум ежегодной parcelляции 220 тыс. гектаров; при этом принудительная parcelляция при помощи официальных органов производится лишь при отсутствии добровольного проведения parcelляции в этих размерах частными лицами. Проект стремится, таким образом, развить в деле parcelлирования частную инициативу, свести роль официальных органов до минимума.

В Литве, несмотря на позднее издание закона, за первый же год его действия достигнуты некоторые успехи. В 1923 году распределено 179.572 гект. и на этой площади образовано 11.581 хозяйств. Из крупных поместий взято в том числе 105.754 гект. и оставлено бывшим владельцам 8.106 гект. Из 10.666 лиц, получивших 80.265 гект., почти половина, а именно 5.121 лицо, получили землю в дополнение к прежнему владению, а 5.481 лицо, в том числе 3.555 солдат, относились к разряду безземельных. Из состава раздробленных имений в распоряжение государства остались 12.456 гект. для удовлетворения земельной нужды школ, опытных ферм и т. под., а также в качестве резервного фонда для новых запросов безземельных. В течение 1924 г. предполагено раздробить еще 172.500 гект., а всего с начала реформы будет распределено 516.899 гект. В том числе 282.000 будут взяты от частных собственников, общее число которых составляет 2.230 лиц и которым вообще принадлежит 649.169 гект. Предполагено закончить все дело перераспределения земельной собственности к концу 1926 г.

В Эстонии перед аграрной реформой из общей площади в 4.189.102 гект. 57,9% или 2.428.087 гект. было занято крупной собственностью. Остальная земля принадлежала 50.961 мелким

хозяйствам со средней площадью в 34,1 гект. Согласно закону 1919 г. экспроприровано 2.346.494 гектаров или 96,6% всей площади крупного землевладения. Из отчужденного количества частным лицам принадлежало 82,5%, государству — 10,2%, и остальная часть приходилась на долю разных учреждений. В настоящее время осталось не экспропрированными 47.726 гект., в том числе 31.140 гект., принадлежащих частным владельцам. Из экспропрированной площади 1.142.043 гект. или почти половина, состоящая из лесов и несельскохозяйственных угодий, осталось в распоряжении государства, 540.800 гект. отдало бывшим мелким арендаторам экспропрированных владений и 663.600 гектаров предназначено для parcelляции. За 3 года существования аграрного закона соотношение крупного и мелкого хозяйства на этой площади менялось след. обр.:

Г О Д Ы.	Мелкая собствен.	Крупная собствен.	В том чис. площадь, оставл. в управл. б. владельцев.
1920—21 . . .	253.600	410.100	268.400
1921—22 . . .	406.000	257.700	164.300
1922—23 . . .	455.600	208.100	128.300

Как видим, распределение земельной площади происходило в первые два года реформы несравненно быстрее, чем в последний. Общее число вновь созданных мелких хозяйств составило за 3 года 21.992. Большинство хозяйств имеет площадь в 16,4 гект.

8. На основании приведенных выше данных о нескольких странах трудно судить о полных результатах аграрной реформы. Последняя не осталась на бумаге, и в отдельных странах количественный эффект процесса перераспределения земельной собственности довольно велик. Одним из главных препятствий на этом пути является финансовый вопрос, особенно в тех случаях, когда государство приступает к массовой экспроприации частновладельческих земель. Другая причи-

на, замедляющая осуществление реформы, заключается в том, что, помимо того, не везде спрос на землю удержался на таком высоком уровне, как это предполагалось в момент принятия аграрных законов. Только в первые годы после заключения мира наблюдался сильный приток желающих получить землю из государственного фонда. По мере того, как восстанавливалась промышленная жизнь Европы, а с другой стороны, обнаруживалась низкая конъюнктура для сельского хозяйства под давлением заокеанской конкуренции, желание сесть на землю, естественно, ослабевало. Не случайно в тех странах, относительно которых имеются данные за несколько лет, мы наблюдаем, что темп развития аграрной реформы с течением времени не увеличивается, а ослабевает. Отрицательным моментом, наконец, является отсутствие капитала у новых поселенцев. Затруднения встречаются уже при возведении построек, не говоря о дальнейшем оборудовании хозяйства. Кредит, оказываемый в этих случаях государством, не всегда достаточен и не везде имеется. С другой стороны, закон нередко допускает наделение земель в первую очередь как раз таких категорий населения, которые меньше всего снабжены собственным капиталом. Социальные цели законодательства сталкиваются здесь с экономическими затруднениями, которые не везде оказываются легко преодолимыми. Дополнительное наделение существующих уже мелких хозяйств происходит поэтому легче и безболезненнее, чем создание новых поселенческих участков.

Кроме количественного эффекта перераспределения земельной собственности имеется еще качественная сторона дела. Земельная реформа в тех масштабах, в каких она намечена в большинстве стран, не может остаться без влияния на сельско-хозяйственную продукцию, внешнюю торговлю и весь ход народного хозяйства. По этому поводу, однако, рано иметь какое бы то ни было определенное мнение. Экономические последствия аграрных

реформ затеваются уже тем, что проведение их в жизнь совпадает с периодом восстановления и реорганизации хозяйства после тяжких потрясений военного времени. Влияние обеих причин трудно отграничить друг от друга, и противоположные суждения о последствиях аграрного законодательства основаны больше на предвзятых мнениях, чем на фактах. Нужен еще довольно долгий срок для того, чтобы последствия нового законодательства сказались в полной мере и чтобы можно было вынести справедливый приговор предпринятой реформе земельных отношений.

ЛИТЕРАТУРА. Основным источником сведений об аграрном вопросе в Европе могут служить ежегодники и периодические издания Международного Сельскохозяйственного Института в Риме, а именно: „Annuaire international de législation agricole“ за 1914—23 г.г.; „Bulletin mensuel des institutions économiques et sociales“ (или английское изд.: „International Review of Agricultural Economics“) до 1923 г., а затем заменивший его трехмес. „Revue internationale des institutions économiques et sociales“; „Annuaire international de statistique agricole“ за 1914—23 г.г. и ежемес. „Bulletin de statistique agricole et commerciale“. Кроме того можно назвать следующие, относящиеся по преимуществу к описанию новейшего законодательства, отдельные издания и статьи:

Mehrens, „D. internat. Landwirtschafts—Gesetzgebung d. Jahre 1919—21“, Berichte über Landwirtschaft B. I H. 2. Berlin; „Nouvelles législations agraires en Europe Centrale“ Revue internat. du travail, vol VI № 3 septembre, 1922 Gêneve; Gerhard Fenner u. von Loesch, „Die neuen Agrargesetze der Ost- und Südosteuropäischen Staaten“, Berl. 1923; Th. Niddleton, „Food production in War“, London 1923. Th. Brinkmann, H. Hagmann u. E. Lang, „Landwirtschaft und Geldentwertung“ Stutt. 1921; J. Hansen, „D. Leistungen v. Klein u. Grossbetrieb f. d. Kriegswirtschaft“, Berlin 1919; M. Sering, „Politik d. Verteilung u. Rechtsordnung d. Grundbesitzes auf d. Lande“. Handbuch d. Politik Bd. IV, Berlin 1921; Th. Brinkmann, „D. Förderung d. Landwirtschaftlichen Erzeugung“, Handb. d. Politik Bd. IV, Berlin 1921; F. Berkner, „D. Ernährungswirtschaft im Kriege, Landwirtschaftliche Jahrbücher Bd. LIV. H. 3; Sagave, „Preisentwicklung und wirtschaftliche Lage der deutschen Landwirtschaft in der Nachkriegszeit“, Berichte über Landwirtschaft Bd. I H. 2. Berlin; Kurt Ritter dr., „Deutschlands Wirtschaftslage und die Produktionssteigerung

der Landwirtschaft“. Landwirtschaftliche Jahrbücher Bd. 57, Berlin 1922; K. Kauts-у. „D. Sozialisierung d. Landwirtschaft“. Berlin 1919; E. David, „Sozialismus u. Landwirtschaft“, Berl., 1922; A. Skalweit, „Agrarpolitik“; H. Schullern-Schrattenhofen, „Agrarpolitik“. Jena, 1924. Foelkersahm H., „D. Entwicklung d. Agrarverfassung Liflands u. Kurlands und. d. Umwälzung der Agrarverfassung in der Republik Lettland“, 1923. D. H. Buchanan, „The rural economy of Japan“, Quarterly Journal of Economics Vol. 37, № 4 (1923); D. v. Sebess, „Die Agrarreform in Ungarn“, Budapest, 1921; E. Schaffnit, „Die Landwirtschaftlichen Verhältnisse Rumäniens“, Hannover, 1921; Evans, „The agrarian revolution in Roumania, 1924; Hollmann, „Die Agrarreform in Rumänien“, Berichte über Landwirtschaft, Bd I, H. 1, Berlin. V. J. Pettersson, „La formation des petites propriétés en Suède“, Revue Internationale des Institutions Économiques et sociales, № 2, Rome, 1924; Tobien, „Die Agrarrevolution in Estland“. Eesti Riikline Statistika I Tallinn, 1923, „The Economic Review“, October 17 and 31, 1924; E. Nourse, „American agriculture and the European market“. London. The journal of the Ministry of Agriculture, Dec., 1923; M. Nedelkovitch, „La réforme agraire en Yougoslavie“, Revue d'économie politique. № 1, Paris, 1924; Tektor L., „Landr form in Czecho-Slovakia“. Lond. 1923; Hollmann, „D. Bodenreform in der checho-slovakischen Republik“, Berichte für d. Landwirtschaft, Bd. I, H. 2. Berlin; Metzger, „Zur Landfrage in Finnland“, Berichte für die Landwirtschaft, Bd. I, H. 1, Berlin; Rocznik statystyki Rzeczypospolitej Polskiej. (Annuaire statistique de la République Polonaise) Rok wydania I—1920/22 Cręść II Warszawa 1923; Sprawozdanie z działalności głównego urzędu ziemskiego za okres od dnia stycznia 1921 r. do dnia 24 lipca 1923 r. Warszawa 1923; Z. Ludkiewicz, „La question agraire en Pologne“, Revue d'économie politique, № 6 Paris, 1923; I. Daszupska—Golinska, „La réforme agraire en Pologne“. Varsovie, 1921. На русском языке отдельные стороны затронуты в настоящей статье вопросов освещены в следующих изданиях: „Сборник статистич. сведений о современном экономическом положении важнейших иностранных государств“, изд. ЦСУ, 1922 г.; „Мировое сельское хозяйство“, изд. „Новая Деревня“, 1922 г.; Н. Д. Кондратьев, „Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны“ 1922 г., „Очерки по аграрному вопросу“ под ред. Е. Варга: т. 1, вып. 2 — Германия, вып. 3 — Франция, вып. 4 — Англия, вып. 5 — Италия и Румыния; журнал „На аграрном фронте“, изд. Ком. Акад.

Л. Литошенко.

Иллюстрированные и текстовые приложения, помещенные в XLVI томе.

Столб.

Наступление германских армий в авг. 1914 г.	32
Галицийская битва 23 авг.—11 сент. 1914 г.	33
Ивангород—Варшавская операция 1914 г.	64
Вторжение в Россию в 1915 г.	64
Лодзинская операция ноябрь 1914 г.	65
Наступление Юго-Зап. фронта 1916 г.	80
Западный фронт	80
Румынский фронт в 1916 г.	81
Техника в мировой войне. Иллюстриров. текстовое приложение	192

Пулемет Льюиса	1
Германский пулемет для стрельбы по самолетам	1/2
Германские тяжелый и легкий минометы	2/3
Орудие сверх-дальней стрельбы:	

Чертеж траектории	3
Разрез и общий вид тела	4
Чертеж снаряда	4
Перевозка орудия	5
Установка орудия	6
План Парижа с попаданиями снарядов	7,10

Участок фронта с лабиринтом окопов	8/9
Орудие для стрельбы по воздушным целям	10
Окопные перископы	11
Германский полевой перископ	11
Перископ подводных лодок	12
Окопы с козырьком	13
Разрез убежища от снарядов больших калибров	13
Наблюдательный пункт	14
Германские танки	14
Французские танки	15
Танк в разрезе	16

Крепости Германии	224
Укрепления сев. границ Франции	224
Укрепления западн. границ России	224
Крепость Новогеоргиевск	225
Укрепленный район верх. р. Мааса	240
Крепости Бельгии	240

	<i>Столб.</i>
Крепость Льеж	240
Крепость Намюр	240
Крепость Перемышль	240
Укрепленный район р. Мозель	241
Крепость Антверпен	256
Расположение англо-франц. и германских армий	256
Крепости Австрии	257
Крепость Париж	272
Общий вид креп. Освеен	272
Крепость Ивангород	273
Химическая война	384
Вид газовой атаки, снятой с аэроплана	1
Облако ядовитого дыма	1
Германский противогаз	2
Английский противогаз	2
Американский противогаз	2
Военные деятели эпохи мировой войны. Текстовое приложение	383

Замеченные опечатки.

<i>Столб.</i>	<i>Стр.</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует</i>
390	28 св.	$C_6H_5CNCHBr$	$C_6H_5CNCHBr$
390	3 сн.	$\left[\begin{array}{l} (CHCl:CH)AsCl. \\ (CHCl:CH)_2As \end{array} \right]$	$\left[\begin{array}{l} (CHCl:CH)AsCl \text{ и} \\ (CHCl:CH)_2AsCl \end{array} \right]$
391	18 св.	$(C_6H_5)_2AsCl$	$(C_6H_5)_2AsCl$
393	10 св.	ангидритом	ангидридом
549	16 св.	1817	1917